Книгоиздательство „СВОБОДНЫЙ ТРУДЪ“.
А. И. Жуковой и М. А. Полубояриновой.

Воспоминанія.

Вл. Дебогорія-Мокріевича.

Цѣна 1 р. 50 к.

С.-Петербургъ.
1906.

ВОСПОМИНАНІЯ

В. І. ДЕБОГОРІЯ-МОКРІЕВИЧА.

Книгоиздательство «Свободный Трудъ».
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Типографія Т-ва «НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА» Кол. 39.

Воспоминанія.

Глава I.

Гимназія.

Мнѣ было десять лѣтъ, когда опредѣлили меня въ первый классъ немировской гимназіи. Мѣстечко Немировъ, Каменецъ-Подольской губ., въ то время (это было въ 1858 г.) принадлежало графу Феликсу Потоцкому, извѣстному польскому магнату, на средства котораго была построена, между прочимъ, и наша гимназія. Небольшой городокъ, если память мнѣ не измѣняетъ, — не болѣе, чѣмъ въ пять тысячъ жителей — съ небольшими деревянными домиками, крытыми въ большинствѣ соломенными крышами, весь тонулъ въ зелени. Тѣнистыя, сиреневыя бесѣдки, ютившіяся въ глубинѣ садовъ, служили немировскимъ „паненкамъ" мѣстомъ для мечтаній, а гимназистамъ для зубристики во время экзаменовъ. Улицы — страшно-пыльныя лѣтомъ — осенью и весною покрывались глубочайшимъ слоемъ жидкой грязи, такъ хорошо вымѣшанной, что она представляла собою совершенно однородную сѣрую массу, которую мы, дѣти, называли «лавою», такъ какъ именно такого сѣраго вида представлялась нашему воображенію лава, вытекавшая при изверженіи Везувія. Когда мы шли по утрамъ въ гимназію или возвращались на обѣдъ домой, мы брели въ высокихъ сапогахъ срединами улицъ по самыя колѣни въ этой «лавѣ»; мы брели срединами улицъ, а не по краямъ, потому что по-

срединѣ было глубже: эти путешествія по «лавѣ» намъ очень нравились.

Графъ Потоцкій, состоявшій камергеромъ при царскомъ дворѣ, зимы проводилъ въ Петербургѣ, но на весну и на лѣто пріѣзжалъ въ Немировъ и тогда нерѣдко посѣщалъ гимназію (онъ былъ почетнымъ попечителемъ ея), о чемъ мы тотчасъ узнавали по сильному запаху пачули, распространявшемуся по корридорамъ зданія. Это былъ тогда уже довольно дряхлый старикъ—надушенный, накрашенный, со вставными зубами—и необыкновенно добрый человѣкъ, щедро жертвовавшій въ пользу гимназіи, въ которой, между прочимъ, содержалъ много своихъ стипендіатовъ. Его громадный паркъ и садъ возлѣ «палаца», красиваго зданія съ большимъ полукруглымъ крыльцомъ, подпертымъ колоннами и обращеннымъ къ парку, гдѣ по вечерамъ играла графская музыка, былъ любимымъ мѣстомъ прогулокъ для немировской публики; густыя заросли и зеленыя лужайки парка по всѣмъ направленіямъ перерѣзывались аллеями, усыпанными пескомъ. Мы же, гимназисты, въ этомъ саду находили бездну развлеченій: для насъ были построены качели, гигантскіе шаги; надъ землею растянуты были сѣти, по которымъ мы прыгали, какъ обезьяны.

Потоцкій часто давалъ вечера, на которые приглашалъ немировскую публику, и, какъ чистокровный полякъ, несмотря на свою дряхлость, любилъ пройтись въ «мазурѣ». Разсказывали, что, идя въ первой парѣ, при поворотѣ, онъ иногда останавливался и, испросивъ извиненія у дамы, нагибался, хваталъ рукою одну изъ своихъ ногъ ниже колѣна и ударялъ ею объ другую ногу; это должно было изображать поворотное па мазура, какъ извѣстно, одно изъ самыхъ живыхъ и энергичныхъ танцовальныхъ па. Старикъ при этомъ смѣялся; видимо, онъ любилъ пошутить самъ надъ своею дряхлостью.

Наша гимназія, довольно длинное, двухъэтажное, желтое зданіе, съ пристройками и дворомъ, занимала цѣлый кварталъ;

въ этомъ большомъ дворѣ, обнесенномъ высокою стѣною, во время перемѣнъ мы играли лѣтомъ въ мячъ, зимою—въ снѣжки и вообще предавались всевозможнаго вида спортамъ. Иногда устраивали между собою такіе жестокіе бои въ снѣжки, что учителя боялись носъ показать во дворъ.

Но и во время занятій въ классахъ мы не отличались примѣрнымъ поведеніемъ.

„Эй, вы, жуки-кашоѣды! .. Тише тамъ!... Замолчите!"... кричитъ, бывало, на насъ старикъ Волковскій, учитель ариѳметики, когда мы поднимали шумъ во время его урока.

Но мы не замолкали. Тогда терпѣніе его истощалось.

„Хх—а!... Тьф—у!"... плюнетъ, бывало, онъ, разотретъ ногою и встанетъ изъ-за каѳедры.

Если старикъ Волковскій сходилъ съ каѳедры не для того, чтобы объяснять урокъ возлѣ черной доски, то это былъ очень дурной знакъ. Шумъ въ классѣ мгновенно прекращался—воцарялась гробовая тишина. Круглая, невысокая фигура учителя ариѳметики съ кривыми крѣпкими ногами медленно двигалась сбоку нашихъ скамей, а мы въ эту минуту, затаивъ дыханіе и не смѣя пошевельнуться, ни живы—ни мертвы, ждали, надъ кѣмъ изъ насъ разразится гроза. Вдругъ на весь классъ раздавался лязгъ; мы быстро оборачивались и видѣли, какъ въ это мгновеніе голова одного изъ нашихъ товарищей, сильно мотнувшись впередъ, неистово стукалась лбомъ объ скамью; это старикъ Волковскій „далъ потылицу" чалуну.

Учитель Гипшманъ, преподававшій французскій и нѣмецкій языки, руками не дрался, а пускалъ въ ходъ линейку. Для отвѣта урока онъ вызывалъ обыкновенно по четыре ученика за разъ.

„Уксусъ?", спрашиваетъ Гипшманъ одного изъ четырехъ мальчиковъ, стоящихъ фронтомъ передъ каѳедрою въ формен-

ныхъ сюртучкахъ съ красными стоячими воротниками и мѣдными пуговицами.

„Скорѣй!... Скорѣй!“... торопитъ онъ. Гипшману зачѣмъ-то надо было непремѣнно переспросить всѣхъ насъ въ теченіе всякаго урока и потому онъ всегда страшно торопился.

„Ты!“... переходитъ онъ къ слѣдующему, если первый замѣшкался съ отвѣтомъ...

„Ты!.. Ты!“... перебираетъ онъ поочередно остальныхъ. „Держите лапы, канальи!“

„Эс—сигъ!“ цѣдитъ сквозь зубы Гипшманъ въ ту минуту, какъ его линейка со свистомъ опускается на вытянутую впередъ руку мальчика... «Эс—сигъ!»—повторяетъ онъ и сыплетъ удары по порядку—другому, третьему, четвертому...

Послѣ этого всѣ четверо возвращались на свои мѣста съ красными лицами, а вмѣсто нихъ немедленно становились передъ учителемъ четыре новыя жертвы съ блѣдными лицами.

Послѣ урока Гипшмана наши руки имѣли такой видъ, какъ будто мы играли мячемъ въ «стѣнку» или въ «кашу» —двѣ игры, при которыхъ мы, бывало, набивали другъ другу «лапы» до того, что потомъ долго не могли сгибать пальцевъ.

Совсѣмъ иначе велъ себя учитель русскаго языка Антониковскій. Прежде всего онъ никогда не садился за каѳедру и весь урокъ шатался по классу. Подойдетъ, бывало, къ скамьѣ, ткнетъ пальцемъ въ плечо или въ голову и проговоритъ сиплымъ голосомъ:

«А ну, ты,—читай!»

Начиналось чтеніе, насколько помню, по хрестоматіи Пѣнинскаго.

«Не такъ, ослиное ухо!... Прочти еще разъ послѣднюю фразу».

Въ классѣ, между тѣмъ, шумятъ.

«Эй, ты! Свиное рыло, сидящее въ четвертой скамьѣ!».

обращается Антониковскій къ шалуну, сидящему въ четвертой скамьѣ. «Повтори, что я сказалъ?»

Шалунъ, конечно, не можетъ повторить того, что онъ сказалъ, такъ какъ не слышалъ, о чемъ шла рѣчь.

«Ну, ты, плюгавая морда, сидящая рядомъ со свинымъ рыломъ, повтори, что я сказалъ?»

Но и „плюгавая морда", сидящая рядомъ со „свинымъ рыломъ", тоже не можетъ повторить.

«Продолжай, ослиное ухо!»—обращается Антониковскій послѣ нѣкоторой паузы къ первому ученику, стоящему въ скамьѣ съ развороченною хрестоматіей въ рукахъ.

Начиналось опять чтеніе, прерываемое время отъ времени вышеописаннымъ способомъ съ варіаціями лишь по части эпитетовъ, прилагаемыхъ къ тому, либо другому изъ насъ. Эпитеты эти Антониковскій, обладавшій неистощимой фантазіей по части изобрѣтенія ихъ, преподносилъ направо и налѣво не гнѣвнымъ, не раздражительнымъ, а совершенно спокойнымъ голосомъ, подобно тому, какъ старикъ Волковскій посылалъ намъ своихъ «жуковъ-кашоѣдовъ», или, вѣрнѣе, подобно поводырю медвѣдя, обращающемуся къ животному съ тѣмъ или инымъ приказомъ своимъ ровнымъ, тягучимъ, нѣсколько сиповатымъ голосомъ. Антониковскій не билъ ни по «лапамъ», ни въ потылицы, но когда выходилъ изъ терпѣнія, то обыкновенно хваталъ за ухо и очень сильно крутилъ.

Во время перемѣны, когда—какъ теперь гляжу—Черкасскій, маленькій, круглый, какъ пузырь, мальчикъ, вскочитъ, бывало, наверхъ на скамью и, топая ногами, изо всей силы закричатъ: „пере—мѣ—на—а!»... и мы всѣ, сколько насъ есть, съ гикомъ и ревомъ подхватываемъ на всевозможные голоса: «пе—ре—мѣ—на—а!», когда учитель, заткнувъ уши и пригнувшись до земли, опрометью выбѣгалъ изъ класса, —словомъ, когда шумъ у насъ достигалъ совершенно невѣроятныхъ размѣровъ, влетитъ, бывало, къ намъ, какъ бомба,

надзиратель Корсунъ и хватаетъ за чубъ перваго попавшагося ему подъ руки; чубы у насъ, согласно гимназическимъ правиламъ, были низко остриженные, но онъ все-таки ухитрялся за нихъ драть. Иногда, вмѣсто Корсуна, приходилъ для усмиренія другой надзиратель—Штейнъ; тогда картина мѣнялась: Штейнъ, всѣ движенія котораго носили печать какой-то необыкновенной важности, становился возлѣ двери и норовилъ всякому, пробѣгавшему изъ корридора въ классъ, дать попутнаго подзатыльника. Мы—подобно бѣгущимъ овцамъ—подпрыгивали у дверей, чтобы увильнуть отъ подзатыльника, и затѣмъ разбѣгались по классу—по своимъ мѣстамъ. «Цыбуля!.. Цыбуля!» слышался крикъ въ классѣ. Такъ прозывали Штейна за его круглые, какъ луковицы, выпученные глаза.

Наконецъ, по временамъ являлся къ намъ въ классъ инспекторъ Дельсаль въ сопровожденіи сторожа Осятовскаго, приносилъ съ собой пучекъ розогъ, ставилъ табуретку впереди скамеекъ, на свободномъ мѣстѣ, и принимался пороть шалуновъ.

Любопытно то, что изъ всѣхъ перечисленныхъ здѣсь лицъ, колотившихъ и ругавшихъ насъ, помимо развѣ Гипшмана, ни одного нельзя было назвать злымъ человѣкомъ; а старикъ Волковскій и Корсунъ были даже несомнѣнно добрые люди.

Такимъ образомъ, насъ били несомнѣнно «добрые» люди. Само собою разумѣется, отвѣчать побоями на побои мы не могли и свою обиду вымещали нашимъ врагамъ (какъ мы ихъ считали) другими способами. Съ истиннымъ наслажденіемъ устраивали мы имъ всевозможныя пакости и никогда не пропускали удобнаго для этого случая. Мы налѣпливали на потолокъ надъ каѳедрою снѣжки, которые, подтаявши потомъ во время урока, падали на голову Гипшмана; забирались въ садъ Антоновковскаго и стряхивали яблоки и т. п.

Реформа попечителя Пирогова, случившаяся на второй годъ послѣ моего поступленія въ гимназію, произвела полный

переворотъ въ нашей гимназической жизни. До сихъ поръ живо представляется мнѣ этотъ по виду невзрачный старичокъ—съ большою лысиною и нѣсколько косыми, строгими—какъ мнѣ показалось тогда—глазами. Онъ вошелъ въ нашъ классъ во время урока русскаго языка и, сѣвши въ кресло, принесенное нарочно для него, просидѣлъ до конца урока молча. Но надо было видѣть, что происходило въ это время съ нашимъ Антониковскимъ! Онъ не въ состояніи былъ произнести ни одного слова твердо и отчетливо и сталъ заикаться.—«Го-го-сподинъ Якубце!» вызвалъ Антониковскій одного изъ учениковъ для отвѣта.

Антониковскій спутался: привыкши для забавы Якова Максіановича называть «Якубцей» (отъ Яковъ—уменьшительно Якубце)—теперь въ присутствіи попечителя онъ не могъ вспомнить сразу фамиліи Максіановича.

«Господинъ Якубце Максіановичъ!», поправился бѣдный Антониковскій. Пироговъ не пошевельнулся; съ тѣмъ же строгимъ выраженіемъ смотрѣли его нѣсколько косые глаза. Но мы, дѣти, буквально ликовали въ ту минуту, глядя на нашего растерявшагося учителя.

Такъ сразу, съ одного маха, исчезло изъ употребленія въ нашей гимназіи и «свиное рыло», и «ослиное ухо», и даже личное мѣстоименіе «ты», замѣнившееся словомъ «господинъ». Я не упоминаю о розгахъ, которыя, разъ были выведены Пироговымъ изъ употребленія, никогда потомъ не возобновлялись, хотя послѣ Пирогова слѣдующій попечитель—если память мнѣ не измѣняетъ, баронъ Николаи—одно время и пытался было воротиться къ нимъ....

Не могу обойти молчаніемъ слѣдующаго печальнаго недоразумѣнія: у многихъ изъ насъ, русскихъ, съ именемъ Пирогова связалось представленіе, чуть ли не скорѣе какъ съ защитникомъ розогъ, чѣмъ ихъ искоренителемъ, благодаря полемикѣ Добролюбова, горячо напавшаго тогда на Пирогова.

за то, что онъ въ изданныхъ имъ правилахъ оставилъ наказаніе розгами въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такъ, насколько припоминаю, розги допускались въ случаѣ воровства, совершеннаго кѣмъ-либо изъ учениковъ, и еще при какихъ-то другихъ исключительныхъ обстоятельствахъ. По этому поводу Добролюбовъ и обрушился тогда на Пирогова, обвиняя его чуть ли не въ безпринципности. Мнѣ, пережившему на собственной спинѣ дореформенные порядки (несмотря на то, что я всего одинъ годъ провелъ въ дореформенной гимназіи, я все-таки успѣлъ подпасть одинъ разъ подъ розги, между прочимъ, за то, что ушелъ гулять за городъ, гдѣ былъ случайно встрѣченъ инспекторомъ Дельсалемъ), — такъ вотъ, повторяю, мнѣ всегда казались преувеличенными и невѣрными эти нападки Добролюбова. Добролюбову, какъ теоретику, сводившему все къ послѣдовательности и чистотѣ принципа, розги казались неуничтоженными, разъ онѣ допускались хоть въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Однако, практическаго значенія это не имѣло никакого: ни одного раза наказанія розгами съ момента введенія пироговскихъ правилъ я не помню въ немировской гимназіи, между тѣмъ, какъ до Пирогова у насъ почти каждый день кого-нибудь пороли.

Но пироговское время промелькнуло, какъ сновидѣніе, и если въ періодъ наступившей послѣ того реакціи и не вернулись къ розгамъ, то въ замѣну ихъ изобрѣли другіе способы, имѣвшіе цѣлью убить человѣческое достоинство у учениковъ, способы нисколько не уступавшіе въ качественномъ отношеніи старымъ дореформеннымъ пріемамъ. Объ этомъ времени я разскажу потомъ, а теперь коснусь въ нѣсколькихъ словахъ двухъ важныхъ событій той эпохи — освобожденія крестьянъ и польскаго возстанія.

Освобожденіе крестьянъ, происшедшее въ 1861 году, въ моментъ самаго событія для меня прошло мало замѣченнымъ фактомъ. То, что я видѣлъ въ деревнѣ, гдѣ жили мои родители,

нисколько не выдѣлялось изъ ряда обыкновенныхъ явленій и не поразило моего дѣтскаго воображенія. Слухи же и разсказы о крестьянскихъ бунтахъ, происходившихъ въ окрестностяхъ, мало обратили тогда на себя мое вниманіе. Такъ, напримѣръ, безпорядки, случившіеся въ сосѣдней деревнѣ Багриновцахъ, принадлежавшей графу Кушелеву-Безбородко, и послѣдовавшее затѣмъ усмиреніе со всѣми сопутствующими въ такихъ случаяхъ солдатскими безобразіями, насиліями, грабежомъ и. т п., хотя я и слыхалъ о всемъ этомъ, не произвели на меня впечатлѣнія; я былъ въ то время слишкомъ малъ, и только, уже спустя нѣсколько лѣтъ, эти самыя багриновецкія экзекуціи представились мнѣ во всемъ своемъ ужасѣ. Въ селеніи Лукѣ-Барской, Каменецъ-Подольской губ., гдѣ было имѣніе моихъ родителей, повторяю, ничего такого не было. Припоминаются мнѣ наѣзды мировыхъ посредниковъ и шумныя собранія сосѣдей-помѣщиковъ. Помню толпы крестьянъ, собиравшихся въ нашемъ дворѣ, безконечные у отца съ ними разговоры, которыми, впрочемъ, я совсѣмъ мало тогда интересовался.

Рѣзко запечатлѣлась въ моей памяти слѣдующая черта: полное согласіе крестьянъ между собою рѣшительно во всемъ — стоило одному изъ нихъ заявить что-либо — и всѣ, какъ одинъ, въ одинъ голосъ поддерживали его, такъ что вся эта крестьянская масса представлялась словно однимъ какимъ-то существомъ, двигавшимся и разсуждавшимъ подъ вліяніемъ одной воли...

Другое событіе того времени — польское возстаніе — оставило во мнѣ глубже впечатлѣнія, можетъ быть, потому, что я тогда былъ уже старше, а можетъ быть, тому было причиною то, что въ Немировѣ, гдѣ я проводилъ больше времени, чѣмъ въ Лукѣ, окружавшая меня гимназическая среда болѣе интересовалась возстаніемъ, чѣмъ крестьянскимъ вопросомъ.

Хотя въ нашу мѣстность «повстанцы» не заходили, но

общее настроеніе было крайне приподнятое. Дѣло началось съ пожаровъ; горѣли дома то въ одной, то въ другой части Немирова, и нерѣдко даже заранѣе было извѣстно, гдѣ именно будетъ горѣть, такъ какъ объ этомъ увѣдомляли подметными письмами. Не помню я, чтобы эти поджоги прямо приписывались польскимъ агитаторамъ; несомнѣнно существовала какая-то организованная шайка поджигателей обширныхъ размѣровъ, такъ какъ въ то время горѣли многіе города въ Россіи; но имѣла ли она связь съ польской организаціей—не знаю; по крайней мѣрѣ, въ Немировѣ полиціи не удалось поймать никого, и эти пожары такъ и остались въ моемъ представленіи таинственными событіями того времени. Потомъ, помню, распространился какъ-то слухъ объ убійствѣ нѣсколькихъ человѣкъ-поляковъ въ Варшавѣ, совершенномъ русской полиціей или солдатами во время какой-то демонстраціи. Это произвело большое возбужденіе и по этому случаю въ немировскомъ костелѣ собралась масса публики, отслужили панихиду по убитымъ и тутъ же въ первый разъ публично пропѣтъ былъ польскій патріотическій гимнъ: «Boze, cos Polskie» ставшій съ этого времени весьма популярнымъ среди немировцевъ: его начали пѣть во всѣхъ домахъ. Послѣ того всѣ польки (барыни и барышни, конечно, такъ какъ немировское простонародье были украинцы, а не поляки) надѣли на себя траурныя платья. Одной барынѣ, между прочимъ, явившейся какъ-то въ костелъ въ свѣтломъ, нетраурномъ платьѣ, патріоты облили это платье сѣрною кислотою. Мужчины одѣлись въ особаго покроя чемерки и рѣдкій изъ нихъ не носилъ въ то время на галстукѣ серебряной булавки съ одноглавымъ орликомъ— польскимъ гербомъ. Запрещенныя польскія газеты въ огромномъ количествѣ ходили по рукамъ. Ученики-поляки—а они составляли громадное большинство въ нашей гимназіи,—открыто читали эти газеты, трактовали о политикѣ и громко ругали русское правительство; но вмѣстѣ съ тѣмъ попутно ругали все русское, на-

чиная съ русскаго языка, который называли «бараньимъ» языкомъ. Ругали и всѣхъ насъ, не поляковъ, обзывая насъ «кацапами». Словомъ, была та смѣсь хорошаго съ дурнымъ, которая, къ сожалѣнію, присуща всѣмъ національнымъ движеніямъ. Поляки, борясь за свое освобожденіе съ русскимъ деспотическимъ правительствомъ, мѣшали въ одну кучу все русское и, такимъ образомъ, являлись проповѣдниками самаго узкаго шовинизма.

Несмотря на это, мы, «кацапы», все-таки имъ сочувствовали, такъ какъ воюющій съ ними лагерь былъ черезчуръ гадокъ, и намъ не приходилось колебаться при выборѣ, чью сторону держать. Если бы преслѣдованія поляковъ велись умѣреннѣе или, по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь прикровенно, то, можетъ быть, мы и не стали бы такъ опредѣленно на сторону поляковъ; но то, что пришлось намъ тогда видѣть, очень походило на разбой среди бѣлаго дня. Я говорю «мы», а не «я», такъ какъ почти всѣ немировскіе гимназисты, по происхожденію украинцы и русскіе, сочувствовали въ то время полякамъ. Только нѣсколько человѣкъ изъ нашей гимназической среды составляли исключеніе, склоняясь на сторону русской полиціи, и ихъ за это считали шпіонами.

Городокъ нашъ оказался буквально въ осадномъ положеніи; военные и полиція принялись чинить судъ и расправу надъ жителями, а извѣстно, что военные не любятъ шутить. Господа офицеры съ султанами на головахъ изъ черныхъ лошадиныхъ хвостовъ такъ побѣдоносно разъѣзжали по улицамъ и до того вызывающе бросали свои взгляды по сторонамъ на мимо проходящихъ, на окна домовъ, какъ будто городокъ нашъ только что былъ покоренъ ими. Въ Немировѣ стоялъ полкъ и командиръ этого полка (жаль, что не помню теперь фамиліи этого героя) самоуправствовалъ тамъ, какъ въ своей кладовой. Онъ врывался по ночамъ въ дома и производилъ обыски, хваталъ людей и засаживалъ ихъ въ нарочно для

этой цѣли нанятыя помѣщенія, такъ какъ въ Немировѣ не имѣлось тюремнаго замка. Мы часто ходили мимо этихъ временныхъ тюремъ, охранявшихся часовыми, за дѣломъ и безъ дѣла, лишь бы посмотрѣть на заключенныхъ, съ любопытствомъ и сочувствіемъ засматриваясь на ихъ лица, выставлявшіяся изъ оконъ. А сколько злобы, смѣшанной со страхомъ, вызывалъ у меня всякій разъ одинъ видъ мчавшаго по улицѣ въ дрожкахъ станового пристава или же кого-нибудь изъ военныхъ!... Тогда-то, еще мальчикомъ, я сталъ смотрѣть на людей, облеченныхъ въ форму, какъ на враговъ общества, и эти первыя, почти дѣтскія впечатлѣнія болѣе или менѣе сохранились во мнѣ на всю жизнь. Кстати, объ этомъ становомъ разсказывали, что при обыскахъ онъ подбрасывалъ прокламаціи и потомъ, конечно, самъ ихъ находилъ.... «Да, вѣдь, пане совѣтнику (становыхъ почему-то величали «совѣтниками»), явидѣль, какъ вы сами засунули этотъ листокъ въ мои вещи?!..», оправдывался полякъ.—«Вы сгніете въ тюрьмѣ раньше, чѣмъ это докажете», возражалъ становой,—и бѣдному поляку ничего другого не оставалось, какъ откупиться. Этотъ становой (если память мнѣ не измѣняетъ, по фамиліи Петрашевскій), говорятъ, составилъ себѣ огромное состояніе въ то время.

Но самое ужасное для польскаго дѣла на Украйнѣ было то, что вмѣстѣ съ русскимъ правительствомъ поляковъ стали преслѣдовать и крестьяне. Крестьяне Кіевской, Подольской и Волынской губерній представляютъ собою элементъ украинскій, отличающійся и по языку, и по вѣрѣ отъ польскаго элемента, составляющаго высшее дворянско-помѣщичье сословіе. Вражда украинцевъ-крестьянъ къ полякамъ сказалась въ шестидесятыхъ годахъ съ особенною силою, благодаря тому обстоятельству, что возстаніе совпало съ освобожденіемъ крестьянъ и въ глазахъ послѣднихъ являлось не чѣмъ инымъ, какъ борьбою помѣщиковъ съ царемъ за возстановленіе крѣпостного ига, только что уничтоженнаго царемъ. Нѣкоторые думаютъ (осо-

бенно среди поляковъ одно время это было довольно распространенное мнѣніе), будто преслѣдованія повстанцевъ, поднятыя крестьянами, были вызваны просто-на-просто распоряженіями русской полиціи. Но это объясненіе ошибочно,— никакія приказанія начальства не въ состояніи были бы расколыхать такъ сильно всей крестьянской массы, какъ это случилось... Въ самыхъ глухихъ, отдаленныхъ деревушкахъ устраивались облавы: не пропускали ни одного проѣзжаго—конечно, привилегированнаго сословія—безъ того, чтобы о немъ не было сообщено тотчасъ полиціи. Отъ Немирова до селенія Луки-Барской, куда я съ братьями ѣздилъ на праздники и каникулы, надо было проѣзжать около десятка деревень и, помню, рѣдкую деревню удавалось тогда миновать безъ скандала.... Обыкновенно при въѣздѣ, у такъ называемой «царины» (въѣздные ворота въ село), изъ сторожевой будки или землянки выскакивало нѣсколько человѣкъ «вартивныкивъ» (т. е. сторожей), съ огромными дубинами въ рукахъ, а иногда даже съ пиками, и неистово кричали: «Сто-ой!» одни хватали лошадей за удила, другіе окружали бричку и требовали паспорта. Поднимались объясненія, почти всегда сопровождаемыя криками и бранью. Перепуганныя лошади съ задранными вверхъ головами метались изъ стороны въ сторону; «вартивныки» усмиряли лошадей: били ихъ по головамъ палками.... Нерѣдко ломали экипажъ.... Это ужъ, конечно, лошади, а не «вартивныки».... Много подобныхъ сценъ живо встаетъ теперь въ моей памяти. Конечно, на лбу у насъ не было написано, что мы не поляки: крестьяне же Подольской губерніи привыкли видѣть во всякомъ «панѣ», т. е. человѣкѣ привиллегированнаго званія, непремѣнно поляка—и вымещали свою злобу....

Въ Кіевской губерніи крестьяне по собственному почину организовали партизанскіе отряды, которые гонялись за отрядами повстанцевъ, всюду преслѣдуя и избивая ихъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Мнѣ лично не пришлось видѣть ни

этихъ крестьянскихъ отрядовъ съ ихъ атаманами (въ послѣдствіи времени попадались мнѣ въ руки брошюры съ портретами этихъ атамановъ; между прочимъ, одинъ изъ нихъ былъ изображенъ съ медалями, висѣвшими поверхъ его свиты, полученными имъ за усердную службу царю), ни ихъ звѣрскихъ расправъ съ повстанцами; нужно замѣтить, что въ Подольской губерніи, несмотря на то, что эта губернія лежитъ ближе къ Польшѣ, «повстаніе» проявилось слабѣе, чѣмъ въ Кіевской, гдѣ появлялись польскіе отряды. Возлѣ городка Таращи, Кіевской губ., произошла, между прочимъ, стычка у русскаго отряда съ повстанцами. Разсказывали, что послѣ этой стычки мѣстные крестьяне пробуравливали свердлами головы раненыхъ поляковъ, отрубали имъ пальцы, чтобы овладѣть перстнями и т. п. Подобныхъ ужасовъ, повторяю, мнѣ не довелось быть свидѣтелемъ, но и то немногое, что я видѣлъ, служитъ прекраснымъ доказательствомъ глубокой вражды крестьянъ-украинцевъ къ помѣщикамъ-полякамъ.

Нахожу умѣстнымъ отмѣтить здѣсь слѣдующій фактъ: относясь враждебно къ дѣйствіямъ русской полиціи при усмиреніи возстанія и сочувствуя полякамъ, я не могъ, само собою разумѣется, относиться сочувственно къ «вартивныкамъ», или, говоря яснѣе, къ нашимъ крестьянамъ, игравшимъ въ руку русскаго правительства. И, дѣйствительно, долгое время вспоминалъ я съ недобрымъ чувствомъ объ этомъ союзѣ крестьянъ съ полиціей; но это дурное чувство съ теченіемъ времени стало сглаживаться, видоизмѣняться и въ концѣ концовъ—какъ это ни странно можетъ показаться, но это такъ—изъ отрицательнаго превратилось въ положительное, такъ какъ именно эти воспоминанія о проявившейся въ шестидесятыхъ годахъ ненависти крестьянъ къ помѣщикамъ и служили въ послѣдствіи времени (во время «хожденія въ народъ») для меня незыблемыми доказательствами революціонности крестьянской массы. Правда, революціонность эта была нѣсколько по-

дозрительнаго характера, такъ сказать, «съ разрѣшенія начальства», но послѣднему обстоятельству я не придавалъ тогда важнаго значенія. Чтобы разобраться въ этой видимой путаницѣ, я долженъ припомнить, что въ развитіи нашихъ народническихъ чувствъ и понятій, какъ извѣстно, не малую роль сыграло самобичеваніе и покаяніе; въ качествѣ привилегированныхъ и дворянъ, по нашимъ взглядамъ, мы, такъ сказать, по самому своему положенію были врагами народа: значитъ, выходило, что такъ намъ и надо было! По-дѣломъ таскали насъ тогда по холоднымъ и волостнымъ правленіямъ, колотили нашихъ лошадей палками по головамъ, ломали экипажи... И, чѣмъ безобразнѣе вспоминался какой-нибудь фактъ грубой, варварской расправы крестьянъ съ помѣщикомъ,— тѣмъ больше крѣпла моя вѣра въ революціонность народа.

Польское возстаніе отразилось гибельно на судьбѣ Немирова и нашей гимназіи. Московскія кликуши, Катковъ и К°., накликали правительственную реакцію; началось «обрусеніе» края, и городокъ сталъ быстро приходить въ упадокъ. Къ этой общей причинѣ для Немирова присоединилась еще своя спеціальная причина: графъ Потоцкій выдалъ замужъ свою пріемную дочь (онъ былъ бездѣтный) за русскаго графа Строганова и далъ въ приданое Немировъ съ окрестными селами; Строгановъ же оказался не со вставными, какъ Потоцкій, а съ настоящими, крѣпкими зубами; онъ сильно поднялъ арендную плату за землю, на которой были построены домики немировскихъ жителей, и такъ какъ надо было ожидать, что аренда эта изъ года въ годъ еще расти будетъ, а гимназія, ради которой собственно многіе жили въ Немировѣ, вслѣдствіе обрусенія изъ года въ годъ должна будетъ падать и обезлюдиваться, то цѣны на дома сразу понизились: дома, стоившіе раньше 2—3 тысячи, стали продаваться за нѣсколько сотенъ рублей. Возлѣ «палаца» перестала играть музыка; музыканты были распущены; въ саду были уничтожены качели, гигант-

скіе шаги, сѣти... Новый владѣлецъ не любилъ самъ качаться, а до другихъ ему не было никакого дѣла. Стипендіи Потоцкаго въ гимназіи были упразднены. Мало-по-малу болѣе состоятельные жители стали выселяться изъ Немирова — и бойкій городокъ сталъ быстро превращаться въ какую-то темную дыру, никому не нужную, ни для кого не интересную.

Директоромъ немировской гимназіи назначенъ былъ Сорокинъ, инспекторомъ — Кривоносовъ—два типичные чиновника-обрусителя, заведшіе шпіонство и поднявшіе гоненія противъ учениковъ. Гимназія пришла въ упадокъ; трудно было въ ней оставаться.

Между тѣмъ, въ каменецъ-подольской гимназіи въ 1864 г. произошли безпорядки и слухи о нихъ, само собою разумѣется, не замедлили дойти до насъ, въ Немировъ. Помню, пришелъ я какъ-то съ утра въ гимназію и увидѣлъ въ корридорѣ толпу учениковъ, собравшихся у стѣны, гдѣ висѣла какая-то черная доска. Это было объявленіе, вывѣшенное нашимъ гимназическимъ начальствомъ, объ увольненіи изъ каменецъ-подольской гимназіи съ оповѣщеніемъ по всему учебному округу ученика, побившаго тамошняго инспектора, Францена. Вслѣдъ затѣмъ, спустя нѣкоторое время, пріѣхалъ къ намъ, въ Немировъ, попечитель кіевскаго учебнаго округа Витте. И теперь еще такъ живо представляется мнѣ сцена, какъ этотъ взбалмошный, бѣсноватый человѣкъ вскочилъ въ нашъ классъ (я былъ тогда въ 5-омъ классѣ) и, грозно крикнувши: «Встаньте!», принялся ходить большими шагами кругомъ нашихъ скамей, въ которыхъ мы стояли, и кричать о томъ, что онъ никоимъ образомъ не потерпитъ такихъ безобразій, какія случились въ каменецъ-подольской гимназіи, что такъ какъ самъ императоръ ввѣрилъ ему надзоръ за учебнымъ округомъ, то онъ считаетъ своею священной обязанностью принять всѣ мѣры къ тому, чтобы насъ обуздать и пр. въ такомъ родѣ. Все это Витте прорычалъ, грозно

потрясая указательнымъ пальцемъ правой руки, съ перекосившимся отъ злобы лицомъ и пѣною у рта. Рѣдко мнѣ доводилось видѣть болѣе свирѣпое, безобразное лицо! Такую же сцену онъ повторилъ и въ остальныхъ высшихъ классахъ; а потомъ на другой день велѣно было намъ всѣмъ собраться въ торжественный залъ, гдѣ онъ опять кричалъ, хотя уже и не такъ грозно, какъ наканунѣ...

Какое могло имѣть педагогическое значеніе это появленіе бѣсноватаго человѣка среди насъ, трудно было отгадать, такъ какъ, очевидно, нельзя же было насъ, немировцевъ, обвинять и наказывать за преступленія, совершенныя учениками каменецъ-подольской гимназіи!.. Болѣе того, мнѣ кажется, что это была явно вредная съ правительственной точки зрѣнія мѣра, такъ какъ ею подчеркивалась наша солидарность, и если мы раньше не задумывались надъ тѣмъ, что наши интересы интересы учениковъ другихъ гимназій были одинаковы, то послѣ посѣщенія Витте это сдѣлалось, очевидно, всѣмъ намъ.

При новыхъ порядкахъ трудно жилось въ немировской гимназіи, и я надумался перемѣститься въ каменецъ-подольскую гимназію въ надеждѣ, что тамъ будетъ вольнѣе,—туда еще раньше перевелись мои старшіе два брата. Получивши переводъ изъ пятаго класса въ шестой, я увеличился изъ немировской гимназіи и уѣхалъ, покинувши мѣсто, гдѣ протекла первая половина моей юности, безъ малѣйшаго сожалѣнія...

Въ каменецъ-подольской гимназіи сначала, дѣйствительно, жилось нѣсколько легче, но и тутъ со дня на день становилось все хуже и хуже. Послѣ бунта (о немъ я упоминалъ выше), когда дѣло доходило до драки съ полиціей, и въ эту гимназію присланы были для водворенія порядка двѣ фигуры— Коленко и Тулубъ, нисколько не уступавшія въ своихъ нравственныхъ качествахъ упомянутымъ выше немировскимъ

«обрусителямъ». И здѣсь тоже поднялись преслѣдованія и началась очистка отъ неблагонамѣренныхъ элементовъ.

Теперь, когда я вспоминаю мое гимназическое прошлое, оно мнѣ представляется какимъ-то сплошнымъ мракомъ съ однимъ только быстро промелькнувшимъ лучемъ свѣта—пироговскимъ временемъ, мелькнувшимъ, какъ сонъ.—до того это время не походило ни на то, что было до него, ни на то, что было потомъ, послѣ него. Допироговская гимназія — это настоящая казарма: инспекторъ Дельсаль когда угодно могъ высѣчь; могъ налетѣть, какъ дикій быкъ, надзиратель Корсунъ и выдрать за чубъ; приходилось постоянно наталкиваться на «свиное рыло» Антониковскаго... Но ни Корсунъ, ни Антониковскій не подслушивали и ужъ во всякомъ случаѣ не доносничали; при ихъ крайней грубости, они все-таки были несомнѣнно добрые люди. Въ періодъ «обрусенія» гимназія сдѣлалась хуже казармы — она превратилась въ полицейскій участокъ. «Обрусители» не дрались и даже не ругались, но чуть-что́ — исключали изъ гимназіи. Все это были люди на подборъ крайне безсердечные. Что такое представлялъ изъ себя, напримѣръ, директоръ немировской гимназіи Сорокинъ? Сухопарый, лицо блѣдное, одутловатое, въ бородавкахъ, прямые волосы, точно изъ соломы, и совершенно оловянный взглядъ! Въ этомъ взглядѣ напрасно станете искать человѣческое выраженіе: никакого выраженія въ немъ нѣтъ, да и быть не можетъ, такъ какъ это совсѣмъ не человѣкъ, а чиновникъ-мумія, вооруженная неограниченною властью по отношенію къ намъ, ученикамъ, присланная высшимъ начальствомъ спеціально для того, чтобы насъ подтянуть. Войдетъ, бывало, въ классъ; мы встанемъ; онъ остановится передъ нашими скамьями и, устремивъ глаза въ уголъ (онъ никогда не смотрѣлъ намъ въ глаза), объявляетъ о чемъ-нибудь. Отъ всего, чтобы онъ ни совершалъ, вѣяло сухостью; даже походка его была какая-то деревянная...

Инспекторъ Кривоносовъ былъ, по-просту выражаясь, сыщикъ — правая рука Сорокина. Такой же сыщикъ былъ и инспекторъ каменецкой гимназіи—Тулубъ. Подкрасться ночью подъ окно ученической квартиры съ тѣмъ, чтобы подслушать и подсмотрѣть, сдѣлать обыскъ въ вещахъ, наконецъ, просто полѣзть безцермонно рукою въ карманъ ученика — было для него обыкновеннымъ дѣломъ. Разъ какъ-то изъ кармана одного ученика шестого класса Тулубъ вытащилъ нѣсколько фотографическихъ карточекъ и одна изъ нихъ оказалась карточкой его хорошенькой, толстенькой супруги... Надо было видѣть, какъ онъ при этомъ смутился!

Директоръ каменецкой гимназіи, Коленко, по виду не походилъ на Сорокина; полный, румяный, точно накрашенный, съ узенькими бакенбардами, гладко зачесанными напередъ; небольшой носъ крючкомъ и пара змѣиныхъ глазъ. Говорилъ онъ тихо, сквозь зубы, и всегда при этомъ улыбался его широчайшій ротъ. Нужно вообще замѣтить, что господа «обрусители» не любили «шумѣть»; не то, что Дельсаль, который, бывало, такъ оралъ, что слышно было на два квартала.

Одинъ учитель—изъ тогдашнихъ оппозиціонеровъ—сравнивалъ переживаемое время съ горшкомъ кипящей воды. «Весь соръ»,—говорилъ онъ—«лежавшій на днѣ горшка, поднялся наверхъ. Однако, потерпите немного»—продолжалъ онъ—«вода перестанетъ кипѣть, и соръ опять опустится на дно». И, въ самомъ дѣлѣ, освобожденіе крестьянъ, польское возстаніе, послѣдовавшая затѣмъ реакція и «обрусеніе»—все это очень походило на кипящую воду, и нельзя не признать сравненія мѣткимъ. Но что касается надежды, высказанной въ заключеніе, то—увы!—ей такъ и не довелось осуществиться, и соръ, всплывшій тогда, т. е. назадъ тому лѣтъ сорокъ, со дна горшка, такъ и не опускался больше на дно, а въ настоящее время онъ, кажется, даже крѣпче держится наверху, чѣмъ когда бы то ни было.

Еще въ 64-мъ году, вслѣдствіе безпорядковъ, происходившихъ въ каменецъ-подольской гимназіи, оттуда по распоряженію попечителя Витте, было выгнано около шестидесяти учениковъ. Коленко съ Тулубомъ должны были окончательно очистить гимназію отъ неблагонадежныхъ элементовъ, и въ число таковыхъ очень скоро попалъ, между прочимъ, мой братъ Иванъ. Тулубъ сталъ его преслѣдовать, дѣлая ему постоянныя замѣчанія то по поводу усовъ и бороды, которые у него около этого времени стали показываться и которые онъ долженъ былъ по гимназическимъ правиламъ брить, то по поводу формы сюртука, то по поводу ботфортовъ, которые почему-то запрещено было носить ученикамъ въ каменецкой гимназіи *). И такъ какъ Иванъ не смалчивалъ и всегда возражалъ Тулубу, то мало-по-малу у нихъ установились дурныя отношенія, принявшія къ концу учебнаго года открыто враждебный характеръ.

Во время экзаменовъ на аттестатъ (Иванъ въ томъ году долженъ былъ окончить гимназію) произошло, наконецъ, у него съ Тулубомъ столкновеніе, приведшее къ самому неожиданному послѣдствію. Иванъ явился на экзаменъ, не побрившись, и Тулубъ набросился на него за это. Поднялось объясненіе въ присутствіи учениковъ и Педагогическаго Совѣта, собравшагося почти въ полномъ составѣ къ экзамену. Иванъ, раздраженный грубымъ замѣчаніемъ Тулуба, тоже въ дерзкихъ выраженіяхъ заявитъ ему, что, по его мнѣнію, глупо обращать вниманіе на подобныя мелочи, какъ форменные сюртуки, усы, бороды и пр., и что несравненно было бы полезнѣе вмѣсто того слѣдить за умственнымъ развитіемъ учениковъ. Тулубъ еще болѣе сталъ кричать и пригрозилъ Ивану, что ему не выдадутъ аттестата; тогда Иванъ, въ свою очередь, гнѣвно

---

*) Въ немировской гимназіи это разрѣшалось; впрочемъ, при той грязи, какая тамъ была, мудрено было запрещать.

крикнулъ: «плевать мнѣ на вашъ аттестатъ!» и вышелъ изъ зала.

Этому столкновенію было придано большое значеніе. Усмотрѣли въ этомъ политическую неблагонадежность. Въ дѣло вмѣшался губернаторъ. А съ губернаторомъ Горемыкинымъ у Ивана нѣсколько раньше была исторія изъ-за шапки; гимназистамъ было приказано снимать шапки при встрѣчѣ съ губернаторомъ; Иванъ, встрѣтясь съ Горемыкинымъ гдѣ-то въ предмѣстьѣ города, не снялъ передъ нимъ шапки, и Горемыкинъ оказался настолько недалекимъ человѣкомъ, что остановилъ его и принялся допрашивать его фамилію. Все это теперь, кажется было принято въ соображеніе губернаторомъ. Дня четыре за братомъ по пятамъ ходили шпіоны, и онъ въ это время представлялъ изъ себя подобіе зачумленнаго: знакомые убѣгали въ ближайшіе переулки, когда встрѣчали его на улицѣ, боясь выказать не только участіе, но даже простое знакомство съ нимъ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней разбирательства дѣла и переговоровъ гимназическаго начальства съ губернаторомъ, посадили Ивана въ почтовую кибитку, дали въ провожатые жандарма и отправили на мѣсто жительства въ село Луку-Барскую, Подольской губерніи.

Нужно сказать, что наша семья была большая и старики были очень къ намъ добры, въ особенности, мать, та прямо-таки, какъ говорится, души не чаяла въ насъ. Нашъ домъ, построенный «глаголемъ», какъ выражался о немъ отецъ, т. е. подъ угломъ въ видѣ буквы Г, былъ словно вдавленъ въ землю: низенькій, ветхій, подъ соломенной крышей. Передъ крыльцомъ, подпертымъ двумя простыми деревянными колонками, былъ круглый палисадникъ, обнесенный плетнемъ, съ двумя каштановыми деревьями и старой вишней; большой дворъ; у воротъ—старыя, плакучія вербы съ желтыми тонкими вѣтвями, дугообразно спускавшимися до самой земли;

высокій тополь съ лѣвой стороны и «крыныця» *), у которой подъ вечеръ собирались «дивчата» съ ведрами, смѣялись и разговаривали между собой; а кругомъ двора - огромный садъ. Вишняки, заросшіе бурьяномъ, въ которыхъ мы прятались, какъ въ лѣсу, и который отецъ строго запрещалъ косить (вѣчно спорный вопросъ между отцомъ и матерью), такъ какъ, по его мнѣнію, бурьянъ былъ полезенъ потому, что пчелы брали медъ на немъ; кусты крыжовника, подъ которыми была такая густая тѣнь, что трава не росла, и гдѣ водилось множество черныхъ косиковъ съ желтыми, какъ изъ воска, носами, вырывавшихся съ пронзительнымъ крикомъ всякій разъ, когда случалось проходить мимо; пасѣка и отецъ, возившійся тамъ съ ульями; прудъ, заросшій у береговъ камышемъ, а за прудомъ опять садъ по всей горѣ . . . . опять густые вишняки съ бурьянами, на которыхъ пчелы брали медъ, и черешни... И мы дѣтьми, я съ Иваномъ, бродили по всему этому огромному, заросшему пространству, въ тѣни, подъ деревьями, среди высокихъ бурьяновъ. Часто забирались въ густой грабовый лѣсъ, которымъ заканчивалась наша усадьба, и гдѣ была еще гуще тѣнь. Высокіе тонкіе грабы сгибались подъ нашей тяжестью, не ломаясь, и мы, взобравшись на самыя верхушки, такъ что солнце пекло наши головы, раскачивались изъ стороны въ сторону среди цѣлаго моря зелени и перебирались съ вершины одного дерева на другое; мы воображали, что мы обезьяны и что мы находимся гдѣ-то въ первобытномъ тропическомъ лѣсу.

Мы нѣсколько разъ въ теченіе дня бѣгали къ пруду купаться. Еще дорогой я растегивалъ рубаху, чтобы не терять ни одной минуты и поскорѣе броситься въ воду. Я раньше другихъ влѣзалъ и позже всѣхъ выходилъ изъ воды, такъ какъ мнѣ очень нравилось плавать среди теплой, нагрѣтой солнцемъ, зеленой ряски, укрывавшей такъ плотно весь прудъ,

*) Т. е. колодезь.

что онъ походилъ на ровную лужайку, поросшую какой-то особаго вида травою. Своимъ видомъ онъ обманывалъ даже птицъ; такъ я самъ видѣлъ однажды, какъ горлица спустилась на ряску съ намѣреніемъ сѣсть, и только, когда ея ножки коснулись ряски и она почувствовала подъ нею воду, она пугливо вспорхнула кверху.

Или же, помню, мы съ Иваномъ любили забираться на старую вербу, нависшую надъ самою водою, среди камыша; усядемся, бывало, на ней подальше отъ берега, разгонимъ вѣткою ряску кругомъ и примемся смотрѣть въ глубь воды. Намъ хотѣлось видѣть водяную «крапивку», густо переплетавшуюся въ глубинѣ (вода была очень прозрачна, и все было видно), и нашему дѣтскому воображенію представлялось, какъ давно-давно, когда-то, объ этомъ слышали мы отъ старыхъ людей, когда Лучанское имѣніе еще принадлежало дѣду, отцу матери, мужикъ Олекса, купаясь возлѣ плотины, гдѣ прудъ былъ глубокъ, залутался въ этой «крапивкѣ» и утонулъ. И мы всматривались въ эту страшную съ причудливо-завитыми вѣточками «крапивку» и сквозь прозрачную, какъ хрусталь, воду, видѣли, какъ у самаго дна тихо плыла рыба-линь, останавливалась возлѣ «крапивки» и осторожно ощупывала ее своимъ тупымъ носомъ; но какъ ни осторожно толкала она растеніе носомъ, оно все вздрагивало, вздрагивала кругомъ его спокойная, прозрачная вода и расплывались по верху тонкіе круги. Мы смотрѣли на круглаго, чернаго водяного жука, круто и быстро спускавшагося ко дну; смотрѣли на лягушекъ, которыя, замѣтивъ наше присутствіе на вербѣ, особенно же когда мы принимались слегка похлопывать вѣткой по водѣ, со всѣхъ сторонъ изъ камыша сплывались по ряскѣ и, подплывши къ намъ совсѣмъ близко, останавливались, раскорячивъ лапки, и уставляли на насъ свои круглые глаза; и кто изъ насъ съ бо́льшимъ любопытствомъ глядѣлъ—онѣ на насъ, или мы на нихъ—трудно было отгадать. Мы слушали крики «очере-

тянки», кричавшей въ камышѣ такъ громко и такимъ грубымъ голосомъ, что можно было думать, что эта птица величиною, по крайней мѣрѣ, съ голубя, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, она не больше воробья...

Иногда нами овладѣвало воинственное настроеніе; тогда мы воображали себя мушкетерами *): Иванъ—Портосомъ, я,—Дартаньяномъ, вооружились деревянными мечами и врубались въ средину непріятелей; съ гикомъ крошили мы направо и налѣво высокіе бурьяны, устилая трупами землю. Одинъ разъ въ воинственномъ азартѣ мы врубились въ кукурузу, посѣянную возлѣ одного вишняка. Потомъ во время вечерняго чая отецъ, бесѣдуя съ матерью, высказалъ предположеніе, что должно быть какая-то корова залѣзла въ садъ и поломала много кукурузы.

Зимою картина мѣнялась: Голыя деревья и бурьяны тонули въ снѣгу,—и вмѣсто пчелъ, которыя въ это время тихонько жужжали, лежа въ тепломъ погребѣ, или какъ его называли, «омшаникѣ»,—на бурьяны налетали стада пестрыхъ щигликовъ, чтобы поклевать сѣмянъ. И мы тогда тоже вели другую жизнь. Въ длинные зимніе вечера мы забирались въ кухню. Въ широкой печи, уставленной горшками, горѣли дрова; кухарка копалась возлѣ печи, а остальные работники, въ ожиданіи „вечеры", раздѣвшись и разувшись, сидѣли по разнымъ угламъ просторной кухни, кто на скамьѣ, кто на деревянной ступѣ, предназначенной для толченія пшена, или на лежанкѣ. Большое помѣщеніе слабо освѣщалось лучиною, воткнутою въ вылѣпленное изъ глины на карнизѣ печи неуклюжее шарообразное утолщеніе, снабженное двумя дырками—на подобіе двухъ глазныхъ впадинъ мертвой головы, служившихъ для закрѣпленія лучинъ, или, какъ у насъ называли „скалокъ", такъ какъ онѣ откалывались отъ сухого

*) Съ романомъ Дюма я познакомился очень рано, сначала по разсказамъ, а потомъ и читалъ.

полѣна. А въ это время кто-нибудь пересказывалъ какую-нибудь страшную исторію о разбойникахъ или еще болѣе ужасный разсказъ о мертвецахъ. Я сидѣлъ, слушалъ—и холодъ пробѣгалъ у меня по спинѣ отъ страха. И я отодвигался подальше отъ окна, выходившаго въ садъ, и не смѣлъ туда взглянуть; но меня всетаки что-то неудержимо тянуло посмотрѣть въ окно; я смотрѣлъ и при бѣлесовато-сѣренькомъ ночномъ зимнемъ освѣщеніи все тамъ представлялось мнѣ такимъ ужасно-унылымъ. И сухой бурьянъ, до половины утонувшій въ сугробахъ снѣга, тихо покачивавшій своими верхушками; и раскоряченныя деревья, съ голыми обледенѣлыми щелкавшими отъ вѣтра вѣтвями. Я пугался еще болѣе и прижимался къ Ивану. „Когда проснешься ночью и тебѣ страшно будетъ—разбуди меня“, шепталъ ободрительно Иванъ.

Или же, вотъ, другое—рождественскіе праздники. Устроятъ, бывало, „хлопцы“ на замерзшемъ прудѣ „фуркадло“, то есть забьютъ въ ледъ толстый колъ и прикрѣпятъ къ нему длинный шестъ такимъ образомъ, что онъ образуетъ собою родъ рычага; къ болѣе длинному концу этого шеста привяжутъ саночки, а за короткій конецъ схватятся руками и пойдутъ его вертѣть вокругъ кола. Какое наслажденіе было кататься на этомъ „фуркадлѣ“. По вычищенному, гладкому льду саночки „фырчатъ“, то-есть летятъ, какъ птица (отсюда названіе „фуркадло“), и какой-нибудь «паробокъ», подсѣвши съ края саночекъ, обниметъ правою рукою «дивчину», сидящую въ саночкахъ, одѣтую въ тепломъ кожушкѣ и подпоясанную краснымъ поясомъ,—молодецки отставитъ лѣвую ногу, обутую въ «чоботы»,—и гремитъ по льду эта отставленная лѣвая нога, чертитъ по льду своей подковою тонкіе круги.

А то, вотъ, мы уже большіе. Возлѣ этого самаго лѣса, гдѣ мы играли въ обезьяны, убираемъ сѣно. Вотъ маленькая фигурка матери съ загорѣлымъ, какъ всегда, нѣсколько озабоченнымъ лицомъ, возится съ ѣдою въ тѣни, подъ черем-

нею, вѣтви которой, облѣпленныя пучками красныхъ ягодъ, повисли книзу; а возлѣ нея стоитъ сѣдой, бородатый, все еще сильный отецъ въ «брилѣ», т. е. большой соломенной шляпѣ мѣстнаго издѣлія, съ вилами въ рукахъ. Никола Середюкъ—умный, черноглазый мужикъ—стоитъ на верху стога и, подхватывая вилами подаваемое снизу сѣно, расправляетъ его равномѣрно по всѣмъ сторонамъ; положитъ и хлопаетъ вилами сверху, чтобы слеглось,—и сѣно шуршитъ подъ его ударами. Одни подволакиваютъ къ стогу копны, подвязавъ ихъ снизу толстыми веревками и подпрягши лошадей (упрощенный способъ перевозки сѣна),—а мы съ Иваномъ—въ перегонку, кто больше поднимстъ—чуть не по половинѣ копны заразъ, взбрасываемъ вилами сѣно на стогъ. Солнце сверху жжетъ; жара; потъ градомъ катится по всему тѣлу; труха, запавшая за воротникъ рубахи,—страшно грызетъ шею...

Если, характеризуя свою гимназическую жизнь, я выразился о ней, что она мнѣ представляется въ настоящее время «какимъ-то сплошнымъ мракомъ», то свою жизнь въ Лукѣ, въ кругу близкихъ, любившихъ меня людей, я долженъ уподобить солнечному свѣту.

Иванъ былъ старше меня только года на два и, слѣдовательно, между нами не было большой разницы лѣтъ, которая кладетъ обыкновенно большое различіе и во всемъ остальномъ. Мы съ нимъ и росли, и играли вмѣстѣ; общими оказались потомъ и наши юношескія увлеченія. Но онъ былъ развитѣе, обладалъ болѣе впечатлительнымъ характеромъ и потому шелъ впереди меня. Онъ очень увлекался чтеніемъ и музыкой. Въ 1865 году, будучи въ седьмомъ классѣ гимназіи, всѣ свои личныя средства употреблялъ на покупку книгъ; мнѣ такъ памятенъ день, когда ему удалось купить у кого-то сочиненія Бѣлинскаго и Добролюбова въ очень хорошемъ переплетѣ; съ какимъ торжествомъ показывалъ онъ мнѣ тогда эти книги!

Я очень любилъ Ивана и случай, происшедшій съ нимъ (изгнаніе изъ гимназіи), оказалъ на меня рѣшающее вліяніе. Я сталъ гордиться тѣмъ, что имѣлъ такого брата, котораго вывезли съ жандармомъ, и окончательно возненавидѣлъ свое начальство. Но мои политическія понятія въ то время все-таки мало чѣмъ разнились отъ понятій любого мужика; нашъ мужикъ ненавидѣлъ пановъ и чиновниковъ и боготворилъ царя; я—если и не боготворилъ царя, то во всякомъ случаѣ не доросъ до обобщеній и, подобно мужику, ненавидѣлъ только ближайшій ко мнѣ чиновный міръ, а о царѣ совсѣмъ даже не думалъ. Такъ что каракозовскій выстрѣлъ, раздавшійся 4 апрѣля 1866 г., не вызвалъ у меня никакого другого чувства, кромѣ удивленія, хотя въ томъ году я уже оканчивалъ гимназію. Припоминаю, повели насъ, гимназистовъ, тогда на площадь къ губернаторскому дому, гдѣ что-то читали по поводу чудеснаго избавленія царя отъ руки злоумышленника, а потомъ приказано было намъ собраться въ торжественный залъ въ гимназіи для молебна. Мы имѣли свой гимназическій хоръ и въ этомъ хорѣ я пѣлъ басомъ (никакого баса у меня никогда не было, но я записался въ хоръ для того, чтобы избавиться отъ заведеннаго Тулубомъ порядка—ходить въ церковь парами). Прорепетировавши нѣсколько разъ извѣстный гимнъ «Боже царя храни», мы отправились въ залъ.

«Смотрите же, П., когда надо будетъ кричать «ура», я васъ толкну локтемъ; вмѣстѣ гаркнемъ—громче выйдетъ», сказалъ я по дорогѣ одному изъ пѣвчихъ.

«Хорошо», согласился П.

Этотъ П. былъ великовозрастный и пѣлъ тоже басомъ, хотя былъ всего въ четвертомъ классѣ. Въ качествѣ добронравнаго ученика, онъ былъ на хорошемъ счету у гимназическаго начальства и отличался почти дѣтскою неразвитостью. Во время пѣнія у него была привычка заворачивать голов.

на бокъ и жмурить глаза; а для большаго резонанса такъ какъ онъ очень усердствовалъ—онъ обыкновенно приставлялъ ладонь ко рту.

Когда мы, пѣвчіе, вошли въ залъ, гимназисты были уже въ сборѣ. Надзиратель Бутовичъ, чтобы не бросались въ глаза его громадныя рыжія бакенбарды, хотя бакенбарды не запрещалось носить чиновникамъ педагогическаго вѣдомства (запрещались борода и усы), тѣмъ не менѣе для скромности заложилъ ихъ подъ свой форменный сюртукъ, застегнувъ послѣдній на всѣ пуговицы, такъ что вмѣсто цѣлыхъ бакенбардъ висѣла только верхняя половина ихъ, и степенно расхаживалъ передъ учениками, сбившимся къ одной половинѣ зала. Мы, пѣвчіе, стали въ сторонѣ. Сошлись учителя, надѣвшіе для этого случая мундиры, съ шляпами въ рукахъ, имѣвшими форму пироговъ; явился инспекторъ Тулубъ; пришелъ попъ Троицкій; наконецъ показался и директоръ Коленко. Всѣ были налицо. Тогда попъ Троицкій надѣлъ на себя ризу и начался молебенъ. Мы пѣли. Не помню уже, въ какомъ порядкѣ, но, кажется, послѣ молебна пропѣли мы «Боже царя храни»; все шло, какъ слѣдуетъ: православно и по-русски. Но, вотъ, въ заключеніе Коленко произнесъ рѣчь въ полицейскомъ духѣ и вдругъ по залу пронесся шопотъ: «кричите ура!»... шептали надзирателя, шепталъ инспекторъ Тулубъ.

Я толкнулъ П. локтемъ въ бокъ.

«У—рр—а—а!» зарѣвѣли всѣ присутствовавшіе.

Едва только стихъ этотъ воинственный окликъ, я вторично толкнулъ своего кампаньона въ бокъ, и мы вдвоемъ дружно подхватили вторичное «ура».

«У—рр—а—а!» поддержали насъ присутствовавшіе въ залѣ.

Толкнулъ я П. въ третій разъ; прогремѣло—третье „ура“.

П. былъ весь красный, какъ печеный ракъ; на его шеѣ выпятились вены; я видѣлъ, что онъ готовъ кричать безъ конца.

Коленко морщился; ему, очевидно, нашъ азартъ казался страннымъ, а, можетъ быть, даже неестественнымъ: мы такъ необычайно громко кричали!

Я опять толкнулъ локтемъ П. Онъ, мгновенно зажмуривъ глаза, своротилъ голову на бокъ и, приложивъ ладонь ко рту, какъ въ рупоръ, неистово заоралъ: «у—у—р—а—а!»

Но на Руси, какъ извѣстно, все дѣлается только до трехъ разъ; поэтому въ четвертый разъ, кромѣ меня, никто П. не поддержалъ, а онъ за собственнымъ крикомъ ничего не слышалъ, ничего не видѣлъ и продолжалъ ревѣть, точно его рѣзали.

Коленко уставилъ на насъ свои змѣиные глазки. Тулубъ подбѣжалъ къ намъ.

«Что же это, господа, вы дѣлаете?»

«Кричимъ ура», замѣтилъ кто-то изъ насъ.

«Н... да... конечно м... м... но нельзя такъ громко кричать! Наконецъ, достаточно уже кричали...»

Этотъ «обруситель» не нашелся, что намъ сказать, такъ какъ во имя царя и православія—можно было даже безобразничать.

* * *

Мѣсяца три спустя, я ѣхалъ въ Луку съ аттестатомъ въ карманѣ. Съ гимназіей я раздѣлался. Но послѣ того еще долгое время она меня преслѣдовала: снится, бывало, то выпускной экзаменъ, то объясненіе съ Тулубомъ. Всякій разъ я просыпался отъ тяжелаго чувства, и, только, когда приходилъ въ себя и сонное ошеломленіе уступало мѣсто дѣйствительности,—я вспоминалъ, что гимназію окончилъ и сладко потягивался въ кровати и вновь засыпалъ счастливый и довольный.

Глава II.

Университетское время и начало моего народничества.

Въ то время условія русской жизни были таковы, что небогатому человѣку-интелигенту почти некуда было себя дѣвать помимо государственной службы. Родители мои владѣли въ Каменецъ-Подольской губ. очень небольшимъ имѣньицемъ, еле поддерживавшемъ существованіе нашей семьи (собственно спасалъ насъ отъ нужды пенсіонъ, который получалъ отецъ въ качествѣ отставного полковника), такъ что сдѣлаться самостоятельнымъ хозяиномъ-землевладѣльцемъ у меня не было возможности. —Надо было выбрать профессію, — но долгое время я не могъ остановиться ни на какомъ опредѣленномъ планѣ.— Не стану разсказывать здѣсь о своихъ колебаніяхъ и перемѣщеніяхъ съ одного факультета на другой, — такъ какъ это не представило бы интереса. 1866, 67 и 68 года были глухимъ періодомъ студенческой жизни въ Кіевѣ. Когда я поступилъ въ университетъ я не засталъ уже никого изъ участниковъ движенія начала шестидесятыхъ годовъ: участвовавшіе въ польскомъ дѣлѣ студенты—поляки значительно раньше разосланы были кто въ Сибирь, кто по другимъ болѣе или менѣе отдаленнымъ мѣстамъ Россіи; украйнофилы, составлявшіе въ то время оппозицію полякамъ, тоже успѣли повыходить изъ университета, такъ что среди студенчества почти не оставалось кружковъ (по крайней мѣрѣ я ихъ не зналъ). Конечно, существовали студенческія группы или компаніи, но онѣ нисколько не носили серьезнаго общественнаго характера. Такъ были шахматисты, собиравшіеся для того, чтобы играть въ шахматы и рѣшать задачи; бильярдисты, таскавшіеся по трактирамъ и т. п. Была одна компанія сту-

дентовъ, занимавшихся дебоширничаніемъ и ночными похожденіями. Одно время, компанія эта, особенно главарь ея К. пріобрѣлъ даже среди насъ популярность. Помню этого человѣка: красивый широкоплечій блондинъ съ наводенною головою и синими глазами, смотрѣвшими изъ подлобья; онъ ходилъ съ толстою палкою, которую называлъ «дулею (палка имѣла родъ набалдашника въ формѣ дули), составлявшей его орудіе, съ которымъ онъ производилъ свои набѣги.—Врагами своими онъ считалъ полицію и «марсовъ» (такъ называлъ онъ офицеровъ) и, при встрѣчѣ съ ними въ ночныхъ притонахъ, вступалъ съ ними въ бой. Сильный, смѣлый, проникнутый какою то сословно-студенческою враждою къ военнымъ, полицейскимъ и попамъ (поповъ онъ очень не любилъ и постоянно мечталъ о томъ, какъ бы поймать какого либо блуждающаго ночью лаврскаго монаха, что бы обстричь ему бороду). К. являлся типичнымъ студентомъ того времени.—Мнѣ нравились въ немъ его физическая сила, его враждебное отношеніе къ «марсамъ» и полиціи, такъ какъ мнѣ казалось, что всякій порядочный студентъ непремѣнно долженъ былъ не любить военныхъ и полицію.

Днемъ я посѣщалъ университетскія лекціи; но по вечерамъ нерѣдко, подобно другимъ, таскался по трактирамъ, гдѣ простаивалъ иногда за полночь у бильярдовъ, наблюдая за игрою; самъ рѣдко игралъ, такъ какъ не имѣлъ денегъ. Иногда мы просиживали вечера за шахматною доскою, разбирая партіи Американскаго шахматиста Морфи, пользовавшагося въ то время большою извѣстностью. Такъ проводилось время въ Кіевѣ.

На вакаціи я уѣзжалъ въ с. Луку-Барскую къ родителямъ, и тамъ моя жизнь совершенно мѣнялась. Я бродилъ по окрестнымъ лѣсамъ съ ружьемъ, или же такъ просто шатался по нашей огромной усадьбѣ среди деревъ и бурьяновъ. Часто отправлялся на косьбу или на другія полевыя работы: мнѣ

нравилось смотрѣть на загорѣлыя мускулистыя руки косарей, шедшихъ гуськомъ, наперекосокъ, по ровной полянѣ и со свистомъ укладывавшихъ въ ряды густую траву; и я самъ присоединялся къ нимъ и принимался косить, засучивъ рукава моей рубахи такъ, что бы я могъ видѣть и сравнивать свои мускулы съ ихними. Я мечталъ о развитіи физической силы.

Вечера мы проводили обыкновенно за чтеніемъ. Иниціаторомъ этихъ домашнихъ литературныхъ вечеровъ явился Иванъ, жившій въ Лукѣ послѣ своего изгнанія изъ гимназіи. Мы усаживались въ средней комнатѣ за длиннымъ дубовымъ столомъ, гдѣ пили чай и послѣ чая принимались за чтеніе, продолжавшееся часто за полночь. Читалъ всегда Иванъ. Постоянными слушателями были отецъ и я, но не рѣдко принимали участіе и другія члены семьи. Я уже упоминалъ о томъ, что еще въ бытность въ гимназіи, Иванъ купилъ сочиненія Бѣлинскаго и Добролюбова, и эти книги послужили основаніемъ небольшой библіотечки, которую онъ потомъ мало по малу собралъ; слабая въ количественномъ отношеніи, такъ какъ на большую у него не хватило средствъ, въ качественномъ отношеніи она представляла однако весьма не дурной подборъ. Онъ выписывалъ, если память не измѣняетъ, мѣсячный журналъ «Дѣло», а кромѣ того доставалъ еще одинъ или два другихъ журнала, для прочтенія, изъ библіотеки полка, стоявшаго въ сосѣднемъ мѣстечкѣ.

Все это вмѣстѣ: чтеніе книгъ извѣстнаго направленія, участіе въ полевыхъ работахъ, а также мое собственное необезпеченное матеріальное положеніе склоняло меня къ демократизму, который вначалѣ носилъ однако мало сознательный характеръ; то былъ скорѣе какой-то демократическій инстинктъ, такъ какъ выражался онъ у меня не столько въ моихъ воззрѣніяхъ, какъ въ чувствахъ и въ моей внѣшности; я не любилъ хорошо одѣваться; новая сколько нибудь щегольская одежда стѣсняла меня: мнѣ казалось, что я обращаю на

себя вниманіе постороннихъ и что меня принимаютъ за франта. Вмѣсто крахмальныхъ воротничковъ и галстуковъ, я носилъ обыкновенно шитыя, малорусскія сорочки или великорусскія рубахи — косоворотки; съ высокими смазными сапогами не разставался ни въ грязь, ни въ сухое время. Правда, и такимъ внѣшнимъ видомъ можно было «франтить» и обращать на себя вниманіе. Такъ — въ 67-мъ году передъ каникулами — (уже будучи студентомъ) я пріѣхалъ въ Каменецъ Подольскъ и съ особеннымъ удовольствіемъ прогуливался въ подобномъ костюмѣ мимо оконъ директора гимназіи Коленко, при чемъ на свои вполнѣ здоровые глаза надѣвалъ синіе очки, а во рту держалъ папиросу и неистово дымилъ. Мнѣ было пріятно, когда я замѣчалъ, что онъ смотритъ на меня изъ окна; при встрѣчѣ съ нимъ, я показывалъ видъ, что его не узнаю. Въ гимназіи намъ было запрещено: курить табакъ, ходить по улицамъ съ палкою, носить очки — даже хотя бы глаза болѣли, носить высокіе сапоги, — все это я теперь совершалъ и, само собою разумѣется, злорадствовалъ. Одинъ учитель-украйнофилъ, къ которому я тогда заходилъ въ гости, смѣясь замѣтилъ какъ-то, глядя на мои длинные волосы, очки и толстую палку: «Ну, видно, вы поглотили уже всю бездну премудрости нигилизма».

Первое пробужденіе и оживленіе студенческой среды стало замѣчаться осенью 68-го года. Насколько помнится, дѣло началось съ устройства кассы самопомощи и кухмистерской. — Кассовая организаціи составлена была изъ кружковъ, представители которыхъ въ извѣстное время собирались для выдачи пособій своимъ нуждавшимся членамъ, а также для принятія рѣшеній по разнымъ организаціоннымъ вопросамъ. — Дѣла же кухмистерской рѣшались общими собраніями, отбывавшимися въ помѣщеніи кухмистерской. Закупкой провизіи и обѣдами завѣдывалъ распорядитель или кассиръ (теперь уже не помню, какъ называлось это должностное лицо), которому

помогали дежурные. Поваръ и прислуга были, конечно, нанятые, кажется, всякій мѣсяцъ распорядитель долженъ былъ давать отчетъ общему собранію о ходѣ дѣлъ кухмистерской.

Къ этому времени, т. е. къ концу 68-го и началу 69-го года, въ нашъ университетъ стали опредѣляться исключенные за безпорядки изъ Петербургскаго университета и Медико-Хирургической Академіи, и этотъ элементъ еще болѣе оживилъ нашу среду. Стали зарождаться литературные кружки. Въ скоромъ времени кухмистерская заняла центральное положеніе среди другихъ студенческихъ учрежденій; въ кухмистерской собирались для обсужденій по всѣмъ интересовавшимъ студенчество вопросамъ. Такъ, помню, около этого времени произошелъ рядъ бурныхъ собраній по еврейскому вопросу, который и тогда уже начиналъ волновать умы нашихъ юдофобовъ.

Вслѣдъ за кухмистерской и студенческой кассой устроилась студенческая библіотека; но это учрежденіе—въ мое, по крайней мѣрѣ, время—такъ и осталось въ видѣ неудавшейся попытки. Безцензурныхъ изданій, насколько помнится, не было,—да и вообще книгъ было очень мало; онѣ свободно укладывались на шести полкахъ или, точнѣе выражаясь, шести сосновыхъ доскахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ, изъ которыхъ, къ тому же, двѣ верхнія доски заняты были какими-то военными учебниками по стратегіи, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, подаренными кѣмъ-то при основаніи библіотеки. Если я добавлю, что при Кіевскомъ Университетѣ имѣлась прекрасная библіотека и лекторія, гдѣ всякій студентъ могъ пользоваться книгами и періодическими изданіями, то заведеніе нашей собственной библіотеки придется объяснить ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ имѣть такую библіотеку, въ которой мы могли бы хозяйничать, какъ хотѣли, и главное, о которой не знало бы начальство. —Иногда намъ казалось, что полиція слѣдитъ за библіотекой; это насъ интриговало, возбуждало интересъ; въ такія

минуты библіотека съ своей объемистой стратегіей пріобрѣтала въ нашихъ глазахъ уже совсѣмъ цѣнное значеніе.

Я и три товарища занимали сосѣднюю съ библіотекой комнату, гдѣ зимою до того бывало иногда холодно, что замерзали чернила. Нерѣдко число жильцовъ у насъ увеличивалось и достигало восьми человѣкъ. Одно время съ нами жилъ Владиміръ Малавскій, числившійся въ то время студентомъ по юридическому факультету, впослѣдствіи (въ 1879 году) попавшій въ тюрьму и присужденный къ двадцати годамъ каторги по такъ называемому «Чигиринскому дѣлу», въ которомъ, между прочимъ, онъ не только не принималъ никакого участія, но даже не зналъ объ немъ до своего заключенія въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ.—Въ своемъ мѣстѣ я разскажу трагическую исторію этого человѣка. Нашъ квартирный хозяинъ Зименко (домъ находился по Кузнецкой улицѣ) былъ добродушный старикъ, любившій выпить и не вмѣшивавшійся ни во что; онъ зналъ, что въ концѣ мѣсяца получитъ за комнату восемь рублей и до остального ему не было никакого дѣла; онъ одинаково исполнялъ свои обязанности по отношенію къ жильцамъ, все равно три или восемь ихъ было въ комнатѣ, сводившіяся, впрочемъ, только къ тому, чтобы ставить самоваръ.

— «Ки-и-питъ!.. Подается!.. Подается... Кипитъ!..
Пора вставать, чаи распивать!
Чаи китайскіе, ромы Ямайскіе!!.»

Такъ выкрикивалъ онъ по утрамъ, внося самоваръ въ полутемныя сѣнечки, служившія у насъ вмѣсто передней.— Иногда къ этому речитативу онъ прибавлялъ: «Табаки раскуривать!». Мы дѣйствительно послѣ этого подымались съ постелей и принимались за «табаки» и за чай—безъ рому, впрочемъ—такъ какъ на ромъ у насъ не хватало средствъ. Мы были бѣдны и едва-едва перебивались; но въ то время студентъ почти гордился бѣдностью; бѣдность была нѣкото-

рымъ образомъ въ модѣ, составляла своего рода шикъ. Если у кого даже и имѣлись средства, то это не показывалось, такъ какъ на это смотрѣли нехорошо. Простая, нещегольская одежда являлась признакомъ студенческой порядочности; надъ франтами смѣялись; такъ, помню, подняли на смѣхъ одного, явившагося въ студенческую столовую съ кольцами на рукахъ. Впрочемъ, наши франты держались въ сторонѣ и не посѣщали собраній, студенческая масса въ большинствѣ состояла изъ сыновей мелкихъ помѣщиковъ, чиновниковъ, священниковъ. Общая нужда вызывала потребность въ организаціи кассъ и кухмистерскихъ, вызывала сожительство товарищескими кружками и пріучали людей дѣлиться другъ съ другомъ послѣдними грошами.

Такимъ образомъ, студенческая среда представляла, какъ нельзя болѣе благопріятный элементъ для распространенія соціалистическаго ученія, такъ какъ, очевидно, усвоить ученіе, отвергающее личную собственность, легче было тому, у кого собственности не было и кто обладалъ къ тому же соотвѣтственнымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Отсутствіе денежныхъ счетовъ и товарищескій дѣлежъ другъ съ другомъ, нерѣдко имѣвшіе мѣсто въ студенческихъ кружкахъ, не только сохранились впослѣдствіи, но еще шире вошли въ употребленіе въ нашихъ революціонныхъ кружкахъ и организаціяхъ.

Не берусь послѣдовательно излагать о томъ, какъ зародились у меня первыя зачатки соціалистическаго ученія, такъ какъ это было бы мнѣ очень трудно исполнить въ настоящую минуту.—Произошло это подъ вліяніемъ не одного какого либо сочиненія или автора, чтобы можно было вспоминать, а при совокупныхъ условіяхъ какъ того, что читалось, такъ, по всему вѣроятію, и моей личной жизни, предрасполагавшей къ принятію этого ученія. Совершилось это опять-таки не сразу, а мало-по-малу, совершенно незамѣтно для самого меня. То у того,

то у другого автора,—то изъ одной, то изъ другой книги или журнальной статьи—выхватывались мысли. Такъ, давно, давно, еще въ юности, помню, кружились въ моей головѣ изрѣченія вродѣ того, что «собственность есть воровство», что «первый человѣкъ, воткнувшій въ землю колъ и объявившій ее своею собственностью былъ преступникъ», или что-то въ такомъ родѣ; вмѣстѣ съ этимъ косьба съ косарями, мечты о развитіи физической силы и вообще какой-то своеобразный демократизмъ, проводившійся мною до крайности; а отличался я, между прочимъ, большою прямолинейностью мыслей и, разъ ставши нигилистомъ, старался быть таковымъ до конца,—само собою разумѣется такъ, какъ это я понималъ въ то время. Была въ этомъ всемъ и нѣкоторая доля простой подражательности съ моей стороны; я сильно увлекался Тургеневскимъ Базаровымъ и Рахметовымъ-Чернышевскаго; хотя романъ «Что дѣлать», въ общемъ, мнѣ и понравился, можетъ быть, потому, что главныя лица—Лопуховъ съ Вѣрочкою и Кирсановъ—черезчуръ много занимались собою и ужъ ни въ какомъ случаѣ не «разрѣшали важный для людей вопросъ о семьѣ», какъ это утверждали нѣкоторыя, такъ какъ фактически семьи у нихъ не было (дѣтей у Лопухова не было); но вскользь и темно очерченая въ романѣ фигура Рахметова вызывала совсѣмъ другія мысли. Его огромная физическая сила, которой я былъ такимъ страстнымъ поклонникомъ, блужданье гдѣ-то по Волгѣ съ бурлаками, таинственный, недоговоренный конецъ,—все въ этой личности казалось необыкновеннымъ. Двѣ-три фразы, мелькомъ брошеныя авторомъ о томъ, какъ Рахметовъ «тянулъ лямку» съ бурлаками,—этотъ, такъ сказать, первый намекъ на «хожденье въ народъ»—произвели на меня при всей своей неопредѣленности и недоговоренности огромное впечатлѣніе; моя жизнь и безъ того склоняла меня къ народничеству, и эти двѣ-три фразы стоили цѣлаго романа. Таинственный Рахметовъ пра-

вился мнѣ; я часто задумывался надъ его неизвѣстнымъ концомъ, такъ какъ почему-то былъ увѣренъ, что лицо это было невыдуманное Чернышевскимъ, а существовало на самомъ дѣлѣ— и очень, помню, обрадовался, когда прочелъ, значительно, впрочемъ, позже (чуть ли уже не въ 72-мъ году) въ посмертныхъ сочиненіяхъ Герцена замѣтку о нѣкоемъ Бахметевѣ (и такъ наз. Бахметевскомъ фондѣ), отправившемся на какіе-то острова къ дикарямъ—устраивать коммуну, что ли,—о которомъ отъ кого-то тогда же я слыхалъ, что съ него-то именно и списалъ Чернышевскій своего Рахметова (даже самая фамилія была мало измѣнена: Бахметевъ или Рахметовъ).

Первый литературный кружокъ, въ которомъ я принялъ участіе, организовался, кажется, въ 69-мъ году. Кружокъ составился изъ семи или восьми студентовъ-медиковъ (къ этому времени я перевелся съ физико-математическаго факультета на медицинскій), изъ которыхъ трое-четверо были изъ Медико-Хирургической Академіи и попали къ намъ въ Кіевъ послѣ Петербургскихъ студенческихъ безпорядковъ; они-то, собственно, и явились организаторами кружка.—Изъ участниковъ кружка— упомяну здѣсь только объ одномъ Николаѣ Судзиловскомъ— впослѣдствіи времени принявшемъ участіе въ революціонномъ движеніи. Мы собирались разъ въ недѣлю, читали и бесѣдовали по поводу прочитаннаго. Мы думали о саморазвитіи готовились къ общественной дѣятельности, хотя какой именно, на этотъ счетъ не высказывалось опредѣленныхъ плановъ. Какъ будущему врачу—дѣятельность эта мнѣ представлялась прежде всего, конечно, ввидѣ врачебной помощи оказываемой народу; но *какъ именно* это будетъ дѣлаться—для меня было неясно; причина этому была можетъ быть та, что— выросши въ Юго-Западномъ краѣ гдѣ земства не было—я незнакомъ былъ съ организаціей земской врачебной помощи; отчасти же неудовлетворительность этой помощи—ввиду неблагопріятныхъ общихъ причинъ, а именно крайней бѣдности.

народа—къ тому времени уже достаточно была разъяснена въ литературѣ и слѣдовательно увлечься этой дѣятельностью было трудно. Такимъ образомъ, не представляя себѣ ясно что и какъ я буду дѣлать,—я думалъ однако, что это будетъ что то, во всякомъ случаѣ, не похожее на то, что дѣлалось нашими предшественниками врачами-чиновниками; такъ какъ какой же «общественный дѣятель» чиновникъ? И развѣ о чиновничей дѣятельности я мечталъ?—Конечно нѣтъ!

Все чѣмъ интересовалась въ ту эпоху наша печать, какъ напр., объ реализмѣ и классицизмѣ, объ женскомъ образованіи и равноправности и т. п.—волновало, само собою разумѣется, и насъ въ нашемъ литературномъ кружкѣ. Вопросъ о вліяніи среды на человѣка, помню, тоже часто поднимался среди насъ: почему люди съ хорошими стремленіями, войдя въ жизнь, и становясь на почву практики, постепенно утрачивали свои добрыя намѣренія и превращались въ заурядныхъ чиновниковъ; многіе, начавши честно свою карьеру, оканчивали тѣмъ, что дѣлались взяточниками или же, попросту, спивались. Это паденіе или опошленіе человѣческой личности приписывалось тогда вліянію окружающей среды.—Выраженіе «заѣла среда» не знаю кѣмъ и при какомъ случаѣ впервые пущенное въ обращеніе, примѣнялось ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя, такъ или иначе, какъ говорится, не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ.

По нашимъ же понятіямъ существовало двѣ среды, рѣзко отличавшіяся одна отъ другой; ближайшая къ намъ—Университетская—была хорошая, съ стремленіями къ идеалу; другая среда, находившаяся за стѣнами университета, совершенно не походила на предъидущую и обладала, какъ намъ казалось, только дурными качествами. Правда, въ этомъ второмъ лагерѣ, огромное большинство составляло народъ, который приходилось выдѣлять; и мы всегда его выдѣляли, когда думали о немъ; но думали мы о немъ сначала мало; несрав-

нимо сильнѣе въ этотъ періодъ времени работалъ въ насъ духъ отрицанія, и потому вниманіе наше обращено было на такъ называемое общество; изъ кого же состояло это общество и какимъ оно намъ представлялось? Состояло оно, главнымъ образомъ, изъ служилаго элемента, и это-то и была та самая дурная среда, которая «заѣдала» нашихъ хорошихъ людей. Даже лучшіе представители этой среды казались ничѣмъ другимъ, какъ лицемѣрами, такъ какъ никто изъ нихъ не поступалъ такъ, какъ думалъ и какъ считалъ хорошимъ поступать,—а такъ, какъ надо было поступать для того, чтобы не потерять мѣсто. Начиная съ исповѣди у поповъ, обязательной для чиновниковъ, которую всѣ ежегодно исполняли не потому, чтобы вѣрили и признавали ее нужной (напротивъ, даже смѣялись надъ этимъ обрядомъ!), а просто только для того, чтобы «исполнить формальность», какъ они выражались, и не попасть изъ-за такихъ «пустяковъ» на дурной счетъ въ глазахъ начальства, и оканчивая всякаго рода замалчиваніями—тамъ, гдѣ надо было говорить,—гнутьемъ спины передъ старшими и т. п.—Тотъ, кто говорилъ о честности, въ тоже время, самъ могъ брать взятки; на словахъ—возставать противъ низкопоклонничества, а въ дѣйствительной жизни ползать на четвереньках передъ начальствомъ. Очевидно,— разсуждали мы—всякій, попавшій въ такую среду, мало по малу и самъ втягивался въ подобное же противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, то есть между тѣмъ, что онъ признавалъ въ теоріи и—его собственными поступками.—Компромиссы опошляли людей и пріучали ихъ постепенно къ всевозможнымъ мерзостямъ...

Возвращаюсь, однако, къ вопросу о нашемъ православіи и обязательной исповѣди у поповъ, какъ весьма характерному явленію вспоминаемой мною эпохи.

Почти общей чертою студенчества былъ атеизмъ.—Не помню ни одного примѣра, чтобы сколько нибудь развитой

студентъ былъ религіозенъ. Причину этого повальнаго невѣрія, я думаю, слѣдовало бы искать въ нашихъ поповско-полицейскихъ порядкахъ: тамъ, гдѣ практиковалось насиліе надъ человѣческою совѣстью, неминуемо должно было распространиться невѣріе. Православная церковь со своими невѣжественными, нерѣдко пьяными попами, и безъ того не пользовалась доброй репутаціей, а къ этому прибавилось еще вмѣшательство правительства, что окончательно дискредитировало ее въ глазахъ мыслящей молодежи. Обязательное посѣщеніе церкви въ гимназіи принесло въ результатѣ то, что какъ только мы вышли изъ-подъ опеки нашихъ педагоговъ-обрусителей и попали въ университетъ, словомъ, какъ только получили нѣкоторую свободу, мы перестали совершенно посѣщать церковь. Правда, наше заботливое правительство, игравшее по отношенію къ своему излюбленному православію роль крыловскаго «услужливаго дурака», не оставляло насъ въ покоѣ и на университетской скамьѣ; оно не могло заставить насъ ходить здѣсь парами въ церковь, какъ заставляло это дѣлать въ гимназіи, но зато требовало отъ насъ обязательной исповѣди; это привело къ тому, что многіе стали прибѣгать къ обману: идетъ, бывало, кто-нибудь къ исповѣди, и въ это время старается подсунуть попу вмѣстѣ со своимъ еще одинъ или два билетика съ фамиліями другихъ товарищей. Повторяю, мы далеко не склонны были успокаивать себя тѣмъ практическимъ соображеніемъ, какимъ успокаивали себя наши чиновники, что исповѣдаться надо для того, чтобы «исполнить формальность» и не попасть изъ-за такихъ «пустяковъ» на дурной счетъ въ глазахъ начальства, а потому искали выхода изъ этого положенія. Мы не желали гнуть спины передъ начальствомъ (что тоже вѣдь было на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ «исполненіе извѣстной формальности»), не желали исповѣдываться у поповъ и вообще не хотѣли дѣлать ничего такого, что, по нашимъ взглядамъ, было не до-

стойно порядочнаго человѣка.—*Поставить свою жизнь въ согласіе съ тѣмъ, что признавалось въ теоріи,*— я думаю, было одно изъ основныхъ требованій мыслящей молодежи того, такъ сказать, *донародническаго* періода времени.

Между тѣмъ, жизнь брата Ивана складывалась совсѣмъ иначе, чѣмъ моя. Выгнанный изъ гимназіи и—какъ выражалось наше начальство на своемъ казенномъ жаргонѣ—„водворенный на мѣстожительство",—Иванъ жилъ безвыѣздно въ Лукѣ, проводя время, главнымъ образомъ, въ чтеніи книгъ и изученіи музыки. То былъ періодъ его поэтическихъ увлеченій, отъ котораго до сихъ поръ у меня сохраняется его тетрадь стихотвореній. Проживъ такъ года полтора, онъ надумался поступить въ консерваторію и съ этой цѣлью прямо поѣхалъ въ Варшаву; оттуда, спустя, кажется, годъ, перенесся въ Петербургъ, гдѣ во время своего пребыванія заинтересовался извѣстной въ то время Верещагинской сыроварней, существовавшей гдѣ-то въ Смоленской губ.; поѣхалъ туда, познакомился съ ея устройствомъ, и эта сыроварня родила у него мысль завести въ Лукѣ маслобойню на ассоціаціонныхъ началахъ. Что это была за сыроварня и на какихъ началахъ существовала, т. е. была ли это ассоціація или единоличное Верещагинское предпріятіе — сказать не умѣю, но помню только, что въ то время о ней что-то даже писалось въ нашей періодической печати.

Но задавшись планомъ работать въ деревнѣ среди крестьянъ, для поднятія ихъ благосостоянія, Иванъ находилъ нужнымъ для успѣха дѣла прежде всего завести у себя въ Лукѣ образцовое хозяйство, которое практически знакомило бы крестьянъ съ раціональнымъ воздѣлываніемъ земли; поэтому, воротившись въ Луку, онъ принялся за хозяйство.

Я уже говорилъ раньше, что наши старики владѣли очень небольшимъ имѣньицемъ. Но и это небольшое имѣніе состояло

изъ отдѣльныхъ кусочковъ земли, разрозненныхъ, разбросанныхъ, между чужими полями, такъ что о заведеніи раціональнаго хозяйства съ плодосмѣнной системой, о которой трактовалось въ сельско-хозяйственной литературѣ, при подобной черезполосицѣ, нельзя было и думать; поневолѣ приходилось держаться старой трехпольной системы, т. е. пахать свою землю тогда, когда пахали сосѣди, сѣять и убирать свои поля тогда, когда сѣяли и убирали сосѣди. Оставляя въ сторонѣ экономическую точку зрѣнія, то-есть недоходность подобнаго хозяйства, оно сверхъ того причиняло массу мелкихъ повседневныхъ заботъ и непріятностей, отравлявшихъ существованіе хозяина и убивавшихъ всякое желаніе заниматься этимъ дѣломъ. Прежде всего происходили вѣчныя недоразумѣнія изъ-за границъ, такъ какъ этихъ границъ при черезполосицѣ было множество; въ одномъ мѣстѣ впахался одинъ сосѣдъ, въ другомъ—другой; и такъ какъ впахивались нерѣдко крестьяне, которые и грѣхомъ не считали—если можно было гдѣ-нибудь овладѣть кусочкомъ «панского» поля, то приходилось имѣть съ ними непріятныя столкновенія. Западно-европейскому сельскому хозяину-фермеру, у котораго вся земля собрана въ одномъ мѣстѣ, съ прочно установленными границами владѣній—да, можетъ быть, и современному русскому землевладѣльцу—трудно, пожалуй, представить до какихъ размѣровъ доходило въ то время нарушеніе граничныхъ межъ и какъ дико и грубо разрѣшили подчасъ этотъ вопросъ: я самъ бывалъ свидѣтелемъ того, какъ спорившія стороны, съѣхавшись на мѣсто для возстановленія границъ, вступали въ драки. Къ вопросу о нарушеніи границъ присоединялся не менѣе непріятный вопросъ о такъ назыв. «спашѣ». Опять-таки преимущественно крестьяне „спасали“ посѣвы, загоняя своихъ лошадей воловъ въ помѣщичьи хлѣба. Сегодня выпасли пшеницу, завтра—овесъ; и никакія мѣры не оказывались дѣйствительными. Надо было по ночамъ объѣзжать верхомъ

засѣянныя поля, загонять скотину, если таковая тамъ оказывалась, къ себѣ во дворъ и запирать ее подъ замокъ, чтобы взыскать потомъ штрафъ съ виновнаго.—Эти ночныя похожденія, напоминавшія собою скорѣе военныя вылазки, чѣмъ хозяйственныя мѣры, составляли необходимый атрибутъ сельскаго хозяйства того времени и избѣжать ихъ не было никакой возможности.—На другой день появлялся мужикъ за своими волами или лошадьми,—и такъ какъ штрафа платить ему, само собою разумѣется, не хотѣлось,—то поднимались безконечные разговоры и жалобы на то, что имъ мужикамъ негдѣ пасти скотины, что ихъ волы сдыхаютъ отъ голода;—а разъ у него волы издохнутъ, то и ему самому ничего другого не остается, какъ лечь въ гробъ и т. п. Все это пересыпалось просьбами, а иногда если ходатаемъ являлась женщина—и горькими слезами. Или же приводились доказательства того, что его волы на самомъ дѣлѣ не причинили никакого вреда посѣвамъ; тогда поднималась болѣе сложная возня; созывались сосѣди-крестьяне въ качествѣ судей и всѣ гурьбою отправлялись на мѣсто потравы. Выпасенное мѣсто оказывалось, конечно, налицо и сразу признавалось всѣми; но хитрый мужикъ успѣвалъ въ это время найти на полѣ какія-то засохшіе остатки отъ воловъ, какихъ никоимъ образомъ не могло получиться отъ прошлой ночи; тогда дѣлалось заключеніе, что на этомъ мѣстѣ паслись раньше другіе волы и что, слѣдовательно, хлѣбъ спасенъ былъ не одними этими волами, но и еще какими-то другими раньше. Вопросъ осложнялся, запутывался до того, что оставалось только махнуть рукою и постараться о немъ забыть, чтобы безполезно не тревожиться. А то иногда случалось и другое: заѣдутъ въ ваши посѣвы добрые сосѣди съ косами, выкосятъ зелень, накладутъ её на возъ и увезутъ; на другой день ваше хозяйское око радуется выголеннымъ словно бритвою кускомъ поля, гдѣ именно буйнѣе всего росла пшеница или овесъ. Въ послѣднемъ случаѣ

дѣло принимало другой характеръ: начиналось тщательное изученіе колеинъ, оставленныхъ заѣзжавшимъ возомъ; опредѣлялось по разнымъ примѣтамъ—волами ли былъ запряженъ возъ, или лошадьми; строились догадки—чей этотъ возъ могъ быть... Словомъ, вы — хозяинъ—превращались въ «искателя слѣдовъ».

Такъ приходилось оберегать засѣянное. Но и засѣвать было не легко. Куски полей, разбросавныхъ на огромномъ пространствѣ (въ нашемъ Лучанскомъ имѣніи были поля, отстоявшія отъ дома болѣе чѣмъ на пять верстъ), поглощали массу силъ. Одинъ плугъ отправлялся въ одно мѣсто, другой—въ другое; и въ то время, какъ въ вашемъ присутствіи вспахивалось одно поле, на другомъ—ничего не дѣлалось: волы, запряженные „цугомъ", стояли и отмахивались хвостами отъ мухъ, а работникъ въ это время мирно спалъ въ бороздѣ, закрывши соломеннымъ „брилёмъ" глаза отъ солнца.

Обработать поле, засѣять, доглядѣть, чтобы его не выпасли, сжать или скосить, свезти хлѣбъ на гумно, смолотить, это такая безконечная вереница всевозможныхъ враждебныхъ столкновеній для хозяина съ его наемными работниками, съ сосѣдями-крестьянами, наконецъ съ животными, съ его собственными лошадьми и волами, которыхъ, для того чтобы везли, приходится подгонять кнутомъ,—что хозяину только и остается, что озвѣрѣть.

Съ Иваномъ, однако, случилось другое: воловъ, которыхъ онъ самъ ночью загонялъ съ посѣвовъ къ себѣ во дворъ и запиралъ въ сараѣ,—на другой день выпускалъ мужику, не взявши съ него штрафа; „наймыта" (наемнаго работника), когда его заставалъ спящимъ въ бороздѣ, не колотилъ, какъ это дѣлали другіе хозяева. Чтобы ознакомиться съ тогдашнимъ настроеніемъ и взглядами Ивана, которые я нахожу довольно характерными, я позволилъ себѣ сдѣлать выписки изъ

его тетради, уцѣлѣвшей отъ того далекаго времени. Вотъ что онъ писалъ:

— „Ни одинъ умный человѣкъ, я думаю, не усумнится въ той глубокой истинѣ, что прогрессъ —если только его плодотворные плоды не касаются вовсе большинства населенія какой-нибудь страны—такой прогрессъ не заслуживаетъ никакого вниманія. Прогрессъ, плоды котораго достаются только ничтожному меньшинству, лишь усиливаетъ общественный разладъ, поселяетъ сословную ненависть, дѣлаетъ это меньшинство нечувствительнымъ къ общественнымъ нуждамъ и, въ то же самое время, вся масса, погрязая въ суевѣріи, превращается въ какихъ-то полускотовъ".

Опредѣливши такимъ образомъ, каковъ, по его мнѣнію, долженъ быть характеръ прогресса, Иванъ указываетъ на освобожденіе крестьянъ, какъ на выдающееся событіе въ этомъ смыслѣ; иниціатива этого крупнаго, самаго прогрессивнаго у насъ дѣла, принадлежитъ правительству; осуществленіе же его, то-есть проведеніе этой реформы въ жизнь, находится въ рукахъ „интелигенціи" (т. е. общества); поэтому, далѣе, Иванъ переходитъ къ характеристикѣ нашего общества. «Начнемъ съ того, говоритъ онъ, что разобьемъ всю интелигенцію Подольской губ. на группы и посмотримъ въ какихъ отношеніяхъ находится каждая изъ этихъ группъ къ массѣ населенія. Самое видное мѣсто, по большинству своему, занимаютъ помѣщики. Изъ нихъ двѣ-трети принадлежатъ къ польской національности римско-католическаго вѣроисповѣданія, а потому, прежде всего, мы и займемся этой группою людей».

„Едва-ли найдется много такихъ, среди поляковъ-помѣщиковъ Подольской губ., которые серьезно думали бы въ настоящее время *) о политическомъ возстановленіи Царства Польскаго. Но это не мѣшаетъ имъ оставаться всегда са-

*) Рукопись относится къ концу 60-хъ и началу 70-хъ годовъ.

мыми ярыми врагами всего русскаго. Какъ бы ни былъ хорошъ съ вами—русскими—помѣщикъ-полякъ, онъ никогда вполнѣ не довѣрится вамъ, онъ вѣчный мученикъ своего собственнаго подозрѣнія,—все ожидаетъ съ вашей стороны предательства. Помѣщикъ-католикъ имѣетъ тѣсный кружокъ своихъ знакомыхъ сосѣдей, съ которыми дѣлитъ свой досугъ. Тамъ—среди близкихъ людей, онъ выливаетъ свою желчь и досаду, ругаетъ все русское. Но вы крѣпко ошибетесь, если подумаете, что свои свѣдѣнія о русской жизни онъ заимствуетъ изъ русскихъ газетъ; онъ презираетъ русскую печать; весь прогрессъ Россіи онъ считаетъ ни во что; съ высоты своего величія онъ смотритъ на Россію какъ на страну варваровъ, можетъ ли его интересовать литература этихъ варваровъ? Русскій языкъ онъ называетъ „бараньимъ", и если бы онъ только замѣтилъ у кого-нибудь изъ своихъ собратьевъ на столѣ русскую газету—онъ подвергъ бы его всевозможнымъ насмѣшкамъ. Какъ образчикъ сужденія помѣщиковъ-поляковъ о русской литературѣ, я приведу одинъ примѣръ: какъ-то мнѣ случилось быть въ польскомъ домѣ, гдѣ выписывался одинъ варшавскій журналъ, въ которомъ помѣщался романъ Тургенева „Отцы и Дѣти", разумѣется, въ переводѣ, на польскомъ языкѣ. Хозяинъ дома, человѣкъ относительно вовсе не глупый, жаловался мнѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: ваше правительство мало того, что лишило насъ политической самостоятельности, оно хочетъ убить въ насъ и въ нашихъ дѣтяхъ наше единственное богатство, чѣмъ только до сихъ поръ мы могли гордиться,—нашу религіозность и нравственность, приказывая переводить изъ вашей гадкой литературы такія атеистическія, возмущающія душу сочиненія. И, дѣйствительно, нравственность помѣщиковъ-католиковъ въ смыслѣ клерикальномъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Съ сокрушеннымъ сердцемъ и дѣтскою покорностью исполняютъ они всѣ требованія своего приходскаго ксендза. Какою бы глупостью

ни отличался ихъ духовный пастырь—они не видятъ, не хотятъ этого видѣть. Каждое слово, произнесенное съ амвона, признается ими за истинное. Всякое воскресеніе или праздникъ истинный сынъ римской церкви считаетъ своимъ долгомъ побывать въ приходскомъ костелѣ. Для этого уже накапунѣ праздничнаго дня хозяиномъ дома дѣлаются приготовленія къ шикарному выѣзду: чистится лучшій экипажъ, достается новая упряжь, приготовляются лучшія лошади. Въ то время, какъ внѣ дома происходитъ такая кутерьма,—въ самомъ домѣ, на той половинѣ, гдѣ помѣщается прекрасный полъ, уже дня два идетъ суматоха, шумъ, бѣготня; приготовляются чистыя манишки и рукавчики, гладится бѣлье, вытаскиваютъ изъ сундуковъ и шкаповъ новыя платья, послѣдняго фасона, дорогія шубы. Однимъ словомъ, все, что есть лучшаго въ домѣ—все это приготовляется къ выставкѣ, къ показу на завтрашній праздничный день.—Да,- мелкое тщеславіе заѣдаетъ помѣщика; всякій изъ нихъ, въ какихъ бы скверныхъ обстоятельствахъ не находились его дѣла, считаетъ своею обязанностью не отставать отъ другихъ; онъ изъ кожи лезетъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь.— И все это желаніе быть не хуже другихъ ограничивается исключительно одною пустою внѣшностью. Меня всегда удивляло это чванство у людей даже близкихъ и бывающихъ другъ у друга чуть не каждый день. Ихъ гостиныя полны пошлаго этикта и китайскихъ церемоній. Простое одолженіе, оказанное комунибудь, вызываетъ цѣлый потокъ льстиво-высказанныхъ благодарностей. Когда вы войдете въ гостинную, васъ поразитъ общая натянутость отношеній, расчитанность даже въ походкѣ и взглядахъ; во всемъ вы замѣтите ложь и лицемѣріе.

Тщеславіе и пустота явились послѣдствіемъ крѣпостного права. Помѣщикъ не зналъ откуда все берется; мужикъ работалъ, какъ волъ; потомъ, своимъ, удобрялъ панскія поля; и въ то время, какъ бѣдный работникъ — производитель всего

существующаго на землѣ богатства, умиралъ съ голода, владѣлецъ его, панъ, держалъ сотни охотничьихъ собакъ для развлеченья, пилъ венгерское и изощрялся въ тщеславіи.

«Увольненіе крестьянъ хватило обухомъ въ темя польскаго пана. Но вскорѣ онъ оправился. Пошли выборы мировыхъ посредниковъ; всякій предлагалъ своего брата или свата на занятіе новой открывшейся должности. И результаты получились блестящіе: тамъ крестьянъ обмѣрили, потому что мировой посредникъ былъ своякъ и однокашникъ помѣщика; въ другомъ мѣстѣ принудили крестьянъ отказаться отъ своихъ усадебъ въ пользу помѣщика и выселиться въ трущобу, благодаря интимнымъ отношеніямъ между помѣщикомъ и мировымъ посредникомъ; въ третьемъ мѣстѣ исказился смыслъ «инвентарныхъ правилъ». Однимъ словомъ, плохо приходилось крестьянину, да богъ помогъ и послалъ польскую революцію; возстаніе было усмирено и на его развалинахъ русское правительство начало перестраивать и поправлять погибшее было уже крестьянское дѣло».

«Переходъ отъ дарового работника къ наемному» — пишетъ Иванъ далѣе, «долженъ былъ совершенно измѣнить способъ веденія сельскаго хозяйства. Между тѣмъ, помѣщики, по настоящее время, держатся старыхъ пріемовъ; рутина ими руководитъ въ сельско-хозяйственномъ производствѣ. Изъ ста помѣщиковъ, едва ли одинъ найдется такой, который выписывалъ бы какой-нибудь дѣльный сельско-хозяйственный журналъ. Всѣ плоды естественно-научныхъ изслѣдованій о почвѣ, объ удобреніи и о произрастаніи растеній совершенно неизвѣстны имъ. При своихъ работахъ они руководствуются мѣстнымъ обычаемъ; когда нужно вспахать, когда сѣять, какъ убирать — все это они совершаютъ по рецептамъ, завѣщаннымъ отъ ихъ отцовъ. Какія же данныя на то, чтобы эти люди могли стать во главѣ прогресса — и чему хорошему они могутъ научить крестьянскую массу?»

«Вглядываясь ближе въ отношенія, существующія между помѣщикомъ-полякомъ и крестьянами, мы замѣчаемъ, что крестьяне къ панамъ относятся съ ненавистью; въ свою очередь помѣщикъ презираетъ крестьянъ, признавая ихъ за полускотовъ, созданныхъ для тяжелаго труда. Выработавъ въ себѣ подобное мнѣнье, помѣщикъ старается какъ можно больше эксплоатировать, какъ можно больше вытянуть изъ этого полускота все, чѣмъ онъ полезенъ въ хозяйствѣ. Владѣя какими-нибудь двумя стами десятинами полунетощенной земли, безъ знаній, безъ средствъ и безъ желаній ввести машинный трудъ, помѣщикъ необходимо долженъ стремиться къ наиболѣе дешевому животному труду, посредствомъ всевозможныхъ продѣлокъ; и на какіе только фокусы онъ не пускается, лишь бы какъ-нибудь надуть мужика! Вообще, отношенія между помѣщиками-поляками и крестьянами отличаются полнѣйшимъ недовѣріемъ; объ солидарности не можетъ быть и рѣчи; напротивъ, на всякомъ шагу вы замѣчаете полнѣйшее разъединеніе и одно только недоброжелательство. Помѣщикъ старается надуть крестьянина, крестьянинъ—помѣщика. Займетъ ли помѣщикъ со спаши крестьянскую скотину—никакія слезы и моленія бѣдняка не пробудятъ въ заскорузломъ сердцѣ помѣщика чувства сожалѣнія. Сбрасываетъ съ себя мужикъ одежду, оставляетъ въ залогъ у помѣщика и отправляется чуть не голый съ своею скотиною домой. А не то—нерѣдко случается такая штука: помѣщикъ приказываетъ пойманную въ его огородѣ крестьянскую свинью, просто на просто, заколоть у себя на кухнѣ. — У помѣщика съ крестьянами —вѣчная война: за выгоны, за лѣсъ, за пруды и водопой;— словомъ все, въ чемъ только нуждается человѣкъ — все это составляетъ предметъ борьбы. Что же послѣ этого можетъ быть общаго между помѣщикомъ и крестьянами?»

Рукопись, откуда я дѣлаю выписки, не была окончена; въ ней характеризуется только помѣщичество польскаго про-

исхожденія; хотя, очевидно, и русскіе помѣщики Подольской губер. мало чѣмъ разнились отъ польскихъ въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянству; между ними и крестьянами, конечно, существовало то же самое «взаимное недоброжелательство и ненависть»; — та же ожесточенная борьба за «все въ чемъ только нуждается человѣкъ», т. е. за поля, за сѣнокосы, за водопой.

Въ бытность въ гимназіи, Иванъ, подобно намъ всѣмъ, — даже съ большей страстностью чѣмъ другіе — сочувствовалъ польскому возстанію; но это отношеніе радикально измѣнилось у него, какъ только онъ началъ оцѣнивать это событіе въ связи съ крестьянскимъ вопросомъ; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы припомнимъ, что въ юго-западномъ краю, гдѣ коренное населеніе вовсе не поляки, а украинцы, и гдѣ это коренное населеніе — крестьяне — всегда угнетались именно поляками, представлявшими тамъ шляхетско-помѣщицкое сословіе, — въ этомъ краѣ польскій вопросъ неизбѣжно долженъ былъ носить и носилъ узко-національный, помѣщицкій характеръ.

Но возвращусь къ разсказу.

Чтобы уменьшить насколько возможно столкновенія съ крестьянами, Иванъ съузилъ хозяйство; онъ сталъ обрабатывать только тѣ поля, что были подъ бокомъ и гдѣ онъ могъ лично присутствовать и работать. Разбросанные участки земли — отчасти были распроданы, отчасти сданы крестьянами исполу, и все его хозяйство, въ концѣ концовъ, сосредоточилось около усадьбы. Усадьба же наша, состоявшая изъ тридцати десятинъ земли, представляла много удобства для этого. Поля въ перемежку съ фруктовыми садами и вишняками, левады съ сѣнокосами, огороды, прудъ, съ сѣверной стороны полоса молодого грабового лѣса — все это, расположенные на двухъ холмахъ, было обнесено рвомъ, по хребету котораго навалены были пласты валежника и соломы, что

дѣлало нашу усадьбу похожею на крѣпость, куда забраться было невозможно не только чужой скотинѣ, но даже человѣку перелѣзть было трудно.—Къ усадьбѣ примыкалъ еще кусокъ -десятинъ двадцать пахатнаго поля, которое тоже было включено въ хозяйство, такъ что получалось, въ общей сложности, около пятидесяти десятинъ, на которыхъ Иванъ и принялся хозяйничать. Правда, и для этого небольшого хозяйства ему приходилось держать наемныхъ работниковъ, но, во всякомъ случаѣ, работы пошли успѣшнѣе, такъ какъ онъ вѣчно принималъ въ нихъ участіе, а слѣдовательно спать во время работъ даже лѣнивому «наймыту» не удавалось. Но самое важное — онъ избавился отъ ночныхъ вылазокъ и ссоръ съ сосѣдями.

Въ каникулярное время я пріѣхалъ изъ Кіева, присоединился къ нему и мы работали вмѣстѣ.

Сначала эти работы меня привлекали только какъ мускульныя упражненія: я мечталъ о развитіи физической силы. Однако, спустя нѣкоторое время, мое отношеніе стало мѣняться.

Въ теченіе работъ я страшно уставалъ; но мнѣ бывало стыдно бросить работу раньше другихъ и потому, не разъ, приходилось напрягать свои силы до крайности, чтобы не отстать отъ компаніи. Работать оказывалось такъ трудно, что я сталъ даже сомнѣваться въ своей годности къ физическому труду. И подобно тому какъ раньше во время косьбы я любилъ смотрѣть и сравнивать свои мускулы рукъ съ руками косарей, такъ теперь мнѣ захотѣлось опредѣлить свою выносливость къ труду и сравнить ее съ выносливостью крестьянъ. Я думалъ, что крестьяне вообще мало устаютъ, работая, — вслѣдствіе привычки съ дѣтства къ физическому труду; но скоро убѣдился, что это было ошибочное мнѣніе. Такъ, напр., Никола Середа - превосходный косарь, на котораго, со стороны глядя, можно было принять, что онъ забавляется съ косою, а не работаетъ,—до того легко онъ

шелъ и красиво укладывалъ свои покосы,—этотъ Никола разсказывалъ, что во время продолжительной косьбы, когда ему приходилось въ теченіе мѣсяца почти всякій день ходить съ косою (это было въ Херсонской губ., когда онъ ходилъ на заработки), даже ночью — „спишь“ — говорилъ онъ, „а руки во снѣ, иной разъ, такъ и дергаются въ стороны, какъ будто ты косишь; и проснешься отъ боли. Такъ намахаешься за весь день, что послѣ того и во снѣ покоя нѣтъ“. „Вотъ разсказываютъ“ — продолжалъ онъ — „возвращались какъ-то косари съ косьбы домой; а трава въ томъ году была густая, да высокая,—трудно было косить... Возвращаются косари домой и встрѣчаетъ ихъ одинъ человѣкъ по дорогѣ;— „а что—трава—добрая?“ Спрашиваетъ человѣкъ.—„Добра тра...“ отвѣчаетъ косарь; онъ—видите ли—хотѣлъ сказать: добрая трава, да трава у него не вышла: языкъ у него совсѣмъ пересохъ во рту отъ усталости“.

Такъ вотъ какъ не устаютъ мужики! думалъ я, слушая разсказъ Николы. Припоминаю, выйдемъ мы, бывало, на зарю съ косами на работу; дорогой идемъ, весело болтаемъ: шутки да прибаутки такъ и сыплятся то съ той, то съ другой стороны. Придемъ на сѣнокосъ, остановимся, подостримъ косы... Заходитъ первый косарь, за нимъ второй, третій... Утренній воздухъ прохладный; бодрое, веселое настроенье не покидаетъ косарей. „А—ну, быстрѣе!.. А то вотъ подрѣжу пятки!..“ кричитъ мнѣ, бывало, тотъ, что идетъ непосредственно за мною. Я спѣшу и смѣюсь при этомъ, такъ какъ знаю, что пятъ, конечно, онъ мнѣ не подрѣжетъ.—Но по мѣрѣ того какъ солнце поднимается все выше и выше, приближается къ зениту и начинаетъ страшно жечь, затихаютъ совершенно косари, съ утра перекидывавшіеся замѣчаніями; слышенъ только шумъ косъ и безпрерывный трескъ кузнечиковъ, то и дѣло выпрыгивающихъ въ разныя стороны изъ-подъ косъ. По временамъ, то тотъ, то другой косарь пріостановится и,—

вытащивъ мокрый брусокъ изъ деревянаго рожка съ водою, подвѣшеннаго къ поясу, наскоро подтачиваетъ косу, молча и угрюмо глядя куда-то въ сторону (онъ точитъ машинально, не смотря на косу); затѣмъ раздается нѣсколько торопливыхъ ударовъ косы, чтобы догнать передняго,—и опять слѣдуетъ одинъ за другимъ мѣрные взмахи и шипѣнье скашиваемой травы, и трескъ кузнечиковъ.

— „Добра тра...!“ думалъ я въ такія минуты, весь обливаясь потомъ. Да, тяжело зарабатывали люди хлѣбъ для пропитанія. А между тѣмъ, думалъ я съ досадой, еще и теперь находятся охотники писать на тему о счастливой крестьянской жизни: какъ въ тихій лѣтній вечеръ возвращается съ поля въ деревню стадо, и мелодично звенятъ колокольцы на шеяхъ коровъ; какъ добрые мужички, необыкновенно довольные и счастливые, идутъ съ пѣснями съ работъ и потомъ мирно расходятся по своимъ избушкамъ хоть и небольшимъ, но очень уютнымъ, гдѣ ихъ ожидаетъ „добрый борщъ“ и ласки молодой, непремѣнно красивой, или, по крайней мѣрѣ, здоровой, „какъ кровь съ молокомъ“, хозяйки.—А солнце въ это время такъ тихо, тихо опускается за горизонтъ, и доносятся откуда то пѣсни крестьянскихъ дѣвушекъ, уже устроившихъ гдѣ то въ селѣ „веселый хороводъ“.—Или же вотъ другая картинка: „Зима! Крестьянинъ, торжествуя, на дровняхъ обновляетъ путь“ и т. д. Гдѣ же это нашъ крестьянинъ торжествуетъ съ наступленіемъ зимы?—думалъ я. Помѣщикъ торжествуетъ,—это точно,—такъ какъ, во-первыхъ, по порошѣ хорошо охотиться, а во-вторыхъ—велитъ онъ заложить добрыхъ лошадей въ сани—розвальни, одѣнется въ теплую шубу, сядетъ, подоткнется отовсюду аккуратненько, чтобы не поддувало, на ноги положитъ мѣхъ, а спереди посадитъ кучера, и маршъ—маршъ, куда глаза глядятъ!. Такъ что стихотвореніе слѣдовало бы передѣлать такъ „Зима! Помѣщикъ, торжествуя, въ розвальняхъ обновляетъ путь“...

Правда, слово розвальни—мѣшало бы гладкости стиха, но зато получилась бы, по крайней мѣрѣ, картина вѣрная.—Крестьянинъ же вообще рѣдко „торжествуетъ“, а съ наступленіемъ холодовъ, обыкновенно холодѣетъ и у него на сердцѣ, такъ такъ онъ знаетъ, что вмѣстѣ съ зимою идетъ и крестьянская нужда. Такія картинки умѣстны лишь въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ, когда человѣку все рисуется въ розовыхъ краскахъ, и не выработалось еще у него сознательнаго отношенія къ жизни.—Такъ разсуждалъ я въ то время.

И началъ я присматриваться къ женцамъ, возвращавшимся съ поля домой; къ „парубкамъ“ и „дивчатамъ“, шедшимъ шумною гурьбою, съ пѣснями. Весело имъ было на самомъ дѣлѣ, или же они только бодрились? Мы думаемъ, что мужикамъ легко дается ихъ жизнь, что имъ даже весело трудиться, и потому они поютъ, возвращаясь съ работъ.—А между тѣмъ, въ дѣйствительности дѣло стоитъ, какъ разъ наоборотъ: они потому поютъ, возвращаясь домой, что безконечно рады предстоящему отдыху, такъ какъ трудъ ихъ былъ черезчуръ тяжелъ.

Крестьянская жизнь теперь стала мнѣ представляться въ другомъ свѣтѣ,—иною чѣмъ раньше; и чѣмъ внимательнѣе всматривался я, тѣмъ болѣе открывалъ въ ней для себя нѣчто новое.—До сихъ поръ мнѣ всегда казалось, что я хорошо знакомъ съ жизнью крестьянъ и близко ихъ знаю, а тутъ вдругъ выходило на повѣрку, что не знаю. И я рѣшилъ знакомиться. Само собою разумѣется, прежде всего, я постарался возобновить сношенія съ тѣми изъ нихъ, которыхъ помнилъ съ дѣтства молодыми „хлопцами“. Таковъ, напр., былъ въ Лукѣ мужикъ Тымко, онъ былъ старше меня года на четыре; его мать служила у моей бабушкѣ еще съ крѣпостного времени. Тымко росъ на моихъ глазахъ, или вѣрнѣе мы вмѣстѣ съ нимъ росли на одномъ дворѣ. Но когда подросъ, я уѣхалъ изъ Луки въ мѣстечко Немировъ учиться

въ гимназіи, а Тымко остался въ Лукѣ, выросъ и женился тамъ. Встрѣтясь съ нимъ теперь,—когда я уже былъ студентомъ,—я какъ то его спросилъ: «Какъ вамъ живется, Тымко?»—«А какже намъ, мужикамъ, можетъ житься?!..» отвѣчалъ онъ, точно удивляясь моему вопросу—«Ось, пхаю выламы житья передъ собою!» Зашелъ я къ нему въ избу (его мать уже умерла и онъ жилъ съ женою). Тѣсно, убого. Маленькая „хата“ почти вся занята неуклюже расползшеюся во всѣ стороны огромною печью; въ углу, возлѣ лежанки, виситъ на крючкѣ, вбитомъ въ потолокъ, люлька, то есть попросту деревянная рамка, подшитая грязнымъ мѣшкомъ съ темнымъ, влажнымъ, вонючимъ пятномъ снизу,—а въ этой люлькѣ лежитъ „дытына“.—И я вспомнилъ, какъ его покойная мать, не имѣвшая кромѣ него другихъ дѣтей, когда-то баловала его. Дѣтьми, мы цѣлые дни проводили вмѣстѣ, и никакой тогда не было разницы между нами, по крайней мѣрѣ, мнѣ не приходило въ голову мысль, что я имѣлъ какія-то преимущества передъ нимъ; напротивъ, такъ какъ онъ былъ старше меня и сильнѣе, то пользовался въ моихъ глазахъ авторитетомъ, и я—помню—даже ему завидовалъ. Но потомъ, въ гимназическій періодъ, я потерялъ его изъ вида, какъ и многихъ другихъ „хлопцевъ“, моихъ сверстниковъ, и совсѣмъ забылъ о немъ. А теперь—вотъ онъ каковъ!..

Въ тоже время я видѣлъ, что не одинъ Тымко, а большинство крестьянъ въ Лукѣ жило также какъ онъ,—то есть строго говоря не жило, а попросту „пихало свою жизнь вилами передъ собою“. *Пихать жизнь вилами*—какое образное, удачное выраженіе для „счастливой“ крестьянской жизни!.. Такъ гдѣ же тутъ счастье? спрашивалъ я себя. Напротивъ, то что я видѣлъ кругомъ убѣждало меня въ томъ, что большинство страдало, мучилось, что царила какая то подлость...

Я принялся сравнивать (я не могъ не сравнивать!)

прежде всего свою собственную жизнь съ жизнью хотя бы этого самаго Тымка, и я видѣлъ и чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, на сколько моя жизнь была счастливѣе его. А между тѣмъ онъ былъ такой же человѣкъ какъ и я; въ дѣтствѣ онъ мало чѣмъ отъ меня отличался, даже то, чѣмъ онъ отличался, было въ его пользу (онъ былъ сильнѣе меня). Но только потомъ его жизнь потекла по одному руслу, а моя—по другому и вышло изъ насъ два разныхъ человѣка. Теперь ему приходится свою жизнь „пихать вилами передъ собою", а я живу такъ, какъ мнѣ хочется.

Такимъ образомъ, именно тогда—я сталъ это понимать—и понимать не умомъ только, а, такъ сказать, ощущать всѣми своими пятью чувствами, что наша жизнь такъ сложилась, что большинство людей, крестьяне, работаютъ, мучатся и живутъ очень дурно, а мы, меньшинство, привилегированные, пользуемся ихъ трудами и живемъ хорошо. А во избѣжаніе того, чтобы случайно какъ-нибудь внутри насъ не заговорила совѣсть и не помѣшала намъ спокойно предаваться удовольствіямъ жизни, мы придумали себѣ объясненіе, что мужикъ привыкъ къ физическому труду, и что онъ вовсе не страдаетъ отъ этого, что онъ даже счастливъ не меньше нашего («ѣстъ добрый борщъ» и еще что то тамъ такое, какъ восклицалъ въ восторгѣ отъ мужичьяго счастья, кто то изъ нашихъ поэтовъ-писателей). Находились даже такіе, которые считали, что несчастные собственно они, а не мужики, такъ какъ они *глубоко чувствовали*. И до чего они завидовали крестьянамъ. «Счастливые люди»! восклицали они, глядя на меланхолично веселую толпу крестьянской молодежи, возвращавшуюся съ вилами и граблями, съ уборки сѣна.—Отвратительное лицемѣріе! Какъ будто кто-нибудь мѣшаетъ взять вилы или косу въ руки и вкусить самому этого мужичьяго счастья?! Но, можетъ быть, даже и не во всѣхъ случаяхъ лицемѣріе, такъ какъ попадались, конечно, съ подобными взглядами люди

и искреннія; въ такомъ случаѣ, это были искренніе невѣжды, несумѣвшіе разобраться въ окружающей жизни.

Такъ думалъ, или почти такъ, я думалъ въ то время.

Перечитывая теперь Л. Н. Толстого, особенно статьи, писанныя имъ въ 80-хъ годахъ, — они мнѣ представляются, мѣстами, словно выписками изъ нашихъ дневниковъ — до такой степени похоже то, что высказываетъ Толстой съ пережитыми когда то нашими собственными мыслями и ощущеніями; только мы это переживали на десятки лѣтъ раньше, и къ выводамъ мы тогда пришли совсѣмъ не тѣмъ, къ какимъ приходитъ Толстой. Вотъ, напр., какъ онъ разсказываетъ о работникѣ на покосѣ: «80-ти-лѣтняя старуха только гребетъ, но и это ей черезъ силу; она медленно волочитъ свои обутыя въ лапти ноги и, насупившись, мрачно смотритъ передъ собою, какъ тяжкій больной или умирающій человѣкъ. Старикъ нарочно отсылаетъ ее дальше отъ другихъ — погрести около копенъ, чтобы она не равнялась съ другими, но она не покладаетъ рукъ и съ тѣмъ же мертвымъ, мрачнымъ лицомъ работаетъ, пока другіе работаютъ. Солнце уже заходитъ за лѣсъ, а копны не всѣ прибраны, остается еще много.—Всѣ чувствуютъ, что пора шабашить, но никто не говоритъ, ожидая того, чтобы сказали это другіе. Наконецъ, сапожникъ, чувствуя, что силъ уже нѣтъ, предлагаетъ старику оставить копны до завтра, и старикъ соглашается, и тотчасъ же бабы бѣгутъ за одеждой, за кувшинами, за вилами, и тотчасъ же старуха садится, гдѣ стояла, и потомъ ложится, все тѣмъ же мертвымъ взглядомъ глядя передъ собою».—«Гдѣ бы мы не наблюдали жизнь людей»—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ— «мы увидимъ одно и то же: что люди непрестанно и напряженно работая, не въ силахъ пріобрѣсти для себя и для своихъ малыхъ и старыхъ - одежды, крова и пищи, и что значительная часть людей, какъ прежде, такъ и теперь, гибнетъ отъ недостатка средствъ жизни и непосильнаго труда для пріі-

обрѣтенія ихъ». «А мы (т. е. привилегированные) живемъ такъ какъ будто нѣтъ связи между этимъ и нашей жизнью; намъ кажется, что страданія сами по себѣ, а наша жизнь сама по себѣ». — «Мы читаемъ описанія жизни римлянъ и удивляемся на безчеловѣчность этихъ бездушныхъ лукулловъ, упитывавшихся яствами и винами, когда народъ умиралъ съ голода».

Жизнь бѣдноты въ ночлежныхъ домахъ и трудовая, тяжелая крестьянская жизнь вызвали у нашего писателя чувство покаянія, весьма похожее на то, которымъ были преисполнены и мы, семидесятники, въ свое время,—и эти страницы, гдѣ Толстой описываетъ съ одной стороны праздную жизнь дворянъ и привилегированныхъ, съ другой—жизнь трудового люда, и гдѣ онъ возстаетъ противъ роскоши, указываетъ на несостоятельность существующихъ общественныхъ порядковъ и пр., все это, повторяю, точно выписано изъ нашихъ собственныхъ дневниковъ, такъ что всякому желающему близко познакомиться, заглянуть, такъ сказать въ самую душу нашего движенія (народническаго) можно только порекомендовать перечитать Толстовскія произведенія, въ особенности такія, какъ «О переписи въ Москвѣ», «Такъ что же намъ дѣлать»? и другія, съ одной, впрочемъ, существенной поправкой,—отбросивши выводы, къ которымъ приходитъ писатель и способы борьбы со зломъ, рекомендуемые имъ. Вотъ, напр., какъ онъ заканчиваетъ свою превосходную статью «Такъ что же намъ дѣлать?», написанную въ 1884—5 году.— Описавши въ потрясающихъ картинахъ нищету городскихъ бездомныхъ скитальцевъ и непосильный крестьянскій трудъ, выразивши опредѣленно и ясно свое полное неодобреніе жизни привилегированныхъ классовъ, ничего полезнаго не дѣлающихъ и пользующихся народнымъ трудомъ, наконецъ, признавши обязательной для всякаго мускульную работу, какъ средство пропитанія, въ заключеніе, Толстой предлагаетъ всѣмъ (конечно,

богатымъ) устроиться по слѣдующей, спасающей, по его мнѣнію программѣ: онъ дѣлитъ день, изъ 16-ти часовъ, (остальные 8 часовъ предполагаетъ для сна) на четыре части (по 4 часа каждая), сообразно которымъ раздѣляетъ на четыре рода и дѣятельность человѣка; 1) «Дѣятельность мускульной силы; работа рукъ, ногъ, плечъ, спины—тяжелый трудъ, отъ котораго вспотѣешь; 2) дѣятельность пальцевъ и кисти рукъ, дѣятельность ловкости мастерства; 3) дѣятельность ума и воображенія; 4) дѣятельность общенія съ другими людьми».

И этимъ-то гигіеническимъ рецептомъ для баръ, страдающихъ запорами, нашъ великій писатель думалъ пособить людскому горю!

Я говорилъ уже раньше, что на физическую работу сначала я смотрѣлъ просто какъ на гимнастику, такъ какъ стремился развить въ себѣ силу. Но въ результатѣ отъ физическаго труда получилось кромѣ укрѣпленія мускуловъ еще нѣчто другое, совершенно для меня неожиданное. Работая съ косарями (не по 4 часа въ день, какъ рекомендуетъ Толстой, а отъ зари до сумерекъ), уставшій, изломанный, облитый потомъ, я не разъ принимался дѣлать сравненіе между собою и ими, и размышлять о той огромной разницѣ, что существовала между нами... Пройдетъ день, другой—думалъ я—и я брошу эту тяжелую работу, могу по крайней мѣрѣ бросить, когда захочу, какъ только она для меня сдѣлается невыносимой». И нужно сознаться, что это соображеніе сильно меня подкрѣпляло.—«Но не такъ этотъ вопросъ поставленъ для нихъ: они не смѣютъ оставить работу; они должны работать и сегодня, и завтра, и послѣ-завтра, и такъ до конца, до самой смерти. Всю жизнь въ такомъ трудѣ»! Мнѣ дѣлалось рѣшительно жутко отъ одной этой мысли. И чѣмъ болѣе я задумывался надъ этимъ, тѣмъ большую цѣну получалъ въ моихъ глазахъ мужичій трудъ, и тѣмъ глубже трогала меня

мужичья участь. - -Они мнѣ стали казаться какими то святыми мучениками.

Вѣроятно, многимъ случалось переживать такое состояніе: вотъ вы давно знакомы съ женщиной; не разъ встрѣчались съ нею, проводили время въ ея обществѣ. И вамъ она казалась обыкновеннымъ человѣкомъ. Но вдругъ случилось такъ, что ваше вниманіе почему то привлеклось; и та самая улыбка, которая раньше казалась обыкновенной, и которую вы сотни разъ видѣли на ея лицѣ, — теперь вдругъ стала вамъ представляться прекрасной; глаза ея получили такое выраженіе, какого вы никогда раньше не замѣчали, ея голосъ, жесты, походка, словомъ, все въ ней измѣнилось и измѣнилось неизмѣримо къ лучшему, стало для васъ привлекательнымъ.—Подобное этому чувству началъ я испытывать къ мужикамъ; я зналъ ихъ съ самаго дѣтства; но теперь они мнѣ стали представляться не такими, какими я ихъ зналъ, а какими то другими, значительно лучшими. — Перемѣна въ моихъ представленіяхъ была до того разительная, что мнѣ стало казаться, будто я ихъ раньше вовсе не зналъ; они становились для меня даже загадочными. Какое то совершенно новое, никогда раньше не испытанное, восторженное чувство стало все сильнѣе и сильнѣе овладѣвать мною, пока наконецъ не охватило меня всего.

Глава III.

Народничество и американизмъ.

Нечаевское дѣло разбиралось Московской Судебной Палатой, кажется, въ 1871 году и полный отчетъ объ немъ, если не измѣняетъ память, печатался тогда же въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Эти отчеты мы съ Иваномъ читали вмѣ-

стѣ, такъ какъ въ это время я былъ въ Лукѣ.—Дѣло въ общемъ представлялось сильно раздутымъ; большинство подсудимыхъ оказывалось орудіями Нечаева, прибѣгавшого къ мистификаціямъ и обману своихъ товарищей (самому Нечаеву удалось бѣжать за границу), какъ это выяснилось на судѣ, что производило крайне тяжелое впечатлѣніе; но съ другой стороны замѣчательно было то, что почти всѣ подсудимые признавали, что главная причина, побудившая ихъ принять участье въ заговорѣ,—было желанье помочь народу. Смѣлое поведеніе на судѣ Успенскаго и Прыжова, двухъ главныхъ обвиняемыхъ, возбуждало къ нимъ симпатію, дѣлая изъ нихъ въ нашихъ глазахъ мучениковъ за народъ. А что всякій честный, послѣдовательный человѣкъ непремѣнно долженъ работать на пользу народа, это раньше и мы сами думали, но Нечаевцы, своими показаніями передъ судомъ, подчеркнули намъ еще разъ эти мысли. Конечно, можно было не соглашаться и оспаривать путь, выбранный ими для достиженія народнаго блага; можно было находить этотъ путь ложнымъ, какъ мы и думали на самомъ дѣлѣ; но съ нравственной стороны, по нашему мнѣнію, они заслуживали полной похвалы, такъ какъ они дѣйствовали согласно своимъ убѣжденіямъ и не отступали передъ препятствіями; болѣе того, они не поколебались пожертвовать самой жизнью ради дѣла, въ которое вѣрили. Это горячее отношеніе къ тому, во что они вѣрили, и ихъ самопожертвованіе составляло положительную сторону Нечаевцевъ и невольно звала къ подражанію.

Одинъ изъ важныхъ принципіальныхъ вопросовъ, возбужденныхъ у насъ показаніями и объясненіями Успенскаго, которыя онъ давалъ суду въ частности по дѣлу объ убійствѣ Иванова, былъ вопросъ о средствахъ, допустимыхъ или недопустимыхъ, для достиженія извѣстной цѣли; и хотя мы отрицательно отнеслись къ мистификаціямъ, практиковавшимся Нечаевымъ, такъ какъ по нашему мнѣнію нельзя было обма-

нывать товарищей по дѣлу; но въ вопросѣ объ убійствѣ Иванова, послѣ размышленій, мы пришли къ другому заключенію,— именно: мы признали справедливымъ принципомъ „цѣль оправдываетъ средство". Доказательство, если можно такъ сказать, чисто ариѳметическаго свойства, къ которому прибѣгъ Успенскій на судѣ для своего нравственнаго оправданія (юридическимъ оправданіемъ онъ, повидимому, пренебрегалъ), помню, очень убѣдительно подѣйствовали на мою логику. „Одного человѣка можно и даже должно убить, если этимъ способомъ можно спасти двадцать или тридцать другихъ человѣческихъ жизней"—въ такихъ приблизительно выраженіяхъ Успенскій объяснялъ убійство Иванова, подозрѣваемаго въ шпіонствѣ.

Такимъ образомъ, мы признали справедливымъ мнѣніе, что для осуществленія хорошей цѣли можно допускать всякія средства. Но такъ какъ въ основаніи революціоннаго міровоззрѣнія лежитъ именно принципъ—цѣль оправдываетъ средства, и взгляды всякаго революціонера, прибѣгающаго къ крайнимъ средствамъ борьбы для достиженія извѣстной цѣли (путемъ крови—къ народному благу), въ сущности покоятся на тѣхъ же, такъ сказать, ариѳметическихъ соображеніяхъ, что высказаны были Успенскимъ на судѣ, то признанье съ нашей стороны этого принципа было ничто иное, какъ признанье революціоннаго пути. Вотъ тотъ важный шагъ, который былъ сдѣланъ нами подъ впечатлѣніемъ отъ Нечаевскаго дѣла.

Здѣсь, однако, я долженъ вернуться назадъ и разсказать вкратцѣ о томъ, что дѣлалъ Иванъ, или вѣрнѣе, что онъ пытался дѣлать, такъ какъ именно въ 71 году (когда разбиралось дѣло Нечаевцевъ) онъ явился основателемъ кружка, въ которомъ и я принялъ участіе, кружка, задавшагося уже не самообразовательными цѣлями (подобно нашему Кіевскому кружку), и имѣвшаго большое вліяніе на мою дальнѣйшую жизнь.

Какъ я уже упоминалъ, Иванъ началъ съ увлеченія Верещагинской сыроварней. Одновременно съ тѣмъ, какъ онъ пытался устроить въ Лукѣ свое хозяйство на раціональныхъ началахъ, чтобы оно могло служить образцомъ для крестьянъ, построена была имъ между прочимъ маслобойня, которую онъ думалъ сдѣлать ассоціаціоннымъ предпріятіемъ; но попытка эта, равнымъ образомъ, какъ и главная его затѣя— устройство хозяйства (для котораго у него просто таки, помимо всего другого, не хватило матеріальныхъ средствъ) потерпѣли полную неудачу. Маслобойня Ивана встрѣчена была Лучанскими крестьянами очень равнодушно, и она мало по малу умерла, что называется, отъ истощенія. Можетъ быть, отчасти она не пошла еще и потому, что самъ Иванъ скоро сталъ неудовлетворяться этимъ предпріятіемъ и принялся искать чего-то другого. У него началъ зрѣть планъ устройства земледѣльческой коммуны. Я думаю, что послѣдняя мысль логически вытекла изъ его первоначальнаго плана заведенія раціональнаго хозяйства. Такъ какъ для подобнаго хозяйства съ одной стороны у него не хватало средствъ, а съ другой — эксплоатація наемныхъ рабочихъ явно противорѣчила его міровоззрѣнію, и онъ не могъ съ этимъ мириться, то сама собой напрашивалась мысль завести хозяйство, тоже конечно образцовое, которое могло бы знакомить крестьянъ съ научной обработкою земли, и въ то же время велось бы безъ наемнаго труда.

Мысль объ устройствѣ земледѣльческой коммуны, какъ оказалось, имѣла приверженцевъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи; такъ, около этого же времени, въ Черниговской губ., возлѣ уѣзднаго города Конотопа (верстахъ въ пятнадцати, кажется), было даже осуществлено подобное поселенье; въ немъ между прочимъ принимали участіе одинъ изъ Мокріевичей (нашъ близкій родственникъ) и Рѣчицкій.—Впрочемъ, подробностей устройства этой коммуны я мало знаю, такъ какъ

ни разу не былъ тамъ; но насколько слыхалъ отъ Ивана, припоминаю, участокъ обработываемой земли былъ всего на всего десятинъ въ 15-ть—20-ть.

Къ этому періоду времени, я думаю, слѣдуетъ отнести и ту рукопись Ивана, изъ которой я приводилъ выше выписки. Какъ мы видѣли, онъ вѣрилъ еще тогда въ искренность правительства и считалъ даже, что оно у насъ стояло во главѣ прогресса. Что, однако, поколебало въ немъ эту вѣру и вообще какъ случилась перемѣна его взглядовъ, въ этомъ отношеніи ничего не могу навѣрно сказать. Очень возможно, что частыя посѣщенія полиціей конотопской коммуны, а одинъ или два раза и формальные обыски, произведенные тамъ, настолько охладили Ивана, что онъ мало по малу отказался отъ мысли устроить земледѣльческую коммуну въ Россіи; впрочемъ одно время у него съ Рѣчицкимъ явился было планъ попытаться осуществить подобное поселеніе гдѣ-то на Кавказѣ, подальше отъ глазъ начальства, но не знаю почему и эта мысль была брошена, и они окончательно остановились на планѣ переселенія въ Америку.

Нужно сказать, что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ замѣчалось вообще увлеченіе Америкой, американской жизнью, американскими свободными учрежденіями; нѣкоторые ѣздили туда, наблюдали тамошніе порядки, писали о нихъ въ русскихъ журналахъ; такъ, между прочимъ, помню, вышла книга Циммермана о его путешествіи по Сѣверной Америкѣ,—очень читавшаяся въ то время *). Къ числу увлекавшихся Америкой принадлежалъ нашъ двоюродный братъ, который, посѣтивши Соединенные Штаты и проживши тамъ около года, вернулся въ Россію и принялся составлять кампанію для переселенія и

*) Книга Циммермана, кажется, издана была уже въ началѣ 70-тыхъ годовъ, но помню подъ какимъ заглавіемъ.

устройства тамъ земледѣльческой коммуны.—Отъ него то Иванъ и позаимствовалъ свой проектъ переселенія въ Америку.

Какъ бы тамъ ни было, Иванъ приступилъ къ вербовкѣ членовъ для предполагаемой американской земледѣльческой коммуны и въ 71-мъ году, когда я пріѣхалъ изъ Кіева въ Луку,—предложилъ мнѣ сдѣлаться членомъ.—„Общественныя условія русской жизни очень дурны“, доказывалъ онъ мнѣ, «а такъ какъ всякій человѣкъ подчиняется вліянію окружающихъ обстоятельствъ, то даже хорошіе люди, попавши съ университетской скамьи въ пошлую жизнь, деморализуются подъ вліяніемъ среды и мало по малу становятся пустыми фразерами, неспособными отстоять свои убѣжденія. —Порядочный юноша—пока въ университетѣ—мечтаетъ быть полезнымъ народу, но окончивши университетъ и поступивши на службу,—превращается въ чиновника и забываетъ о всемъ.—Подобному превращенію подвергаются безъ исключенія всѣ; поэтому—раньше чѣмъ говорить о дѣятельности для народа—мы должны сами себя застраховать отъ опошлѣнія, должны принять мѣры для сохраненія своей нравственной чистоты и своихъ убѣжденій;—а это возможно только при одномъ условіи, когда мы удалимся изъ деморализующей среды, откажемся отъ нашихъ привилегій и станемъ жить такъ, какъ живетъ народъ“.

Съ этимъ взглядомъ я не могъ не согласиться. такъ какъ, въ сущности, и самъ такъ думалъ.

Далѣе, Иванъ развивалъ ту мысль, что для того, чтобы существовать, всякій обязанъ трудиться непремѣнно физически, подобно тому, какъ заработываютъ хлѣбъ наши крестьяне; заработывать же умственнымъ трудомъ—безнравственно такъ какъ этотъ заработокъ, въ сущности, покоится на эксплоатаціи народа,—и что самое честное занятіе—это пахать землю. Для этой цѣли—по его мнѣнію—нужно устроить земледѣльческую коммуну, такъ какъ только въ коммунѣ, гдѣ всѣ члены одинаково работаютъ и нѣтъ наемныхъ работни-

ковъ, нѣтъ и эксплоатаціи; и кромѣ того въ коммунѣ трудъ всякаго можетъ быть настолько производителенъ, что не надо работать съ ранняго утра до ночи, какъ работаютъ крестьяне, а можно ограничиться восьми или десяти часовымъ трудомъ.—«Но наша полиція»—говорилъ Иванъ далѣе—«не оставитъ насъ въ покоѣ; будетъ преслѣдовать коммуну, такъ что подобное предпріятіе осуществить въ Россіи невозможно, и потому намъ надо переселиться въ Америку».—Въ подтвержденіе того, что въ Россіи невозможно устроить подобное поселеніе, Иванъ приводилъ въ примѣръ конотопскую коммуну, куда постоянно наѣзжалъ становой приставъ, распрашивалъ и слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что тамъ дѣлалось, шпіонилъ за пріѣзжавшими, а одинъ разъ, по какому-то случаю, произвелъ даже формальный обыскъ.

И съ этимъ взглядомъ я тоже былъ согласенъ; логичнымъ и вполнѣ послѣдовательнымъ представлялся мнѣ даже самый проектъ переселенія въ Америку, такъ какъ въ благорасположеніе и терпимость нашего правительства не вѣрялъ и былъ убѣжденъ, что организовать земледѣльческую коммуну въ Россіи невозможно; но, тѣмъ не менѣе, планъ выселенія съ родины ударилъ меня какъ обухомъ по головѣ, я не могъ съ нимъ примириться.

И я, конечно, отказался бы отъ этого плана; но я очень любилъ Ивана, и разлука съ нимъ представлялась мнѣ невозможной; онъ же со мною говорилъ такимъ категорическимъ тономъ, какъ будто сію минуту уѣзжалъ въ Америку.

Между тѣмъ, Иванъ успѣлъ уже пріобрѣсти двухъ прозелитовъ, *) и одинъ изъ нихъ съ большимъ сожалѣніемъ глядѣлъ на меня, видимо не понимая,—какъ это я могу не согласиться сразу съ планомъ переселенія въ Америку. Нѣсколько дней я ходилъ словно въ какомъ-то угарѣ, избѣгая

*) Эти первые единомышленники впослѣдствіи отстали

разговоровъ съ Иваномъ; чувствовалъ я себя въ это время чрезвычайно дурно.

Иванъ, очевидно, подмѣтивъ эту борьбу во мнѣ, принялся смягчать впечатлѣніе, вызванное его первыми бесѣдами.—Онъ сталъ говорить о томъ, что организація въ Америкѣ земледѣльческой коммуны далеко не исключаетъ возможности работать въ Россіи среди народа; напротивъ, это представитъ даже большія преимущества: поселившись въ Америкѣ и сдѣлавшись американскими гражданами, мы можемъ пріѣзжать въ Россію и пропагандировать наши идеи; американское гражданство защититъ насъ отъ насилія русскихъ властей; у американскаго гражданина онѣ не посмѣютъ дѣлать обысковъ и т. п.—Коммуна наша въ Америкѣ должна была, такимъ образомъ, представлять изъ себя родъ сборнаго пункта или, вѣрнѣе, такого центральнаго учрежденія, изъ котораго мы—ея члены—будемъ черпать свои силы: въ ней мы получимъ нравственную опору (она спасетъ насъ отъ опошлѣнія и деморализаціи), она же будетъ насъ снабжать и матеріальными средствами, нужными для передвиженій и пропаганды нашихъ идей.

Мало по малу, я примирился съ проектомъ переселенія въ Америку и сдѣлался членомъ «американскаго кружка».

Когда я слышу теперь разсужденія на ту тему, что поступками людей руководитъ логика – мнѣ каждый разъ приходитъ въ голову мой «американизмъ», до такой степени онъ шелъ въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что я чувствовалъ тогда, о чемъ думалъ и что стремился дѣлать. — Насколько, напр., могли быть практически осуществимы частые переѣзды изъ одной части свѣта въ другую, для пропаганды идей? Какъ это защитило бы насъ—родомъ русскихъ—американское гражданство отъ преслѣдованій русскихъ властей, когда мы явились бы въ Россію и принялись бы проповѣды-

вать нашъ коммунизмъ среди крестьянъ и т. под. вопросы оставались невыясненными.

Итакъ, къ нашему мужикофильству—этому глубоко національному чувству—подмѣшался космополитизмъ, устройство коммуны въ Америкѣ, и получилась въ результатѣ страшная путаница; съ одной стороны, мы предполагали заводить повсюду мирныя земледѣльческія поселенія, съ другой—нами были признаны въ принципѣ революціонныя средства борьбы за осуществленіе народнаго блага; отсюда вытекала разноголосица, наша неустановленность и колебанія, такъ какъ, очевидно, трудно было мирить все это между собою. Это былъ періодъ необыкновенно усиленной умственной дѣятельности, безконечныхъ дебатовъ, выясненій всевозможныхъ вопросовъ, очарованій, разочарованій. Время отъ 1871 до 1873 года протекало для меня главнымъ образомъ въ борьбѣ революціоннаго міровоззрѣнія съ другими мирными взглядами, пока, наконецъ, постепенно мои воззрѣнія не очистились отъ противорѣчій, а въ тоже самое время и упростились, можетъ быть даже черезчуръ упростились, и не подвелись къ одному, такъ сказать, революціонному знаменателю.

Кореннымъ зломъ существующаго строя, по нашему мнѣнію, являлась личная собственность, поэтому нашъ основной принципъ былъ отрицаніе личной собственности; а для послѣдовательности мы её не допускали и въ своемъ кружкѣ. Физической трудъ мы находили обязательнымъ для всѣхъ членовъ коммуны, такъ какъ считали его единственнымъ честнымъ средствомъ заработка. Мы признавали равноправность членовъ безъ различія половъ, конечно; разсуждая о равноправности, логически пришли къ требованію извѣстнаго умственнаго ценза отъ членовъ коммуны: фактическаго равенства не могло существовать при большой разницѣ въ развитіи, а коноводство въ коммунѣ не должно было допускаться ни подъ какимъ видомъ.—Отрицательное отношеніе къ гла-

вонству установилось непосредственно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ «Нечаевскаго дѣла». Нечаевъ,—требовавшій отъ своихъ товарищей безпрекословнаго повиновенія себѣ,—вызвалъ у насъ весьма неблагопріятныя чувства. Помимо вліянія, какое, по нашимъ взглядамъ, мы должны были оказывать на окружающихъ людей своимъ примѣромъ (то есть коммунистической жизнью), въ свою программу мы вводили еще пропаганду словомъ; послѣдняя, собственно, и вдохновляла насъ, составляя одну изъ существенныхъ задачъ нашей организаціи и дѣлая ее мало похожею на тѣ проекты выселенія въ Америку, какихъ не мало было до и послѣ того и которые въ большинствѣ случаевъ задавались цѣлями несравненно болѣе скромными. Мы были коммунистами, такъ сказать, воинствующими; мечтали покрыть земледѣльческими коммунами чуть не весь міръ: наша пропаганда должна была разноситься всюду: въ Америкѣ, въ Европѣ, въ особенности же, конечно, въ Россіи, какъ самой близкой для насъ странѣ. И намъ казалось, хотѣлось вѣрить по крайней мѣрѣ,—что подобная пропаганда будетъ имѣть успѣхъ среди русскаго народа.

Съ такою-то космополитическою программою, въ основѣ которой лежало народничество, то есть чисто національное чувство, поѣхали мы съ Иваномъ въ Кіевъ съ намѣреніемъ вербовать членовъ въ нашу коммуну.

Пріѣхавши въ Кіевъ, мы стали пропагандировать прежде всего, само собою разумѣется, въ литературномъ кружкѣ, членомъ котораго я состоялъ.

Мнѣ слѣдовало бы родиться большимъ художникомъ, чтобы быть въ силахъ въ настоящее время изобразить весь свой внутренній міръ, тотъ необычайный наплывъ чувствъ, мыслей, энергіи, какія я переживалъ въ ту минуту. Даже послѣ того, какъ прошло болѣе тридцати лѣтъ жизни, полныхъ всевозможныхъ событій и перемѣнъ, когда мнѣ удается иногда, зарывшись въ прошлое, живо воскресить въ своей памяти то мое

восторженное душевное состояніе, чувство счастія испытывал я, такъ было много хорошаго въ томъ настроеніи при всей недодуманности программы, исповѣдываемой мною. Умиляюсь я ужъ конечно не своимъ собственнымъ *я*: на это мое *я*, въ томъ далекомъ прошломъ, я смотрю теперь почти какъ на постороннее лицо: нѣтъ, умиляюсь я тѣмъ настроеніемъ, которое было навѣяно на всѣхъ насъ, семидесятниковъ (въ томъ числѣ и на меня), духомъ времени, что собственно и создало все наше движеніе.

Если я, живя въ Лукѣ, среди крестьянъ, испытывалъ особаго рода состояніе, которое я сравнилъ съ влюбленностью, то здѣсь—въ Кіевѣ я походилъ на влюбленнаго въ разлукѣ, когда, какъ извѣстно, чувства проявляются еще острѣе. Какой должны были имѣть видъ тогда мы съ Иваномъ, можно отчасти заключить по слѣдующему обстоятельству: одинъ студентъ, близкій пріятель Судзиловскаго и мой знакомый, придя какъ-то на квартиру, гдѣ мы были, и видя затворенную дверь въ смежную комнату, откуда доносились наши голоса, замѣтилъ иронически Судзиловскому: «Что тамъ творится?—таинство Евхаристіи совершаютъ братья Мокріевичи»?—Самъ онъ принадлежалъ къ скептикамъ и потому, конечно, шутилъ надъ нами, но какъ наблюдательный человѣкъ всетаки весьма мѣтко охарактеризовалъ наше тогдашнее настроеніе. Да, несомнѣнно, мы совершали тамъ, за дверью, свое таинство Евхаристіи.

Итакъ, мы стали пропагандировать нашъ американизмъ въ кружкѣ, членомъ котораго я былъ.—Здѣсь сразу обнаружились разногласія и прежде всего во взглядѣ на физическій трудъ: мы, «американцы», признавали его обязательнымъ для всякаго человѣка; большинство членовъ кружка высказалось противъ этого мнѣнія; только двое примкнули къ намъ, съ остальными же мы разошлись и разошлись враждебно, такъ какъ непримиримости и фанатизма у насъ (особенно у

мени) было бездна. Мы, однако, не пришли въ уныніе отъ этого неполнаго успѣха, испытаннаго нами при первыхъ нашихъ шагахъ, и съ юношескимъ пыломъ кинулись на розыски и вербовку людей подъ свое знамя.

Унывать въ то время было мудрено; кіевское студенчество было неузнаваемо; среди университетской молодежи то и дѣло выростали новые кружки; по иниціативѣ этой молодежи въ городѣ устраивались ассоціаціи: тутъ висѣла вывѣска швейной мастерской, организованной на кооперативныхъ началахъ, тамъ — была прачешная или сапожная. — Правда, эти ассоціаціи такъ-же быстро рушились, какъ и созидались; но отъ этого мало измѣнялось общее положеніе дѣлъ: жизнь била ключемъ.

Мнѣ уже было нѣкогда слѣдить за университетскими лекціями, такъ какъ я сдѣлался членомъ нѣсколькихъ литературныхъ кружковъ и все время тратилъ на проповѣдь своихъ идей, посѣщая чуть не ежедневно кружковыя собранія.—При этомъ, исходя изъ принципа, что никто не имѣетъ нравственнаго права жить умственнымъ трудомъ и всякій долженъ заработывать свое пропитаніе трудомъ мускульнымъ,—пріобрѣтеніе университетскаго диплома оказывалось, съ этой точки зрѣнія, не только излишнимъ, но даже вреднымъ настолько, насколько это давало возможность занять въ обществѣ привилегированное положеніе.—Дипломъ такимъ образомъ, могъ оказывать только деморализующее вліяніе, пробуждая стремленіе жить не трудомъ;—и потому, чтобы пресѣчь всякую возможность пользованія привилегіями въ будущемъ,—я рѣшилъ бросить университетъ; и я уволился изъ университета.

Въ пропагандѣ и поискахъ за новыми членами, мы натолкнулись въ Кіевѣ на кружокъ, занимавшійся распространеніемъ среди молодежи книгъ соціалистическаго характера, какъ, напримѣръ: «Положеніе рабочаго класса въ Россіи» Флеровскаго, «Азбука соціальныхъ наукъ» сочиненія Лассаля и

т. н. Этотъ кружокъ находился въ сношеніяхъ съ петербургскимъ кружкомъ подобнаго же характера (впослѣдствіи времени получившій названіе кружка «Чайковцевъ»). Вышеупомянутый кіевскій кружокъ старался препятствовать успѣху нашей пропаганды среди молодежи;—но самымъ ярымъ нашимъ противникомъ оказался въ то время Каблецъ.—Покойный Каблецъ, въ то отдаленное время, состоялъ вольнымъ слушателемъ въ кіевскомъ университетѣ и среди студентовъ пользовался репутаціей одного изъ самыхъ крайнихъ радикаловъ.—Онъ былъ страшно горячій спорщикъ и, какъ это обыкновенно бываетъ съ людьми черезчуръ горячими въ спорахъ, не хотѣлъ признать справедливыми ни одного изъ нашихъ положеній, возражая намъ рѣшительно противъ всего. Конечно, онъ былъ правъ, возставая противъ нашего плана переселенія въ Америку; но вмѣстѣ съ тѣмъ, когда мы говорили о пропагандѣ и дѣятельности среди народа, онъ противупоставлялъ этому работу въ правительственныхъ сферахъ и толковалъ объ облагодѣтельствованіи народа *сверху*, путемъ декретовъ и реформъ;—за это мы его назвали въ шутку «царистомъ».—Свои воззрѣнія онъ однажды формулировалъ такой фразой: «Александръ I-й, Николай I-й, Александръ II-й, Чернышевскій I-й»; при послѣднемъ имени онъ очень ехидноулыбнулся, находя свой аргументъ неопровержимымъ.—Но насъ трудно было запугать именами и мы возражали, что и Чернышевскій, ставши царемъ, не сдѣлаетъ для народа больше того, что дѣлаетъ всякій другой царь. Этотъ взглядъ у насъ вытекалъ впрочемъ изъ того исповѣдуемаго нами общаго положенія, что всякій человѣкъ есть результатъ окружающихъ обстоятельствъ, и въ данномъ случаѣ мы сводили вопросъ опять таки къ той же деморализаціи, которая по нашимъ понятіямъ должна была постигнуть и Чернышевскаго, какъ только онъ попалъ бы въ деморализующую среду.

Нужно сказать, что программы, толковавшія объ облаго-

дѣтельствованіи народа сверху, вообще не пользовались популярностью среди молодежи, равно какъ и всякаго рода централистическія теоріи.—Престижъ правительства, когда-то освободившаго крестьянъ, къ тому времени успѣлъ уже пасть, такъ какъ съ момента польскаго возстанія оно приняло явно реакціонную политику.—Въ частности, къ централистическимъ организаціямъ отрицательное отношеніе установилось, какъ мнѣ кажется, подъ дурнымъ впечатлѣніемъ, вызваннымъ «Нечаевскимъ дѣломъ»; всѣми порицалось поведеніе Нечаева, какъ оно выяснилось на судѣ. Слово «нечаевщина» сдѣлалось нарицательнымъ и стало употребляться въ тѣхъ случаяхъ, когда желали охарактеризовать какую либо дутую затѣю, построенную на обманѣ товарищей. «Да вѣдь это нечаевщина», восклицали часто въ спорахъ по поводу какого либо мнѣнія или поступка извѣстнаго характера; подобное подведеніе подъ одну категорію съ «нечаевщиной» являлось однимъ изъ вѣскихъ аргументовъ противъ. Съ понятіемъ о централистической организаціи связывалось представленіе о безконтрольности, а слѣдовательно и о полномъ просторѣ для обмана.—Людей слабыхъ характеромъ, поддававшихся вліянію другихъ, обзывали *тѣшками*; тѣхъ, что стремились коноводить,—*генералами*; надъ первыми смѣялись, вторыхъ—не любили, и какъ однихъ, такъ и другихъ считали для дѣла вредными. На повиновеніе и дисциплину организаціонную смотрѣли дурно; послѣднее доходило у нѣкоторыхъ до такой степени, что они склонны были отрицать всякую организаціонную попытку. Выработка устава, или установленіе какихъ-либо правилъ многими встрѣчалось очень недружелюбно; подчиняться правиламъ—значило признавать дисциплину.—«А! понадобился уставчикъ!» съ ироніей восклицалъ кто-нибудь изъ присутствовавшихъ на какомъ-либо кружковомъ собраніи, и стоило подчасъ не малыхъ усилій, чтобы принятъ былъ хоть слабенькій уставчикъ.

Изъ книгъ, пользовавшихся популярностью среди молодежи, болѣе другихъ читались по кружкамъ сочиненія Джона Стюарта Милля «Политическая Экономія» и «объ утилитаризмѣ» «Историческія письма» Миртова, первый томъ соч. Лассаля. Особенно характернымъ нахожу я ту роль, какую играла у насъ эта книга. Изъ Лассаля черпали аргументы въ защиту нашихъ народническихъ воззрѣній несмотря на то, что Лассаль, какъ извѣстно, въ своихъ сочиненіяхъ и рѣчахъ имѣлъ въ виду фабричный пролетаріатъ, а ничуть не крестьянъ, на которыхъ онъ прямо указываетъ даже, какъ на реакціонный элементъ (по скольку они стремились «повернуть колесо исторіи назадъ, какъ, напр., во время крестьянскихъ войнъ въ Германіи). Этимъ существеннымъ разнорѣчіемъ мы тогда игнорировали, и все то, что Лассаль говорилъ о фабричныхъ рабочихъ, переносили на наше крестьянство, являвшееся для насъ нашимъ «обездоленнымъ четвертымъ сословіемъ». Особенно близко къ сердцу мы принимали его разсужденія въ томъ родѣ, что всякій рабочій, отдавшійся борьбѣ за интересы своего класса и вмѣстѣ съ тѣмъ за свои личные интересы (такъ какъ они совпадали съ общими), совершаетъ этимъ даже высоко нравственный актъ, ибо служитъ дѣлу общечеловѣческаго прогресса, такъ какъ въ настоящую историческую эпоху рабочее сословіе является «носителемъ прогресса», подобно тому, какъ буржуазія была прогрессивнымъ элементомъ въ прошломъ вѣкѣ и т. п. Мы читали это, подставляли фабричнаго рабочаго—крестьяниномъ, западно-европейскую буржуазію—нашими привиллегированными сословіями и, въ качествѣ „кающихся дворянъ", съ одной стороны, предавались самобичеванію (мы были негодны для прогресса; наша роль была спѣта въ прошломъ вѣкѣ), - съ другой, еще болѣе крѣпли въ своей вѣрѣ въ народъ, признавая его и лучше, и нравственнѣе насъ.

Такъ находили мы всюду доказательства и даже тамъ,

гдѣ ихъ совсѣмъ не было, въ защиту нашихъ воззрѣній, вырабатывавшихся у насъ, очевидно, не литературнымъ путемъ, а, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ жизни. Въ Россіи не было фабричнаго пролетаріата, подобнаго западно-европейскому, такъ какъ наша индустрія въ то время была почти что въ зародышѣ. Какъ въ странѣ земледѣльческой по преимуществу, экономическая жизнь Россіи сосредоточивалась на крестьянскомъ сословіи, которое, всего лишь десять лѣтъ передъ тѣмъ, освобождено было отъ крѣпостной зависимости: все вниманье, всѣ заботы лучшихъ русскихъ людей были устремлены на это сословіе; оно у насъ составляло главную массу населенія, нашъ народъ; оно у насъ пухло и вымирало отъ голода, подавленное государственными налогами, *лишенное просвѣщенія*, *оборванное*, одичавшее...

Излагать послѣдовательно жизнь американскаго кружка, разросшагося вскорѣ до двадцати человѣкъ, я не стану и замѣчу только, что дальнѣйшая его исторія состояла, съ одной стороны, въ развитіи народническихъ идей, съ другой, въ постепенномъ исчезновеніи всего того, что было въ противорѣчіи съ народничествомъ, такъ какъ, само собою понятно, взгляды наши должны были принять, въ концѣ-концовъ, болѣе стройный, логичный характеръ. Такъ наши планы о проповѣди въ пользу устройства повсюду земледѣльческихъ коммунъ (посредствомъ чего — какъ мы думали — будетъ достигнуто народное благо), мало по малу, были вытѣснены планомъ революціонной пропаганды и агитаціи среди народа, — вслѣдствіе чего и самая мысль о переселеніи въ Америку и жизни въ коммунѣ стали отходить на задній планъ. Правда, трое членовъ нашего кружка — Иванъ Рѣчицкій, Георгій Мачтетъ и Романовскій*) - поѣхали даже въ Америку въ качествѣ передовыхъ:

*) *Иванъ Рѣчицкій* впослѣдствіи времени, именно въ 74 году, застрѣлился во время ареста въ Самарской губ. *Георгій Мачтетъ* мало принималъ участія въ дальнѣйшемъ движеніи и болѣе извѣстенъ какъ писатель-беллетристъ. *Романовскій* былъ случайно убитъ въ Америкѣ.

чо они должны были вернуться черезъ нѣкоторое время, такъ какъ у большинства членовъ кружка, видимо, не было желанія выселяться съ родины, и нашъ кружокъ началъ разстраиваться. Живя по разнымъ городамъ Россіи, нѣкоторые изъ членовъ стали мало по малу вмѣшиваться въ дѣла другихъ мѣстныхъ революціонныхъ кружковъ и, такимъ образомъ, оказались втянутыми въ различныя дѣла. Нашъ американизмъ долженъ былъ пасть.

Идея космополитизма, однако, все еще продолжала жить въ моей головѣ; но она постепенно видоизмѣнялась, и, видимо, конецъ ея уже наступалъ. Проектъ переселенія въ Америку замѣнился у меня планомъ сдѣлаться рабочимъ гдѣ-нибудь въ Западной Европѣ, съ тѣмъ, чтобы принять участіе въ организаціи «Интернаціонала». Хотѣлось какой-то широкой, шумной дѣятельности. Къ тому же Западная Европа была несравнимо ближе Америки, и, слѣдовательно, сообщеніе съ Россіей было несравнимо легче,—а я думаю, что въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и заключалась главная причина, почему я остановился на мысли поѣхать въ Западную Европу. Покинуть Россію, очевидно, я не могъ, хотя все еще ясно не сознавалъ этого.

Какъ разъ въ это самое время само собою какъ-то произошло что-то въ родѣ съѣзда русской молодежи въ Швейцаріи; между прочимъ, нѣкоторые изъ товарищей по американскому кружку поѣхали туда, такъ что и я рѣшилъ отправиться въ Швейцарію.

Передъ своимъ отъѣздомъ мѣсяца за три, я поселился въ Одессѣ и принялся доучиваться сапожному мастерству, которое началъ изучать раньше еще въ Лукѣ: это было зимою въ концѣ 1872 года, а ранней весною 1873 г. я получилъ заграничный паспортъ и выѣхалъ изъ Россіи.

Гл. IV

Поѣздка заграницу, знакомство съ Бакунинымъ.

Въ Цюрихъ я пріѣхалъ въ апрѣлѣ 73-го года и тамъ засталъ уже цѣлую колонію соотечественниковъ. То была молодежь, по большей части студенты университета и политехникума, состоявшая на половину изъ дѣвушекъ, пріѣхавшихъ за границу учиться въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, доступъ въ которыя закрытъ былъ тогда для нихъ на родинѣ. Но если въ Россіи, несмотря на надзоръ, въ университетахъ устраивались сходки и заводились кружки, то легко можно себѣ представить, насколько сильнѣе должно было проявиться подобное движеніе среди молодежи, собравшейся за границей, вдали отъ родины, гдѣ не было полицейскаго надзора, и гдѣ можно было, не стѣсняясь, громко высказывать мнѣнія и организоваться въ какіе угодно кружки. Какой цифры достигало количество съѣхавшихся тогда русскихъ, сказать не могу съ точностью, но, кажется, оно не превышало трехъ сотъ. Количество это, безъ сомнѣнія, затерялось бы незамѣтно среди населенія, напримѣръ, Парижа, но не такъ было въ Цюрихѣ. Тихіе кварталы этого города возлѣ политехникума, гдѣ преимущественно жили русскіе, совершенно преобразились: всюду слышалась русская рѣчь; кучки молодежи то и дѣло сновали по улицамъ, громко разговаривая между собою и жестикулируя, къ ужасу цюрихчанъ, не видѣвшихъ раньше ничего подобнаго. Однако, жизнь выражалась не въ одномъ толко шумѣ и пѣсняхъ. Въ это время въ Цюрихѣ организовались двѣ русскія библіотеки, заведены были двѣ вольныя русскія типографіи; купленъ былъ домъ, если не ошибаюсь, тысячъ за восемьдеситъ франковъ, въ которомъ устроена была кухмистерская и гдѣ по вечерамъ въ большомъ залѣ происходили собранія и чтенія рефератовъ и лекціи, преимущественно г. Ла-

врова, проживавшаго въ это время въ Цюрихѣ. Впрочемъ, я былъ въ Цюрихѣ тогда очень недолго, а потому не берусь знакомить читателя во всѣхъ подробностяхъ съ тамошней жизнью русскихъ. Быть можетъ, кто либо другой разскажетъ когда-нибудь обстоятельнѣе объ этомъ интересномъ времени, я же ограничусь лишь самыми общими указаніями.

Но здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе. Западно-европейское международное общество рабочихъ или, какъ его называли, «Интернаціоналъ» къ тому времени успѣлъ уже распасться на два враждебныхъ лагеря: соціаль-демократическій и анархическій. Соціаль-демократы — преимущественно въ Германіи — ставили своей практической задачей путемъ легальной агитаціи и выборовъ овладѣть постепенно рейхстагомъ, чтобы превратить такимъ образомъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ нѣмецкую буржуазно-конституціонную имперію въ соціалистическое государство. Анархисты признавали необходимымъ полное разрушеніе государства, какъ авторитарнаго учрежденія, отрицали благотворное вліяніе власти, въ чьихъ рукахъ она бы ни была, и полагали, что дѣйствительное равенство можетъ осуществиться только по свободному соглашенію между людьми, а никоимъ образомъ не путемъ государственныхъ декретовъ и реформъ. Такимъ образомъ, первые являлись «государственниками», вторые — «анти-государственниками».

Когда эти двѣ враждебныя между собою программы были поставлены на выборъ русской молодежи, она въ громадномъ большинствѣ высказалась за анархію. Я не берусь указывать здѣсь на причины этого явленія. Можетъ быть, произошло это оттого, что намъ, русскимъ, успѣло надоѣсть къ тому времени государственное вмѣшательство, и въ государствѣ мы видѣли скорѣе врага прогрессу, чѣмъ пособника; а можетъ и потому что мы не имѣли рейхстага и некуда намъ было посылать свои

ихъ депутатовъ; какъ бы тамъ ни было, но повторяю, почти всѣ высказались за анархическія теоріи.

Но хотя всѣ и были за анархію, однако полнаго согласія далеко не было. Напротивъ, когда я пріѣхалъ, то засталъ русскую колонію въ Цюрихѣ, раздѣленную на два враждебныхъ лагеря: „лавристовъ“ и „бакунистовъ“. Первые группировались вокругъ Петра Лавровича Лаврова, только года за два передъ тѣмъ бѣжавшаго за границу изъ Вологодской губ., куда онъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ концѣ 60-ыхъ годовъ, бывшаго профессора Артиллерійской Академіи въ Петербургѣ и автора извѣстныхъ „Историческихъ Писемъ“. Вторые представителемъ своимъ считали Михаила Бакунина, стараго эмигранта, проживавшаго въ то время на югѣ Швейцаріи, въ городѣ Локарно. Какъ одни, такъ и другіе, конечно, своей цѣлью ставили разрушеніе государства; какъ одни, такъ и другіе признавали только революціонный путь борьбы,—но на средства достиженія революціи смотрѣли различно, и въ этомъ-то и заключались, главнымъ образомъ, ихъ разногласія.

„Лавристы“ на первомъ планѣ ставили пропаганду соціалистическихъ идей въ народѣ, которая должна была подготовить, какъ имъ казалось, народную массу къ соціальной революціи.

„Бакунисты“ признавали бунтовской путь, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, благодаря общему недовольству существующимъ строемъ, бунтъ всегда имѣлъ шансы перейти во всенародное возстаніе или, другими словами, въ революцію. Но даже въ худшемъ случаѣ, будучи подавленнымъ, бунтъ все-таки являлся школою, которая воспитывала народъ въ желательномъ направленіи и революціонизировала его, то есть дѣлала способнымъ къ созданію революціи.

Къ этимъ, болѣе или менѣе, существеннымъ разногласіямъ примѣшивались еще второстепенныя недоразумѣнія, повидимому

совершенно несерьезныя, ничтожныя, которыя однако же на дѣлѣ оказались и болѣе серьезными и болѣе важными, чѣмъ все остальное. Между „бакунистами“ и „лавристами“ возгорѣлась изъ-за библіотеки страшная борьба, доведенная болѣе ревностными сторонниками до того, что, наконецъ, сдѣлалось опаснымъ выходить изъ дому безъ оружія. Когда я пріѣхалъ въ Цюрихъ, то засталъ здѣсь нѣсколько человѣкъ моихъ товарищей по „американскому“ кружку, и одна изъ пріятельницъ принялась нервно и торопливо знакомить меня во всѣхъ подробностяхъ съ цюрихской жизнью, причемъ настаивала, чтобы я присоединился къ нимъ — она была ярая „Бремершлюселька“ *). Но я рѣшительно ничего не могъ понять изъ того, что видѣлъ и слышалъ кругомъ себя, не могъ войти во вкусъ мѣстныхъ недоразумѣній и потому на первыхъ порахъ долженъ былъ оставаться въ сторонѣ. Къ тому же я былъ поглощенъ рѣшеніемъ вопросовъ чисто принципіальнаго характера, — и объ цюрихской библіотекѣ, кому она должна была принадлежать и кто ею долженъ былъ распоряжаться — «лавристы» или «бакунисты», — просто не хотѣлось даже думать. Меня преслѣдовала мысль сдѣлаться рабочимъ и войти въ организацію интернаціонала. Эту же мысль раздѣляли со мною Донецкій и Судзиловскій, два моихъ товарища по „американскому“ кружку. Третій товарищъ, Ходько, человѣкъ, обладавшій неистощимымъ запасомъ остроумія и хохлацкаго юмора, подсмѣивался надъ нами и утверждалъ, что ровно ничего не выйдетъ изъ нашего стремленія „слиться“ съ западно-европейскимъ рабочимъ, что мы, подобно ему, скоро разочаруемся Европой, возвратимся въ Россію, куда, между прочимъ, онъ уже со дня на день собирался ѣхать. Не смотря на это трое насъ рѣшили отправиться искать работу къ Сенъ-Готарду, гдѣ въ то время рыли тоннель и прокладывалась желѣзная дорога,

*) Бакунистовъ называли «бремершлюсельцами» отъ имени дома (*бремершлюсель*), въ которомъ жили Р. и другіе видные бакунисты.

и недѣли черезъ три послѣ моего пріѣзда въ Швейцарію мы собрались въ путь.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Цюриха я зашелъ къ Р., одному изъ „бакунистовъ“, чтобы познакомиться съ нимъ. Надо сказать, что я сильно интересовался какъ программой Бакунина, такъ и самой его личностью. Еще въ Россіи я слыхалъ о немъ, какъ о человѣкѣ, которому русское правительство придавало большое значеніе, и потому, пріѣхавши въ Швейцарію, съ большимъ любопытствомъ прислушивался ко всему, что касалось его. Я узналъ, что Бакунинъ участвовалъ въ революціи 1848 года въ Дрезденѣ, гдѣ игралъ выдающуюся роль, и потомъ за это осужденъ былъ саксонскимъ правительствомъ къ смерти. Но австрійское правительство потребовало его выдачи и, въ свою очередь, приговорило его къ смерти за участіе въ пражскомъ возстаніи, имѣвшемъ мѣсто ранѣе дрезденскаго. Посаженный въ одну изъ австрійскихъ крѣпостей, чуть ли не въ Ольмюцъ, онъ просидѣлъ тамъ прикованный за ногу къ пушечному ядру, до тѣхъ поръ пока, по требованію Николая I, не былъ выданъ, наконецъ, Россіи. Здѣсь, заключенный въ Шлиссельбургъ, пробылъ еще нѣсколько лѣтъ въ одиночкѣ и только въ концѣ 50-ыхъ годовъ сосланъ былъ въ Сибирь, откуда ему удалось бѣжать въ началѣ 60-ыхъ годовъ за границу. Прошедшая жизнь Бакунина, вліяніе, какимъ онъ пользовался на окружающихъ, его способности — словомъ, все принимало у него крупные, необыкновенные размѣры, далеко не укладывавшіеся въ обыденныя рамки. То его приговариваютъ къ смерти, то томятъ потомъ около девяти лѣтъ въ одиночныхъ кельяхъ по крѣпостямъ. Изъ Сибири онъ бѣжитъ кругомъ свѣта черезъ Японію и Америку и, явившись въ Европу, принимаетъ здѣсь горячее участіе въ различныхъ революціонныхъ попыткахъ. Онъ оказывается однимъ изъ лучшихъ ораторовъ. Принявъ участіе въ «интернаціоналѣ», становится могучимъ противникомъ Маркса, противопоставляя

его „государственности“ свою «анархію», и доводитъ дѣло до распаденія „интернаціонала“ на два враждебныхъ лагеря: соціаль-демократовъ и анархистовъ.

Нечего и говорить, что я цѣликомъ склонялся къ послѣднимъ, такъ какъ мнѣ не нравились централистическія теоріи соціаль-демократовъ и «государственность», отожествлявшаяся въ моихъ понятіяхъ съ чиновничествомъ, къ которому еще съ юности установилось у меня отрицательное отношеніе.

Но возращаюсь, однако, къ прерванному разсказу.

Итакъ, наканунѣ отъѣзда изъ Цюриха, я познакомился съ бакунинцемъ Р. и среди разныхъ другихъ вопросовъ заговорилъ, между прочимъ, съ нимъ о нашемъ планѣ сдѣлаться рабочими и примкнуть къ какой-нибудь мѣстной секціи «интернаціонала». Помню, сначала онъ принялся было меня разубѣждать, но, замѣтивъ мое упрямство, скоро прекратилъ свои возраженія и въ заключеніе сказалъ: Ну, что же, впрочемъ, попробуйте... Хотя я знаю изъ опыта, что иностранцу это очень трудно. Даже Бакунинъ встрѣчалъ большія затрудненія во время своей дѣятельности въ Ліонѣ въ 71-омъ году. Противники распространяли о немъ нелѣпыя выдумки, желая дискредитировать его въ глазахъ ліонскихъ рабочихъ, и ему приходилось тратить много энергіи и силъ, чтобы защитить себя отъ клеветы.

Эти свѣдѣнія непріятно меня поразили. Если Бакунина встрѣчали подобныя препятствія во время его дѣятельности среди французскихъ рабочихъ, то что же надо было ожидать мнѣ?—мысленно задавалъ я себѣ вопросъ.

На другой день Судзиловскій, Донецкій и я уже ѣхали по желѣзной дорогѣ къ Люцерну. Добравшись изъ Люцерна до Флюэлена по Фирвальдштетскому озеру, мы сошли съ парохода и двинулись пѣшкомъ—съ узлами на плечахъ—по шоссейной дорогѣ, ведущей къ Сенъ-Готардскому проходу.

Дорога шла все время вдоль рѣки Рейсъ, которая текла горною долиною, мѣстами принимавшею видъ небольшихъ зеленыхъ и совершенно плоскихъ лужковъ, окруженныхъ горами, мѣстами же превращавшейся въ узкія извилистыя ущелья, загроможденныя каменьями, среди которыхъ съ шумомъ кипѣла и пѣнилась рѣка. По сторонамъ рѣки толпились горы, поросшія ельникомъ и выглядывавшія одна изъ-за другой вершинами то остроконечными, то закругленными въ видѣ гигантскихъ шапокъ, съ ущельями, съ голыми скалами. Помню, въ одномъ мѣстѣ почти у самой дороги торчала огромная голая скала, перпендикулярно поднимавшаяся на такую страшную высоту, что мы всѣ трое невольно заглядѣлись на нее. Далеко-далеко вверху на скалѣ я увидѣлъ ель, всю подавшуюся впередъ и нависшую прямо надъ нашими головами. Видимо, старая рослая ель—снизу она казалась намъ крошечнымъ деревцемъ.

—«Вотъ ты себѣ представь», говорилъ я Судзиловскому, глядя вверхъ, «что ты сидишь вонъ на той елочкѣ и что она подъ тобою вдругъ ломается».

—«У-у! Чортъ возьми!» воскликнулъ Судзиловскій, содрагаясь. И я чувствовалъ, какъ у меня тоже пробѣжалъ морозъ по спинѣ.

Первое время я восторгался видами природы, но потомъ мало по малу горы стали меня давить. Мнѣ все хотѣлось широкаго, открытаго горизонта. Однако, напрасно мой глазъ искалъ простора: его нигдѣ не было; со всѣхъ сторонъ висѣли скалы. На меня напало какое-то тоскливое удрученное состояніе. Разъ какъ-то, уже недалеко отъ того пункта, гдѣ начинается тонель, для избѣжанія расходовъ, мы забрались на ночлегъ въ глубь лѣса, въ сторону отъ дороги. Мѣстность была глухая. Шелъ дождь. Мы сильно продрогли, такъ какъ —хотя это и было въ маѣ мѣсяцѣ—но мѣсто было очень высокое, и тамъ стояли еще холода. По русскому обычаю

мы развели костеръ и, расположившись подъ скалою, защищавшей насъ отъ дождя, разостлали на землѣ одежду и улеглись спать. Густой еловый лѣсъ спускался по горѣ внизъ, откуда доносился несмолкаемый шумъ рѣки. Ночь наступила темная. Дождь усилился. Костеръ согрѣвалъ наши ноги и мы задремали. Вдругъ послышался въ лѣсу трескъ.

—«Кто тамъ!?» окликнулъ одинъ изъ насъ по-русски, видимо забывая съ-просонья, что дѣло происходитъ въ Швейцаріи.

Мы всѣ очнулись отъ дремоты. Лѣсной валежникъ трещалъ подъ чьими-то тяжелыми ногами. Трескъ усиливался, приближался; кто-то двигался на огонь. Одинъ изъ насъ вытащилъ револьверъ. Мы предпологали увидѣть передъ собою, по крайней мѣрѣ, медвѣдя, но оказался только лѣсной сторожъ. На неудобопонятномъ языкѣ (языкѣ внутреннихъ кантоновъ) онъ намъ объяснилъ, что разводить костровъ нельзя, такъ какъ отъ этого можетъ произойти лѣсной пожаръ, и потребовалъ, чтобы мы потушили огонь.

Въ Россіи въ такую погоду не только лѣсные сторожа, а даже собаки спятъ, забравшись въ сухое мѣсто!

Мы принуждены были потушить костеръ.

—«Ну, здѣсь не скроешься!» замѣтилъ кто-то изъ насъ.

—«Да... Не скроешься...»

И долго послѣ того мы бесѣдовали на тему о швейцарскомъ «благоустройствѣ», и я вдругъ почувствовалъ, что оно меня давитъ, подобно горамъ. Мнѣ вспомнились наши русскіе лѣса—дремучіе, непроходимые, безъ лѣсныхъ сторожей.

Прибывши на мѣсто работъ, мы остановились для отдыха въ маленькомъ отельчикѣ, въ деревушкѣ, расположенной на крутомъ возвышеніи, и всю ночь слыхали, какъ внизу возлѣ рѣки происходили взрывы; тамъ рвали гору для тоннеля. На другой день мы принялись разузнавать относительно работы, но, къ нашему изумленію, услыхали, что рабочихъ и безъ

того было больше, чѣмъ нужно, и намъ не оставалось никакихъ шансовъ получить занятіе. Тогда, сдѣлавши между собою совѣщаніе, мы рѣшили двинуться по направленію къ Женевѣ, такъ какъ возвращаться въ Цюрихъ во всякомъ случаѣ не хотѣли. И вотъ мы пошли дальше. Насколько помнится, изъ селенія Андермата, находящагося почти у самого подножья Сенъ-Готарда, мы поворотили вправо черезъ такъ называемый Фуркскій проходъ. Дѣло происходило, какъ я уже раньше говорилъ, въ маѣ мѣсяцѣ, и проходъ оказался еще весь заваленъ снѣгомъ, безъ малѣйшаго слѣда дороги. Мы шли, руководясь «Бедекеромъ» и вершинами горъ, высившимися по сторонамъ. Проваливаясь въ снѣгъ до пояса, мы брели съ страшными усиліями. Выбившись изъ силъ, ложились и пробовали катиться по снѣгу или же ползли на четверенькахъ, что бы не такъ глубоко проваливаться. Между тѣмъ погода наступила превосходная. Солнце ярко сіяло на совершенно безоблачномъ небѣ, и наши глаза сильно страдали отъ лучей, отражавшихся отъ снѣга. Кое-какъ мы добрались до отеля, большого зданія въ два или три этажа, стоявшаго среди этой снѣжной пустыни. Переночевавши въ отелѣ, гдѣ, кромѣ одного сторожа и нѣсколькихъ собакъ, никого не было, на другой день мы спустились въ Ронскую долину и пошли по направленію къ Женевскому озеру.

Въ Женевѣ мы познакомились съ эмигрантомъ Лазаремъ Гольденбергомъ (не надо смѣшивать съ Григоріемъ Гольденбергомъ, пріобрѣвшимъ печальную извѣстность своими показаніями, скомпрометировавшими очень многихъ лицъ), завѣдывавшимъ въ то время вольной русской типографіей, принадлежавшей петербургскому кружку «чайковцевъ», о которыхъ я упомянулъ какъ-то выше. Типографія женевская заведена была ими, кажется, около года тому назадъ (1872 г.), и въ ней печатались брошюры исключительно для народа. Гольденбергъ принялся хлопотать о пріисканіи намъ работы; но

найти въ Женевѣ какую бы то ни было работу, особенно иностранцу, оказалось дѣломъ далеко нелегкимъ. Судзиловскому скоро надоѣло это неопредѣленное положеніе, и онъ рѣшилъ воротиться въ Цюрихъ, такъ что насъ осталось только двое: я и Донецкій. Въ ожиданіи пока подыщется работа (объ этомъ хлопотали французы, знакомые Гольденберга), я почти всякій день посѣщалъ Гольденберга и Купріанова, работавшихъ въ типографіи. Купріановъ недавно передъ тѣмъ былъ присланъ за границу кружкомъ «чайковцевъ», кажется, спеціально по дѣламъ типографіи, и скоро долженъ былъ возвратиться въ Россію. Печаталась въ это время «Исторія французскаго крестьянина», передѣлка на русскомъ языкѣ, приспособленная для народа. Я часто вступалъ въ споры съ Купріановымъ, доказывая ему, что мало пользы печатать книжки для народа, который неграмотенъ. Онъ, конечно, не соглашался со мною; но рѣдко удавалось расшевелить его въ спорѣ до того, чтобы онъ поворотилъ ко мнѣ свое лицо: стоитъ, бывало, возлѣ кассы съ наборомъ въ рукѣ и возражаетъ, не торопясь. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка флегматичнаго, но искренняго и развитаго не по лѣтамъ (въ то время, насколько помню, ему не было двадцати лѣтъ). Помню, особенно много спорили мы съ нимъ по вопросу о значеніи темперамента для революціоннаго дѣла. Онъ не придавалъ никакого значенія темпераменту и все сводилъ къ понятію о долгѣ. Я думалъ иначе.

По возвращеніи въ Россію, Купріановъ вскорѣ былъ арестованъ и спустя нѣсколько лѣтъ умеръ, кажется, отъ чахотки, развившейся у него въ тюрьмѣ

Но вотъ, наконецъ, Донецкому и мнѣ удалось пристроиться къ работѣ: насъ помѣстили къ одному предпринимателю въ качествѣ землекоповъ съ платою трехъ франковъ въ день. Я былъ привыченъ къ физическому труду и потому выносилъ эту работу сравнительно легко. Но о Донецкомъ нельзя было этого сказать. Не одинъ разъ доводилось мнѣ читать въ его

глазахъ страданіе. Махая желѣзной киркой съ ранняго утра до полудня, онъ выбивался изъ силъ и тяжело было смотрѣть на его изнуренное залитое потомъ лицо. Земляная пыль набивалась въ глаза, въ ноздри, а лѣтнее солнце невыносимо жгло сверху. Но онъ не унывалъ и скоро сталъ даже привыкать къ работѣ. Такъ прошло, кажется, недѣли двѣ или три. Помню, въ одну изъ субботъ я ушелъ съ работы домой нѣсколько раньше обыкновеннаго, разсчитывая встрѣтиться съ Донецкимъ вечеромъ въ кофейнѣ, гдѣ мы обыкновенно ужинали. Но уже давно наступило время окончанія работъ, я поужиналъ, а Донецкаго все не было. Я сталъ тревожиться. Переговоривши съ Гольденбергомъ, находившимся тоже въ кофейнѣ, мы рѣшили отправиться на мѣсто работъ. Закрадывалось даже подозрѣніе, не ушибленъ ли Донецкій землею, что, какъ извѣстно, случается при такого сорта работахъ. Придя на мѣсто, мы никого не застали; рабочіе разошлись по домамъ. Изъ опросовъ въ сосѣднихъ домахъ, мы узнали, что никакого несчастнаго случая не было и, нѣсколько успокоенные, возвратились въ нашу кофейню, предпологая, что Донецкій, идя съ работы, вѣроятно зашелъ куда-нибудь и что во всякомъ случаѣ онъ скоро долженъ явиться къ ужину. Однако, Донецкій не приходилъ въ тотъ вечеръ ужинать и не возвращался ночевать на свою квартиру. Я жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ. Ночь провелъ я въ безпокойствѣ и лишь только наступилъ день помчался къ Гольденбергу. Тревогу мы забили невообразимую. Тотчасъ мы сообщили обо всемъ знакомымъ французамъ-коммунарамъ, жившимъ въ то время въ Женевѣ на положеніи эмигрантовъ. Коммунары, относившіеся весьма сочувственно къ намъ, устремились тоже на поиски. Никакихъ указаній, никакихъ свѣдѣній!.. Донецкій словно сквозь землю провалился. Измученные, недоумѣвающіе сошлись мы къ полудню въ нашъ ресторанчикъ, и каково же было наше изумленіе?! Донецкій сидѣлъ за столикомъ и что-то ѣлъ съ

аппетитомъ. Оказалось, что все это время онъ провелъ въ женевской кутузкѣ. Дѣло было такъ: возвращаясь съ работы, Донецкій настигнутъ былъ на улицѣ двумя какими-то господами въ штатскихъ костюмахъ: они схватили его за руки и стали тащить въ полицію. Принявъ вначалѣ этихъ господъ за обыкновенныхъ пьяныхъ нахаловъ, Донецкій попытался было отдѣлаться отъ нихъ силою, но они его одолѣли и самымъ грубымъ, безцеремоннымъ способомъ поволокли въ кутузку. По пути, на вопросъ Донецкаго, за что его арестуютъ, они ему отвѣтили: Quel droit avez-vous de travailler ici!». Приведя на мѣсто, они его тщательно обыскали, забрали табакъ и спички, находящіеся при немъ и втолкнули въ темную, вонючую каморку на ночь. Только на слѣдующее утро его привели передъ лицо самого директора полиціи. Директоръ велъ себя необыкновенно вѣжливо и мило, порицалъ своихъ агентовъ за ихъ грубое поведеніе наканунѣ. Но, какъ извѣстно, это обыкновеніе всѣхъ директоровъ полиціи конституціонныхъ странъ: держать на службѣ грубыхъ агентовъ для того, чтобы потомъ извиняться передъ пострадавшими. Надо знать, что Донецкій пріѣхалъ за границу съ чужимъ паспортомъ, такъ какъ онъ былъ нѣсколько скомпрометированъ въ глазахъ русской полиціи и ему не хотѣли выдать заграничнаго паспорта. Въ Женевѣ онъ жилъ безъ «permis de séjour»: шпіоны женевскіе это пронюхали и, конечно, по приказанію того же вѣжливаго директора напали на него въ ту минуту, когда онъ возвращался съ работы домой. Директоръ полиціи, снявъ допросъ, отпустилъ Донецкаго, но при этомъ заявилъ ему, чтобы онъ немедленно выѣзжалъ изъ женевскаго кантона, въ противномъ случаѣ грозилъ вывезти его силою.

Такимъ образомъ, Донецкій для женевской республики оказался опаснымъ человѣкомъ, отъ котораго тамошнія власти сочли необходимымъ во что бы то ни стало избавиться. Впрочемъ, можетъ быть его изгнали просто по просьбѣ рус-

ркаго посольства, и директоръ женевской полиціи получилъ за это даже извѣстную награду. А можетъ быть, наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ женевскимъ властямъ было непріятно смотрѣть, какъ мы, иностранцы, отбивали работу у ихъ гражданъ. Такъ ли, иначе ли, но результатъ оставался одинъ и тотъ же: намъ нельзя было оставаться въ Женевѣ, ибо, очевидно, если полиція поступила съ Донецкимъ такъ сегодня, то никто не помѣшаетъ ей завтра поступить подобнымъ же образомъ со мною. Швейцарская свобода была, какъ видно, не для всѣхъ, и мы оказывались здѣсь лишними. Да полно, только ли съ нами, иностранцами, такъ безцеремонна была эта полиція!? Я самъ въ Женевѣ былъ свидѣтелемъ того, какъ жандармъ билъ «гражданина»; «гражданинъ» свалился на полъ—дѣло происходило въ участкѣ—и жандармъ принялся тыкать его въ бока и брюхо своими сапожищами, подбитыми снизу для крѣпости сплошными рядами гвоздей, такихъ, какіе употребляются у насъ въ Россіи для лошадиныхъ подковъ. Но что же это, въ такомъ случаѣ, за порядки и какая это свобода?.. Склонные и безъ того крайне скептически относиться къ политической свободѣ, мы только укрѣплялись въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ ней, имѣя передъ глазами подобные факты. Такимъ образомъ, о «сліяніи» съ западно-европейскимъ рабочимъ и думать больше не хотѣлось и оставалось только покончить съ этимъ вопросомъ какъ-нибудь сразу, тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ души давно уже копошилось смутное чувство недовольства и какой-то неудовлетворенности всѣмъ тѣмъ, что приходилось видѣть кругомъ: и языкъ чужой, и нравы чужіе, и тѣсно тутъ такъ, что повернуться негдѣ, и скука, скука смертная!.. Я рѣшилъ возвратиться въ Россію.

Такъ кончился первый періодъ моей жизни, явившійся какъ бы преддверіемъ къ слѣдующему за нимъ—«революціонному народничеству», которое собственно и составитъ главный предметъ моихъ воспоминаній.

Я послалъ письмо въ Цюрихъ къ «бакунистамъ», предлагая принять участіе въ ихъ работахъ по изданію и, получивъ отвѣтъ, тотчасъ уѣхалъ въ Цюрихъ. Они печатали въ это время «Государственность и Анархія» Бакунина; «лавристы», кажется, работали тогда надъ первымъ номеромъ «Впередъ». Окончивъ печатаніе «Государственность и Анархія», въ августѣ или сентябрѣ 73 года, я вмѣстѣ съ Р. отправился въ городъ Локарно, гдѣ жилъ Бакунинъ. Передъ отъѣздомъ въ Россію мнѣ непремѣнно хотѣлось съ нимъ познакомиться.

Мы ѣхали дилижансомъ той самой дорогой, которую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я пѣшкомъ прошелъ, только теперь изъ Андермата не сворачивали вправо, на западъ, а переваливши черезъ Сенъ-Готардскій проходъ, двинулись прямо къ югу, вдоль рѣчки, направлявшейся къ озеру Лаго-Маджіоре, на берегу котораго построенъ городъ Локарно. Дилижансъ прибылъ на мѣсто поздно вечеромъ; мы заняли номеръ въ гостинницѣ, отложивъ нашъ визитъ до слѣдующаго дня. Но Бакунинъ вставалъ поздно, такъ что мы отправились къ нему только часу въ десятомъ утра. Погода стояла солнечная, и послѣ яркаго свѣта снаружи, когда я вошелъ въ его комнату, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ, она мнѣ показалось совершенно темной. Одно или два ея окна выходили куда-то въ темное мѣсто, можетъ быть въ садъ, и мало давали свѣту. У правой стѣны, въ углу, я увидалъ въ тѣни огромную низкую кровать, на которой въ ту минуту еще лежалъ Бакунинъ.

Р. меня отрекомендовалъ ему. Тотъ, лежа, пожалъ намъ обоимъ руки, сопя, приподялся съ кровати и сталъ медленно одѣваться. Я осмотрѣлся. Слѣва, вдоль стѣны стоялъ длинный столъ, заваленный газетами, книгами и письменными принадлежностями. Далѣе, почти до потолка, поднимались простыя деревянныя полки, тоже загроможденныя всевозможными бумагами. Посрединѣ комнаты на кругломъ столѣ стоялъ самоваръ, стаканы, табакъ,

куски сахару, чайныя ложечки... все въ перемежку; стулья въ безпорядкѣ.

Бакунинъ былъ необычайно высокъ и массивенъ, хотя его полнота была, очевидно, болѣзненная. Его лицо было обрюзглое, подъ свѣтло-сѣрыми или голубыми глазами висѣли мѣшки. Огромная голова заканчивалась большимъ лбомъ, по сторонамъ котораго торчали вьющимися клоками рѣдкіе полусѣдые волосы. Онъ одѣвался, сопѣлъ и отъ времени до времени уставлялъ на меня свои свѣтлые глаза. Я чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ и мнѣ было неловко, тѣмъ болѣе, что совершалось это молча. Я слыхалъ раньше, что Бакунинъ составлялъ мнѣніе о людяхъ по первому впечатлѣнію, и теперь, чего добраго, онъ изучалъ мою физіономію. Изрѣдка онъ перебрасывался съ Р. короткими фразами. Онъ сильно шепелявилъ, такъ какъ у него недоставало многихъ зубовъ. Но вотъ онъ согнулся, чтобы обуть ноги и въ эту минуту я услыхалъ, какъ его дыханіе сперлось. Когда онъ выпрямился, то засопѣлъ страшно тяжело—онъ задыхался, его обрюзглое лицо посинѣло. Все это указывало на то, что болѣзнь, сведшая его года три спустя въ могилу, уже была развита въ сильной степени. Когда Бакунинъ одѣлся, мы вышли въ садъ, въ бесѣдку, куда поданъ былъ завтракъ. Здѣсь къ намъ подошли двое итальянцевъ, одному изъ которыхъ онъ меня отрекомендовалъ. То былъ Кафіери, ближайшій другъ Бакунина, извѣстный тѣмъ, что отдалъ свое состояніе, достигавшее весьма значительной цифры, на итальянскія революціонныя дѣла. Онъ молча усѣлся возлѣ насъ и принялся курить трубку. Между тѣмъ пришелъ почталіонъ съ кучей газетъ и писемъ, и Бакунинъ занялся ихъ просматриваніемъ. Затѣмъ появился Зайцевъ, бывшій сотрудникъ журнала „Русское Слово", жившій тогда въ одномъ домѣ съ Бакунинымъ, и вскорѣ между нами завязался общій разговоръ о Барцелонскомъ возстаніи (въ Испаніи), происходившемъ, кажется, въ 1872 году и окончившимся, какъ из-

вѣстно, неудачно. Среди другихъ взглядовъ, высказанныхъ присутствовавшими, по поводу этого возстанія, Бакунинъ выразилъ, между прочимъ, ту мысль, что сами революціонеры были сильно виноваты въ неудачѣ, постигшей ихъ въ Барцелонѣ.

— «Въ чемъ же были ихъ ошибки?» спросилъ я.

— «Надо было сжечь правительственныя зданія! Это первый шагъ въ моментъ возстанія, — а они этого не сдѣлали!» —съ жаромъ проговорилъ онъ.

Только изъ дальнѣйшихъ бесѣдъ мнѣ выяснилось, насколько важное значеніе Бакунинъ придавалъ этому «первому шагу». По его мнѣнію, уничтоженіемъ правительственныхъ зданій, гдѣ сохранялись всевозможные акты и документы, вносился серьезный безпорядокъ и хаосъ въ существующія общественныя отношенія. Многія привилегіи и права собственности покоятся на тѣхъ, либо другихъ документахъ», —говорилъ онъ—«съ уничтоженіемъ которыхъ полный поворотъ къ старому порядку становится затруднительнымъ». Развивая свою мысль, Бакунинъ указывалъ на тотъ, по его мнѣнію, многознаменательный фактъ, что самъ народъ въ моментъ возстанія раньше всего набрасывается на правительственныя учрежденія канцеляріи, суды, архивы, и при этомъ вспомнилъ нашъ Пугачевскій бунтъ, когда возставшая толпа съ ожесточеніемъ рвала и жгла правительственныя бумаги. Народъ, такимъ образомъ, по мнѣнію Бакунина, инстинктивно понималъ зло «бумажнаго царства и стремился его уничтожить. Слушая Бакунина, я вспоминалъ и недовѣріе, съ какимъ дѣйствительно относится нашъ мужикъ къ бумагамъ, и тотъ страхъ, который вселяютъ онѣ ему. Я вспомнилъ всю эту массу бумагъ съ тысячами исходящихъ номеровъ, выпускаемыхъ ежегодно нашими канцеляріями,—всевозможныхъ отношеній, заявленій, рапортовъ, гдѣ, главнымъ объектомъ, для чиновничьихъ манипуляцій, имѣющихъ цѣлью вытащить рубль изъ кармана, является все тотъ же неизмѣнный мужикъ; вспомнилъ вѣ-

нецъ всего - нашъ всероссійскій паспортъ, эту изумительную бумагу, обладающую такимъ качествомъ, что человѣкъ безъ нея не человѣкъ, а какое-то преступное существо, долженствующее сидѣть въ тюрьмѣ;—вспомнилъ я все это и оцѣнилъ мысль Бакунина. Ненависть, съ какою онъ относился къ «бумажному царству», сказывавшаяся рѣшительно въ каждомъ словѣ и даже въ выраженіи его глазъ, становившихся совершенно круглыми въ ту минуту, когда онъ говорилъ объ этомъ вопросѣ, дѣлали его какъ бы естественнымъ представителемъ русскаго народа, хотя въ это время Бакунинъ далеко уже не увлекался русскими революціонными дѣлами. Напротивъ, по отношенію къ русскимъ у него звучала скептическая нота. Надъ нѣмцами онъ любилъ посмѣяться, особенно, когда заходила рѣчь о нѣкоторыхъ возстаніяхъ 48-го года. Нѣмецъ и революція были въ его представленіи два другъ друга исключающія понятія. Всѣ свои надежды Бакунинъ возлагалъ на романскія племена и въ частности на итальянцевъ, посвящая все время и энергію на конспираціи среди нихъ. Поэтому Локарно, построенное на берегу озера Лаго-Маджіоре, находящагося на границѣ Швейцаріи и Италіи, представляло изъ себя какъ нельзя болѣе удобный пунктъ для Бакунина, которому въѣздъ въ Италію, какъ и во Францію, былъ запрещенъ; Локарно игралъ роль революціоннаго центра, куда съѣзжались итальянскіе заговорщики для тайныхъ совѣщаній съ Бакуниннымъ. Планъ Бакунина состоялъ въ томъ, чтобы организовать заговоръ изъ смѣлыхъ людей, готовыхъ на самопожертвованіе, которые въ опредѣленный срокъ должны были собраться въ извѣстное мѣсто съ тѣмъ, чтобы начать вооруженное возстаніе. Предполагалось дѣло начать съ нападенія на мѣстныя правительственныя учрежденія и затѣмъ перейти къ «ликвидаціи» существующаго строя, т. е. конфискаціи земельной собственности, фабрикъ и т. п. Однако, Бакунинъ далеко не льстилъ себя надеждой на непремѣнный успѣхъ. — «Мы дол-

жны безпрестанно дѣлать попытки возстанія», говорилъ онъ. —«Пусть насъ разобьютъ одинъ, два раза, наконецъ—десять и двадцать разъ, но если на двадцать первый разъ народъ поддержитъ, и возстаніе сдѣлается всеобщимъ, жертвы окупятся.» Весь вопросъ, такимъ образомъ, сводился къ тому, чтобы выбить, такъ сказать, народную массу изъ ея индиферентнаго состоянія и заставить ее вступить въ открытую борьбу съ своими притѣснителями. Бакунинъ являлся сторонникомъ активнаго революціоннаго дѣла и не удовлетворялся одною пропагандою слова, находя ее безсильнымъ средствомъ для того, чтобы революціонизировать массы.

На этой почвѣ послѣдователями Бакунина была потомъ построена доктрина, такъ называемаго «парлефетизма» (propagande par le fait), въ противовѣсъ пропагандѣ словомъ, приведшая, въ концѣ концовъ, къ анархическимъ бомбамъ, столь волнующимъ въ настоящее время цивилизованный міръ. Однако, разница между современнымъ анархизмомъ и бакунинскимъ уже прежде всего та, что Бакунинъ всегда стремился къ созданію организованнаго бунта, а ничуть не единичныхъ убійствъ, совершаемыхъ къ тому же по личному усмотрѣнію, какъ это мы видимъ теперь во Франціи—и считать Бакунина отвѣтственнымъ за послѣднія событія было бы несправедливо. Доктрина «парлефетизма» на практикѣ привела къ явленіямъ противообщественнаго характера, ибо на бомбу, брошенную въ толпу или въ ресторанѣ, мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на преступленіе: но намъ кажется, что большинство доктринъ, когда терялось къ нимъ критическое отношеніе и становились онѣ для людей непогрѣшимыми догматами приводили въ конечныхъ выводахъ, и особенно въ приложеніи ихъ къ жизни, къ нелѣпостямъ и абсурдамъ. Такъ мы видимъ, между прочимъ, какъ противуположная доктрина, признававшая исключительно путь словесной пропаганды и безусловно отвергавшая «парлефетизмъ», если не вовлекала

людей въ преступленія, то зато часто приводила ихъ къ непослѣдовательности и болтовнѣ.

На второй или третій день пребыванія нашего въ Локарно мы отправились по озеру въ лодкѣ вмѣстѣ съ Бакунинымъ, желавшимъ показать намъ домъ, недавно купленный на его имя въ окрестностяхъ города. Покупка эта совершена была итальянскими заговорщиками съ цѣлью устроить революціонный притонъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавши Бакунина домовладѣльцемъ, закрѣпить его положеніе въ Локарно, откуда его могли всякую минуту выгнать по настоянію итальянскаго правительства, имѣвшаго свѣдѣнія объ его участіи въ революціонныхъ конспираціяхъ. Мы поплыли, пересѣкая заливъ, и скоро приблизились къ берегу, поднимавшемуся высокими крутыми горами, поросшими на извѣстной высотѣ кустарникомъ. Вдоль озера вилась шоссейная дорога, ведшая изъ Локарно, выше которой виднѣлись дачи. Причаливъ къ мѣсту, мы поднялись по тропинкѣ въ гору и, перейдя дорогу, вошли въ калитку. Я увидѣлъ передъ собой старый двухъ-этажный домъ съ выцвѣтшими стѣнами, покрашенными когда то желтой краской. Передній фасадъ, обращенный къ озеру, былъ выше задняго, какъ это бываетъ въ домахъ, построенныхъ на крутомъ скатѣ. Толстыя, каменныя стѣны окончательно дѣлали похожимъ на какое-то маленькое укрѣпленьеце этотъ старый домъ, какъ мнѣ показалось, вообще мало пригодный для жилья; когда мы вошли въ него, на меня пахнуло сыростью и запахомъ плѣсени; заднія комнаты были темны, такъ какъ выходили окнами къ горѣ, круто поднимавшейся сзади дома, гдѣ былъ разбитъ небольшой фруктовый садикъ. Но зато для устройства притона домъ представлялъ много удобствъ. Отсюда можно было совершенно незамѣтно пробраться къ озеру и уплыть въ какомъ угодно направленіи. Въ Италію можно было проѣхать въ лодкѣ, минуя таможни. Бакунинъ сталъ толковать о томъ, какъ „они“ (т. е. итальянскіе революціо-

неры и онъ вмѣстѣ съ ними) помѣстятъ въ этомъ домѣ «летучую типографію» и будутъ печатать прокламаціи въ моментъ возстанія, какъ устроятъ здѣсь складъ оружія, конгревовыхъ ракетъ и тому подобныхъ «бунтовскихъ» принадлежностей и будутъ доставлять ихъ въ Италію. Затѣмъ онъ обратился къ Р. и ко мнѣ съ предложеніемъ, чтобы мы осмотрѣли помѣщеніе и высказали наше мнѣніе относительно того, гдѣ и какъ удобнѣе будетъ устроить секретные ходы... Мы приступили къ осмотру. Я заглядывалъ рѣшительно во всѣ уголки. Изъ одной комнаты я нашелъ весьма удобнымъ прокопать подземный ходъ въ глухую часть сада, откуда уже легко было бѣжать и скрыться въ кустарникѣ, ростемъ по горѣ; изъ другого мѣста можно было устроить незамѣтный проходъ къ озеру. Подъ домомъ предполагалось вырыть помѣщеніе для склада оружія. Бесѣдуя съ Р. о секретныхъ ходахъ, я ходилъ по комнатамъ точно въ какомъ-то завороженномъ состояніи. Здѣсь я имѣлъ передъ собою уже не отвлеченныя теоріи и разсужденія о революціонной дѣятельности, а, такъ сказать, самую эту дѣятельность во всей ея реальности. Воображеніе мое разгорѣлось. Я уже предвкушалъ то сладкое мгновеніе, когда кому-нибудь изъ итальянскихъ революціонеровъ удастся тѣмъ или другимъ ходомъ ускользнуть при обыскѣ изъ рукъ полиціи. Въ ту минуту я не дѣлалъ различія между Швейцарской Республикой и самодержавной Россіей.

Мы кончили осмотръ и собрались въ нижней комнатѣ, гдѣ сторожемъ дома приготовлена была въ это время закуска, состоявшая, впрочемъ, изъ хлѣба съ сыромъ и довольно плохого кислаго вина. Усѣвшись за столъ, мы продолжали бесѣду на ту же тему; устройство притона съ секретными выходами и складомъ сильно занимало Бакунина. Онъ тоже допускалъ возможность обысковъ. Очевидно, Бакунинъ или вообще мало довѣрялъ швейцарской свободѣ, или, быть можетъ,

имѣлъ въ виду такія дѣла, которыя не могли быть терпимы ни въ одной странѣ.

«Быть можетъ и вамъ, русскимъ», говорилъ онъ, «понадобится держать за границею свою строго конспиративную типографію для печатанія летучихъ листковъ,—можно будетъ ее тоже помѣстить здѣсь». Потомъ онъ перемѣнилъ тонъ и рѣзко добавилъ: „Впрочемъ, какія же конспираторы русскіе?! Пойдутъ болтать—скомпрометируютъ, пожалуй, и наше итальянское дѣло".

Мнѣ было очень непріятно слышать этотъ упрекъ, и я принялся что-то—не помню ужъ, что именно—говорить въ защиту насъ, русскихъ. Но еще непріятнѣе сдѣлалось, когда Бакунинъ, возражая мнѣ, въ заключеніе вдругъ воскликнулъ: „Да что русскіе!?... Всегда они отличались стадными свойствами! Теперь они всѣ анархисты! На анархію мода пошла. А пройдетъ нѣсколько лѣтъ—и можетъ быть ни одного анархиста среди нихъ не будетъ!"

Эти слова глубоко врѣзались въ моей памяти и часто приходилось мнѣ потомъ ихъ вспоминать и видѣть въ нихъ пророческое значеніе.

Завтракъ нашъ окончился брудершавтомъ. Бесѣда приняла обыденный характеръ. Бакунинъ то и дѣло ловилъ меня на словѣ вы, которое я по привычкѣ все еще употреблялъ вмѣсто ты.

Дня черезъ два послѣ того Р. отправился обратно въ Цюрихъ. Я же намѣреваясь ѣхать въ Россію черезъ Сѣверную Италію, остался еще на нѣсколько дней въ Локарно. Все время я проводилъ у Бакунина, являясь къ нему обыкновенно часу въ 10-мъ—11-омъ дня и оставаясь до глубокой ночи, такъ какъ ложился онъ всегда очень поздно. Отъ многихъ нашихъ бесѣдъ теперь сохранились въ моей памяти только отдѣльные отрывки. Такъ припоминаю, какъ онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ пребываніи въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ

для развлеченія онъ занимался тѣмъ, что кормилъ крошками хлѣба голубей на окнѣ своей одиночной камеры. Или тоже помню, какъ Бакунинъ утверждалъ, что участіе жуликовъ въ революціонныхъ дѣлахъ служитъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ успѣха, ибо жулики—такой народъ, который скорѣе другихъ опредѣляетъ истинное положеніе дѣлъ и даетъ настоящую оцѣнку событіямъ. Они сразу чувствуютъ, гдѣ можетъ быть нажива и что можетъ принести имъ выгоду, и разъ они начинаютъ вмѣшиваться въ революціонное дѣло, то это показываетъ, что революціонное дѣло сдѣлалось настолько популярнымъ, что можетъ явиться предметомъ эксплуатаціи для личныхъ цѣлей;— «это однако надо имѣть въ виду и принимать мѣры, чтобы они не скопрометировали революціоннаго дѣла въ общественномъ мнѣніи», говорилъ Бакунинъ.

Но вотъ, наконецъ, я сталъ собираться въ дорогу. Помню, наканунѣ моего отъѣзда, Бакунинъ высчиталъ по путеводителю количество денегъ, необходимыхъ для моего путешествія и потребовалъ, чтобы я показалъ ему свой кошелекъ. Напрасно я старался убѣдить его, что денегъ у меня достаточно, и я въ нихъ не нуждаюсь. Онъ всетаки настоялъ на своемъ: кошелекъ свой я долженъ былъ въ концѣ-концовъ ему показать. До требуемаго количества не хватило тридцати съ небольшимъ франковъ!

— „Я остановлюсь въ Богеміи. Тамъ у меня есть пріятели, у которыхъ я могу взять денегъ,—сколько мнѣ понадобится“, объяснялъ я.

— «Ну-ну, разсказывай!» возражалъ Бакунинъ. Онъ вытащилъ изъ стола небольшую деревянную коробочку, отворилъ ее, сопя отсчиталъ тридцать съ лишнимъ франковъ и передалъ мнѣ.

Мнѣ было очень неловко принимать эти деньги, однако я принужденъ былъ ихъ взять.

«Хорошо, по пріѣздѣ въ Россію я вышлю,» проговорилъ я.

Но Бакунинъ только сопѣлъ и, глядя на меня, улыбался.

— «Кому? Мнѣ вышлешь?» спросилъ, наконецъ, онъ; потомъ добавилъ: «это я даю тебѣ не свои деньги».

«Кому же ихъ переслать, въ такомъ случаѣ?»

— «Большой же ты собственникъ! Да отдай ихъ на русскія дѣла, если ужъ хочешь непремѣнно отдать».

Мы простились, и я выѣхалъ изъ Локарно.

Добравшись на пароходѣ до южнаго конца Лаго-Маджіоре, я пересѣлъ тамъ на желѣзную дорогу и двинулся—черезъ Сѣверную Италію и Тироль—въ Россію. Поѣздъ мчался, а я, сидя у окна и глядя на мимо пробѣгавшія картины, мечталъ о будущемъ. Оно мнѣ представлялось такимъ заманчивымъ и величественнымъ! Я до того былъ полонъ вѣры въ ту минуту, что почти готовъ былъ крикнуть горѣ: „двинься съ мѣста!“ Вотъ миновалъ я уже Краковъ,—услыхалъ родную рѣчь и въ моей груди учащенно забилось сердце. Каждый мужикъ, каждая баба, влѣзавшіе въ мой вагонъ, казались мнѣ близкими, родными. Я всматривался въ нихъ такъ, какъ будто раньше не видѣлъ ихъ, или вѣрнѣе, точно я ихъ видѣлъ, но давно-давно когда-то и теперь опять встрѣтилъ. Послѣ того, какъ я отдѣлался отъ своего космополитизма, міръ окрасился для меня въ иную краску. Жизнь получила для меня болѣе смысла и прелести. Вспомнилъ я о своемъ недавнемъ стремленіи «слиться» съ западно-европейскимъ рабочимъ и это стремленіе представилось мнѣ до такой степени жалкимъ, что я не находилъ словъ для выраженій.

Да, вѣры въ будущее у всѣхъ насъ было тогда много. Мы—на самомъ дѣлѣ незначительная горсть молодыхъ людей—ощущали въ себѣ присутствіе необычайной силы, и это сознаніе силы покоилось у насъ на вѣрѣ въ народъ; всякій изъ насъ чувствовалъ за собою милліоны крестьянъ. При подобной вѣрѣ можно было надѣяться на успѣхъ и игнорировать

общество. Мы такъ и поступали. Мы игнорировали общество, признавали только себя, т. е. революціонеровъ, да, съ другой стороны,—мужика, отбрасывая въ сторону, какъ негодное, рѣшительно все, что стояло внѣ насъ и этого мужика.

Глава V.

Первый обыскъ.—Кіевская коммуна.—Плотничья артель.

Воротившись изъ-за границы, я даже не заѣхалъ въ Кіевъ, а прямо остановился у себя, въ Лукѣ. Это вело, какъ мнѣ казалось, прямѣе къ цѣли, такъ какъ въ Лукѣ у меня были пріятели среди крестьянъ, и я надѣялся при посредствѣ ихъ скорѣе войти въ крестьянскую среду. Но пока я все-таки присматривался и обдумывалъ, какъ приступить къ дѣлу, ограничиваясь отдѣльными знакомствами, прошло мѣсяца полтора. Между тѣмъ Донецкій, остававшійся позже моего въ Швейцаріи, успѣлъ пріѣхать въ Россію съ чужимъ паспортомъ. На станціи Сербиновцы, возлѣ Жмеринки, онъ слѣзъ съ поѣзда и, отдавъ на сохраненіе станціонному жандарму свой чемоданъ, отправился пѣшкомъ ко мнѣ, въ Луку, находящуюся недалеко отъ Сербиновецъ. Былъ мѣсяцъ ноябрь. Время стояло холодное. Завернувшись въ красное байковое одѣяло на манеръ того, какъ укутываются пледомъ, Донецкій съ небольшимъ узелкомъ въ рукахъ, пошелъ для сокращенія пути по полотну желѣзной дороги. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулся густой грабовый лѣсъ. Пройдя версты двѣ, онъ натолкнулся на кучку рабочихъ, поправлявшихъ что то на пути. Если бы рабочіе были одни, то съ Донецкимъ вѣроятно ничего особеннаго не случилось бы; но при нихъ находился дорожный мастеръ. По полотну желѣзной дороги запрещено было ходить, поэтому онъ

сталъ кричать на Донецкаго, а потомъ вздумалъ его арестовать. Тогда Донецкій бросилъ свой узелокъ подъ желѣзнодорожный мостикъ, освободился отъ одѣяла и пустился бѣжать въ лѣсъ. Онъ бѣгалъ быстро и надѣялся, что ноги ему не измѣнятъ въ этотъ разъ. И вѣроятно ноги бы ему не измѣнили, и убѣжалъ бы онъ, если бы не споткнулся о пень. Онъ упалъ. При паденіи сильно расшибъ ногу и бѣжать дальше не могъ. Его схватили.

— «Къ становому его, ребята!» командовалъ дорожный мастеръ. «Можетъ—какой бѣглый».

По несчастію около этого времени возлѣ Сербиновецъ въ въ лѣсу найдено было мертвое тѣло съ признаками насилія, и мѣстный становой приставъ, Маковъ, именно въ тотъ день производилъ дознаніе въ селеніи Стодульцахъ. Отъ Сербиновецкаго вокзала до с. Стодульцы всего четыре версты, а отъ мѣста, гдѣ былъ схваченъ Донецкій, было на половину ближе. Черезъ какихъ-нибудь полчаса онъ, вмѣстѣ съ своимъ одѣяломъ и узелкомъ, брошеннымъ подъ мостъ, былъ доставленъ къ приставу; тотъ, понятно, потребовалъ паспортъ у Донецкаго и принялся его опрашивать.

Случись подобная исторія въ какой-либо внутренней русской губерніи, —быть можетъ все обошлось бы благополучно,— особенно въ тѣ времена, но тутъ вышло иначе: Подольская губернія пограничная—становые привыкли дѣлать обыски, разыскивая контрабанду. И въ этотъ разъ становой, видя по паспорту, что Донецкій только что пріѣхалъ изъ за границы, приказалъ обыскать его. Развязали узелокъ Донецкаго и нашли въ немъ небольшой пакетъ печатныхъ листовъ. То была прокламація или программа—кто его знаетъ, какъ правильнѣе назвать—подъ заглавіемъ: «Къ русскимъ революціонерамъ», изданная какою то «цюрихскою общиною анархистовъ», организовавшейся уже послѣ моего отъѣзда, такъ какъ въ мою бытность въ Цюрихѣ, я о ней ничего не слыхалъ. Видя, что

все кончено, Донецкій назвалъ свою настоящую фамилію, объявивъ, что паспортъ, найденный при немъ, по которому онъ переѣхалъ границу, былъ украденъ имъ у владѣльца.

— «Куда вы направлялись»?.. допрашивалъ его приставъ.

— «Въ Москву. Мнѣ не хватило денегъ ѣхать, — я принужденъ былъ идти пѣшкомъ», отвѣчалъ Донецкій.

Дѣйствительно, при обыскѣ у него найдено было всего нѣсколько десятковъ копѣекъ.

Само собою разумѣется, что событію этому становой придалъ необыкновенно важное значеніе. Онъ совершенно забылъ о мертвомъ тѣлѣ, найденномъ въ лѣсу, и съ небывалой энергіей принялся за розыски по дѣлу Донецкаго. Черезъ часъ, съ кучей понятыхъ, онъ былъ уже на Сербиновецкомъ вокзалѣ. Изъ комнаты станціоннаго жандарма вытащили чемоданчикъ, раскрыли его и съ ужасомъ увидѣли въ немъ кучу печатныхъ листовъ того же изданія. Какъ удалось Донецкому провезти эти прокламаціи черезъ русскую границу—не знаю. Начался тщательный пересмотръ всѣхъ его вещей. Найдена была книга, «Статистика» Кольба, на переднемъ листѣ которой стояла надпись: «Владиміръ Мокріевичъ».

Я не зналъ о случившемся, а между тѣмъ отъ Сербиновецкаго вокзала до Луки всего на всего восемь верстъ.

Часу въ третьемъ ночи я былъ разбуженъ необыкновеннымъ шумомъ. Открывъ глаза и лежа на кровати, я увидѣлъ передъ собою моего отца, стоящаго со свѣчею въ рукахъ, а на порогѣ комнаты фигуру станового пристава, одѣтаго въ дубленку и сербиновецкаго вокзальнаго жандарма—въ сѣрой шинели съ краснымъ шнуркомъ, спускавшимся по груди къ поясу, гдѣ висѣлъ револьверъ въ кожаномъ кобурѣ. И становой и жандармъ стояли въ комнатѣ въ форменныхъ фуражкахъ на головахъ.

— «Господинъ Мокріевичъ, сегодня (для станового было все еще сегодня,—видимо онъ не ложился спать въ эту ночь),

пойманъ государственный преступникъ Донецкій. Противъ васъ имѣются улики,—мы должны произвести обыскъ».

Все это сразу меня огорошило.

— «Сдѣлайте одолженіе», проговорилъ я, стараясь казаться возможно болѣе хладнокровнымъ, хотя въ эту минуту въ головѣ моей вихремъ проносился цѣлый рой мыслей.

«Какъ попался Донецкій? Нѣтъ ли чего нибудь запрещеннаго у меня?.. Кажется нѣтъ, а впрочемъ—кто его знаетъ», думалъ я, вставая съ кровати и принимаясь поспѣшно одѣваться. Въ домѣ кромѣ меня и старика отца, были мои двѣ—тогда еще небольшія—сестры и прислуга. Братъ Иванъ былъ въ это время за границею. Матери тоже не было дома.

Начался обыскъ вещей, бумагъ, книгъ. Найдено было одно письмо, обратившее на себя вниманіе, въ которомъ говорилось очень много о «Люпусѣ». Такъ называли мы Ходько, напоминавшаго своимъ обращеніемъ выведеннаго Викторомъ Гюго въ романѣ «Человѣкъ, который смѣется» извѣстнаго Люпуса, у котораго подъ личиною грубыхъ выходокъ скрывалось доброе сердце.

— «Что это за «Люпусъ»?.. Кто это?..—спрашивалъ приставъ, читая письмо.

— «Такъ, пустяки», отвѣтилъ я, беря изъ его рукъ письмо. «Люпусъ» — латинское слово; въ переводѣ—значитъ волкъ».

— «А-а!..» многозначительно протянулъ приставъ. Онъ ничего не понималъ—это было очевидно. Но ему почему то не хотѣлось показать этого передъ мною и онъ оставилъ письмо. Прокламацій и запрещенныхъ книгъ у меня не оказалось, и только другое письмо, гдѣ упоминался петербургскій адресъ одной знакомой, было взято и пришито къ дѣлу.

Обыскъ кончился. Приступлено было къ составленію акта. Мы усѣлись во второй комнатѣ за большимъ дубовымъ столомъ, куда былъ поданъ, между прочимъ, самоваръ, и при

ставъ, уславши понятыхъ крестьянъ изъ комнаты, принялся строчить бумагу... Я подчивалъ его и сербиновецкаго жандарма чаемъ. Съ одной стороны, обыскъ, не давшій скверныхъ результатовъ, съ другой стороны, можетъ быть, чай развязалъ языкъ пристава и онъ сообщилъ мнѣ подробности ареста Донецкаго. Актъ былъ составленъ, я подъ нимъ подписался, и становой сталъ собираться въ дорогу. Уже совсѣмъ свѣтало, когда онъ съ жандармомъ и понятыми съѣхалъ со двора.

Отъ Луки Барской до уѣзднаго города тридцать верстъ. Становой отправился туда, чтобы сдать начальнику «государственнаго преступника», пойманнаго имъ, и донести о всемъ происшедшемъ. Хотя при обыскѣ у меня не было ничего найдено, но одно мое знакомство—вполнѣ доказанное—съ Донецкимъ, обвиняемомъ въ государственномъ преступленіи, должно было достаточно компрометировать меня въ глазахъ начальства. Становой сдѣлалъ оплошность, не арестовавъ меня. Уѣздное начальство могло оказаться предусмотрительнѣе и распорядиться о моемъ немедленномъ арестѣ. Предвидя это, я рѣшилъ уѣхать изъ дому, какъ можно скорѣе. Но выѣзжать днемъ было неудобно. Мой отъѣздъ могли видѣть крестьяне, которымъ становой, можетъ быть, приказалъ дажо слѣдить за мною. Поэтому я рѣшилъ дождаться ночи. Предоставляю судить всякому,—съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидался я въ тотъ день солнечнаго заката! Наконецъ наступилъ вечеръ. Я сказалъ кучеру готовить лошадей и началъ собираться въ дорогу. Вдругъ послышался звонъ колокольчика и кто-то, подъѣхавъ къ нашимъ воротамъ, остановился. Сердце мое забилось. Поручивши узнать, кто пріѣхалъ, самъ я выскочилъ въ садъ и спрятался среди деревьевъ, твердо рѣшившись бѣжать хоть пѣшкомъ, разъ окажется, что пріѣхали за мною.

Нѣсколько минутъ спустя ко мнѣ подошелъ кучеръ и

тихо прошепталъ: «Какой то панычъ пріѣхалъ. Васъ спрашиваетъ».

— «Какой панычъ?!» недоумѣвалъ я. «Одинъ?»

— «Одинъ. Въ очкахъ».

Я вошелъ въ комнаты. На встрѣчу мнѣ поднялся со стула молодой человѣкъ нѣсколько выше средняго роста, съ синими консервами на глазахъ. Я внимательно всматривался въ лицо гостя, но оно мнѣ казалось совершенно незнакомымъ.

— «Неужели не узнаете?» проговорилъ онъ.

— «Землеройка!» воскликнулъ я тогда, узнавъ по голосу Лермонтова.

Лермонтовъ, состоявшій раньше въ кружкѣ петербургскихъ «чайковцевъ» — около года тому назадъ—отдѣлился отъ нихъ и, пріѣхавши заграницу, вошелъ въ организаціонныя отношенія съ цюрихскими «бакунистами». Въ Цюрихѣ познакомился я съ нимъ при посредствѣ Ходько, прозвавшаго его, за конспиративное, таинственное поведеніе, «землеройкой» или «гробокопателемъ». Подъ этимъ прозвищемъ онъ и былъ извѣстенъ среди насъ. Лермонтовъ побрился и вслѣдствіе того сильно измѣнилъ свое лицо. Разговорившись съ нимъ, я узналъ, что адресъ мой онъ получилъ отъ Ивана, съ которымъ встрѣтился въ Швейцаріи уже послѣ моего отъѣзда. Теперь Лермонтовъ пробирался въ Петербургъ изъ Волочиска, съ австрійской границы, гдѣ онъ жилъ нѣкоторое время конспиративно, занимаясь организаціей контрабанднаго пути для перевозки нашихъ бакунинскихъ изданій.

— «Ну, батенька, во время же вы заѣхали ко мнѣ!» замѣтилъ наконецъ я и разсказалъ ему все, что у насъ случилось.

— «Плохо. А я было разсчитывалъ, прежде чѣмъ ѣхать въ Петербургъ, немного отдохнуть у васъ».

Мы рѣшили вмѣстѣ бѣжать, и въ часу десятомъ или въ одиннадцатомъ ночи выѣхали изъ дому, имѣя въ виду попасть къ ночному поѣзду, шедшему изъ Волочиска въ Кіевъ.

Приближаясь къ Волковинецкому вокзалу (на Сербиновцы, само собою разумѣется, мы не рѣшались ѣхать), Лермонтовъ мнѣ замѣтилъ.

— «Смотрите же, въ вокзалъ войдемъ отдѣльно и не будемъ показывать вида, что мы знакомы. Такъ меньше обратимъ на себя вниманія. Если и арестуютъ одного изъ насъ, то другой можетъ уцѣлѣть».

Этотъ совѣтъ я нашелъ благоразумнымъ. Лермонтовъ пошелъ первый. Четверть часа спустя, вошелъ и я за нимъ. Въ это время уже ожидался поѣздъ, и зала была освѣщена. Послѣ наружной темноты, свѣтъ лампъ непріятно рѣзалъ мнѣ глаза. Но вотъ я осмотрѣлся. Публика суетилась и бѣгала взадъ и впередъ; среди нея съ важностью расхаживалъ и страшилище—жандармъ Однако, гдѣ же «гробокопатель»? Въ одномъ изъ болѣе темныхъ угловъ зала, на скамьѣ, сидѣлъ Лермонтовъ, но... боже мой, боже мой, на кого только онъ былъ похожъ! «Преступникъ»! чуть не кричала каждая складка его платья. Черная поярковая шляпа на головѣ, сѣрый пледъ на плечахъ и синіе очки на носу!.. Какъ есть всѣ атрибуты нигилизма!.. «Преступникъ. . Преступникъ... Съ такимъ видомъ далеко не уѣдешь мысленно повторялъ я, и съ этого перваго дня моей нелегальности твердо рѣшилъ держаться совершенно другихъ пріемовъ. Я затерся въ толпѣ.

Наконецъ нашъ поѣздъ пришелъ. Не показывая вида, что мы знакомы, мы усѣлись въ одинъ вагонъ и поѣхали. Только потомъ, дорогою, убѣдившись, что за нами никто не наблюдаетъ, мы подсѣли другъ къ другу и стали бесѣдовать. Лермонтовъ считался болѣе опытнымъ конспираторомъ, чѣмъ я, такъ какъ онъ былъ уже до этого «нелегальнымъ», т. е. жилъ не по своимъ документамъ, а потому мой взглядъ на то, какъ слѣдовало держать себя скрывавшемуся, не могъ быть авторитетнымъ для него.

Утромъ слѣдующаго дня мы были уже въ Кіевѣ. Пере-

давши мнѣ адресъ волочискаго контрабандиста, который взялся перевезти черезъ границу пуда два книгъ «Государственность и Анархія», Лермонтовъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и былъ арестованъ на квартирѣ той самой нашей общей знакомой, чей адресъ былъ взятъ у меня при обыскѣ. Это была большая неосторожность съ его стороны, такъ какъ я ему объ этомъ говорилъ и слѣдовательно онъ долженъ былъ ожидать тамъ обыска.

На второй или третій день послѣ моего отъѣзда изъ Луки, въ нашъ домъ являлся жандармскій офицеръ изъ уѣзднаго города, съ цѣлью арестовать меня, но не заставши, далъ объ этомъ знать высшему начальству, которое не замедлило разослать повсюду секретное предписаніе о моемъ задержаніи. Съ этого момента меня стали розыскивать. Арестованный же Лермонтовъ былъ привлеченъ къ дознанію и года черезъ два или три умеръ въ тюрьмѣ, въ такъ называемомъ Литовскомъ Замкѣ, въ Петербургѣ. Что касается до участи Донецкаго то она была не менѣе печальна. Онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и весною 1875 года приговоренъ судомъ къ пяти годамъ каторги, хотя все преступленіе его сводилось лишь къ перевозкѣ черезъ границу пучка прокламацій, изъ которыхъ онъ не успѣлъ распространить даже одного экземпляра. Донецкій былъ засаженъ въ централку (Харьковской губ.), откуда былъ вывезенъ въ Сибирь полусумасшедшимъ въ 1881 году, отсидѣвъ, такимъ образомъ, больше того срока, къ которому былъ приговоренъ. Я позволилъ себѣ уклониться здѣсь и забѣжать нѣсколько впередъ, чтобы закончить исторію этихъ двухъ лицъ, павшихъ жертвою преслѣдованій нашего правительства, а теперь возвращусь къ прерванному разсказу.

Пріѣхавши въ Кіевъ въ ноябрѣ 1873 года, я засталъ тамъ два кружка или двѣ революціонныя группы.

Одинъ кружокъ, состоявшій изъ 6—7 человѣкъ, не представлялъ собою ничего экстраординарнаго. То была обыкно-

венная организація съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ уставомъ и извѣстными требованіями отъ своихъ членовъ, находившаяся въ сношеніяхъ съ петербургскимъ кружкомъ «чайковцевъ» и одесскимъ кружкомъ Волховского. Отчасти кружокъ этотъ являлся какъ бы продолженіемъ того, который существовалъ въ Кіевѣ раньше и о которомъ я упоминалъ въ своемъ мѣстѣ, называя его кружкомъ «кіевскихъ чайковскихъ чайковцевъ». Дѣятельность этого кружка въ 73 году выражалась главнымъ образомъ въ пропагандѣ соціалистическихъ идей среди молодежи, подобно тому, какъ и два года тому назадъ, съ той разницей, что тогда пропаганда эта велась при помощи такихъ книгъ, какъ «Азбука Соціальныхъ Наукъ» и сочиненій Лассаля а теперь—«Капитала» Маркса. Другой практической задачей кружка была пропаганда среди рабочихъ при помощи распространенія и чтенія революціонныхъ брошюръ въ родѣ «Исторіи Французскаго Крестьянина», «Бунта Стеньки Разина», «Емельки Пугачева» и тому подобныхъ. Съ появленіемъ заграничной подпольной прессы практическимъ дѣломъ являлось также книжное дѣло, т. е. перевозка черезъ границу запрещенныхъ книгъ и ихъ сохраненіе. Впрочемъ, контрабандной перевозкой книгъ кіевская группа чайковцевъ, насколько мнѣ извѣстно, не занималась, и это дѣло велось, кажется, только питерцами да одесскимъ кружкомъ Волховского.

Вторая кіевская группа представляла собою необыкновенно типичное учрежденіе, носившее названіе «коммуны» и о ней мнѣ хочется сказать нѣсколько подробнѣе. Но я долженъ вначалѣ же оговориться, что къ «кіевской коммунѣ» рѣшительно не подходитъ названіе кружка или группы; «коммуна даже не обладала опредѣленнымъ составомъ членовъ; напротивъ, тамъ постоянно смѣнялись лица: однѣ пріѣзжали, другія въ это время уѣзжали, или же попросту уходили пѣшкомъ. По обвинительному акту «О дѣлѣ 193-хъ» въ числѣ членовъ

«кіевской коммуны» упоминаются: Брешковская, Стефановичъ, Фишеръ, Аксельродъ, братья Левентали и много другихъ лицъ. Но Брешковская прожила въ «коммунѣ» всего мѣсяца три-четыре, Фишеръ и того меньше, а Стефановича пребываніе въ «коммунѣ» измѣряется просто таки днями; между тѣмъ, какъ сама «коммуна» просуществовала болѣе года (1873—74 г.). Что же касается до Аксельрода, братьевъ Левенталей и Каминеръ, то они входили въ составъ кружка «кіевскихъ чайковцевъ», о которыхъ я только что говорилъ и уже потому одному не могли быть членами «коммуны». Въ «коммунѣ» всѣ дѣлились другъ съ другомъ средствами, ѣли за однимъ столомъ, а на покупку продуктовъ, равно какъ и на расходы по квартирѣ деньги давали тѣ, кто ихъ имѣлъ. Тамъ можно было поселиться и жить чуть не всякому: для этого достаточно было простое знакомство съ кѣмъ либо изъ живущихъ. Рекомендацій ни отъ кого не требовалось. Благодаря такимъ условіямъ въ «коммуну» проникли въ 74 году сначала Ларіоновъ и Польгеймъ, а затѣмъ и Гориновичъ. Эти три человѣка жестоко отплатили впослѣдствіи за то гостепріимство, которое было оказано имъ въ «коммунѣ». Будучи арестованы, они выдали всѣхъ, кого только тамъ встрѣчали и дали не мало показаній, компрометировавшихъ другихъ: но сверхъ всего этого своимъ предосудительнымъ поведеніемъ въ нравственномъ отношеніи, выяснившемся при дознаніи, дали оружіе въ руки жандармамъ, стремившимся во что бы то ни стало бросить грязью въ «коммуну». «Коммуна» была наказана за свою неорганизованность; во строго говоря, обвинять за то, что туда попалъ Ларіоновъ такъ же было бы не кого, какъ некого въ частности обвинять за тѣхъ мошенниковъ, которые существуютъ вообще на свѣтѣ.

Итакъ, «кіевская коммуна» не представляла собою никакой организаціи. Всякій на нее смотрѣлъ какъ на такое

мѣсто, куда онъ могъ зайти передохнуть день-другой, а то и недѣлю, съ тѣмъ, чтобы потомъ опять «идти въ народъ», или куда ему нужно было. «Коммуна» исполняла назначеніе революціонной станціи, являлась мѣстомъ взаимныхъ встрѣчъ — неболѣе, и никто ничего другого не требовалъ отъ этого учрежденія. Но за то—кто только не перебывалъ тамъ? Не разъ у воротъ дома Леминскаго, гдѣ во флигелѣ помѣщалась «коммуна», останавливалась карета и изъ нея выходила разодѣтая барыня: это пріѣзжала «либералка» для какихъ то переговоровъ и пріѣзжала въ закрытой каретѣ, чтобы по дорогѣ никто не могъ ее узнать. Одновременно съ этимъ сюда же заходили плотники Гаврило и Анисимъ, для того чтобы послушать чтеніе революціонныхъ брошюръ. Тутъ можно было слышать длинныя рѣчи Каблица, развивающаго народническіе принципы, такъ какъ къ этому времени онъ уже отказался отъ якобинскихъ воззрѣній и сдѣлался анархистомъ-народникомъ; тутъ раздавалось и энергичное искреннее слово Екатерины Брешковской, и умное замѣчаніе Сергѣя Ковалика.

Вотъ въ одной комнатѣ сидитъ у окна В. и рѣжетъ на камнѣ съ помощью обыкновеннаго шила печать для подложнаго паспорта; онъ ее рѣжетъ съ большимъ искусствомъ; и всѣ это видятъ, онъ ни отъ кого не скрываетъ: видитъ и Каблицъ, и Гаврило, и Анисимъ. А въ углу той же комнаты подъ секретомъ и съ большими предосторожностями Р-ичъ сообщаетъ мнѣ какіе-то пустяки. Р-ичъ только что пріѣхалъ изъ Петербурга и держитъ себя съ таинственной важностью, какъ, по его мнѣнію, подобаетъ столичному конспиратору. Здѣсь можно было видѣть чахоточнаго слесаря Кокушкина, доживавшаго послѣднія минуты своей жизни, — одного изъ замѣчательно прекрасныхъ людей. Здѣсь же вы могли встрѣтить Марію Колѣнкину, сосланную впослѣдствіи въ каторжныя работы; Судзиловскаго и Чернышева, вынужденныхъ бѣжать за границу въ 74 году; Николая Стронскаго, умершаго года

черезъ полтора въ петербургской тюрьмѣ; Ивана Ходько, умершаго въ ссылкѣ, —и много-много другихъ лицъ, такъ или иначе пострадавшихъ и сдѣлавшихся жертвами привительственныхъ преслѣдованій.

Если исключить Ларіонова, Польгеймъ и Гориновича, временное присутствіе которыхъ въ коммунѣ» объясняется ничѣмъ инымъ, конечно, какъ ея неорганизованностью—то въ общемъ, не смотря на постоянную смѣну лицъ, не смотря даже на отсутствіе организаціи—духъ времени все таки клалъ свою печать и придавалъ довольно опредѣленную физіономію «коммунѣ». Къ характеристикѣ этой физіономіи я теперь и перехожу.

«Коммуна» во многомъ представляла противуположность «кіевскимъ чайковцамъ».

Для «чайковцевъ» наука составляла все. Забавно было видѣть, какъ иной разъ рѣшали они самый несложный, обыденный вопросъ и вкривь, и вкось только потому, что хотѣли рѣшить его непремѣнно по наукѣ. Старанія эти походили на то, какъ если бы вздумалъ кто нибудь для поднятія пшеничнаго зерна примѣнить сложную систему рычаговъ.

«Коммуна» хохотала надъ этимъ идолопоклонствомъ. По ея мнѣнію, только жизнь могла научить чему либо. Съ необычайной легкостью она разрѣшала самые сложные, запутанные вопросы, разрубая съ самоувѣренностью Александра Македонскаго тамъ, гдѣ не въ состояніи была развязать.

Для „чайковцевъ“ прежде, чѣмъ приступить къ практическому дѣлу, необходимо было всѣ вопросы рѣшить научно, и такъ какъ сама наука многихъ вопросовъ еще не рѣшила, то въ поискахъ за рѣшеніями предвидѣлось затратить многіе годы.

«Коммуна» утверждала, что къ практическому дѣлу надо приступить немедленно. Всякое откладываніе или проволочка есть преступленіе, да, наконецъ, на сколько времени не откла-

дывай—все равно всѣхъ вопросовъ не рѣшишь. Поэтому учиться излишне—напрасная трата времени; а нѣкоторые договорились даже до того, что было бы недурно забыть и то, чему раньше выучились, такъ какъ интелигентность только мѣшала омужиченью и полному сліянію съ народной массой.

Въ вопросѣ организаціонномъ „чайковцы" были осмотрительны. Новопоступавшему приходилось выдержать искусъ: они требовали отъ него извѣстнаго умственнаго и нравственнаго ценза.

Въ «коммунѣ» держались, примѣрно, такого пріема: «Согласенъ немедленно идти въ народъ?» «Согласенъ!» «Значитъ, ты—нашъ». Но почему, зачѣмъ согласенъ, и что тамъ въ народѣ будешь дѣлать—даже такіе существенные вопросы считались уже лишними. Въ частностяхъ-де, столкуемся потомъ».

Конечно, въ своей характеристикѣ я беру лишь крайнія мнѣнія, такъ онѣ высказывались тогда въ этихъ двухъ группахъ. И съ одной, и съ другой стороны были лица, не договаривавшіяся до концовъ.

Средній уровень развитія «кіевскихъ чайковцевъ» былъ выше. Попасть въ ихъ кружокъ круглому дураку было невозможно. Въ «коммунѣ» были очень умные, а рядомъ съ ними и довольно ограниченные люди, какъ напримѣръ Гориновичъ и Польгеймъ. Между «кіевскими чайковцами» не нашлось Ларіонова, но за то, съ другой стороны, не было и Брешковской.

Пріѣхавши въ Кіевъ, я поселился въ коммунѣ». Коммуна» мнѣ понравилась, понятно почему: я самъ сильно походилъ въ то время на начиненную бомбу, готовую ежеминутно взорвать. Дѣйствительно, недѣли двѣ-три спустя, я жилъ уже на Подолѣ (такъ называется часть города Кіева, находящаяся возлѣ Днѣпра) въ грязной, вонючей комнатѣ, занимаемой артелью плотниковъ. Попалъ я туда при помощи плотника Гавриила, распропагандированнаго Аксельродомъ, чле-

номъ кружка «кіевскихъ чайковцевъ». Я обладалъ порядочной физической силой; къ ручному труду у меня раньше была пріобрѣтена снаровка. Купленъ былъ топоръ, отостренъ какъ слѣдуетъ, и началъ я тесать «по шнуркѣ» еловыя бревна. Скоро я подучился немного владѣть топоромъ. Бывало, смажешь мѣломъ «шнурку» (такъ называется бичевка, употребляемая при тесаніи бревенъ), натянешь на бревно, стукнешь ею по бревну и, по полученной бѣлой чертѣ, тешешь. Приходилось «спускать на нѣтъ»—я «на нѣтъ спускалъ». Только вотъ «затесать въ замокъ» не умѣлъ, да такъ и не выучился этому искусству. Впрочемъ, я не задавался этой цѣлью: въ плотничью артель я поступилъ главнымъ образомъ потому, что зимою неудобно было отправляться по деревнямъ. Городской рабочій людъ меня не особенно интересовалъ; я мечталъ о деревнѣ. Проработавъ нѣкоторое время, я познакомился съ артельными порядками, и они мнѣ не понравились. Въ артели было человѣкъ восемнадцать и въ это число уже входили: распропагандированный «большакъ» Гаврило и хозяинъ Анисимъ. Гаврило на правахъ старшаго все время болтался безъ дѣла. Анисимъ тоже, заложивъ руки въ карманы, только погуливалъ среди еловыхъ бревенъ. Онъ умѣлъ безъ помощи рукъ особымъ взмахомъ головы надвигать на лобъ свою мѣховую шапку, подчасъ, бывало, до того низко, что закрывалъ себѣ глаза; но это Анисимъ умѣлъ и поправить: мотнетъ, бывало, головой же и шапка очутится на мѣстѣ. И такъ весь день. Эти двѣ привилегированныя особы разнообразили свое время тѣмъ, что иногда исчезали куда-то, а спустя часъ или два возвращались съ глазами, налитыми кровью. Рабочіе сверхъ квартиры и ѣды почти ничего не получали. Объяснялось это тѣмъ, что домохозяинъ, которому мы строили амбаръ, почему-то удерживалъ деньги. Вначалѣ это было дѣйствительно такъ, и рабочіе молчали. Но когда Анисимъ и Гаврило, получивъ какъ-то сорокъ рублей, успѣ-

ли растранширить эти деньги по кабакамъ, то артель возроптала. Произошли враждебныя столкновенія между рабочими и ихъ артельными хозяевами. Я себя чувствовалъ болѣе чѣмъ неловко; я негодовалъ. Гаврило, этотъ распропагандированный Гаврило, оказывался въ моихъ глазахъ эксплуататоромъ? Положимъ, я зналъ, что ни Анисимъ, ни Гаврило денегъ не утаили, а просто-на-просто пропили ихъ, но отъ этого рабочимъ было не легче. Я негодовалъ. Принялся упрекать Гаврилу. Но Гаврило, особенно въ пьяномъ видѣ, былъ окончательно невыносимъ. Наслушавшись отъ насъ же всевозможныхъ похвалъ по адресу рабочихъ, онъ, въ качествѣ рабочаго, въ такія минуты проникался необыкновеннымъ самомнѣніемъ.—«Я—Стенька Разинъ!» кричалъ, бывало, онъ, выпучивъ на меня свои большіе свѣтло-сѣрые глаза и ударяя себя кулакомъ въ грудь. Надо сказать, что въ тѣ времена при сношеніяхъ съ рабочими у пропагандистовъ практиковался весьма фальшивый пріемъ. «Вы—краеугольные камни будущаго строя», нашептывали они рабочему. «Вы—революціонеры!.. Рабочіе—герои! А мы, интеллигенція, ни къ чему негодны. Мы, дворяне, всѣ дрянь»... и прочее въ такомъ родѣ. Этотъ пріемъ былъ логическимъ слѣдствіемъ нашихъ міровоззрѣній: идеализаціи народа и того лассалевскаго взгляда на исторію, по которому въ настоящее время рабочее сословіе является носителемъ прогресса и нравственности, равно какъ привилегированныя сословія—носителями реакціи и безнравственности. Понятно, стало быть, что у многихъ пропагандируемыхъ рабочихъ, наслушавшихся подобныхъ взглядовъ, вскружились головы и они возомнили о себѣ невѣсть какъ высоко. Такого рода деморализаціи подвергся въ сильной степени и бѣдный Гаврило. Въ сущности простой и добрый человѣкъ, онъ мало по малу заразился маніей величія, по счастію, однако, проявлявшейся у него только въ пьяномъ видѣ; въ такія минуты онъ оралъ, ругался, лѣзъ ко всѣмъ въ драку.

Глава VI.

Сергѣй Коваликъ.—Обыскъ въ «коммунѣ». Сапожная мастерская.

Въ то время, какъ я плотничалъ въ артели, въ январѣ или февралѣ 74 года, въ Кіевъ пріѣхалъ Коваликъ. Я былъ близко знакомъ съ нимъ, такъ какъ онъ состоялъ членомъ американскаго кружка, и зналъ поэтому впередъ, что его прибытіе сильно оживитъ нашу среду.

Сергѣй Филипповичъ Коваликъ, если не ошибаюсь, въ 1870 году, а можетъ годомъ раньше, выдержалъ экзаменъ при кіевскомъ университетѣ на степень кандидата математическихъ наукъ и одно время думалъ получить каѳедру по математикѣ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга; но, увлекшись другими мыслями и цѣлями, онъ оставилъ на всегда свою учено-математическую карьеру. Въ 1872 году въ Мглинскомъ уѣздѣ Черниговской губ., его выбрали мировымъ судьей, а потомъ онъ былъ даже предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей. Въ этотъ періодъ времени онъ близко познакомился съ Екатериной Брешковской (родители ея были помѣщиками Мглинскаго уѣзда), принимавшей тогда горячее участіе въ дѣлахъ мѣстнаго земства. Попытка Ковалика работать на легальной почвѣ окончилась, однако, неудачей, такъ какъ его избраніе не было утверждено въ Петербургѣ. Принужденный оставить городъ Мглинъ, онъ послѣ этого окончательно отдался революціонной агитаціи. Подобно ему и Брешковская скоро устранилась отъ участія въ дѣлахъ земства и занялась мыслью устроить земледѣльческую коловію въ родѣ нашей «американской коммуны», съ той разницей, что предполагала это осуществить въ самой Россіи. Но такъ какъ

при русскихъ политическихъ порядкахъ подобная затѣя была, очевидно, неосуществима, то уже къ концу 73 года Брешковская отказалась отъ нея и тоже всецѣло посвятила себя революціонной дѣятельности.

Коваликъ обладалъ блестящими способностями, и мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать кого-либо другого, кто—какъ онъ—умѣлъ бы съ такимъ искусствомъ заинтересовать всякого своей бесѣдой и съ такой быстротой входить въ умственные интересы собесѣдника. Въ нашемъ кружкѣ, среди близко знавшихъ его товарищей, онъ пользовался репутаціей весьма умнаго человѣка, и въ этомъ, конечно, не было ничего удивительнаго. Но удивительно было то, что подобную репутацію онъ завоевывалъ рѣшительно всюду, куда не появлялся. Я не забуду того случая, какъ однажды на вечерѣ у одного исправника, отставного военнаго, Коваликъ привелъ послѣдняго въ восторгъ своими остроумными сопоставленіями и разсужденіями не болѣе не менѣе, какъ о маршировкѣ! «Замѣчательный человѣкъ!» восклицалъ потомъ исправникъ, вспоминая о немъ. На самомъ дѣлѣ гибкость его ума была изумительна. Съ необыкновенной легкостью приспособлялся онъ къ собесѣднику и, ставши на его точку зрѣнія, не возражалъ прямо, а дѣлалъ только вставки и поясненія, неминуемо, однако, приводившія къ выводу, какой былъ желателенъ ему. Его споръ всегда былъ оригиналенъ и, какъ бы не былъ горячъ, рѣдко сопровождался шумомъ и громомъ, какъ это бывало у другихъ. Коваликъ ѣздилъ на короткое время за границу и, возвратившись оттуда, энергично принялся за организацію революціонныхъ кружковъ среди молодежи, перебывавши за самое короткое время въ очень многихъ городахъ. Онъ посѣтилъ Харьковъ, Кіевъ и Одессу, всюду агитируя и ведя пропаганду въ пользу своей программы: онъ былъ сторонникомъ бунтовской программы. Уѣхавши въ февралѣ или мартѣ изъ Кіева въ Петербургъ, онъ группируетъ тамъ вокругъ

себя нѣсколько человѣкъ и вмѣстѣ съ ними отправляется въ маѣ 74 года на Волгу для дѣятельности въ народѣ. По пути, однако, останавливается въ Москвѣ и здѣсь ведетъ агитацію среди студентовъ Петровской Земледѣльческой Академіи. Изъ Москвы ѣдетъ въ Ярославль, чтобы попытаться организовать кружокъ среди ярославскихъ лицеистовъ. Изъ Ярославля направляется по порядку: въ Кострому, Нижній Новгородъ, Казань, беря адреса отъ однихъ къ другимъ и всюду призывая молодежь итти въ народъ для революціонной дѣятельности.

На Волгѣ Коваликъ работаетъ вмѣстѣ съ другими двумя замѣчательными людьми—Порфиріемъ Войнаральскимъ и Дмитріемъ Рогачевымъ. Будучи человѣкомъ со средствами, Войнаральскій помогаетъ всюду: онъ устраиваетъ мастерскія въ Москвѣ и Саратовѣ, гдѣ бы можно было революціонерамъ изучать ремесла и потомъ итти въ народъ въ качествѣ ремесленниковъ; заводитъ притоны въ Саратовѣ, Самарѣ, Пензѣ, для того, чтобы революціонеры могли находить убѣжища во время преслѣдованій со стороны полиціи; даетъ деньги на перевозку книгъ изъ заграницы. Наконецъ, онъ входитъ въ соглашеніе съ Ипполитомъ Мышкинымъ, державшимъ легальную типографію въ Москвѣ, и этотъ послѣдній начинаетъ перепечатывать у себя запрещенныя брошюры. Такъ перепечатываются: «Исторія одного французскаго крестьянина», «Чтой-то братцы» и много другихъ нелегальныхъ произведеній, и цѣлыми тюками, въ видѣ неброшюрованныхъ листовъ, доставляются изъ Москвы въ Самару, Саратовъ, Пензу и даже въ Петербургъ. Войнаральскій открыто читаетъ на сходкахъ крестьянъ революціонныя брошюры и зоветъ ихъ къ возстанію. Что касается Рогачева, то онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ въ Пензѣ и Саратовѣ; но во время арестовъ 74 года пошелъ въ качествѣ бурлака внизъ по Волгѣ и съ тѣхъ поръ надолго былъ потерянъ изъ виду товарищами. Благодаря его

необыкновенной физической силѣ и ловкости, съ которой онъ избѣгалъ арестовъ, одно время о немъ ходили разсказы среди революціонной молодежи, совершенно какъ о какомъ-нибудь мифическомъ героѣ.

Революціонное движеніе 1873—74 годовъ, охватившее массу русской молодежи, развивалось одновременно въ очень многихъ городахъ и мѣстностяхъ Россіи. Прокуроръ саратовской судебной палаты. Жихаревъ, которому поручено было разслѣдованіе всего дѣла, открылъ, какъ извѣстно, слѣды «преступной дѣятельности» пропагандистовъ болѣе чѣмъ въ тридцати губерніяхъ: всюду пропагандировали, организовались въ кружки, шли въ народъ... Но, безъ всякаго сомнѣнія, шире всего поставлено тогда было дѣло на Волгѣ, благодаря именно этимъ тремъ личностямъ: Ковалику, Войнаральскому и Рогачеву, которые вмѣстѣ съ Ипполитомъ Мышкинымъ являются какъ бы центральными фигурами движенія 73 и 74 годовъ, а равно и во время процесса, получившаго названіе «большого процесса» или «процесса 193-хъ». Я назвалъ ихъ «центральными фигурами», тогда какъ слѣдовало бы правильнѣе назвать: «типичными представителями движенія», ибо движеніе 73—74 годовъ далеко не было централизованнымъ и прошло широкимъ неорганизованнымъ потокомъ. Во время процесса къ этимъ четыремъ человѣкамъ приставлена была спеціальная стража и въ залѣ суда они были даже разсажены отдѣльно отъ остальныхъ подсудимыхъ. Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ признаны были судомъ главными иниціаторами и составителями этого огромнаго заговора,— котораго въ дѣйствительности не существовало—якобы имѣвшаго свои развѣтвленія чуть ли не по всей Россіи, и всѣ четверо были приговорены къ самымъ тяжелымъ наказаніямъ и посажены въ центральную тюрьму Харьковской губерніи.

Въ 1874 году Сергѣй Коваликъ имѣлъ не болѣе 26-ти лѣтъ. Онъ былъ нѣсколько выше средняго роста. На толстой

шеѣ, составлявшей одну прямую линію со спиною, что придавало весьма характерный видъ всей его крѣпкой фигурѣ, посажена была голова съ необыкновенно большимъ, высокимъ лбомъ. Матово-блѣдное лицо съ скудной растительностью плохо гармонировало съ его сильнымъ корпусомъ, а небольшіе голубые глаза далеко не выражали той неутомимой энергіи, какой онъ обладалъ на самомъ дѣлѣ.

Съ пріѣздомъ Ковалика въ Кіевъ, я часто приходилъ изъ артели и цѣлые вечера проводилъ въ «коммунѣ», гдѣ онъ тогда остановился и куда сходились и другіе кіевскіе радикалы. То было необыкновенно оживленное время. Помню, какъ-то поднялась бесѣда о томъ, подъ какимъ видомъ удобнѣе всего итти въ народъ. Коваликъ высказалъ мнѣніе, что самое удобное отправляться подъ видомъ ремесленника и предложилъ при этомъ приступить къ изученію какого-нибудь ремесла.

— «Какого же, однако?» допытывался одинъ изъ присутствующихъ.

— «Это все равно... Ну, хоть сапожничество», отвѣтилъ тотъ.

— «Сапожничество? Помилуйте!...» воскликнулъ вдругъ оппонентъ. «Да вѣдь это занятіе страшно разрушаетъ здоровье! Доказано, что почти всѣ сапожники страдаютъ печенью».

— «Въ такомъ случаѣ—кузнечество...

— «Развѣ вамъ не извѣстно, что угольная пыль разрушаетъ легкія? По изслѣдованіямъ такого-то (тутъ приведенъ былъ какой-то медицинскій авторитетъ)—кузнецы, равно какъ и слесаря, часто кончаютъ чахоткой.

— «Столярство»... заикнулся было Коваликъ.

Но и столярство оказалось ремесломъ вреднымъ; древесная пыль тоже разрушала что-то. Оппонентъ зналъ о разрушительномъ вліяніи ремеселъ на человѣческій организмъ и на этой почвѣ, видимо, разсчитывалъ побѣдить противника.

— «Всѣ ремесла оказываются негигіеничными», проговорилъ Коваликъ, «но едва ли есть что либо менѣе гигіеничное, чѣмъ занятіе революціонера».

Ударъ вышелъ совершенно неожиданный. Присутствующіе засмѣялись, а сконфуженный оппонентъ замолчалъ. Рѣшили устроить въ ближайшемъ будущемъ столярную мастерскую.

Приходя изъ артели, я засиживался, бывало, въ «коммунѣ» до полуночи, а иногда даже ночевалъ. Разъ какъ-то, оставшись на ночь, на разсвѣтѣ я былъ разбуженъ Ивановой, сестрой Брешковской (вскорѣ потомъ умершей), шептавшей мнѣ на ухо: «Вставайте скорѣе!... Въ домѣ полиція». Я вскочилъ на ноги. По счастью я спалъ въ кухнѣ, а обыскъ, производимый жандармами, начатъ былъ съ комнатъ. Тѣмъ не менѣе я былъ въ западнѣ, такъ какъ кухня находилась въ самой глубинѣ корридора и изъ нея былъ только одинъ выходъ — черезъ этотъ же корридоръ; между тѣмъ какъ корридоръ, такъ и комнаты, размѣщенныя по обѣимъ сторонамъ его, были полны полиціи, жандармовъ и понятыхъ. Я взглянулъ въ окно, выходившее въ огородъ, засыпанный снѣгомъ. Домъ не былъ оцѣпленъ и можно было бы, пожалуй, бѣжать черезъ окно, если бы дѣло не происходило зимою; окно было двойное, приходилось его ломать. Кажется, Иванова же дала мнѣ совѣтъ уходить прямо черезъ корридоръ. Въ эту пору (по утрамъ) обыкновенно водовозы развозили воду по домамъ и меня легко могли принять за водовоза. Я накинулъ полушубокъ и вышелъ въ корридоръ. Тутъ толпились нижніе полицейскіе и жандармскіе чины. Благодаря моему костюму, они, видимо, приняли меня за простого рабочаго, а такъ какъ обыскъ производился у «студентовъ», то имъ даже въ голову не пришло остановить меня и спросить — кто я. Оглянувъ меня, они разступились. Поровнявшись съ ними, я почтительно снялъ шапку и искоса посмотрѣлъ внутрь комнаты, двери которой были настежь открыты. Я увидѣлъ тамъ товарищей въ

перемежку съ начальствомъ. Коваликъ объяснялся съ какимъ-то господиномъ, одѣтымъ въ штатскій костюмъ, повидимому прокуроромъ. Когда я проходилъ, полицейскіе и жандармы посторонились, и я вышелъ во дворъ. По двору я прошелъ медленнымъ шагомъ, но когда выбрался, наконецъ, за ворота на улицу и увидѣлъ, что тамъ не было ни одного полицейскаго, который могъ бы наблюдать за мною, то стремглавъ пустился бѣжать на Подолъ, гдѣ помѣщалась артель. Таковы были нравы въ то время. Годъ спустя, подобный побѣгъ былъ бы уже рѣшительно невозможенъ такъ какъ весь домъ былъ бы, конечно, оцѣпленъ, и у воротъ стояла бы полиція, да, наконецъ, просто-таки не выпустили бы изъ дому не только меня, а даже настоящаго водовоза, прежде чѣмъ не удостовѣрились бы въ его личности.

Выше я сообщилъ, что Лермонтовъ, уѣзжая въ Петербургъ, передалъ мнѣ адресъ волочискаго контрабандиста, который обязался перевезти черезъ границу пуда два книгъ «Государственность и анархія». Я ѣздилъ тогда же въ Волочискъ и видѣлся съ этимъ контрабандистомъ; но такъ какъ книги не были еще перевезены, то я ему оставилъ адресъ Судзиловскаго, по которому онъ долженъ былъ увѣдомить, какъ только книги будутъ доставлены имъ въ условленное мѣсто. Этотъ адресъ не извѣстно какимъ образомъ попалъ въ руки пограничной полиціи, которая не замедлила, само собою разумѣется, дать знать въ Кіевъ, что и послужило поводомъ къ обыску въ «коммунѣ», гдѣ жилъ Судзиловскій. По счастью, однако, когда явились съ обыскомъ, его не застали, а потому не могли арестовать. На сколько припоминаю, онъ въ ту минуту былъ въ Одессѣ, куда ѣздилъ для переговоровъ въ однимъ кружкомъ, разыскивавшимъ подходящаго человѣка для отправки въ Самарскую губернію, гдѣ въ это время свирѣпствовалъ голодъ. Судзиловскій вошелъ въ соглашеніе съ этимъ кружкомъ и предполагалъ устроить свою поѣздку въ

Самарскую губ. весною, чтобы собрать на мѣстѣ подробныя свѣдѣнія о голодѣ и, возвратившись, дать отчетъ передъ кружкомъ. Но, прибывши изъ Одессы въ Кіевъ и узнавши о томъ, что кіевская полиція его разыскиваетъ, онъ рѣшилъ поторопиться съ отъѣздомъ на Волгу. И, такъ какъ все-таки уѣхать нельзя было ему ранѣе нѣсколькихъ дней, онъ на это время поселился со мною въ артели, находя, что тамъ для него безопаснѣе. Такимъ образомъ, обыскъ въ «коммунѣ» не принесъ никому существеннаго вреда.

Между тѣмъ дѣла въ артели въ революціонномъ отношеніи шли какъ нельзя болѣе скверно. Гаврило пьянствовалъ и кричалъ: «Я—Стенька Разинъ!», а хозяинъ Анисимъ, котораго мы тоже вздумали было развивать, только головой моталъ. Что же касается до остальныхъ плотниковъ, то они, видимо, сторонились насъ: отчасти они были замучены трудомъ, такъ какъ работать приходилось буквально отъ зари до сумерекъ, и потому представляли изъ себя народъ крайне индифферентный, ни о чемъ не думающій кромѣ отдыха, ѣды, бани и т. п. предметовъ; отчасти же они отгадывали, что мы были «не ихъ поля ягоды», и потому избѣгали насъ. Я было предложилъ Гаврилѣ бросить эту артель и вмѣстѣ поступить рабочими къ одному подрядчику на Печерскѣ (часть города, гдѣ находится Лавра и крѣпость), гдѣ было больше ста плотниковъ и о которыхъ ходили слухи, будто они были недовольны своимъ подрядчикомъ и собирались даже бунтовать. Но Гаврило отказался. Безъ Гаврилы же я не рѣшался поступить, такъ какъ не вполнѣ владѣлъ ремесломъ и боялся очутиться одинъ среди незнакомыхъ плотниковъ. Поэтому я былъ весьма радъ, когда, наконецъ, наступило время отъѣзда Судзиловскаго. Мы артель оставили и съ тѣхъ поръ я назадъ не возвращался и даже не встрѣчался болѣе ни съ кѣмъ изъ моихъ знакомыхъ плотниковъ. Гаврилы я тоже не видѣлъ, и только впослѣдствіи услыхалъ о немъ страшную вѣсть:

во время какой-то работы на него упало огромное бревно и поломало ноги. Врачи отрѣзали ему обѣ ноги и онъ остался калѣкой. Бѣдный Гаврило! Не разъ чудилось мнѣ потомъ, что я вижу передъ собою ползущаго на рукахъ по улицѣ калѣки съ двумя уродливыми обрубками вмѣсто ногъ, заворочеными въ грязныя тряпки. Вотъ онъ останавливается передо мною, садится на краю тротуара и, протянувъ руку впередъ, устремляетъ на меня свой просящій взоръ. И вижу я передъ собою опять тѣ же хорошо знакомые мнѣ огромные свѣтло-сѣрые глаза, ту же рыжую бородку и волосы скобкой съ проборомъ на боку. Я вижу передъ собою это добродушное лицо: оно смотритъ на меня снизу, съ края тротуара.

Судзиловскій сталъ собираться въ дорогу. Передъ его отъѣздомъ мы много бесѣдовали о нашихъ общихъ планахъ. По нашему убѣжденію, на Волгѣ, Донѣ и Днѣпрѣ сохранилось въ народѣ болѣе революціонныхъ традицій, чѣмъ въ средней Россіи, такъ какъ самыя крупныя народныя движенія происходили на окраинахъ: пугачевщина была на Волгѣ, бунтъ Стеньки Разина—на Дону, гайдамачина на—Днѣпрѣ. Мы полагали, что гдѣ одинъ разъ происходило революціонное движеніе, тамъ оно легче могло возникнуть во второй разъ, и потому рѣшили, не разбрасываясь по всей Россіи, сосредоточить наши силы въ такихъ именно мѣстностяхъ, которыя имѣли извѣстное историческое прошлое. Такимъ образомъ, по нашему плану, одни должны были дѣйствовать на Днѣпрѣ, другіе — на Волгѣ. Вызывая стачки и мѣстные бунты, во время которыхъ обыкновенно выдвигаются изъ массы болѣе смѣлыя и энергичныя личности, мы думали, такимъ образомъ, намѣчать годныхъ для дѣла людей и привлекать ихъ въ революціонную организацію. А разъ вспыхнуло бы возстаніе въ одной мѣстности, мы надѣялись, что оно, подобно пламени распространится и охватитъ всю Россію. Будучи сторонниками бунтовской программы, мы защищали и доказывали ея спра-

водливость всѣми способами. Но главнымъ образомъ на помощь призывали исторію, наглядно поучавшую, какъ росли и развивались революціонныя движенія. А исторія насъ учила, что революціи не происходили сразу, а почти всегда начинались съ отдѣльныхъ незначительныхъ бунтовъ, только постепенно переходившихъ въ обширныя возстанія. Въ этомъ ростѣ и болѣе или менѣе постепенномъ расширеніи движенія, мы усматривали роковую необходимость, которой ни обойти, ни избѣжать было рѣшительно невозможно, такъ какъ она являлась результатомъ закона общаго развитія всей органической жизни. Подобно тому, какъ путемъ упражненія развиваются силы и способности отдѣльнаго организма, такъ и весь народъ, разсуждали мы, подготовляется къ революціи только путемъ упражненія своихъ революціонныхъ чувствъ и способностей. «Кто любитъ народъ—тотъ водитъ его подъ пушки» сказалъ кто то изъ извѣстныхъ революціонеровъ, и мы придерживались этого взгляда.

Все это съ точки зрѣнія отвлеченныхъ разсужденій можетъ быть и было справедливо, но отвѣчала ли окружающая жизнь подобнымъ разсужденіямъ, съ этимъ мы не справлялись. Мы толковали о томъ, что у насъ на окраинахъ сохранилось много революціонныхъ традицій, что на Волгѣ до сихъ поръ поются пѣсни про Пугачева и Стеньку Разина, а на Днѣпрѣ—про гайдамакъ. И это было справедливо: пѣсни дѣйствительно пѣлись; но только мы недостаточно обратили тогда вниманія на мелодіи этихъ пѣсенъ. Заунывныя и грустныя мелодіи этихъ пѣсенъ скорѣе могли вызвать у слушателя слезы, нежели зажечь революціонную страсть.

Однако, опредѣленной практической программы мы все-таки не выработали, да и не могли выработать, такъ какъ это было нелегко. Въ то время какъ практическая задача «пропагандиста» являлась болѣе или менѣе ясной, задача «бунтаря» оказывалась и трудной и неопредѣленной «Про-

пагандистъ» занимался распространеніемъ революціонныхъ брошюръ среди народа—иногда самъ читалъ, иногда же только раздавалъ ихъ. При нѣкоторой ловкости, работа эта не представляла особенныхъ трудностей, а при умѣніи обращаться съ крестьянами и заинтересовать ихъ разсказами, сулила даже сравнительный успѣхъ. Но для «бунтаря», не усматривавшаго ничего серьезнаго въ разговорахъ, какъ бы они не были революціонны, дѣло представлялось совсѣмъ иначе. Ему нужны были бунты и стачки. Но организовать стачку или вызвать бунтъ, — объ этомъ легко было разсуждать, но не осуществить на практикѣ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ это организовать стачку или вызвать бунтъ? Задача большая, трудная и часто совершенно неисполнимая. Поэтому большинство «бунтарей», признававшихъ въ теоріи бунтовскую програму, потомъ, когда пошли въ народъ, на практикѣ, своей дѣятельностью нисколько не отличались отъ «пропагандистовъ» и подобно имъ занимались распространеніемъ революціонныхъ брошюръ въ народѣ, быть можетъ лишь съ тою разницею, что дѣлали это съ большимъ жаромъ и меньшей осмотрительностью, чѣмъ «пропагандисты». Въ этомъ видѣ и проявилась дѣятельность на Волгѣ кружковъ Ковалика и Войнаральскаго. Однако, были такіе, и между прочимъ мы принадлежали къ ихъ числу, которые не имѣли ввиду заниматься распространеніемъ революціонныхъ книгъ среди народа и для которыхъ, поэтому, вопросъ о практической дѣятельности стоялъ совершенно открытымъ и нерѣшеннымъ. Мы считали необходимымъ сначала ознакомиться съ условіями народной жизни, присмотрѣться къ мѣстнымъ обычаямъ, нравамъ, міровоззрѣніямъ и затѣмъ уже, на основаніи реальныхъ данныхъ, выработать практическую програму дѣйствій.

Это было бы, конечно, хорошо, если бы мы въ состояніи были отнестись къ дѣйствительности съ надлежащей критической оцѣнкой. Но этого далеко не было. Уже въ то время

у насъ существовали предвзятыя мнѣнія по многимъ существеннымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, вопросъ о революціонности крестьянской массы опредѣленно рѣшался нами въ положительномъ смыслѣ, не смотря на то, что для подобнаго рѣшенія мы не имѣли серьезныхъ данныхъ. Всѣ свои доказательства въ пользу этого мнѣнія мы черпали изъ болѣе или менѣе отдаленнаго историческаго прошлаго, не находя таковыхъ въ настоящемъ. Такъ, между прочимъ, доказательства въ пользу революціонности украинскихъ крестьянъ я находилъ въ ихъ поведеніи во время польскаго возстанія, въ ихъ преслѣдованіяхъ польскихъ «пановъ-повстанцевъ» и той ненависти, съ какой они относились тогда вообще къ панамъ, къ разряду которыхъ причисляли всѣхъ людей привилегированнаго званія, носившихъ европейскіе костюмы. Тому, кто привыкъ смотрѣть на возстаніе поляковъ на Украйнѣ 1863 года лишь съ польской точки зрѣнія, я припомню, что въ юго-западномъ краѣ поляки являлись почти исключительно «панами», помѣщиками и, слѣдовательно, враждебное отношеніе къ нимъ крестьянъ было естественнымъ послѣдствіемъ вѣковой эксплуатаціи и притѣсненій, которымъ подвергали ихъ помѣщики. Борьба украинцевъ-крестьянъ въ 63 году съ бунтовавшими поляками-помѣщиками въ своемъ основаніи имѣла, конечно, тѣ же мотивы, которые создали въ прошломъ вѣкѣ гайдамачину, но отсюда еще далеко не слѣдовало того, что возможно было повтореніе гайдамачины въ наше время; и если правительство въ своихъ интересахъ (въ цѣляхъ обрусенія края) и допускало борьбу крестьянъ съ помѣщиками въ 63-мъ году, то допускало ее въ такихъ размѣрахъ, насколько это было ему нужно.

Но вотъ, наконецъ, Судзиловскій уѣхалъ въ Самарскую губ., и я съ Коваликомъ сняли квартиру на Спускѣ, возлѣ Подола (нижняя часть Кіева), съ тѣмъ, чтобы устроить сапожную мастерскую. Роль главнаго мастера выпала на мою долю, такъ какъ я зналъ это ремесло лучше другихъ. Мы

закупили нужные инструменты и матерьялъ и принялись точать сапоги.

Всякій день утромъ являлись въ нашу мастерскую обучаться ремеслу Аксельродъ и два брата Левенталя. Мы обыкновенно усаживались съ утра же за работу и принимались шить, а одновременно съ тѣмъ вели бесѣды на самыя разнообразныя темы, начиная съ женскаго вопроса и воспитанія дѣтей и оканчивая революціей. Болѣе всего, конечно, мы разсуждали о дѣятельности среди народа. Исходной точкой нашихъ разговоровъ часто служила бакунинская книга: „Государственность и Анархія“ и особенно помѣщенное въ концѣ ея «прибавленіе А», въ которомъ Бакунинъ говоритъ спеціально о Россіи и призываетъ русскую молодежь итти въ народъ для организаціи бунтовъ. Необходимость итти въ народъ болѣе или менѣе всѣми сознавалась; всякій чувствовалъ живую потребность что то дѣлать въ народѣ; но на самую эту дѣятельность смотрѣли разно и объ этомъ очень много спорили. Какъ бы тамъ ни было, но эти разговоры не оставались безплодными... Далеко, однако, нельзя было того же сказать о нашемъ шитьѣ. Правда, сначала мы пары двѣ-три сапогъ сшили, но вышли они совсѣмъ неуклюжіе. Матерьяльныхъ средствъ въ нашемъ распоряженіи было мало: приходилось дорожить всякой копѣйкой; чтобы имѣть возможность продолжать занятія въ мастерской, надо было сбывать наши издѣлія. Съ этой цѣлью Левенталь понесъ однажды сапоги на толкучій рынокъ, но возвратился оттуда совершенно сконфуженнымъ: никто не пожелалъ купить ихъ: „при царѣ Петрѣ такіе сапоги шили!“ замѣтилъ Левенталю какой-то покупатель, какъ видно не безъ нѣкоторыхъ знаній по исторіи. Послѣ этого нести вторично на рынокъ наше коллективное произведеніе никто изъ насъ не рѣшался.

Впрочемъ, не эти маленькія неблагополучія были причиной закрытія мастерской: кое какъ мы перебивались и про-

должали работать. Но съ приближеніемъ весны пронесся слухъ, что затѣвается однодневная перепись въ Кіевѣ. Мы нанимали квартиру, не заявивши паспортовъ. Меня полиція розыскивала еще по дѣлу Донецкаго, Коваликъ тоже не хотѣлъ попадаться ей на глаза, и мы принуждены были перебраться съ этой квартиры. Сапожная мастерская закрылась и Коваликъ вскорѣ послѣ этого уѣхалъ въ Петербургъ.

Глава VII.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ НАРОДЪ.

Съ отъѣздомъ Ковалика у насъ наступило затишье: ни споровъ, ни разсужденій. „Коммуна“ словно опустѣла. Видимо разговоры надоѣли всѣмъ, и всякому хотѣлось поскорѣе попробовать свои силы на практикѣ. Вотъ въ воздухѣ повѣяло весною. Стада дикихъ гусей потянули на сѣверъ. Днѣпръ вскрылся. Съ шумомъ неслись по рѣкѣ сѣрыя льдины и ломались о каменные быки кіевскаго цѣпного моста. Крестьяне пригородныхъ селъ шныряли въ душегубкахъ между льдинами и крючьями вылавливали бревна, уносимыя разливавшеюся рѣкою.

Вася, бывшій впечатлительнѣе другихъ, не выдержалъ и первый заговорилъ въ такомъ духѣ, что нечего сидѣть и ждать чего то, сложа руки, а надо итти въ народъ.

— «Зачѣмъ же дѣло стало? Можемъ и отправляться», поддержалъ его кто-то.

— «Ну, братцы, такъ не откладывать же».

— «Да, хоть завтра!»

И въ «коммунѣ» поднялась необыкновенная суета! Начались сборы къ путешествію въ народъ.

Если «кіевскихъ чайковцевъ» можно было упрекнуть въ медлительности, то «коммуна» страдала противоположнымъ по-

рокомъ крайней поспѣшностью. Тотчасъ же мы отправились на толкучій рынокъ, закупили тамъ поношенныя шапки, зипуны, полушубки, такъ какъ время стояло еще холодное. И когда съ этой стороны все было готово, написали четырехмѣсячные паспорта, приложили къ нимъ печати собственнаго издѣлія, одѣлись и, перекинувши мѣшки черезъ плечи, пошли на вокзалъ. Съ вечернимъ поѣздомъ мы уже ѣхали въ Жмеринку. Насъ было пять человѣкъ: Стефановичъ, Вася, я и еще двое, которыхъ я назову начальными буквами С. и Ш. Мы взяли съ собою сапожные инструменты, хотя изъ насъ только двое знакомы были съ этимъ ремесломъ. Денегъ на всякаго было по шести рублей, такъ какъ въ это время не оказалось больше въ кассѣ «коммуны».

Въ поѣздѣ мы сразу почувствовали всѣ преимущества непривилегированнаго положенія. По примѣру русскаго рабочаго люда, мы забрались подъ скамейки, чтобы спокойнѣе проспать ночь. Но не тутъ-то было. Почти передъ каждой станціей въ вагонъ нашъ вваливались кондуктора и зачѣмъ-то всякій разъ требовали, чтобы мы показывали имъ свои билеты. Вереницами человѣкъ въ пять, начиная отъ оберъ-кондуктора и оканчивая истопникомъ, проходили они черезъ нашъ вагонъ и при этомъ, какъ мулы, лягали насъ, лежавшихъ на полу, своими ногами, одѣтыми въ высокіе сапоги «бутылками» (такъ называются твердыя стоящія голенища). «Билеты ваши, господа!.. Пожалуйте билеты!.. Эй, ты... билетъ!..» слышалось намъ сквозь громъ и грохотъ быстро мчавшагося поѣзда. По примѣру того же русскаго люда, мы сносили и это.

На другой день мы уже толкались возлѣ жмеринскаго вокзала и разспрашивали о работѣ. Работа скоро нашлась: нагрузка вагоновъ шпалами. Плата была урочная, отъ вагона. Мы взялись за работу, четверо носили шпалы, а Ш. стоялъ внутри вагона и приводилъ ихъ въ порядокъ. Проработавъ съ недѣлю времени и получивъ деньги, мы рѣшили двигаться въ

путь. Изъ Жмеринки мы думали пройти на Умань и югомъ Кіевской губерніи добраться до Днѣпра. Но двигаться пятерымъ съ сапожными инструментами, пригодными для одного, много для двухъ человѣкъ, было не совсѣмъ удобно. Надо было выдумать какой-нибудь другой предлогъ. Мы только теперь почувствовали, что ужъ черезчуръ поторопились съ нашимъ отъѣздомъ изъ Кіева. Тогда кто-то изъ насъ обратилъ вниманіе на небольшую артель красильщиковъ, проѣзжавшихъ черезъ Жмеринку, и мы остановились на мысли принять видъ красильщиковъ. Это тѣмъ болѣе оказывалось удобнымъ, что мать Васина занималась когда-то крашеніемъ матерій; самъ Вася нѣсколько смыслилъ въ этомъ ремеслѣ и брался подучить насъ ему довольно скоро. Между тѣмъ Ш. въ эту минуту сталъ колебаться: онъ искренно сознался передъ нами, что не въ силахъ дальше вести подобную жизнь, полную физическихъ лишеній, и выразилъ намѣреніе возвратиться въ Кіевъ. Насъ это страшно возмутило. Напрасно Ш. старался насъ увѣрить, что онъ можетъ быть полезенъ въ другихъ дѣлахъ въ городѣ, и просилъ даже поддерживать съ нимъ сношенія,—мы фанатически стояли на своемъ: «кто не съ нами—тотъ противъ насъ», другими словами: кто не шелъ, какъ мы въ народъ—тотъ былъ нашъ врагъ. Вспоминая теперь разставаніе съ нимъ, я долженъ сознаться, что сцена вышла грустная и тяжелая: молча, съ поникшей головой, выслушалъ онъ нѣсколько язвительныхъ замѣчаній съ нашей стороны; при прощаніи у него, бѣдняги, дрожали руки. Ш. уѣхалъ. Вася тоже уѣхалъ въ Кіевъ, чтобы закупить краски и потомъ воротиться обратно. Трое насъ остались въ Жмеринкѣ и вновь принялись за нагрузку вагоновъ. Но вотъ мы дождались Васю; онъ воротился съ мѣшкомъ, наполненнымъ баночками и свертками, также привезъ съ собою немного денегъ, которые ему удалось достать въ Кіевѣ. Въ верстѣ отъ жмеринскаго вокзала былъ лѣсъ. Помню, мы отправились туда и,

забравшись въ укромное мѣсто, выложили все свое имущество изъ мѣшковъ. Бѣлье, сапожные инструменты, краски—все было распредѣлено по мѣшкамъ сообразно силѣ каждаго. Для большаго подобія съ дѣйствительными красильщиками и, наконецъ, просто для того, чтобы было видно всякому, кто мы такіе, мы измазали красками не только свою одежду, но даже лица, и, приготовившись такимъ образомъ, вышли изъ лѣсу и двинулись по проселочной дорогѣ, ведшей изъ Жмеринки къ мѣстечку Браилову. Попадавшіеся на встрѣчу намъ крестьяне, вѣроятно, сразу признавали насъ за красильщиковъ, такъ какъ, помню, мы не могли смотрѣть другъ на друга безъ смѣха: до того лица были размалеваны. Браиловъ миновали благополучно, не смотря на то, что по срединѣ базара сидѣли около часа за столами, поставленными подъ открытымъ небомъ и пили чай, приправленный господами купцами жженнымъ сахаромъ для цвѣта. Изъ Браилова мы направились въ мѣстечко Тывровъ. Добравшись до Тыврова и проходя по главной улицѣ, мы услыхали сзади себя крикъ: «Эй, вы!.. Кто вы такіе?»

Мы поворотили головы и, убѣдившись, что этотъ крикъ относится къ намъ, остановились.

— «Красильщики!» громко отозвался одинъ изъ насъ.

— «Красильщики? Какіе такіе красильщики!? А паспорта у васъ есть? Подите-ка сюда?»

Нечего было дѣлать. Мы поворотили назадъ. Подойдя къ дому, оказавшемуся волостнымъ правленіемъ, мы вытащили наши паспорта и передали господину, стоявшему на крыльцѣ, который, повидимому, былъ никто иной какъ волостной писарь. Онъ взялъ паспорта и тутъ же на крыльцѣ принялся ихъ просматривать.

— «Кто вамъ писалъ билеты!» спросилъ, наконецъ, онъ.

— «Изъ волости», отвѣтилъ одинъ изъ насъ.

— «Вижу, что изъ волости, да спрашиваю: кто тамъ у васъ билеты пишетъ?»

— „Надо думать писарь волостной“.

— „Ка-акой дур-ракъ!.. Кто изъ васъ грамотный? Смотри!» тыкалъ мнѣ писарь подъ самый носъ одинъ изъ паспортовъ, указывая на окончаніе текста, тамъ стояло такъ: «выданъ въ тысяча восемьсотъ четвертомъ году» вмѣсто «семьдесятъ четвертомъ». Слово «семьдесятъ» было пропущено.

— «Мы неграмотные», замѣтилъ я.

— «То-то, дураки, ничего не понимаете! И писарь у васъ въ волости такой же безграмотный дуракъ». И помолчавъ немного, онъ добавилъ: «Ну, ступайте!»

Это маленькое событіе, приведшее насъ сначала въ смущеніе, потомъ сильно ободрило: все хорошо, разсуждали мы,— если даже ошибка въ паспортѣ, вкравшаяся, благодаря нашей поспѣшности, не возбудила подозрѣній къ намъ.

Въ первые дни путешествія на привалахъ, которые устраивались въ уединенныхъ мѣстахъ, мы дѣлали подъ руководствомъ Васи опыты крашенія. Зеленый цвѣтъ на шерсти получался довольно чистый, но другіе цвѣта выходили почему то грязные и легко смывались. На бумажныхъ матеріяхъ, сколько мы не прилагали стараній, какъ ихъ ни варили въ горшкахъ, краски совсѣмъ не держались: даже зеленая и та ползла! Тѣмъ не менѣе, проходя черезъ села — вначалѣ несмѣло и стѣсняясь мы предлагали свой трудъ, но когда замѣтили, что крестьяне не даютъ красить, то другой разъ даже довольно громко выкрикивали по улицамъ: «кра-асимъ пояса!» Затѣмъ обращались то къ тому, то къ другому съ предложеніями и, получивъ обыкновенно отказъ, старались такъ или иначе вступить въ разговоръ. Разспросы свои мы сводили къ тому, чтобы узнать, были ли въ данной мѣстности возстанія, когда были и что послужило пово-

домъ. Мы шли по самымъ населеннымъ мѣстностямъ Подольской и Кіевской губерній; пройдено было по пути множество деревень и свѣдѣнія, собранныя нами, правда, по спеціальнымъ вопросамъ, годились для кое-какихъ обобщеній. Такъ, изъ разговоровъ оказалось, что крестьянскія движенія происходили главнымъ образомъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, т. е. въ періодъ до и тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ и что приблизительно съ половины 60-ыхъ годовъ волненія стали происходить рѣже, а къ 70-ымъ годамъ ихъ почти совсѣмъ уже не было. Этому чрезвычайно важному обстоятельству мы не придали тогда ровно никакого значенія; мы, такъ сказать, пропустили его мимо глазъ, благодаря предвзятому взгляду, укоренившемуся еще въ шестидесятыхъ годахъ среди русскихъ революціонеровъ и исповѣдуемому равнымъ образомъ и нами, а именно, что народъ готовъ къ возстанію всякую минуту. Слѣпая вѣра въ близость русской революціи мѣшала намъ сознать, что народъ нашъ далеко не такъ революціонно настроенъ, какъ намъ того хотѣлось. Другое явленіе, бросавшееся въ глаза, было повсемѣстное желаніе крестьянъ подушнаго передѣла земли, и на это явленіе мы обратили самое серьезное вниманіе. Передѣлъ земли являлся исходной точкой при выработкѣ всѣхъ нашихъ послѣдующихъ практическихъ программъ. Въ этомъ желаніи народа, показывавшемъ его отрицательное отношеніе къ личной поземельной собственности, мы усматривали, съ одной стороны, соціалистическій идеалъ будущаго, съ другой — во имя этого идеала, надѣялись вызвать народное возстаніе. Для насъ, украинцевъ, община не была и не могла быть исходной точкой программы, такъ какъ общины, въ томъ видѣ, какъ она существовала на сѣверѣ Россіи, мы не имѣли. Въ то время не приходило въ голову возраженіе, дѣлаемое теперь марксистами, что «сущность дѣла заключается не въ формѣ владѣнія, а въ характерѣ производства», т. е. другими словами,

что одно отрицаніе личной поземельной собственности, наблюдаемое у нашихъ крестьянъ, далеко не ведетъ еще къ соціализму, разъ обработка этой земли совершается на началахъ индивидуалистическихъ и орудія труда, какъ напримѣръ плугъ, лошадь и проч., являются предметами личной собственности.

По мнѣнію крестьянъ, передѣлъ земли долженъ былъ совершиться соразмѣрно количеству людей всѣхъ званій и сословій безъ различія. «И мужику, и пану, и попу, и жиду, и цыгану—всѣмъ по ровно», объяснялъ мнѣ одинъ крестьянинъ Кіевской губерніи. Цифра ожидаемаго надѣла колебалась около пяти десятинъ, смотря по мѣстности. Любопытно то, что почти тѣ же цифры получалъ я потомъ, дѣля пространство данной мѣстности на число жителей. Въ 1874 г. ожиданія «передѣла» пріурочивались къ воинской реформѣ, которая введена была около этого времени. «Теперь будутъ брать всѣхъ въ солдаты: и пана, и цыгана, и мужика. И за это царь дастъ всѣмъ поровно земли, толковалъ мнѣ одинъ крестьянинъ. Другой крестьянинъ ту же мысль развивалъ значительно обстоятельнѣе и съ подробностями. «Положимъ, говорилъ онъ, изъ нашего села будутъ брать каждый годъ по десяти рекрутъ. Служить такъ долго, какъ прежде, не будутъ: черезъ нѣсколько лѣтъ воротятся въ село. Какъ воротятся, такъ имъ и нарѣжутъ земли. На другой годъ другіе десять воротятся въ село, и тѣмъ другимъ дадутъ землю. На третій годъ третьимъ дадутъ, на четвертый — четвертымъ... Такъ всю землю и передѣлятъ на равныя части».

— «Откуда же столько земли возьмутъ?»—спросилъ я.

— «Царь отниметъ отъ пановъ».

Однако о подобномъ, такъ сказать, постепенномъ передѣлѣ земли пришлось слышать не отъ многихъ. Большинство ожидало, что это случится какъ-то сразу: прикажетъ царь, пріѣдутъ землемѣры и подѣлятъ между всѣми. Вблизи мѣстечка Корсунь Кіевской губ., двое крестьянъ меня расспра-

шивали, не извѣстно ли мнѣ, зачѣмъ мѣрятъ землю въ Полтавской губ. возлѣ Чигиринъ-Дубровы. «Вы много ходите повсюду, можетъ что-нибудь слыхали: не собираются ли дѣлить землю?» Въ другомъ мѣстѣ меня спрашивали болѣе опредѣленно: «Правда ли, что въ Черниговской губерніи уже наѣхали землемѣры и дѣлятъ землю?» У меня былъ паспортъ Черниговской губерніи и собесѣдники принимали меня за черниговца.

До какой степени были сильны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти ожиданія, можно судить по слѣдующему факту: вблизи мѣстечка Ржищева Кіевской губ., разговорившись какъ-то съ однимъ крестьяниномъ, жаловавшимся на малоземелье, я замѣтилъ:

— «Почему вы не прикупите земли? Неужели въ окрестности ни одинъ панъ не продастъ земли?»

— «Есть, положимъ, и деньги нашлись бы для покупки»,— отвѣтилъ мой собесѣдникъ.— «Такъ, чоловиче добрый, съ думкамы бьемося... Може-жъ таки дилытымуть тую землю?!. Теперъ за землю треба отдать гроши. А землю подилятъ — гроши и пропадуть. Грошей тоди уже не вернуть. То такъ и ждемо».

Однако, отъ всѣхъ, отъ кого мы слышали о «передѣлѣ земли», мы слышали также, что этотъ передѣлъ долженъ совершиться по волѣ царя. По представленію крестьянъ, царь уже давно осуществилъ бы это, если бы ему не противились паны и чиновники—исконные враги крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и царя. Такимъ образомъ, царизмъ являлся въ самой тѣсной связи съ земельнымъ идеаломъ крестьянъ. Свои желанія, свои понятія о справедливости крестьяне переносили на царя, какъ будто это были его желанія, его понятія. Передѣлъ земли долженъ былъ совершиться потому, что этого желалъ царь. Какъ ни хороша была въ своемъ основаніи идея періодическихъ передѣловъ земли, сохранявшаяся еще въ

сознаніи украинскихъ крестьянъ, очевидно, какъ остатокъ болѣе или менѣе исчезнувшей общины — но къ идеѣ этой, какъ говорится, трудно было подступить: сразу же приходилось считаться съ царизмомъ, пустившимъ глубокіе корни въ міросозерцаніи крестьянъ. Крестьянину хотѣлось передѣла земли, но для достиженія этого завѣтнаго желанія у него не было силъ. Онъ это чувствовалъ и сознавалъ, поэтому предпочиталъ лучше ждать, убаюкивая себя иллюзіей, что наступитъ, наконецъ, такое время, когда царь совершитъ передѣлъ земли, какъ совершилъ онъ десять лѣтъ тому назадъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. Въ общемъ получалась картина крайне пассивнаго характера, и это не могло не отразиться на нашей послѣдующей дѣятельности среди народа.

Мы проходили верстъ до двадцати въ день, останавливаясь на ночлеги по деревнямъ. Крестьяне крайне неохотно пускали насъ къ себѣ на ночь, такъ какъ наша сильно пóношенная, почти оборванная одежда явно возбуждала у нихъ подозрѣнія. Надо сознаться, что этого мы менѣе всего ожидали, когда отправлялись въ наше путешествіе подъ видомъ рабочихъ. Мы знали о недовѣрчивомъ отношеніи крестьянъ ко всѣмъ носящимъ панскій, т. е. европейскій, костюмъ и полагали, что чѣмъ бѣднѣе одежду надѣнемъ на себя, тѣмъ съ большимъ довѣріемъ станутъ они относиться къ намъ. И въ этомъ ошиблись. Всюду они встрѣчали насъ подозрительно и до того неохотно давали пристанище, видимо, боясь, чтобы мы не украли чего-нибудь, что розыски ночлеговъ сдѣлались скоро для насъ истиннымъ наказаніемъ. Случалось обойти десятокъ избъ и всюду получить отказы. Не одну ночь проводили мы подъ открытымъ небомъ. Между тѣмъ время стояло дождливое, и не разъ, бывало, ночью вскакивалъ я на ноги, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода и сырости. Разъ или два довелось спать прямо подъ дождемъ, и мы насквозь промокли. Болѣе всего страдали у насъ ноги отъ дурной обуви, которая

натирала намъ мозоли; у С. образовались цѣлыя раны на ногахъ. Сдѣлавши три-четыре перехода, мы останавливались обыкновенно на дневку. И иногда даже оставались на мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, если только намъ удавалось розыскать въ деревнѣ какую-нибудь пустую избу съ выбитыми окнами и завалившейся крышей, которую намъ уступали мужики. Тутъ-то на разосланной соломѣ на полу мы вытягивали свои измученные, одервенѣлые члены и съ наслажденіемъ предавались отдыху. Подробныя остановки устраивали мы подъ тѣмъ предлогомъ, будто предполагали въ этомъ мѣстѣ искать работу. Въ такомъ случаѣ Вася принимался варить краски, а я или Сефановичъ отправлялись по деревнѣ приглашать людей давать намъ красить. Крестьяне никогда не давали, такъ какъ, насколько мнѣ удалось узнать, красили они себѣ все, что имъ было нужно (преимущественно пояса) по сосѣднимъ мѣстечкамъ у знакомыхъ красильщиковъ. Для ѣды мы варили обыкновенно гречневую или пшенную кашу, но еще чаще удовлетворялись, по просту, хлѣбомъ съ саломъ.

Все это вмѣстѣ—физическая усталость, плохая пища и, въ довершеніе всего, наше ложное положеніе по отношенію къ крестьянамъ, ихъ недовѣріе къ намъ, принуждавшее и насъ съ своей стороны тоже держаться на сторожѣ — дѣйствовали рѣшительно угнетающимъ образомъ, особенно на тѣхъ изъ насъ, которые—какъ, напримѣръ, С.—быть можетъ, слишкомъ ужъ идеализировали раньше крестьянскую среду.

Медленно подвигаясь на востокъ, мы прислушивались къ тому, что говорили крестьяне и собирали свѣдѣнія о бунтахъ, происходившихъ въ шестидесятыхъ годахъ. Послѣ цѣлаго ряда дней ходьбы, добрались мы наконецъ до мѣстечка Корсунь Кіевской губерніи, и здѣсь рѣшили остановиться. Мы наняли хату. Вася, по обыкновенію, принялся варить краски, пытаясь покрасить какой то платокъ. Стефановичъ нашелъ себѣ какую-то работу у сосѣда-мужика. Я отправился по окрестнымъ се-

ламъ собирать свѣдѣнія о корсунскомъ возстаніи, происходившемъ во время севастопольской войны, о которомъ мы имѣли уже нѣкоторыя данныя. Что же касается до С., то онъ взобрался на печь со своими больными ногами, да такъ и пролежалъ до самаго своего ухода. Недѣли полторы спустя онъ отправился изъ Корсуня куда то за Днѣпръ, къ своимъ роднымъ, и съ тѣхъ поръ не возвращался ни въ Кіевъ, ни «въ народъ». Такъ лишились мы второго нашего товарища.

Между тѣмъ, вотъ что мнѣ удалось узнать о корсуньскомъ бунтѣ. Во время севастопольской войны, т. е. еще до освобожденія крестьянъ, въ имѣніи князя Лопухина (мѣстечко Корсунь и окрестныя села) распространился слухъ о существованіи царскаго манифеста, по которому будто бы даровались крестьянамъ «козацкія права», «наступила козачина», какъ говорили мужики. Манифестъ этотъ, какъ подозрѣвали крестьяне, присланъ былъ священникамъ для опубликованія всему народу, но они его скрылк. То въ одной, то въ другой деревнѣ крестьяне стали требовать отъ своихъ приходскихъ священниковъ, чтобы тѣ прочли имъ манифестъ. Но такъ какъ попы, по мнѣнію крестьянъ, находились въ соглашеніи съ помѣщиками и потому не хотѣли читать, то крестьяне, собравшись изъ деревень въ количествѣ тысячъ до десяти человѣкъ, пришли въ мѣстечко Корсунь ко дворцу Лопухина для того, чтобы потребовать выдачи имъ на руки царскаго манифеста. Между тѣмъ, о волненіи крестьянъ власти были заблаговременно предупреждены, и потому, когда толпа явилась въ Корсунь, то здѣсь застала уже солдатъ. Начались переговоры. Командиръ войска (кажется, какой то саперный майоръ или полковникъ) предложилъ, чтобы кто нибудь изъ толпы объяснилъ ему, чего они хотятъ. Со стороны крестьянъ для объясненій вышелъ одинъ старикъ, имени котораго я теперь не помню, и у нихъ произошелъ споръ, окончившійся бранью со стороны командира. Тогда обиженный старикъ бросился на него

съ топоромъ и зарубилъ подвернувшагося ему подъ ударъ какого-то молодого офицера, кажется, вздумавшаго заслонить собою начальника. Солдаты, въ свою очередь, бросились на старика и закололи его штыками. Послѣ того отданъ былъ приказъ стрѣлять въ толпу. Восемнадцать или двадцать человѣкъ было убито, много ранено и толпа разбѣжалась.

Свѣдѣнія, собираемыя нами о корсуньскомъ возстаніи, все болѣе и болѣе насъ убѣждали, что это было на Украинѣ одно изъ самыхъ крупныхъ возстаній послѣдняго времени. А такъ какъ въ свѣжихъ воспоминаніяхъ, сохранившихся въ народной памяти объ этомъ бунтѣ и живыхъ разсказахъ о немъ, мы видѣли революціонныя традиціи, то поэтому находили, что было бы весьма полезно устроить въ Корсуни поселеніе или революціонный притонъ.

Между тѣмъ наступилъ мѣсяцъ май; въ маѣ же или іюнѣ, если мнѣ не измѣняетъ память, я долженъ былъ съѣздить на границу, въ Волочискъ, по книжному дѣлу; поэтому я рѣшилъ отправиться въ Кіевъ. Стефановичъ ушелъ изъ Корсуни раньше моего по какому-то спеціальному дѣлу, такъ что, въ нанятой нами избѣ, долженъ былъ остаться Вася одинъ, пока я, покончивъ съ книжнымъ дѣломъ и доставши нужныя деньги для устройства притона, не ворочусь обратно въ Корсунь. Съ такими планами я вышелъ изъ Корсуни.

Верстахъ въ десяти отъ мѣстечка, по дорогѣ къ Кіеву, должно быть и теперь еще стоятъ корчмы, носящія названіе Ситниковскихъ, невдалекѣ отъ которыхъ виднѣется и самое селеніе Ситниковцы. Помню, идя въ Кіевъ, я остановился въ одной изъ этихъ корчемъ (ихъ тамъ стояло двѣ или три вмѣстѣ). Войдя въ просторную избу, съ обыкновенной корчемной обстановкой, т. е. прилавкомъ, за которымъ продавалась водка, большимъ столомъ и длинными скамьями, тянущимися вдоль стѣнъ, я увидѣлъ тамъ десятка два мужчинъ и

бабъ, валявшихся въ разныхъ положеніяхъ на полу среди разбросанныхъ мѣшковъ и всевозможной одежды. То были богомольцы, направлявшіеся въ Кіевъ ко «святымъ мѣстамъ», остановившіеся въ корчмѣ на отдыхъ. За столомъ же сидѣло нѣсколько человѣкъ крестьянъ, видимо мѣстныхъ, такъ какъ они держались безъ стѣсненія,—необыкновенно громко разговаривали между собою и другъ друга подчивали поочередно водкой изъ одной рюмки, которую то и дѣло доливали изъ бутылки, стоявшей на столѣ. Я усѣлся за другимъ концомъ стола и принялся завтракать.

Накричавшись до хрипоты, крестьяне разошлись. Остался только одинъ изъ нихъ, съ которымъ у меня скоро завязалась бесѣда. Послѣ обыкновенныхъ разспросовъ,—что я за человѣкъ, откуда, чѣмъ занимаюсь и проч., мужикъ разговорился. Я воспользовался его болтливымъ настроеніемъ и свелъ разговоръ на интересовавшую меня тему.

— «А разскажите мнѣ, человиче добрый, началъ я, о корсуньскомъ бунтѣ? Я много о немъ слышалъ, да не знаю,— правду ли мнѣ говорили, или, можетъ, брехали,»

— «А что же вамъ разсказывали?» спросилъ меня мужикъ.

Я передалъ ему вкратцѣ то, что слыхалъ.

„Правду разсказывали“, замѣтилъ онъ. «Правду... Бунтовали... И москали стрѣляли... И двадцать человікъ убили... Все правда, все! Только, когда ужъ на то пошло, такъ скажу вамъ, что говорили вамъ правду, да только не всю. Дѣло это я знаю добре. Я здѣшній, сытниковскій, а отсюда то бунтъ и начался... Да, отсюда, съ этой самой корчмы, гдѣ мы съ вами сидимъ. Вотъ какъ это было. Весною, какъ теперь, шли богомольцы. Между тѣми богомольцами былъ одинъ дьякъ: онъ шелъ откуда то изъ Херсонщины въ Кіевъ, къ святымъ пещерамъ. Шли богомольцы и остановились на отдыхъ въ этой корчмѣ, а въ корчмѣ сидѣли наши люди.

Вотъ и разсказываетъ этотъ дьякъ громко: такъ и такъ, люди добрые, есть царскій манифестъ про волю, про козачину... Разсказываетъ, что тотъ манифестъ или грамота царская разослона по всѣмъ попамъ, всѣмъ селамъ, и что онъ—тотъ дьякъ—самъ читалъ эту грамоту у своего попа, гдѣ то въ Херсонщинѣ. Разсказалъ этотъ дьякъ, потомъ отдохнулъ въ корчмѣ и пошелъ дальше вмѣстѣ съ другими богомольцами. А люди съ того времени и забунтовали. Бунтовали, бунтовали, ажъ покуда ихъ не пострѣляли на смерть».

Замѣтивши, что мой разсказчикъ самъ вѣрилъ тому, что манифестъ подобный былъ тогда изданъ царемъ, я сказалъ: «не понимаю, какъ солдаты могли стрѣлять людей? Надъ солдатами командуетъ царь. Если самъ царь написалъ манифестъ, то какъ же солдаты пошли противъ его воли?»

— «Всему виноваты паны. Это они такъ сдѣлали», отвѣтилъ мой собесѣдникъ.

— «Какъ же паны могли распоряжаться солдатами? Царь же главный командиръ!.»

— «Извѣстно, царь главный... Только сами знаете: «до Бога высоко, а до царя далеко». Полковникъ все сдѣлалъ. А кто же такой полковникъ, развѣ не панъ? Ну, да я вамъ вотъ что скажу», добавилъ крестьянинъ, понизивъ голосъ. «Вы думаете солдаты стрѣляли?.. Положимъ, — они стрѣляли, это вѣрно, но безъ пуль. А въ это же самое время изъ оконъ княжескаго палаца стрѣляли офиціалисты (управляющіе, экономы, конторщики и проч.). Вотъ это же они и побили народъ, а не солдаты. Всѣ люди видѣли, какъ офиціалисты стрѣляли тогда изъ оконъ».

Почти до городка Ржищева сохранились болѣе или менѣе свѣжія воспоминанія о корсуньскомъ возстаніи. Весьма интересныя свѣдѣнія сообщилъ мнѣ одинъ мужикъ изъ селенія Македоны. Онъ разсказывалъ, что въ то время бунтовались всѣ окрестныя села около мѣстечекъ Корсуни, Таганчи. Ме-

жиричья. Особенно, по его словамъ, хорошо поставлено было дѣло въ Межиричьѣ. Тамъ въ то время, разсказывалъ онъ, былъ какой то отставной солдатъ, который обучалъ людей военному строю, «муштровалъ» ихъ. У людей были даже запасены пики на случай «войны съ панами». Но, продолжалъ разсказчикъ, какъ услышали люди, что случилось въ Корсуни (т. е. о томъ, что тамъ уже разбиты бунтовщики), то и разошлись тихонько. Такъ паны о нихъ ничего и не узнали,—а по другимъ мѣстамъ всѣхъ забрали».

— «Какъ же забрали по другимъ мѣстамъ? спросилъ я.

— А видите, наѣхала комиссія для слѣдствія и разослала бумагу такую, чтобы отъ всякого села пришло къ ней по нѣскольку человѣкъ. «Пусть только приходятъ самые разумные», писала комиссія, «что бы можно было толкомъ узнать, чего люди хотятъ». «А по селамъ взяли да и послали самыхъ разумныхъ своихъ людей. А комиссія тогда всѣхъ тѣхъ людей—въ тюрьму. То такъ и пропали всѣ. Ни слуху, ни духу. И гдѣ они теперь—одинъ Господь знаетъ. А изъ Межирѣчья никого въ комиссію не послали, то только же тамъ, въ одномъ Межирѣчьѣ, и остались цѣлы».

Глава VIII.

Дальнѣйшіе опыты народохожденія.

Прибывши въ Кіевъ, сталъ хлопотать о деньгахъ для устройства революціоннаго притона въ Корсуни; но—чѣмъ другимъ—а деньгами мы, кіевляне, всегда были бѣдны. Денегъ неоткуда было достать. Въ довершеніе горя, скоро явился изъ Корсуни Вася: ему надоѣло тамъ одному сидѣть. Видя, что денегъ раздобыть нельзя, Вася сталъ почему то сердиться

на всѣхъ и кончилъ тѣмъ, что уѣхалъ куда то на сѣверъ. Такимъ образомъ мы лишились, наконецъ, и третьяго товарища. Изъ нашей первой компаніи, состоявшей изъ пяти человѣкъ, удержалось только двое—Стефановичъ и я, которые еще не теряли надежды дѣлать что нибудь въ народѣ; остальные, видимо, разочаровались.

Съ моимъ пріѣздомъ въ Кіевъ я засталъ составъ «коммуны» сильно измѣнившимся; пріѣхало нѣсколько новыхъ лицъ изъ Петербурга: Стронскій съ своей женой, Рогачева, Дробышъ-Дробышевскій, Иванъ Чернышевъ. По словамъ пріѣхавшихъ, на сходкахъ въ Петербургѣ большинствомъ была принята бакунинская, или, какъ они называли «бунтарская программа». Но въ практическомъ отношеніи, т. е. въ вопросѣ осуществленія этой программы на практикѣ, ни къ какому рѣшенію тамъ не пришли, и подобно намъ, южанамъ, остановились на мысли первоначально отправиться въ народъ, съ тѣмъ, чтобы присмотрѣться поближе къ условіямъ его жизни, и затѣмъ, собравшись, обсудить практическую сторону вопроса.

Съ этой цѣлью предполагалось устроить въ Петербургѣ съѣздъ, и время для этого съѣзда назначено было осенью 1874 года, если не измѣняетъ мнѣ память, въ октябрѣ мѣсяцѣ. Стронскій собирался итти въ народъ, въ Полтавскую губернію, вмѣстѣ съ Чернышевымъ. Жена Стронскаго съ Рогачевой отправились въ качествѣ работницъ недалеко отъ Кіева въ имѣніе, принадлежавшее Кіево-Печерскому монастырю. Стефановичъ надумался опять на югъ Кіевской губ. въ ту же мѣстность, гдѣ мы были, и не одинъ, а съ Катериной Брешковской и Колѣнкиной. Что касается до меня, то я рѣшилъ пошататься въ окрестностяхъ Кіева. Со дня на день я ожидалъ свѣдѣній, по полученіи которыхъ долженъ былъ отправиться на границу по книжному дѣлу, и потому не могъ забираться далеко. Я ходилъ по деревнямъ, расположеннымъ

противъ Кіева по лѣвой сторонѣ Днѣпра, подъ видомъ плотника, разыскивающаго работу. Деревни тутъ построены на ровной низкой мѣстности, нерѣдко заливаемой рѣкой, и мало пригодной для землепашества; поэтому жители больше походили здѣсь на пригородныхъ мѣщанъ, чѣмъ на крестьянъ, и рѣзко отличались своимъ барышническимъ духомъ. Въ этихъ шатаніяхъ я провелъ нѣсколько дней. Раза два приставалъ къ толпѣ богомольцевъ, плевшихся къ Кіеву по такъ называемому Черниговскому шоссе, и провожалъ ихъ до самой Лавры. Надо знать, что отъ цѣпного моста, переброшеннаго черезъ Днѣпръ, проложена прекрасная широкая шоссейная дорога, большими зигзагами поднимающаяся вверхъ на Печорскъ, къ Лаврѣ. Но эту дорогу мои богомольцы почему-то не брали, а предпочитали, перейдя мостъ, подниматься прямо по тропинкѣ на гору, на верху которой блестѣли золотые куполы Кіево-Печерской Лавры. Любопытно было видѣть, какъ изнуренныя ходьбою бабы, съ лицами, опаленными солнцемъ и вѣтромъ, не будучи въ силахъ итти, взбирались на четвереньках на эту крутую гору. Должно быть въ этомъ послѣднемъ подвигѣ онѣ усматривали богоугодное дѣло. Мужчины-богомольцы совершали это молча; но богомолки страшно стонали, ползя одна за другой на четвереньках, съ громадными котомками на спинахъ, напоминая собою скорѣе кучу раковъ, чѣмъ толпу людей. Иная обрывалась и съ визгомъ совывалась внизъ; ее подхватывали другія, и она опять принималась ползти.

Наконецъ, помню, добрался я до селенія Бортничи (боюсь, точно ли называю селеніе, расположенное на лѣвомъ берегу Днѣпра, верстахъ въ пятнадцати отъ Кіева). Захожу въ одну избу. Дѣло было къ вечеру... Крестьянка, хлопотавшая по хозяйству въ избѣ, встрѣтила меня довольно привѣтливо и пригласила садиться. Я сѣлъ на скамью, и скоро у насъ съ нею завязалась бесѣда; мы толковали о томъ, о другомъ. Но в тъ ужинъ былъ готовъ; хозяйка поставила ѣду на столъ и

пригласила меня ѣсть. Я приблизился къ столу и взялъ въ руки ложку.

— „А откуда вы, человиче добрый?“ спросила меня хозяйка.

— „Изъ Веркіевки“, отвѣтилъ я. Имѣя паспортъ Веркіевской волости, Нѣжинскаго уѣзда, я, конечно, иначе и не могъ отвѣтить.

— „Слушаю я тебя и въ толкъ не возьму“, раздался внезапно мужской голосъ сверху печки. «Откуда говоришь ты родомъ?»

Я поднялъ глаза вверхъ и на печкѣ, занимавшей правый уголъ избы, увидѣлъ лежавшаго тамъ на брюхѣ мужика среднихъ лѣтъ. Прежде всего меня непріятно поразило то обстоятельство, что мужикъ заговорилъ со мною на ты. Украинцы считаютъ эту форму рѣчи крайне невѣжливой и употребляютъ ее лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда бранятся или когда, вообще, желаютъ высказать свое пренебреженіе къ кому-нибудь. Однако, я не подалъ вида, что обиженъ, и совершенно спокойно отвѣтилъ ему то, что говорилъ раньше хозяйкѣ.

«Изъ Веркіевки?! А изъ какой? Изъ той, что подъ Нѣжиномъ?» переспросилъ мужикъ.

— «Да, изъ той самой», отвѣтилъ я.

— «Брешешь!» категорически сказалъ онъ.

Я даже приподнялся изъ-за стола, до того былъ и смущенъ, и разсерженъ вмѣстѣ.

— «Ты что же не вѣришь! Я тебѣ паспортъ покажу!..» заговорилъ я съ нимъ тоже на ты.

Крестьянинъ лежалъ на печи брюхомъ, такъ что съ печки выглядывала только одна его голова.

— «Зачѣмъ же ты встаешь отъ вечери?! Сиди и ѣшь!» замѣтилъ онъ, мѣняя тонъ; а потомъ продолжалъ: «Говоришь, изъ-подъ Нѣжина?»

— Да.

— Брешешь! Ей-Богу, брешешь!..

— Гляди паспортъ!..

«А мнѣ что же твой паспортъ?!.. Я неграмотный... Кто же тамъ разберетъ, что въ томъ паспортѣ написано?

— «Позови грамотныхъ; пусть тебѣ прочтутъ...

— Что бы ни прочитали, говорю тебѣ: брешешь!.. Я «по мови чую» (слышу по рѣчи), что ты оттуда, съ Польши, а не нѣжинскій», сказалъ мужикъ, махая рукою по направленію къ Днѣпру. И въ самомъ Нѣжинѣ я бывалъ не разъ и не два... Оттуда хлѣбъ возилъ.—слыхалъ, какъ тамъ люди говорятъ».

Было очевидно, что я попался. Произношеніе на правомъ берегу Днѣпра или, какъ называютъ мужики эту мѣстность Украины, Польшѣ, сильно отличается отъ лѣво-бережнаго. Я же выросъ въ Подольской губерніи, усвоилъ себѣ тамошній языкъ и, слѣдовательно, для опытнаго уха не могло быть сомнѣнія въ моей «брехнѣ». Вывернуться изъ этого положенія оказывалось невозможнымъ: чѣмъ болѣе я настаивалъ на своемъ, тѣмъ энергичнѣе раздавалось «брешешь». Любопытно было то, что при этомъ мужикъ всякій разъ убѣдительно упрашивалъ меня не оставлять «вечери».

— «А ты ѣшь!.. Не вставай отъ стола!.. добродушно говорилъ онъ.

Наконецъ дѣло дошло до того, что мнѣ ничего не оставалось, какъ только во всемъ сознаться; тогда я замолчалъ. Мужикъ понялъ, вѣроятно, это и съ своей стороны прекратилъ нападеніе.

Послѣ ужина, такъ какъ было уже поздно, онъ мнѣ замѣтилъ:

«Ну, ложись спать. Да только, смотри, ночью не украдь чего-нибудь».

Утромъ другого дня я ушелъ въ Кіевъ и, идя дорогой,

долго размышлялъ объ этомъ случаѣ. Онъ мнѣ послужилъ на будущее время прекраснымъ урокомъ. Я сталъ осторожнѣе относиться къ паспортамъ и практиковалъ такую систему: всюду выдавалъ себя не иначе, какъ за жителя Подольской губерніи, и только, когда обстоятельства загоняли меня въ Подольскую губернію, я для этого случая имѣлъ паспортъ изъ другой губерніи.

Въ Кіевѣ я засталъ ожидаемыя мною извѣстія и поѣхалъ въ Волочискъ. Нужно сказать (хотя этого я не зналъ тогда), что одесскій кружокъ пропагандистовъ, занимавшійся перевозкой книгъ черезъ границу, велъ дѣло при посредствѣ того же волочискаго контрабандиста, который находился въ сношеніяхъ со мною. Между тѣмъ, полиція въ то время имѣла уже свѣдѣнія о томъ, что черезъ Волочискъ провозили контрабанднымъ путемъ революціонныя книги и принимала мѣры къ поимкѣ виновниковъ. Въ этомъ всѣ убѣдились потомъ, когда въ Одессѣ пойманъ былъ, наконецъ, осенью 74 года Чудновскій, одинъ изъ одесскихъ пропагандистовъ. Что касается до меня, то я подозрѣвалъ этого контрабандиста въ сношеніяхъ съ полиціей раньше и именно съ той минуты, какъ данный ему мною адресъ Судзиловскаго попалъ какимъ-то образомъ въ руки полиціи и вызвалъ въ «коммунѣ» обыскъ, о которомъ я разсказывалъ выше. Теперь, когда я пріѣхалъ въ Волочискъ, подозрѣнія мои еще болѣе увеличились. Я имѣлъ свиданіе съ нимъ на австрійской сторонѣ, въ Подволочискѣ, въ ветхомъ домикѣ, стоявшемъ недалеко отъ рѣчки, служащей границей между Россіей и Австріей. Помню, я сидѣлъ съ нимъ въ избѣ и бесѣдовалъ, когда раздался стукъ въ наружную дверь. Изъ предосторожности я вышелъ въ сосѣднюю комнату и отсюда черезъ дверную щель увидѣлъ, къ истинному своему изумленію, какъ вошелъ русскій пограничный стражникъ и сталъ о чемъ-то тихо разговаривать съ моимъ контрабандистомъ. Правда, послѣ его ухода, онъ старался меня увѣрить,

будто стражникъ этотъ самъ занимается контрабандой и съ этой цѣлью къ нему заходилъ, но объясненіе это меня не удовлетворило, и я успокоился лишь тогда, когда мнѣ удалось благополучно воротиться въ Кіевъ. Вернулся я, само собою разумѣется, съ пустыми руками, т. е. безъ книгъ. и съ тѣхъ поръ больше не ѣздилъ на границу за книгами. Такимъ образомъ, черезъ юго-западную австрійскую границу не было перевезено ни одного экземпляра бакунинскихъ изданій. Не знаю, насколько было удачнѣе съ другими изданіями, но намъ совсѣмъ не повезло. На этой границѣ все было испорчено, такъ какъ мы съ самаго же начала попали въ руки такихъ людей, которые нашли выгоднымъ выдать все дѣло полиціи.

Когда я воротился съ границы въ Кіевъ, то уже не засталъ здѣсь ни Стефановича, ни Брешковской: они отправились на югъ Кіевской губерніи. Я рѣшилъ «итти въ народъ» одинъ и съ этой цѣлью поѣхалъ въ Жмеринку,

Пріѣхавши на мѣсто, мнѣ удалось сразу поступить на работу къ желѣзно-дорожному подрядчику, занимавшемуся ремонтировкою дороги на извѣстномъ участкѣ. Партія человѣкъ въ шестьдесятъ, въ которую я попалъ, состояла исключительно изъ мѣстныхъ крестьянъ и работала между станціями Жмеринкой и Крыжополемъ. Вооруженные лопатами, мы разъѣзжали по линіи въ такъ называемомъ рабочемъ поѣздѣ, составленномъ изъ тридцати открытыхъ платформъ и одного багажнаго закрытаго вагона. гдѣ помѣщались запасныя лопаты и гдѣ сидѣлъ «старшій» рабочій, распоряжавшійся нашей партіей. На каждой платформѣ было по два человѣка. Работа заключалась въ томъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ мы нагружали наши платформы пескомъ, затѣмъ насъ подвозили то къ одному, то къ другому пункту, гдѣ мы тотъ же песокъ выгружали. Но такъ какъ, само собою разумѣется, движеніе по линіи не прекращалось, и довольно часто пробѣгали поѣзда товарные и пассажирскіе, то нашему поѣзду

иногда по долгу приходилось стоять по станціямъ на такъ называемыхъ запасныхъ рельсахъ, въ ожиданіи пока очистится путь. Работа выходила почти что дворянская. Правда, надо было очень быстро нагружать и разгружать вагоны, но зато въ антрактахъ по цѣлымъ часамъ мы лежали на своихъ платформахъ безъ всякаго дѣла.

—«Скорѣй!... Скорѣй, хохлы!.. Мать вашу такъ...» покрикивалъ «старшій» рабочій въ одинъ изъ горячихъ моментовъ. Ближайшее наше начальство было не изъ хохловъ и очень любило пускать въ ходъ матерное поощреніе.

—«Что это онъ все по матери да по матери?!..» замѣтилъ я какъ-то своему товарищу по платформѣ, тщедушному мужику съ подбритымъ чубомъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣлаютъ украинцы въ жаркое лѣтнее время.

—«За это платятъ», флегматично отвѣтилъ тотъ и потомъ продолжалъ: «Какая же тутъ работа? Чертъ знаетъ что, а не работа! посмотрите на ту платформу: ну—какой это работникъ?!.. Въ селѣ гусей бы пасъ, а тутъ онъ считается работникомъ».

На указанной платформѣ, дѣйствительно, стоялъ четырнадцатилѣтній мальчикъ.

Сбросивши песокъ съ вагоновъ, мы обыкновенно соскакивали на землю и быстро приводили его въ порядокъ, т. е. придавали ему видъ болѣе или менѣе правильныхъ фигуръ. Но раздавался свистокъ съ паровоза и всѣ, очертя голову, бросались на платформу, такъ какъ машина начинала двигаться. Часто это приводило къ тому, что какой-либо мужикъ не успѣвалъ влѣзть на верхъ, тѣмъ болѣе что влазить было крайне неудобно, и висѣлъ на однихъ рукахъ, пока товарищу не удавалось его втащить. А поѣздъ въ это время мчался.

Хорошее лѣтнее время, постоянные разъѣзды, легкая работа и плата болѣе чѣмъ достаточная для пропитанья (я и не проѣдалъ всего полтинника)—все это вмѣстѣ настраивало меня

хорошо, и я чувствовалъ себя вполнѣ довольнымъ. Были у насъ и свои развлеченія. Помню, въ одномъ мѣстѣ (забылъ уже на какой станціи) наши мужики забрались какъ-то въ вагоны, нагруженные глиняными горшками и утащили оттуда нѣсколько горшковъ. Собственникъ горшковъ, еврей, замѣтилъ похищеніе и пожаловался старшему рабочему. Тотъ сталъ обыскивать партію; но, конечно, ничего не могъ найти, такъ какъ горшки были заблаговременно попрятаны въ высокомъ хлѣбѣ, росшемъ возлѣ желѣзной дороги. Вслѣдъ за тѣмъ, такимъ же способомъ добыта была изъ другого вагона пшеница, и мы всей компаніей въ тотъ вечеръ ѣли кутью. Собственникъ, конечно, плакался. Но что значила для него эта незначительная потеря, когда онъ имѣлъ цѣлыхъ пять вагоновъ, нагруженныхъ горшками! А между тѣмъ, какое удовольствіе получилъ всякій изъ насъ въ эту темную лѣтнюю ночь! Мы лежали вокругъ костровъ въ густой травѣ и глядѣли на пылающіе огни, со всѣхъ сторонъ обставленные горшками. Надъ нами высоко мерцали звѣзды. Кругомъ царила ненарушимая тишина, и только у насъ трещали дрова, да слышался смѣхъ и разговоры, продолжавшіеся чуть ли не до полуночи. Я ужъ умалчиваю о существенномъ, т. е. о самой кутьѣ, которую мы съѣли тоже не безъ удовольствія.

Но едва ли не самое большое развлеченіе доставляли нашей партіи цыгане, жившіе въ землянкахъ, подъ лѣсомъ, если не измѣняетъ мнѣ память, возлѣ станціи Крыжополь.

— „Го-го-го-го-о!“ раздавалось со всѣхъ платформъ поѣзда, медленно двигавшагося мимо цыганскихъ землянокъ. Возгласъ этотъ почему-то задѣвалъ цыганъ, и они, точно по сигналу, выскакивали изъ своихъ помѣщеній. Поднимался невообразимый гамъ и крикъ. Кричали цыгане, потрясая въ воздухѣ сжатыми кулаками, кричали одновременно и мы, всѣ шестьдесятъ человѣкъ, тыча въ нихъ указательными пальцами, что, между прочимъ, особенно сильно ихъ злило. Цыганки въ

изступленія дѣлали непозволительные жесты, въ отвѣтъ на это съ платформы неслись на нихъ цѣлыя тучи песку. Но поѣздъ проходилъ и цыгане смолкали; затихали и мужики, съ твердымъ намѣреніемъ, однако, при первомъ же случаѣ опять поднять исторію. Проѣзжать приходилось часто и всегда, съ небольшими варіаціями, сцена повторялась.

Прошло нѣкоторое время. Наступила косьба. Въ окрестностяхъ люди принялись за уборку сѣна. Поденныя цѣны всюду поднялись, а нашъ подрядчикъ оставлялъ насъ при прежнемъ полтинникѣ. По деревнямъ платили косарямъ даже по семидесяти пяти копѣекъ въ день. Мои товарищи по работѣ знали объ этомъ и среди нихъ мало по малу стало расти недовольство. Нѣсколько разъ мы заявляли старшему рабочему, чтобы намъ увеличили плату, но онъ отвѣчалъ: «Не мое дѣло... Не я васъ нанималъ... Говорите подрядчику». Разсчетъ дѣлали по субботамъ, причемъ подрядчикъ почти всегда удерживалъ плату за два дня —до слѣдующаго разсчета, – и такимъ образомъ, оставался постоянно въ долгу у рабочихъ: этимъ способомъ онъ держалъ ихъ въ своихъ рукахъ. Недовольство усилилось до такой степени, что въ первую же субботу, когда партія наша пріѣхала въ Жмеринку, рѣшено было не уступать подрядчику и требовать или повышенія платы, или окончательнаго разсчета. Толпа направилась къ квартирѣ подрядчика, жившаго недалеко отъ вокзала. Но въ квартирѣ его не оказалось—онъ ушелъ на вокзалъ. Дѣло усложнялось нѣсколько, такъ какъ на вокзалъ, въ пассажирскій залъ перваго класса, итти толпой было невозможно. Трое насъ пошло, чтобы вызвать его оттуда. Однако, простоявъ нѣкоторое время возлѣ двери перваго класса, которую то и дѣло отворяли и затворяли передъ нашимъ носомъ, и не найдя возможности проникнуть въ залъ съ этого входа, такъ какъ не пускали туда желѣзнодорожные служителя, мы обошли вокзалъ и вздумали попытать счастья съ другого входа—съ платформы. Но тутъ были

встрѣчены такимъ яростнымъ нападеніемъ жандарма, ходившаго по платформѣ, что принуждены были просто-таки бѣжать. Схватившись за шашку, онъ бросился за нами, какъ цѣпная собака, издавая, вмѣсто словъ, такіе-то шипящіе звуки. Соскочивъ съ платформы и отбѣжавъ нѣсколько, издали, мы вступили съ нимъ въ переговоры.

— «Намъ надо видѣть нашего подрядчика», говорили мы. «Онъ въ залѣ перваго класса».

— «Какого подрядчика?!.» кричало усатое страшилище. На его шеѣ висѣла круглая бѣлая медаль, величиною въ чайное блюдце.

— «Нашего подрядчика!.. Онъ сидитъ въ залѣ».

— «Вв-онъ отсюда!!»

Такимъ образомъ, наша делегація воротилась совершенно посрамленная. Оставалось единственное средство, практикуемое въ такихъ случаяхъ на Руси, - ждать. Мы разсѣлись на землѣ возлѣ квартиры подрядчика и принялись за это средство. Долго мы сидѣли. Наконецъ, подрядчика мы все-таки дождались; онъ зашелъ сначала въ свои комнаты, пробылъ тамъ нѣкоторое время и потомъ вышелъ къ намъ на крыльцо.

— «За деньгами пришли?» спросилъ онъ такимъ тономъ, точно это въ первый разъ ему случалось.

— «За деньгами»...

— «Вотъ что, люди добрые замѣтилъ онъ; - денегъ сегодня у меня нѣтъ. Въ понедѣльникъ буду платить».

— «Какъ же безъ грошей?!» зашумѣли всѣ. «Намъ нужны гроши на харчи—ѣсть нечего».

«На харчи я дамъ... По рублю на человѣка».

Это предложеніе, видимо, не понравилось. Вся толпа разомъ заговорила. Произошелъ шумъ и крикъ.

— «Не въ первый же разъ откладываю разсчетъ?.. Слава Богу, до сихъ поръ люди вѣрили мнѣ»! кричалъ подрядчикъ.

— «Мы хотимъ, чтобы вы намъ плату увеличили»! ска-

залъ я тогда громко, видя, что мое вмѣшательство становилось необходимымъ.

Шумъ утихъ.

— «А это еще что?! Полтинника вамъ мало»?

— «Мало! Косарю теперь платятъ семьдесятъ пять копѣекъ въ день».

— Такъ развѣ вы у меня косите?..»

— «Намъ все равно какая работа. Если понадобится и косить будемъ; не откажемся».

Подрядчикъ замолчалъ, видимо, сознавая, что на этой почвѣ ему не переспорить насъ.

— «Но посмотрите, какіе между вами работники?!» напалъ онъ потомъ съ другой стороны, указывая на четырнадцатилѣтняго мальчика, стоявшаго въ толпѣ.

— «Развѣ много такихъ?» закричали мужики. «Два-три такихъ; а насъ всѣхъ, слава Богу, шестьдесятъ человѣкъ!»

Подрядчикъ опять замолкъ.

— «Такъ не хотите брать по рублю на харчи?» спросилъ онъ.

— Не хотимъ брать по рублю!.. кричала толпа.

— «Не хотите и не нужно», замѣтилъ онъ совершенно спокойнымъ тономъ и ушелъ къ себѣ въ комнаты. А мужики вновь остались ждать, но чего - въ этотъ разъ уже никому не было извѣстно.

Они разсѣлись на землѣ группами и шушукались между собою, въ ожиданіи подрядчика, а подрядчикъ словно забылъ о насъ. Прошло полчаса, прошелъ часъ... Солнце закатилось... Начались сумерки.

Наконецъ, изъ комнатъ подрядчика вышелъ на крыльцо старшій рабочій и громко возгласилъ:

«Кто хочетъ брать по рублю — заходи»!

Мужики встрѣтили это заявленіе молча, и нѣсколько мгновеній сидѣли на землѣ, не двигаясь; но вотъ изъ одной

группы кто то всталъ и пошелъ къ крыльцу; за нимъ поднялись на ноги еще два человѣка и тоже направились къ дому... А минутъ черезъ пять или десятъ уже валила цѣлая куча людей.

— Не толпиться... Не толпиться... Хватитъ для всѣхъ»! говорилъ старшій рабочій, удерживая рукою крестьянъ, поднимавшихся на крыльцо.

Дѣло не выгорѣло. Вошелъ и я къ подрядчику.

— «А мнѣ, пожалуйста, дайте полный разсчетъ; рубля брать не хочу», проговорилъ я, подойдя къ столу, за которымъ онъ сидѣлъ.

«А-а?!. Я тебя узнаю», отвѣтилъ онъ, глядя на меня,— «это ты разговаривалъ тогда?!» Дамъ... дамъ .. Самъ не хочу тебя держать. Только потомъ... Сначала выплачу другимъ».

Часа два спустя я сидѣлъ въ земляномъ баракѣ, гдѣ мы обыкновенно ночевали, находясь въ Жмеринкѣ, и пристраивалъ уже свой походный мѣшокъ, готовясь на другой день ѣхать въ Кіевъ.

— «Всѣ гроши получили отъ подрядчика?» спрашивалъ меня одинъ молодой паробокъ, работавшій въ нашей партіи.

— «Всѣ», отвѣтилъ я ему.

— «Такъ и не задержалъ ни одной копѣйки?»

— Не задержалъ... Какъ же онъ могъ задержать?

— «Молодчина»! съ завистью воскликнулъ онъ. «А мы съ однимъ карбованцемъ остались».

— Кто же вамъ виноватъ... Не надо было соглашаться»

«Въ слѣдующую субботу и я такъ сдѣлаю, какъ вы», заявилъ онъ категорическимъ тономъ.

Но сдѣлалъ ли онъ такъ или нѣтъ — не знаю, такъ какъ, уѣхавши въ Кіевъ, я послѣ того, въ Жмеринку не возвращался болѣе.

Глава IX.

Погромъ.

Когда я пріѣхалъ въ Кіевъ, то „коммуны" въ домѣ Леминскаго уже не существовало болѣе. Нѣсколько человѣкъ, воротившихся изъ «народа», жили на краю города по направленію къ такъ называемой Васильковской Заставѣ. Стронскій поселился съ женою въ номерахъ гостинницы, недалеко отъ вокзала. Около этого же времени появились Колѣнкина и Стефановичъ, который былъ въ «народѣ» вмѣстѣ съ Брешковской на югѣ Кіевской губерніи. Помню, утромъ одного дня (дѣло происходило, кажется, въ августѣ мѣсяцѣ) онъ пошелъ къ Лурье, члену кружка «кіевскихъ чайковцевъ», и скоро прибѣжалъ оттуда взволнованный, объявивши намъ, что Лурье арестованъ уже нѣсколько дней тому назадъ и что у него, при обыскѣ, найдены жандармами подробныя указанія мѣста, гдѣ жила въ ту минуту Брешковская съ подложнымъ паспортомъ на имя Феклы Косой (съ этимъ паспортомъ она жила среди крестьянъ). Что было поводомъ къ аресту Лурье—съ полной увѣренностью сказать не могу, но, насколько мнѣ извѣстно, дѣло было такъ: Лурье, остававшійся безвыѣздно въ Кіевѣ, служилъ посредникомъ въ письменныхъ сношеніяхъ между нѣкоторыми, ушедшими въ народъ въ различныя мѣстности, и между прочимъ, Брешковская вела свои сношенія при его посредствѣ. Кажется, по адресу Лурье списывались съ кіевскими революціонерами приволжане и тамъ, на Волгѣ, найденъ былъ у кого то при обыскѣ этотъ адресъ. Широкія преслѣдованія революціонеровъ въ 1874 году подняты были сначала на Волгѣ, а затѣмъ они распространились по всей Россіи. Первый обыскъ сдѣланъ былъ 31-го мая въ Сара-

товѣ, въ мастерской, организованной Войнаральскимъ, и этотъ обыскъ послужилъ началомъ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ обысковъ и арестовъ по другимъ городамъ. А именно, шесть дней спустя былъ произведенъ обыскъ въ Москвѣ, въ типографіи Мышкина. По счастью, въ этотъ разъ самъ Мышкинъ не былъ пойманъ, и ему удалось бѣжать за границу. Послѣ этого произошли аресты въ іюлѣ мѣсяцѣ въ городѣ Николаевскѣ Самарской губ., гдѣ находился въ качествѣ фельдшера при земской больницѣ Судзиловскій. Во время ареста, Рѣчицкій—пріятель Судзиловскаго и бывшій членъ нашего американскаго кружка—застрѣлился; а Судзиловскому посчастливилось скрыться и потомъ бѣжать за границу. Со всякимъ новымъ обыскомъ и арестомъ, жандармы открывали все новыхъ и новыхъ «злоумышленниковъ». Особенно энергичные поиски велись за Коваликомъ, Рогачевымъ и Войнаральскимъ, окончившіеся тѣмъ, что 12-го іюля Коваликъ былъ арестованъ въ Самарѣ, а двѣнадцать дней спустя—въ той же Самарѣ—пойманъ былъ и Войнаральскій. Рогачевъ скрылся, уйдя внизъ по Волгѣ въ качествѣ бурлака. Начались повсемѣстные аресты.

Почти одновременно съ этими событіями, происходившими на Волгѣ, начались преслѣдованія въ Черниговской губерніи среди сельскихъ учителей по доносу одного изъ учителей же, нѣкоего Трудницкаго. Такъ какъ въ Борзенскомъ уѣздѣ Черниговской губ., въ качествѣ учителя при земской школѣ былъ Иванъ Ходько, объ арестѣ котораго, какъ намъ удалось узнать, состоялось постановленіе, то мы рѣшили его предупредить. Съ этой цѣлью Дробышъ-Дробышевскій поѣхалъ въ Черниговскую губернію, а Стефановичъ отправился на югъ Кіевской губ., чтобы предупредить Брешковскую. Но Брешковская ушла сама раньше, такъ что ни Стефановичъ, ни жандармы, прибывшіе изъ Кіева почти одновременно съ нимъ, уже ее не застали на мѣстѣ. Тогда началась травля по ея слѣдамъ и въ сен-

тябрѣ мѣсяцѣ она была настигнута жандармами возлѣ города Тульчина Полтавской губ., гдѣ была арестована и откуда перевезена была въ Кіевскій Тюремный Замокъ. Брешковская отказалась объявить свое имя и долгое время была извѣстна властямъ только подъ вымышленнымъ названіемъ Феклы Косой. Стефановичу не удалось, такимъ образомъ, предупредить ее, и онъ совершенно напрасно блуждалъ по деревнямъ, всюду розыскивая ея слѣды. Между тѣмъ съ Добышевскимъ произошелъ слѣдующій случай: онъ благополучно прибылъ въ деревню, гдѣ жилъ Ходько, передалъ ему нужныя свѣдѣнія и послѣ того оба они рѣшили ѣхать въ Кіевъ. На станціи Плиски кіево-курской желѣзной дороги они замѣтили, когда садились въ поѣздъ, что вокзальный жандармъ слѣдилъ за ними и въ ту минуту, когда поѣздъ начиналъ двигаться, вскочилъ въ слѣдующій вагонъ и поѣхалъ съ ними. При движеніи поѣзда имъ трудно было что-либо предпринять, а во время остановокъ они замѣчали, что не только плискій жандармъ, сторожившій поѣздъ, но и другіе жандармы, бывшіе по пути на станціяхъ, тщательно слѣдили за ними. Такъ конвоируемые, доѣхали они до товарной кіево-курской станціи, откуда оставалось всего двѣ-три версты до кіевскаго вокзала. На товарной станціи они было попытались сойти съ поѣзда, но тотъ же жандармъ съ плискаго вокзала въ компаніи съ мѣстнымъ попросили ихъ обратно сѣсть, и когда тѣ вошли въ вагонъ, то въ этотъ разъ оба жандарма уже безъ стѣсненія влѣзли за ними туда же и разсѣлись въ противуположныхъ концахъ вагона, каждый возлѣ дверей. Если до сихъ поръ у нихъ и являлось сомнѣніе, то тутъ они окончательно убѣдились, что ихъ ожидаетъ арестъ. Поѣздъ былъ ночной, и они рѣшили попытать счастья въ бѣгствѣ. Подъѣзжая къ вокзалу, они условились выходить въ разныя двери, что бы раздвоить стражу. Но лишь только поѣздъ остановился и Ходько пожелалъ выйти въ другую дверь, жандармъ загородилъ ему путь и попросилъ его выходить въ

ту же дверь, куда направился Дробышевскій. Одинъ жандармъ вышелъ впередъ и, соскочивъ со ступеньки вагона, остановился на платформѣ, гдѣ было еще нѣсколько жандармовъ, видимо, ожидавшихъ поѣзда. Дробышевскій пошелъ первый, за нимъ Ходько, а сзади нихъ шелъ другой жандармъ. У дверей вагона Ходько нагнулся къ Дробышевскому и шепнулъ на ухо: «бѣгите», а самъ задержался и загородилъ собою дверь.

— «Проходите!» крикнулъ задній жандармъ.

Ходько медлилъ. Дробышевскій же въ это время, вмѣсто того чтобы сойти на платформу, прыгнулъ съ площадки вагона въ противуположную сторону, на рельсы, и быстро побѣжалъ, стараясь скрыться между рядами вагоновъ, стоявшихъ параллельно поѣзду. Задній жандармъ замѣтилъ это. Сильно ударивъ Ходько въ спину, такъ что тотъ повалился на полъ, онъ перескочилъ черезъ его и съ пронзительнымъ крикомъ: «лови!» бросился въ погоню за Дробышевскимъ. Жандармы, находившіеся на платформѣ тоже кинулись догонять Дробышевскаго. Тогда Ходько поднялся, спокойно вышелъ изъ вагона, прошелъ черезъ платформу въ залъ перваго класса, — «хотѣлось даже пріостановиться тутъ и хватить рюмку водки для подкрѣпленія», острилъ онъ потомъ,—и вышелъ съ вокзала. Но здѣсь онъ тотчасъ же бросился въ сторону, въ долину, гдѣ течетъ рѣка Лыбедь, — мѣсто это въ то время было еще совершенно незастроенное,—и мракъ скрылъ его отъ преслѣдованій. Послѣдній маневръ оказался весьма полезнымъ: жандармы, поймавши Дробышевскаго, подняли сильную тревогу о другомъ бѣжавшемъ. По улицамъ поскакали на извощикахъ полицейскіе и шпіоны, стараясь опередить пассажировъ, ѣдущихъ съ вокзала, и заглядывая всѣмъ въ глаза, освѣщая фонарями. Но Ходько, какъ кіевскій старожилъ, прекрасно зналъ городъ. Онъ пробрался незамѣтно въ квартиру одного своего пріятеля, гдѣ немедленно сбрилъ себѣ бороду, перемѣнилъ костюмъ, и въ такомъ видѣ ночью приведенъ былъ къ намъ.

Между тѣмъ уже въ теченіе нѣсколькихъ дней я замѣчалъ, что жандармы шатались по нашей улицѣ, останавливаясь у воротъ то того, то другого дома, и о чемъ-то разспрашивали. Жить дольше въ нашей квартирѣ становилось рискованно и мы дня черезъ два ее бросили. Нѣкоторые совсѣмъ оставили Кіевъ, другіе же разъѣхались по разнымъ квартирамъ. Я и Ходько поселились у одного знакомаго и стали собираться въ дорогу, рѣшивъ на время выѣхать за границу, такъ какъ намъ рѣшительно некуда было дѣваться. Всѣ эти дни мы находились въ самомъ тревожномъ и напряженнымъ состояніи. Всюду видѣли шпіоновъ, все подозрѣвали. Боялись заходить другъ къ другу на квартиры и встрѣчи свои устраивали въ глухихъ мѣстахъ Ботаническаго сада или даже за городомъ, въ Рощѣ. Со всѣхъ сторонъ, откуда ни доходили къ намъ свѣдѣнія, мы слышали тоже лишь объ арестахъ, да розыскахъ. Аресты были въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Самарѣ, Саратовѣ... Казалось, мы не знали такого пункта въ Россіи, гдѣ бы не было тогда арестовъ. Съ другой стороны, благодаря тому, что раньше мы порвали сношенія со всѣмъ внѣшнимъ міромъ, у насъ не оказалось теперь связей, которыя могли бы быть полезны въ эту тяжелую минуту. Денегъ у насъ не было. Мы были скомпрометированы, насъ розыскивали, и скрываться намъ было не у кого. Однимъ словомъ, мы были разбиты правительствомъ буквально наголову.

Но вотъ кое-какъ намъ удалось собрать около восьмидесяти рублей, и съ этими деньгами мы съ Ходько рѣшили бѣжать за границу, чтобы тамъ на время укрыться отъ преслѣдованій. Предполагая, однако, возвратиться оттуда въ скоромъ времени, я хотѣлъ условиться съ товарищами относительно нашей будущей встрѣчи и съ этой цѣлью, наканунѣ отъѣзда изъ Кіева, отправился къ Стронскому. Стронскій съ женою, какъ я уже упоминалъ выше, жилъ въ это время въ гостинницѣ возлѣ самаго вокзала. Но, прійдя туда, я не за-

сталъ Стронскаго и зашелъ къ Колѣнкиной, занимавшей номеръ въ этой же гостинницѣ. Помню, когда я вошелъ къ ней въ комнату, она сильно встревожилась моимъ приходомъ и стала настаивать на томъ, чтобы я немедленно уходилъ изъ гостинницы.

«Уходите пожалуйста отсюда», говорила она. «Въ сосѣднемъ номерѣ живутъ шпіоны... Сегодня ночью я слыхала разговоръ за этой стѣнкой». И она указала рукой на одну стѣнку.

Я взглянулъ на стѣнку. То была деревянная тонкая перегородка, какія часто встрѣчаются въ дешевенькихъ, выстроенныхъ наскоро русскихъ гостинницахъ. Сквозь такую перегородку легко можно слышать все, что говорится въ сосѣдней комнатѣ.

— «Хорошо, я уйду. Но мнѣ хотѣлось бы условиться относительно встрѣчи» проговорилъ я тихо, чтобы не слышно было въ сосѣднемъ номерѣ.

— «Уходите! И слушать не хочу... Васъ здѣсь арестуютъ,» отвѣчала Колѣнкина тоже тихимъ голосомъ.

— «Въ такомъ случаѣ и васъ арестуютъ?!»

— «Лучше одному гибнуть, чѣмъ двоимъ. Уходите!»

— «Дайте же мнѣ кончить: условлюсь...»

— «И слушать не хочу», перебила она и затѣмъ, чтобы на самомъ дѣлѣ не слышать меня, она закрыла себѣ уши пальцами и заговорила: «Уходите, уходите, уходите, уходите»... Слово это она повторила разъ десять.

Какая-то странная нервность овладѣла мною. Я вышелъ. Проходя по корридору — въ одной изъ комнатъ, двери которой были раскрыты настежъ, — я увидалъ нѣсколько человѣкъ, показавшихся мнѣ весьма подозрительными. Я вышелъ изъ гостиницы; но, отойдя шаговъ сто, задалъ себѣ вопросъ: «Зачѣмъ же, однако, я приходилъ сюда?» Мнѣ сдѣлалось досадно; я разсердился на себя, и это чувство уничтожило мою нервность. Тогда я поворотился и вторично вошелъ въ гостинницу.

Колѣнкина изумилась, увидавъ меня, и, кажется, вторично собиралась повторить десятокъ разъ слово «уходите», но кое-какъ мнѣ удалось договориться. Въ настоящую минуту я уже не помню точно, въ какомъ городѣ и когда именно рѣшено было встрѣтиться, но очень хорошо помню лишь то, что мы встрѣтились потомъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ предполагали.

Бѣгство изъ Кіева для насъ, главнымъ образомъ для Ходько, оказывалось, однако, дѣломъ не совсѣмъ легкимъ: Ходько былъ родомъ кіевлянинъ и многіе полицейскіе знали его въ лицо. Вокзалъ и пароходная пристань кишѣли шпіонами. Ходили слухи, будто у тріумфальныхъ воротъ и у цѣпного моста—двухъ выѣздныхъ пунктахъ Кіева—полицейскіе и тайные агенты останавливали даже извозчиковъ—евреевъ «балагулъ»—и осматривали пассажировъ, уѣзжавшихъ изъ города. Справедливы ли были эти слухи или нѣтъ, не могу сказать, но въ то время мы приняли ихъ очень близко къ сердцу. И вотъ, принявши все это во вниманіе, мы рѣшили бѣжать пѣшкомъ. Наши сборы продолжались недолго. Въ первыхъ числахъ сентября, поздно вечеромъ, въ то время, когда пассажиры торопились на извозчикахъ къ ночному поѣзду, отходившему изъ Кіева, Ходько и я вышли съ квартиры нашего пріятеля съ небольшими узелками въ рукахъ и направились по пути къ вокзалу. Мы миновали Безаковскую улицу, ведущую къ вокзалу, и пошли внизъ по Бульварной. Не доходя до тріумфальныхъ воротъ, спустились въ канаву и тутъ переодѣлись: въ нашихъ узлахъ были для этого нѣкоторыя принадлежности. Ходько надѣлъ крестьянскую свитку; я—за неимѣніемъ другой свиты—надѣлъ широкую красную рубаху поверхъ лѣтняго пальто, которое заткнулъ въ панталоны, рубаху же выпустилъ наверхъ, какъ это дѣлаютъ великорусскіе рабочіе. На ногахъ у насъ были высокіе сапоги, служившіе намъ одинаково какъ для простого, такъ и для полуинтелигентскаго костюма Преобразившись такимъ образомъ, мы привязали

къ спинамъ свои узелки и зашагали ночью по шоссейной дорогѣ, ведущей изъ Кіева въ Житоміръ. Скоро по обѣимъ сторонамъ потянулись темныя заросли, и только одна дорога бѣлѣлась узкою лентою впереди насъ. Мы шли всю ночь и остановились на отдыхъ на разсвѣтѣ, отойдя большое пространство отъ Кіева.

Кто ѣздилъ въ семидесятыхъ годахъ по кіево-житомірскому шоссе, тотъ, вѣроятно, помнитъ, что въ то время тамъ было еще очень много лѣсовъ. Во время нашего путешествія мы боялись останавливаться у придорожныхъ корчемъ и почтовыхъ станцій, гдѣ всегда можно было нарваться на непріятность, и предпочитали отдыхать въ лѣсу. Мы имѣли съ собою запасъ сала и покупать въ дорогѣ приходилось только хлѣбъ. Сворачивали обыкновенно съ шоссе въ сторону, въ глубь лѣса, выбирали укромное мѣсто и, поѣвши, укладывались на ночь.

— «Какъ думаете, могутъ ли шпіоны прослѣдить нашъ путь?» обратился я какъ-то къ Ходько во время одной ночевки.

— «Ну-у! самъ Лококъ потерялъ бы голову!» отвѣтилъ онъ.

И мы оба невольно засмѣялись. Чувство удовлетворенности и даже торжества наполнило мою душу. Конечно, я могъ быть изловленъ потомъ; но въ ту минуту, когда лежалъ у корней лѣсныхъ деревьевъ, я находился внѣ всякой опасности. Шпіоны въ это самое время рыскали по всему Кіеву, разсчитывая захватить насъ, а мы были далеко-далеко отъ нихъ. Какъ же было не торжествовать при этой мысли? Здѣсь насъ никто не могъ видѣть. Кругомъ стояли высокія сосны, да темно-зеленыя ели, которыя вполнѣ скрывали насъ отъ посторонняго глаза. Только однѣ бѣлки видѣли насъ: онѣ почему то по цѣлымъ ночамъ прыгали возлѣ нашихъ головъ, шурша сухими хвоями, устилавшими почву. Первую ночь это насъ безпокоило, и мы часто просыпались отъ шума; но потомъ привыкли къ этому и ночи двѣ спали хорошо.

Недоходя до города Коростышева, расположеннаго верстахъ въ тридцати отъ Житоміра, мы забрались въ лѣсъ и тамъ опять переодѣлись: свитку и красную рубаху спрятали въ свои узлы и снова приняли полуевропейскій видъ. Въ такихъ костюмахъ мы вошли въ Коростышевъ. Здѣсь наняли «балагулу» (еврея-извозчика) и поѣхали въ городъ Бердичевъ, оставляя въ сторонѣ Житоміръ. Въ Бердичевѣ мы сѣли въ поѣздъ и двинулись къ границѣ.

На станціи Здолбуново, гдѣ была пересадка и гдѣ въ ожиданіи поѣзда, шедшаго въ Радзивиловъ, пришлось ожидать нѣсколько часовъ на вокзалѣ, съ нами чуть-чуть не стряслась исторія. Помню, сидѣли мы на скамьѣ и бесѣдовали довольно оживленно. Потомъ я вытащилъ изъ узла путеводитель Бедекера, чтобы разсмотрѣть маршрутъ: увлекся этимъ занятіемъ и не обращалъ никакого вниманія на то, что совершалось кругомъ насъ.

— «На насъ смотритъ жандармъ», тихо прошепталъ Ходько.

— «Не смотрите на него», также тихо отвѣтилъ я ему.

Первая мысль, блеснувшая въ моей головѣ, была та, чтобы не показать виду жандарму, что мы замѣчаемъ его слѣженіе. Нѣкоторое время я продолжалъ перелистывать книгу, затѣмъ сложилъ ее, всунулъ въ узелъ, поднялся со скамьи и подошелъ къ жандарму. Когда я шелъ, мнѣ показалось, что онъ съ любопытствомъ глядѣлъ на меня.

— «Когда поѣздъ идетъ въ Радзивиловъ?» спросилъ я его.

— «Въ столько-то часовъ и минутъ».

— «Отчего это приходится такъ долго ждать въ Здолбуново?»

— «По расписанію», лаконически отвѣтилъ жандармъ.

Всякое мгновеніе я ждалъ, что онъ спроситъ меня въ

свою очередь: «А позвольте узнать, кто вы такой и куда, и зачѣмъ ѣдете?» Паспорта у насъ были на этотъ разъ отвратительные, благодаря тому, что попропадали печати и бланки во время арестовъ,—и дать сколько-нибудь удовлетворительное объясненіе поѣздкѣ нашей въ Радзивиловъ мы рѣшительно не могли. Поэтому малѣйшее разслѣдованіе или просто два-три вопроса со стороны жандарма были достаточны, чтобы насъ погубить. Я почувствовалъ это сразу и потому рѣшилъ идти, какъ говорятъ напроломъ. Не давая ему опомниться, я понесъ необыкновенно длинную околесину о томъ, зачѣмъ такія неудобныя росписанія составляются на желѣзныхъ дорогахъ, да нельзя ли ихъ перемѣнить, да почему ихъ не перемѣнятъ и прочее въ такомъ родѣ. Жандармъ долго слушалъ меня. Вѣроятнѣе всего въ эту минуту онъ рѣшилъ, что я—лакей одного изъ окрестныхъ помѣщиковъ и притомъ лакей назойливый. Съ его лица любопытство мало по малу исчезло и замѣнилось пренебреженіемъ и даже надменностью. Я продолжалъ его разспрашивать о какихъ-то пустякахъ, а онъ сталъ отвѣчать неохотно. Потомъ, наконецъ, повернулся ко мнѣ спиною и съ важностью большого индѣйскаго пѣтуха удалился отъ меня, мѣрно позвякивая шпорами. Тѣмъ дѣло и кончилось. Жандармъ ни разу больше не взглянулъ на насъ.

Доѣхавши до радзивиловскаго вокзала, мы сошли съ поѣзда и направились въ мѣстечко. Въ Радзивиловѣ (Волынской губ.), находящемся на границѣ Россіи съ Австріей ни я, ни Ходько не были раньше. Но съ пограничной жизнью вообще я былъ хорошо знакомъ и зналъ, что переходъ границы вовсе не представляетъ какой-либо особенной трудности. По всему вѣроятію мы перебрались бы въ Австрію безъ помощи контрабандистовъ, если бы пограничная линія была близко отъ мѣстечка, но здѣсь она проходила въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Радзивилова, сзади лѣса, такъ что изъ мѣстеч-

ка её даже не было видно. Поэтому мы боялись рисковать и пускаться сами въ путешествіе и рѣшили обратиться къ помощи контрабандистовъ. Зная, что болѣе или менѣе всякій «балагула», живущій въ пограничномъ городкѣ, такъ или иначе долженъ быть прикосновеннымъ къ контрабандѣ, я началъ съ того, что принялся розыскивать «балагулу». Мнѣ на одного указали и я отправился къ нему.

— «Нанимаешь лошадей?» — спросилъ я.

— «Да. А куда вамъ нужно?

— «Въ Почаевъ».

— «Можно. Сколько дадите?»

— «Ну, а въ Броды?» спросилъ я, какъ будто вскользь.

— «И въ Броды можно.»

Умный «балагула» сразу сообразилъ въ чемъ дѣло: это я видѣлъ по его глазамъ. Почаевъ — русское пограничное мѣстечко, находящееся не далеко отъ Радзивилова; Броды же городъ австрійскій, лежитъ верстахъ въ двѣнадцати уже по ту сторону границы.

— «А сколько возмешь въ Броды?»—заговорилъ я съ нимъ уже смѣлѣе.

«Въ Броды?... На лошадяхъ?... На лошадяхъ трудно... Пѣшкомъ если хотите!»

— «Ну пѣшкомъ, если на лошадяхъ нельзя. Сколько возьмешъ?»

«Балагула» помолчалъ немного и затѣмъ съ нѣкоторой нерѣшительностью въ голосѣ проговорилъ:

— «Дай пять рублей.»

Я сталъ торговаться съ нимъ, и мы сошлись на трехъ рубляхъ.

— «Насъ двое»,—замѣтилъ я ему тогда.—«За двоихъ получишь шесть рублей.»

— «Хорошо, хорошо»,—заторопился «балагула», видимо, не желая упустить такого выгоднаго случая.

Онъ мнѣ указалъ водяную мельницу, стоявшую на краю мѣстечка, гдѣ мы должны были подождать, потребовалъ съ насъ впередъ четыре рубля и самъ тотчасъ пустился въ розыски.

Черезъ нѣкоторое время къ намъ подошло двое крестьянъ. Это оказались контрабандисты, присланные «балагулою». Они повели насъ къ себѣ въ сосѣднюю деревушку, находящуюся верстахъ въ двухъ-трехъ отъ Радзивилова, гдѣ мы пробыли нѣкоторое время и часа за два до вечера двинулись, наконецъ, въ путь, къ границѣ. Два контрабандиста шли впереди насъ, третій—сзади. Мы шли гуськомъ, межею, черезъ широкое вспаханное поле. Впереди виднѣлся лѣсъ. Чтобы не таскать въ рукахъ узловъ, мы надѣли на себя все, что въ нихъ заключалось, благодаря чему намъ было очень тяжело и трудно поспѣвать за быстро шедшими проводниками. Уже оставалось недалеко до лѣса, какъ вдругъ съ лѣвой стороны донесся отдаленный крикъ.

— «Скорѣй!»—скомандовалъ тогда одинъ изъ передовыхъ и пустился бѣжать.

Я посмотрѣлъ влѣво и увидѣлъ какую-то фигуру, быстро двигающуюся по полю на перерѣзъ намъ. Фигура приближалась, но и лѣсъ былъ уже совсѣмъ близко. Еще нѣсколько скачковъ и мы были въ лѣсу. Два контрабандиста отдѣлились отъ насъ и побѣжали влѣво, какъ будто навстрѣчу фигурѣ. Мы продолжали путь съ однимъ проводникомъ. Скоро послышались съ лѣвой стороны громкіе голоса, разносимые далеко лѣснымъ эхомъ. Мы бѣжали. На пути намъ попалась небольшая полянка, гдѣ какой-то крестьянинъ возился возлѣ срубленной сосны.

— «Сюда!.. Сюда!..»—кричалъ онъ, указывая рукою въ извѣстномъ направленіи. «Стража—тамъ!»

— «Бѣгите такъ прямо! На «той сторонѣ», въ корчмѣ встрѣтимся, — сказалъ нашъ третій проводникъ и самъ тоже

бросился влѣво, откуда все сильнѣе и сильнѣе доносился шумъ.

Мы остались одни. Ходько задыхался. Я тоже усталъ.

— «Куда же теперь?»,—спросилъ Ходько.

Но размышлять было некогда, и мы побѣжали прямо лѣсомъ. Стволы деревьевъ мелькали по сторонамъ. Но вотъ впереди показался просвѣтъ. Лѣсъ кончился. Добѣжавъ до крайнихъ сосенъ, мы остановились. Я осторожно выглянулъ изъ-за сосны. Вдоль лѣса тянулась патрульная дорога. На дорогѣ никого не было видно. Съ правой стороны виднѣлся пограничный столбъ... Мы перескочили черезъ дорогу и очутились въ Австрійской Имперіи. Какой-то мужикъ неподалеку пахавшій поле, обратился къ намъ съ просьбой дать ему табаку. Табакъ въ Австріи составляетъ государственную монополію, и поэтому его много идетъ изъ Россіи контрабанднымъ путемъ. Мы дали мужику немного табаку и, разспросивъ дорогу, пошли въ корчму, гдѣ должны были встрѣтиться съ нашими контрабандистами. Дѣйствительно, они скоро туда явились. Оказывалось, они побѣжали влѣво для того, чтобы задержать стражника, какъ удерживаютъ отъ нападенія злую собаку, бросая ей платокъ. Проводники наши, какъ мѣстные жители, ничѣмъ при этомъ не рисковали. Заплативши имъ слѣдуемые съ насъ два рубля и угостивши водкою, мы наняли телѣгу и поѣхали въ Броды. Между тѣмъ наступила ночь. Пошелъ дождь. Въ Броды, въ гостинницу, куда насъ привезъ крестьянинъ, мы явились съ головы до ногъ испачканые и промокшіе до рубахи, такъ какъ всю дорогу сверху лило, а снизу брызгало отъ колесъ и лошадиныхъ копытъ. Мы заняли номеръ. Я заказалъ кельнеру, поляку, кофе. Мы такъ мало походили на обыкновенныхъ посѣтителей, что кельнеръ сразу заподозрилъ въ насъ что-то особенное. Я объяснялся съ нимъ на польскомъ языкѣ, и это, вѣроятно, дало ему поводъ, когда Ходько вышелъ на время изъ номера, обратиться ко мнѣ со слѣдующею фразою:

— «Извините за нескромный вопросъ,—вы ѣдете по порученію «Жонда»?

— «Какого «Жонда»?—съ удивленіемъ переспросилъ я его, хотя, конечно, сразу догадался, что рѣчь шла о такъ называемомъ «Жондѣ Народовомъ» (народномъ правительствѣ), дѣйствовавшемъ въ Польшѣ во время возстанія.

Кельнеръ смутился и проговорилъ: «Быть можетъ, вамъ надо визировать паспортъ—я это могу сдѣлать».

— «Благодарю; мы въ этомъ не нуждаемся».

Кельнеръ удалился. До самаго нашего отъѣзда онъ былъ крайне предупредителенъ съ нами и, видимо, оставался при своемъ первоначальномъ предположеніи, т. е. что мы были агентами или эмиссарами по польскимъ дѣламъ. Такъ мало былъ еще тогда извѣстенъ русскій нигилистъ.

На другой день мы уже ѣхали по желѣзной дорогѣ въ Львовъ.

Общая цифра арестованныхъ и привлеченныхъ къ дознанію по дѣламъ 1873—74 гг., на сколько мнѣ извѣстно, значительно превышала тысячу человѣкъ, между которыми были лица, игравшія впослѣдствіи весьма видную роль въ нашемъ революціонномъ движеніи; таковы были: Желябовъ, Лангенсъ, Лебедева, Перовская, Якимова, Грачевскій. Но среди лицъ, привлеченныхъ къ дознанію, были также и нерозысканныя. Въ концѣ 74 года всѣмъ жандармскимъ управленіямъ разослана была секретная бумага, гдѣ были переименованы лица, успѣвшія скрыться отъ преслѣдованій. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ лицъ скоро совершенно сошли со сцены одни эмигрировали за границу, другія просто удалились отъ дѣла. Но были и такія, которыя продолжали дѣйствовать въ Россіи подъ чужими, чаще всего вымышленными, именами до тѣхъ поръ, пока не были переловлены. Онѣ составляли нашу первую кадру «нелегальныхъ». Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ

напр., Фроленко, прошли черезъ все революціонное движеніе, принимая самое горячее активное участіе въ дѣлахъ, и арестованы были только въ 80-ыхъ годахъ.

Эта секретная бумага опубликована была въ февралѣ 1875 г. во 2-мъ номерѣ газеты «Впередъ», издававшейся въ Лондонѣ. Ввиду интереса, который можетъ представить этотъ документъ для всякаго желающаго познакомиться съ исторіей революціоннаго движенія 70-хъ годовъ, я счелъ нужнымъ перепечатать его здѣсь цѣликомъ, тѣмъ болѣе что «Впередъ» составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Вотъ этотъ документъ.

Списокъ лицамъ, привлеченнымъ къ дознаніямъ и еще не розысканнымъ.

1) Рогачевъ, Дмитрій Михайловъ. Отставной поручикъ артиллеріи.

Роста высокаго, очень плотенъ: лицо продолговатое и вообще невыразительное; имѣетъ шрамъ, хорошо заросшій, на бородѣ или на щекѣ; взглядъ тупой, волосы на головѣ русые, бороды и усовъ не было; шея очень толстая; лѣтъ 25—26; обладаетъ громадной силой и рѣшительностью; вращается преимущественно въ обществѣ семинаристовъ, гимназистовъ и гдѣ большое скопленіе рабочаго люда; одѣвается то въ крестьянское, то въ обыкновенное платье. Называлъ себя Василіемъ Петровичемъ Орловымъ; въ бытность свою письмоводителемъ у мирового судьи Пензенской губ., Городищенскомъ уѣздѣ, Войнаральскаго, онъ заготовилъ въ это время много паспортныхъ бланковъ съ печатями волостныхъ правленій того уѣзда. Имѣетъ свидѣтельства семинариста Ивана Ареопагитскаго и воспитанника Введенской прогимназіи, Чембарскаго мѣщанина Николая Куликова. При задержаніи Рогачева необходимо принять мѣры предосторожности противъ его побѣга ввиду его громадной силы.

2) Кравчинскій, Сергѣй Михайловъ. Отставной поручикъ артиллеріи.

Роста высокаго, тѣлосложенія крѣпкаго, лѣтъ 26, брюнетъ, волосы курчавые, носитъ бороду и усы; черты лица весьма крупныя и выразительныя; лобъ большой, развитой; говоритъ высокимъ, нѣсколько писклывымъ теноромъ. Называетъ себя Сергѣемъ Михайловымъ; носитъ разное платье и имѣетъ фальшивые паспорты.

3) Клеменсъ, Дмитрій Александровъ. Бывшій студентъ С.-Петербургскаго Университета.

Роста средняго, лѣтъ за 25, на видъ кажется старше; тѣлосложенія крѣпкаго; волосы темно-русые, носилъ бороду и усы. Называлъ себя Ельцинскимъ и «Ни въ городѣ Иванъ, ни въ селѣ Селифанъ». Носитъ разное платье. Будетъ портретъ.

4) Алексѣева, Олимпіада Григорьева. Жена титулярнаго совѣтника; помѣщица Кирсановскаго и Моршанскаго уѣздовъ, Тамбовской губерніи.

Небольшого роста, имѣетъ цыганскій типъ; собой довольно красива; при разговорѣ шепелявитъ; держитъ голову на сторону; волосы носитъ стриженные, одѣвается въ женское и мужское крестьянское платье.

5) Лисовскій, Александръ. Бывшій студентъ С.-Петербургскаго Технологическаго Института.

Лѣтъ 25; роста выше средняго; бѣлокурый, глаза сѣро-голубые, лицо чистое, безъ бороды и безъ усовъ; плечистъ, хорошо сложенъ; наружность представительная.

6) Обнорскій, Викторъ Павловъ. Крестьянинъ Вологодской губерніи.

Лѣтъ 24; бѣлокурый, красивый, съ сильно развитымъ черепомъ; ни усовъ, ни бороды не носитъ; тѣлосложенія крѣпкаго.

7) Иванчинъ-Писаревъ, Александръ Ивановъ. Дворянинъ, бывшій студентъ С.-Петербургскаго Университета.

Портретъ разосланъ всѣмъ начальникамъ Губернскихъ Жандармскихъ Управленій.

8) Мышкинъ, Ипполитъ Никитинъ. Домашній учитель, стенографъ.

Портретъ разосланъ всѣмъ начальникамъ Губернскихъ Жандармскихъ Управленій.

9) Саблинъ, Николай Алексѣевъ. Студентъ Московскаго Университета.

Примѣты неизвѣстны.

10) Судзиловскій, Николай Константиновъ. Бывшій студентъ Кіевскаго Университета; сынъ отставного чиновника губернскаго города Могилева.

Лѣтъ 25; роста немного ниже средняго; волосы русые, лицо чистое; носъ довольно большой; борода небольшая, рѣдкая; одѣвается неряшливо; по костюму похожъ на мастерового.

11) Жебуневъ, Николай Александровъ. Дворянинъ Екатеринославской губерніи.

Лѣтъ 27; роста высокаго, стройный; волосы на головѣ и небольшой бородѣ темно-русые; лицо смуглое, чистое, продолговатое, худощавое; типъ цыганскій; одѣвается въ русское платье.

12) Жебунева, Зинаида Иванова. Жена Николая Жебунева, дочь мѣщанина Глуппова.(?)

Родомъ изъ Харькова; молодая, бѣлокурая, небольшого роста, худощавая, немного сгорбленная, на видъ болѣзненная; лицо съ веснушками. Носитъ русское платье.

13) Макаревичъ, Анна. Рожденная Розенштейнъ; жена дворянина.

Лѣтъ около 20; бѣлокурая, лицо чистое, бѣлое; средняго роста; недурна собой.

14) Лукашевичъ, Александръ Осиповъ. Студентъ С.-Петербургскаго Технологическаго Института.

Лѣтъ около 20; роста малаго; безъ бороды и усовъ; на одномъ глазѣ имѣется небольшой порокъ; объясняется скороговоркою; сильный выговоръ Костромской губ.; въ походкѣ замѣчается странность. Имѣетъ билетъ на имя семинариста Покровскаго.

15) Фроленко, Михаилъ Федоровъ. Студентъ Петровской Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

16) Леонтовичъ, Николай. Студентъ Петровской Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

17) Младецкій, Мартинъ. Студентъ Петровской Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

18) Война, Александръ Григорьевъ. Дворянинъ Екатеринославской губерніи.

Будетъ портретъ.

19) Устюжаниновъ, Иннокентій Александровъ, Медикъ.

Примѣты неизвѣстны.

20) Аносовъ, Николай Михайловъ. Бывшій слушатель Петровской Академіи; сынъ титулярнаго совѣтника.

Роста высокаго; лѣтъ 24; бѣлокурый, небольшая свѣтлорусая (почти рыжая) борода.

21) Бухъ, Николай Константиновъ. Дворянинъ.

Около 20 лѣтъ; лицо небольшое; волосы свѣтлорусые, зачесаны назадъ, борода и усы едва замѣтны. Ходитъ постоянно въ русскомъ костюмѣ.

22) Никитинъ, Николай Доримедонтовъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Около 25 лѣтъ: лицо чистое, волосы темно-русые, зачесаны назадъ. Ходитъ въ русскомъ костюмѣ.

23) Тепловъ, Николай. Бывшій студентъ Технологическаго Института.

Роста средняго; брюнетъ, безъ бороды, съ маленькими усиками; взглядъ нѣсколько суровый.

24) Стронскій, Николай. Бывшій студентъ Технологическаго Института.

Роста средняго, въ кости широкъ, довольно плечистъ; брюнетъ, волосы курчавые, выстрижены въ скобку; носъ длинный, тонкій; лицо бѣлое, чистое, продолговатое.

25) Чернышевъ, Иванъ Яковлевъ. Студентъ Кіевскаго Университета.

Роста средняго, лицо круглое, смугловатое, глаза черные, носъ ровный, небольшой; собою худощавъ.

26) Максимовъ, Павелъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Роста ниже средняго, тѣлосложенія крѣпкаго; волосы каштановые лицо круглое, бѣлое и чистое; носъ ровный, небольшой; руки маленькія пальцы тонкіе.

27) Гриневичъ, Клеоникъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Роста выше средняго; въ кости широкъ; блондинъ, волосы рыжеватые; лицо не совсѣмъ чистое, продолговатое; неуклюжъ, движенія медленны; говоритъ протяжно.

28) Иванова, Надежда Александрова. Акушерка.

Примѣты неизвѣстны.

29) Воронцовъ, Александръ Ивановъ Студентъ Медико-Хиругической Академіи.

Лѣтъ около 22; плотный, роста выше средняго; лицо румяное, круглое; волосы рыжеватые.

30) Рабиновичъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Лѣтъ 23; брюнетъ небольшого роста.

31) Шрейдеръ, Михаилъ Николаевъ. Сынъ генералъ-

маіора; имѣетъ безсрочное свидѣтельство московскаго предводителя дворянства за № 186.

Около 22 лѣтъ; высокаго роста; брюнетъ, волосы на головѣ длинные, усы маленькіе; называетъ себя слесаремъ Михаиломъ Николаевымъ и подъ этимъ именемъ находился въ слесарнѣ при фабрикѣ Лопатиныхъ въ Иваново-Вознесенскѣ.

32) Называющая себѣ Маріей Андреевой, по фамиліи, какъ полагаютъ, Шталь.

Около 25 лѣтъ; высокаго роста, полная, говоритъ свысока; хорошо грамотная; одѣвалась по крестьянски, въ ситцевый сарафанъ, носила хорошія серьги и кольца. Жила въ Иваново-Вознесенскѣ вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ Шрейдеромъ.

33) Фесенко, Иванъ Федоровъ. Студентъ С.-Петербургскаго Университета.

Примѣты неизвѣстны.

34) Охременко, Александра Васильева. Дочь секретаря Уманской городской думы.

Лѣтъ 19; небольшого роста; собой довольно миловидна, съ остренькимъ носикомъ и темно-русыми, обстриженными по плечи, волосами; носитъ часто крестьянскій малороссійскій костюмъ.

35) Стефановичъ, Яковъ Васильевъ. Сынъ священника села Денисовки, Конотопскаго уѣзда, Черниговской губерніи, студентъ Кіевскаго Университета.

21 года; роста выше средняго, худощавъ; волосы темнорусые, довольно длинные, небольшая бородка; носитъ крестьянскій костюмъ.

36) Сухмановъ, Иванъ Федоровъ. Чиновникъ Одесской Контрольной Палаты.

Примѣты неизвѣстны.

37) Разумовская, Ольга Иванова. По мужу Романовская, дочь священника села Приворотъ, Углицкаго уѣзда *).

Примѣты неизвѣстны.

38) Бенецкій, Василій Александровъ. Студентъ Кіевскаго Университета.

Примѣты неизвѣстны.

---

*) Это ошибка. Село Приворотъ, гдѣ жила Разумовская, находится въ Ушицкомъ уѣздѣ Подольской губерніи.

39) Ходько. Иванъ. Бывшій студентъ Новороссійскаго Университета *).

Роста высокаго, брюнетъ, худощавый, носитъ очки.

40) Донецкая, Фекла Иванова. Бывшая учительница села Плиски, Борзенскаго уѣзда.

Примѣты неизвѣстны.

41) Деникеръ, Іосифъ Егоровъ. Бывшій студентъ С.-Петербургскаго Университета, имѣетъ недвижимую собственность въ г. Астрахани.

Роста нѣсколько выше средняго, лѣтъ около 30; волосы на головѣ, небольшой бородѣ, бакенбардахъ и усахъ—черные; носитъ очки.

42) Пунча, Константинъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

43) Морозовъ, Николай Александровъ. Бывшій воспитанникъ 2-й Московской гимназіи; незаконнорожденный сынъ Моложскаго уѣзднаго предводителя дворянства Щепочкина.

Роста высокаго, лицо блѣдное круглое съ тонкими чертами, брюнетъ, борода и усы едва замѣтны; носитъ очки.

44) Союзовъ, Иванъ Осиповъ. Уволенный изъ военнаго званія въ первобытное крестьянское состояніе.

Лѣтъ 25, роста средняго, видный собою; волосы на головѣ темнорусые, таковые же небольшіе усы, бороду брѣетъ. Имѣетъ паспортъ, выданный изъ Морозовскаго волостного правленія.

45) Сиряковъ, Клавдій. Бывшій студентъ Петровской Земледѣльческой Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

46) Вагинъ, Петръ. Бывшій студентъ Петровской Земледѣльческой Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

47) Стенюшкинъ, Иванъ Павловъ. Бывшій слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи; изъ крестьянъ.

Примѣты неизвѣстны.

48) Дебогорій-Мокріевичъ, Владиміръ. Бывшій студентъ Кіевскаго Университета.

---

*) Это ошибка. Иванъ Михайловъ Ходько былъ въ кіевскомъ университетѣ, а не въ новороссійскомъ.

Примѣты неизвѣстны. Имѣетъ фальшивый паспоръ.

49) Каблицъ, Іосифъ. Бывшій студентъ Кіевскаго университета, сынъ поручика, урожденный Черниговской губерніи.

Кривъ на одинъ глазъ. Постоянно отличается буйнымъ характеромъ.

50) Усачевъ. Владиміръ. Бывшій воспитанникъ Артиллерійскаго Училища.

Роста средняго, широкоплечій; брюнетъ, безъ бороды и усовъ.

51) Шуравинъ, Петръ Александровъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

52) Ивановскій, Василій. Окончившій курсъ Медико-Хирургической Академіи.

Очень высокаго роста. Между товарищами и знакомыми называется «Василіемъ Великимъ».

53) Колѣнкина, Марія. Акушерка.

Примѣты неизвѣстны.

ГЛАВА X.

Взглядъ на движеніе 74-го года. Поѣздка за границу.—Встрѣча съ Мышкинымъ.— Возвращеніе въ Россію.

Если моя дѣятельность въ народѣ, о которой я разсказывалъ въ предшествующихъ главахъ, такъ мало представляла опасности для государственнаго строя, то тоже самое можно сказать и о дѣятельности почти всѣхъ пропагандистовъ 74-го года. Хожденіе въ народъ въ 73 и 74-мъ годахъ въ общемъ не принесло прямыхъ революціонныхъ слѣдствій.

«Въ народъ ходили многіе съ чисто рекогносцировочными цѣлями, облюбовать мѣстечко для поселенія, попробовать свои силы и, наконецъ, просто посмотрѣть на этотъ народъ, о которомъ говорятъ такъ много и который отдѣленъ отъ соціа-

листа китайской стѣной. Если бы большинству наиболѣе серьезныхъ пропагандистовъ задать вопросъ передъ ихъ отправленіемъ въ народъ—какъ они смотрятъ на свою будущую дѣятельность и какую форму пропаганды предпочитаютъ,—отвѣтъ былъ бы, безъ сомнѣнія, такой: надобно не ходить, а жить въ народѣ».

Такъ характеризуетъ движеніе 74-го года, нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ изъ его участниковъ въ передовой статьѣ революціоннаго обозрѣнія «Община», издававшагося въ Женевѣ.

И, дѣйствительно, мы ходили въ народъ, а не жили, такъ какъ всякому хотѣлось въ короткій срокъ возможно болѣе осмотрѣть мѣстностей, возможно болѣе получить впечатлѣній.

Но мнѣ думается теперь, что если бы мы даже и жили среди народа, то и въ такомъ случаѣ едва ли получилось бы больше революціонныхъ слѣдствій, такъ какъ—правду сказать—для революціонной дѣятельности въ народѣ почвы было мало. Уже тогда болѣе безпристрастные изъ насъ приходили къ заключенію, что нашъ народъ далеко не обладалъ революціоннымъ настроеніемъ. Въ своемъ мѣстѣ я вспоминалъ о той пассивности крестьянъ, которая бросалась и намъ въ глаза во время нашихъ странствованій по Подольской и Кіевской губерніямъ. Правда, мы слышали отовсюду, что крестьяне ждали передѣла земли; но ожидали они его мирно, терпѣливо, какъ простую царскую милость. Самимъ добиваться передѣла никому изъ нихъ и въ голову не приходило. Но увлеченные своимъ собственнымъ революціоннымъ настроеніемъ, мы закрывали глаза на это обстоятельство и утѣшали себя той мыслью, что все таки крестьяне желали передѣла. Мы упускали изъ виду, что можно желать передѣла и въ то же время спокойно ожидать его многіе годы, ничего не предпринимая. Очевидно, однако, что еще годъ-два подобныхъ странствованій по деревнямъ или

жизни среди народа, и мы отрезвились бы отъ нашихъ революціонно-народническихъ утопій. Движеніе наше улеглось бы, приняло бы болѣе спокойное теченіе и, въ концѣ-концовъ, пожалуй, мы оказались бы ничѣмъ другимъ, какъ «крайней лѣвой» нашего обще-земскаго движенія. Осѣли бы мы по деревнямъ, кто въ качествѣ учителя, кто фельдшеромъ, кто ремесленникомъ и стали бы пропагандировать идеи соціализма. Окружающая дѣйствительность скоро наложила бы печать на нашу пропаганду; мы увидѣли бы кругомъ себя почти поголовную безграмотность (а какая же широкая пропаганда возможна среди безграмотнаго населенія); самъ собою выступилъ бы на очередь вопросъ о распространеніи въ народѣ грамотности и тому подобной культурной дѣятельности. Такъ рисуется мнѣ теперь эволюція нашего движенія, если бы условія русской жизни были сколько-нибудь нормальны, т. е., другими словами, если бы у насъ вмѣсто злого и глупаго правительства оказалось бы умное, которое сумѣло бы правильно взглянуть на движеніе и предоставило его теченіе самому себѣ. Повторяю, революціонное народничество было обречено на гибель, такъ какъ народная масса далеко не была революціонна. Вотъ какъ характеризуетъ, между прочимъ, настроеніе этой массы Е. Брешковская въ своихъ воспоминаніяхъ о путешествіи въ народъ лѣтомъ 74 года по Кіевской губерніи. Передавая свои впечатлѣнія о жителяхъ одной деревни, получившихъ въ надѣлъ песчаную почву, она говоритъ: «Ропщутъ жители песочковъ, проклинаютъ и судьбу свою, и сильныхъ враговъ своихъ, начальство, но голосъ протеста не возвышается среди нихъ. «Видно ничего не подѣлаешь, видно на роду намъ такъ написано», возражали мнѣ горемыки на всѣ мои правдивыя рѣчи. Если, съ одной стороны, нужда и вѣчный гнетъ могутъ довести человѣка до отчаянныхъ поступковъ, то, съ другой — доводятъ его до идіотизма». Въ другомъ мѣстѣ, характеризуя заводскихъ рабочихъ одного мѣстечка, она пишетъ: «Особенно

рѣзко сказывались тѣ черты, которыя мѣшаютъ людямъ сознательно браться за общее дѣло, боясь рисковать собою за блага, пользоваться которыми прійдется лишь дѣтямъ ихъ, а не то и внукамъ; страхъ оставлять извѣстное настоящее для неизвѣстнаго будущаго, а главное—недовѣріе къ собственнымъ силамъ и къ единодушію народа. Всѣ эти черты всплывали тутъ же». Или опять находимъ у нея еще слѣдующее мѣсто: «Одно, что оставалось непреодолимымъ — это ихъ недовѣріе къ собственнымъ силамъ и нѣкоторая нравственная трусость, весьма, впрочемъ, понятная въ людяхъ, привыкшихъ постоянно покоряться и почти никогда не протестовать. Пугала ихъ отчасти и отдаленность цѣли».

Итакъ, недовѣріе къ собственнымъ силамъ у крестьянъ и рабочихъ—вотъ что раньше всего бросалось въ глаза серьезному наблюдателю. Но вѣра въ собственныя силы—это едва ли не самое существенное качество для революціонера.

При подобномъ настроеніи народной массы, конечно, никакой опасности для государства не могла представить наша проповѣдь соціальной революціи. А, какъ видно изъ раньше сказаннаго, даже и эта проповѣдь не всегда имѣла мѣсто, такъ какъ большинство ходило въ народъ въ 74 году съ чисто рекогносцировочными цѣлями. Не лучше дѣло стояло въ этомъ отношеніи и по городамъ. Такъ, въ Петербургѣ и Одессѣ даже довольно усердно пропагандировали среди рабочихъ, но результаты этой пропаганды оказались также совершенно ничтожные. Два-три распропагандированныхъ рабочихъ въ замѣну чуть не десятка арестованныхъ интеллигентовъ, конечно, не могло считаться удовлетворительнымъ веденіемъ дѣла, если не страдать тѣмъ заблужденіемъ, будто распропагандированный рабочій цѣннѣе интеллигента.

Не смотря на все это, «Дѣло о пропагандѣ въ 37-ми губерніяхъ» жандармы и прокуроры раздули, и травля приняла невѣроятные размѣры. Тюрьмы наполнились арестован-

ными; за многими гонялись, какъ за звѣрями. Кто не жилъ тогда, тому теперь трудно даже представить, до чего доходило дѣло! Надо было все это видѣть! Производились, скажемъ, аресты гдѣ-либо на Волгѣ, въ Самарѣ или Саратовѣ, — и вотъ при обыскѣ находятъ тамъ у кого-то кіевскій адресъ; тотчасъ телеграфируютъ въ Кіевъ, и кіевскіе жандармы бросаются по указанному адресу. Здѣсь опять во время обыска находятъ адресъ житомірскій или каменецъ-подольскій,— бросаются въ Каменецъ-Подольскъ, Житоміръ и т. д. до безконечности. Погоня распространилась по всей Россіи. Хватали направо, налѣво, правыхъ и виноватыхъ, никого не щадя, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Больной, умирающій, — тащи его! Сажай въ кутузку! Такъ бѣшенная собака въ изступленіи кидается на все, что ей попадается на глаза.

Впрочемъ, надо сказать и то, что политическія дѣла всегда пользовались у насъ самой ужасной репутаціей. Человѣкъ, только подозрѣваемый въ политической неблагонадежности, уже находился въ положеніи зачумленнаго, отъ котораго всѣ бѣжали, даже его родные. Суровая кара постигала не одного его, но и всѣхъ, кто осмѣлился высказать ему свое сочувствіе или даже находился только въ простыхъ сношеніяхъ съ нимъ. Я помню, какъ не смѣли громко произносить даже самое слово «политическій преступникъ», и когда необходимость заставляла касаться этого болѣе чѣмъ щекотливаго вопроса, то дѣлалось это при помощи полусловъ и намековъ. Таковы были россійскіе порядки съ давнихъ временъ и таковыми они остались до нашего времени. Спасать отечество или, что одно и тоже,—самодержавіе отъ врутренняго врага оказалось весьма благодарнымъ занятіемъ, а потому прокуроры и жандармы со страстностью предавались этому дѣлу. На этой почвѣ легко было проявлять рвеніе, а слѣдовательно и получать награды; можно было легко воровать изъ тѣхъ темныхъ суммъ, что ассигновывались на всевозможныя поимки и

шпіонство. А такъ какъ самодержавіе давало тонъ всему, то дѣльцы, которые взяли на себя роль спасителей, вдругъ оказались всесильными людьми въ Россіи. Если среди самого правительства попадались лица, смотрѣвшія не вполнѣ одобрительно на поступки такихъ дѣятелей, какъ Желиховскій и Жихаревъ, то даже они не рѣшались громко высказывать этого, боясь попасть въ немилость царя. Они молчали; и все молчало: общество, пресса, а Желиховскіе и Жихаревы, пользуясь этимъ, съ изумительной наглостью принялись строить свои карьеры на несчастьи другихъ.

Выше я сказалъ, что дѣятельность въ народѣ не привела ни къ какимъ результатамъ, и движеніе 74-го года оказалось, такимъ образомъ, безплоднымъ по отношенію къ той программѣ, которую само себѣ ставило; но за то оно принесло большую пользу тѣмъ, что расколыхало нашу интеллигентную среду. Идя въ народъ, мы, конечно, менѣе всего думали объ этомъ. Мы, интеллигенты, отказывались, такъ сказать, сами отъ себя, отряхали прахъ отъ ногъ своихъ и шли съ тѣмъ, чтобы безповоротно слиться съ народной массой. Это намъ не удалось. Но удалось намъ вызвать то, о чемъ мы совсѣмъ не заботились—сочувствіе среди мыслящихъ слоевъ русскаго общества. Открытый призывъ къ бунту, скажемъ, Войнаральскаго, разъѣзжавшаго по деревнямъ, конечно, не привелъ ни къ какимъ послѣдствіямъ. Крестьяне нигдѣ не возстали и какъ жили раньше, такъ и продолжали жить, мирно заботясь лишь о насущномъ хлѣбѣ. Сомнительно даже, вспоминалъ ли кто-нибудь изъ нихъ потомъ о Войнаральскомъ. Но вся мыслящая Россія, читая «Обвинительный актъ», съ большимъ сочувствіемъ отнеслась къ нему за то, что онъ, не задумываясь, пожертвовалъ своимъ имуществомъ, а въ концѣ концовъ и своей жизнью ради дѣла, которому вѣрилъ. Правительственныя преслѣдованія еще болѣе подняли соціалистовъ въ глазахъ лучшей части нашего общества. Мало

по малу завязывалась борьба русской интеллигенціи съ самодержавнымъ строемъ. Съ этой точки зрѣнія движеніе 74-го года имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ именно въ 74-мъ году затянулся тотъ узелъ, котораго и до сихъ поръ еще не развязали.

Вопросъ этотъ, впрочемъ, слишкомъ обширный и къ нему мнѣ придется не разъ возвращаться. Теперь же ворочусь къ своимъ воспоминаніямъ.

И за мной тоже гонялись, какъ за волкомъ. Моихъ родителей, жившихъ въ С. Лукѣ, стали осаждать жандармы, подвергать обыскамъ, допросамъ. Взяли подписку о невыѣздѣ изъ деревни у отца, матери, брата. Зачѣмъ это нужно было? Неужели для того, чтобы предупредить побѣгъ старухи-матери или семидесятилѣтняго отца, къ тому же пенсіонера? Нѣтъ. Просто надо было притѣснить людей. Все, что было гнуснаго въ нашей деревнѣ, способнаго къ доносамъ, вдругъ получило значеніе и силу. Началось слѣженіе и подсматриваніе за нашимъ домомъ. Сельскій попъ, сухое костлявое существо съ крючковатымъ носомъ, похожее больше на барышника-цыгана, чѣмъ на попа, леталъ съ доносами къ становому приставу: то онъ видѣлъ меня на хуторѣ, то гдѣ-то въ сосѣднемъ лѣсу. Всюду гонялись за моей тѣнью. Моя личность рѣшительно покоя не давала этимъ милымъ моимъ соотечественникамъ. Имъ хотѣлось меня поймать. Хотѣлось награды. Но, конечно, меня нигдѣ не находили, такъ какъ я въ это время бѣжалъ и бѣжалъ безъ конца.

Бѣжали мы съ Ходько прежде всего, какъ я уже разсказывалъ, за границу. Миновали Львовъ, Краковъ, Вѣну, Мюнхенъ; переѣхали благополучно Баденское озеро; но здѣсь, въ швейцарскомъ пограничномъ городкѣ, у насъ произошло непріятное столкновеніе.

— «Haben sie Pass?» спросилъ меня одинъ изъ пограничныхъ жандармовъ.

— «Kein Pass ich habe»... отвѣтилъ я.

— «Warum?»

И сталъ онъ толковать о томъ, что при переѣздѣ черезъ границу всякій долженъ имѣть паспортъ.

— «Ich weisse nicht deutsch sprechen», замѣтилъ я ему.

Жандармъ даже разсердился, услышавъ это, предполагая, должно быть, что я притворяюсь незнающимъ языка.

— «Kein Pass ich habe»... твердилъ я между тѣмъ одну и ту же фразу нѣсколько разъ. Ходько молчалъ.

Вскорѣ къ намъ подошелъ второй жандармъ. Посовѣтовавшись между собою, одинъ изъ нихъ вытащилъ записную книжку и принялся разспрашивать насъ откуда и куда мы ѣдемъ. Имѣя въ виду скорое возвращеніе въ Россію, намъ не хотѣлось объявлять себя русскими—мы боялись, чтобы насъ не прослѣдили. И потому кое-какъ на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ я объяснилъ жандарму, что мы поляки и ѣдемъ изъ Галиціи. Свѣдѣнія эти еще больше заинтриговали жандармовъ; они принялись еще подробнѣе разспрашивать наши имена, фамиліи и проч. На всѣ детали я отвѣчалъ, конечно, вполнѣ детальной ложью, а онъ все это записалъ въ свою книжечку. Но вотъ, наконецъ, поѣздъ готовъ; мы вскочили зъ вагонъ; жандармы тоже сѣли въ сосѣдній вагонъ, и поѣздъ двинулся. Во время пути мы размышляли и разсуждали о случившейся исторіи и не знали, чѣмъ ее объяснить. Только потомъ все намъ выяснилось. Оказалось, что около этого времени швейцарскія власти поймали поддѣльныя ассигнаціи (кажется французскія), и полиція разыскивала нѣсколько человѣкъ поляковъ, скомпрометированныхъ по этому дѣлу. Когда же мы въ Романсгорнѣ назвались поляками, то жандармы приняли насъ, очевидно, за разыскиваемыхъ: но потомъ, должно быть, прослѣдивши и убѣдившись въ нашей невинности, оставили насъ въ покоѣ.

Мы пріѣхали въ Женеву и тамъ прожили около мѣсяца. Здѣсь мы застали Мышкина, недавно передъ тѣмъ бѣжавшаго

изъ Москвы, гдѣ была арестована его типографія. Я упоминалъ уже раньше, что въ этой типографіи Мышкинъ перепечатывалъ народническія брошюры и отсылалъ ихъ главнымъ образомъ на Волгу, гдѣ должны были (кружокъ Ковалика и Войнаральскаго) распространять ихъ среди крестьянъ. Но много ли удалось распространить тогда этихъ брошюръ и имѣло ли, наконецъ, это распространеніе революціонныя слѣдствія—сказать не могу. Думаю, однако, что и это предпріятіе постигла неудача, подобно другимъ дѣламъ 74-го года.

Мышкинъ производилъ впечатлѣніе человѣка весьма энергичнаго и живого. Всѣ его движенія были быстры; онъ скоро говорилъ; его небольшіе, черные глаза ярко блестѣли. Мы—я и бакунистъ Р., о которомъ я вспоминалъ, разсказывая о своей первой поѣздкѣ—довольно близко познакомились тогда съ нимъ и такъ какъ, подобно намъ, онъ собирался скоро возвратиться въ Россію, то мы условились съ нимъ вмѣстѣ работать. И у него, какъ и у насъ, благодаря повальнымъ арестамъ, связи въ Россіи были утеряны.

При первомъ же знакомствѣ съ нимъ бросалась въ глаза его необыкновенная прямота. Я нахожу, что это была основная черта его характера. Казалось, онъ совершенно не былъ способенъ скрывать свои чувства. Такъ, помню, однажды въ присутствіи большой компаніи онъ рѣзко и даже грубо высказалъ свою антипатію и недовѣріе къ Т., находящемуся тутъ же среди насъ. Передъ его отъѣздомъ въ Россію, мы условились съ нимъ относительно шифра и обмѣнялись адресами. Но послѣ того мнѣ не довелось его встрѣчать. По возвращеніи въ Россію, онъ вскорѣ задумалъ освобожденіе Чернышевскаго, жившаго въ ссылкѣ въ Вилюйскѣ Якутской Области, и съ этой цѣлью отправился въ Сибирь. Переодѣвшись жандармскимъ офицеромъ и запасшись нужными документами, онъ пріѣхалъ въ Вилюйскъ и потребовалъ отъ мѣстнаго исправника выдачи Чернышевскаго, котораго якобы по приказу выс-

шаго начальства надо было куда то отвезти. Но исправникъ отнесся къ требованію съ недовѣріемъ и пожелалъ имѣть приказъ отъ мѣстнаго (якутскаго) губернатора, чего у Мышкина не оказалось. Почему закралось подозрѣніе у исправника— сказать не умѣю. Одно время ходили слухи, будто Мышкинъ надѣлъ аксельбантъ не на то плечо, на которомъ полагается носить жандармамъ. Но вѣрно ли это—неизвѣстно. Мнѣ же разсказывалъ одинъ бывшій ссыльный, которому довелось жить нѣкоторое время въ Вилюйскѣ (когда тамъ Чернышевскаго уже не было), что за Мышкинымъ, когда онъ тамъ появился сначала наблюдали просто изъ любопытства и будто одинъ казакъ, подсматривая вечеромъ въ окно къ нему, замѣтилъ что то подозрительное и донесъ исправнику. Какъ бы тамъ ни было, но Мышкину ничего другого не оставалось, какъ убираться изъ Вилюйска. Подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ рѣшилъ лично отправиться къ якутскому губернатору, чтобы добыть отъ него приказъ о выдачѣ Чернышевскаго, Мышкинъ выѣхалъ изъ Вилюйска. Однако исправникъ не отпустилъ его одного, а далъ ему въ провожатые двухъ казаковъ. По дорогѣ Мышкинъ стрѣлялъ по своимъ провожатымъ и бѣжалъ въ тайгу. Но спустя нѣкоторое время былъ пойманъ и, арестованный, перевезенъ въ Европейскую Россію. Просидѣвъ около трехъ лѣтъ въ одиночкѣ, преимущественно въ Петро-Павловской крѣпости, онъ потомъ былъ однимъ изъ главныхъ обвиняемыхъ по дѣлу 193-хъ.

Не совершивши ничего, или почти ничего, въ направленіи своей программы (революціоннаго народничества) Ипполитъ Мышкинъ, тѣмъ не менѣе, долженъ быть поставленъ на ряду съ наиболѣе выдающимися дѣятелями движенія. Въ нашемъ революціонномъ движеніи поведеніе подсудимыхъ при слѣдствіи и въ особенности на судѣ имѣло такое же общественное значеніе, а часто даже и несравненно большее, чѣмъ

самая ихъ дѣятельность. Свою нравственную силу человѣкъ этотъ и показалъ именно на судѣ.

Рѣчь его передъ судомъ, прерываемая первоприсутствующимъ множество разъ, представляетъ собою блестящую страницу въ исторіи нашего революціоннаго движенія.

Когда онъ заявилъ суду о незаконности мѣръ, принятыхъ противъ него во время предварительнаго дознанія, а именно о томъ, какъ его заковывали въ кандалы и не дозволяли носить чулокъ подъ кандалами, несмотря на то, что на его ногахъ образовались язвы, первоприсутствующій отвѣтилъ· «Эти мѣры были приняты противъ васъ на дознаніи; особому присутствію не подлежитъ разсмотрѣніе дѣйствій лицъ, принимавшихъ эти мѣры.

Мышкинъ. И такъ насъ могутъ пытать, мучить, а мы не только не можемъ искать правды—конечно, я не настолько наивенъ, чтобы искать правды отъ суда и различныхъ властей,—но насъ лишаютъ даже возможности довести до свѣдѣнія общества, что на Руси обращаются съ государственными преступниками хуже, чѣмъ турки съ христіанами.

Первоприсутствующій. О какихъ такихъ пыткахъ говорите вы?

Мышкинъ. Да, я смѣло могу сказать, что насъ подвергаютъ пыткамъ. Я указалъ на кандалы, но это пустяки въ сравненіи съ другими, которыя принимались для вымучиванія отъ насъ показаній. Напримѣръ, я въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ лишенъ былъ права чтенія какихъ бы то ни было книгъ, даже духовнаго содержанія, даже Евангелія, и жандармскій офицеръ открыто говорилъ мнѣ, что какъ только я дамъ требуемыя показанія относительно предполагаемыхъ моихъ соучастниковъ, то мнѣ немедленно позволятъ имѣть книги, журналы, газеты.

Первоприсутствующій. Ваше заявленіе опять таки голословно.

Мышкинъ. Я подавалъ нѣсколько жалобъ на это беззаконніе, но онѣ почему-то не приложены къ дѣлу, а спрятаны подъ зеленое сукно. Сидѣть въ одиночномъ заключеніи безъ всякихъ книгъ — это очень тяжелая, очень сильная пытка. Въ виду такихъ мѣръ, можно ли удивляться, что въ нашей средѣ оказался такой громадный процентъ смертности и сумасшествія. Да, многіе, очень многіе изъ нашихъ товарищей сошли уже въ могилу, не дождавшись суда.

Первоприсутствующій. Теперь не время и не зачѣмъ заявлять объ этомъ.

Мышкинъ. Неужели мы цѣною продолжительной каторги, которая ждетъ насъ, не купили себѣ даже права заявить на судѣ о тѣхъ насиліяхъ, — насиліяхъ нравственныхъ и физическихъ,—которымъ подвергали насъ? На каждомъ словѣ объ этомъ намъ зажимаютъ ротъ!

Первоприсутствующій. Тѣмъ не менѣе вы высказали все, что хотѣли.

Мышкинъ. Нѣтъ, это еще не все, а если позволите, я кончу.

Первоприсутствующій. Нѣтъ, теперь этого не могу дозволить.

Мышкинъ. Въ такомъ случаѣ, послѣ всѣхъ многочисленныхъ перерывовъ, которыхъ я удостоился со стороны первоприсутствующаго, мнѣ остается сдѣлать одно, вѣроятно, послѣднее заявленіе. Теперь я окончательно убѣдился въ справедливости мнѣнія моихъ товарищей, заранѣе отказавшихся отъ всякихъ объясненій на судѣ, — того мнѣнія, что не смотря на отсутствіе гласности, намъ не дадутъ возможности выяснить истинный характеръ дѣла. Теперь для всѣхъ очевидно, что здѣсь не можетъ раздаваться правдивая рѣчь, что здѣсь на каждомъ откровенномъ словѣ зажимаютъ ротъ подсудимому. Теперь я могу, я имѣю полное право сказать, что это не судъ, а пустая комедія... или нѣчто худшее, болѣе отвратительное,

позорное... болѣе позорное (первоприсутствующій кричитъ: уведите его!.. Жандармскій офицеръ бросается на Мышкина. Послѣ нѣкоторой борьбы съ подсудимыми, защищавшими Мышкина, офицеръ схватываетъ послѣдняго и зажимаетъ ему ротъ рукою). Но Мышкинъ кричитъ: Болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества!

Е. Лазаревъ, бывшій на этомъ засѣданіи суда тоже въ качествѣ обвиняемаго (теперь онъ находится въ Лондонѣ), разсказывалъ мнѣ, что послѣднія слова Мышкинъ прокричалъ глухимъ, задавленнымъ голосомъ, уже въ то мгновеніе, когда его тащили изъ залы суда, и жандармскій офицеръ все время зажималъ ему ротъ своею рукою. Эта сцена произвела на присутствующихъ потрясающее впечатлѣніе. Въ залѣ раздались рыданія и крики. Публика заволновалась; всѣ защитники вскочили со своихъ мѣстъ; судьи и прокуроръ поднялись. Нѣкоторые изъ подсудимыхъ принялись грубо ругать судей. Жандармы схватили ихъ и выволокли изъ залы суда вслѣдъ за Мышкинымъ.

Мышкинъ приговоренъ былъ къ 10-ти годамъ каторги и отвезенъ въ харьковскую централку.

Послѣдующая жизнь по тюрьмамъ этого замѣчательнаго человѣка состояла изъ ряда столкновеній съ властями и сплошного протеста. Переведенный изъ харьковской централки на Кару (Забайкальской области), онъ оттуда бѣжалъ и ему удалось добраться уже до Владивостока, но тамъ былъ пойманъ и переведенъ изъ Сибири обратно въ Европейскую Россію, въ этотъ разъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ, по слухамъ, былъ наконецъ разстрѣлянъ или повѣшенъ за пощечину, данную имъ какому-то изъ своихъ тюремщиковъ.

Но возвращаюсь къ прерванному разсказу. Итакъ, Мышкинъ уѣхалъ изъ Женевы прямо въ Россію. Ходько, Р. и я отправились въ Румынію, откуда Ходько тоже перебрался въ Россію. Я же раньше, чѣмъ воротиться въ Россію, задумалъ поискать мѣсто возлѣ австро-русской границы для устройства революціоннаго притона на подобіе бакунинскаго притона въ Локарно, о которомъ я разсказывалъ въ своемъ мѣстѣ, и съ этой цѣлью выѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Яссъ въ Черновцы (городъ въ Буковинѣ). Здѣсь, нанявши крестьянскую телѣгу, отправился на лошадяхъ вдоль русской границы. Притонъ долженъ былъ служить какъ для склада и перевозки контрабандой заграничныхъ изданій, такъ, въ случаѣ надобности, и для оружія. Предполагалось купить домъ съ кускомъ земли, корчму, либо мельницу, въ которой долженъ былъ поселиться свой человѣкъ; для подобной покупки имѣлись въ виду деньги. Понятно, что притонъ возможнѣе и безопаснѣе было устроить на австрійской сторонѣ, чѣмъ на русской. Но моя поѣздка на лошадяхъ по Буковинѣ и Галиціи не принесла въ этомъ отношеніи результатовъ. На мои разспросы не продается ли гдѣ-либо кусокъ земли или мельница, я получалъ, какъ и слѣдовало ожидать, только неопредѣленные отвѣты въ такомъ родѣ, что можетъ быть и продается, но надо еще спросить, да надо узнать... Словомъ, для розысканія подобнаго мѣста надо было пожертвовать больше времени. Проѣздомъ же, мимоходомъ, точныхъ свѣдѣній собрать нельзя было. А между тѣмъ я торопился со своимъ отъѣздомъ въ Россію. Поэтому, описавши довольно большой кругъ по селамъ, я подъѣхалъ опять къ желѣзной дорогѣ и, сѣвши въ поѣздъ, направился во Львовъ.

Но если моя поѣздка не принесла прямыхъ результатовъ для того дѣла, ради котораго предпринималась, то она оказалась полезной въ другомъ отношеніи. Населеніе Буковины и Галиціи—тѣ же украинцы, что и у насъ въ Подольской или Кіевской губерніяхъ, и весьма интересно было сдѣлать срав-

ненiе между ними. Любопытно было послушать, о чемъ толкуютъ здѣсь люди, чего ожидаютъ, къ чему стремятся. Хотѣлось хоть въ общихъ чертахъ сравнить мiровоззрѣнiе этихъ украинцевъ съ нашими. И вотъ, и здѣсь я тоже натолкнулся на вѣру въ царя. О земельныхъ идеалахъ крестьянъ Буковины и Галицiи мнѣ пришлось мало слышать, и я не рѣшаюсь дѣлать своихъ выводовъ по этому вопросу; но о русскомъ царѣ я услыхалъ почти столько же здѣсь, какъ и въ Кiевской губернiи. Тоже противоположенiе царя, какъ друга крестьянъ, помѣщикамъ. Разница была лишь та, что здѣсь оказывалось цѣлыхъ два царя вмѣсто одного. «Нема якъ царь московскiй, та нашъ кесарь!» восклицали крестьяне. Иногда русскаго царя называли «бѣлымъ» царемъ, и на этого «бѣлаго» царя большiя надежды возлагались бѣдными галичанами. Царь вмѣстѣ съ кесаремъ какъ-то должны были защищать ихъ отъ помѣщичьяго грабежа. Но любопытно было то, что нашъ царь стоялъ все таки на первомъ мѣстѣ. Фигура кесаря явно блѣднѣла въ представленiи крестьянъ по сравненiю съ нашимъ самодержцемъ. Раньше какъ-то мнѣ приходилось, жить среди чеховъ (вблизи города Колина), потомъ среди болгаръ; я много видѣлъ сербовъ... И всюду, всюду я слыхалъ о русскомъ царѣ, который являлся такимъ образомъ настоящимъ политическимъ идеаломъ славянскихъ народовъ. Правда, этотъ воображаемый царь не вполнѣ походилъ на дѣйствительнаго, но тѣмъ не менѣе, вездѣ у всѣхъ онъ сохранялъ свой существенный аттрибутъ — самодержавiе. Справедливый но строгiй; сильный, но милостивый. Другъ простого народа и врагъ помѣщиковъ. Если гдѣ помѣщиковъ не было, какъ, напримѣръ, у болгаръ, тамъ онъ являлся врагомъ турокъ, притѣснителей болгаръ. У чеховъ онъ былъ заклятымъ врагомъ нѣмцевъ. Отъ чеховъ я не слыхалъ восторженныхъ отзывовъ о кесарѣ, подобно тому, какъ отъ галичанъ.

Добравшись до Львова, я отправился въ Броды, гдѣ при

помощи контрабандиста досталъ австрійскій паспортъ на имя одного поляка и благополучно переѣхалъ русскую границу. Помню, въѣзжая въ Россію, я имѣлъ въ ту минуту всего на всего какихъ-нибудь два адреса. Связи почти всѣ были утеряны; товарищи арестованы и сидѣли по тюрьмамъ, кто въ Кіевѣ, кто въ Петербургѣ или Одессѣ. Уцѣлѣвшихъ отъ погрома оставалось весьма немного, и въ числѣ ихъ былъ Яковъ Стефановичъ, съ которымъ мы ходили въ народъ и котораго я теперь долженъ былъ розыскать; но гдѣ онъ находился и при посредствѣ кого его можно было розыскать— я не зналъ. Раньше всего, однако, я рѣшилъ видѣться съ Ходько и съ этой цѣлью направился въ одно мѣстечко Подольской губерніи, гдѣ онъ тогда скрывался.

Встрѣча съ нимъ произвела на меня удручающее впечатлѣніе. За это время, какъ мы разстались съ нимъ въ Яссахъ, онъ сильно перемѣнился: исхудалъ, задыхался, кашлялъ. Онъ мнѣ разсказалъ, какъ ему пришлось съ контрабандистомъ вплавь перебираться черезъ рѣку Прутъ, по которой плыли льдины, такъ что онъ порѣзалъ даже себѣ руки (насколько помнится, былъ конецъ октября), какъ послѣ этого онъ сразу заболѣлъ. Болѣзнь была опасная, и въ будущемъ на него, очевидно, уже нельзя было разсчитывать; его жизнь была кончена.

Кому, однако, эта жизнь мѣшала, и какія преступленія совершилъ этотъ человѣкъ, что за нимъ гонялись съ такимъ остервенѣніемъ? Ивана Михайловича Ходько я зналъ, когда онъ былъ еще мальчикомъ. Я былъ въ седьмомъ классѣ каменецъ-подольской гимназіи, когда онъ былъ только въ третьемъ. Уже тогда онъ обращалъ на себя вниманіе своимъ остроуміемъ и смѣлыми выходками. Какъ и слѣдовало ожидать, въ Каменцѣ, при тогдашнихъ «обрусительныхъ» порядкахъ, когда дисциплина въ гимназіи доведена была до того уровня, на какомъ она стоитъ въ арестантскихъ ротахъ, Ходько, съ его живымъ нравомъ, не могъ удержаться долго.

Выгнали ли его, или онъ самъ уволился — не знаю, такъ какъ это случилось уже не при мнѣ, а года три спустя; какъ бы тамъ ни было, но вскорѣ послѣ того онъ выдержалъ вступительный экзаменъ при нѣжинскомъ лицеѣ и перевелся въ кіевскій университетъ по юридическому факультету. Въ 1872 году онъ былъ уже на третьемъ курсѣ, когда присоединился къ нашему американскому кружку. Вскорѣ, подобно многимъ изъ насъ, онъ выѣхалъ за границу. Я вспоминалъ о немъ при описаніи своей заграничной поѣздки. Воротившись изъ Швейцаріи въ Россію въ 73-мъ году, Ходько выхлопоталъ себѣ мѣсто сельскаго учителя въ борзенскомъ земствѣ, Черниговской губ., и тамъ на мѣстѣ оставался до той поры, пока не былъ вынужденъ бѣжать. За какія дѣла жандармы рѣшили арестовать Ходько—трудно даже сказать. Мы, по крайней мѣрѣ, хоть по деревнямъ бродили съ фальшивыми паспортами; но за Ходько и этого преступленія не было. Онъ стоялъ на легальной почвѣ. Какъ близкій его товарищъ, я зналъ всѣ его дѣла. Онъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы вести пропаганду соціализма среди крестьянскихъ дѣтей; не пропагандировалъ онъ и среди взрослыхъ крестьянъ, такъ какъ не успѣлъ еще осмотрѣться въ новой обстановкѣ. Преступленіе его состояло, повидимому, лишь въ томъ, что онъ, бывшій студентъ, поступилъ въ сельскіе учителя (въ глазахъ жандармовъ это являлось большой уликой), особенно же въ учителя Борзенскаго уѣзда, гдѣ на учительскихъ мѣстахъ размѣщался въ это время кружокъ пропагандистовъ—Жебуневыхъ, Каца и др., о «преступной» дѣятельности которыхъ жандармы знали вслѣдствіе доноса учителя Трудницкаго. Было подозрѣніе, что Ходько находился въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ кружкомъ Жабуневыхъ, хотя это совершенно было невѣрно. «Зачѣмъ же Ходько бѣжалъ, не будучи ни въ чемъ серьезно замѣшанъ?» спросятъ, быть можетъ, меня. А бѣжалъ онъ потому, что въ нашу тюрьму

входъ былъ очень широкъ, а выходъ узокъ. Зналъ это онъ, знали это и мы всѣ. По одному «подозрѣнію» рѣшили его арестовать и «по подозрѣнію» могли продержать его нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, какъ держали очень многихъ. Тюремное заключеніе для Ходько — слабаго грудью — конечно, оказалось бы болѣе вреднымъ даже октябрьскаго купанія въ рѣкѣ Прутъ, и, попавши въ тюрьму, онъ, вѣроятно, умеръ бы нѣсколькими годами раньше.

Интересно то, что по истеченіи двухъ лѣтъ, когда въ Петербургѣ домъ предварительнаго заключенія былъ уже наполненъ привлеченными къ дознанію, когда алчность жандармовъ была нѣсколько удовлетворена и новые аресты совершались осмотрительнѣе,—интересно то, что Ходько въ это время, измученный нелегальной жизнью и матерьяльной нуждой до послѣдней степени, пересталъ прятаться и сталъ жить открыто въ Кіевѣ подъ своей фамиліей; тогда жандармы произвели у него обыскъ, сняли нѣсколько показаній и оставили подъ надзоромъ. Въ этомъ положеніи Ходько дожилъ до временъ генералъ-губернаторствъ, т. е. когда послѣ покушенія Соловьева на жизнь царя, генералъ-губернаторамъ дана была власть распоряжаться жизнью русско-подданныхъ. Въ 1879 году при кіевскомъ генералъ губернаторѣ Чертковѣ Ходько былъ арестованъ и сосланъ административнымъ порядкомъ, кажется, въ Астраханскую губ., гдѣ онъ и умеръ въ началѣ 80-ыхъ годовъ. Такова въ нѣсколькихъ строкахъ его біографія. Это былъ умный и добрый, почти нѣжнаго сердца человѣкъ, тщательно, однако, скрывавшій отъ всѣхъ свою доброту и желавшій всегда казаться суровымъ, подобно Люпусу въ романѣ Виктора Гюго, за что мы и прозвали его Люпусомъ. Вся преступность этого человѣка состояла въ томъ, что онъ былъ проникнутъ глубокимъ желаніемъ быть сколько-нибудь полезнымъ для народа, и за это преслѣдовало его правительство до самой смерти.

Послѣ свиданія съ больнымъ Ходько, проживавшимъ въ

одномъ мѣстечкѣ Каменецъ-Подольской губ., я уѣхалъ въ Кіевъ. По пріѣздѣ туда начались мои нескончаемыя скитанія по чужимъ квартирамъ, которыхъ, даже если бъ я и желалъ, не въ состояніи теперь припомнить и половины. Я ночевалъ то у знакомыхъ и пріятелей, то у мало знакомыхъ, то, наконецъ, у совершенно незнакомыхъ мнѣ людей, куда приходилъ, по указанію, конечно, по вечерамъ, чтобы никто не видѣлъ, и откуда уходилъ на другой день утромъ. Полиція меня розыскивала и никто не рѣшался держать меня долгое время въ своей квартирѣ. Кто самъ не испыталъ подобныхъ скитаній, тому никогда не понять того тягостнаго чувства, которое при этомъ овладѣваетъ, въ концѣ-концовъ, человѣкомъ. День за днемъ мѣняются дома, комнаты, лица, съ ихъ дневными интересами. Сегодня слышишь объ одномъ, завтра о другомъ, а тамъ о третьемъ. И нѣтъ никакой логической связи, ничего общаго между первымъ, вторымъ и третьимъ. Возможности нѣтъ войти въ интересы окружающей жизни, даже еслибы и хотѣлъ, такъ какъ въ сущности наблюдаешь лишь жалкіе обрывки этой жизни. Сколько-нибудь систематическое чтеніе тоже невозможно; шляясь по чужимъ квартирамъ приходится читать сегодня одно, а завтра другое, смотря по тому, какая книга попадается въ руки. И опять-таки очень часто нѣтъ ничего общаго между вчерашнимъ и сегодняшнимъ чтеніемъ. Опять въ результатѣ ничтожные обрывки. И такъ отъ утра до вечера и отъ вечера до утра... Проходятъ дни, недѣли, а иногда мѣсяцы. Точно вѣчный жидъ, блуждаешь изъ дома въ домъ. Надо обладать по истинѣ желѣзными нервами, чтобы все это переварить. Я помню, покойный Лермонтовъ (умершій въ тюрьмѣ) жаловался мнѣ както, что у него появилась даже желтуха одно время отъ нелегальной жизни.

Фальшивый паспортъ выводитъ изъ этого несноснаго положенія просто и легко: по фальшивому паспорту нанимаешь

квартиру и живешь въ ней полнымъ хозяиномъ, какъ и прочіе обыватели. Къ несчастію, въ это время у меня не было фальшиваго паспорта; сдѣлать же самъ я не могъ, такъ какъ тогда еще не умѣлъ рѣзать печатей; зналъ я только вытравливать чернила при помощи хлорной извести (у насъ это называлось «мыть паспорта»). Но для этого надо было имѣть какой-нибудь старый паспортъ, а у меня не было никакого. Мои собственные документы, передъ побѣгомъ за границу, я передалъ Ходько, который отдалъ ихъ тогда же на сохраненіе одному своему пріятелю, жившему въ Кіевѣ. Теперь, рѣшивши ими воспользоваться, т. е. вымыть ихъ и передѣлать на другую фамилію, я отправился къ этому лицу. Явившись къ нему, я не назвалъ себя сразу по фамиліи, благодаря чему, можетъ быть, у меня съ нимъ произошелъ слѣдующій курьезный разговоръ.

— «Вашъ адресъ далъ мнѣ Ходько», сказалъ я ему, чтобы внушить къ себѣ довѣріе.

— «Ходько вѣдь за границей», замѣтилъ онъ.

— «Да, былъ за границей, но теперь онъ находится тамъ-то» — я назвалъ мѣстечко, гдѣ жилъ Ходько. Будьте добры, передайте мнѣ документы, оставленные у васъ.

— «Какіе документы?».

— «Тѣ, которые Ходько вамъ передалъ на сохраненіе передъ своимъ отъѣздомъ за границу».

Собесѣдникъ мой помолчалъ нѣсколько мгновеній, видимо колеблясь, и потомъ замѣтилъ: «Если Ходько у меня что оставилъ, то пусть самъ и возьметъ».

— «Но Ходько это сдѣлалъ по моей же просьбѣ; это мои собственные документы».

— «Ваши собственные?!..» воскликнулъ онъ съ удивленіемъ и окинулъ меня взглядомъ.

— «Ну-да!» И тутъ только я назвалъ себя.

Тогда онъ опять взглянулъ на меня, въ этотъ разъ уже

совершенно нахально и внезапно захохоталъ. «Потѣшный вы человѣкъ!.. Ха ха! Вы, говорите, Мокріевичъ?! А я слыхалъ, что Мокріевичъ давнымъ-давно за границей».

— «Дѣйствительно, вмѣстѣ съ Ходько я ѣздилъ за границу, но мы оба вернулись» ..

— «Знаете ли что, оставимъ лучше этотъ разговоръ», вдругъ прервалъ онъ меня серьезно. «Никакихъ документовъ у меня нѣтъ. Оставимъ этотъ странный разговоръ».

Такъ своихъ собственныхъ документовъ я и не получилъ и принужденъ былъ уйти ни съ чѣмъ.

Сноситься письменно съ Ходько по этому вопросу мнѣ представлялось рискованнымъ, такъ какъ распечатываніе писемъ практиковалось жандармами въ это время въ огромныхъ размѣрахъ и, слѣдовательно, можно было попасться; и, такимъ образомъ, оказалось пока невозможнымъ устроиться съ фальшивымъ паспортомъ. И вотъ опять потянулись дни скитанія по чужимъ квартирамъ. Если бы было лѣто, можно было бы пользоваться ботаническимъ садомъ или Байковой рощей, находившейся за городомъ; но это было зимой, когда теплый уголъ является самой насущной потребностью.

Какъ окончились бы мои скитанія въ этотъ разъ—не трудно догадаться, если бы на помощь мнѣ не явился Тетельманъ.

Тетельмана я не зналъ раньше. Онъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Кіевъ спеціально съ той цѣлью, чтобы организовать помощь заключеннымъ, содержавшимся въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ. Нечего и говорить, что дѣло это было весьма полезное и даже необходимое, такъ какъ въ кіевской тюрьмѣ положеніе заключенныхъ было весьма плохое. Тетельманъ закупалъ съѣстные припасы и одежду и передавалъ въ тюрьму. Деньги для этого онъ собиралъ среди знакомыхъ. Разъ прибѣгъ онъ къ устройству вечеринки въ пользу заключенныхъ, но этотъ способъ доставанія денегъ, часто практи-

ковавшійся на сѣверѣ, на югѣ у насъ оказался мало удачнымъ. Очень вѣроятно, впрочемъ, что и въ Кіевѣ вечеринка принесла бы извѣстную выгоду, если бы не явились тогда противники, ополчившіеся противъ вечеринки. Распустили между прочимъ слухъ, будто вечеринка эта устраивается чуть ли не самими жандармами съ тою цѣлью, чтобы намѣтить всѣхъ сочувствующихъ и потомъ переарестовать. Понятно, что при существованіи подобныхъ слуховъ на вечеринку никто не пришелъ. Обвиняли также Тетельмана за то, что онъ будто громко разсказывалъ всѣмъ о цѣли вечеринки. Правда, поведеніе Тетельмана вообще не отличалось большой конспиративностью: дѣла онъ велъ такъ, что полиція могла легко узнать все. Но дѣло было, какъ мнѣ кажется, совсѣмъ не въ этомъ. Если бы Тетельманъ предпринялъ свою вечеринку, обставивши ее всевозможными конспираціями, тогда, конечно, тѣ же самые противники обвинили бы его въ томъ, что онъ устраиваетъ вечеринку для какихъ-то неизвѣстныхъ имъ цѣлей. (А кто же согласится давать деньги неизвѣстно на что?). Словомъ, противники принадлежали къ числу тѣхъ, которые никогда ничего не дѣлали и ничѣмъ не жертвовали, а знали только разговаривать. Какъ бы тамъ ни было—хорошо или дурно была организована помощь кіевскимъ заключеннымъ – но организована она была все-таки Тетельманомъ и никѣмъ другимъ.

Мнѣ и Стефановичу, вскорѣ прибывшему въ Кіевъ, Тетельманъ тоже оказалъ неоцѣнимую помощь. Я называю его помощь неоцѣнимой, такъ какъ она явилась въ самую критическую минуту. Выше я сообщилъ о своихъ скитаніяхъ по Кіеву безъ паспорта и безъ денегъ; въ подобномъ же положеніи находился и Стефановичъ. Тетельманъ насъ пріютилъ, далъ намъ возможность устроиться.

Въ то время въ Кіевѣ, кромѣ меня и Стефановича, не было никого изъ старыхъ товарищей. Е. Брешковская сидѣла въ кіевской тюрьмѣ, если мнѣ память не измѣняетъ, подъ

именемъ Феклы Косой, и упорно отказывалась назвать себя. Судзиловскій бѣжалъ за границу. Сергѣя Ковалика возили жандармы изъ города въ городъ, изъ одной тюрьмы въ другую, всюду уличая его въ устройствѣ кружковъ. Отъ кружка кіевскихъ «чайковцевъ» не осталось и слѣда: Лурье сидѣлъ въ тюрьмѣ, другіе попрятались по разнымъ угламъ и собирались эмигрировать за границу. И въ самомъ дѣлѣ, Аксельродъ и два брата Левенталя скоро бѣжали за границу. Ларіоновъ же съ Гориновичемъ, арестованные тоже и посаженные въ кіевскую тюрьму, выдавали въ это время всѣхъ, кого знали. Въ общемъ положеніе дѣлъ было крайне плохо; но мы въ ту минуту и не думали унывать. Революціонное народничество, видимо, еще не окончило своей исторической миссіи, и энергія насъ не покидала въ эту критическую минуту. Болѣе того, можно даже сказать, что мы чувствовали себя энергичнѣе прежняго. Помню, въ это время я познакомился въ Кіевѣ съ Гессей Гельфманъ. Она работала въ одной швейной мастерской, устроенной на ассоціаціонныхъ началахъ. Гельфманъ показалась мнѣ весьма молчаливой, скромной дѣвушкой. Спустя около года времени, она была арестована за сношенія съ кружкомъ такъ называемыхъ «москвичекъ» (Бардина, Фигнеръ, Субботины). Послѣдующая ея исторія извѣстна: она судилась въ 1881 году по процессу «цареубійцъ» и, приговоренная сначала къ смерти, а потомъ на вѣчную каторгу, умерла въ тюрьмѣ.

Мы со Стефановичемъ рѣшили уѣхать изъ Кіева въ Одессу, гдѣ насъ менѣе знали и, слѣдовательно, легче намъ было скрываться. Мы разстались съ Тетельманомъ и, съ тѣхъ поръ, я больше съ нимъ не встрѣчался. Скоро онъ былъ арестованъ. Слабый организмъ его быстро расшатался въ одиночномъ заключеніи: онъ заболѣлъ. Когда положеніе его стало безнадежнымъ, его выпустили на свободу, и онъ вскорѣ послѣ того умеръ. Бѣдный Тетельманъ!.. Я его точно сейчасъ вижу передъ собой. Вотъ онъ маленькій, худенькій стоитъ, присло-

нившись къ теплой печкѣ съ заложенными за спину руками, и говоритъ о чемъ-то. Это была его обыкновенная поза. Онъ любилъ много говорить: сколько, бывало, ни слушаешь—никогда не переслушаешь его.

ГЛАВА XI.

Нашъ кружокъ и наша программа. Чигиринскія волненія. Знакомство съ чигиринцами.

Перебравшись въ Одессу, мы съ Стефановичемъ занялись организаціей кружка. Но умудренные опытомъ, теперь мы были осторожны въ привлеченіи лицъ. Лучшимъ элементомъ для кружка мы считали нелегальныхъ, т. е. скомпрометированныхъ и скрывавшихся, такъ какъ отъ подобныхъ лицъ съ большимъ основаніемъ можно было ожидать конспиративной выдержки и полной готовности къ дѣлу. Основаніе нашему кружку и было положено четырьмя нелегальными, кромѣ Стефановича и меня—остальныхъ двухъ я назову изъ предосторожности буквами Б. и К., такъ какъ мнѣ неизвѣстно, было ли открыто жандармами впослѣдствіи ихъ участіе въ нашемъ кружкѣ или нѣтъ. Кромѣ этихъ четырехъ присоединились къ кружку еще человѣка четыре, между которыми былъ Викторъ Малинка. Остальныхъ лицъ я тоже не стану называть, такъ какъ, спустя нѣкоторое время, они отстали отъ кружка: одни изъ нихъ совершенно перестали участвовать въ движеніи, другія хотя участвовали, но настолько слабо, что сумѣли до конца сохранить свою легальность. Такимъ образомъ, къ началу 75 года кружокъ нашъ состоялъ уже человѣкъ изъ восьми.

Первое и самое главное требованіе, которое мы ставили другъ другу въ своемъ кружкѣ, было—полная конспиратив-

ность фамилій. Всякій изъ насъ присваивалъ себѣ какое нибудь прозвище или кличку, подъ которой онъ и былъ извѣстенъ другимъ. Такъ, напримѣръ, за Яковомъ Стефановичемъ усвоена была кличка «Дмытра», и подъ этой кличкой его знали всѣ новопоступающіе въ нашъ кружокъ. Но такъ какъ мы были далеки отъ централистическихъ тенденцій и не хотѣли ставить новичковъ въ зависимое положеніе отъ насъ, основателей кружка, то поэтому установлено было правило, такъ сказать, обоюдной конспираціи, т. е. и новичка вводить въ кружокъ не иначе, какъ подъ какой либо вымышленной кличкой. Тотъ изъ насъ, старыхъ членовъ, который первый познакомился съ нимъ, само собою разумѣется, долженъ былъ знать его фамилію, но онъ не говорилъ ея остальнымъ членамъ кружка. Впослѣдствіи это взаимное скрываніе фамилій болѣе или менѣе исчезло среди насъ, но на первыхъ порахъ мы ни къ чему не относились такъ строго, какъ къ выбалтыванію фамилій. Письменнаго устава у насъ не было. Всѣ вопросы, на сколько помню, рѣшались простымъ большинствомъ, точно такъ же, какъ и пріемъ новыхъ членовъ. Нужно признать, что въ организаціонномъ отношеніи мы сдѣлали большой прогрессъ по сравненію съ прошлымъ годомъ.

Прошлогоднее хожденіе въ народъ повліяло также и на нашу программу. Если и тогда уже мы находили безполезнымъ разбрасывать наши силы по всей Россіи и остановились, при выборѣ мѣста, на Волгѣ, Донѣ и Днѣпрѣ, то теперь и этотъ районъ казался намъ ужъ черезчуръ обширнымъ. Мы рѣшили сосредоточить всѣ наши силы въ одной небольшой мѣстности. Такимъ мѣстомъ мы опредѣлили юго-восточную часть Кіевской губ. или даже еще точнѣе—мѣстечко Корсунь съ окрестностями, такъ какъ разсказы крестьянъ о корсуньскомъ возстаніи, происходившемъ лѣтъ двадцать тому назадъ, давало основаніе предполагать, согласно нашимъ теоріямъ, что тамъ сохранилось больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ революціонныхъ тра-

дицій. Въ 74 году неясно представлялось намъ, во имя чего мы будемъ организовывать крестьянъ. Правда, мы предполагали вызывать какъ-то въ народѣ мелкіе бунты и стачки. Но какимъ образомъ ихъ вызывать – мы не знали. Этотъ вопросъ оставался для насъ нерѣшеннымъ. Теперь, въ 1875 г. мы остановились на мысли провести организацію въ народѣ во имя передѣла земли. Передѣлъ земли, по нашему мнѣнію, долженъ былъ явиться тѣмъ знаменемъ, подъ которое могли собраться бунтовскія силы народа. Во имя передѣла земли мы надѣялись вызвать мѣстное возстаніе, которое – на нашъ взгядъ – имѣло шансы распространиться и охватить весь народъ, такъ какъ стремленіе это было обще-народное. Раньше всего, однако, мы рѣшили создать тѣсное ядро, или кружокъ изъ интеллигенціи, затѣмъ разселиться по деревнямъ въ избранной мѣстности и тамъ на мѣстѣ заняться осуществленіемъ плана.

Весной 1875 года я поѣхалъ на сѣверъ. Съ одной стороны, у меня была надежда розыскать въ Москвѣ или Петербургѣ Мышкина, котораго я потерялъ изъ виду, и съ другой—предполагалъ, что мнѣ удастся тамъ привлечь къ нашему дѣлу кого-нибудь изъ уцѣлѣвшихъ революціонеровъ отъ прошлогодняго погрома.

Въ Москвѣ около этого времени начались аресты, послужившіе поводомъ для процесса «пятидесяти», т. е. кружка Бардиной, Фигнеръ, Субботиныхъ и друг., и общее настроеніе—съ кѣмъ мнѣ пришлось тогда встрѣчаться тамъ—было сильно подавленное. О Мышкинѣ я не узналъ ничего ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, гдѣ прожилъ около мѣсяца у одного моего стараго пріятеля. Тутъ, между прочимъ, я познакомился съ Г—ымъ, человѣкомъ легальнымъ, но принимавшимъ участіе въ 74 году въ саратовскомъ кружкѣ, и мы съ нимъ часто бесѣдовали, дѣлясь впечатлѣніями, вынесенными изъ прошлогодняго хожденія въ народъ. Наблюденія, сдѣлан-

нмя имъ, весьма подходили къ нашимъ. Какъ у насъ, среди украинцевъ, на Волгѣ крестьяне тоже ожидали милостей отъ царя; царизмъ былъ также силенъ тамъ, какъ и на югѣ Россіи... Г—евъ высказывалъ мнѣніе, что въ народѣ возможно вызвать возстаніе только отъ имени царя, и я, съ своей стороны, размышляя о всемъ видѣнномъ и слышанномъ мной среди крестьянъ, не могъ не согласиться съ его мнѣніемъ.

Возвратившись въ Одессу, я подѣлился этой мыслью со Стефановичемъ, и тогда-то мы рѣшили примѣнить къ дѣлу подложные царскіе манифесты.

Дѣйствовать среди крестьянъ именемъ царя само собою напрашивалось. И тутъ прежде всего мы черпали свои доказательства изъ исторіи. Всѣ крупныя народныя движенія въ Россіи совершались подъ знаменемъ самозванцевъ, при чемъ первому самозванцу, въ смутное время, удалось даже овладѣть московскимъ престоломъ. Бунты Пугачева и Стеньки Разина (Разинъ. для приданія себѣ большаго значенія въ глазахъ народа распустилъ слухъ, будто съ собою возитъ царевича), хотя и не привели къ побѣдамъ и были задушены правительствомъ, но все таки имъ удалось расколыхать всю восточную Россію. На Украинѣ мы не имѣли прямыхъ самозванцевъ, подобно Пугачеву, но и здѣсь имя царя эксплуатировалось для успѣха возстанія. Такъ, во время Гайдамачины, имѣвшей у насъ мѣсто одновременно съ Пугачевщиной на Волгѣ, народъ вѣрилъ, будто ножи для рѣзанія пановъ-поляковъ были присланы самой императрицей Екатериной второй. А что идея самозванства еще не отжила своего времени у насъ, въ этомъ мы убѣждались примѣрами изъ современной исторіи: корсуньскій бунтъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ юго-западной Россіи за послѣднее время, совершился отъ имени царя, подобно тому, какъ почти всѣ бунты въ періодъ освобожденія крестьянъ, когда всюду крестьяне бунтовали противъ пановъ, убѣжденные въ томъ, что царь стоитъ за нихъ. Нако-

нецъ, наши собственныя наблюденія окончательно укрѣпили насъ въ этомъ; повсюду мы слышали отъ крестьянъ, что царь передѣлитъ землю. Мы вѣрили, что единственный путь къ осуществленію соціалистическаго строя былъ путь революціонный, кровавый. Для осуществленія же соціальной революціи единственнымъ путемъ признавали путь бунтовской. Въ нашемъ представленіи бунтъ являлся, такимъ образомъ, альфой и омегой всего; а бунтъ въ народѣ возможно было организовать лишь отъ царскаго имени. Правда, насъ шокировало подобное средство, но тутъ опять выручала насъ изъ затрудненія исторія. Въ то время мы часто прибѣгали къ сравненію современной Россіи съ до-революціонной Франціей. Исторія французской революціи была нашей настольной книгой. И вотъ, читая Тэна (Les origines de la France contemporaine.) мы находили тамъ не мало фактовъ, подкрѣпляющихъ нашу теорію. У него мы узнавали, что французскіе крестьяне начали бунтоваться еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ до революціи. У него мы могли прослѣдить, какъ эти бунты вспыхивали, росли, становились чаще и шире по району, и какъ наконецъ, въ моментъ революціи, вся Франція находилась въ возстаніи. Тэнъ приводилъ примѣры того, какъ крестьяне изливали свою злобу на чиновниковъ (акцизныхъ, напр.) землевладѣльцевъ и совершали всевозможныя безчинства съ крикомъ: Vive le Roi! Но прошло нѣсколько времени и этому королю отрѣзали на площади голову. Весь этотъ ростъ революціи, вся эта картина до того была заманчива для насъ, и такъ, съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ своихъ деталяхъ напоминала намъ нашу собственную исторію, что не поддаться желанію проводить параллель до конца намъ было очень трудно. И мы проводили эту параллель до конца. Какъ французскій народъ въ прошломъ столѣтіи, разсуждали мы, совершая мѣстные бунты во имя короля, совершилъ въ концѣ-концовъ революцію, такъ и мы теперь будемъ бунтовать нашъ народъ

отъ имени царя; рядъ подобныхъ бунтовъ приведетъ къ революціи, которая столкнетъ, наконецъ, народъ лицомъ къ лицу съ царемъ, а тогда падетъ, между прочимъ, и царскій авторитетъ. Нашъ бунтъ представлялся намъ чѣмъ-то въ родѣ того, какъ нѣкогда для Лассаля—всеобщее избирательное право, т. е. копьемъ, исцѣляющимъ рану.

Рядомъ подобныхъ-то умозаключеній и примѣровъ мы успокаивали поднимавшіеся по временамъ со дна души возмущенія противъ задуманныхъ нами ложныхъ царскихъ манифестовъ.

Какъ бы тамъ ни было, но, по крайней мѣрѣ въ теоріи, мы мирились съ этимъ обманомъ, который признавался нами за неизбѣжное зло, такъ какъ, чѣмъ больше мы размышляли, тѣмъ больше укрѣплялись въ той мысли, что въ народѣ возможно было вызвать только авторитарное движеніе. Само по себѣ это было косвенное признаніе съ нашей стороны того, что въ народѣ не было почвы для непосредственной революціонной дѣятельности. Любопытно слѣдующее обстоятельство: наше бунтарство, или, другими словами, бакунизмъ довелъ насъ до признанія подложныхъ царскихъ манифестовъ; между тѣмъ, когда мы сообщили о нашемъ планѣ самому Бакунину, желая узнать его мнѣніе,—это было уже незадолго до его смерти (1876 г.), - то онъ отнесся къ этому плану крайне неодобрительно. «Ложь всегда шита бѣлыми нитками», говорилъ онъ лицу, служившему между нами посредникомъ. Но мы въ ту минуту двигались уже, такъ сказать, по инерціи, —по извѣстному строго начертанному пути, измѣнить который для насъ рѣшительно было невозможно. Надо было пережить все до конца.

Лѣтомъ 75 года мы начали селиться въ избранной нами мѣстности. Мѣстность эта была, какъ я уже говорилъ выше, юго-восточная часть Кіевской губерніи. Первое поселеніе, или революціонный притонъ устроенъ былъ Стефановичемъ и Б.

въ мѣстечкѣ Корсуни, такъ какъ Корсунь съ окрестностями еще въ 74 году намѣчена была нами какъ пунктъ, гдѣ надо было устроить поселеніе. Стефановичъ поселился подъ видомъ торговца жестяныхъ издѣлій: кружекъ, лескъ и т. п. Закупка кружекъ производилась въ Одессѣ. Продажа велась по мѣстечкамъ въ базарные дни. На югѣ Кіевской губерніи мѣстечекъ очень много, и базарные дни чередовались у нихъ такъ, что можно было все время находиться въ разъѣздахъ; въ одномъ мѣстечкѣ базары становились по вторникамъ, въ другомъ — по четвергамъ, въ третьемъ — по субботамъ и т. д.

Однако мы были настолько бѣдны въ 75 г., что не были въ силахъ устроить даже второго поселенія и едва-едва поддерживали корсуньскій притонъ, гдѣ, надо прибавить, наши торговцы вели свои операціи въ прямой убытокъ. Лошадь, которую приходилось держать для разъѣздовъ по ярмаркамъ, буквально насъ объѣдала, и хотя жестяныя кружки шли довольно бойко, но это далеко не покрывало всѣхъ расходовъ. Объ устройствѣ второго поселенія пока нечего было и думать, и весь 75-ый г. прошелъ для насъ, главнымъ образомъ, въ подыскиваніи матеріальныхъ средствъ и привлеченіи новыхъ членовъ. И дѣйствительно, въ нашъ кружокъ въ скоромъ времени вступили Марія Ковалевская и Вѣра Засуличъ, а спустя немного — Рахальскій и Чубаревъ. Со вступленіемъ послѣдняго касса наша сдѣлалась богаче, такъ какъ онъ обладалъ нѣкоторыми средствами.

Между тѣмъ какъ мы, революціонеры изъ интеллигенціи, собирались съ силами и готовились прилагать на практикѣ наши бунтовскія теоріи, — въ это время среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губ., безъ всякаго съ нашей стороны участія, происходили волненія. Движеніе въ Чигиринскомъ уѣздѣ началось еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, и въ немъ принимало участіе семь или восемь волостей, населенныхъ государственными крестьянами. Одна часть крест-

янъ требовала душевого передѣла земли; другіе же, заинтересованные въ томъ, чтобы удержать за собою тѣ участки, которыми владѣли, противились этому передѣлу; такъ какъ мѣстныя власти (мировой посредникъ и волостные) приняли сторону послѣднихъ, то это и повело къ волненіямъ. Но волновались только первые, получившіе названіе «душевиковъ»; другіе же, называвшіеся «актовиками» (такъ какъ они подписались подъ актами, закрѣплявшими извѣстные участки за ними), не только не принимали участія въ движеніи, но даже вели борьбу съ первыми. Такимъ образомъ, Чигиринскія волненія сводились, строго говоря, къ междуусобицѣ «душевиковъ» съ «актовиками».

По отношенію къ властямъ «душевики» держались совершенно пассивно и хотя упорствовали въ отказѣ подписаться подъ актами, но далѣе этого протестъ ихъ не шелъ. Коноводомъ этого движенія былъ крестьянинъ по имени Хома Прядко, пользовавшійся большой популярностью у крестьянъ, среди которыхъ ходилъ слухъ, будто онъ былъ въ Петербургѣ у царя и будто бы царь обѣщалъ помощь «душевикамъ». Хома Прядко, дѣйствительно, ѣздилъ въ Петербургъ въ качествѣ ходока отъ одной изъ волновавшихся волостей (ходоковъ было послано тогда чигиринцами человѣкъ семь); но само собою разумѣется, ни у какого царя не былъ, и даже вопросъ еще, былъ ли онъ въ Петербургѣ, такъ какъ полиція заблаговременно приняла мѣры и, кажется, еще по дорогѣ арестовала ходоковъ, исключая, впрочемъ, Прядка, которому удалось скрыться. Какъ бы тамъ ни было, но воротившись въ Чигиринщину, Прядко принялся ходить изъ деревни въ деревню и убѣждать крестьянъ не подписывать актовъ, такъ какъ, по его словамъ, скоро царь прикажетъ передѣлить землю.

Первый разъ мы услыхали о чигиринскихъ волненіяхъ въ 75 году, хотя они начались года четыре раньше. Вол-

неніяхъ этихъ мы, конечно, придали огромное значеніе. На нашъ взглядъ это было уже готовое дѣло, къ которому оставалось только присоединиться. Но осуществить это было очень трудно, и мы долго не знали даже, какъ завязать знакомства среди чигиринскихъ крестьянъ, пока намъ не помогъ слѣдующій случай. Около этого времени въ Чигиринщинѣ произведены были многочисленные аресты и арестованныхъ разослали по сосѣднимъ уѣзднымъ городамъ, а болѣе видныхъ зачинщиковъ препроводили въ Кіевъ и заключили при кіевскихъ полицейскихъ участкахъ. Самъ Хома Прядко, котораго розыскивали, удачно избѣгалъ нѣкоторое время ареста, но, наконецъ, былъ пойманъ и, закованный въ кандалы, привезенъ и посаженъ въ кіевскій тюремный замокъ. Въ видахъ, должно быть экономіи полиція не затворяла остальныхъ чигиринцевъ, содержавшихся при участкѣ, а пускала ихъ свободно ходить по городу. Они бродили по улицамъ, розыскивая работу для дневного пропитанія и возвращаясь лишь къ ночи въ участки, гдѣ затворяли ихъ до слѣдующаго утра. Зимой 75 года я былъ въ Кіевѣ. Стефановичъ тоже пріѣхалъ сюда изъ Корсуни, и здѣсь-то намъ и удалось познакомиться съ чигиринцами. Мы оба были подъ видомъ крестьянъ и представлялись имъ ходоками, якобы отправлявшимися къ царю, чтобы хлопотать по дѣламъ нашихъ деревень. Помню, сошлись мы съ чигиринцами на Подолѣ (часть Кіева, лежащая возлѣ самаго Днѣпра) и тутъ у насъ завязалась бесѣда о томъ, какъ удобнѣе добраться до царя. Старикъ чигиринецъ, слѣпой на одинъ глазъ, долго толковалъ намъ о трудностяхъ, встрѣчающихся по пути ходоку. Онъ говорилъ о томъ, какъ чиновники стараются не допускать ходоковъ къ царю, какъ, наконецъ, сама полиція хватаетъ ихъ, сажаетъ по тюрьмамъ, или же отправляетъ съ этапомъ на родину.

— «До царя можно добраться такъ», въ заключеніе проговорилъ онъ, «нужно взять съ собою много всякой одежды

и по дорогѣ часто ее мѣнять; тогда полиція не узнаетъ. Но для этого надо имѣть много грошей».

Съ Подола мы пошли съ чигиринцами къ «Старому Городу» (такъ называется часть Кіева, гдѣ стоитъ Софійскій монастырь) и по дорогѣ все время бесѣдовали. Они захотѣли узнать подробности нашихъ дѣлъ, ради которыхъ мы отправлялись ходоками къ царю. Мы—всякій съ своей стороны—разсказали имъ по выдуманной исторіи, о помѣщичьихъ притѣсненіяхъ, о малоземельѣ и прочее. Чигиринцы искренно соболѣзновали нашей «бѣдѣ».

— «Все будетъ добре, лишь бы богъ вамъ помогъ добраться до царя», утѣшалъ насъ старикъ. «А когда, люди добрые, поможетъ вамъ богъ», продолжалъ онъ, то не забудьте и насъ; за одно уже разскажите царю и про «нашу біду».

А бѣды этой у нихъ, дѣйствительно, было очень много. Нѣкоторыя деревни, какъ напр., Шабельники, были буквально раззорены солдатской экзекуціей, поставленной съ цѣлью усмиренія. Многихъ крестьянъ арестовали и разослали по городамъ, а въ это время дома семьи ихъ голодали. Кіевскій губернаторъ заявилъ, между прочимъ, чигиринцамъ, что будетъ ихъ держать при полицейскихъ участкахъ и не пуститъ домой до тѣхъ поръ, пока они не согласятся подписаться подъ актами. Но они всѣ упорно отказывались отъ этого.

Встрѣча и знакомство съ чигиринцами произвели на меня удручающееся впечатлѣніе: мнѣ было не по себѣ, я чувствовалъ себя скверно; весь тонъ ихъ рѣчей ложился тяжело на душу. Поэтому, послѣ описанной встрѣчи, я больше не искалъ ихъ. Дальнѣйшія сношенія съ ними велъ одинъ Стефановичъ. Въ своемъ мѣстѣ я разскажу о, такъ наз., «чигиринскомъ дѣлѣ», явившемся какъ слѣдствіе этихъ сношеній Стефановича съ чигиринцами,—теперь же перейду къ описанію другихъ событій.

Зима 75 года для меня прошла въ приготовленіяхъ и сборахъ, такъ какъ съ наступленіемъ весны я намѣревался отправиться въ народъ. Въ этотъ разъ, конечно, я не предполагалъ бродить по селамъ, какъ въ 74 году, а думалъ поселиться и жить на одномъ мѣстѣ. Но я еще не опредѣлилъ себѣ точно деревни, гдѣ селиться; для этого надо было осмотрѣться и выбрать мѣсто. Кромѣ притона Стефановича въ Корсунѣ, имѣлось еще одно поселеніе возлѣ г. Черкассы, устроенное Иваномъ съ Настей (я не буду называть ихъ фамилій). Они не принадлежали къ нашему кружку и не были посвящены въ наши тайны; но я былъ съ ними знакомъ и потому, когда они мнѣ предложили прожить нѣкоторое время у нихъ, то я охотно согласился. Иванъ жилъ подъ видомъ торговца красными товарами, закупку которыхъ производилъ то въ Одессѣ, то въ Кіевѣ и продавалъ по мѣстечкамъ Черкасскаго, Чигиринскаго и другихъ сосѣднихъ уѣздовъ. Въ февралѣ или мартѣ 76 года Настя пріѣхала въ Кіевъ за покупкой товаровъ и скоро думала возвращаться назадъ. Я рѣшилъ поѣхать вмѣстѣ съ нею.

Чуть не съ первымъ пароходнымъ рейсомъ выѣхали мы изъ Кіева. Пароходъ шелъ внизъ по теченію. Мы должны были доѣхать до г. Черкассы и тамъ слѣзть. Помню, было холодно, и я всю дорогу, ѣдучи на палубѣ, кутался въ широкую крестьянскую свиту или же подходилъ—чтобы погрѣться—къ отверстію надъ машиной, откуда несло жаромъ и запахомъ машиннаго масла. У черкасской пароходной пристани мы сошли на берегъ и стащили свой багажъ, заключавшійся въ двухъ небольшихъ мѣшкахъ, наполненныхъ преимущественно товаромъ, купленнымъ Настей, и поволокли по грязи къ сосѣднему кабаку. Грязь была невылазная, такъ что Настя, одѣтая въ бѣлый новый кожухъ, совершенно его испачкала. Въ кабакѣ ожидалъ уже Иванъ, выѣхавшій намъ на встрѣчу на своей рослой, сѣрой лошади, объѣдавшей его

такъ же исправно, какъ насъ объѣдала лошадь Стефановича. Мы уложили мѣшки въ телѣгу, усѣлись и поѣхали. Дорогой, помню, Настя нѣсколько разъ принималась управлять лошадью; тогда она надѣвала пенснэ (она была близорука) и правила до тѣхъ поръ, пока мы не усматривали вдали крестьянина, шедшаго или ѣхавшаго намъ на встрѣчу.

Деревня, гдѣ жилъ Иванъ съ Настей, находилась на берегу Днѣпра. Громадный сосновый лѣсъ, принадлежавшій казнѣ, окружалъ ее со всѣхъ сторонъ и тянулся далеко вдоль рѣки. У жителей мало было пахотныхъ земель, и ихъ благосостояніе зависѣло, повидимому, не столько отъ урожая хлѣба, какъ отъ большей или меньшей легкости пользованія или, выражаясь опредѣленнѣе, кражи казеннаго лѣсу. Вопросъ о томъ, каковъ будетъ новый лѣсничій или новые сторожа, несравненно живѣе интересовалъ крестьянъ, чѣмъ метеорологическія явленія, столь живо интересующія обыкновенно земледѣльца. Если земледѣльцу для прекращенія весенняго бездожія часто приходится прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ хожденіе съ церковными иконами и хоругвями по полямъ, къ поповскимъ отчитываніямъ и, наконецъ, — когда уже ничего не помогаетъ,—закапыванію возлѣ колодца живого рака (это самое вѣрное средство вызвать дождь),—то житель упомянутой деревеньки поступалъ совершенно иначе: поймавъ въ Днѣпрѣ раковъ, онъ, вмѣсто того, чтобы закапывать ихъ въ землю, несъ лѣсному сторожу въ подарокъ и этимъ способомъ обыкновенно достигалъ своего благополучія. Мѣстная особенность дѣлала то, что крестьяне этой деревни жили словно въ другомъ царствѣ; вопросы, волновавшіе окрестныхъ крестьянъ, для нихъ оказывались мало интересными. Такъ, не смотря на то, что Боровичанская волость (Чигиринскаго уѣзда), гдѣ происходили волненія, отстояла отъ нашей деревни всего на какихъ-нибудь шестьдесятъ верстъ, объ этихъ волненіяхъ никто здѣсь ничего не зналъ. Напрасно я разспрашивалъ и

заводилъ на эту тему разговоры. — «Кто ихъ знаетъ, что тамъ у нихъ вышло», — такой отвѣтъ получалъ я отъ своихъ собесѣдниковъ. Насколько я могъ замѣтить, здѣшніе крестьяне мало интересовались даже вопросомъ о передѣлѣ земли, волновавшимъ въ то время весь крестьянскій міръ.

Верстахъ въ пяти-шести отъ этой лѣсной дыры, гдѣ мы занимали хату и торговали нашими товарами, находилась другая небольшая деревушка или, вѣрнѣе, сахарный заводъ, кругомъ котораго былъ поселокъ. На сахарномъ заводѣ служилъ одинъ изъ «сочувствующихъ», при помощи котораго на этотъ же заводъ удалось помѣстить одного распропагандированнаго юношу рабочаго, скрывавшагося отъ полиціи. Юноша этотъ, почти мальчикъ, прозванный Лафертомъ, былъ родомъ сѣверянинъ и бѣжалъ оттуда на югъ во время арестовъ, о которыхъ я упоминалъ какъ-то вскользь (кружка Бардиной и друг.). При посредствѣ Лаферта я познакомился съ заводскими рабочими. Все это были крестьяне преимущественно изъ Полтавской губ. но было нѣсколько и изъ Чигиринскаго уѣзда Кіевской губ. Широкія, чуть не во всю грудь, и сплошныя, какъ коверъ, вышивки на рубахахъ отличали ихъ по виду отъ полтавцевъ. Производство сахара ведется, какъ извѣстно, только зимою, и потому, когда я явился на заводъ, то работы тамъ въ это время уже заканчивались и скоро должны были совершенно прекратиться. Я хотѣлъ воспользоваться тѣмъ небольшимъ временемъ, которое еще оставалось до закрытія завода и роспуска рабочихъ, и поторопился со своими знакомствами.

Въ одиннадцать часовъ вечера Лафертъ ввелъ меня въ то отдѣленіе завода, гдѣ работали чигиринцы; они были въ ночной смѣнѣ (сахарное производство ведется безостановочно днемъ и ночью, поэтому имѣется двѣ смѣны рабочихъ: дневная и ночная), что было очень кстати, такъ какъ ночью присутствіе мое на заводѣ все-таки меньше могло обратить чье-либо

вниманіе, чѣмъ днемъ. Помню, взобрались мы на вышку, на самый чердакъ, гдѣ стояли какіе-то громадные деревянные чаны. Шла ли какая-либо работа и здѣсь, на чердакѣ, сказать не умѣю, но присутствіе освѣщенія, хотя слабаго, говорило въ пользу такого предположенія. Толстыя балки перекрещивали полъ по всѣмъ направленіямъ, и намъ приходилось перелѣзать черезъ нихъ, нагибая въ то же время головы, чтобы не удариться объ деревянные брусья, служившіе подпорами для крыши. Забравшись въ укромный уголокъ, мы усѣлись на балкѣ и закурили даже папироски, хотя курить въ зданіи уже и вовсе запрещалось.

— «Никто не увидитъ», ободрялъ одинъ изъ чигиринцевъ (а ихъ было человѣка три), лѣтъ тридцати красивый мужикъ съ большими черными глазами и такими же черными усами, изъ подъ которыхъ блестѣли бѣлые зубы. «Сюда заходятъ только наши». (т. е. чигиринцы же).

Лафертъ мнѣ рекомендовалъ его, какъ человѣка, съ которымъ, по его словамъ, онъ успѣлъ сойтись довольно близко, а потому я безъ особенныхъ предисловій приступилъ прямо къ интересовавшему меня вопросу. Я сталъ разспрашивать его о чигиринскихъ волненіяхъ. Въ общемъ онъ повторилъ то, что уже было раньше извѣстно мнѣ: о «душевикахъ» и «актовикахъ», ведшихъ борьбу между собою не на жизнь, а на смерть (самъ онъ былъ, конечно, «душевикомъ»), объ раззореніи, которому они подверглись со стороны солдатской экзекуціи. Наконецъ, наша бесѣда сошла на разговоръ о Хомѣ Прядко, личность котораго меня интересовала. Но, несмотря на то, что дѣятельность этого человѣка съ ея финаломъ—арестомъ—имѣла мѣсто всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, объ этой дѣятельности, равно какъ и о самой личности агитатора, успѣли уже сложиться совершенно легендарныя представленія. Разсказчикъ-чигиринецъ не иначе называлъ его, какъ «святымъ» и передавалъ о немъ самыя странныя вещи. По его

словамъ, Хома ходилъ къ царю и съ нимъ говорилъ о нуждахъ чигиринцевъ. Царь обѣщалъ свою помощь. Для знака царь написалъ какую то записку и, разорвавши ее на двое, одну половину вручилъ Хомѣ, а другую оставилъ у себя. Съ этой то половиной царской записки Прядко всюду ходилъ и агитировалъ. На мой вопросъ, видѣлъ ли онъ, разсказчикъ, эту записку, чигиринецъ отвѣтилъ, что ему не довелось видѣть записки, хотя самого Хому Прядка онъ встрѣчалъ очень часто и зналъ его хорошо. По тону и характеру разсказа выходило такъ, будто царь вошелъ въ извѣстнаго рода соглашеніе съ Хомою, нѣкоторымъ образомъ, вступилъ въ тайный союзъ, въ знакъ чего и далъ ему половину разорванной записки, оставивши другую половину у себя. Впослѣдствіи, очевидно, (разсказчикъ этого не говорилъ, но это само собою разумѣлось), когда наступило бы время открыто выступить съ дѣломъ, половинка записки, бывшая у Хомы, послужила бы доказательствомъ того, что все, что говорилъ и дѣлалъ Хома—говорилъ и дѣлалъ по желанію самого царя. Этотъ тайный союзъ Хомы съ царемъ (иначе я его назвать не могу) направленъ былъ, конечно, противъ враждебныхъ крестьянскому міру чиновниковъ, начиная отъ министровъ и кончая мировыми посредниками и волостными писарями. Въ частности помѣщики не играли особеннаго значенія; но не надо забывать, что волненія происходили среди государственныхъ крестьянъ. «Актовики» же, такимъ образомъ, являлись простыми измѣнниками крестьянскому дѣлу.

— «Хома никого не боялся», говорилъ далѣе чигиринецъ.—«Его искали, а онъ жилъ тамъ же, гдѣ его искали; прятался у своихъ: то у одного, то у другого. Когда пріѣзжалъ губернаторъ изъ Кіева (Гессе) и созвалъ сходъ, то Хома пришелъ на сходку и все время говорилъ съ губернаторомъ. А губернаторъ и не зналъ, кто съ нимъ говорилъ».

Послѣднее уже было явнымъ преувеличеніемъ со стороны

моего собесѣдника, такъ какъ на сходкѣ, конечно, должны были присутствовать и «актовики», которые прекрасно знали Хому. Но всѣ свои преувеличенія и небылицы разсказчикъ передавалъ такимъ искреннимъ тономъ и такъ далекъ былъ при этомъ отъ побужденія умышленно лгать, что у меня даже не пошевельнулось дурное чувство къ нему.

— «Какъ же, однако, поймали Хому?» — спросилъ я его.

— «О, его очень долго не могли поймать! Сколько разъ было такъ, что уже и хату окружатъ со всѣхъ сторонъ, а все таки его не поймаютъ. Одинъ разъ «актовики» подсмотрѣли, гдѣ онъ ночевалъ; подошли тихонько къ хатѣ; видятъ черезъ окно, въ хатѣ свѣтится и самъ Хома сидитъ за столомъ и читаетъ Евангеліе... Онъ все, бывало, читаетъ Евангеліе... Обступили со всѣхъ сторонъ хату и стучатъ въ дверь, чтобы имъ отворить. Какъ застучали въ дверь, такъ въ хатѣ свѣтъ и погасъ; и что тамъ въ хатѣ послѣ того дѣлалось—никто не видѣлъ. Только входятъ «актовики» въ хату, засвѣтили; искали, искали, да такъ и ушли ни съ чѣмъ: не нашли Хомы».

— «Куда же онъ дѣлся? Можетъ потайной ходъ былъ и онъ этимъ ходомъ вышелъ?» проговорилъ я.

— «Хата, какъ всѣ хаты: никакого потайного хода не было,—а только ушелъ... Такъ ужъ ему богъ далъ!» заключилъ мой собесѣдникъ.

Проѣзжая дорога, которая вела отъ деревни, гдѣ мы жили, до завода, дѣлала большой крюкъ, и я предпочиталъ, для сокращенія пути, ходить лѣсной тропой. Въ лѣсу нигдѣ не оставалось уже ни клочка снѣга; весна открылась и весело было совершать этотъ путь пѣшкомъ. Идешь, бывало, точно по какому-нибудь безконечно-громадному зданію—съ колоннами и арками—среди полной тишины; въ глубинѣ лѣса и птицъ не было, развѣ только поползень—небольшая сѣрая птичка—застучитъ гдѣ-нибудь по дереву своимъ крѣпкимъ клювомъ.

Идешь, а по бокамъ стоятъ громадныя сосны съ желтыми, какъ воскъ, вѣтвями, распростертыми высоко въ воздухѣ,—и не шелохнутся. Вверху горитъ весеннее солнце, а тутъ полумракъ; почва влажная...

Я нѣсколько разъ ходилъ на заводъ, и у меня съ чигиринцами установились довольно таки пріятельскія отношенія. Это знакомство не вызвало во мнѣ того тягостнаго ощущенія, какое испытывалъ я при столкновеніи съ чигиринцами въ Кіевѣ, и происходило это оттого, какъ я нынѣ себѣ объясняю, что послѣднія мои столкновенія носили болѣе простой характеръ; мнѣ не пришлось здѣсь напяливать на себя роль ходока, не пришлось прибѣгать къ вымышленнымъ исторіямъ. На послѣднемъ свиданіи съ чигиринцами, когда они уже собирались уходить домой, они мнѣ дали указанія —гдѣ и какъ можно было розыскать ихъ на случай моего пріѣзда въ Чигиринщину, и мы разстались полными друзьями.

По всему вѣроятію впослѣдствіи мы воспользовались бы этими знакомствами, если бы Лафертъ не испортилъ дѣла.

Послѣ закрытія завода онъ тоже остался безъ работы и рѣшилъ отправиться въ бунтовавшія деревни съ цѣлью пропаганды. Но вести пропаганду тамъ, гдѣ происходитъ уже среди народа извѣстное броженіе, не легко, и нужно обладать большимъ тактомъ и опытностью, прекрасно знать мѣстныя дѣла и мѣстныя условія, чтобы не очутиться въ ложномъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно вести пропаганду, скажемъ хоть противъ царизма, тамъ, гдѣ, какъ это было въ Чигиринщинѣ, съ именемъ царя связывались всѣ понятія о справедливости и крестьянскомъ благополучіи? И если при обыкновенномъ, спокойномъ теченіи жизни крестьянину и доступна подобная пропаганда, то въ моментъ движенія или бунта, когда всѣ чувства его обострены, когда его подозрительность, усматривающая повсюду враговъ своихъ, доходитъ до болѣзненной чувствительности, — тутъ надо быть весьма

осторожнымъ. Лафертъ же въ качествѣ правовѣрнаго пропагандиста полѣзъ въ среду чигиринцевъ съ своей «Хитрой механикой» и понятно, что его миссія окончилась болѣе, чѣмъ неудачно. Среди крестьянъ скоро разнесся слухъ, неизвѣстно кѣмъ пущенный, но, очевидно, кѣмъ-то изъ крестьянъ же, будто Лафертъ подосланъ къ нимъ чиновниками. У мужиковъ выросло такое страшное озлобленіе къ Лаферту, что онъ принужденъ былъ бѣжать изъ этой мѣстности, иначе ему грозила серьезная опасность.

Само собою разумѣется, что послѣ этого случая мнѣ нельзя было и показаться къ чигиринцамъ. Какъ пріятель Лаферта, я въ ихъ глазахъ оказался бы теперь, пожалуй, даже болѣе важнымъ чиновничьимъ агентомъ, чѣмъ самъ Лафертъ.

XII.

Наше положеніе въ народѣ и наши знакомства съ крестьянами.

Кружокъ нашъ уже разселился по деревнямъ, когда присоединились къ намъ сначала Костюринъ, Анна Макаревичъ, Иванъ Дробязгинъ и Михаилъ Фроленко, а спустя нѣкоторое время—Левъ Дейчъ. Послѣ этого организація наша не расширялась болѣе. Анна Макаревичъ и Михаилъ Фроленко были нелегальные.

Наши поселенія отстояли одно отъ другого въ 10 – 15 верстахъ и мы часто другъ друга посѣщали. Селились въ большинствѣ случаевъ подъ видомъ мелкихъ торговцевъ.

Разсказывая о нашемъ хожденіи въ народъ въ 74 году, я упоминалъ о томъ, какъ мы старались тогда тщательно скрывать отъ крестьянъ наше происхожденіе: бросали свои

дворянскіе документы и вмѣсто нихъ запасались подложными крестьянскими паспортами. Европейскіе костюмы замѣняли простонародными свитами и зипунами; дѣло у насъ доходило даже до того, что при столкновеніяхъ съ людьми мы корчили изъ себя неграмотныхъ. Идя въ народъ и мечтая о сліяніи съ народной массой, мы находили нужнымъ скрывать свое происхожденіе, предполагая, что въ противномъ случаѣ, народъ будетъ относиться къ намъ съ недовѣріемъ. Логически развивая эту мысль до конца, мы додумались до того, что недостаточно было замѣнить сюртукъ только свитою, но еще непремѣнно надо было замѣнить его рваной свитой. И вотъ первое свое путешествіе мы совершали почти что въ рубищахъ. Мы сами съ сочувствіемъ и съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на рубища и намъ казалось, что и народъ встрѣтитъ насъ также съ сочувствіемъ. На самомъ дѣлѣ оказалось не то: въ рѣдкой деревнѣ пускали насъ ночевать въ избы: крестьяне отказывали намъ въ ночлегахъ, подозрительно оглядывая насъ съ ногъ до головы; много-много бывало, если кто либо изъ нихъ позволитъ намъ переспать ночь у себя на сѣновалѣ или въ соломѣ на гумнѣ. Мы были въ глазахъ крестьянъ «непевны люды», т. е. люди, на честность которыхъ они не рѣшались положиться. Наше стремленіе омужичиться, превратиться въ мужика,—само собою разумѣется, бѣднаго, такъ какъ не превращаться же было, въ самомъ дѣлѣ, въ зажиточнаго кулака,—оказалось доктриной непригодной, безполезной и даже вредной. Наши крестьяне сами бѣдны, но къ бѣднымъ захожимъ людямъ относятся весьма подозрительно.

Теперь въ 76 году никто изъ насъ уже не думалъ рубищами вызывать сочувствіе у крестьянъ. Живя у Ивана съ Настей, я видѣлъ, напр., что моя хорошая свита порядочно таки поднимала значеніе моей личности въ глазахъ сосѣдей крестьянъ. Потомъ, поселившись въ деревнѣ близь Знаменки, находящейся на Одесско-Харьковской желѣзной дорогѣ, я уже

совершенно не скрывалъ своего привилегированнаго званія и жилъ даже по дворянскимъ документамъ одного моего умершаго родственника, находя это болѣе удобнымъ во многихъ отношеніяхъ и, между прочимъ, въ томъ, что мнѣ не надо было прятать своей грамотности, которая, какъ я замѣтилъ, высоко цѣнилась крестьянами.

Правда, съ другой стороны, и вся постановка дѣла въ 76-мъ году была у насъ иная. Мы уже не думали объ омужиченьи, а преслѣдовали строго опредѣленную, практическую задачу, заключающуюся въ организаціи бунтовъ, или говоря точнѣе, организаціи вооруженнаго отряда. Манифестъ отъ имени царя, въ которомъ предполагалось оповѣстить объ отнятіи земель отъ помѣщиковъ и о передѣлѣ земли между всѣми поровну, на нашъ взглядъ, долженъ былъ вызвать въ народѣ смятеніе и въ эту минуту нашъ вооруженный отрядъ долженъ былъ явиться тѣмъ ядромъ, вокругъ котораго могли собраться бунтовскіе элементы народа. Вторая половина дѣла, т. е. вызвать смятеніе въ народѣ манифестами, повидимому, не требовала большой подготовки. Распустить подобный манифестъ среди крестьянъ при помощи тѣхъ связей, которыми мы уже заручились, хотя бы, напр., среди чигиринцевъ (знакомыхъ Стефановича), а отчасти думали еще заручиться въ ближайшемъ будущемъ, — не было трудно. А что эти манифесты должны были вызвать смятеніе въ народѣ — въ этомъ я, напр., ни одной минуты не сомнѣвался ни тогда, ни даже теперь не сомнѣваюсь, хотя прошло уже почти 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ. «Чигиринское дѣло» Стефановича (я о немъ разскажу позже) было именно этой *второй половиной дѣла*, и оно то и можетъ служить лучшимъ доказательствомъ справедливости высказаннаго мнѣнія. Такимъ образомъ, практическая задача сводилась для насъ главнымъ образомъ къ *первой половинѣ дѣла*, т. е. къ организаціи вооруженнаго отряда. Предполагалось это осуществить по бакунинскому плану, т. е. создать заговоръ изъ

сотни-другой человѣкъ, способныхъ въ рѣшительную минуту съ оружіемъ въ рукахъ приступить къ фактическому передѣлу земли. Очевидно, успѣхъ дѣла зависѣлъ бы не столько отъ количества лицъ, принимающихъ участіе въ бунтовскомъ отрядѣ, сколько отъ ихъ качествъ—рѣшительности и быстроты дѣйствій. Бакунинское любимое изрѣченіе, что сила революціонной организаціи зависитъ не столько отъ количества, какъ отъ качества лицъ, участвующихъ въ ней, намъ особенно казалось справедливымъ, такъ какъ количество мы пріобрѣтали само собою легко и сразу путемъ манифестовъ, и, слѣдовательно, намъ оставалось заботиться только объ качествѣ, т. е. объ организаціи надежнаго бунтовскаго ядра. Для успѣха возстанія существенной задачей являлась также заблаговременная заготовка оружія. Но такъ какъ вопросъ объ оружіи сводился къ вопросу о деньгахъ, то это и оказалось нашей ахиллесовой пятой.

Помню, мы, бунтари, любили подсмѣиваться надъ пропагандистами и часто приводили «Лаферта среди чигиринцевъ», какъ примѣръ несостоятельности пропагандистовъ среди крестьянъ. Но и мы, бунтари, и въ теоріи, и на практикѣ оказались не меньшими доктринерами; мы все сводили къ нашему все спасающему бунту, который у насъ являлся такою же абсолютной доктриной, стоящей внѣ всякаго сомнѣнія, какъ, скажемъ для примѣра, для Лаферта была пропаганда по «Хитрой механикѣ». Если пропагандистъ-доктринеръ, дѣйствительно, подчасъ совалъ свой носъ туда, куда не слѣдовало, безъ разбора, направо и налѣво, заводилъ знакомства и повсюду сѣялъ свою пропаганду, то мы страдали прямо противуположнымъ недостаткомъ: мы прятались отъ людей и сидѣли въ своимъ притонахъ, выжидая момента, когда намъ придется выступить открыто съ оружіемъ въ рукахъ. Мы жили по деревнямъ и даже не знакомились съ крестьянами. Въ интересахъ конспираціи бунтарь, при встрѣчахъ съ кре-

стьянами, отдѣлывался общими фразами, такъ какъ смотрѣлъ на всякую пропаганду, какъ на совершенно безполезную трату времени и, потому, не желалъ попусту чесать языка. По нашему мнѣнію, было излишне да даже и невозможно заниматься подготовленіемъ умовъ крестьянъ къ предполагавшемуся возстанію; манифестъ въ рѣшительную минуту долженъ былъ сдѣлать это дѣло; а подготовкой нужнаго для начала возстанія бунтовскаго ядра или отряда, съ одной стороны, занимался Стефановичъ среди чигиринцевъ, съ другой—еще два-три изъ насъ имѣли въ виду этимъ заняться. Большинству же ничего не оставалось дѣлать, поэтому оно просто таки избѣгало крестьянъ и занималось, такъ сказать, самоподготовленіемъ къ возстанію. Прежде всего, всякій изъ насъ имѣлъ по револьверу и кинжалу, которые и носилъ всегда при себѣ. Мы закупили множество патроновъ и систематически упражнялись въ стрѣльбѣ. Въ результатѣ мы выучились прекрасно стрѣлять. Такъ, помню, я не выходилъ изъ игральной карты на разстояніи 20—25 шаговъ. Мы находили полезнымъ и даже нужнымъ изучать мѣстность, гдѣ предполагалось поднять возстаніе. И вотъ, кромѣ того, что мы ѣздивши знакомились съ окрестностями, мы закупили еще подробныя карты, изданныя генеральнымъ штабомъ Кіевской, Подольской и Херсонской губерній, и, нерѣдко, разложивъ ихъ на столѣ, изучали обозначенные на нихъ проселочныя дороги, лѣса, рѣченки... Но не стрѣлять въ цѣль, ни изучать карты нельзя было на виду у всѣхъ. Револьверы, которые мы чистили (я, напримѣръ, необыкновенно тщательно совершалъ это), кинжалы, которые острили, вороха патроновъ, карты генеральнаго штаба, паспорта, которые приходилось самимъ себѣ дѣлать,—всѣ эти бунтовскія принадлежности заставляли насъ держаться подальше отъ окружающей среды. Приходилось тщательно скрывать отъ сосѣдней свою интимную жизнь, беречься, какъ бы кто изъ нихъ не подсмотрѣлъ и не замѣтилъ чего нибудь такого,

чего ему не слѣдовало знать. Наши наружныя двери были всегда заперты, что бы при стукѣ мы имѣли время спрятать ту или другую подозрительную вещь. Наши окна по вечерамъ всегда были завѣшены. Получалось странное нелѣпое явленіе: народникъ бунтарь сталъ бояться посѣщеній крестьянъ. Мужикъ входилъ въ избу, чтобы поболтать о чемъ нибудь съ человѣкомъ «видѣвшимъ свѣтъ»,—бунтарь ежился, хмурился и думалъ лишь о томъ, какъ бы поскорѣе избавиться отъ непрошеннаго гостя. Изъ пятнадцати членовъ кружка, разселившихся на югѣ Кіевской губ. едва ли человѣка четыре искали знакомства съ крестьянами, остальные же находились въ самомъ ненормальномъ положеніи. Казалось, несравненно логичнѣе было этому большинству вовсе не жить по деревнямъ, а оставаться въ городахъ до тѣхъ поръ, пока ихъ силы не понадобятся для вооруженнаго отряда. Но мы находили тогда нужнымъ жить всѣмъ среди народа. И вотъ жизнь большинства изъ насъ стала складываться по особому образцу. Замыкаясь все болѣе и болѣе отъ окружающей жизни, мы стали ограничиваться только сношеніями другъ съ другомъ, которыя уже по этому одному сдѣлались необычайно частыми. Но частыя посѣщенія въ глухихъ деревняхъ были неудобны: они могли возбудить подозрѣніе у сосѣдей крестьянъ. Сборными пунктами начали выбирать болѣе оживленныя мѣста. Такимъ сборнымъ пунктомъ сдѣлался сначала городъ Смѣла Черкасскаго уѣзда, а впослѣдствіи Елисаветградъ, Херсонской губ. Въ Смѣлѣ находился большой сахарный заводъ графа Бобринскаго и это мѣстечко было оживленнѣе не только другихъ мѣстечекъ Кіевской губерніи, въ родѣ Корсуни, напр., но даже такихъ уѣздныхъ городовъ, какъ Черкассы или Чигиринъ. Постоялый дворъ еврея Сруля. (я перемѣняю имя изъ предосторожности) сдѣлался нашимъ притономъ. У него въ заднихъ комнатахъ, выходившихъ окнами въ тѣсный непроѣзжій переулокъ жило нѣсколько человѣкъ нашихъ, куда

обыкновенно и сходились для свиданія другіе, жившіе по окрестнымъ деревнямъ. Конечно, Сруль пользовался отъ насъ порядочнымъ заработкомъ и потому смотрѣлъ снисходительно на наши безконечныя шатанія. Впрочемъ, надо сказать, что онъ насъ понималъ по своему. Помню, пришелъ какъ-то я въ Смѣлу въ базарный день, купилъ себѣ свиту и явился, по обыкновенію, на постоялый дворъ Сруля. Свита была пошита изъ хорошаго домашняго сукна, но мнѣ не нравилось то, что воротникъ ея былъ украшенъ бѣлыми вышивками и придававшими ей какой-то траурный видъ, потому, усѣвшись въ комнатѣ, я принялся выпарывать бѣлыя нитки.

Сруль зашелъ въ нашу комнату и, заставши меня за этой работой, проговорилъ, хитро улыбаясь:

— „Это ты хорошо дѣлаешь!“

Потомъ онъ пояснилъ свою мысль Рахальскому, жившему у него и къ которому онъ относился весьма по-дружески, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Видно разумный человѣкъ этотъ вашъ съ черной бородой: досталъ свиту и сейчасъ же сталъ выпарывать нашивку. Онъ не попадется».

Словомъ, Сруль видѣлъ въ насъ просто-на-просто шайку воровъ и при этомъ ловкихъ, опытныхъ воровъ, умѣвшихъ обдѣлывать свои дѣла, какъ говорятъ, чисто. Во время «кіевскихъ контрактовъ» (такъ называется ярмарка, начинающаяся въ Кіевѣ весною и продолжающаяся около мѣсяца) многіе изъ насъ какъ-то долго не заходили въ Смѣлу, и Сруль тогда говорилъ Рахальскому, потирая себѣ руки: «Я знаю, вашп теперь, навѣрно, въ Кіевѣ... Тамъ-то они, должно быть, дѣла дѣлаютъ!»

Но Сруль заботливо оберегалъ насъ. Случалось, бывало, зайдетъ въ заднія комнатки, гдѣ жили наши и говоритъ:

— «Ну, хлопцы, надо быть осторожными. Становой что-то сталъ проѣжать по нашей улицѣ и все поглядываетъ косо сюда».

И вотъ, возьметъ Сруль, затворитъ ставни отъ переулочка, словно эти комнаты у него совсѣмъ пустыя и велитъ „хлопцамъ“ лежать смирно и на улицу не показывать носа. Наши такъ и лежатъ въ полумракѣ, никуда не выходятъ. А Сруль все это время самъ приноситъ имъ ѣду.

Наконецъ, неопредѣленность положенія, въ которомъ находилось большинство изъ насъ и, какъ слѣдствіе такого положенія, тяжелое чувство, испытываемое всѣми, понудило насъ искать какого-нибудь выхода. Мы рѣшили собраться всѣмъ кружкомъ для обсужденія нашихъ дѣлъ. Собраніе это состоялось въ Смѣлѣ на постояломъ дворѣ того же Сруля. Здѣсь мы провели нѣсколько дней въ шумныхъ разсужденіяхъ по поводу нашихъ будущихъ плановъ, и я удивляюсь теперь, какъ насъ тогда же всѣхъ не арестовали вмѣстѣ со Срулемъ, понятно, не какъ революціонеровъ, а просто-таки, какъ подозрительныхъ личностей. Сруль весь превратился тогда въ бдительность: обходилъ со всѣхъ сторонъ свой постоялый дворъ, подсматривалъ и подслушивалъ у сосѣдей, даже по ночамъ не спалъ. Но, конечно, и заработалъ онъ въ эти дни не мало. Мы спали и ѣли у него и за все щедро платили.

Результатомъ этого общаго собранія было то, что мы подраздѣлились, не помню ужъ точно, на двѣ или на три группы. Такъ, помню, на обязанности одной группы возложено было добываніе матерьяльныхъ средствъ, нужныхъ, главнымъ образомъ, для закупки оружія и устройства тайныхъ складовъ; другая группа, къ которой, между прочимъ, принадлежалъ и я, должна была заняться подыскиваніемъ связей среди крестьянъ. Кромѣ того имѣлись въ виду спѣшныя опредѣленныя дѣла, исполненіе которыхъ поручено было отдѣльнымъ лицамъ. Къ такимъ дѣламъ принадлежала, напр., покупка за границей типографскаго станка и контрабандная перевозка его въ Россію. Покупку должна была сдѣлать Анна Макаревичъ, которая вскорѣ и уѣхала по этому дѣлу въ Швей-

царію. Станокъ былъ нуженъ намъ для печатанія прокламацій въ моментъ возстанія, а также и манифеста отъ имени царя. Станокъ купленъ былъ, конечно, скоро, но съ перевозкой его мы что-то, помню, долго возились. Наконецъ, онъ былъ доставленъ намъ черезъ румынскую границу.

Итакъ, мы разбили кружокъ нашъ на группы единственно затѣмъ, что ожидали отъ этой мѣры хорошихъ практическихъ результатовъ. Всякій, имѣя передъ собою одну опредѣленную задачу,—разсуждали мы—можетъ легче ее исполнить, чѣмъ когда приходится ему разбрасываться на много дѣлъ. Это, конечно, было справедливое разсужденіе; но на практикѣ нѣкоторыя дѣла оказывались просто-таки неисполнимы. Въ самомъ дѣлѣ, что могла предпринять, напр., хоть та группа, на обязанности которой лежало пріобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ? Легко сказать пріобрѣтеніе средствъ! А какъ это было достать деньги? откуда? кто ихъ дастъ? Если бы у насъ были широкія связи въ обществѣ; но мы вѣдь и начали съ того, что прервали давно уже всѣ сношенія съ обществомъ. Теперь мы представляли изъ себя нѣчто замкнутое, обособленное отъ всего остального міра. Я полагаю, что въ общемъ, болѣе или менѣе, таково же было положеніе всѣхъ народническихъ кружковъ. Мы существовали и дѣйствовали, расходуя собственныя, такъ сказать, внутреннія матерьяльныя средства. Если въ кружкѣ имѣлись богатые члены,—кружокъ имѣлъ средства и могъ ихъ расходовать на свои дѣла. Не было же богатыхъ членовъ — неоткуда было достать и нужныхъ средствъ. Извнѣ деньги приходили рѣдко.

У насъ только одинъ Чубаровъ имѣлъ небольшія средства. Правда, еще Малинка былъ сынъ очень богатаго помѣщика Полтавской губ. Но Малинка пока не располагалъ крупными суммами; онъ могъ достать тысячу, двѣ тысячи рублей, не болѣе. Между тѣмъ дѣло наше требовало просто-таки огромнаго капитала. И вотъ, по неизбѣжности положе-

нія, мы должны были вѣчно пребывать въ какомъ-то мірѣ фантазій, или же намъ приходилось отказаться совершенно отъ своего дѣла. Первоначально мы мечтали добыть оружіе по крайней мѣрѣ тысячъ на десять человѣкъ. Предполагалось, что разъ только мы выступимъ вооруженнымъ отрядомъ и объявимъ крестьянамъ манифестъ, крестьяне тотчасъ станутъ волноваться. Этой минутой мы должны были воспользоваться и дать возможность вооружиться бунтовщикамъ. Для этого-то мы и должны были заблаговременно заготовить оружіе. Но десять тысячъ ружей стоили по крайней мѣрѣ тысячъ двѣсти рублей; да нужно было еще израсходовать огромную сумму на тайную перевозку этихъ ружей, на устройство склада и т. д. Повторяю, мы надѣялись, что манифестъ взбунтуетъ народъ и, слѣдовательно, для успѣха бунта, намъ оставалось только заготовить оружіе. По мѣрѣ того, какъ мы спускались съ облаковъ на землю или, другими словами, переходили отъ нашихъ проектовъ и плановъ къ ихъ практическому осуществленію—наши мечты становились все менѣе и менѣе пылкими; задачу свою мы все болѣе и болѣе суживали. О десятитысячной арміи мы скоро перестали мечтать и поставили себѣ цѣль несравненно болѣе скромную—добыть оружіе хоть для одной тысячи человѣкъ. Но и тысяча ружей стоила тысячъ двадцать-тридцать рублей, а съ контрабандной перевозкой, да другими посторонними расходами, влѣзла бы, пожалуй, въ цѣлыхъ пятьдесятъ. Откуда же было достать эти пятьдесятъ тысячъ рублей той группѣ, на обязанности которой лежало пріобрѣтеніе денегъ для закупки оружія? Такимъ образомъ, раздѣленіе на группы не повело за собою никакихъ добрыхъ практическихъ результатовъ. Все шло по старому. Большинству членовъ кружка, изнывавшихъ отъ отсутствія живого дѣла и проводившихъ свое время во взаимныхъ посѣщеніяхъ, и послѣ раздѣленія на группы дѣла не оказывалось, и слѣдовательно, ничего другого не оставалось, какъ только ныть.

Несравненно лучше стояли дѣла тѣхъ, которые должны были завязывать сношенія съ крестьянами. И понятно почему. При нѣкоторой умѣлости, а главное при желаніи, задача эта была вполнѣ исполнимая. Стефановичъ велъ свои сношенія съ чигиринцами отдѣльно, и о нихъ я буду говорить въ своемъ мѣстѣ. Теперь же разскажу о знакомствахъ съ крестьянами, которыя имѣли мы съ Дробязгинымъ.

Дробязгинъ и я согласились работать совмѣстно и рѣшили воспользоваться раньше всего тѣми готовыми связями, которыя были переданы намъ, между прочимъ, однимъ сельскимъ учителемъ, народникомъ украинофиломъ, оставившимъ эту мѣстность, кажется, около года тому назадъ и переселившимся въ другую губернію. Изъ предосторожности, которая никогда не лишняя, какъ ни отдалена та эпоха, о которой я разсказываю теперь, я не стану называть ни этой деревни, ни учителя, ни тѣхъ крестьянъ, съ которыми намъ пришлось тогда войти въ сношенія. Я думаю, съ другой стороны, что для читателя едва-ли можетъ представить интересъ дѣйствительное названіе деревни или имена лицъ. Можетъ быть, многія изъ тѣхъ лицъ теперь уже мертвы, и имъ не предстоитъ никакой опасности,—но я этого не знаю.

Итакъ, невысокія горы, почти холмы, всюду обработанныя и только кое гдѣ заросшія кустарникомъ, свидѣтельствовавшимъ о томъ, что нѣкогда росъ здѣсь лѣсъ, и небольшая, быстрая рѣчка съ очень крутыми берегами—такова въ общемъ та мѣстность, куда направились мы съ Дробязгинымъ въ маѣ 76-го года. Въ то время я уже жилъ возлѣ Знаменки подъ видомъ торговца лошадьми. Мои разъѣзды по окрестнымъ ярмаркамъ, причемъ иногда приводилъ я къ себѣ, въ свое мѣсто жительства какую нибудь захудалую лошадку, служили полнымъ доказательствомъ того, что я былъ настоящій „ливерантъ“ (такъ называютъ въ юго-западномъ краѣ торговца лошадьми). Дробязгинъ заѣхалъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ съ

нимъ выѣхали, какъ будто по ярмаркамъ,—на самомъ же дѣлѣ отправились въ эту мѣстность.

Деревня, куда мы съ нимъ прибыли послѣ довольно продолжительнаго путешествія, была расположена на двухъ крутыхъ холмахъ, между которыми блестѣлъ широкій прудъ, обсаженный съ трехъ сторонъ вербами, спускавшими вѣтви въ самую воду. Крестьянскія избы, окруженныя садами, были разбросаны на этихъ двухъ холмахъ безъ всякаго плана. Кривыя улицы, отѣненныя фруктовыми деревьями, цвѣтшими въ это время по садамъ, и хаты, виднѣвшіяся изъ-за этихъ деревъ, гдѣ-то въ глубинѣ дворовъ, придавали такой видъ деревнѣ, словно она состояла изъ множества отдѣльныхъ хуторовъ.

Проѣхавши плотину, мы поднялись на гору и вскорѣ добрались до конца деревни. Здѣсь, влѣво отъ дороги, мы увидѣли новопостроенную вѣтряную мельницу, которая и должна была послужить намъ исходной точкой въ поискахъ; разспросы по деревнѣ могли вызвать толки среди крестьянъ, а этого мы старались избѣжать. Осмотрѣвшись, мы обратили вниманіе на одну избу, которая по примѣтамъ должна была принадлежать дѣду Федѣ, и направились къ ней. Во дворѣ мы увидѣли взрослую дѣвушку, просѣвавшую пшеницу или рожь надъ рядномъ, и обратились къ ней съ вопросомъ: гдѣ живетъ дѣдъ Федь?

— „Здѣсь“, отвѣтила она.

— „Если онъ дома, попроси, чтобы вышелъ къ намъ“, проговорилъ одинъ изъ насъ.

Мы не хотѣли вваливаться въ избу, не зная—одинъ ли былъ хозяинъ или, можетъ быть, имѣлъ въ эту минуту гостей. Дѣвушка положила рѣшето и ушла въ избу. Вскорѣ на порогѣ показался высокій старикъ совершенно сѣдой, сѣдой, какъ голубь, по выраженію украинцевъ. Онъ подошелъ къ воротамъ, возлѣ которыхъ мы поджидали, и сталъ внимательно смотрѣть на насъ, не произнося ни слова.

— „Добрый день, диду! Вы — Федь К.?“ спросилъ одинъ изъ насъ.

— „Я“.

— „Кланялся вамъ Федоръ..., Помните, диду, учителя Федора? Отъ него поклонъ вамъ привезли. Мы его пріятели“.

Суровое выраженіе сразу исчезло съ лица старика.

— «О, Боже-жъ мой!... Какъ же мнѣ не помнить его? Федора Ивановича?..» Дѣдъ вдругъ страшно заволновался. «Столько времени жилъ у насъ... О, Боже-жъ мой милый, какъ же таки мнѣ не помнить Федора? Что же мы тутъ на улицѣ стоимъ!». воскликнулъ онъ, принимаясь торопливо отворять свои ворота.

— «Вотъ обрадуется мой Стецько, какъ узнаетъ!.. Заѣзжайте, дорогіе гости, заѣзжайте! Ну и обрадуется онъ!»

Мы въѣхали во дворъ, пріятно пораженные, почти смущенные этой душевной встрѣчей.

— «А давно вы видѣли Федора Ивановича?» спросилъ дѣдъ.

— «Давненько же», отвѣтилъ кто-то изъ насъ.

— «Жинко!» торжественно кликнулъ дѣдъ. «Богъ намъ послалъ дорогихъ гостей: пріятели нашего Федора. Вотъ, говорю я, обрадуется нашъ Стецько, когда узнаетъ!» говорилъ онъ, входя въ избу; потомъ, обращаясь къ намъ, добавилъ: «Стецько часто вспоминаетъ Федора Ивановича».

— «Нашъ Стецько все, бывало, вспоминаетъ учителя Федора», подтвердила старуха.

— «А гдѣ же вашъ сынъ, диду?» спросилъ я.

Старикъ вздохнулъ, а старуха, стоявшая возлѣ печи, подперла рукою свое морщинистое лицо и грустно закачала головой.

— «Стецька взяли въ солдаты. Вытянулъ жеребокъ», *)

*) Вытянулъ жребій.

проговорилъ дѣдъ и замолкъ. Старуха ничего не говорила; она только сморкалась; я видѣлъ, какъ изъ глазъ ея текли слезы.

— «Ну, теперь, слава Богу, не такъ это страшно», попытался я поддержать двухъ стариковъ. «Это прежде, бывало, какъ попалъ въ солдаты—такъ и пропалъ. Теперь скоро пускаютъ».

— «Это правда, теперь легче», согласился старикъ.

У дѣда Федя была одна дочь и одинъ сынъ. Благодаря тому, что дѣду не хватало немного до возраста, называемаго «престарѣлымъ», Стецько его не могъ воспользоваться льготой и вынужденъ былъ отбывать воинскую повинность. Онъ былъ взятъ въ солдаты нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и теперь старикъ ожидалъ со дня на день его прихода въ отпускъ.

Я вышелъ во дворъ, подбросилъ сѣна лошади и, вынувши изъ телѣги книжки, воротился въ избу. Всѣ книжечки были на украинскомъ языкѣ («метелыки»).

— «Вотъ, дѣду, эти книги Федоръ просилъ передать вамъ».

— «О, спасибо!..» отвѣтилъ дѣдъ, принимая книги съ нѣкоторой торжественностью; и тутъ же замѣтилъ, что самъ онъ неграмотный, но что книги эти прочтетъ ему Стецько, когда пріѣдетъ въ отпускъ.

— «Онъ у насъ грамотный», говорилъ дѣдъ.

Старуха въ это время полѣзла въ сундукъ, вытащила оттуда какую-то свороченную тряпку, бережно развернула ее и показала намъ исписанную бумагу.

— «Это его письмо», съ важностью проговорила она, передавая намъ бумагу». Здѣсь онъ пишетъ, что скоро пріѣдетъ къ намъ въ отпускъ. Стецько нашъ грамотный... Вотъ читайте сами его письмо», уговаривала меня старуха.

Словомъ, по всему было видно, что Стецько былъ предметомъ семейной гордости.

Мало по малу мы разговорились; перешли на другія темы. Старуха и старикъ нѣсколько повеселѣли. Скоро пришли гости: Лазарь и Нечипоръ. Нечипору мы тоже дали нѣсколько книжекъ; онъ былъ грамотный, и его намъ особенно рекомендовалъ учитель. Лазарь, болѣзненный тщедушный мужичекъ лѣтъ 35—40, оказался весьма разговорчивымъ. Лишь только онъ узналъ, что мы пріятели Федора Ивановича, тотчасъ же принялся излагать передъ нами свои взгляды. Видимо, онъ очень любилъ болтать и радъ былъ случаю. Но при нѣкоторыхъ положеніяхъ болтуны положительно бываютъ полезны. Такъ было въ этомъ случаѣ,—мы были очень рады болтовнѣ Лазаря, такъ какъ она всѣмъ присутствующимъ развязала языки. Разсуждая (довольно краснорѣчиво, замѣчу въ скобкахъ) объ общемъ положеніи крестьянъ, объ ихъ нуждѣ, малоземельи и проч., Лазарь приходилъ къ тому заключенію, что имъ оставалось единственное средство—бунтовать, такъ какъ ждать законной помощи было неоткуда. Съ болѣзненной раздражительностью ругалъ онъ тѣхъ, которые ожидали помощи отъ царя.

— «Мы здѣшніе», говорилъ онъ, «знаемъ хорошо, что такое царь; мы — удѣльные. А послушайте, что говорятъ по другимъ селамъ,—тамъ говорятъ совсѣмъ другое объ царѣ. Какъ вспомню, продолжалъ онъ, какъ бунтовались поляки и мы собирались идти противъ нихъ, чтобы ихъ вязать,—такъ и жалко становится. А по другимъ селамъ такъ и на самомъ дѣлѣ ихъ вязали. Не нужно было этого дѣлать! Если бы они теперь подняли бунтъ,—ей Богу, пошелъ бы бунтовать вмѣстѣ съ ними!».

Взглядъ на «польское дѣло», высказанный Лазаремъ, меня поразилъ. Въ юго-западномъ краѣ поляки — это помѣщики. Кое гдѣ только въ Подольской и Волынской губ. встрѣчаются поселенія польской шляхты,—весь же край населенъ исключительно украинцами. Но украинцы—это крестьяне; такъ что

мы имѣемъ здѣсь двѣ націи, одна враждебная другой въ экономическомъ отношеніи. Одна нація, польская, является аристократіей края, другая — украинская — мужичья. Въ этой комбинаціи заключается, какъ я думаю, самое глубокое несчастіе страны, такъ какъ, если дурно тѣмъ народамъ, у которыхъ есть бѣдные и богатые, образованные и необразованные, то во сто кратъ хуже тому народу, у котораго нѣтъ ни богатыхъ, ни образованныхъ, а царитъ полное равенство: поголовная бѣдность и поголовное невѣжество! Въ борьбѣ поляковъ со всероссійскимъ деспотизмомъ украинецъ-мужикъ всегда становился на сторону послѣдняго. Мужикъ не политикъ; онъ предпочитаетъ русскаго царя польскому пану. Въ 1863 году польское возстаніе въ юго-западномъ краѣ было парализовано, главнымъ образомъ, крестьянами. Крестьяне-украинцы повсемѣстно преслѣдовали повстанцевъ-поляковъ, и либо вязали ихъ и доставляли по начальству, либо же сами звѣрски расправлялись съ ними.

Итакъ, повторяю, Лазарь своимъ мнѣніемъ рѣшительно поразилъ меня. Для выработки подобнаго взгляда, вѣроятно, не мало помогло ему то обстоятельство, что помѣщикомъ его былъ именно царь, а не полякъ. Деревня эта принадлежала удѣламъ. Но во всякомъ случаѣ на мнѣніе Лазаря надо было смотрѣть, какъ на исключительное и былъ большой вопросъ для меня, согласны ли были съ нимъ хотя бы даже присутствующіе при этомъ дѣдъ Федь и Печипоръ. Оба они мало вмѣшивались въ нашъ разговоръ и, хотя на ихъ лицахъ можно было прочесть благосклонность, но, принимая во вниманіе сдержанность украинца, я не рѣшусь теперь утверждать, что они были одного мнѣнія съ Лазаремъ.

Несомнѣнно, однако, было то, что царь не пользовался ни у кого изъ нихъ ни малѣйшимъ престижемъ; царизма—этой общенародной болѣзни—здѣсь не было и слѣда; а этого одного было уже слишкомъ достаточно. Дѣятельность пропагандиста

въ этой мѣстности—это нужно было признать—принесла самые блестящіе результаты

Жизнь удѣльныхъ крестьянъ описываемой деревни была тяжелая и непривлекательная. Надѣлы даны были имъ маленькіе, такъ что они принуждены были искать заработковъ внѣ своего скуднаго хозяйства. Ежегодно цѣлыми толпами уходили изъ этой деревни на лѣтнія работы въ Херсонскую губ. Дѣдъ Федь не былъ бы въ состояніи пропитаться, если бы не дѣлалъ на продажу возовъ, которые и распродавалъ въ базарные дни въ ближайшемъ мѣстечкѣ.

Намѣреваясь провести нѣсколько дней у нашихъ новыхъ пріятелей, мы спросили, не покажется ли сельскимъ властямъ страннымъ наше долговременное пребываніе въ деревнѣ и не вызоветъ ли это какихъ-либо подозрѣній. На это дѣдъ Федь отвѣтилъ, что у нихъ теперь старшина и волостной писарь свои люди и намъ опасаться нечего.

— „Раньше старшина у насъ былъ скверный, но мы его смѣнили“, замѣтилъ дѣдъ.

Мы стали разспрашивать о деревенскихъ выборахъ, и намъ удалось узнать, что среди крестьянъ этой деревни существовали двѣ партіи, или вѣрнѣе два теченія, боровшіяся другъ съ другомъ. Но въ чемъ была ихъ рознь—мы долго не могли понять. Даже наши собесѣдники, стоявшіе въ умственномъ отношеніи, конечно, выше средняго крестьянскаго уровня, не могли намъ хорошенько выяснить сущности этой борьбы. Только послѣ ряда разспросовъ съ нашей стороны мы, наконецъ, уразумѣли, въ чемъ дѣло. Зажиточные хозяева, составлявшіе меньшинство, стремились властвовать и долгое время даже властвовали, пока не удалось сорганизоваться бѣднѣйшимъ, которые составили большинство и, въ концѣ концовъ, взяли власть въ свои руки. Во время нашего пребыванія въ этой деревнѣ всѣ власти, т. е. староста, старшина, судцы (судьи) принадлежали, такъ сказать, къ партіи большинства. Здѣсь, такимъ образомъ,

мы имѣли такое же раздѣленіе крестьянскаго міра на два борющихся лагеря, какъ это было и у чигиринцевъ.

Мы гостили у дѣда Федя нѣсколько дней. Нечипоръ и Лазарь постоянно проводили время съ нами. Въ рядѣ бесѣдъ мы развивали ту мысль, что отъ помѣщиковъ надо отнять землю и передѣлить ее поровну между всѣми и само собою разумѣется, что наши собесѣдники признавали это вполнѣ справедливымъ. Мы указывали на то обстоятельство, что крестьяне всюду этого желаютъ, но къ несчастью ничего не предпринимаютъ для осуществленія своихъ желаній и ждутъ, что царь имъ передѣлитъ землю. Мы поддерживали мнѣніе Лазаря, что единственный выходъ для крестьянъ заключается въ бунтѣ по возможности, конечно, широкомъ, повсемѣстномъ.

Нашимъ собесѣдникамъ, какъ оказалось, хорошо были извѣстны крестьянскія ожиданія и толки о передѣлѣ земли, но сами они этому не вѣрили.

— „Ну, а если гдѣ-либо начнется бунтъ, — найдутся ли у васъ охотники его поддержать?“ спросилъ одинъ изъ насъ.

— „На хорошее дѣло всякій пойдетъ“, отвѣтилъ Нечипоръ.

— „Выиграемъ или проиграемъ — все одно хуже не будетъ. Хоть коней попасемъ на панскихъ сѣнокосахъ“, замѣтилъ Лазарь.

Я посмотрѣлъ на Лазаря: большіе темные круги подъ глазами, одышка, неустанный кашель — таковы были блага, которыми наградила его жизнь. Лазарю терять, дѣйствительно, было нечего.

— „Съ голыми руками бунтовать не выйдемъ“, говорили между тѣмъ мы. „Достанемъ ружей, надѣлаемъ пикъ, ножей, да сядемъ верхомъ на добрыхъ коней! Не такъ-то легко справятся москали съ нами! Трудно только начать. А какъ наберется сотня-другая человѣкъ, да пріѣдемъ мы съ ружьями и пиками въ какую-нибудь деревню, да отнимемъ

отъ пана землю и передѣлимъ ее между людьми, то люди насъ поддержатъ. Москали не успѣютъ прійти, какъ около насъ соберутся уже тысячи народу. А если много народу взбунтуется, то потомъ никакое войско ничего не сдѣлаетъ".

— «А чтобы люди скорѣе къ намъ приставали», заговорилъ Лазарь, «то нужно сдѣлать такъ: нѣсколько человѣкъ переодѣнутся за офицеровъ; понадѣваютъ эполеты и все такое. Да пріѣхавши верхомъ въ село, прямо въ волость: да сейчасъ—созывай сходъ!».

— «Да на сходѣ сказать, что мы отъ царя, и бумагу такую прочесть людямъ», подсказалъ одинъ изъ насъ.

— «Сказать, что мы отъ царя!..» съ увлеченіемъ подхватилъ Лазарь.—«Всѣ тогда пристанутъ къ намъ! Такое можно надѣлать, что потомъ и войско не поможетъ».

Помню, даже сдержанный Нечипоръ, слушая насъ, улыбнулся во весь ротъ. Но вѣрилъ ли онъ въ успѣхъ настолько же, насколько мы вѣрили въ ту минуту—трудно было сказать. Вѣроятно, вѣры этой у него было меньше. Самозванство въ формѣ подставного царя или только въ видѣ ложныхъ царскихъ манифестовъ представлялась всякому знакомому съ міровоззрѣніями народа вѣрнѣйшимъ средствомъ для произведенія смуты. Лазарь самостоятельно додумавшійся до того, что для успѣха надо было нѣсколькимъ человѣкамъ переодѣться офицерами, въ сущности, говорилъ то же; мы только яснѣе формулировали его собственную мысль.

Обѣдали мы то у дѣда Федя, то у Нечипора, жившаго по сосѣдству. Мы гуляли вмѣстѣ по левадамъ, по окрестнымъ полямъ. Наши отношенія становились со всякимъ часомъ болѣе близкими. Несомнѣнно, однако, что мы сильно мѣшали работать, въ особенности дѣду Федю, которому давно надо было окончить возъ, заказанный однимъ человѣкомъ изъ сосѣдней деревни.

Появился, наконецъ, и Стецько, получившій отпускъ на

три дня. Полкъ его стоялъ въ уѣздномъ городѣ. Старуха и старикъ обрадовались до того, что не знали куда его посадить. Это былъ еще совсѣмъ юный на видъ паробокъ, круглолицый, черноокій. Мать немедленно же сняла съ него солдатскій костюмъ; но его низко выстриженная, по-солдатски, голова мѣшала походить ему на крестьянина. Какъ только мы познакомились съ нимъ, онъ не замедлилъ показать намъ свои таланты. Онъ читалъ и писалъ, дѣйствительно, вполнѣ свободно; любимой книгой его былъ «Кобзарь» Шевченко, изъ котораго онъ множество стиховъ декламировалъ наизусть. Самъ онъ тоже, увлекаясь примѣромъ Шевченко, бывшаго, какъ и онъ, простымъ мужикомъ, написалъ довольно длинную поэму стихами, которую и прочелъ намъ въ первый же день. Дѣдъ восторгался, слушая его; мы нашли поэму слабенькой, но, не желая обижать стариковъ, промолчали. Учитель, видно, положилъ больше всего старанія на Стецько, но тѣмъ не менѣе Стецько производилъ впечатлѣніе нѣсколько взбалмошнаго юноши, съ головой, вскруженной отъ похвалъ, расточаемыхъ окружавшими. Онъ былъ грамотнѣе всѣхъ окружающихъ и надувался отъ этого, какъ индѣйскій пѣтухъ.

Въ послѣдній день нашего пребыванія за обѣдомъ Стецько то и дѣло декламировалъ стихи; видимо, онъ желалъ обратить на себя вниманіе. Въ этотъ разъ обѣдалъ съ нами и Нечипоръ; тутъ же сгорбившись сидѣлъ и Лазарь...

— «А знаете»,—обратился къ намъ дѣдъ—«какъ увидѣлъ я васъ въ первый разъ тогда у воротъ, такъ даже испугался; думаю себѣ: какіе-то кацапы *), чего эти люди хотятъ отъ меня? Не дай Боже встрѣтиться съ такими въ лѣсу!.. Страшные, бородатые... Мы тутъ не носимъ бородъ. И Федоръ тоже всегда брилъ бороду... А теперь вижу»..

— «А теперь видите, если бы намъ побрить бороды,

*) Такъ называютъ украинцы великороссовъ.

то изъ насъ вышли бы настоящіе козаки!?.» — перервалъ его Дробязгинъ. — «Развѣ не такъ?»

— «Совсѣмъ козаки!»

Стецько въ это время декламировалъ.

— «Вотъ, лучше ѣшь,» — замѣтила ему мать. — «А то все только говоришь, да говоришь.»

— «Когда же мы еще увидимся?—спросилъ Лазарь

— «Мы скоро опять пріѣдемъ», — отвѣтилъ одинъ изъ насъ.

— «Заѣзжайте прямо ко мнѣ, какъ до своей хаты», — проговорилъ дѣдъ.

— «Спасибо за ласковое слово. Позволяете, такъ мы и опять къ вамъ заѣдемъ», — сказалъ Дробязгинъ.

Стецько продолжалъ декламировать, но его никто не слушалъ, кромѣ старой матери; повидимому она ничего или, по крайней мѣрѣ, очень мало понимала изъ этой декламаціи, но все же слушала и удивлялась искусству. Стецьку это было пріятно. Я посмотрѣлъ на его пухлые щеки, и мнѣ вдругъ припомнился второклассникъ, гимназистъ, только что пріѣхавшій на праздники въ домъ своихъ родителей; съ великимъ торжествомъ декламируетъ онъ своей матери ту именно крыловскую басню, за которую получилъ пятерку, а мать, сидя возлѣ него, привѣтливо ему улыбается, но думаетъ въ это время совсѣмъ о другомъ: она думаетъ — откуда бы достать ей денегъ для дальнѣйшаго воспитанія сына.

Послѣ обѣда мы простились и уѣхали.

XIII.

Наши связи среди крестьянъ.

Новопріобрѣтенныя знакомства казались намъ цѣнными, и мы съ Дробязгинымъ возвращались изъ мѣста нашего посѣ-

щенія вполнѣ довольные. Въ частности мнѣ нравилось здѣсь то, что въ наши сношенія съ этими людьми не пришлось вносить ни обмана, ни хитростей, и что мы сразу стали съ ними въ болѣе или менѣе прямыя, товарищескія отношенія, чего мы не могли достигнуть и даже не знали, какъ этого достигнуть, при нашихъ столкновеніяхъ съ чигиринцами. Правда, здѣсь мы не договорились еще до конца: самое завѣтное, что пуще всего отъ всѣхъ скрывали мы — наши манифесты, — остались еще не открытыми. Мы думали сдѣлать это позже, когда приблизится время возстанія. Но уже и то, что было нами вскользь сказано въ бесѣдѣ съ Лазаремъ, было — какъ намъ казалось — вполнѣ достаточно для перваго раза. Мы замѣтили, что къ подобной мѣрѣ, какъ манифестъ отъ имени царя, умы нашихъ новыхъ пріятелей давнымъ давно были подготовлены и подготовлены были, конечно, никѣмъ инымъ, какъ самой жизнью, и что разъ наступитъ рѣшительная минута, можетъ быть, они же первые для обезпеченія успѣха прибѣгнутъ къ этой мѣрѣ. Вся постановка дѣла здѣсь получалась и проще и лучше, чѣмъ съ чигиринцами, и я былъ необыкновенно этому радъ.

Задавшись цѣлью завязывать знакомства среди крестьянъ, само собою разумѣется, мы далеки были отъ того, чтобы ограничиться одной мѣстностью и потому, не теряя времени, продолжали свои поиски дальше. Нужно сказать, что года полтора-два назадъ Иванъ Дробязгинъ въ качествѣ пропагандиста жилъ, если мнѣ не измѣняетъ память, въ городѣ Вознесенскѣ, Херсонской губ., и ему удалось сблизиться съ крестьянами, приходившими туда изъ Кіевской губ. на заработки. Крестьяне тѣ были изъ мѣстечка Мошны, и теперь мы рѣшили воспользоваться этими старыми связями, и направились въ Мошны. Мѣстечко это, находящееся на берегу Днѣпра у подножія огромной горы, заросшей лѣсомъ и видѣющейся далеко съ Днѣпра, лежало почти по дорогѣ намъ домой. При-

ходилось немного только отбиться въ лѣвую сторону. Къ сожалѣнію, однако, знакомые Дробязгина и въ этомъ году успѣли уже уйти на лѣтніе заработки и мы, никого изъ нихъ уже не заставши, принуждены были направиться домой. Мы съ Дробязгинымъ условились, спустя нѣкоторое время (кажется, черезъ мѣсяцъ) опять поѣхать къ дѣду Федю, и въ мѣстечкѣ Смѣла разстались: Дробязгинъ отправился къ себѣ, куда-то по направленію къ Днѣпру (не помню точно мѣста его поселенія), я же поѣхалъ на югъ, къ Знаменкѣ, гдѣ въ это время жилъ подъ видомъ торговца лошадьми.

По пути я остановился въ мѣстечкѣ Александровкѣ, гдѣ въ это время случился какъ разъ базарный день. Какъ торговцу лошадьми мнѣ было полезно посмотрѣть на базаръ, поэтому я заѣхалъ на постоялый дворъ и, выпрягши и уладившись со своимъ конемъ, пошелъ на площадь. Но базаръ оказался незначительный и кромѣ изнуренныхъ лошадей съ громадными язвами на спинахъ и на шеяхъ отъ черезсѣдельниковъ и хомутовъ, и полу-нагихъ цыганъ, бѣгавшихъ съ кнутами по базарной площади, я ничего другого не увидѣлъ и скоро воротился назадъ.

Прійдя на постоялый дворъ или, вѣрнѣе, въ корчму, гдѣ я остановился, я потребовалъ самоваръ и въ общей питейной избѣ расположился пить чай.

Въ это время съ улицы вошелъ мужикъ съ деревянными обручами на плечѣ и направился къ прилавку, за которымъ стоялъ хозяинъ, еврей. Мужикъ былъ среднихъ лѣтъ съ широко открытыми, карими глазами, поразившими меня сразу своимъ страдальческимъ выраженіемъ, а когда онъ поворотилъ ко мнѣ лицо, и я увидѣлъ его впалыя щеки, то почти догадался въ ту минуту, въ чемъ было дѣло. Впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось идти съ этапомъ по сибирскому тракту, я часто наблюдалъ подобное выраженіе глазъ у голодныхъ арестантовъ и потомъ никогда не ошибался въ этомъ. Но

тогда я только догадывался, что тутъ было какое-то физическое страданіе и, руководимый чувствомъ жалости, предложилъ ему выпить со мною чаю. Мужикъ сначала какъ-то нерѣшительно отнесся къ моему предложенію—точно не повѣрилъ,—но когда я вторично пригласилъ его, онъ сѣлъ на скамью и, сбросивши съ плечъ обручи, положилъ ихъ на полъ.

— «Мы не привычны къ чаю», замѣтилъ онъ.

— «Если въ чай положить сахаръ, да пить его съ хлѣбомъ, то можно наѣсться все равно какъ борщемъ», говорилъ я между тѣмъ, придвигая ему стаканъ чаю и кусокъ хлѣба.

Онъ принялся ѣсть съ большимъ аппетитомъ.

— «Бандарюете»?*) спросилъ я.

— «Какъ видите».

— «А изъ какого села?»

— «Изъ Бырокъ», отвѣтилъ онъ.

Селеніе Бырки находится на притокѣ Днѣпра Тясминѣ, недалеко отъ мѣстечка Александровки. Я часто проѣзжалъ черезъ это село и теперь долженъ былъ ѣхать, такъ какъ оно лежало мнѣ на пути.

— «Что же у васъ въ Быркахъ работы нѣтъ, что приходите сюда въ Александровку?»

— «Какая же тамъ у насъ работа! Сюда ходимъ за работой».

— «Развѣ у васъ поля нѣтъ?»

— «Поля?.. Есть... А были вы когда нибудь въ Быркахъ?» спросилъ онъ меня въ свою очередь.

— «Былъ».

— «Видѣли какіе тамъ пески?»

Я вспомнилъ, дѣствительно, почти зыбучіе пески, кото-

*) Т. е. занимаетесь бондарствомъ.

рые не разъ приходилось мнѣ переѣзжать возлѣ рѣки Тясмина.

— «Вотъ эти же пески, что вы видѣли, это наши поля. Тамъ и мое поле. Одинъ песокъ», продолжалъ мой собесѣдникъ, кушая хлѣбъ и запивая чаемъ, «песокъ, на которомъ и былинка не ростетъ. Если бы не это»—онъ указалъ рукою на обручи, лежавшіе на полу — «давно умеръ бы съ голоду».

— «А бондарствомъ хорошо заработываете?» спросилъ я.

— «Гдѣ тамъ...» Мужикъ, молча, ѣлъ нѣкоторое время, потомъ проговорилъ: «какъ случится: иной разъ — только проходишь даромъ. Вотъ и сегодня, съ самаго утра хожу по базару и хоть бы вамъ одинъ обручикъ набилъ!»

— «Погано», замѣтилъ я, пододвигая ему хлѣбъ и наливая второй стаканъ чаю.

— «Какъ ужъ не поганно, когда есть нечего!», заговорилъ мужикъ, языкъ котораго все болѣе и болѣе развязывался. «У меня такъ: сегодня не заработалъ—сегодня нечего и въ ротъ положить. Вотъ и теперь, съ самаго ранняго утра до сихъ поръ, вѣрите ли, и маленькаго кусочка хлѣба не съѣлъ! Такъ весь день одну воду и пью: во рту сохнетъ. Если бы не вы, спасибо вамъ, пошелъ бы домой голодный, какъ собака».

— «Почему же вы изъ дому не взяли съ собою хлѣба?»

— «Изъ дому?! Охъ, и не говорите лучше!» воскликнулъ онъ. «Дома у меня одно несчастье. Жена,—вотъ уже три года—ни рукою, ни ногою двинуть не можетъ,—лежитъ пластомъ на печкѣ. Не оборотишь ее на другой бокъ, такъ сама и поворотиться не можетъ. А въ хатѣ трое дѣтей. Старшему хлопчику недавно семь лѣтъ минуло; только этой весной сталъ его пріучать за погоныча*); а двое другихъ со-

*) Тотъ, который погоняетъ воловъ при плугѣ.

всѣмъ еще малые: одному пять, другому четыре годика. Дома у меня такъ: какъ самъ не замѣшу, то и хлѣба нѣтъ; да, правду сказать, и мѣсить нечего. Вотъ этимъ только и живлюсь», добавилъ онъ, опять показывая на обручи. «Приду сюда, заработаю, куплю хлѣба готоваго, печенаго и несу его до дому; жена и дѣти ѣдятъ. Такъ и живемъ...» Послѣ небольшой остановки мужикъ продолжалъ: «И съ чего она заболѣла—богъ святой знаетъ!.. Я уже и бабокъ призывалъ, и къ кому только не ходилъ, кого только не спрашивалъ! Вотъ уже три года такой муки! другой разъ даже грѣхъ на душу беру: гляжу, гляжу на нее, да стисну зубы и думаю: Господи, да хоть бы уже ты взялъ ее къ себѣ! Пусть бы она сама не мучилась, да не мучила и меня покрай себя».

Мужикъ замолкъ; я молчалъ тоже. Наконецъ, онъ поѣлъ хлѣбъ, вытеръ усы рукою, перекрестился и поднялся со скамьи.

— «Ну, пойду же я, похожу, можетъ еще заработаю какую копѣйку», сказалъ онъ, забрасывая на плечо обручи. «Спасибо вамъ за хлѣбъ».

— «Сегодня думаете возвращаться до дому или заночуете здѣсь?» спросилъ я.

— «Гдѣ же здѣсь ночевать?! Пойду до дому».

— «Такъ сдѣлайте же такъ, человиче добрый: походите по мѣстечку, сколько вамъ нужно, поработайте, а какъ кончите работу, возвращайтесь сюда и отсюда вмѣстѣ поѣдемъ. Мнѣ все равно Бырки по дорогѣ; подвезу васъ».

— «А вы долго стоять будете?»

— «Да выѣду передъ вечеромъ».

Въ Александровкѣ у меня не было никакого дѣла, и я могъ отсюда уже давнымъ давно выѣхать. Но мнѣ захотѣлось поближе познакомиться съ этимъ бондаремъ, и я рѣшилъ его обождать.

Воротился онъ часа черезъ два на постоялый дворъ. Я тотчасъ собрался, и мы выѣхали изъ мѣстечка.

Дорогой я принялся разспрашивать его объ ихъ помѣщикѣ, о надѣлахъ земли, полученныхъ ими при освобожденіи и пр. Насколько могу теперь припомнить, онъ разсказывалъ, что первоначально даны были имъ въ надѣлъ хорошія земли, но потомъ удалось какъ-то помѣщику повернуть дѣло, замѣнивъ большую часть этой земли песками, на которыхъ, по выраженію его, не росла и былинка, а не то что хлѣбъ. При этой мошеннической сдѣлкѣ, вѣроятно, въ цѣляхъ ея упрочевія, поступлено было такимъ образомъ, что пески не были раздѣлены между всѣми, а достались цѣликомъ только одной части крестьянъ; другіе же крестьяне оставлены были при хорошихъ надѣлахъ. Этимъ достигнуто было то, что среди крестьянъ возникли рознь и несогласія, въ концѣ развившіяся въ настоящую вражду. У моего собесѣдника было такое ясное опредѣленное представленіе объ своихъ деревенскихъ дѣлахъ, что большаго нельзя было и требовать; своихъ односельцевъ, державшихъ сторону пана, онъ обзывалъ разбойниками за то, что они продали интересы громады.

— «Лѣтъ семь тому назадъ», разсказывалъ мужикъ, «былъ я сотскимъ въ нашемъ селѣ. И раньше не одинъ разъ говорилъ я между своими о томъ, чтобы подать жалобу на пана; просить, чтобы взяли отъ насъ эти пески и воротили намъ наши старые надѣлы; а когда меня выбрали сотскимъ, сталъ я объ этомъ еще больше говорить. Что же они сдѣлали, эти собаки? Позвали меня въ волость и старшина велѣлъ меня высѣчь. Высѣкли меня и потомъ еще посадили въ холодную, да продержали двѣ недѣли. За сотскаго выбрали другого. И до сихъ поръ у насъ ихъ царство», закончилъ мужикъ.

Оказывалось, такимъ образомъ, что въ селеніи Бырки громада была раздѣлена на двѣ враждебныя партіи, ясно сознававшія рознь своихъ интересовъ, во имя которыхъ и вели другъ съ другомъ борьбу. Это положеніе дѣлъ въ Быркахъ

очень соотвѣтствовало тому, что говорили намъ дѣдъ Федь, Нечипоръ и Лазарь относительно своего села; напоминало это также и положеніе дѣлъ бунтовавшейся чигиринщины, гдѣ «актовики» и «душевики» преслѣдовали одни другихъ до послѣдней степени. Въ селѣ Бырки были даже и свои жертвы за громадскія дѣла: кутузка и побои исполняли здѣсь, очевидно, ту же роль, какъ тюрьма и Сибирь въ рукахъ нашего правительства.

— «Никакія жалобы вамъ не помогутъ», заговорилъ я въ свою очередь. «Кому станете подавать жалобы? Чиновникамъ? Чиновники держатъ руку пановъ. Чиновники такіе же разбойники, а можетъ и хуже, какъ вашъ панъ или старшина».

— «Это правда», согласился мужикъ.

— «Отъ вашего пана просто нужно отнять всю землю и потомъ передѣлить ее поровну между всѣми людьми».

— «Вотъ, что правда—то правда!...», воскликнулъ онъ.

— Попутчикъ мой, сидѣвшій ко мнѣ бокомъ, вдругъ энергично задвигался и поворотился ко мнѣ грудью.

— «Знаете ли», началъ онъ, «не одинъ разъ вотъ также соберемся мы и толкуемъ между собою: давно пора отнять отъ нашего пана землю! Слухи же ходятъ», продолжалъ онъ менѣе рѣшительнымъ тономъ; потомъ, глядя на меня, полувопросительно добавилъ: «говорятъ, будутъ дѣлить землю?..»

— «Люди вездѣ этого ждутъ», отвѣтилъ я.

— «Не знаю, кто вы и откуда, а вижу только, что вы добрый человѣкъ; вы, навѣрно, много видѣли, много слышали и знаете больше, чѣмъ мы, темные люди; разскажите, что вы слышали?»

— «Я — торговецъ; ѣзжу по ярмаркамъ, и встрѣчалъ много всякаго народа. Гдѣ я ни былъ, и съ кѣмъ ни говорилъ—отъ всѣхъ слышалъ, что отъ пановъ скоро будутъ отнимать землю и дѣлить ее между людьми».

— «Вотъ далъ бы Господь!.. Говорятъ царь этого хочетъ?»

— «Можетъ и царь хочетъ», уклончиво отвѣтилъ я. «А только я знаю одно: видно же что-то будетъ, когда всѣ въ одинъ голосъ говорятъ объ этомъ».

— «Далъ бы то Господь поскорѣе». Онъ вздохнулъ, потомъ спросилъ меня: «скажите, гдѣ вы живете?»

Я назвалъ деревню.

— «Знаю; около Черно-Лисья *); я тамъ бывалъ». Собесѣдникъ мой сидѣлъ нѣкоторое время, молча, потомъ заговорилъ: «Старые люди разсказываютъ, что наступитъ такое время, когда въ одно мѣсто со всѣхъ концовъ соберется много-много народу, и станетъ тамъ большая-большая битва! И послѣ того всѣмъ людямъ будетъ хорошо жить. Это мѣсто, разсказываютъ, будетъ въ черномъ лѣсу, тамъ гдѣ расходятся три большія дороги въ три разныя стороны. Выходитъ, какъ будто, около Знаменки: и три большія дороги расходятся оттуда—чего уже больше чугунокъ?—и чернолѣсье. Знаменка отъ васъ близко?»

— «Близко. А вы откуда слыхали это?» спросилъ я, заинтересованный повѣріемъ.

— «Между народомъ такой слухъ ходитъ; я самъ слыхалъ отъ другихъ и теперь вамъ разсказываю».

Между тѣмъ мы приближались къ усадьбѣ моего попутчика. Вправо отъ дороги потянулся низкій, мѣстами совершенно мокрый лугъ; ряды вербъ по межамъ разграничивали крестьянскія владѣнія одно отъ другого, а дальше виднѣлись избы.

— «Вотъ я и доѣхалъ до своего дома!» проговорилъ крестьянинъ.

— «Ледащія же здѣсь усадьбы; и картофеля негдѣ посадить», замѣтилъ я.

— «Усадьбы еще ничего; хоть по крайней мѣрѣ трава

---

*) Такъ называютъ лѣсистую мѣстность возлѣ Знаменки.

растетъ. А посмотрите туда!» и мужикъ указалъ въ противуположную сторону, гдѣ желтѣли песчаные бугры. «Тамъ, тамъ наша недоля!» воскликнулъ онъ.

Я остановилъ лошадь. Крестьянинъ слѣзъ съ телѣги и стащилъ свои обручи и мѣшокъ, въ которомъ былъ теперь большой «буханецъ» печенаго хлѣба. Онъ его припасъ для своей несчастной семьи.

— «Когда же еще увидимся?» спросилъ я.

— «Можетъ опять въ Александровкѣ», отвѣтилъ онъ; но потомъ вдругъ лицо его оживилось, и онъ заговорилъ: «А то заѣзжайте ко мнѣ; все равно вамъ по дорогѣ; вотъ моя хата (онъ указалъ на одну избу). Ей-богу, заѣзжайте!.. Такъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы вы заѣхали! Собралось бы насъ нѣсколько человѣкъ, посидѣли бы, поговорили... Можетъ, услышали бы отъ васъ что-нибудь хорошее... А то сидимъ мы здѣсь по своимъ куткамъ и ничего не знаемъ, что на свѣтѣ божьемъ дѣлается»

— «Заѣхать можно; только боюсь я, какъ бы и меня вашъ старшина не посадилъ въ холодную» проговорилъ я полушутливымъ тономъ и потомъ продолжалъ совершенно серьезно: «Знаете, человиче добрый, о такихъ вещахъ, какъ мы съ вами толковали, громко говорить нельзя».

— «О, развѣ я этого не знаю!? Собралось бы насъ четыре-пять человѣкъ,—все близкіе мои сосѣди, мои пріятели... А больше—кто же?»

Я посмотрѣлъ на него и встрѣтилъ взглядъ его широко открытыхъ, карихъ глазъ; въ нихъ свѣтилась такая правдивость, что мнѣ сдѣлалось стыдно за недовѣріе, промелькнувшее, было, на мгновеніе въ моей головѣ.

— «Добре, непремѣнно заѣду», говорилъ я, пожимая ему руку.

— «Прощайте! Если бы не подвезли—плелся бы я еще гдѣ-нибудь по дорогѣ; а такъ, спасибо вамъ, уже и дома».

Мы разстались, и я поѣхалъ дальше.

Утопающій хватается за соломенку, размышлялъ я, ѣдучи къ себѣ домой. Такъ и этотъ несчастный бырчанскій бондарь, встрѣтя маленькое сочувствіе у человѣка, котораго передъ тѣмъ даже ни разу не видѣлъ, уже возлагаетъ на него смутныя свои надежды. А сколько подобныхъ бондарей у насъ! Ихъ можно встрѣтить на всякомъ шагу. Небольшое вниманіе съ вашей стороны, капельку участія, и вы сразу привлекаете къ себѣ симпатіи этого человѣка; а послѣ двухъ-трехъ свиданій можете стать съ нимъ въ самыя пріятельскія отношенія. Какое широкое поле для того, кто хочетъ работать среди народа! Если вы пропагандистъ—пропагандируйте ваши идеи; если вы бунтарь — агитируйте и организуйте для возстанія. Здѣсь есть почва для всего. Мужикъ —этотъ «таинственный незнакомецъ», этотъ сфинксъ, какъ утверждали нѣкоторые,—вовсе не казался мнѣ сфинксомъ, и мнѣ ясно-ясно представлялась въ ту минуту моя будущая дѣятельность!

Прошло недѣли четыре послѣ описанныхъ встрѣчъ, и мы съ Дробязгинымъ опять собрались и поѣхали къ нашимъ знакомымъ.

Прибывши на мѣсто, мы заѣхали прямо къ дѣду Федю, встрѣтившему насъ, само собою разумѣется, очень радушно, и въ тотъ же день, конечно, видѣли Нечипора и Лазаря. Еще въ первый нашъ пріѣздъ, какъ Нечипоръ, такъ и дѣдъ Федь съ большой похвалой отзывались о трехъ своихъ пріятеляхъ-односельцахъ, съ которыми хотѣли тогда же насъ познакомить; но не помню по какой причинѣ, кажется, просто потому, что тѣ жили на другомъ концѣ села и ихъ не удалось встрѣтить, знакомство это не состоялось. Теперь Нечипоръ рѣшилъ это осуществить. Дѣйствительно, на второй же день послѣ нашего пріѣзда онъ привелъ этихъ трехъ мужиковъ къ дѣду Федю. Одинъ изъ нихъ, Архипъ, привлекъ

къ себѣ наше вниманіе. Это былъ сорокалѣтній, рослый крестьянинъ съ свѣтло-сѣрыми глазами и густыми, свѣтлыми усами, какъ кисти, опускавшимися на его ротъ, подъ которымъ, внизу, выступалъ широкій бритый подбородокъ. Когда завязалась у насъ бесѣда, двое изъ новопришедшихъ крестьянъ приняли въ ней живое участіе; но Архипъ отмалчивался, изрѣдка лишь вставляя незначительныя замѣчанія. Не трудно было, однако, замѣтить, что онъ пользовался среди своихъ большимъ уваженіемъ. Даже Нечипоръ относился къ нему явно почтительно, что въ моихъ глазахъ имѣло особенное значеніе, такъ какъ Нечипоръ не принадлежалъ къ числу увлекающихся пылкихъ натуръ, и слѣдовательно на его оцѣнку людей можно было полагаться. Бесѣда наша вертѣлась, впрочемъ, на общихъ вопросахъ. Мы не хотѣли сразу вступать въ черезчуръ откровенныя объясненія и предпочитали сначала дать возможность высказаться нашимъ новымъ знакомымъ, ограничиваясь съ своей стороны болѣе или менѣе неопредѣленными выраженіями.

Такъ прошло нѣкоторое время. Вдругъ Архипъ всталъ съ своего мѣста и, подойдя ко мнѣ, дернулъ слегка за руку и тихо проговорилъ: «Идемъ!»

Я поднялся, и мы вышли изъ избы. Архипъ шелъ впереди молча, я молча за нимъ слѣдовалъ, мысленно задавая себѣ вопросъ: что ему надо отъ меня? Такъ прошли мы, не говоря ни слова другъ другу, дворъ и леваду дѣда Федя и очутились въ полѣ. Здѣсь Архипъ остановился. Впереди виднѣлась долина, а за ней по всей горѣ, на сколько хваталъ глазъ, колосились озимые хлѣба.

— «Скажите, что вы хотите?» — спросилъ онъ, уставивши на меня свои сѣрые глаза.

Я понялъ, что мнѣ ничего другого не оставалось, какъ отвѣчать прямо, не уклоняясь и не отдѣлываясь неопредѣленными фразами, потому отвѣтилъ: «Мы хотимъ взбунтовать людей».

— «Для чего?»

— «Покажите мнѣ, гдѣ граница людскихъ полей?» — спросилъ я его въ свою очередь.

— «На той горѣ видите широкую межу?» — онъ указалъ пальцемъ на противоположную гору. — «Съ лѣвой стороны тянутся поля нашего села, а вправо — поля сосѣдняго села (Архипъ назвалъ деревню)».

— «Добре. А теперь скажите мнѣ: всею ли этой землею владѣютъ люди?»

— «Нѣтъ. Людскія нивы кончаются тамъ», — отвѣтилъ онъ, опять показывая рукою, — «а туда дальше идутъ ланы *) экономіи».

— «Кто же эти ланы засѣваетъ?»

— «Арендаторъ.»

— «Вотъ же мы хотимъ, чтобы ту землю, которую засѣваетъ теперь арендаторъ, отобрать и передѣлить между всѣми людьми. И въ сосѣднемъ селѣ тоже отнять землю отъ пана и раздѣлить ее поровну между людьми. Такъ и по всѣмъ другимъ селамъ. Тогда только будетъ правда на землѣ. А чтобы это сдѣлать, надо взбунтоваться всему народу.»

Архипъ нѣкоторое время стоялъ молча, видимо, раздумывая по поводу сказаннаго мною; потомъ проговорилъ: «Добре»; а потомъ еще добавилъ: «Ну, теперь вернемся въ хату». И пошелъ по направленію къ избѣ.

Что означало это его «добре», трудно было сказать. Выражало ли оно его полное согласіе со всѣмъ тѣмъ, что онъ услышалъ отъ меня, или же только извѣстную неопредѣленность отношенія, — что у украинца тоже часто выражается этимъ словомъ «добре» — не знаю я. Можетъ быть Архипъ въ ту минуту и самъ еще не зналъ, какъ ему отнестись къ нашему плану.

---

*) Ланомъ называется просто огромное поле.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ нами у дѣда Федя, мы внимательно всматривались въ окружавшихъ насъ людей. Нечипоръ и самъ дѣдъ Федь намъ очень нравились. Дѣдъ представлялъ собою нѣсколько романтическій типъ. Онъ любилъ слушать, когда кто-нибудь читалъ стихи или пѣлъ пѣсни; и одно, и другое производило на него огромное впечатлѣніе. Мнѣ не разъ удавалось ловить слезу въ его глазахъ, когда онъ слушалъ какую-нибудь заунывную украинскую «думу». Все замысловатое, фантастическое привлекало его вниманіе. Выражался онъ всегда нѣсколько витьевато. Нечипоръ былъ, напротивъ, очень практиченъ; большой хлопотунъ, правдивый и энергичный — онъ представлялся намъ человѣкомъ, который разъ брался за какое-нибудь дѣло, всегда доводилъ его до конца. Что касается до Архипа, то, чѣмъ болѣе мы всматривались въ него, тѣмъ онъ намъ казался интереснѣе. Это былъ, несомнѣнно, человѣкъ съ сильнымъ характеромъ. Правда, тонкостью чувствъ онъ не отличался; чувствительности дѣда Федя у него не было и слѣда. Ни коллизіямъ, ни сомнѣніямъ, повидимому, не было мѣста въ его душѣ: да—такъ да, а нѣтъ—такъ нѣтъ! Все у него было прямое и крѣпкое, какъ у лѣсного дуба. Мы съ Дробязгинымъ уже мечтали даже о томъ, чтобы въ рѣшительную минуту предложить его въ атаманы.

Передъ нашимъ отъѣздомъ была созвана сходка. Нечипоръ явился ея организаторомъ, собравъ человѣкъ пятнадцать—все людей надежныхъ,—а вмѣстѣ съ нами и нашими пріятелями составилось больше двадцати. Среди этихъ людей было человѣкъ шесть изъ сосѣднихъ селъ. Послѣднее обстоятельство придавало сходкѣ особенно серьезное значеніе, такъ какъ лица, участвовавшія въ ней, являлись представителями уже отъ нѣсколькихъ деревень. Помню, то былъ воскресный день; въ будни люди, благодаря работамъ, не могли бы собраться. На сходкѣ ораторомъ явился сначала Дробязгинъ.

Въ общихъ чертахъ онъ изложилъ ту мысль, что всюду люди бѣдствуютъ отъ малоземелья и всюду хотятъ общаго передѣла земли; но что, конечно, никакого передѣла мирнымъ и законнымъ путемъ произойти не можетъ и что единственное средство для достиженія этого остается всенародный бунтъ. Всѣ присутствующіе, когда пришлось всякому изъ нихъ въ отдѣльности высказаться по поводу поднятаго нами вопроса, соглашались съ нашимъ мнѣніемъ, т. е. что надо было бунтоваться; но при этомъ многіе изъ нихъ добавляли, что они не вѣрятъ въ успѣхъ дѣла. «Прійдутъ москали и побьютъ», категорически заявилъ одинъ изъ присутствующихъ. Мы на это возражали, конечно, что бунтоваться съ голыми руками не будемъ, а сначала постараемся добыть побольше оружія, да сверхъ того попытаемся поднять бунтъ сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ концѣ концовъ и мы сами признали, что въ ту минуту не были еще готовы къ возстанію и, какъ очередное дѣло, выдвигали подготовленіе умовъ въ народѣ къ предстоящему возстанію. Другими словами, мы предлагали присутствующимъ составить организацію, которая поставила бы своей цѣлью осторожно распускать слухи среди народа о томъ, что скоро наступитъ передѣлъ земли; но что всѣ люди должны заранѣе готовиться къ борьбѣ, такъ какъ помѣщики не захотятъ уступить землю безъ боя.

Мы съ Дробязгинымъ рѣшили непремѣнно воспользоваться этой сходкой и положить начало организаціи среди крестьянъ. Понимая, однако, хорошо, что организація только въ томъ случаѣ можетъ развиваться и крѣпнуть, когда у людей, участвующихъ въ ней, будетъ какое-нибудь живое дѣло,—однимъ словомъ, понимая то, что для людей мало одного отвлеченнаго рѣшенія составить организацію, а нужно еще непремѣнно практическое дѣло, которое связало бы ихъ,—мы предложили тутъ же составить раньше всего кассу взаимопомощи. Такъ какъ нѣкоторые изъ присутствующихъ собирались въ

этомъ году къ жатвѣ идти на заработки въ Херсонскую губ., а подобное отстраненіе лицъ, участвующихъ въ организаціи, было бы вредно для дѣла, то поэтому рѣшено было оказать матерьяльную поддержку болѣе нуждающимся. Мы для примѣра и поощренія тутъ же внесли въ кассу, если мнѣ не измѣняетъ память, двадцать пять рублей и предложили присутствующимъ выбрать изъ своей среды кассира. Теперь уже не помню, кто именно былъ выбранъ кассиромъ—дѣдъ или Нечипоръ.

Когда мы подняли вопросъ о томъ, что слѣдуетъ позаботиться о привлеченіи людей въ нашу ново-основанную организацію *), то Нечипоръ заявилъ, что онъ имѣетъ ввиду не мало лицъ вполнѣ надежныхъ, которыхъ можно будетъ привлечь къ дѣлу.

— «Какъ поѣду въ мѣстечко Лысянку», говорилъ онъ, «увижу всѣхъ и переговорю».

Оказывалось, что у Нечипора по дорогѣ къ Лысянкѣ въ нѣсколькихъ селахъ были родные и близкіе пріятели, на которыхъ онъ разсчитывалъ, что они къ намъ пристанутъ. Благодаря своимъ широкимъ связямъ, Нечипоръ получилъ необыкновенно важное значеніе для дѣла. Но можно было надѣяться, что среди присутствующихъ найдется еще нѣсколько лицъ, если и не съ такими большими связями, какъ у Нечипора, то все таки съ довольно обширными знакомствами. Такимъ образомъ, мы, революціонеры изъ интеллигенціи, попадали, наконецъ, въ ту, такъ сказать, народную струю, гдѣ отъ одного къ другому, отъ другого къ третьему и т. д., мы получили полную возможность раскинуть нашу организа-

*) Для избѣжанія недоразумѣній я долженъ замѣтить, что, конечно, такихъ словъ, какъ: кассиръ, организація и т. п. не было говорено нами. Я передаю здѣсь лишь смыслъ нашихъ бесѣдъ. Всѣ наши разговоры велись, само собою разумѣется, на украинскомъ простонародномъ языкѣ.

ціонную сѣть на какое угодно пространство. Это, конечно, мы сразу поняли и оцѣнили въ ту минуту, и предоставляю теперь судить всякому—до чего мы должны были почувствовать себя тогда счастливыми!

Впрочемъ, едва ли всякій это сможетъ понять. Для этого нужно быть слишкомъ близко знакомымъ съ тою эпохою. Здѣсь же я замѣчу, что до тѣхъ поръ нигдѣ почти ничего не было сдѣлано въ народѣ, и люди даже не знали, какъ подступиться къ мужику, о которомъ всѣ только разсуждали, но который, по признанію самихъ революціонеровъ, былъ отдѣленъ отъ нихъ китайской стѣною.

Мы совѣтовали Нечипору, какъ и вообще всѣмъ присутствующимъ, быть крайне осторожными въ выборѣ людей и посвящать въ нашу тайну лишь вполнѣ надежныхъ лицъ, такъ какъ, если полиція узнаетъ о заговорѣ, говорили мы, то приметъ заранѣе мѣры, которыя помѣшаютъ намъ осуществить нашу задачу.

Припоминаю еще одинъ незначительный фактъ, который, однако, можетъ быть, не безъинтересно будетъ разсказать здѣсь. На нашей сходкѣ присутствовалъ тогда одинъ человѣкъ изъ сосѣдняго села, обратившій на себя наше вниманіе своимъ нѣсколько страннымъ поведеніемъ. За все время онъ ни разу не обратился къ намъ ни съ какимъ вопросомъ и не произнесъ громко ни одного слова, но то и дѣло шушукалъ что-то на ухо Нечипору, когда тотъ приближался къ нему. Наконецъ, Нечипоръ выбралъ удобную минуту и сказалъ намъ:

— «Есть тутъ одинъ человѣкъ, который хочетъ, чтобы кто нибудь изъ васъ къ нему подошелъ; онъ хочетъ съ вами говорить».

— «О чемъ?» спросилъ я.

— «Онъ говоритъ»... Нечипоръ запнулся, «не знаю даже, какъ объ этомъ и подумать», продолжалъ Нечипоръ.

«Онъ говоритъ, что онъ умѣетъ отъ пуль заговаривать, такъ что онъ крѣпко-крѣпко намъ пригодится, когда мы выступимъ воевать».

Я посмотрѣлъ на Нечипора, что называется, большими глазами. Этотъ умный, трезвый, развитой мужикъ вдругъ понесъ такую околесину!..

— «Развѣ вы этому вѣрите?» спросилъ я его.

Нечипоръ мялся, видимо, не зная, что ему отвѣтить.

Какъ меня, такъ и Дробязгина, этотъ колдунъ, умѣющій заговаривать отъ пуль, разсердилъ не на шутку, и мы рѣшили его наказать тѣмъ, что наотрѣзъ отказались говорить съ нимъ. А это было, несомнѣнно, чувствительное наказаніе для него, такъ какъ мы здѣсь являлись центральными фигурами, и на насъ, главнымъ образомъ, сосредоточивалось вниманіе всѣхъ. Колдунъ, это было видно по всему, принадлежалъ къ разряду крайне самолюбивыхъ личностей, и ему хотѣлось «не мытьемъ, такъ катаньемъ» завоевать себѣ въ нашемъ будущемъ отрядѣ блестящее положеніе. Такимъ образомъ, нашъ бунтовской отрядъ, можетъ быть, имѣлъ бы и своего колдуна.

Итакъ, начало организаціи среди крестьянъ было положено, и оставалось только вести это дѣло дальше.

Помню, въ избѣ, гдѣ больше двадцати человѣкъ помѣщалось и разговаривало, а многіе изъ насъ и курили, сдѣлалось невыносимо душно, и я вышелъ изъ хаты во дворъ, чтобы освѣжиться. Но здѣсь былъ непріятно пораженъ слѣдующимъ зрѣлищемъ: куча людей толпилась возлѣ самыхъ оконъ нашей избы, видимо, желая подслушать, что дѣлалось и о чемъ говорилось внутри. Это были все взрослые молодые люди, паробки, собравшіеся изъ села. Меня это до того взволновало, что я немедленно воротился въ избу, и, отозвавъ въ сторону дѣда Федя, тихо спросилъ его:

— «Какіе тамъ люди стоятъ возлѣ окна? Это совсѣмъ не хорошо! Какъ бы чего дурного не вышло изъ этого».

— «Э!.. ничего дурного изъ этого не выйдетъ!» успокаивалъ меня дѣдъ,—«это наши паробки... Какъ же хотите вы? Войти сюда, гдѣ сидятъ и разговариваютъ старые люди, они не смѣютъ... Вотъ они и ждутъ возлѣ хаты; хочется имъ знать, на чемъ здѣсь порѣшатъ, что имъ отсюда «вынесутъ».

— «Чего же они ждутъ?»

— «Вотъ,—сказали — чего ждутъ!? А можетъ, мы тутъ рѣшимъ коней сѣдлать?»*)

— «Ну?..»

— «Ну, такъ они и будутъ сѣдлать!.. Вы какъ думаете?! Не бойтесь, ничего дурного не выйдетъ изъ этого! Это все свои люди...» улыбаясь, говорилъ дѣдъ.

Конечно, то могли быть свои люди; но съ улицы могли видѣть эту сцену и не свои; и это послѣ того, какъ мы такъ обстоятельно разсуждали объ осторожности!..—размышлялъ я. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что размышенія эти меня посѣтили только въ первое мгновеніе. Потомъ, очень скоро эта сцена вдругъ освѣтилась для меня совсѣмъ съ другой стороны, и я сталъ усматривать здѣсь, подобно дѣду Федю, только готовность къ бунту, что меня, само собою разумѣется, необыкновенно радовало. Но такъ ли это было на самомъ дѣлѣ?

Послѣ описанной сходки мы скоро уѣхали.

Теперь мы возвращались домой еще болѣе радостные, чѣмъ въ первый разъ. Въ моемъ воображеніи уже рисовалась картина, какъ выступитъ въ походъ нашъ вооруженный отрядъ, ватажкомъ котораго или атаманомъ будетъ Архипъ. Архипъ болѣе другихъ казался подходящимъ для подобной

*) Выраженіе, очевидно, сохранившееся съ казацкаго времени означающее выступленіе въ военный походъ.

роли. На мой же взглядъ, атаманомъ бунтовскаго отряда долженъ быть крестьянинъ, и мы, революціонеры изъ интеллигенціи, могли составлять изъ себя только нѣчто въ родѣ генеральнаго штаба. Уже рисовалась мнѣ картина, какъ отрядъ нашъ будетъ приходить въ села, отнимать отъ помѣщиковъ землю и немедленно дѣлить ее между крестьянами. Сначала мы будемъ появляться неожиданно то въ той, то въ другой деревнѣ, будируя и возбуждая всюду народъ, но по мѣрѣ того, какъ возстаніе будетъ крѣпнуть, наши передвиженія сдѣлаются болѣе правильными. Уже я мысленно опредѣлялъ тотъ путь, по которому будетъ двигаться нашъ отрядъ, перечислялъ тѣ села, которыя окажутся намъ по дорогѣ и гдѣ, поэтому, раньше всего совершится передѣлъ земли. Конечно, въ первое время мы будемъ избѣгать битвъ съ войсками, нападая на нихъ лишь невзначай,—какъ вообще ведутся партизанскія войны. Мы порвемъ желѣзныя дороги и телеграфы, чтобы затруднить дѣйствія правительства и дать возможность, съ другой стороны, окрѣпнуть возстанію. Овладѣвая городами, мы будемъ забирать оружіе, какое попадется, и жечь правительственныя зданія: канцеляріи, суды, всевозможные архивы. Я сталъ уже мечтать о томъ, какъ возстаніе наше будетъ расти и шириться, и какъ, наконецъ, вспыхнетъ общій пожаръ, и мятежныя толпы народа разольются грозными потоками по всей странѣ.

Вотъ она, революція, давно желанная! Вотъ, наконецъ, она! Я ее почти осязалъ своими руками въ ту минуту...

Какая, однако? Соціалистическая? Передѣлъ земли далеко еще не осуществлялъ соціализма! Земельный идеалъ украинца —подушный передѣлъ—по всему вѣроятію, являлся уцѣлѣвшимъ остаткомъ отъ нѣкогда существовавшей общины съ періодическими передѣлами земли, какая по настоящее время существуетъ на сѣверѣ Россіи. Правда, желаніе крестьянъ передѣла земли указывало на ихъ отрицательное отношеніе

къ тому, чтобы земля была личной собственностью. Но, очевидно, что самъ по себѣ передѣлъ въ будущемъ не гарантировалъ еще отъ развитія личной собственности. Крестьяне, которые получили бы при передѣлѣ извѣстные участки земли и успѣли бы разбогатѣть, конечно, не пожелали бы потомъ вторичнаго передѣла, и первые явились бы врагами подобнаго уравненія имуществъ. Что это было бы именно такъ, на это мы имѣли передъ глазами живой примѣръ—чигиринскія волненія. «Актовики», такіе же мужики, какъ и «душевики», въ качествѣ довольныхъ своимъ положеніемъ, явились самыми непримиримыми противниками мужичьяго идеала—передѣла земли. Какъ же мы мирились съ этимъ? Какъ мы себѣ представляли все таки полное осуществленіе соціализма? А мы просто такъ далеко не забѣгали мыслями впередъ. Мы видѣли, что крестьяне страдаютъ отъ малоземелья; мы слышали, что крестьяне мечтаютъ о подушномъ передѣлѣ земли; и мы стремились къ осуществленію этого ближайщаго крестьянскаго идеала, не безъ основанія думая, что будущія поколѣнія сами о себѣ позаботятся лучше, чѣмъ мы о нихъ теперь (фраза, брошенная гдѣ-то Чернышевскимъ), что наша задача состоитъ въ томъ, чтобы осуществить назрѣвшія требованія народа, или, какъ мы любили тогда выражаться, стоять на почвѣ ближайшихъ народныхъ требованій. Осуществляя назрѣвшія требованія, мы этимъ открывали путь дальнѣйшему прогрессу. Мы не безъ основанія думали, что народные идеалы и стремленія являются продуктомъ его жизни, т. е. что они складываются подъ совокупнымъ давленіемъ всѣхъ обстоятельствъ экономическаго строя, политическихъ порядковъ и пр.; и что, слѣдовательно, одной словесной пропагандой все равно нельзя измѣнить міровоззрѣній народныхъ; что, въ концѣ концовъ, лучше и полезнѣе что-нибудь осуществить въ жизни, чѣмъ обо многомъ

мечтать и разговаривать только. Словомъ, мы стояли тогда въ этомъ отношеніи на вполнѣ раціональной почвѣ.

Но что касается путей, посредствомъ которыхъ мы думали осуществить наши стремленія, то тутъ, нужно сознаться, мы впали въ страшную ошибку. Мы избрали путь народнаго возстанія. Вѣра въ революціонность народа, въ его могущество и даже непобѣдимость—вотъ та слабая сторона, на которой, увы, построено было все наше революціонное народничество. И любопытнѣе всего было то, что доказательства свои мы черпали изъ исторіи, тогда какъ исторія-то, казалось, и должна была насъ уберечь отъ подобной ошибки. Мы ухитрялись отдѣльныя историческія событія, совершавшіяся, скажемъ, въ прошломъ вѣкѣ, цѣликомъ какъ-то пріурочивать къ нашему времени, и при этомъ упускали иногда изъ виду самыя существенныя обстоятельства: или не принимали во вниманіе общихъ условій жизни того отдаленнаго времени, или же не замѣчали разницы, существующей между той эпохой и настоящимъ временемъ.

«Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1770 такого-то года возлѣ города Яицка на Уралѣ появилась толпа казаковъ, состоящая изъ трехсотъ человѣкъ»... читали мы въ исторіи пугачевскаго бунта; потомъ переворачивали нѣсколько страницъ и читали дальше: «Въ концѣ октября того же года подъ городомъ такимъ-то у Пугачева уже было тридцать тысячъ войска, столько-то лошадей, столько-то пушекъ и пр». Вотъ какъ растетъ народная армія! восклицали мы. Въ одинъ мѣсяцъ съ небольшимъ съ трехсотъ она выросла до тридцати тысячъ. Очевидно, и намъ стоитъ только начать съ самымъ маленькимъ отрядомъ, и мы не оглянемся, какъ будемъ имѣть десятки тысячъ въ своихъ рядахъ!.. Дальше, въ описаніи того же пугачевскаго бунта, мы наталкивались на факты вродѣ того, напр., что правительственныя пушки доставлялись изъ одной губерніи въ другую, скажемъ, на волахъ, и ѣхали

цѣлыхъ два мѣсяца, или что-нибудь въ такомъ родѣ; такіе факты нисколько не вызывали у насъ сравненій. Мы не говорили: «Однако, легко было тогда бунтовать! Тогда правительство возило пушки на волахъ, а не по желѣзнымъ дорогамъ; везло ровно два мѣсяца тамъ, гдѣ теперь въ три часа привезетъ». Мы, напротивъ, читая о подобномъ казусѣ, только радовались, весело потирая себѣ руки и приговаривали: «такъ имъ и надо мерзавцамъ!.. вотъ имъ и пушки опоздали».. Или, напр., начитываемъ мы въ исторіи того же пугачевскаго бунта нѣчто въ родѣ слѣдующаго: «Пугачевъ окружилъ городъ съ шестидесяти-тысячнымъ войскомъ. Но въ это время полковникъ такой-то сдѣлалъ удачную вылазку и въ рядахъ самозванца произошли смятеніе и паника. Въ лагерѣ его всю ночь слышался крикъ, а когда на другой день утромъ Пугачевъ вышелъ изъ своей палатки, то «къ ужасу своему, увидѣлъ совершенно опустѣвшій лагерь. При самозванцѣ осталось только пятнадцать человѣкъ». Затѣмъ слѣдуетъ поименное перечисленіе этихъ пятнадцати: «Чика», конечно, одинъ изъ вѣрныхъ сподвижниковъ Пугачева и другіе. «Но это, однако, ужасный фактъ! Изъ шестидесяти тысячъ осталось вѣрныхъ своему дѣлу только пятнадцать человѣкъ! Куда же дѣвались остальные? Бѣжали!.. Какъ они смѣли бѣжать?! Какое безобразіе! Какъ мало мужества у толпы!»... «Что? Мало мужества у толпы?!», съ азартомъ восклицали мы. Но найти оправданіе и сказать что-нибудь въ пользу мужества толпы при этомъ казусѣ мудрено было; поэтому, мы предпочитали поворотить вопросъ другой стороной: «Ничего!» успокоивали мы, «сегодня разбѣжались,—завтра опять прійдутъ».

Конечно, я, можетъ быть, нѣсколько ретуширую здѣсь, но сущность нашихъ объясненій историческихъ событій была именно въ такомъ духѣ. Все то, что подтверждало наши теоріи, мы брали цѣликомъ; все то, что противорѣчило имъ, мы

такъ или иначе ухитрялись поворотить все-таки въ пользу нашихъ взглядовъ, или наконецъ, просто уклонялись отъ объясненія. То былъ по истинѣ самообманъ или даже болѣе того—гипнозъ какой-то, ибо въ настоящее время трудно представить себѣ, какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было проглядѣть хотя бы такія сооруженія, какъ желѣзныя дороги и телеграфы? Вѣдь во время Пугачева, а тѣмъ болѣе Стеньки Разина, ничего подобнаго не было. Но если и тогда правительство вышло побѣдителемъ, то какъ можно было надѣяться на успѣхъ въ настоящую эпоху? Пути сообщенія, почты, телеграфы, полицейская организація,—словомъ все, что носитъ общее названіе «благоустройства», вѣдь это же все—несомнѣнный плюсъ для прочности государственнаго порядка и несомнѣнный минусъ для бунтовскаго отряда. Но самое поразительное во всемъ этомъ недосмотрѣ былъ недосмотръ военной силы; а это ужъ, казалось, и ребенокъ долженъ былъ бы видѣть. Однако, въ этомъ отношеніи проглядѣли не одни мы, русскіе, но и западно-европейскіе революціонеры: въ то время, какъ они строили свои революціонные планы, исходя изъ опытовъ 48 года, европейскія правительства не дремали и, съ Бисмаркомъ во главѣ, развили милитаризмъ до такихъ размѣровъ, что разговоры о народныхъ возстаніяхъ и баррикадахъ сдѣлались теперь просто-таки дѣтскими. Легко было бунтоваться пугачевцамъ, имѣя за собою вооруженное казачество, а противъ себя—незначительную регулярную армію, да къ этому еще—вмѣсто желѣзныхъ дорогъ—отвратительныя грунтовыя, вмѣсто локомотивовъ—воловъ, вмѣсто телеграфовъ—фельдъегерей... Но нынче? Если бы мы потрудились сравнить только военные бюджеты Екатерины II и Александра II, то этого одного было бы за глаза достаточно, чтобы умѣрить нашъ пылъ. Увы, никому изъ насъ это не приходило въ голову, и крестьянинъ, говорившій намъ, что «прійдутъ москали и побьютъ насъ», оказывался несравненно дальновиднѣе насъ, революціонеровъ

изъ интеллигенціи, проглядѣвшихъ такую огромнѣйшую силу, какъ наша полутора-милліонная армія. При тѣхъ средствахъ, какими располагаютъ современныя европейскія правительства, удачное возстаніе возможно лишь при одномъ условіи,—когда возстаніе это сдѣлаетъ само же войско. Уже парижская революція 1871 года сдѣлана была національной гвардіей и притомъ еще при особыхъ благопріятныхъ условіяхъ: внѣшней войнѣ, отвлекшей силы. Но думали ли мы хоть о томъ, чтобы внести нашу пропаганду въ среду военныхъ? Нисколько. Мы, народники, съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ относились къ этой организованной, всерѣшающей силѣ, и только народовольцами агитація среди военныхъ поставлена была однимъ изъ главныхъ пунктовъ программы. Я позволю себѣ привести здѣсь конецъ рѣчи Петра Алексѣева, произнесенной имъ передъ судомъ въ 1877 году, гдѣ ясно формулирована эта наша народническая вѣра. Вотъ что онъ говоритъ: «И она (революціонная молодежь) пойдетъ неразлучно съ нами до тѣхъ поръ, пока поднимется эта мускулистая крестьянская рука (говоритъ поднявъ руку) и огражденное солдатскими штыками ярмо деспотизма не разлетится въ прахъ».

Такъ понималъ задачу революціонеровъ Петръ Алексѣевъ; болѣе или менѣе также понимали ее и другіе. Мы не представляли себѣ революцію иначе, какъ въ видѣ прямой, непосредственной борьбы народа съ войскомъ. Мы противопоставляли народъ привилегированнымъ сословіямъ и правительству съ его чиновничьей организаціей и арміей, какъ два враждебныхъ лагеря, двѣ силы, вотъ-вотъ готовыя столкнуться, вступить другъ съ другомъ въ смертельный бой, и ни одной минуты не сомнѣвались въ успѣшномъ исходѣ этой борьбы для народа. «Скоро, братцы, прійдетъ это времечко», читаемъ мы въ народнической брошюрѣ «Чтой-то братцы?»—«Со всѣхъ сторонъ поднимается сила крестьянская, взволновалась Русь-

матушка, зашумѣла, какъ море великое. А поднимется, да расправится,—такъ не будетъ съ ней ни сладу, не удержу».

XIV.

Настроеніе нашего кружка.—Покушеніе на жизнь Гориновича и наше бѣгство изъ деревень.—Арестъ въ мѣстечкѣ Шполѣ.—Съѣздъ въ Харьковѣ.

Въ то время, какъ я съ такой вѣрой относился къ нашему будущему и фантазировалъ, и строилъ всевозможные планы, предусматривая чуть не мельчайшія подробности предполагаемаго бунта,—дѣйствительность готовила совсѣмъ другое. Настроеніе большинства членовъ нашего кружка давно было уже не благопріятное для дѣятельности среди народа и со дня на день становилось хуже. Я разсказывалъ уже раньше о томъ ненормальномъ положеніи, которое заняли мы сразу лишь только поселились въ народѣ: мы жили по деревнямъ и не знакомились съ сосѣдями-крестьянами. Такъ поступалъ не тотъ, либо другой изъ насъ, а рѣшительно всѣ. Такъ напримѣръ, я первый, ставившій, между прочимъ, своей задачей заведеніе связей въ той деревнѣ, гдѣ жилъ, подобно другимъ, избѣгалъ знакомствъ съ крестьянами и, если знакомился, то только на сторонѣ, вдали отъ своего мѣстожительства. Причину этого нужно искать, главнымъ образомъ, въ нашемъ нелегальномъ положеніи, которое вынуждало насъ держаться по отношенію ко всѣмъ постороннимъ крайне сдержанно, болѣе того—недовѣрчиво, чтобы не дать возможности проникнуть имъ въ нашу интимную жизнь. Конечно, такое сдержанное, недовѣрчивое отношеніе къ сосѣдямъ-крестьянамъ мѣшало намъ сближаться съ ними, и наша жизнь въ деревняхъ становилась, такимъ образомъ, одной пустой формаль-

ностью, не приносящей ничего, кромѣ обузы для насъ самихъ. Но жизнь кружка или партіи направляется, какъ мнѣ кажется, не столько общими принципами и конечными цѣлями, стоящими въ его программѣ, какъ той ежедневной мелкой работой, что приходится совершать ему въ борьбѣ съ окружающей текущей жизнью. Ничего удивительнаго, поэтому, что вышеописанное ненормальное положеніе среди народа, съ полнымъ отсутствіемъ дѣла, прямо относящагося къ цѣли, стала развивать въ нашемъ большинствѣ скептицизмъ и сомнѣніе, принявшіе въ концѣ весьма опасные размѣры. Между нами стала наблюдаться большая рознь въ настроеніяхъ. Такъ, Стефановичъ, ведшій свои конспираціи съ чигиринцами, увлеченный этимъ дѣломъ, вскорѣ занялъ совершенно обособленное положеніе въ нашемъ кружкѣ. Съ своей стороны, я былъ такимъ пламеннымъ бунтаремъ въ ту минуту, благодаря, конечно, тѣмъ удачнымъ знакомствамъ среди крестьянъ, о которыхъ разсказывалъ выше, что тоже не могъ мириться съ настроеніемъ большинства. А жизнь большинства, между тѣмъ, слагалась на особый образецъ. Стефановичъ, Дробязгинъ, я, искали и находили работу для себя, по крайней мѣрѣ, вдали отъ нашихъ поселеній, если не у себя дома. Положеніе же большинства было другое, такъ какъ оно не находило дѣла для себя ни дома, ни внѣ дома, и даже не предвидѣло никакого дѣла до самаго того момента, когда прійдется выступить съ оружіемъ въ рукахъ. Эготъ, если можно такъ выразиться, не въ мѣру высоко поднятый тонъ, тогда какъ дѣйствительная окружающая жизнь требовала, можетъ быть, именно мелкой, кропотливой работы, далъ въ будущемъ только лишній шансъ для разочарованія: спускаться съ неба на землю всегда непріятно. Большинство изъ насъ ожидало, когда двумъ-тремъ человѣкамъ удастся завязать подходящія сношенія съ крестьянами, ждало, пока появятся откуда-нибудь средства, необходимыя для закупки оружія. Да что оно могло, въ са-

момъ дѣлѣ, и предпринять въ этомъ отношеніи? Положеніе было безвыходное.—«Ахъ, какъ бы поскорѣе начинать уже!» восклицали тѣ, которыхъ терпѣніе истощалось.—«Да когда же, наконецъ, мы приступимъ къ дѣлу? Неужели будемъ только все собираться, да готовиться?» говорили болѣе нервные и горячіе. Поднялись разговоры о назначеніи срока. «Разъ наступитъ назначенное время—мы должны начать возстаніе», доказывали они. То есть, другими словами, начинать хоть съ пустыми руками. «Пусть насъ окажется всего двадцать человѣкъ»—развивали они свою мысль дальше,—явимся мы въ какую либо деревню, созовемъ сходъ, прочтемъ манифестъ отъ имени царя о передѣлѣ земли и уйдемъ съ тѣмъ, чтобы появиться гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ». Предполагалось, что этимъ путемъ удастся разволновать крестьянскую массу.

Стала замѣчаться какая-то нервная торопливость въ нашихъ дѣйствіяхъ; мы боялись, что разъ теперь не поспѣшимъ и отложимъ возстаніе, то потомъ уже ничего не выйдетъ изъ нашихъ плановъ. Но сознаніе, что начинать бунтъ съ голыми руками было бы чистымъ безуміемъ, все-таки брало верхъ. И вотъ мы стали искать выхода. Рѣшено было отправить одного делегата въ Петербургъ и Москву къ тамошнимъ революціоннымъ кружкамъ, съ цѣлью просить у нихъ матеріальной помощи. Выбранъ былъ для этого человѣкъ, къ которому всѣ революціонеры, сколько-нибудь знавшіе его, относились безусловно хорошо, человѣкъ съ самой высокой революціонной репутаціей (имени его я здѣсь не хочу назвать). Мы надѣялись, что онъ успѣетъ скорѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ насъ, въ этой миссіи. Онъ долженъ былъ разсказать тамъ, что у насъ заведены серьезныя связи въ крестьянствѣ и что почва для возстанія вполнѣ подготовлена; но такъ какъ начинать подобное дѣло, не имѣя оружія, значило бы подвергать дѣло въ самомъ же началѣ огромному риску, то поэтому мы призываемъ всѣхъ революціонеровъ-народниковъ на

помощь къ намъ. Для того, чтобы окончательно вселить довѣріе къ нашему предпріятію, делегатъ долженъ былъ предложить, чтобы оттуда командировали кого-либо изъ своихъ къ намъ, на югъ, для провѣрки нашихъ словъ. Съ такими порученіями уѣхалъ нашъ делегатъ.

Но спустя нѣкоторое время, къ нашему ужасу, онъ вернулся почти ни съ чѣмъ, если не считать за серьезное пріобрѣтеніе тѣ тридцать револьверовъ, дешевыхъ и никуда не годныхъ, которые онъ привезъ изъ своей командировки.

Мы имѣли, такимъ образомъ, для нашего предполагаемаго возстанія цѣлыхъ тридцать плохихъ револьверовъ! Хороша оказалась помощь петербургскихъ кружковъ!.. Только и оставалось для полнаго обезпеченія успѣха въ возстаніи призвать еще на помощь того колдуна, что брался заговаривать отъ пуль!

Однако, я иронизирую здѣсь заднимъ числомъ. Тогда же мнѣ было совсѣмъ не до того: я былъ слишкомъ вѣрующимъ народникомъ.

Между тѣмъ многіе изъ нашихъ тогда уже стали иронизировать и надъ мужикомъ, и надъ собою, и надъ всѣми нашими предпріятіями. Они прекрасно видѣли и понимали, что народъ оставался также чуждъ имъ, какъ былъ для нихъ и раньше, до ихъ жизни въ деревняхъ; чувствовали, съ другой стороны, и себя чуждыми народу и это, конечно, должно было развить у нихъ недовѣріе къ своимъ силамъ и своему дѣлу. Они увидѣли, что ни народъ для нихъ, ни они для народа не были нужны. Революціонное народничество отживало свое время и мало по малу начинали уже зрѣть какія-то новыя чувства. Трудно формулировать, однако, въ чемъ заключались эти чувства. Не у одного изъ скептиковъ въ ту минуту поднимался, можетъ быть, вопросъ въ такомъ родѣ: «а что если мы не тамъ ищемъ рѣшенія вопроса, гдѣ его слѣ-

дуетъ искать?» Въ самомъ дѣлѣ, если мы всѣ сознавали, что безъ оружія безсмысленно было поднимать бунтъ, то самъ собою напрашивался выводъ, что безсмысленно было и вообще поднимать возстаніе, такъ какъ, конечно, достать оружіе въ такомъ количествѣ, чтобы съ нимъ можно было противустоять войску, мы все равно не могли,—для этого нужны были милліоны, а сотня, двѣ и даже тысяча ружей такъ же мало обезпечивали успѣхъ дѣла, какъ если бы ихъ и совсѣмъ не было.

Сборнымъ мѣстомъ нашего кружка, какъ я описывалъ выше, было мѣстечко Смѣла, и въ частности, постоялый дворъ Сруля. Но наши постоянныя шатанія въ Смѣлу скоро скомпрометировали этотъ постоялый дворъ въ глазахъ смѣлянской полиціи, заподозрѣвшей въ насъ воровскую шайку. Становилось опаснымъ дальше жить въ Смѣлѣ, и нашъ сборный пунктъ, наша, такъ сказать, главная квартира перенесена была въ г. Елисаветградъ, Херсонской губ. Елисаветградъ, стоящій на желѣзной дорогѣ—Одесса-Харьковъ,—находился недалеко отъ другихъ нашихъ поселеній, бывшихъ, главнымъ образомъ, въ южной части Кіевской губ., и, потому, оказывался весьма удобнымъ пунктомъ, тѣмъ болѣе, что городокъ этотъ былъ еще оживленнѣе мѣстечка Смѣлы и, слѣдовательно, еще легче было тамъ намъ скрываться. Организаторомъ елисаветградскаго поселенія явился Чубаровъ (членъ нашего кружка), нанявшій отдѣльный домъ, само собою разумѣется, на вымышленное имя. Съ нимъ поселились Малинка и Рахальскій; другіе же члены кружка наѣзжали сюда, оставаясь тутъ иногда подолгу, и здѣсь отбывались наши собранія.

Здѣсь то въ елисаветградскомъ притонѣ и стало рѣзко наблюдаться то ненародническое, а какое-то другое настроеніе, о которомъ я вспоминаю выше, и я помню, сильно чувствовалъ и скорбѣлъ тогда отъ той розни, что выросла между нами и продолжала расти дальше. Не разъ, бывало, принимался я разсказывать скептикамъ о бырчанскомъ бондарѣ,

приводя мое знакомство съ нимъ, какъ доказательство того, съ какою легкостью можно заводить связи среди крестьянъ. Мнѣ хотѣлось указать хоть на маленькое дѣло, достижимое для всякаго, но которое могло бы заполнить время и вывести наше большинство изъ бездѣятельнаго состоянія, представлявшаго главную опасность для нашихъ плановъ. Я это тогда понималъ или, вѣрнѣе, не понималъ, а чувствовалъ, что нашимъ революціонно-народническимъ планамъ угрожала какая-то смертельная бѣда, и мнѣ хотѣлось какъ-нибудь предотвратить ее. Но въ отвѣтъ на мой примѣръ знакомства съ бондаремъ только подтрунивали надо мною, говоря, что я изобрѣлъ «механическій путь намѣчанія революціонныхъ типовъ въ народѣ». Понятно, я сердился.

Такъ влачили мы нашу жизнь въ народѣ... И до какихъ поръ влачили бы—трудно сказать, если бы слѣдующій случай не вытолкнулъ насъ изъ нашихъ поселеній.

Въ первыхъ главахъ моихъ воспоминаній, разсказывая о «Кіевской коммунѣ», я упоминалъ о Ларіоновѣ и Гориновичѣ, какъ о двухъ субъектахъ, которые, будучи арестованы, дали много компрометирующихъ показаній. Одинъ изъ нихъ, Гориновичъ, можетъ быть, именно въ награду за его раскаяніе, выпущенный изъ тюрьмы, вмѣсто того, чтобы куда-нибудь удалиться, гдѣ могли бы его поскорѣе всѣ забыть, принялся зачѣмъ-то усиленно розыскивать Стефановича и меня, какъ своихъ знакомыхъ, мотивируя это тѣмъ, что хочетъ работать съ нами въ народѣ. Кажется, миссія розыскать насъ, просто на просто, возложена была на него жандармами. Ему какъ-то удалось напасть на наши слѣды: онъ узналъ, что мы находимся гдѣ-то возлѣ г. Елисаветграда и лѣтомъ 76-го года пріѣхалъ сюда. Здѣсь членъ нашего кружка, Левъ Дейчъ, встрѣтилъ случайно Гориновича у одного изъ мѣстныхъ радикаловъ—военнаго фельдшера Майданскаго—и узналъ его. Дейчъ и Викторъ Малинка, оба проживавшіе

тогда въ елисаветградскомъ притонѣ, сочли, вполнѣ справедливо, появленіе Гориновича опаснымъ для дѣла и мало по малу пришли къ тому заключенію, что другого средства не оставалось, какъ только его убить. Но такъ какъ убійство въ г. Елисаветградѣ могло повлечь за собою розыски и открытіе нашей организаціи, то поэтому они надумались совершить это убійство въ Одессѣ, куда съ этой цѣлью и вызвали Гориновича.

Покушеніе на жизнь Гориновича произошло въ Одессѣ на площади, находящейся возлѣ товарной желѣзнодорожной станціи. Послѣ ударовъ, свалившихъ его на землю, покушавшіеся сочли его мертвымъ и тогда облили его лицо сѣрной кислотой въ томъ намѣреніи, чтобы полиція не могла потомъ констатировать личности убитаго. Но чтобы, съ другой стороны, всѣ знали причину убійства, возлѣ лежавшаго Гориновича оставлена была записка слѣдующаго содержанія: «Такова участь всякаго шпіона» (я не помню, впрочемъ, точныхъ словъ записки). Но Гориновичъ оказался живъ. Съ лицомъ, изуродованнымъ сѣрной кислотой, онъ потомъ фигурировалъ на «большомъ процессѣ», какъ живой примѣръ крайней жестокости покушавшихся революціонеровъ. Я не стану здѣсь даже опровергать этой очевидной клеветы. При видѣ изуродованнаго лица Гориновича всѣ содрогались и ужъ, конечно, сами покушавшіеся содрогались и возмущались въ тысячу кратъ болѣе лицемѣрныхъ прокуроровъ русскаго правительства.

Случай этотъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на судьбу нашего кружка.

Гориновичъ остался живъ При слѣдствіи выяснилось, что покушавшіеся встрѣтились съ нимъ въ Елисаветградѣ у военнаго фельдшера Майданскаго и мѣстнаго адвоката, Краева. Тотчасъ эти два человѣка были арестованы. Къ сожалѣнію, Краевъ сталъ давать компрометирующія показанія.

А такъ какъ Краевъ зналъ нашъ притонъ, гдѣ жили Чубаровъ, Рахальскій и другіе, и куда постоянно наѣзжали остальные члены кружка, то вскорѣ начались поиски за всѣми нами. Пришлось намъ покидать болѣе или менѣе насиженныя мѣста и бѣжать куда-нибудь. И вотъ, назначивъ Харьковъ общимъ сборнымъ пунктомъ, мы бросились въ разсыпную, кто куда находилъ удобнѣе для себя.

Я и три товарища принялись тоже за ликвидацію нашего поселенія. Дѣло было не особенно сложное, и дня два-три спустя мы уже двигались по дорогѣ къ мѣстечку Шполѣ Кіевской губ., на двухъ телѣгахъ, нагроможденныхъ почти до самаго верху всевозможными вещами: помимо одежды и хозяйственныхъ принадлежностей, тутъ было три или четыре сѣдла, на которыхъ мы мечтали ѣздить во время возстанія; нѣсколько книгъ, главнымъ образомъ, по исторіи французской революціи, пугачевщины и гайдамачины; карты генеральнаго штаба той мѣстности, гдѣ предполагалось начать возстаніе; нѣсколько кинжаловъ и револьверовъ съ цѣлой кучей револьверныхъ патроновъ; множество коробокъ съ порохомъ; фальшивые паспорта; поддѣльныя печати и тому подобныя «бунтовскія» принадлежности.

Въ мѣстечко Шполу мы пріѣхали подъ вечеръ и остановились на ночь въ постояломъ дворѣ. На другой день не помню, почему, мы проваландались довольно долго, а когда собрались, наконецъ, уѣхать, въ большихъ крытыхъ сѣняхъ постояла го двора, называемыхъ «подсѣнь емъ» (въ родѣ сарая), гдѣ стояли уже запряженныя наши телѣги, появился вдругъ тысяцкій съ двумя сотскими и потребовалъ наши паспорта.

Пробѣжавъ документы и найдя ихъ, конечно, въ порядкѣ (документы у насъ были поддѣланы превосходно; въ частности у меня былъ настоящій документъ одного моего умершаго родственника), тысяцкій посмотрѣлъ пытливо на наши телѣги и поинтересовался узнать, какія это были вещи.

Мы себя назвали торговцами лошадей и объявили, что переѣзжаемъ на жительство изъ г. Умань Кіевской губ., и что эти вещи были наши хозяйственныя принадлежности.

Тогда тысяцкій наугадъ запустилъ руку въ одну изъ телѣгъ, и, къ нашему ужасу, вытащилъ оттуда револьверный кобуръ.

— «А это что?..» воскликнулъ онъ.

— «Чехолъ отъ револьвера», отвѣтилъ я, «да и револьверъ есть. Сами знаете—таскаемся по ярмаркамъ, приходится держать оружіе. Другой разъ ѣдешь ночью съ деньгами...»

О револьверѣ я заговорилъ потому, что все равно кобуръ былъ найденъ; отказываться и выворачиваться казалось неудобнымъ. Я счелъ практичнѣе пойти опасности на встрѣчу, а потому, не колеблясь, вытащилъ револьверъ и подалъ его тысяцкому.

Но или мой расчетъ оказался невѣрнымъ или же, можетъ быть, и безъ того мы возбудили серьезныя подозрѣнія, только онъ не удовлетворился моей откровенностью. Взявъ револьверъ изъ моихъ рукъ и оглядѣвъ его со всѣхъ сторонъ, онъ рѣшительно заявилъ:

— «Собирайтесь-ка, пойдемъ въ становую квартиру».

На это мы, что называется, только руками развели.

Толпа зѣвакъ собралась у воротъ постоялаго двора, ведшихъ въ подсѣнье, гдѣ вся вышеописанная сцена происходила, и съ любопытствомъ оглядывала наши телѣги, нагруженныя вещами, и насъ самихъ, чувствовавшихъ себя въ ту минуту сильно обезкураженными.

— «И телѣги, и телѣги ведите за собою!» проговорилъ тысяцкій, замѣтивъ, что мы собираемся итти одни безъ нашихъ телѣгъ.

Нечего было дѣлать; взявши лошадей подъ узды, мы медленно, среди разступившейся по обѣ стороны толпы народа,

выѣхали изъ большихъ воротъ постоялаго двора и двинулись вслѣдъ за тысяцкимъ, шедшимъ впереди; двое сотскихъ пошли сзади насъ.

По дорогѣ въ становую квартиру, находившуюся на краю мѣстечка, намъ—по крайней мѣрѣ мнѣ—пришлось о многомъ-многомъ передумать. Шли мы, молча, не разговаривая другъ съ другомъ, всякій погруженный въ свои невеселыя размышленія, такъ какъ въ присутствіи тысяцкаго и сотскихъ серьезной бесѣды все равно нельзя было вести, а шептаться—значило лишь усилить подозрѣнія противъ себя. Прежде всего мнѣ пришла въ голову мысль, что насъ задержала шполянская полиція, благодаря распоряженіямъ изъ Елисаветграда, разосланнымъ повсюду объ арестѣ лицъ съ извѣстными примѣтами, которыя само собою разумѣется, должны были подходить къ нашимъ примѣтамъ, такъ какъ насъ то собственно и розыскивали. Это мрачное предположеніе само собою лѣзло въ голову. Но если даже было и не такъ, если насъ задержали безъ всякаго отношенія къ елисаветградскимъ событіямъ, то и въ этомъ случаѣ положеніе казалось отчаяннымъ: достаточно было обыскать наши телѣги и найти револьверы, патроны, порохъ, а особенно фальшивые паспорта, чтобы наше дѣло было окончательно проиграно. Обыска же надо было ожидать во всякомъ случаѣ; болѣе того, я былъ увѣренъ въ томъ, что насъ обыщутъ тотчасъ, какъ мы прійдемъ въ становую квартиру. «Да, дѣло проиграно», думалъ я и мысленно готовилъ себя уже къ тюрьмѣ, показаніямъ и очнымъ ставкамъ.

Но вотъ мы пришли въ становую квартиру; по счастью, становаго пристава не оказалось,— онъ куда-то выѣхалъ. Наши телѣги съ лошадьми заведены были во дворъ, и насъ позвали въ канцелярію. Здѣсь два писаря, сгорбившись надъ длиннымъ столомъ, выводили какія-то полицейскія кляузы; третій чиновникъ, видимо старшій, сидѣлъ за отдѣльнымъ небольшимъ

столомъ и перелистывалъ бумаги. Когда мы вошли, онъ оглядѣлъ насъ съ головы до ногъ и, получивъ изъ рукъ тысяцкаго мой револьверъ, положилъ его въ шкапъ; потомъ приказалъ задержать насъ, до пріѣзда пристава, во дворѣ и самъ вновь углубился въ свои бумаги. Мы вышли во дворъ. Тысяцкій оставилъ при насъ сотскаго и самъ куда-то ушелъ.

Я осмотрѣлся. Ворота на улицу были заперты. Дворъ былъ обнесенъ низкимъ плетнемъ, за которымъ съ одной стороны тянулся огородъ, тамъ видѣнъ былъ еще другой такой-же плетень, а дальше—незасѣянное поле. Сдѣлать попытку къ побѣгу было легко, но быть пойманнымъ казалось еще легче, такъ какъ рѣшительно негдѣ было спрятаться: поле было гладкое и ровное, какъ столъ, весьма удобное для солдатскихъ ученій, но не для укрывательства.

Теперь, ходя по двору, мы бесѣдовали и совѣщались между собою. Всякій изъ насъ находилъ положеніе отчаяннымъ, но прибѣгать къ такому средству, какъ бѣгство, казалось безразсуднымъ. Бѣгство мы считали послѣднимъ средствомъ. «Еще будетъ время, а пока торопиться съ этимъ незачѣмъ», разсуждали мы и чего то ждали. Надежда смутная, неясная шевелилась гдѣ-то на днѣ души. Но на чемъ она покоилась—трудно было даже сказать; можетъ быть на томъ, что наступалъ вечеръ и въ полѣ ложились длинныя тѣни, а ночь—лучшій помощникъ въ подобныхъ случаяхъ. Прошло около часу времени; сумерки сгустились и почти уже наступила ночь, когда наконецъ становой пріѣхалъ. Выслушавъ наше дѣло, онъ взялъ наши паспорта и приказалъ отвести насъ обратно на постоялый дворъ, заявивъ, что дѣло это разсмотритъ завтра утромъ.

Стопудовая тяжесть сразу свалилась съ плечъ: за ночь мы надѣялись найти какой-нибудь исходъ.

Мы отправились со своими телѣгами на постоялый дворъ

опять въ сопровожденіи того же тысяцкаго и сотскихъ. Прибывши на мѣсто, тысяцкій оставилъ сотскихъ караулить насъ — одного внѣ, другого внутри постоялаго двора — и самъ удалился.

Наступила ночь. Хозяева, евреи, легли спать, и все кругомъ утихло. Но мы не спали: въ небольшой комнатѣ, освѣщенной сальной свѣчкой, мы сидѣли и тихо между собою шушукались. Сторожъ нашъ тоже не спалъ; изъ большого темнаго подсѣнья, гдѣ находились наши телѣги и лошади, доносился по временамъ его кашель и шаги. Надо было во что бы то ни стало воспользоваться этой ночью, такъ какъ утромъ слѣдующаго дня насъ ожидалъ обыскъ и допросъ. Обсудивъ наше положеніе, мы находили два выхода: либо бросить телѣги съ вещами и лошадьми и самимъ бѣжать, либо рискнуть и ожидать легальнаго исхода дѣла, но въ такомъ случаѣ заранѣе приготовиться къ обыску. Первое оказалось трудно исполнимымъ уже по тому одному, что наши документы были задержаны становымъ, а безъ паспортовъ насъ могли арестовать въ первой же деревнѣ; не говоря уже о трудностяхъ самого побѣга ввиду караульныхъ. Второй, легальный исходъ казался болѣе правдоподобнымъ, но для этого мы должны были перебрать всѣ наши вещи и удалить все то, что могло насъ компрометировать. Осуществить это возможно было не иначе, какъ войдя въ соглашеніе съ нашимъ внутреннимъ караульнымъ. Очевидно съ послѣдняго и надо было начинать, но между нами произошли разногласія. Одинъ изъ товарищей энергично протестовалъ противъ попытки соглашенія съ караульнымъ; онъ доказывалъ, что, ничего не успѣвши, мы этимъ только больше скомпрометируемся, и что намъ лучше сразу думать о побѣгѣ. Другіе, въ числѣ которыхъ былъ я, стояли за попытку соглашенія, мотивируя тѣмъ, что о бѣгствѣ мы можемъ думать потомъ, когда намъ не удастся первое. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ, и мы приступили къ осуществленію.

Послѣ нѣкоторыхъ подходовъ мнѣ удалось завязать разговоръ съ сотскимъ. Я вышелъ изъ нашей комнаты въ подсѣнье и тутъ мы съ нимъ мало-по-малу разговорились. Онъ оказался крестьяниномъ одной извѣстной мнѣ деревни; мы заговорили съ нимъ объ ихъ помѣщикѣ, о житьѣ-бытьѣ крестьянъ и не прошло и часу времени, какъ уже вмѣстѣ ругали и помѣщика, и того самого станового съ тысяцкимъ, который поставилъ его насъ караулить.

— «Мнѣ надо достать кое-какія вещи изъ телѣги», замѣтилъ я ему между прочимъ.

— «Идите и берите что вамъ надо», отвѣтилъ сотскій.

Я направился къ одной изъ телѣгъ, ощупью отыскалъ небольшой сундучекъ, гдѣ между другими предметами находились паспортные бланки, и вытащилъ его. Съ этого началъ я потому, что безъ паспортовъ побѣгъ былъ немыслимъ, а побѣгъ надо было прежде всего обезпечить. Одинъ изъ товарищей тотчасъ занялся приготовленіемъ паспортовъ: бланки были чистые, и ихъ надо было только вписать.

Между тѣмъ, отнесши ящикъ съ паспортными бланками въ нашу комнату, я воротился обратно въ подсѣнье и принялся рыться между вещами, нащупывая и вытаскивая револьверы, кинжалы, патроны и другіе компрометирующіе предметы. Сотскій оказался добрымъ человѣкомъ.

— «Этотъ вашъ становой приставъ — настоящій разбойникъ!» говорилъ я. «Подумайте сами: ну, что ему отъ насъ нужно? А вотъ же задержалъ и не пускаетъ! Моритъ насъ тутъ въ городѣ... Тутъ за все плати, за все гроши давай!... Никто ничего даромъ не дастъ...»

— «Кто же дастъ даромъ?!» соглашался сотскій.

— «Въ чужой странѣ заѣзжему человѣку крѣпко трудно!.. Намъ надо ѣхать скорѣе: время уходитъ, а онъ насъ держитъ. И завтра, кто его знаетъ, когда еще выпуститъ».

— «И не говорите лучше! Чистый звѣрюка!» восклик-

нулъ сотскій. «Мѣсяца два назадъ заболѣла у меня «дытына». Жинка передастъ черезъ нашихъ людей—они сюда на базаръ ѣздятъ,—чтобы я пришелъ до дому. Я къ нему; прошу его, молю! Пустите меня! Только на одинъ день пустите! Можетъ «дытына», но дай Богъ, умретъ, — хоть посмотрю на нее передъ смертью! Такъ, что жъ вы думаете? Не пустилъ!»

— «Вотъ здѣсь у меня въ коробкахъ есть порохъ», говорилъ я дальше. «Что тутъ худого, что у меня есть порохъ? Имъ всѣмъ, подлецамъ, можно держать у себя и порохъ и ружья! А завтра, какъ найдутъ этотъ порохъ у меня, такъ ужъ впередъ знаю,—будетъ мнѣ за это цѣлое несчастье».

— «Давайте, я его спрячу», вызвался сотскій.

Полчаса спустя нашъ караульный вмѣстѣ съ нами пряталъ всякую всячину, то затыкая въ кучи соломы, навороченныя по угламъ подсѣнья, то зарывая въ соръ подъ яслями. Разъ или два, должно быть ради разнообразія, онъ взлазилъ даже по бревенчатымъ стѣнамъ подсѣнья и пряталъ нѣкоторыя вещи подъ стрѣху.

Когда былъ оконченъ пересмотръ вещей, и болѣе или менѣе приготовились мы къ ожидаемому обыску, то почувствовали себя облегченными; теперь можно было даже поспать.

— «Ну, спасибо вамъ, человиче добрый, что помогли», проговорилъ я, подавая сотскому рублевую бумажку.

— «За что даете мнѣ гроши?», смущенно заявилъ онъ.

И долго не соглашался брать денегъ. Сцена вышла глупая и неловкая.

На слѣдующій день утромъ мы съ нашими телѣгами двинулись въ сопровожденіи сотскихъ опять къ становому. День былъ базарный и на площади противъ нашего постоялаго двора толпилось множество крестьянъ, съѣхавшихся изъ сосѣднихъ деревень. Но, прійдя къ становому, мы нашли канцелярію пустою; чиновники отсутствовали, вѣроятно, по случаю базарнаго дня и оставался только одинъ писарь, должно быть,

дежурный, который намъ сообщилъ, что становой приставъ уѣхалъ еще съ утра по какому-то спѣшному дѣлу въ уѣздный городъ, и намъ придется обождать его возвращенія. Какое могло быть спѣшное дѣло, котораго становой не зналъ бы вчера? Вчера вѣдь онъ говорилъ намъ, что разсмотритъ наше дѣло сегодня утромъ?.. мысленно задавалъ я себѣ вопросъ.

Съ опущенными головами возвращались мы назадъ на постоялый дворъ. Подозрительность, возбужденная предыдущими событіями, вдругъ заговорила во мнѣ съ удвоенной силой. Внезапный отъѣздъ станового въ уѣздный городъ получилъ въ моихъ глазахъ прямую связь съ нашимъ дѣломъ и явился, такимъ образомъ, весьма грознымъ показателемъ. Становой, взвѣсивъ обстоятельства дѣла, нашелъ нужнымъ съѣздить въ уѣздъ, чтобы лично донести о всемъ случившемся по начальству, не рѣшаясь самостоятельно принять тѣ, либо другія мѣры относительно насъ; въ трудныхъ и важныхъ случаяхъ благоразумные полицейскіе чиновники часто такъ поступаютъ. «До уѣзднаго города около тридцати верстъ; туда и обратно—составляетъ шестьдесятъ верстъ; выѣхалъ становой въ такомъ то часу, значитъ, ожидать его возвращенія надо тогда-то», вычислялъ я уже тотчасъ, когда надъ нашими головами долженъ былъ разразиться рѣшительный ударъ. «Изъ Звенигородки (уѣздный городъ) онъ возвратится не одинъ; навѣрно съ нимъ пріѣдетъ и жандармскій офицеръ», говорилъ я товарищамъ.

Чѣмъ болѣе мы вдумывались, чѣмъ больше совѣщались и разсуждали, тѣмъ больше подозрительность наша росла и крѣпла въ этомъ направленіи. Такъ другъ друга мы заражали и дразнили, пока, наконецъ, не разбередили своихъ нервовъ до самой послѣдней степени. Наше положеніе, вдругъ, представилось намъ всѣмъ вполнѣ безъисходнымъ. «Бѣжать во что бы то ни стало!.. Вотъ единственное, что намъ оставалось!» рѣшили

мы всѣ, какъ одинъ, и съ лихорадочной поспѣшностью принялись готовиться къ побѣгу.

По разсчетамъ, до возвращенія станового изъ Звенигородки оставалось еще часовъ около четырехъ и этимъ временемъ мы должны были воспользоваться. Не смотря на то, что былъ день, а не ночь, побѣгъ сравнительно легко было совершить, благодаря толкотнѣ на площади и въ нашемъ постояломъ дворѣ, куда то и дѣло заходили и уходили всевозможнаго сорта люди. Какъ я уже упоминалъ выше, день былъ базарный, и народъ сновалъ взадъ и впередъ безостановочно. Сотскіе тоже часто выходили на базарную площадь, чтобы поглядѣть на ярмарку. Мы пробовали съ своей стороны выходить за ворота постоялаго двора и замѣтили, что наши стражники на это не обращали вниманія. Это было явленіе нѣсколько странное, какъ бы противорѣчащее общему положенію дѣла, казавшемуся намъ столь критическимъ; но мы объяснили себѣ это просто россійской халатностью; ярмарка поглощала вниманіе всѣхъ, въ томъ числѣ, видимо, и вниманіе нашихъ караульныхъ. Мы стали готовиться къ побѣгу. Мы надѣли подъ низъ другіе костюмы, оставивши сверху прежніе, которые мы думали сбросить, лишь только выберемся благополучно за мѣстечко; условились въ маршрутѣ и сборномъ пунктѣ, рѣшивши итти къ этому пункту не вмѣстѣ всѣмъ, а отдѣльно; раздѣлили между собою деньги, чтобы всякій имѣлъ при себѣ на случай, если внезапныя обстоятельства заставятъ кого нибудь отдѣлиться отъ остальной компаніи; взяли паспорта, приготовленные съ вечера... Право, даже весело сдѣлалось намъ. Мы задумали оставить шполянской полиціи записку слѣдующаго содержанія: «Предлагаемъ, вмѣсто насъ, арестовать подателя и препроводить его въ одинъ изъ тюремныхъ замковъ, какъ безпаспортнаго бродягу». Записку эту мы должны были прицѣпить ко лбу одной изъ нашихъ лошадей. Конечно, всѣ

наши вещи съ телѣгами и двумя лошадьми мы рѣшили бросить и бѣжать пѣшкомъ.

Все уже было готово у насъ, какъ вдругъ прибѣгаетъ разсыльный и зоветъ насъ немедленно въ канцелярію станового. «Неужели же онъ успѣлъ воротиться? Не можетъ быть!..» мысленно восклицалъ я, идя вмѣстѣ съ другими къ становому.

— Что же вы не явились сегодня въ канцелярію?» обратился къ намъ старшій чиновникъ, лишь только мы показались въ дверяхъ.

Мы заявили, что были утромъ и сослались на писаря, видѣвшаго насъ.

— «Приставъ приказалъ отпустить васъ», проговорилъ онъ. «Надо только актъ составить».

Начался опять допросъ: кто мы и что мы за люди, откуда и куда ѣдемъ и проч. Писарь сидѣлъ за столомъ и сообразно нашимъ отвѣтамъ составлялъ актъ. По этому акту выходило, что ѣдемъ мы изъ г. Черкассы въ г. Умань, хотя на самомъ дѣлѣ ѣхали мы въ Смѣлу и, конечно, не изъ Черкассъ. Актъ былъ написанъ. Въ качествѣ грамотнаго я подписался (другіе показали, что они неграмотные). Намъ возвратили наши документы, возвратили даже револьверъ, и мы весело пошли обратно на постоялый дворъ.

Быстро, на сколько было возможно, мы собрались и уложили вещи (трудно розыскивать было въ соломѣ и въ сорѣ, особенно ввиду того, что приходилось это дѣлать незамѣтно), потомъ запрягли лошадей и выѣхали, не смотря на то, что когда мы выѣзжали, то уже совсѣмъ клонилось къ вечеру. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство было намъ на руку: двинувшись по дорогѣ на западъ, т. е. какъ будто по направленію къ Умани, мы, подъ прикрытіемъ сумерекъ, своротили, сдѣлали большой объѣздъ, выбрались на смѣлянскую дорогу и съ присвистомъ помчали своихъ лошадей прямо на сѣверъ.

Оказывалось, что въ мѣстечкѣ Шполѣ совершена была

около этого времени довольно крупная кража, и мы угодили туда какъ разъ въ то время, когда по мѣстечку велись розыски. Мы почему-то обратили вниманіе тысяцкаго и съ этого загорѣлся сыръ-боръ.

Всю ночь, не останавливаясь, гнали мы своихъ лошадей. Какъ памятна мнѣ эта ночь! Небо чистое; свѣжо; прозрачная легкая мгла чуть-чуть стелется надъ полями, залитыми сверху блѣдно-зеленоватымъ луннымъ свѣтомъ. Дорога ровная; наши телѣги грохочутъ по гладко укатанному пути. Двое товарищей во всю глотку поютъ пѣсни. Вѣроятно, они тогда чувствовали себя довольными.

Прибывши въ Смѣлу, мы, конечно, заѣхали прямо къ нашему Срулю. Онъ очень удивился, такъ какъ давно никого изъ насъ не видѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадовался, что мы еще цѣлы и невредимы. «А такой-то? Ну, а такой-то?» спрашивалъ онъ.— «Живы, живы всѣ!» «Слава богу!»

— «Ну, Сруль, намъ надо сейчасъ же отыскать подводу въ Черкассы. Надо поспѣть къ сегодняшнему пароходу».

— «А ваши же кони и телѣги?» спросилъ онъ.

«Одного коня съ телѣгой возьметъ онъ», проговорилъ я, указывая на одного товарища. Въ Черкассы рѣшили ѣхать насъ трое; четвертый направлялся въ другую сторону, и ему нужна была и лошадь, и телѣга.

— «А другого коня съ телѣгой и всѣ наши вещи оставимъ у тебя. Хочешь, купи эту лошадь».

— «Добре, только я дорого не дамъ», замѣтилъ Сруль, улыбаясь.

Продавши ему коня съ телѣгой за безцѣнокъ (мы хотѣли этого коня сбыть во всякомъ случаѣ, такъ какъ на немъ часто ѣздили въ Елисаветградъ, и онъ былъ примѣтный), мы отобрали нужныя для себя вещи, остальныя сдали ему на сохраненіе, и нѣсколько времени спустя, двигались уже на наемныхъ лошадяхъ въ Черкассы.

Кружокъ нашъ, разбѣжавшійся изъ поселеній, почти въ полномъ составѣ собрался въ Харьковѣ. Стали мы сходиться и толковать о томъ, какъ намъ дальше быть, какъ довести дѣло наше до конца, т. е. до вооруженнаго возстанія. Рознь, наблюдавшаяся давно среди насъ, все-таки не бросалась такъ рѣзко въ глаза раньше, какъ это мы всѣ почувствовали теперь, на харьковскомъ съѣздѣ. Пока мы жили по деревнямъ, въ разныхъ мѣстахъ, разногласія менѣе были замѣтны; когда же мы собрались въ одно мѣсто, да еще съ цѣлью принять рѣшенія на будущее время — все всплыло наружу. Теперь намъ предстояло начинать многое сызнова: выбирать мѣста для поселеній, устраиваться подъ новыми предлогами и прочее, такъ какъ надо было затереть всѣ свои слѣды; розыски по дѣлу Гориновича могли повлечь за собою весьма опасныя послѣдствія. Если бы мы бодро относились къ нашему дѣлу и вѣрили въ его осуществимость, то тѣ затрудненія, какія представлялись намъ вслѣдъ за неудачнымъ покушеніемъ на жизнь Гориновича, конечно, были бы преодолѣны, и мы продолжали бы преслѣдовать нашу цѣль. Но вѣры въ дѣло уже не было. Да и зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, опять было селиться намъ по деревнямъ? Вѣдь тамъ дѣлать было нечего! Рознь проявилась среди насъ невообразимая! Наши сходки на «Основѣ» (такъ называется роща близь Харькова, гдѣ мы чаще всего собирались для обсужденія дѣлъ) памятны мнѣ до сихъ поръ. Лежимъ, бывало, мы подъ соснами и толкуемъ: доказываетъ, напримѣръ, что-нибудь одинъ изъ насъ, а другіе слушаютъ и только улыбаются; тотъ развиваетъ свою мысль,— ему даже и не возражаютъ серьезно, а дѣлаютъ лишь вскользь кой-какія замѣчанія. Горячихъ споровъ почти не было. Но и отъ улыбокъ, и отъ замѣчаній, брошенныхъ вскользь, вѣяло такой непримиримой разноголосицей, какой, конечно, никогда не чувствовалось у насъ раньше при самыхъ горячихъ спорахъ.

Дробязгинъ горячился больше другихъ: какъ теперь передъ собою вижу его! Вотъ онъ стоитъ передъ нами на колѣняхъ (онъ не можетъ лежать на травѣ, подобно другимъ, потому что сильно взволнованъ) и, размахивая руками, съ жаромъ доказываетъ необходимость большей выдержки для дѣятельности въ народѣ.

— «Неправда! работать можно!..» — возражаетъ онъ скептикамъ, и дрожитъ при этомъ его жиденькая рыжеватая бородка, а маленькіе сѣрые глаза горятъ гнѣвомъ. Онъ развивалъ ту мысль, что работать надо, не торопясь и не нервничая, не назначая напередъ сроковъ, когда именно начинать возстаніе.— «У насъ», — говорилъ онъ, «все время только и слышны были разговоры о томъ, что возстаніе нужно начать въ такомъ или другомъ мѣсяцѣ. Не въ апрѣлѣ или маѣ должно быть возстаніе, а тогда, когда выйдетъ; когда само собою, органически, такъ сказать, вытечетъ оно изъ всей нашей дѣятельности».

Но разсужденія Дробязгина о томъ, какъ нужно было вести дѣло на будущее время, такъ и оставались одними только разсужденіями. Напрасно силился онъ вдохнуть жизнь въ нашу организацію,—то былъ уже трупъ.

Иванъ Дробязгинъ былъ небольшого роста человѣкъ, жиденькаго тѣлосложенія, съ рыжевато-пепельной растительностью на головѣ и лицѣ; но эта невзрачная по виду фигурка содержала въ себѣ много ума съ чисто украинскимъ юморомъ и громадную нравственную силу. Въ 74 омъ году, вмѣстѣ съ Ковальскимъ (впослѣдствіи разстрѣляннымъ) онъ пропагандировалъ среди штундистовъ Херсонской губ., почему, между прочимъ, и дана была ему въ нашемъ кружкѣ кличка «штунда». Послѣ харьковскаго съѣзда онъ уѣхалъ въ Одессу, гдѣ спустя нѣкоторое время, былъ арестованъ. Слѣдствіе по его дѣлу, какъ это водилось въ то время вообще, затянулось на долго, пока соловьевское покушеніе на жизнь царя въ 79 году

не вызвало военнаго положенія въ Россіи, и въ Одессу не былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Тотлебенъ. Тотлебенъ съ своимъ помощникомъ Панютинымъ принялись искоренять крамолу. По волѣ монарха, генераламъ этимъ дано было право жизни и смерти надъ русскоподданными Южнаго Края, и генералы эти широко воспользовались этимъ правомъ. Что же, однако, это были за генералы, что правительство рѣшилодать имъ въ руки такую громадную власть? Тотлебенъ, кажется, удовлетворялся больше пассивной ролью: онъ только получалъ жалованье, предоставивъ вести дѣло искорененія крамолы своему помощнику Панютину. А Панютина вотъ въ какихъ, примѣрно, выраженіяхъ характеризовалъ мнѣ Гавріилъ Баламезъ, содержавшійся въ то время въ одесской тюрьмѣ и, слѣдовательно, не разъ видѣвшій этого господина: «Представь себѣ—низкаго, ширококостаго старика съ отвислыми щеками и отвислой нижней челюстью, съ безсмысленнымъ взглядомъ; широко разставленныя ноги, широко разставленныя руки и массивный, почти квадратный, корпусъ, нѣсколько наклоненный впередъ,—дѣлали его весьма похожимъ на черепаху, поднявшуюся на заднія лапы, или на какую-то четырехугольную каракатицу-моллюску. И этой то внѣшности вполнѣ соотвѣтствовали внутреннія качества Панютина». Итакъ, отвратительной каракатицѣ-моллюскѣ, лишенной отъ рожденія человѣческихъ нервовъ, дана была неограниченная власть! Можно себѣ представить, что должно было совершаться! Множество лицъ за самыя ничтожныя провинности сосланы были въ каторжныя работы; еще больше сослано было на поселеніе административнымъ порядкомъ; но это было далеко не все; въ августѣ 79 года, въ Одессѣ были казнены: Чубаровъ (членъ нашего кружка), Лизогубъ и Давиденко; почти одновременно съ этимъ въ г. Николаевѣ (одесскаго же генералъ-губернаторства) повѣшены были Виттенбергъ и Логовенко и, наконецъ, въ декабрѣ того же года опять въ Одессѣ повѣ-

шены были: Майданскій за то, что, какъ выяснено было слѣдствіемъ, онъ далъ Дейчу сѣрную кислоту, которой облитъ былъ Гориновичъ, — Малинка и Дробязгинъ, члены нашего кружка, первый за участіе въ покушеніи на жизнь Гориновича, а второй... За что въ самомъ дѣлѣ казненъ былъ Иванъ Дробязгинъ 7-го декабря 1879 года? Пусть русское правительство потрудится отвѣтить на этотъ вопросъ.

Но гдѣ же это видно, чтобы всероссійское правительство, такое величественное, непогрѣшимое правительство отвѣчало на какіе-то вопросы частнаго лица! Если бы подобный вопросъ задало ему даже правительство другой страны, то и тогда бы оно не сочло нужнымъ отвѣчать: во внутреннія дѣла просимъ, молъ, не мѣшаться. А повѣсили Дробязгина— такъ и повѣсили! Какое кому до этого дѣло!

Спокойно, съ достоинствомъ держался Дробязгинъ въ послѣднія минуты жизни. За нимъ не было ни одного такого политическаго преступленія, за которое по нашимъ законамъ можно было ожидать смертной казни и онъ былъ казненъ единственно потому, что не выказалъ передъ Панютинымъ слабости духа.

Любопытно, что когда окончились казни въ Одессѣ и миссія Тотлебена—этого, въ лучшемъ случаѣ, генерала-тряпки, — была совершена, разсказываютъ, будто, на одесскомъ вокзалѣ, въ присутствіи публики произошла такая сцена: «Вы меня опозорили. Моя репутація была незапятнана. Вы опозорили меня на старости лѣтъ»,— говорилъ отъѣзжавшій Тотлебенъ Панютину, присутствовавшему при его проводахъ.— «Ваше превосходительство!» —отвѣчала каракатица, и задрожала при этомъ ея отвислая нижняя челюсть,—«я тоже генералъ... И тоже старикъ»...

Все это, однако, имѣло мѣсто три года спустя, а потому, возвращаюсь опять къ нашимъ сходкамъ на «Основѣ».

Итакъ, во время сходокъ среди насъ проявилась полная

рознь; замѣчалось даже нежеланіе выработать на будущее время какую бы то ни было общую программу дѣйствія. Такъ, между прочимъ, я первый, будучи во многомъ согласенъ съ Дробязгинымъ, мало поддерживалъ его, такъ какъ всякіе разговоры находилъ безполезными. Я чувствовалъ, что кружокъ нашъ въ эту минуту распадался и на совмѣстную дѣятельность въ будущемъ не надѣялся. Я былъ того мнѣнія теперь, что для бунтовской работы въ народѣ вовсе не нужно было заранѣе организовать кружокъ, а достаточно было для этого двухъ-трехъ согласныхъ человѣкъ. Въ рѣшительную же минуту, т. е. въ моментъ возстанія, всегда можно было надѣяться на поддержку: стоило лишь явиться въ городъ и кликнуть кличъ,— навѣрно, нашлась бы масса молодежи, готовой принять активное участіе въ дѣлѣ. Опытъ нашихъ связей въ крестьянствѣ оказалъ на меня огромное вліяніе: я какъ будто даже еще укрѣпился въ своей вѣрѣ въ народъ и съ тѣхъ поръ никогда потомъ не могъ согласиться съ мнѣніемъ, будто дѣятельность въ народѣ невозможна, съ мнѣніемъ, которое въ непродолжительное время сдѣлалось господствующимъ среди революціонной интеллигенціи. Я находилъ, что не со стороны народа, а исключительно съ нашей стороны оказалась неустойка, и что неудача, постигшая насъ, явилась, главнымъ образомъ, результатомъ нашего безденежья. Я думалъ, что стоило только намъ достать оружіе, и однѣ тѣ связи, которыя мы уже имѣли въ крестьянскомъ мірѣ (дѣдъ Федь, Печиноръ и другіе) были вполнѣ достаточны для того, чтобы начать возстаніе хоть въ ту же минуту.

Среди немногихъ проектовъ, высказанныхъ тогда на «Основѣ», имѣвшихъ цѣлью вдохнуть жизнь въ нашу организацію и намѣтить на будущее время хоть какую-нибудь общую работу, помню еще предложеніе Маріи Ковалевской, состоявшее въ томъ, чтобы отпечатать манифесты о передѣлѣ земли и безъ всякой подготовительной работы, заняться распространеніемъ

ихъ среди народа. Она предлагала отправиться въ лодкахъ внизъ по Днѣпру и раздавать манифесты крестьянамъ прибрежныхъ деревень.—«Это навѣрно вызоветъ волненія и тогда мы увидимъ, какъ намъ поступать дальше», говорила она. Съ этимъ проектомъ я не могъ согласиться уже потому, что не придавалъ значенія, такъ называемымъ, «пассивнымъ» крестьянскимъ бунтамъ, во время которыхъ правительство сѣчетъ крестьянъ, а крестьяне только терпятъ. Мнѣ казалось, что задача революціонной интеллигенціи, главнымъ образомъ, въ томъ и заключалась, чтобы внести больше активности въ народные бунты, а ничуть не вызывать самимъ «пассивныя» возстанія, которыхъ было очень много, напр. хотя бы въ шестидесятыхъ годахъ, и которыя не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ.— «И били насъ, и сѣкли насъ! Въ Днѣпръ загоняли насъ по самую шею; кричали намъ: «всѣхъ васъ потопимъ!» Мы все терпѣли; и все-таки стояли на своемъ». Въ такихъ, примѣрно, выраженіяхъ, помню, разсказывалъ мнѣ одинъ мужикъ изъ приднѣпровской деревни о томъ, какъ они одно время «бунтовали»..

Большинство членовъ, какъ я уже сказалъ выше, мало дебатировали на нашихъ сходкахъ и ограничивались только вскользь брошенными замѣчаніями по тому, либо иному вопросу. Къ числу такихъ невысказывавшихся тогда принадлежалъ и Яковъ Стефановичъ. Онъ былъ всецѣло погруженъ въ свое чигиринское дѣло и, повидимому, не находилъ нужнымъ привлекать къ этой конспираціи остальныхъ членовъ кружка. Помню, обратился онъ тогда съ предложеніемъ къ кружку, чтобы ему данъ былъ для пользованія типографскій станокъ, бывшій нашей общей собственностью, очевидно, имѣя намѣреніе печатать манифесты отъ имени царя, которые онъ потомъ и примѣнилъ къ дѣлу. Кружокъ постановилъ предоставить ему пользованіе станкомъ.

Я лично мало сочувствовалъ въ ту минуту его чигирин-

скимъ конспираціямъ, и, на мой взглядъ, проектъ Ковалевской имѣлъ даже преимущества: тутъ, по крайней мѣрѣ не надо было прибѣгать къ систематическому, продолжительному мороченью людей,—а просто, встрѣтилъ подходящаго мужика гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, побесѣдовалъ съ нимъ, всучилъ ему въ руки манифестъ—и конецъ дѣлу. Что же касалось до послѣдствій, то они мнѣ представлялись почти одинаковыми въ обоихъ случаяхъ: и здѣсь, и тамъ слѣдовало ожидать, что манифесты вызовутъ волненія, и здѣсь, и тамъ волненія эти, безъ оружія, должны были носить вполнѣ пассивный характеръ. Мое бунтовское міровоззрѣніе не мирилось съ подобными предпріятіями.

XV.

Смутное время.

Харьковскій съѣздъ окончился фактическимъ распаденіемъ нашего кружка, хотя это и не было формулировано, ни кѣмъ не было громко сказано: всѣ молчали, но всѣ это чувствовали, разъѣзжаясь изъ Харькова.

Костюринъ и Дробязгинъ уѣхали въ Одессу, гдѣ и были вскорѣ арестованы. Объ участи Дробязгина я упоминалъ раньше; что касается до Костюрина, то года полтора спустя онъ былъ судимъ по процессу 193-хъ и приговоренъ—если не измѣняетъ память—къ шести годамъ каторги. Б* уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ впослѣдствіи былъ арестованъ, приговоренъ по другимъ дѣламъ къ каторжнымъ работамъ и сосланъ въ Сибирь. Фроленко Михайло уѣхалъ тоже въ Одессу. Стефановичъ съ Дейчемъ и Бохановскій, который присоединился къ нимъ, поселились въ Кіевѣ и отсюда начали совершать свои періодическія поѣздки въ Чигиринщину.

Что касается до меня и еще нѣсколькихъ товарищей, то для насъ послѣ Харьковскаго съѣзда наступилъ особый періодъ. Объ этомъ времени я вспоминаю съ ужасомъ: словно я пролежалъ въ какой-нибудь тяжкой болѣзни — до того хаотическимъ представляется оно мнѣ теперь. Я многое успѣлъ забыть; да едва ли интересно было бы вспоминать о всемъ. Событія — одно другого нелѣпѣе, одно другого безсмысленнѣе!... Постыдное фіаско, которое мы потерпѣли въ нашемъ дѣлѣ, вызывало самое отвратительное нравственное состояніе; къ этому еще присоединился полный матерьяльный кризисъ. И вотъ, отъ незнанія куда себя дѣвать и въ поискахъ за пропитаніемъ, таскаемся мы вмѣстѣ съ какой-то бродячей трупой актеровъ по южнымъ приморскимъ городкамъ: Маріуполь, Бердянскъ, Керчь, Таганрогъ, — и участвуемъ въ представленіяхъ: тутъ сталкиваемся съ какимъ-то агентомъ Славянскаго Комитета, собирающимъ пожертвованія въ пользу возставшихъ славянъ (въ это время было герцеговинское возстаніе), — нахаломъ, доведшимъ мое раздраженіе до того, что однажды я было полѣзъ въ карманъ за револьверомъ. То вдругъ опять появляемся въ Харьковѣ, но уже въ качествѣ пѣвцовъ, а не актеровъ; поемъ по трактирамъ и этимъ заработываемъ пропитаніе.

Какъ долго продолжались эти скитанія, теперь точно не могу сказать; но припоминаю, что вырваться изъ этихъ обстоятельствъ мнѣ удалось не скоро. Я пріѣхалъ въ Кіевъ вскорѣ послѣ того момента, когда объявлена была война съ Турціей. Я былъ необыкновенно исхудавшій; упадокъ физическихъ силъ былъ полный; желудокъ мой не варилъ; изъ носа постоянно текла кровь. Въ 73-мъ году, выступая на путь революціоннаго народничества, я свободно поднималъ десятипудовыя тяжести; теперь, къ началу 77-го года, когда этотъ путь былъ пройденъ, я едва волочилъ свои ноги.

Отвратительное нравственное состояніе, указанное мною

выше, было вызвано, впрочемъ, не одной неудачей, постигшей насъ въ народѣ; простая неудача предполагала бы, съ другой стороны, возможность и удачи; но тутъ было что-то глубже, значительно глубже обыкновенной неудачи; было что-то иное, чего я не сумѣлъ бы въ ту минуту формулировать и что только теперь, послѣ многихъ лѣтъ жизни, когда я вспоминаю и вдумываюсь въ прошлое, — вычерчивается въ моемъ представленіи. Разсказывая о нашихъ знакомствахъ среди крестьянъ, я выразился, между прочимъ, что успѣхъ, встрѣтившій насъ тогда, усилилъ мою вѣру въ дѣло. Но едва ли мое выраженіе было точно, ибо едва ли то чувство, которое я испытывалъ въ ту минуту, можно было назвать вѣрой. А если то была и вѣра, то во всякомъ случаѣ, не та старая вѣра, одухотворявшая насъ въ 73, 74 и 75 годахъ, а совершенно иная. Въ 73 и 74 годахъ вся масса русскаго народа представлялась намъ болѣе или мѣнѣе однородной и почти готовой къ поголовному возстанію. Эта вѣра, такъ сказать, во всю народную массу настолько насъ бодрила, что мы склонны были не особенно заботиться даже объ созданіи организаціи. Всякій вѣрилъ, что за нимъ стоятъ милліоны крестьянъ и эта вѣра неудержимо толкала впередъ. Среди насъ почти не поднималось рѣчи ни о заготовленіи оружія, ни о какихъ бы то ни было другихъ усовершенствованныхъ средствахъ борьбы. Мы не сомнѣвались въ томъ, что народъ «закидаетъ своихъ враговъ шапками». Я не могу воспроизвести точныхъ словъ одного стихотворенія, сочиненнаго нами въ 74-мъ году, которое мы переложили на мотивъ марсельезы; припоминаю только, что припѣвъ его былъ: «За колья, топоры!» Мы вѣрили и надѣялись, что все это выйдетъ довольно-таки просто: народъ схватится за «колья», и революція готова. И нашу извѣстную народную пѣсню «про дубинушку тоже пѣли въ передѣланномъ видѣ, гдѣ «дубина» должна была сыграть рѣшающую роль. О «топорѣ» я ужъ и не вспоми-

наю; топору—этому національному оружію—и вовсе повезло: еще въ 60-хъ годахъ въ революціонныхъ прокламаціяхъ говорилось о немъ. Петръ Алексѣевъ въ своей рѣчи, конецъ которой мы приводили выше, говорилъ даже о крестьянскомъ «кулакѣ».

Теперь, въ 77 году, для меня сдѣлалось яснымъ, какъ день, что ни «дубина», ни «колья», ни даже «топоры» не могутъ сослужить службы въ возстаніи, а что для возстанія надо имѣть оружіе и къ тому же усовершенствованное. Оружію я началъ придавать такое огромное значеніе, что на всякую революціонную попытку въ народѣ безъ предварительной заготовки оружія сталъ смотрѣть, какъ недомысліе; какъ на доказательство неяснаго пониманія главной задачи революціонера. Я считалъ, что именно мы, революціонеры изъ интеллигенціи, должны были позаботиться о пріобрѣтеніи нужнаго оружія, котораго мужикъ не могъ достать и не откуда было ему достать, но безъ котораго, съ другой стороны, немыслимо было возстаніе. Но разъ сталъ я придавать такое важное значеніе оружію, то сами собою напрашивались вопросы о количествѣ его, объ умѣніи владѣть имъ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы изъ того, если бы были доставлены, скажемъ, хоть берданки? Вѣдь не давать же ихъ въ руки тѣмъ, которые раньше не видѣли никогда ружей, заряжающихся съ казенной части?! Но чѣмъ грозило въ концѣ концовъ подобное положеніе вещей? А тѣмъ, что приходилось думать о созданіи въ народѣ какой-то боевой, чисто военной организаціи. Но возможно ли было провести ее въ тайнѣ отъ полиціи? Вѣдь это было уже не то, что создать организацію бунтовскаго ядра, «сильнаго лишь въ качественномъ отношеніи, но не въ количественномъ». Удержать тайну тамъ, гдѣ замѣшаны сотня, двѣ и даже три—людей, совсѣмъ не одно и то же, что создать организацію военнаго отряда въ тысячу или двѣ людей? Всѣ эти и тому

подобные вопросы сами собою напрашивались, и заводили мысль въ такія дебри, изъ которыхъ она, бѣдная, не знала, какъ ей выпутаться..

И вотъ, что казалось прежде такимъ яснымъ, неопровержимымъ и понятнымъ, стало заволакиваться въ моемъ представленіи какимъ-то туманомъ, мглою... Этотъ туманъ сразу отразился на моихъ поступкахъ. Въ ту минуту, повторяю, я этого не сознавалъ; я только чувствовалъ, что все идетъ и внѣ, и внутри меня какъ-то неладно, и хотя на словахъ я былъ, пожалуй, не менѣе вѣрующимъ народникомъ-бунтаремъ, какъ и раньше, но на дѣлѣ было совсѣмъ не то. Я чувствовалъ недостатокъ энергіи. «Надо итти въ народъ; здѣсь, въ городѣ, нечего дѣлать», не разъ мысленно рѣшалъ я. И тутъ же выступали вопросы: «А что я буду тамъ дѣлать? Допустимъ, я розыщу людей и сговорюсь съ ними... Навѣрно даже розыщу! Да и искать было нечего, связи были готовыя: стоило лишь поѣхать къ дѣду Федю и Нечипору. Но что мы станемъ дѣлать, не имѣя оружія? Что я имъ предложу? Не начинать же бунтъ съ голыми руками?! А для закупки оружія нужны большія, большія средства!..» И вотъ остановишься, бывало, передъ этимъ вопросомъ, какъ передъ каменной стѣной, и дальше ни съ мѣста. И стала овладѣвать мною тоска, тѣмъ болѣе удручающая, что я не въ состояніи былъ формулировать ея причины.

Бывало, сойдемся мы, нѣсколько товарищей, и толкуемъ между собою; все чаще, конечно, о причинахъ нашей неудачи въ народѣ. Въ Кіевѣ жили тогда: Малинка, Ковалевская, Рахальскій, Чубаровъ. Я не упоминаю о Стефановичѣ, Дейчѣ и Бохановскомъ, которые тоже жили въ Кіевѣ, но, ведя свои конспираціи съ чигиринцами, въ это время совершенно отдѣлились отъ остальныхъ. Помню, одинъ разъ Малинка сильно изумилъ меня; соглашаясь со мною въ томъ, что для работы среди народа не надо привлекать много лицъ изъ интеллиген-

ціи, а достаточно подобраться всего нѣсколькимъ человѣкамъ, онъ высказалъ мнѣніе, что зато эти нѣсколько человѣкъ, составляющіе организацію, должны будутъ непремѣнно поклясться другъ другу въ томъ, что никто изъ нихъ не отступится отъ разъ выработаннаго сообща плана дѣйствій.—«Разъ выработали какой-нибудь практическій планъ и согласились на немъ», говорилъ Малинка, «этотъ планъ потомъ не можетъ быть измѣняемъ. И отъ него никто изъ членовъ организаціи не смѣетъ отступиться подъ страхомъ смертной казни».

— «Ну, это ты ужъ слишкомъ строго», замѣтилъ я ему на это. «Впрочемъ, кто же будетъ казнить? Конечно товарищи?! Они же будутъ и судить, а слѣдовательно и рѣшать вопросъ: заслужилъ ли казни совершившій тотъ или другой проступокъ, или нѣтъ. Въ сущности, все сведется къ рѣшенію кружка».

— «Э-э!... Вотъ какъ ты думаешь? Нѣтъ, братъ! Казнить должны, а не то что будутъ рѣшать по усмотрѣнію!» воскликнулъ Малинка, ударяя на словѣ должны.

— «Какъ это!?» воскликнулъ я въ свою очередь.

— «А такъ: казнить должны безъ дебатовъ. Увидѣлъ, скажемъ, ты, что я нарушилъ какое-либо постановленіе, принятое организаціей, и заявляешь объ этомъ остальнымъ членамъ. И тутъ ужъ меня должны казнить; никакимъ дебатамъ и никакому голосованію мѣста нѣтъ».

— «Что ты, Хомце! *) Это выходитъ—одинъ человѣкъ можетъ казнить другого, и аппелировать не къ кому?»

— «Такъ и значитъ», мрачно подтвердилъ Малинка. Его черные глаза горѣли такимъ огнемъ въ ту минуту, что я ужаснулся, глядя въ нихъ.

«Слуга покорный, довѣрять свою жизнь всякому! Су-

*) Викторъ Малинка извѣстенъ былъ у насъ въ кружкѣ подъ именемъ «Хомця» (уменьшительное отъ Фома), подобно тому, какъ Иванъ Дробязгинъ прозывался «Штундою».

масшедшій можетъ усмотрѣть нарушеніе тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ. И все таки надо казнить».

— «А не принимай сумасшедшихъ; не принимай въ организацію такихъ, кому боишься довѣрить свою жизнь. Какъ казнимъ одного, другого», продолжалъ Малинка, «такъ сразу излечимся отъ нашей халатности. А то, посмотри, на что похоже: собираемся толкуемъ, рѣшаемъ, а потомъ всякій дѣлаетъ то, что ему взбредетъ въ голову. Какъ къ шуткѣ относимся къ своимъ рѣшеніямъ. Нѣтъ, я иначе понимаю революціонную организацію: это долженъ быть союзъ на жизнь и смерть».

Малинка скоро уѣхалъ изъ Кіева въ Полтаву, на сколько могу припомнить, для отбыванія воинской повинности. Онъ считалъ себя легальнымъ, такъ какъ не зналъ, что его фамилія была открыта жандармами и что его уже розыскивали по дѣлу Гориновича. Въ Полтавѣ онъ былъ арестованъ, но ему удалось бѣжать: онъ скрывался нѣкоторое время въ Харьковѣ, пока тамъ не арестовали его вторично. Въ этотъ разъ его препроводили въ Одессу, гдѣ велось слѣдствіе по дѣлу о покушеніи на жизнь Гориновича. Изъ одесской тюрьмы онъ сдѣлалъ еще попытку къ побѣгу, но неудачно. 7 декабря 1879 года онъ былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ Дробязгинымъ въ Одессѣ по распоряженію генерала Папютина. Такъ погибъ Викторъ Малинка.

Но кто такой былъ Малинка? Что это была за личность? Извѣстенъ ли онъ сколько нибудь русской публикѣ, подобно тому, какъ извѣстны, напр., другіе наши революціонные дѣятели? Нисколько! Въ ряду повѣшенныхъ просто только стоятъ голыя имена Дробязгина и Малинки; но то, что скрывалось за этими именами—погибло безвозвратно, погибло вмѣстѣ съ ихъ несчастными трупами, закопанными гдѣ то возлѣ одесскихъ скотобоенъ. Не могу воздержаться, чтобы не припомнить слѣдующаго гнуснаго факта: по поводу этихъ одесскихъ

казней возлѣ скотобоенъ одна изъ мѣстныхъ газетъ (къ сожалѣнію, не помню ея названія) иронизировала тогда въ такомъ родѣ, что скотовъ де надо рѣзать и убивать всѣхъ въ одномъ мѣстѣ. Вотъ до какихъ изувѣрскихъ размѣровъ доходилъ цинизмъ продажныхъ писакъ въ Одессѣ во время панютиновщины! Да, да; закопали гдѣ то негодяи и нашего «Штунду», и нашего «Хомця»! Это тѣ скромные, но великіе мученики движенія, имена которыхъ едвали будутъ говорить что нибудь потомству, но которые отъ этого нисколько не менѣе дороги для ихъ близкихъ товарищей. Воскрешу же я хоть въ своей памяти эту оригинальную фигуру! Вотъ онъ—передо мною, съ черными какъ сиоль глазами, худой, высокій, особенно по сравненію съ маленькимъ, рыженькимъ Дробязгинымъ. Молодая растительность черными клочками обрамляетъ его нѣсколько блѣдныя щеки. Выраженіе лица суровое; въ особенности смотрятъ сурово его черные, блестящіе глаза. Викторъ Малинка — сынъ очень богатаго помѣщика Полтавской губерніи—былъ всего двадцати двухъ-трехъ лѣтъ въ то время, когда я познакомился съ нимъ въ Одессѣ въ 1875 году. Онъ былъ студентомъ по юридическому факультету. Вся его фигура съ головы до ногъ изобличала демократа; полная неприхотливость въ жизни столь же рѣзко бросалась въ глаза у него, какъ и у извѣстнаго богача Лизогуба, пожертвовавшаго своимъ имуществомъ для революціонныхъ дѣлъ, и казненнаго тѣмъ же Панютинымъ. Но Малинкѣ, отецъ котораго былъ еще живъ, не удалось, подобно Лизогубу, помочь революціоннымъ дѣламъ деньгами, если не считать тысячъ около трехъ рублей, внесенныхъ имъ разновременно въ кассу. Когда я съ нимъ познакомился, онъ увлеченъ былъ въ ту минуту болгарскимъ освободительнымъ движеніемъ отъ турецкаго ига и все время возился съ болгарами, проживавшими въ Одессѣ. На сколько мнѣ извѣстно, среди нихъ былъ и Стамбуловъ,—впослѣдствіи болгарскій президентъ министровъ и милліонеръ,—

тогда же бѣдный юноша, не имѣвшій во что одѣться. Мнѣ запомнилась одна болгарская пѣсня, которую любилъ пѣть Малинка, и гдѣ то и дѣло повторялся слогъ: «Мила моя майка». Постоянно, бывало, гудитъ онъ своимъ басомъ эту «милу мою майку». При первомъ знакомствѣ Малинка производилъ впечатлѣніе не въ свою пользу. Многимъ онъ казался даже мало развитымъ человѣкомъ. Происходило это отъ того оригинальнаго, болѣе того, просто страннаго пріема, котораго онъ держался, или вѣрнѣе, который онъ себѣ усвоилъ во время бесѣдъ съ людьми: онъ часто не договаривалъ фразъ, останавливаясь гдѣ то на полусловѣ и предоставляя своему собесѣднику догадываться о концѣ самому. Замѣчалась такая же небрежность въ рѣчи, какъ и въ одеждѣ, которую онъ носилъ. Красное слово рѣшительно не имѣло для него значенія. Также безразлично относился онъ и къ тому, какое впечатлѣніе вызывалъ у другихъ своей личностью. Онъ обладалъ изумительной, чисто украинской, лѣнью на слова и его нужно было всегда раньше растормошить, чтобы онъ оживился и заговорилъ сколько нибудь плавно. Но мнѣ доводилось его видѣть не разъ въ такомъ оживленномъ состояніи; тогда онъ заразительно хохоталъ, острилъ и разсуждалъ довольно краснорѣчиво. Благодаря вышеприведеннымъ странностямъ, самые настоящіе дураки, не годные выдержать и тѣни сравненія съ нимъ, часто глубокомысленно иронизировали надъ нимъ. Малинка былъ человѣкъ дѣла по преимуществу, обладалъ сильнымъ характеромъ и былъ способенъ на самыя крупныя революціонныя дѣла.

Такова была, въ общихъ чертахъ, личность этого человѣка, убитаго Панютинымъ и закопаннаго вмѣстѣ съ Дробязгинымъ гдѣ-то возлѣ одесскихъ скотобоенъ.

Всѣ эти ужасы совершились, однако, года два спустя. Тогда же, въ 77-мъ году, никому изъ насъ даже не закрадывалась мысль о такомъ страшномъ концѣ.

Въ это время Россія переживала войну съ Турціей. Не-

скончаемая вереница вагоновъ двигалась мимо кіевскаго вокзала съ сѣвера на югъ, унозя съ собой пушки, боевыя снаряды, лошадей, солдатъ, различныхъ полковъ и родовъ оружія. Между тѣмъ съ мѣста войны доходили скудныя свѣдѣнія, большинству которыхъ мало вѣрилось. Многимъ была памятна севостопольская война, когда по офиціальнымъ извѣстіямъ наши войска постоянно одерживали побѣды, тогда какъ въ дѣйствительности—какъ потомъ оказалось—побѣдили французы, а не мы. Невольно закрадывалось подозрѣніе, что и теперь правительственныя извѣщенія, чтобы не смущать умовъ, скрывали истину и не сообщали всего. Правда, Турція была «гнилое царство», не то, что Англія или Франція. Но почти такимъ же гнилымъ представлялось намъ и наше русское царство. Воровство и злоупотребленія въ арміи, по слухамъ, достигали ужасающихъ размѣровъ. Не вѣрилось въ существованіе честныхъ генераловъ въ русской арміи и, за небольшимъ исключеніемъ, всѣ казались ворами либо, въ лучшемъ случаѣ, людьми совершенно не способными къ веденію военнаго дѣла. Неуспѣхъ въ войнѣ даже съ Турціей казался неизбѣжнымъ. Подобное преувеличенное представленіе въ дурную сторону диктовано было, просто таки, желаніемъ, чтобы нашу армію разбили. Я такъ привыкъ отдѣлять и противупоставлять народъ правительству, съ его чиновничьей и военной организаціей, что пораженіе послѣдняго не считалъ пораженіемъ перваго, и даже находилъ, что съ пораженіемъ правительства, народъ только выигрывалъ. Помню, проходя городомъ, мы обратили какъ то вниманіе на толпу людей, скучившихся у угла одной улицы, гдѣ наклеены были телеграммы, извѣщавшія о какомъ-то военномъ событіи, чуть ли не о переходѣ войскъ черезъ Дунай. Замѣтивши большой интересъ, съ какимъ публика относилась къ телеграммѣ, пришедшей съ театра военныхъ дѣйствій, мы надумались воспользоваться подобнымъ настроеніемъ, чтобы произвести смущеніе умовъ. Задумано—сдѣлано. На другой

день кіевская публика читала телеграмму, сообщавшую о неуспѣшной переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай и огромномъ количествѣ жертвъ, понесенныхъ при этомъ. Эффектъ получился неожиданный. Мы ходили по улицамъ, останавливались возлѣ расклеенныхъ нами телеграммъ и прислушивались къ разговорамъ толпы. Публика замѣтно волновалась. Тогда власти опубликовали въ мѣстной газетѣ, что эта телеграмма была ложна и распространена «злоумышленниками», и что впередъ телеграммы будутъ снабжаться внизу правительственной печатью. Но насъ это только разохотило. Послѣ первой же телеграммы, расклеенной по улицамъ, съ правительственной печатью, мы сдѣлали такую же печать, и вскорѣ публика опять читала нашу телеграмму. Тогда полиція страшно засуетилась. Между тѣмъ расклейку своихъ телеграммъ мы совершали по ночамъ. Будочники рѣшительно потеряли головы. Полиціймейстеръ приказывалъ имъ срывать телеграммы «злоумышленниковъ». Но какъ ихъ было различить имъ бѣднымъ малограмотнымъ людямъ: «Нельзя, нельзя читать!» кричитъ, бывало, городовой, запыхавшись подбѣгая къ углу улицы, гдѣ кучка народу читала какую-нибудь телеграмму, иногда наклеенную нами, а иногда и правительственную. Получались комичныя сцены. Мы шлялись по улицамъ и хохотали.

XVI.

Очищеніе конспиративной квартиры. Студенческія волненія.

Стефановичъ съ товарищами—Бохановскимъ и Дейчемъ—проживавшій также въ Кіевѣ, какъ я сказалъ уже выше, продолжали вести свои конспираціи съ чигиринцами. Онъ занималъ небольшой домикъ въ одной изъ окраинъ города, гдѣ помѣщалась и наша кружковая типографія. Свои періодическія свиданія съ чигиринцами онъ устраивалъ въ различныхъ мѣстахъ и городахъ и одинъ разъ, между прочимъ, назначилъ мѣстомъ свиданія въ Кіевѣ квартиру, занимаемую Чубаровымъ и мною, и гдѣ временно проживалъ съ нами мой старый пріятель Владиміръ Малавскій, студентъ кіевскаго университета. Квартира наша находилась на Жилянской улицѣ на краю города и задними окнами обращена была къ обширнѣйшей пустой долинѣ, по которой протекаетъ рѣченка Лыбедь. Положеніе было удобное на случай обыска: ночью (а обыски почти исключительно производились по ночамъ), выскочивъ черезъ окно, легко было спрятаться въ этой долинѣ. То была та самая долина, гдѣ въ 74 году скрылся отъ преслѣдованій, бѣжавшій съ вокзала Иванъ Ходько,—о чемъ я разсказывалъ въ своемъ мѣстѣ.

Лѣтомъ 77 года я поѣхалъ на время въ Одессу. Чубаровъ тоже куда-то отлучился и на нашей квартирѣ оставался одинъ Малавскій. Я уже упоминалъ, что на этой квартирѣ Стефановичъ имѣлъ свиданіе съ крестьянами-чигиринцами. Двое изъ нихъ—Олійныкъ и Писковой—по возвращеніи домой были арестованы и при допросахъ указали на эту квартиру. Тогда жандармы явились сюда съ обыскомъ, арестовали

Малавскаго и, сдѣлавши засаду, спустя дня два, поймали Бохановскаго, заходившаго туда за чѣмъ-то. Вслѣдъ за тѣмъ, въ одной изъ деревень Полтавской губ. арестовали Стефановича и Дейча.

Такимъ образомъ, главные виновники, ведшіе среди чигиринцевъ заговоръ, были схвачены. По счастію, кіевская квартира ихъ не была открыта. При арестѣ у Бохановскаго былъ отобранъ ключъ отъ этой квартиры. Но такъ какъ онъ не давалъ показаній, то жандармы не знали, гдѣ она находится. Положеніе, однако, было весьма серьезное: жандармы рыскали по всему городу, въ розыскахъ за квартирой: а тамъ находилась тайная типографія; сверхъ того, могли быть, да и были на самомъ дѣлѣ, сильно компрометирующія бумаги, надо было очистить квартиру раньше, чѣмъ ее успѣли открыть. Между тѣмъ, квартира эта была «конспиративная» и изъ бывшихъ на свободѣ лицъ зналъ ее только я одинъ. Поэтому дано было знать мнѣ въ Одессу, и я тотчасъ пріѣхалъ въ Кіевъ.

Здѣсь я засталъ уже компанію, сгруппировавшуюся возлѣ Чубарова и Рахальскаго. Надо сказать, что кружокъ нашъ до распаденія держался изолированно отъ другихъ революціонныхъ организацій; кружковая изолированность, являвшаяся, впрочемъ, общей характерной чертой того времени, вытекала у насъ отчасти и изъ нашей спеціальной постановки дѣла: подложные манифесты, съ помощью которыхъ мы хотѣли вызвать въ крестьянствѣ бунтъ, ставили насъ въ особое положеніе заговорщиковъ, вынужденныхъ скрывать свое дѣло отъ всѣхъ. Но послѣ харьковскаго съѣзда изолированность эта стала мало по малу исчезать: мы стали приходить въ соприкосновеніе съ революціонерами другихъ кружковъ, и теперь, въ минуту опасности, когда надо было во что бы то ни стало очистить квартиру Стефановича, дѣло это оказалось общимъ для всѣхъ кіевскихъ революціонеровъ. Всѣ мы сообща стали собираться и обсуждать различные планы—какъ овладѣть квартирой.

Домикъ, который занималъ Стефановичъ съ товарищами, находился въ одномъ изъ крайнихъ кварталовъ города. Фасадомъ своимъ въ три окна (насколько помнится, весъ домикъ заключалъ въ себѣ три комнаты съ сѣнями) онъ смотрѣлъ на улицу, по другой сторонѣ которой были совершенно еще не планированныя и незастроенныя мѣста,—овраги, тянувшіеся до самой астрономической обсерваторіи. Мѣстность эту кіевляне называли «Кіевской Швейцаріей», и здѣсь то, по этимъ оврагамъ мы и стали таскаться по ночамъ, присматриваясь и придумывая средства, чтобы овладѣть квартирой. Часамъ къ 10 вечера мы сходились обыкновенно у одного распропагандированнаго рабочаго, жившаго недалеко отъ этой квартиры, и тутъ у насъ поднимались пренія. Но какъ всегда, въ подобныхъ случаяхъ, пренія оканчивались ничѣмъ, и мы, безъ заранѣе установленнаго рѣшенія, отправлялись только на рекогносцировку, надѣясь на то, что ближайшее знакомство съ мѣстностью и мѣстными условіями, можетъ быть, наконецъ натолкнетъ насъ на какой-нибудь опредѣленный планъ.

Трудно было, впрочемъ, и ожидать соглашенія: компанія была, что называется, разношерстная; многіе изъ насъ здѣсь въ первый разъ только встрѣтились. Изъ лицъ близкихъ мнѣ принимало участіе лишь двое: Чубаровъ и Рахальскій. Другихъ участниковъ я не взялся бы даже характеризовать, такъ какъ большинства изъ нихъ совершенно не зналъ. Постараюсь, однако, упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Больше другихъ, помню, обратилъ тогда на себя мое вниманіе Г. Гольденбергъ. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, повидимому, очень впечатлительный, страшно много спорившій и дѣлавшій всевозможныя предложенія—какъ овладѣть квартирой, на которыя, впрочемъ, мало кто изъ компаніи обращалъ вниманіе, такъ какъ всѣ его предложенія отличались непрактичностью и большой рискованостью. Дальнѣйшая исторія этого человѣка была такова: онъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ

сѣверныя губерніи, откуда вскорѣ бѣжалъ и въ 1879 году сдѣлался ярымъ сторонникомъ террористовъ. Въ февралѣ 79 г. онъ убилъ харьковскаго губернатора Крапоткина, навлекшаго на себя месть революціонеровъ за безчеловѣческое отношеніе къ политическимъ приговореннымъ, сидѣвшихъ въ харьковскихъ центральныхъ тюрьмахъ; но, будучи арестованъ, спустя нѣкоторое время, Гольденбергъ, къ сожалѣнію, далъ компрометирующія показанія, погубившія весьма многихъ лицъ. Смерть Гольденберга во время слѣдствія (онъ сидѣлъ, кажется, въ Петропавловской крѣпости) остается до сихъ поръ неразъясненнымъ фактомъ. Но я склоненъ думать, что предположеніе, будто онъ убитъ тюремщиками, едвали заслуживаетъ довѣрія. Самоубійство Гольденберга, человѣка впечатлительнаго и болѣзненно нервнаго, легко объясняется угрызеніями совѣсти, которыя неминуемо должны были посѣтить его въ тюрьмѣ вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ обдумалъ и взвѣсилъ весь вредъ, причиненный его показаніями.

Другая личность, возбуждавшая интересъ къ себѣ, былъ Давиденко. Этотъ маленькій, молоденькій человѣчекъ, похожій на семнадцатилѣтняго юношу, сразу расположилъ насъ къ себѣ своей смѣлостью и благоразуміемъ. О Давиденко безъ преувеличенія можно сказать, что онъ и выросъ, и воспитался въ тюрьмѣ. Еще будучи гимназистомъ, онъ былъ посаженъ въ тюрьму, если не ошибаюсь, за какія-то найденныя у него запрещенныя книги. Потомъ его выпустили, но потомъ опять взяли... Сколько разъ его брали и выпускали сказать не умѣю, но, кажется, по разсчету времени, отъ 75 года онъ больше прожилъ въ тюрьмѣ, чѣмъ на свободѣ. Въ концѣ концовъ онъ былъ арестованъ въ Одессѣ и въ 79 году повѣшенъ по распоряженію Панютина за то, что по указанію шпіоновъ въ квартирѣ его сохранялся динамитъ, хотя этотъ динамитъ и не былъ найденъ, такъ какъ своевременно былъ увезенъ съ квартиры другими революціонерами.

На наши ночныя сборища появлялся также Колодкевичъ, впрочемъ, онъ не принималъ горячаго участія въ дебатахъ и почти все время молчалъ. Впослѣдствіи времени Колодкевичъ участвовалъ въ террористическихъ дѣлахъ «Исполнительнаго Комитета». Арестованный, кажется, въ 1880 году, онъ былъ приговоренъ къ вѣчной каторгѣ и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ, какъ я слыхалъ, умеръ отъ чахотки.

Объ остальныхъ участникахъ въ нашихъ ночныхъ скитаніяхъ по оврагамъ не стану вспоминать, такъ какъ не зналъ бы, строго говоря, что и вспомнить,—такъ мало впечатлѣній сохранилось о нихъ въ моей памяти.

Уже нѣсколько ночей бродили мы по оврагамъ, а дѣло не подвигалось ни на одинъ шагъ. Между тѣмъ потеря каждаго дня могла обойтись дорого; развязка приближалась: полиція и жандармы энергично розыскивали квартиру, и нужно было ожидать, что скоро ее откроютъ. Мы должны были рѣшиться на что-нибудь.

Въ послѣднюю ночь, помню, мы собрались раньше обыкновеннаго. Всѣ были вооружены револьверами. Чубаровъ зачѣмъ-то нацѣпилъ поддѣльную бороду. Ночь была туманная и гримировка казалась совершенно излишней. Этотъ поступокъ вызвалъ рядъ остротъ и самъ Чубаровъ смѣялся не меньше другихъ. Нѣкоторое время компанія настроена была очень весело. Взобравшись на полъ-горы, на верху которой сквозь туманъ темнѣла обсерваторія, укутанная высокими деревьями, мы усѣлись и принялись обсуждать планъ, предложенный Давиденко. Онъ предложилъ обокрасть квартиру. Такъ какъ подобное предпріятіе нуждалось въ лицахъ опытныхъ по части ночныхъ похожденій, то для этой цѣли онъ привелъ съ собою трехъ ночныхъ жуликовъ, съ которыми свелъ знакомство еще сидя въ кіевской тюрьмѣ, гдѣ и они въ то время отсиживали свои сроки.

— «Выкрасть невозможно», не соглашался кто-то.

«Станокъ типографскій вѣситъ около шести пудовъ. Какъ вы его утащите?»

Переговоривши со своими молодцами, Давиденко попросилъ меня опредѣлить величину станка. Я постарался вспомнить, на сколько могъ, величину станка и высказалъ мнѣніе, что его можно было протащить черезъ окно.

— «Въ такомъ случаѣ мы его уворуемъ», категорически объявилъ Давиденко.

— «Шестипудовую тяжесть вытащатъ окномъ?!..» запальчиво возражалъ Гольденбергъ. «Это невѣроятно! Мой планъ, господа,—просто, ворваться въ домъ и силой овладѣть всѣмъ».

— «Вы забываете, что во флигелѣ живетъ человѣкъ пятнадцать плотниковъ», замѣтилъ Рахальскій.

— «Ну, такъ что же?!.. Мы—съ револьверами...»

— «Да вы забудете и о револьверахъ, какъ съѣздятъ васъ дубиною по спинѣ; плотники народъ здоровенный!..» иронизировалъ Рахальскій.

Гольденбергъ пытался было настаивать на своемъ, но скоро вынужденъ былъ замолчать, такъ какъ почти всѣ склонились къ предложенію Давиденко.

— «Воровать, такъ воровать!» проговорилъ Давиденко. «Вы, господа, оставайтесь здѣсь; а мы четверо пойдемъ на мѣсто, въ случаѣ понадобится помощь—позовемъ».

— «Выберемъ атамана», предложилъ тогда одинъ изъ молодцовъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ.

— «Вотъ пускай онъ и будетъ», отвѣтилъ другой, указывая на Давиденко.

Вслѣдъ за тѣмъ всѣ четверо поднялись на ноги и стали быстро спускаться въ оврагъ.

Прошло нѣкоторое время. Мы сидѣли молча. Сырость меня пронизывала. Охота разговаривать, видимо, пропала у всѣхъ. Кругомъ было тихо. Вдругъ, съ одной стороны по-

слышался дребезжащій полицейскій свистокъ; вслѣдъ за тѣмъ отозвался ему другой. Въ предыдущія ночи мы ни разу не слыхали свистковъ. Казалось въ эту окрайну города никогда раньше не заходилъ будочникъ. Это насъ встревожило. Мы всѣ встали на ноги. Свистки стали раздаваться все чаще и чаще. Въ это время мы увидѣли, что по оврагу быстро двигались какія-то фигуры. Одна изъ нихъ къ намъ приблизилась и сквозь туманъ мы узнали Давиденко.

— «Скорѣй за мной! Полиція облаву устроила. Надо бѣжать!» проговорилъ онъ.

Мы бросились внизъ вслѣдъ за нимъ. Спотыкаясь, падая и вновь поднимаясь, мы не шли, а бѣжали за нашими передовыми. Одинъ изъ нихъ, видимо, прекрасно зналъ эту мѣстность и куда-то насъ велъ. Сзади насъ слышались теперь почти безпрерывные свистки, что показывало полицейскую тревогу. Мы бѣжали по пустырямъ и оврагамъ, взбирались на какія-то кручи, вновь попадали въ овраги и наконецъ добрались до линіи построекъ. Тутъ мы прошли черезъ какой-то садъ, мимо небольшаго домика, и попали во дворъ, гдѣ яростно набросилась на насъ собака; видѣлъ ли насъ кто-либо изъ жильцовъ этого домика—не знаю: было уже очень поздно и, вѣроятно, тамъ всѣ спали. Мы вышли со двора черезъ калитку и очутились на улицѣ.

— «Теперь по домамъ!» проговорилъ Давиденко.

— «Да вы скажите хоть, что это за улица?» спросилъ кто-то.

Названа была улица. Тогда мы разбились и всякій быстро пошелъ въ свою сторону.

— «Ничего изъ этого не выйдетъ! Наши шатанія по ночамъ только привлекли вниманіе полиціи. Дѣло это надо какъ-нибудь иначе обстроить», говорилъ Рахальскій, идя со мною и Чубаровымъ.

Утромъ слѣдующаго дня Рахальскій снарядилъ одного

пріятеля-слесаря на квартиру Стефановича. Слесарь пошелъ туда подъ предлогомъ, будто розыскивать какого-то своего знакомаго. Улучшивъ минуту, онъ снялъ восковой отпечатокъ съ замка отъ двери, ведшей въ квартиру и затѣмъ, воротившись, поддѣлалъ ключъ. Съ этимъ ключемъ Рахальскій явился къ хозяйкѣ домика и объявилъ ей, что онъ родичъ ея квартирантовъ, что они остались гостить у него въ деревнѣ и дали ему ключъ отъ своей квартиры съ тѣмъ, чтобы онъ могъ временно воспользоваться ею. Хозяйка, простая баба, оказалась далека отъ какихъ бы то ни было подозрѣній и Рахальскій помѣстился въ комнатѣ Стефановича.

Тотчасъ закипѣла работа. Давиденко и еще двое другихъ принялись очищать квартиру: днемъ по частямъ вынесены были компрометирующія бумаги и мелкіе предметы, ночью—громоздкія вещи,—типографскій станокъ и кассы. Черезъ сутки квартира была уже очищена и Рахальскій, распрощавшись съ бабой, уѣхалъ.

Нѣсколько дней спустя, мы замѣтили большое движеніе возлѣ Лыбедскаго участка (такъ называется участокъ, находящійся возлѣ университета). Полиція приглашала въ участокъ всѣхъ лицъ, находящихся въ подозрѣніи и предъявляла ихъ какой-то женщинѣ. Множество студентовъ было осмотрѣно этой женщиной; но послѣ всякаго осмотра, на вопросъ частнаго пристава Матковскаго,—не признала ли она?—получался одинъ категорическій отвѣтъ: «не тотъ». Одного кого-то совсѣмъ было уже признала, такъ что Матковскій для окончательнаго удостовѣренія сталъ его поворачивать передъ нею всѣми сторонами, но когда поворотилъ спиною, то она вдругъ воскликнула: «Гдѣ тамъ! гдѣ тамъ! Тотъ же былъ тонкій и высокій, а этотъ какой-то пузатый!» Принуждены были выпустить и пузатаго. Давиденко, какъ подозрительнаго, тоже потребовали въ полицію, но онъ, боясь, чтобы его не признала баба, не

явился. Полиція послѣ этого стала его розыскивать, и онъ принужденъ былъ бѣжать въ Одессу.

Что касается до Рахальскаго, то онъ былъ на положеніи нелегальнаго, т. е. жилъ подъ фальшивымъ паспортомъ и, слѣдовательно, являться въ участокъ ему не пришлось. Впрочемъ, онъ тоже вскорѣ уѣхалъ на югъ. Годъ спустя, именно въ 78 году, Рахальскій эмигрировалъ за границу, гдѣ среди эмигрантовъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Гусанова. Слабое здоровье, матеріальныя лишенія и тяжелый трудъ наборщика быстро расшатали его организмъ. Онъ заболѣлъ чахоткой и вынужденъ былъ поступить въ госпиталь въ Парижѣ, гдѣ и умеръ въ 1883 году. Такова, вкратцѣ, скорбная исторія этого человѣка, умнаго, мягкаго, добраго товарища, всегда дѣлившагося съ другими своими послѣдними крохами.

Итакъ, квартиру Стефановича жандармы открыли, но только она оказалась пустою. Между тѣмъ, чигиринскому дѣлу власти придали на первыхъ порахъ огромное значеніе. У кіевскаго генералъ-губернатора сначала явилось даже желаніе предать главныхъ виновниковъ военному суду. Само собою разумѣется, что уничтоженіемъ компрометирующихъ бумагъ, находившихся въ квартирѣ Стефановича, нанесенъ былъ сильный ударъ жандармскимъ ликованіямъ. Они видѣли, что изъ ихъ рукъ ускользывали возможныя улики и, потому, съ особой энергіей принялись за розыски виновныхъ, устроившихъ имъ такой неожиданный сюрпризъ.

И вотъ, начались обыски и поиски по всему городу. Полиція и шпіоны рыскали по всѣмъ направленіямъ. Но все оказывалось безуспѣшнымъ.

Между тѣмъ и настроеніе кіевскихъ обывателей въ это время, не говоря уже о молодежи, было тоже не совсѣмъ обычное. Война съ Турціей многимъ открыла глаза. Неудачи, постигшія русскія войска въ войнѣ съ Турціей, этой «гнилой» державой, невольно наталкивали людей, даже не глубоко за-

глядывавшихъ въ жизнь, на разныя размышленія и на предположеніе о существованіи у себя дома кой-какихъ прорѣхъ. Съ театра военныхъ дѣйствій доходили смутные слухи о воровствѣ подрядчиковъ интендантскихъ, что является возможнымъ лишь при участіи высшей военной власти. Объ одномъ изъ первыхъ лицъ въ арміи передавались самыя компрометирующія свѣдѣнія. Эта фигура являлась предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ. Говорили, что онъ былъ большой дуракъ. Помню, приводилось даже мнѣніе авторитетныхъ знатоковъ военнаго дѣла (указывали чуть ли не на Мольтке), будто самый переходъ черезъ Дунай совершился столь удачно единственно потому, что планъ переправы былъ черезъ чуръ глупо скомпанованъ. Мѣсто для переправы выбрано было тамъ, гдѣ ни одинъ благоразумный полководецъ никогда не рѣшился бы устраивать переправы, и, поэтому-де, турки были застигнуты врасплохъ. Такимъ образомъ, выходило, что глупость, переходящая всякіе предѣлы, глупость, достигавшая до границъ виртуозности, принесла неожиданно хорошіе результаты. Потомъ разсказывали о какой-то авантюристкѣ Числовой (если не измѣняетъ мнѣ память), шлявшейся всюду за арміей, которая благодаря своему вліянію на одно изъ видныхъ лицъ, являлась едва-ли не самой высшей инстанціей въ нашей дѣйствующей арміи. Объ убійствѣ одного изъ нашихъ князьковъ гдѣ то возлѣ Дуная—не помню ужъ кого тогда изъ нихъ убили—разсказывали, будто онъ былъ убитъ совсѣмъ не турками, а болгарами же за его романическія похожденія съ болгарскими женщинами и т. д., цѣлая безконечная вереница всевозможныхъ скандальныхъ исторій.

А рядомъ съ этимъ одинъ за другимъ стали двигаться поѣзда—теперь уже съ юга на сѣверъ, наполненные больными и ранеными солдатами. Тяжело было ѣздить въ это время по одесской линіи!.. По станціямъ на запасныхъ рельсахъ стояли безконечно длинные ряды товарныхъ вагоновъ съ от-

крытыми настежъ дверями, изъ которыхъ несло вонью и откуда выглядывали блѣдныя лица солдатъ, лежавшихъ на соломенной подстилкѣ. Иногда этой подстилки не хватало въ достаточномъ количествѣ. Неурядица замѣчалась всюду и наталкивала людей на ту мысль, что этой неурядицы было бы несравненно меньше, если бы правительственные воры и авантюристы подлежали бы какому нибудь общественному контролю. Вопросъ о политической свободѣ, — о конституціи, самъ собою выдвигался, такимъ образомъ, на очередь.

И вотъ, о необходимости конституціонной реформы стали говорить всюду. Земства оживились: принялись готовиться къ подачѣ адресовъ на высочайшее имя. Но я не буду касаться здѣсь этого движенія, такъ какъ о немъ я зналъ лишь по слухамъ. Въ своемъ мѣстѣ я разскажу о нашихъ столкновеніяхъ съ земцами; теперь же перейду къ воспоминаніямъ того, чему былъ очевидцемъ.

Въ Кіевѣ организовался спеціальный кружокъ, назвавшійся «конституціоннымъ кружкомъ», поставившій своей задачей агитацію въ пользу конституціи и пропаганду политическихъ идей. Такъ какъ студенчество представляло болѣе воспріимчивую среду, то неудивительно, что свою дѣятельность кружокъ этотъ направилъ сюда.

Между тѣмъ студенты и безъ того волновались. Недовольство существующимъ политическимъ режимомъ, наблюдавшееся во время войны съ Турціей во всемъ русскомъ обществѣ, отразилось и на поведеніи университетской молодежи, принявшее здѣсь сразу болѣе острый характеръ. То по одному, то по другому поводу собирались сходки въ студенческой столовой. Такъ, припоминаю, однимъ изъ поводовъ къ сходкамъ послужилъ арестъ студента Подольскаго. На собраніяхъ стали говорить о самоуправствѣ жандармовъ, и, само собою разумѣется, договорились до того, что не дурно было бы положить предѣлъ этому самоуправству; вопросъ этотъ явно выходилъ

изъ сферы студенческихъ вопросовъ; но ораторы доказывали, что студенты до тѣхъ поръ не будутъ избавлены отъ административнаго произвола, пока во всемъ государственномъ строѣ не произойдетъ соотвѣтственныхъ политическихъ реформъ, и что, поэтому, студентамъ пора-де было сдѣлаться настоящими гражданами своей страны и прочее въ такомъ родѣ. Результатомъ этихъ сходокъ было то, что составился проектъ подачи чего-то въ родѣ петиціи или адреса на высочайшее имя, въ которомъ просились извѣстныя реформы. Подобный адресъ былъ, кажется, составленъ въ двухъ редакціяхъ: въ болѣе радикальномъ и въ умѣренномъ духѣ. Но когда пришлось собирать подписи, то охотниковъ подписаться оказалось мало и попытка съ адресами окончилась неудачно. Однако, студенческія волненія не прекращались, и когда полиція распорядилась закрыть студенческую столовую, то сходки перенесены были въ студенческій клубъ. Въ самый разгаръ этихъ сходокъ, возлѣ театра ночью, послѣ спектакля, произошло столкновеніе студентовъ съ полиціей, окончившееся арестомъ нѣсколькихъ человѣкъ. Это вызвало сильное возбужденіе страстей: изъ клуба, гдѣ въ это время было собраніе, двинулась толпа въ нѣсколько десятковъ человѣкъ въ полицейскій участокъ; ввалившись въ комнаты участка, толпа потребовала немедленнаго освобожденія арестованныхъ и не ушла до тѣхъ поръ, пока арестованные не были выпущены. Послѣ этого студенческій клубъ былъ закрытъ; но студенты еще болѣе стали волноваться. Отправлена была депутація къ университетскому начальству. Ректоръ и попечитель не приняли депутатовъ; тогда они пошли къ генералъ-губернатору Черткову. Здѣсь у нихъ съ Чертковымъ, какъ мнѣ тогда же передавалъ одинъ изъ депутатовъ (Наумъ Львовъ, умершій въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ спустя), произошло въ такомъ родѣ бесѣда:—«Чего хотите, господа?» спросилъ Чертковъ.—«Мы хотимъ избавиться отъ административнаго произвола,» отвѣ-

чала депутація: — «Какъ прикажете это понимать?» —«А такъ, чтобы жандармы и полиція не имѣли права арестовывать кого имъ вздумается». Тогда Чертковъ воскликнулъ: «Ахъ, господа, господа!... Таковъ законъ! Двуглавый орелъ!... Мы всѣ должны ему повиноваться». А потомъ добавилъ: «Я въ этомъ краѣ генералъ-губернаторъ, а жандармы и меня могутъ арестовать».

Но изъ всего студенческаго движенія 77 года, котораго я здѣсь касаюсь, конечно, лишь въ общихъ чертахъ, едва ли не самымъ характернымъ эпизодомъ была демонстрація при водруженіи креста на могилѣ одного рабочаго, похороненнаго на Байковомъ кладбищѣ. На сколько могу припомнить, рабочій этотъ былъ изъ интеллигентной среды и, кажется, прикосновенный къ революціонному движенію (я раньше не слыхалъ о немъ). По иниціативѣ студенческой организаціи, въ центрѣ которой стоялъ «Конституціонный Кружокъ», собралась толпа молодежи и двинулась процессіей черезъ городъ, неся впереди деревянный крестъ. Раза два или три толпа останавливалась и присутствующіе ораторы, словно Евангеліе по усопшему, произносили рѣчи. Какъ ни странно можетъ показаться, но рѣчи сводились къ тому, что «намъ надо добиваться конституціи». На сколько въ данномъ случаѣ вязался конституціонный вопросъ со смертью рабочаго, на могилу котораго несли деревянный крестъ, объ этомъ, повидимому, мало кто заботился. Встрѣченные по пути мѣщане и рабочіе останавливались и съ любопытствомъ глядѣли на процессію, во главѣ которой— къ ихъ удивленію—не видно было ни попа, ни дьякона; но такъ какъ впереди все же несли крестъ, то народъ снималъ шапки и набожно крестился.

Кіевское студенческое волненіе 77 года окончилось тѣмъ, что многіе были исключены изъ университета, а вслѣдъ затѣмъ разосланы административнымъ порядкомъ по сѣвернымъ губерніямъ.

XVII.

Политика и первые террористы.

Въ подобной-то атмосферѣ, если можно такъ выразиться, пропитанной конституціонными парами, пришлось вращаться тогда народникамъ-революціонерамъ. Само собою разумѣется, что общее настроеніе должно было отразиться и на насъ, тѣмъ болѣе, что среди насъ самихъ къ этому времени стало наблюдаться какое-то новое ненародническое настроеніе. Я раньше упоминалъ уже о томъ охлажденіи къ дѣятельности среди народа, которое видно было хотя бы у большинства членовъ нашего кружка. Ко времени русско-турецкой войны скептицизмомъ были заражены болѣе или менѣе всѣ, по крайней мѣрѣ, южные народники. Правда, перемѣнить міровоззрѣніе, пустившее такіе глубокіе корни, какъ это было у насъ съ народничествомъ, оказывалось далеко не легкимъ дѣломъ; и потому, на словахъ все еще продолжали исповѣдывать старые народническіе принципы, но въ душѣ мало уже кто имъ вѣрилъ, вслѣдствіе чего и на дѣлѣ движеніе въ народъ сильно ослабѣло. Деревня, раньше манившая къ себѣ, теперь отодвинулась на второй планъ. Революціонеры стали скопляться по городамъ. Среди насъ послышались голоса въ пользу политической свободы, къ которой раньше всѣ относились отрицательно. Однимъ изъ самыхъ раннихъ защитниковъ политики явился Волошенко, членъ одесскаго кружка народниковъ, носившаго названіе «башенцевъ». Этотъ человѣкъ необыкновеннаго ума успѣлъ отрѣшиться очень рано отъ этого общаго всѣмъ народникамъ предразсудка.

Другимъ страстнымъ защитникомъ конституціонной реформы оказался мой братъ Иванъ, только онъ шелъ въ этомъ

направленіи значительно дальше другихъ. По его мнѣнію, революціонеры должны были направить свои силы исключительно на пріобрѣтеніе политическихъ правъ. Въ такомъ духѣ написана была имъ брошюра и пущена въ рукописи въ обращеніе. Исходя изъ того положенія, что экономическое освобожденіе народа можетъ быть дѣломъ рукъ только самого же народа, онъ находилъ, что революціонерамъ не по силамъ было и брать на себя эту задачу. Неудачи предыдущихъ годовъ, постигшія революціонеровъ въ народѣ, объяснилъ онъ тѣмъ, что революціонеры по самому своему происхожденію слишкомъ далекс стояли отъ народа и, потому, не знали даже, какъ взяться; за дѣло; что въ будущемъ ихъ ожидаетъ подобная же неудача что, наконецъ, самая программа соціалистическая несвойственна имъ, какъ дѣтямъ привилегированныхъ сословій. Максимумъ пользы, какую могутъ принести народу революціонеры изъ интеллигенціи, — это добыть политическую свободу, необходимую для созданія въ будущемъ широкой народной организаціи, которая одна только можетъ повести къ осуществленію соціалистическаго строя.

Не отрицая того, что въ прошломъ мы дѣйствительно не умѣли взяться за «мужицкое дѣло», я не хотѣлъ согласиться съ братомъ, что и въ бущемъ насъ ожидаютъ однѣ неудачи, и находилъ, что народная революція должна остаться нашей цѣлью, главнымъ пунктомъ нашей программы и на будущее время.

— «Да знаешь ли ты изъ исторіи хоть одну революцію, которая совершена была бы народомъ?» возражалъ мнѣ Иванъ. Но это была уже такая ересь, съ которой я никакъ не могъ примириться. Между тѣмъ, по мнѣнію Ивана, во всѣхъ революціяхъ народъ служилъ только пушечнымъ мясомъ.— «Правда, безъ участія народа революція невозможна», говорилъ онъ, «но сущность дѣла заключается все-таки не въ массѣ, а въ ея руководителяхъ. Руководители дѣлаютъ

исторію; они вкладываютъ душу въ движеніе, а вовсе не народъ. Кто же эти руководители? Это интеллигенція страны. Народъ безъ участія интеллигенціи можетъ произвести бунтъ, но не революцію... Вотъ какъ были бунты Пугачева и Стеньки Разина. Народная масса можетъ только разрушать».

— «Тѣмъ лучше, что народъ можетъ только разрушать», хватался я за старые аргументы. «Созиданія и не надо. Мы будемъ поддерживать въ народѣ безконечный бунтъ, пока не будетъ разрушенъ въ корнѣ существующій порядокъ вещей».

— «Анархическая чепуха и больше ничего!» съ жаромъ воскликнулъ Иванъ. «Я больше вижу смысла у якобинцевъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, говорятъ, захватимъ власть и передѣлаемъ все по своему. А по вашей теоріи ничего не разберешь.»

Признать необходимымъ участіе общества въ революціи, въ качествѣ народника, я не хотѣлъ. А между тѣмъ, Иванъ строилъ свои разсужденія такъ: безъ участія интеллигенціи революціи быть не можетъ. Но интеллигенція, представляющая собою привилегированныя сословія, нуждается не въ соціалистическомъ переворотѣ, а въ политической свободѣ. Отсюда выходило, что и революціонерамъ, примѣняясь къ почвѣ, слѣдовало принять чисто политическую программу. Соціализмъ, по его мнѣнію, оказывался, такимъ образомъ, для насъ, русскихъ, преждевременной иллюзіей, препятствующей объединенію силъ для борьбы съ самодержавнымъ правительствомъ.

Но въ то время, какъ въ обществѣ и въ частности среди насъ подъ вліяніемъ событій зарождались другія новыя теченія, — сдѣланъ ли былъ хоть какой-нибудь новый шагъ со стороны правительства? Подумало ли оно о томъ, что бы уладить или по крайней мѣрѣ сколько-нибудь смягчить хотя бы то противорѣчіе, которое было между его внутренней и внѣшней политикой, между нашимъ русскимъ внутреннимъ рабствомъ и внѣшней войной за освобожденіе Вол-

гаріи? *) Нисколько. Здѣсь все оставалось по старому. Со времени такъ называемаго «большого погрома», т. е. осени 74 года, о которомъ я разсказывалъ въ своихъ первыхъ главахъ, аресты почти не прекращались. Черезъ всѣ годы—75, 76 и 77—преслѣдованія не ослабѣвали, а по временамъ принимали даже необыкновенно свирѣпые размѣры. Правительство продолжало свою систему запугиванія. Во время демонстраціи, имѣвшей мѣсто въ Петербургѣ на Казанской площади въ декабрѣ 76 года, полиція жестоко исколотила на улицахъ участниковъ, а потомъ разослала ихъ административнымъ порядкомъ по сибирскимъ городкамъ. Боголюбовъ—одинъ изъ главныхъ участниковъ демонстраціи—даже приговоренъ былъ судомъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ. По процессу 50 или такъ называемому «московскому» многіе были приговорены къ каторгѣ, хотя кружкомъ этимъ, помимо пропаганды словомъ и распространенія брошюръ соціалистическаго характера, не было совершено ничего. Произошелъ рядъ отдѣльныхъ небольшихъ процессовъ, изумительныхъ по своей жестокости. Такъ Бутовскую приговорили за пропаганду къ шести годамъ, а Семеновскаго къ одиннадцати годамъ каторжныхъ работъ. Донецкаго за найденныя у него прокламаціи, изъ которыхъ онъ не успѣлъ распространить ни одного экземпляра, такъ какъ схваченъ былъ тотчасъ послѣ переѣзда черезъ русскую границу (объ его арестѣ я разсказывалъ въ своемъ мѣстѣ), приговорили къ 5 годамъ каторги и засадили въ централку, гдѣ онъ сошелъ съ ума. Между тѣмъ, на очереди были еще сотни лицъ, надъ которыми велось слѣдствіе съ 74 по 77 годъ. «Домъ предварительнаго заключенія» былъ полонъ политическими, ожи-

*) Въ то время въ Женевѣ издана была прекрасная брошюра покойнымъ Драгомановымъ подъ заглавіемъ «Турки внѣшніе и внутренніе», гдѣ онъ указывалъ на это противорѣчіе нашей внутренней и внѣшней политики.

давшими своей участи.. За какую-нибудь одну книгу, найденную во время обыска, людей гноили по тюрьмамъ, доводили до сумасшествія и самоубійства, вгоняли въ тяжкія, смертельныя болѣзни.

Но насытилось ли правительство этимъ? Нисколько. Жестокости его не было предѣловъ. Переодѣтые жандармы попрежнему продолжали рыскать, гоняясь всюду за новыми жертвами.

И вотъ, революціонеры, вмѣсто того, чтобы добровольно отдаваться въ руки жандармовъ, стали бѣжать. Чуть не всякій новый обыскъ давалъ въ результатѣ новыхъ нелегальныхъ число которыхъ со дня на день стало увеличиваться. Такъ какъ самыхъ ничтожныхъ уликъ было вполнѣ достаточно для того, чтобы погибнуть гдѣ-нибудь въ одиночномъ заключеніи въ ожиданіи «скораго» суда, дарованнаго Россіи Александромъ II, то, поэтому, часто даже совершенно мало скомпрометированные люди предпочитали скрываться. И за что, за что были всѣ эти гоненія? за какія-нибудь книги!... За пропаганду!... Какое суровое, безчеловѣчное отношеніе у себя дома, и какое въ то же самое время постыдное, жалкое безсиліе во внѣшней политикѣ, во внѣшнихъ дѣлахъ!... Имъ ничего не стоитъ ворваться среди ночи въ комнату и грубо стащить васъ съ кровати, чтобы обыскать подъ тюфякомъ, а въ то же время вести войну будто бы за освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига и благородно возмущаться турецкими нравами и порядками. Да вѣдь даже турки не осмѣливались вламываться въ спальню женщины!... А посмотрите, какая несостоятельность въ войнѣ, хотя бы съ этой самой Турціей!... Эта гнилая держава, полудикая орда съ красными фесками на бритыхъ головахъ, потребовала чуть не всѣ силы сто-милліонной имперіи для того чтобы какъ-нибудь только покончить войну. Наши госпитали переполнены солдатами, умирающими отъ дизентеріи и тифа; въ Одессѣ

настроили безконечные ряды бараковъ, — больныхъ дѣвать некуда... А въ это время начальники занимаются воровствомъ. Поѣзда съ ранеными по часамъ стоятъ у вокзаловъ, давая дорогу экстреннымъ поѣздамъ съ военной знатью, мчащеюся съ театра военныхъ дѣйствій на сѣверъ. Тутъ — нищета, стоны, смерть; тамъ — самодовольныя, откормленныя рожи, торжествующія побѣду, завоеванную такими тяжелыми жертвами. «Держу пари, что это Гурко», проговорилъ Иванъ, указывая на одного генерала, стремительно вскочившаго на вокзалъ. «Сколько грому!... Сколько «гуркотни»! *) Какъ онъ распустилъ свою саблю!... Какъ она неистово звенитъ у него по полу! Держу какое угодно пари, что это Гурко! Слѣдя за громкими дѣлами этого генерала, который метался по Балканамъ, какъ угорѣлый, я теперь не могу себѣ его иначе представить, какъ въ образѣ, подобномъ этому индѣйскому пѣтуху». Навели справки, и оказалось—дѣйствительно генералъ Гурко. Выходило даже звукоподражательно. Но это еще что?! Гурко все же одинъ изъ нашихъ «лучшихъ» генераловъ. А не угодно ли посмотрѣть на другихъ... Вѣдь, начиная съ нашего главнокомандующаго и оканчивая Горвицомъ и компаніей, рѣшительно не на комъ остановить взора. Единственный человѣкъ, стоящій на высотѣ своего поста, — генералъ Радецкій. Остальные... одинъ срамъ!... Задать же имъ страху! это вовсе не трудно... Они побѣгутъ здѣсь, какъ бѣжали подъ Плевной!.

Такія послышались рѣчи среди революціонеровъ.

Уклоненіе революціоннаго движенія въ сторону политики и въ частности, такъ называемое, террористическое теченіе стало пробиваться всюду къ концу 77 года; но раньше всего оно стало наблюдаться на югѣ, благодаря, можетъ быть, тому, что отсюда было ближе къ театру военныхъ дѣйствій и здѣсь

*) Украинское слово, обозначающее громъ, шумъ.

больше рѣзали глаза неурядицы и злоупотребленія, происходившія въ арміи. Война была важнѣйшей причиной, пробудившей какъ въ обществѣ—среди земцевъ,—такъ и среди революціонеровъ теченіе въ пользу политическаго освобожденія. Въ частности къ этому присоединилась еще наша, такъ сказать, внутренняя причина, именно—отсутствіе на югѣ сильной революціонной организаціи. Наши кружки были слабые, недисциплинированные, значительно уступавшіе въ организаціонномъ отношеніи кружкамъ петербургскимъ. А организаціи, плодотворныя для задачъ, во имя которыхъ они создаются, служатъ, съ другой стороны, всегда непреодолимымъ тормозомъ при всевозможныхъ новшествахъ. Иниціатива можетъ принадлежать только личности, организаціи—никогда: онѣ консервативны. Во время русско-турецкой войны на югѣ скопилось не мало энергичныхъ личностей, не связанныхъ сильными организаціонными узами, а, потому, здѣсь и оказались наиболѣе благопріятныя условія для зарожденія новаго направленія.

Трудно теперь описать все то, что совершалось въ двухъ южныхъ центрахъ Одессѣ и Кіевѣ въ періодъ 77—78 годовъ! Здѣсь вышло что-то похожее на съѣздъ революціонеровъ, вызванный, однако, не по какому-либо уговору, а, такъ сказать, самой жизнью. Старая кружковая замкнутость исчезаетъ: люди знакомятся другъ съ другомъ, дѣлятся впечатлѣніями пережитаго, принимаются совмѣстно обсуждать дѣла, стоящія на очереди. Оживленіе необыкновенное! дебаты—безъ конца. Здѣсь мы встрѣчаемъ рядъ лицъ, спасшихся отъ жандармскихъ погромовъ, нелегальныхъ, скрывающихся или поднадзорныхъ—такъ или иначе воспитавшихся въ борьбѣ съ правительствомъ, правда, въ борьбѣ или вѣрнѣе неподчиненіи, носившимъ вначалѣ исключительно пассивный характеръ, такъ какъ все время правительство являлось нападающей стороной, а они только бѣжали, но ожесточившихся отъ этихъ безко-

нечныхъ преслѣдованій и жаждущихъ вступить въ активную борьбу съ правительствомъ.

Для Кіева наступило время нѣсколько аналогичное тому какое переживалось въ началѣ 74 года. Но только теперь движеніе имѣло несравненно болѣе широкіе размѣры. Тогда какъ въ 74 году жаждой дѣятельности охвачена была молодежь, незнакомая съ жизнью, теперь все это были люди опытные, испробовавшіе свои силы на практическихъ дѣлахъ. Тамъ мы видимъ увлеченіе теоріями, видимъ вѣру въ извѣстные идеалы; здѣсь людьми двигаетъ не теорія, а сама жизнь. И если въ 74 году, исходя изъ извѣстныхъ принциповъ, толковалось о томъ, какъ примѣнить ихъ на практикѣ, какъ ихъ осуществить, то въ 77 и въ 78 годахъ наблюдалось прямо обратное явленіе: здѣсь люди стараются подыскать или выдумать теорію для объясненія, отчасти какъ бы оправданія, фактовъ, совершаемыхъ ими подъ вліяніемъ страстей и обстоятельствъ.

Здѣсь-то въ Кіевѣ и памѣтилось раньше всего то теченіе, которое въ скоромъ времени направило наше революціонное движеніе въ совершенно другую сторону. Тутъ можно было видѣть Ивана Ивичевича, блѣднолицаго, невзрачнаго по виду, но дерзки смѣлаго человѣка; краснощекаго здоровеннаго Алешку, къ которому болѣе чѣмъ къ кому либо другому подошли бы названіе «добраго молодца». Съ этимъ «молодцомъ» постоянно происходили какіе либо экстраординарные случаи: то у него въ квартирѣ выстрѣлитъ нечаянно револьверъ, то выпадетъ на улицѣ изъ чехла и публика обходитъ его, точно прокаженнаго, глядя съ любопытнымъ страхомъ, какъ онъ подбираетъ съ тротуара свои «террористическія» принадлежности. Одинъ разъ на Крещатикѣ (такъ называется главная улица въ Кіевѣ) у него какимъ-то образомъ вонзился въ ногу его собственный кинжалъ, висѣвшій сбоку на поясѣ, и такую глубокую рану сдѣлалъ, что воротился онъ домой весь окро-

вавленный. Раза два наѣзжалъ изъ Петербурга Сенька, пріятель Валеріана Осинскаго и членъ одного съ нимъ петербургскаго кружка, такъ называемыхъ «троглодитовъ». Въ Петербургѣ Сенька вынужденъ былъ сидѣть смирно и заниматься пропагандой; организація подавляла его. Но поживетъ, бывало, онъ въ Кіевѣ день-другой, и на его бедрѣ появится длинный, серпообразный кинжалъ. Высокій, стройный, съ выпуклой грудью и выгнутой поясницей,—точь въ точь какъ его кинжалъ,— Стенька представлялъ собою прекрасное доказательство консервативнаго воздѣйствія петербургскаго кружка. Тутъ можно было видѣть Брандтнера изъ Харькова, Свириденко и Попко изъ Одессы,—лицъ необычайной отваги, такъ сказать, богатырей нашего времени, готовыхъ къ смерти во всякую минуту. Тутъ же появлялся и Лизогубъ, подобно Осинскому и Сенькѣ принадлежавшій къ кружку «троглодитовъ» и бывшій тоже однимъ изъ первыхъ сторонниковъ терроризма.

Но душою этого новаго, нарождавшагося въ ту минуту теченія, получившаго названіе «террористическаго», несомнѣнно оказался Осинскій, и потому я позволю себѣ коснуться здѣсь нѣсколько подробнѣе этой замѣчательной личности.

Валеріанъ Осинскій появился въ Кіевѣ осенью 77 года. Это былъ высокій, тонкій блондинъ, по виду лѣтъ 25-ти, показавшійся мнѣ какимъ-то хрупкимъ, почти женственнымъ существомъ; съ красивымъ лицомъ, живой и подвижной, какъ ртуть; то возбужденный, разговорчивый и веселый, то мрачно-молчаливый и въ такихъ случаяхъ жаловавшійся на головную боль. Осинскій не удовлетворялся дѣятельностью своихъ петербургскихъ товарищей, сводившейся исключительно къ пропагандѣ, и потому, естественно, искалъ для себя болѣе захватывающаго дѣла. Онъ познакомился въ Петербургѣ съ Вѣрой Засуличъ, пріѣхавшей туда изъ Кіева, и когда Стефановичъ съ товарищами былъ арестованъ, охотно согласился

заняться организаціи ихъ побѣга изъ тюрьмы. Съ этой цѣлью онъ и пріѣхалъ въ Кіевъ.

Здѣсь Осинскій сразу попалъ въ совершенно новую для него атмосферу. Студенты волновались, собирались подавать петицію съ требованіемъ конституціонной реформы; въ центрѣ движенія стоялъ «конституціонной кружокъ», состоявшій отчасти изъ студентовъ, или лицъ близко прикосновенныхъ къ университету, отчасти изъ революціонеровъ-народниковъ. Помню, на одномъ изъ засѣданій «конституціоннаго кружка», куда мы ввели Осинскаго тотчасъ послѣ его пріѣзда въ Кіевъ, выступилъ онъ съ рѣчью, гдѣ принялся доказывать несостоятельность политическихъ программъ и необходимость соціальной революціи, которая одна только въ силахъ радикально измѣнить жизнь и уничтожить эксплуатацію народа, и прочее въ такомъ духѣ. «Все это мы давнымъ-давно слыхали», замѣтилъ ему кто-то, когда онъ окончилъ свою рѣчь, и послѣ этого собраніе перешло къ очереднымъ вопросамъ. Любопытно то, что даже не были подняты дебаты по этому вопросу. Большинство насъ, народниковъ, принципіально смотрѣло на вопросъ также, какъ и Осинскій. Но мы успѣли уже, такъ сказать, втянуться въ окружающую жизнь и считали неумѣстнымъ высказывать наши разногласія въ собраніяхъ «конституціоннаго кружка».

Кіевская атмосфера скоро, однако, повліяла на Осинскаго, и онъ сдѣлался самымъ горячимъ защитникомъ политической свободы. Но прежде всего надо было, по его мнѣнію, «задать страху врагамъ», т. е. другими словами—терроризировать правительство.

Пріѣхавши въ Кіевъ, онъ сосредоточилъ свою дѣятельность на подготовленіи побѣга Стефановича и товарищей его изъ кіевскаго тюремнаго замка. При посредствѣ одного подкупленнаго тюремнаго надзирателя установлена была переписка съ заключенными. Помню, въ одномъ изъ тюрем-

ныхъ писемъ Стефановичъ описывалъ ходъ чигиринской конспираціи, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: Стефановичъ познакомился зимою 75 года съ чигиринцами, находившимися при кіевскихъ полицейскихъ участкахъ, подъ видомъ крестьянина Херсонской губерніи Дмитрія Найды, отправлявшагося якобы ходакомъ къ царю. (Объ этомъ знакомствѣ я разсказывалъ раньше). Заручившись ихъ довѣріемъ, по истеченіи нѣкотораго времени, онъ представилъ имъ царскую грамоту, въ которой повелѣвалось всѣмъ крестьянамъ соединяться въ тайныя общества («Тайныя Дружины») съ цѣлью возстанія противъ пановъ. Эти «Тайныя Дружины» должны были организоваться по извѣстному плану, изложенному въ другомъ царскомъ документѣ—«Уставѣ Тайной Дружины». Согласно «Уставу», всякій, желающій сдѣлаться «дружинникомъ», долженъ былъ принести присягу въ вѣрности тайнѣ, и принимался въ члены только за поручительствомъ двухъ «дружинниковъ». Всякій «дружинникъ» долженъ былъ вносить ежемѣсячно по пяти копѣекъ въ кассу и имѣть собственную пику на случай возстанія. Двадцать пять «дружинниковъ» составляли одно староство и выбирали своего старосту. Староста собиралъ денежные взносы, приводилъ къ присягѣ вновь поступающихъ и т. д. Двадцать староствъ составляли атаманство. Атаманъ избирался старостской радой и былъ посредникомъ между «Дружиной» и коммиссаромъ. Во главѣ всѣхъ «Тайныхъ Дружинъ» (которыхъ по всей Россіи должно было быть много, конечно) стоялъ «Совѣтъ Коммиссаровъ». Такова, въ общихъ чертахъ, была организація, которую Стефановичъ старался провести среди чигиринскихъ крестьянъ. Само собою разумѣется, что затѣя эта имѣла полнѣйшій успѣхъ. Крестьяне стали записываться въ «Тайную Дружину» цѣлыми десятками. Почти всѣ «душевики», т. е. стремившіеся къ душевому передѣлу земли и враждовавшіе съ такъ называемыми «актовиками»

(я упоминалъ объ этомъ дѣленіи крестьянъ въ Чигиринщинѣ) вскорѣ сдѣлались «дружинниками». Въ ноябрѣ 1876 года Стефановичемъ пущены были въ дѣло «Грамоты» и «Уставъ», а уже къ веснѣ 77 года въ рядахъ тайной дружины насчитывались сотни людей. Но этотъ быстрый количественный успѣхъ и явился главной причиной неудачи. Тайна была очень скоро открыта и среди чигиринцевъ начались аресты и преслѣдованія, окончившіеся арестомъ самаго коммиссара Дмитрія Найды, т. е. Якова Стефановича.

— «Удивительная смѣлость мысли!» говорилъ Осинскій о чигиринской конспираціи Стефановича. Это дѣло произвело на него сильное впечатлѣніе. Какъ я уже сказалъ выше, Осинскій былъ членомъ петербургскаго кружка пропагандистовъ, въ то время организаціи совершенно молодой, только что начинавшей жить и, слѣдовательно, исповѣдовавшей еще твердо извѣстные принципы. Осинскому, слыхавшему лишь о пропагандѣ соціалистическихъ идей, чигиринское дѣло, построенное на народной вѣрѣ въ царя, представлялось и оригинальнымъ и смѣлымъ. Какъ большинству молодыхъ революціонеровъ-народниковъ, и ему мужикъ представлялся въ образѣ таинственнаго сфинкса, къ которому онъ не зналъ, какъ подступиться. Здѣсь же онъ видѣлъ, что люди не только сумѣли приступить, но и достигли необыкновеннаго успѣха. «Удивительная смѣлость мысли!» восклицалъ онъ. Рядомъ съ другими причинами чигиринское дѣло оказало, какъ я думаю, не малое вліяніе на ростъ идей въ его головѣ. У человѣка съ меньшей инціативой, вѣроятно, родилось бы желаніе подражать; но Осинскій откровенно сознавался въ своей неспособности работать среди народа и, потому, ни о подражаніи, ни даже о продолженіи чигиринской конспираціи онъ и не подумалъ. Изъ чигиринскаго дѣла Стефановича онъ позаимствовалъ, если можно такъ сказать, только одну «смѣлость мысли». А послѣднее было совсѣмъ

не маловажной вещью. Онъ отказывался отъ дѣятельности въ народѣ, рѣшивши всѣ силы свои посвятить на террористическія дѣла. Для того времени это была дѣйствительно необыкновенная «смѣлость мысли». Между Осинскимъ и его петербургскими товарищами скоро возникли серьезныя недоразумѣнія, перешедшія почти въ непріязнь.

Мало по малу, такимъ образомъ, среди революціонеровъ выросталъ расколъ; движеніе наше распадалось и получало два теченія: одно оставалось старое народническое; другое— новое террористическое.

Дмитрій Лизогубъ сталъ сочувствовать этому расколу и явно склонялся въ сторону Осинскаго; а это давало сразу большое преимущество, такъ какъ Лизогубъ былъ богатъ, и, слѣдовательно, новое направленіе съ нимъ пріобрѣтало большія матеріальныя средства.

Итакъ, среди насъ зародилось теченіе, въ этотъ разъ уже несомнѣнно опасное для государственнаго порядка, неизмѣримо болѣе опасное, чѣмъ было движеніе въ народъ. Что же дѣлало въ это время наше правительство? А правительство продолжало держаться своей старой системы запугиванія. Но запугиваніе на смѣлыхъ людей оказывало совершенно такое же дѣйствіе, какъ масло, подбрасываемое въ огонь. Безтактные поступки правительства, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, все болѣе и болѣе раздражали страсти и безъ того возбужденныя въ сильной степени, пока, наконецъ, не произошелъ фактъ, окончательно толкнувшій наше революціонное движеніе въ сторону террора.

Лѣтомъ 77 года петербургскій градоначальникъ генералъ Треповъ при посѣщеніи дома предварительнаго заключенія столкнулся съ приговореннымъ въ каторгу Боголюбовымъ, сидѣвшимъ тамъ въ ожиданіи дальнѣйшей участи. Боголюбовъ не снялъ ему шапки при встрѣчѣ, и Треповъ, этотъ безграмотный генералъ изъ кантонистовъ, ухитрявшійся дѣ-

лать, какъ разсказывали, четыре ошибки въ слозѣ еще (онъ писалъ: ѣсчо), приказалъ за это высѣчь розгами Боголюбова. Само собою разумѣется, экзекуція была исполнена. Я не возьмусь описывать того, что происходило въ это время въ домѣ предварительнаго заключенія среди политическихъ заключенныхъ; пусть разскажетъ это кто-либо изъ очевидцевъ, сидѣвшихъ тамъ тогда; возмущеніе было страшное. Но нужно было видѣть, какимъ гнѣвомъ запылали послѣ этого многіе на волѣ! Мщеніе Трепову сразу стало очереднымъ дѣломъ. Въ Кіевѣ организовалась компанія человѣкъ изъ шести (между ними былъ Попко), которая вскорѣ отправилась въ Петербургъ съ цѣлью убить Трепова. Между тѣмъ, въ Петербургѣ около этого времени начался процессъ 193-хъ. Отчеты объ этомъ процессѣ, печатавшіеся въ подпольной типографіи, разсылались повсюду, и всюду читались съ захватывающимъ интересомъ. Рѣчь Мышкина, вся проникнутая презрѣніемъ къ суду, къ сенаторамъ. «торгующимъ изъ-за крупныхъ окладовъ чужой жизнью»; *) поведеніе подсудимыхъ, полное достоинства,—все это необыкновенно импонировало и ободряло революціонеровъ, дѣйствовавшихъ въ это время на свободѣ. Правительственныя репрессаліи, вмѣсто того, чтобы напугать людей, вызывали необыкновенный подъемъ духа и сознаніе собственныхъ силъ. «Видно правительство боится насъ, когда преслѣдуетъ съ такимъ ожесточеніемъ! А если оно боится, значитъ оно слабо. Задать же ему страху!» слышались голоса. Было ли правительство на самомъ дѣлѣ слабое,—не берусь утверждать; но несомнѣнно то, что въ правительственномъ механизмѣ была какая-то неурядица; было много непослѣдовательнаго и даже противорѣчиваго въ немъ. Такъ судебное вѣдомство находилось въ явной оппозиціи къ министерству внутреннихъ дѣлъ и жандармеріи. Между тѣмъ,

*) Выдержки изъ этой рѣчи приведены мною раньше.

жандармерія оказывалась всесильной, такъ какъ самъ царь стоялъ на ея сторонѣ. Когда процесъ 193-хъ окончился оправданіемъ огромнаго большинства подсудимыхъ, содержавшихся неизвѣстно за что такое долгое время по тюрьмамъ, то жандармы стали ловить этихъ оправданныхъ судомъ людей и отправлять въ административную ссылку. Судъ постановилъ ходатайствовать передъ его величествомъ о смягченіи участи главныхъ виновныхъ по этому процессу, а величество осталось этимъ недовольно и никакого смягченія не оказало. Въ этотъ то моментъ Вѣра Засуличъ, придя къ Трепову, выстрѣлила въ него изъ револьвера. Процессъ Засуличъ, послѣдовавшій вскорѣ за тѣмъ, былъ самымъ разительнымъ примѣромъ этой разноголосицы, существовавшей въ правительствѣ. Засуличъ была оправдана и освобождена судомъ. Жандармы рѣшили ее арестовать тутъ же на улицѣ при выходѣ изъ суда. Произошло цѣлое столкновеніе публики съ полиціей и жандармами. Засуличъ совершенно случайно была спасена. Разсказываютъ, что царь этимъ процессомъ былъ взбѣшенъ до послѣдней степени и будто бы выразился о немъ такъ, что тамъ судили не Засуличъ, а Трепова.

XVIII.

Покушеніе на жизнь Котляревскаго и начало «Исполнительнаго Комитета».

Я жилъ съ двумя товарищами въ Афанасьевскомъ Яру; такъ назывался оврагъ, черезъ который пролегала наполовину планированная въ то время улица, соединяющая Фундуклеевскую съ Подвальной. Наша квартира изъ двухъ небольшихъ комнатъ помѣщалась въ нижнемъ этажѣ и имѣла свой отдѣльный выходъ на улицу черезъ узенькій проходъ, заклю-

чавшійся между зданіемъ и высокимъ деревяннымъ заборомъ. Одно окно квартиры глядѣло въ этотъ узенькій проходъ, другое—на немощеную улицу, и находилось на одномъ уровнѣ съ землею, какъ это обыкновенно бываетъ въ подвальныхъ этажахъ кіевскихъ квартиръ. Дома три-четыре выше жилъ Избицкій, студентъ университета, находившійся въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ нами и принимавшій участіе въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Визави, по другой сторонѣ улицы по линіи, построекъ еще не было; но дальше, въ Яру, виднѣлся двухъ-этажный домъ Бондаренко, гдѣ жилъ Валеріанъ Осинскій. Отъ насъ видна была крыша и верхній этажъ этого дома, видно было и окно комнаты Осинскаго, находившейся во второмъ этажѣ. Квартира, занимаемая нами, была очень удобна въ томъ отношеніи, что въ нее можно было войти незамѣтно для домохозяина и другихъ жильцовъ и, потому, чаще всего компанія собиралась у насъ. Живо припоминаются мнѣ теперь эти собранія, хотя уже больше полутора-десятка лѣтъ утекло съ той поры. Я говорилъ выше, что Валеріанъ Осинскій производилъ впечатлѣніе человѣка очень живого,—что называется, непосѣды. Спокойнымъ оставался онъ развѣ только тогда, когда лежалъ въ кровати съ головной болью. Даже, когда писалъ что-нибудь, его подвижное лицо постоянно мѣняло свое выраженіе. Онъ имѣлъ необыкновенную память, но сравнительно небольшія обобщающія способности, такъ что спорщикъ изъ него былъ слабый; хотя въ то же время несомнѣнно онъ всегда оставался оригинальнымъ и не только не находился подъ чьимъ-либо вліяніемъ, но, болѣе того, обладалъ огромнымъ запасомъ инициативы. Инициатива эта проистекала у него, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ изъ его непосѣдливой, подвижной, крайне дѣятельной натуры. Говорить онъ любилъ много, прерывая свою рѣчь частымъ смѣхомъ и нерѣдко впадая въ преувеличенія, вслѣдствіе необыкновенной своей экспансивности. Онъ забрасывалъ

слушателя своею скороговоркой, словно горохомъ, и всегда носилъ съ собою большой запасъ всевозможныхъ свѣдѣній, то вычитанныхъ имъ изъ газетъ, за которыми слѣдилъ аккуратно, то просто слышанныхъ имъ отъ знакомыхъ, которыхъ у него вездѣ была пропасть. Со множествомъ лицъ онъ поддерживалъ самыя частыя сношенія и умѣлъ всякому дать какую-нибудь работу, вслѣдствіе чего всюду, куда появлялся, вносилъ оживленіе. Вся его фигура, обыкновенно изящно одѣтая, съ болтающимся пенснэ на черномъ шелковомъ шнурочкѣ, гибкая и, можетъ быть, выносливая, но далеко не крѣпко сложенная, обличала въ немъ человѣка весьма нервнаго. Въ заключеніе считаю нужнымъ добавить, что его портретъ, находящійся въ обращеніи, сдѣланъ очень удачно.

— «Ну, Валеріэнъ, какъ же ведетъ себя «Голубь»?— спрашивали мы, бывало, Осинскаго, когда онъ появлялся къ намъ съ тюремными письмами.

— «Пьетъ и ѣстъ необычайно! Удивительный обжора!..»— смѣясь, восклицалъ Осинскій, любившій пошутить, когда заходила рѣчь о тюремномъ надзирателѣ, служившемъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ заключенными и за это носившемъ кличку «Голубя».

Этотъ «Голубь» былъ глуповатый, но простодушный толстякъ, хорошо исполнявшій свою миссію за сравнительно небольшое вознагражденіе. Прійдя съ письмами къ Осинскому, «Голубь» обыкновенно тотчасъ принимался за закуску, приготовленную здѣсь для него; съѣдалъ и выпивалъ все, что было поставлено передъ нимъ, и потомъ ложился на постель Осинскаго и спалъ, пока тотъ готовилъ свой отвѣтъ, всегда весьма обстоятельный и длинный, написанный мелкимъ, круглымъ, красивымъ почеркомъ на «конспиративной» бумагѣ. Письма писались на очень тонкой бумагѣ, получившей у насъ названіе «конспиративной», для того, чтобы легче было проносить ихъ въ тюрьму, гдѣ при входѣ обыскивали всякаго, даже

служащихъ надзирателей. За этимъ занятіемъ проходилъ весь вечеръ у Осинскаго, и мы, зная, что у него сидитъ «Голубь», въ эти вечера, конечно, не заходили къ нему. Окончивъ письма, Осинскій будилъ надзирателя, передавалъ ему пакетикъ, давалъ при этомъ рублевку, и тотъ удалялся. Чаще всего это было уже очень позднее время, а потому только на другой день Осинскій приходилъ къ намъ и приносилъ для прочтенія тюремныя письма.

Организовать побѣгъ изъ кіевской тюрьмы было далеко не легко, а на первыхъ порахъ показалось намъ даже невозможнымъ дѣломъ. О подкопахъ или проломахъ здѣсь и думать было нечего: все зданіе было слишкомъ капитально выстроено. Но при болѣе близкомъ ознакомленіи съ тюремными порядками, мало по малу сталъ возникать планъ совершенно особаго рода. Внутренній караулъ состоялъ изъ вольнонаемныхъ служащихъ: ключника и надзирателей, смѣнявшихся черезъ извѣстное время. Смѣной надзирателей завѣдывалъ ключникъ; этимъ обстоятельствомъ и задумали воспользоваться для устройства побѣга; а именно—подъ видомъ надзирателей ключникъ могъ вывести изъ тюрьмы заключенныхъ въ ночную смѣну. Конечно, для этого нужно было заручиться помощью ключника. Первоначально явилась мысль о подкупѣ, и въ этомъ направленіи сдѣланы были даже нѣкоторые шаги; но потомъ скоро планъ подкупа, какъ ненадежный, былъ отброшенъ, и остановились на мысли, чтобы ключникомъ въ тюрьму поступилъ свой человѣкъ. Осуществленіемъ этого плана занялся Михаилъ Фроленко. Получивши свѣдѣніе, что смотритель тюремнаго замка искалъ служителя, Фроленко съ мѣщанскимъ паспортомъ отправился къ нему хлопотать о своемъ назначеніи и былъ принятъ на службу.

Такъ было положено начало предпріятію, надѣлавшему не мало шуму въ свое время. Если мнѣ не измѣняетъ память, мѣсяцевъ около двухъ Фроленко исполнялъ различныя должно-

сти при тюрьмѣ (сначала былъ простымъ сторожомъ на смотрительскомъ дворѣ, потомъ — надзирателемъ, а наконецъ и ключникомъ), проявивши за это время такъ много выдержки и мужества, что вызвалъ къ себѣ среди революціонеровъ всеобщее удивленіе.

Между тѣмъ, какъ дѣло съ устройствомъ побѣга, о которомъ я еще буду говорить ниже, постепенно налаживалось, Осинскій и его ближайшіе единомышленники въ это время занялись осуществленіемъ другихъ предпріятій. На тюрьмѣ и заключенныхъ сосредоточивалось ихъ вниманіе. Аресты по чигиринскому дѣлу произведены были жандармскимъ офицеромъ Гейкингомъ; слѣдствіе по дѣламъ велось прокуроромъ Котляревскимъ. И вотъ, у Осинскаго и его друзей, думавшихъ о террорѣ, вскорѣ созрѣло рѣшеніе убить этихъ двухъ представителей власти. Въ первую очередь поставленъ былъ Котляревскій, о которомъ ко всему другому передавали изъ тюрьмы, будто тамъ, при обыскѣ, онъ осмѣлился раздѣть до гола одну политическую женщину. За Котляревскимъ стали слѣдить попеременно нѣсколько человѣкъ, высматривая удобный случай для нападенія. Нужно сказать, что какъ разъ около этого времени изъ Петербурга донеслась вѣсть о покушеніи Засуличъ; потомъ пришло извѣстіе изъ Одессы о вооруженномъ сопротивленіи при арестѣ Ковальскаго, Свитича и друг. Эти факты только подлили масла въ огонь.

Ночью 23 го февраля (1878 г.) я былъ разбуженъ легкимъ стукомъ въ окно, выходившее на улицу. Окликнувъ тихо, я узналъ по голосу Валеріана и поспѣшилъ открыть калитку. Помню, ночь была сырая и холодная, и потому, быстро воротившись въ комнату, я легъ въ кровать и принялся зажигать лампу, стоявшую на столѣ, въ то время, какъ Осинскій слѣдовалъ за мной. По шуму шаговъ я догадался, что онъ былъ не одинъ. И, дѣйствительно, съ нимъ явился Иванъ Ивичевичъ и еще другой товарищъ.

Мнѣ живо представляется теперь та минута, когда Осинскій, войдя въ комнату, подошелъ къ моей кровати, нагнулся и, глядя сверху поверхъ стекла котораго успѣли сразу запотѣть въ комнатѣ, тихо произнесъ: «Котляревскій убитъ»!

— «Когда?» — спросилъ я, чувствуя, какъ меня словно варомъ обдало отъ этой вѣсти.

— «Только что... Мы прямо оттуда».

Я задернулъ плотнѣе занавѣску у окна, чтобы съ улицы не было видно свѣта, и сталъ разспрашивать, какъ это произошло. Осинскій сообщилъ мнѣ, что они настигли Котляревскаго, возвращавшагося откуда-то, почти у самого его дома и тутъ напали. Послѣ перваго выстрѣла, онъ свалился на землю и поднялъ страшный крикъ. Тогда они сдѣлали по немъ еще одинъ или два выстрѣла и затѣмъ убѣжали. Такъ какъ Котляревскій былъ въ шубѣ, и раны отъ револьверныхъ пуль могли оказаться несмертельны, то Ивичевичъ хотѣлъ подойти и ударить его еще кинжаломъ; но другіе его удержали отъ этого: опасно было оставаться дольше на мѣстѣ, куда всякую минуту могли сбѣжаться люди. «Все равно дѣло покончено», сказалъ въ заключеніе Осинскій.

Нѣкоторое время я сидѣлъ на кровати, молча, если можно такъ выразиться, переваривая фактъ; и, долженъ сознаться, никакъ не могъ его переварить: дрожь пробѣгала по спинѣ, и какое-то тяжелое, страшно тяжелое и непріятное чувство стало мало по малу овладѣвать мною.

— «Вы здѣсь ночуете?» спросилъ я.

— «Понятно. Куда же идти? Теперь, вѣроятно, страшная погоня идетъ по всѣмъ улицамъ».

— «Въ такомъ случаѣ ложитесь, и надо тушить лампу».

На полу разослана была одежда, и они втроемъ легли. Я погасилъ лампу; въ комнатѣ стало темно.

Нѣкоторое время я лежалъ молча; но потомъ мнѣ захотѣлось узнать, по какимъ улицамъ они бѣжали, и не было

ли за ними погони. Осинскій сказалъ, что бѣжали они сначала по Прорѣзной, а затѣмъ мимо Золотыхъ воротъ по Подвальной, и что ни одного человѣка не было слышно сзади ихъ.

— «Ну, отлично! Будемъ спать», замѣтилъ я.

Но заснуть я не могъ. Мои нервы были необыкновенно возбуждены; руки и ноги никакъ не могли согрѣться. Я принялся напряженно вслушиваться въ ночную тишину. Но на нашей улицѣ все было тихо: ни одинъ извозчикъ, ни одинъ пѣшеходъ не нарушалъ царившаго спокойствія. Еще прошло нѣкоторое время... Вдругъ гдѣ-то далеко послышался ровный, продолжительный грохотъ, словно бой барабана. «Тревогу бьютъ», мелькнула у меня мысль. Я ощутилъ новый наплывъ непріятнаго чувства, никогда раньше не испытываемаго мною, и невольно приподнялся на кровати, чтобы лучше вслушаться. Трудно, однако, опредѣлить, какого сорта было это чувство. Тутъ былъ и страхъ—страхъ не передъ одной отвѣтственностью и наказаніемъ, а, такъ сказать, передъ самимъ фактомъ,—и недовольство этимъ фактомъ, и чувство какой-то отчужденности: я видѣлъ что для Осинскаго это было свое, близкое дѣло, а для меня оно было чужое.

— «Валеріанъ, слышите?» спросилъ я шопотомъ.

— «Слышу».

— «Какъ будто барабанъ бьетъ».

— «Да».

Мы замолкли, и я опять сталъ слушать. Но грохотъ не повторялся болѣе. Можетъ быть, это проѣзжали экипажи по мостовой, гдѣ-нибудь по Владимірской улицѣ.

— «Кто это такъ громко храпитъ изъ нихъ?» спросилъ я.

— «Это Иванъ», *) отвѣтилъ Осинскій.

---

*) Ивичевичъ.

— «Они оба спятъ?».

— «Оба».

Но Осинскій не спалъ. Уже я начиналъ дремать, а сквозь сонъ слышалъ, какъ онъ все еще ворочался на полу и тихо покашливалъ.

Однако, на другой день оказалось, что Котляревскій не только не былъ убитъ, но даже не раненъ. Упалъ же онъ на землю послѣ выстрѣла просто отъ страха. Осинскій всегда раньше другихъ узнававшій всевозможныя новости, узналъ и эту новость первый и намъ сообщилъ. Теперь онъ разсказывалъ о покушеніи на жизнь Котляревскаго смѣясь, и ни малѣйшаго волненія не было замѣтно на его нервно-подвижномъ лицѣ.

— «Какъ же вы намѣрены поступить дальше?» спросилъ его кто-то.

— «А чортъ съ нимъ, съ этимъ трусомъ!..» воскликнулъ Осинскій. «Съ него достаточно: послѣ этого случая, я полагаю, онъ не будетъ такимъ ревностнымъ чиновникомъ».

Высказано было, не помню кѣмъ, мнѣніе, что было бы полезно напечатать по этому случаю прокламацію, гдѣ были бы разъяснены причины, вслѣдствіе которыхъ стрѣляли въ Котляревскаго. Стали обсуждать въ деталяхъ этотъ вопросъ. Потомъ бесѣда перешла къ тому, что было бы вообще недурно, всякій разъ, послѣ совершенія извѣстнаго террористическаго факта (а ихъ предполагалось совершать не одинъ или два, а много) выпускать прокламаціи и расклеивать ихъ по улицамъ; и при этомъ кому-то изъ собесѣдниковъ пришла мысль въ голову, чтобы группа лицъ, занимающаяся террористическими предпріятіями, назвала себя «Исполнительнымъ Комитетомъ».

Названіе «Исполнительнаго Комитета» присвоивалось потому, что террористы по первоначальному представленію должны были являться ничѣмъ другимъ, какъ простыми исполнителями рѣшеній, принятыхъ всей «Соціально-революціонной партіей».

Но какъ эти рѣшенія могли приниматься, когда на самомъ дѣлѣ и такой партіи не существовало, такъ какъ не существовало никакой общей организаціи,—объ этомъ пока не думали. «Исполнительный Комитетъ» имѣлъ въ виду заняться убійствами зловредныхъ лицъ, препятствовавшихъ развитію революціонной дѣятельности, какъ, напримѣръ: предателей, жандармскихъ сыщиковъ, прокуроровъ и пр. О перемѣнѣ программы, конечно, при этомъ не упоминалось, такъ какъ предполагалось, что программа у революціонеровъ остается прежняя, т. е. народническая; и все новшество заключалось лишь въ томъ, что часть силъ отряжалась спеціально на террористическія предпріятія.

Сдѣлана была печать овальной формы, на верху которой была вырѣзана полукруглая надпись: „Исполнительный Комитетъ“, а внизу: „Русской соціально-революціонной партіи“. Въ срединѣ были вырѣзаны револьверъ и кинжалъ, скрещивающіеся между собою.*)

Но съ выпускомъ прокламаціи нѣсколько запоздали, такъ какъ не было гдѣ ее отпечатать; станокъ и шрифты, вытащенные изъ квартиры Стефановича, Давиденко запропастилъ гдѣ-то такъ, что потомъ не только жандармы, но и революціонеры не могли ихъ отыскать. Только уже около средины марта, если не измѣняетъ мнѣ память, прокламація была отпечатана; въ ней говорилось объ убійствѣ шпіона Никонова, совершенномъ въ Ростовѣ на Дону, и о покушеніи на жизнь прокурора Котляревскаго. Подъ этой прокламаціей внизу въ первый разъ приложена была печать «Исполнительнаго Комитета». Насколько припоминаю, впрочемъ, печать была приложена не на всѣхъ экземплярахъ. Послѣ того мы занимались расклейкой прокламацій по улицамъ; само собою разумѣется, что расклейка производилась ночью, но все таки не обошлось

*) На сколько припоминаю—кромѣ револьвера съ кинжаломъ, былъ еще топоръ.

безъ жертвъ: Избицкій былъ схваченъ на улицѣ во время наклеиванія прокламаціи и впослѣдствіи былъ осужденъ за это къ 15 годамъ каторжныхъ работъ.

— «А знаете ли, Валерьянъ?» обратился я какъ-то къ Осинскому— «не совѣтовалъ бы я вамъ очень увлекаться терроромъ: вы нервны... Помните ту ночь?.. Вотъ Ивичевичъ— другое дѣло»...

Замѣчаніе это видно разсердило Осинскаго, и онъ отвѣтилъ мнѣ въ такомъ родѣ, что самъ лучше знаетъ, чѣмъ можетъ или не можетъ «увлекаться».

Къ этому первому «Исполнительному Комитету», о которомъ трудно было даже сказать, изъ кого въ точности онъ состоялъ, такъ какъ совсѣмъ не представлялъ собою строго опредѣленной организаціи, всякій относился по своему. Осинскій, Ивичевичъ Иванъ и нѣкоторые другіе, видимо, смотрѣли на дѣло очень серьезно. Серьезно отнесся, помню, и мой братъ сразу усмотрѣвшій въ этомъ попытку борьбы политическаго характера. «Вотъ пока вы разсуждали о народѣ», говорилъ онъ мнѣ, «такъ и революціонности было мало: разводили бобы на киселѣ. А какъ дошло дѣло до вашихъ собственныхъ интересовъ,—посмотри, какія дѣла! Тамъ стрѣляютъ въ Трепова; здѣсь—въ Котляревскаго... Не зачѣмъ закрывать глаза: вѣдь это факты политической борьбы. Котляревскій дѣлаетъ обыски, раздѣваетъ женщинъ до нага, и его за это стрѣляютъ. А дѣло съ Треповымъ? Ну, подумай, мало ли у насъ сѣкутъ мужиковъ исправники, да губернаторы? Однако, за это ихъ никто не стрѣляетъ. А попробовалъ Треповъ высѣчь интеллигентнаго революціонера—ему и нагорѣло. Такъ то, братъ: ни соціализмъ, ни народъ здѣсь ни при чемъ».

Что касается до моего отношенія къ этому нарождавшемуся «Исполнительному Комитету», то оно было очень странное. Съ одной стороны, я не признавалъ пользы за террористическими дѣлами, да и не чувствовалъ себя способнымъ къ

нимъ, съ другой стороны, являлся пособникомъ террористовъ и съ какой-то дѣтской необдуманностью принималъ участіе въ такихъ дѣлахъ, какъ изобрѣтеніе печати «Исполнительнаго Комитета», расклейкѣ прокламацій и т. п. Мнѣ все еще казалось очень забавнымъ дразнить полицію, и я смотрѣлъ на расклейку прокламацій съ печатью «Исполнительнаго Комитета» чуть ли не такъ же, какъ на расклейку вымышленныхъ телеграммъ съ театра военныхъ дѣйствій. «Вотъ, думалъ я, пойдетъ трескотня по городу! Начнутъ ловить «Исполнительный Комитетъ». Полиція совсѣмъ потеряетъ голову». Я радовался, рисуя въ своемъ воображеніи удивленныя рожи нашихъ администраторовъ, толкующихъ между собою объ «Исполнительномъ Комитетѣ» и теряющихся въ догадкахъ—откуда комитетъ этотъ взялся. Однако, по мѣрѣ того, какъ происходили новыя событія террористическаго характера, и среди насъ стали возникать принципіальные споры, я сталъ задумываться надъ происходившими событіями, и мало по малу выработалось у меня прямо отрицательное отношеніе къ террору.

XIX.

Моя поѣздка въ Чигиринщину.

Между тѣмъ сношенія съ тюрьмой не прекращались и «Голубь» попрежнему въ недѣлю разъ, а иногда и чаще, заносилъ къ Осинскому письма изъ тюрьмы. Со словъ чигиринцевъ, сидѣвшихъ тамъ, оказывалось, что нѣкоторыя семьи бунтовавшихъ крестьянъ были доведены экзекуціями до полнаго разорѣнія, и мы рѣшили оказать имъ матеріальную помощь. Получивши изъ тюрьмы нужные адреса, свѣдѣнія и пароль, безъ котораго трудно было бы проникнуть въ среду бунтовавшихъ крестьянъ, я выѣхалъ изъ Кіева.

До уѣзднаго города Черкассы я доѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Но отсюда ѣхать прямо въ село Шабельники, куда данъ былъ мнѣ адресъ, я не рѣшился, такъ какъ пришлось бы проѣзжать черезъ бунтовавшія деревни, гдѣ очень строго слѣдили за проѣзжавшими, а потому я остановился на мысли сдѣлать объѣздъ. Была ранняя весна, и Днѣпръ еще стоялъ; кое-какъ я перебрался по льду на полтавскій берегъ, нанялъ тамъ крестьянскую телѣгу и двинулся на югъ по дорогѣ, ведущей къ городку Чигиринъ-Дубравѣ. Поровнявшись съ бунтовавшими селеніями, чтобы попасть куда мнѣ было нужно, я долженъ былъ опять переѣхать на правый берегъ Днѣпра. Между тѣмъ, рѣка за эти дни вскрылась, такъ что мнѣ пришлось переправляться въ рыбацкой лодкѣ уже среди плывшихъ льдинъ. Переправившись благополучно, я остановился въ шабельницкой корчмѣ, находившейся у самаго берега Днѣпра.

Мѣсто это было до того въ сторонѣ отъ проѣзжихъ большихъ дорогъ, и время для ѣзды выбрано было такое неудобное, что содержатель корчмы, еврей, встрѣтилъ меня, какъ говорится, большими глазами.

— «Куда ѣдете? Откуда?» любопытствовалъ онъ знать.

Я отвѣчалъ, что ѣду въ Черкассы, такъ какъ никакого другого отвѣта и придумать не могъ. Повторяю, мѣстность до того была глухая и малопосѣщаемая, что единственный пунктъ, на который можно было указать, былъ только городъ Черкассы, гдѣ имѣлся по крайней мѣрѣ сахарный заводъ, и гдѣ проходила желѣзная дорога. Правда, изъ Черкассъ то собственно я теперь и ѣхалъ, но этого въ Шабельникахъ никто знать не могъ: крестьянинъ, везшій меня, остался на полтавскомъ берегу.

— «Вы съ далека?» допытывался корчмарь.

— «Съ Чигиринъ-Дубравы», отвѣтилъ я. Однако, въ моемъ положеніи значительно удобнѣе было самому задавать

вопросы, чѣмъ отвѣчать, а потому я поторопился обратиться къ нему съ разспросами: у кого можно было нанять лошадей къ черкасскому вокзалу, да какова дорога, да сколько будетъ стоить проѣздъ и т. п. дорожныя свѣдѣнія. Оказалось, что корчмарь имѣлъ лошадей; но желая видѣться съ крестьяниномъ, адресъ котораго былъ мнѣ данъ, я, подъ тѣмъ предлогомъ, будто хочу поискать лошадей дешевле, вышелъ изъ корчмы и направился въ деревню.

Корчма стояла въ сторонѣ отъ села, и до Шабельниковъ, мнѣ пришлось пройти около версты разстоянія. Я шелъ по дорогѣ, усаженной высокими осинами, по сторонамъ которой раскинулось низменное, песчаное прибрежье Днѣпра, мѣстами сильно заросшее лозникомъ и, повидимому, совершенно безплодное и негодное ни для какого хозяйства. Въ селеніи не было видно садовъ, столь любимыхъ украинцами; кое-гдѣ только осины или тополи высились надъ хатами, сзади которыхъ тянулись тощіе, песчаные огороды. Верстахъ въ четырехъ отъ Днѣпра, параллельно рѣкѣ, виднѣлась круча; тамъ на возвышенности земля была лучше; тамъ-то, кажется, и находились поля, изъ-за которыхъ возгорѣлась столь ожесточенная борьба между «актовиками» и «душевиками».

Войдя въ село, я былъ атакованъ собаками, поднявшими необыкновенный лай. Село было глухое и затереться въ немъ постороннему человѣку, оказывалось, рѣшительно невозможно. На лай собакъ люди повыходили изъ избъ и принялись на меня глядѣть со всѣхъ сторонъ. Я сталъ было спрашивать, у кого можно было нанять лошадей къ черкасскому вокзалу, но охотниковъ везти не находилось.

— «А гдѣ хата Сопрона С*?» обратился я, наконецъ, съ вопросомъ къ одному изъ мужиковъ. «Мнѣ говорили, что у него есть лошади».

— «Какіе же у Сопрона кони?! У него, не то коня, овцы нѣтъ во всемъ хозяйствѣ...»

«А мнѣ въ корчмѣ сказали, что есть; надо его спросить».

— «Спросите», уклончиво проговорилъ мужикъ, указывая мнѣ на избу Сопрона. «Только я знаю, что у него нѣтъ коней».

Сопронъ, къ которому дана была мнѣ рекомендація, жилъ на краю села. Маленькая избушка его была одной изъ ближайшихъ къ берегу рѣки и достаточно было на нее только взглянуть, чтобы понять всю неудачность выдумки моей съ лошадьми. Очевидно, здѣсь не было мѣста коню. Однако самого Сопрона я не засталъ: вышедшая ко мнѣ на встрѣчу женщина, должно быть его жена, заявила, что «хозяина нема дома». Но если бы хозяинъ былъ и дома, мое свиданіе съ нимъ въ этотъ разъ все равно не привело бы ни къ какимъ результатамъ: изъ сосѣднихъ избъ сошлись любопытные сосѣди, и было бы крайне неблагоразумно при всѣхъ вступить въ объясненіе. Поэтому, осмотрѣвъ внимательно окрестности и самую избу, чтобы потомъ можно было ее узнать, я возвратился обратно въ корчму и сталъ торопиться со своимъ отъѣздомъ, рѣшивши пріѣхать сюда другой разъ совсѣмъ инымъ путемъ.

Черезъ часъ я уже выѣзжалъ изъ Шибельниковъ, сидя на трясскомъ возку, запряженномъ парой мохнатыхъ лошадокъ; нанялъ я ихъ у корчмаря. Проѣзжая деревней, я глядѣлъ по сторонамъ; плетни, защищавшіе крестьянскіе дворы и огороды, уцѣлѣли лишь кое-гдѣ: мѣстами они свалились на землю и лежали плашмя, мѣстами были совсѣмъ разобраны, открывая видъ на пустыя, голыя пространства, очевидно, обрабатываемыя раньше. Хаты съ обвалившеюся глиною со стѣнъ и выбитыми окнами, точно нищіе въ лохмотьяхъ, стояли по бокамъ дороги. На многихъ—крыши были разрушены. Въ неогороженныхъ дворикахъ и на улицахъ не видно было почти никакой жизни: не слышно было ни стука топора, ни шипѣнія пилы, точно работы всѣ были прикончены. Не видно было ни скота, ни

домашней птицы. Даже люди, встрѣчавшіеся, намъ по пути, казалось, передвигались съ мѣста на мѣсто не такъ, какъ обыкновенно, а какъ-то тихо, крадучись, словно боясь чего-то. Подобнаго раззоренія, какое представилось тогда моимъ глазамъ, я не только не видѣлъ никогда, но и не слышалъ раньше. Точно ураганъ прошелъ надъ бѣдными Шабельниками. Таковы были результаты экзекуціи, произведенной нашими бравыми солдатами!

— «Вотъ гдѣ бѣда.» невольно воскликнулъ я.

— «Ой бѣда!..» отозвался мой возница, служившій «наймытомъ» у еврея, на лошадяхъ котораго я ѣхалъ.

— «Съ чего же здѣсь такое натворилось?»

— «Кто его знаетъ! Я не здѣшній», уклонился крестьянинъ.

— «Живешь здѣсь въ корчмѣ, да чтобы ничего не слышалъ».

— «Слышать слыхалъ, что люди бунтуютъ: а чего они бунтуютъ — Господь ихъ знаетъ».

— «Кто же ихъ тутъ бунтуетъ?» допрашивалъ я.

— «Вотъ, разсказываютъ, что есть какіе-то «штуденты..»

— «Что же это за штуденты»?

— «Штундови или штундари... Кто ихъ тамъ знаетъ, какъ они зовутся».

Такъ больше ничего я и не могъ добиться отъ моего возницы. Было очевидно только, что студенты и штундисты слились въ одно понятіе въ умѣ моего собесѣдника, весьма вѣроятно, что это смѣшеніе понятій было тогда у многихъ окрестныхъ жителей.

Воротившись въ Кіевъ, я провелъ дней около десяти въ ожиданіи, пока Днѣпръ совершенно очистится отъ льдинъ; и вторичное свое путешествіе въ Шабельники предпринялъ въ лодкѣ.

Былъ часъ первый дня, когда мы съ П* отчалили отъ

кіевскаго берега и пустились внизъ по теченію рѣки. Чтобы избѣгнуть необходимости причаливать по пути къ прибрежнымъ деревнямъ, мы закупили съѣстныхъ припасовъ, состоявшихъ изъ крупы, сала, чаю, сахару и сухарей. День былъ солнечный, тихій; свѣжій весенній воздухъ; Днѣпръ въ полномъ разливѣ. Быстро миновала наша лодка желѣзно-дорожный мостъ, я сидѣлъ на рулѣ; Н* копался на днѣ лодки; онъ сортировалъ припасы, сложенные какъ попало въ холщевомъ мѣшкѣ: нужно было отдѣлить чай отъ сала и т. п. Вотъ приблизились мы къ Китаеву; право-бережныя горы здѣсь круто поворачиваютъ и удаляются отъ рѣки; Днѣпръ разбивается на рукава, образуя низкіе острова, поросшіе лѣсомъ; теперь многіе изъ нихъ были залиты водою; съ шумомъ неслась вода по лѣсу. Я направилъ лодку между деревьевъ. Потому ли, что намъ пришлось пробѣгать мимо неподвижно стоявшихъ дубовъ, или же на самомъ дѣлѣ было такъ, но намъ казалось, что мы мчимся съ необыкновенной быстротой. Рогатые сухіе сучья, уносимые водою, бревна, захваченныя Днѣпромъ, Богъ знаетъ откуда—все это быстро опережала наша лодка. Я слѣдилъ, чтобы она шла впередъ носомъ, такъ какъ, сбитая теченіемъ, она легко могла разбиться между деревьями. Серьезной опасности, впрочемъ, не предвидѣлось потому, что было неглубоко: время отъ времени Н* спускалъ въ воду весло и почти всякій разъ доставалъ дно. Мы выѣхали изъ лѣса, добрались до открытаго широкаго русла и поплыли дальше. Весь день плыли безостановочно. Наступила ночь—такая же тихая, какъ былъ и день. Надъ горами, чернѣвшими, словно туча, впереди, на горизонтѣ засіяла луна. Мы плыли срединою рѣки; далеко-далеко гдѣ-то по сторонамъ тянулись берега неопредѣленными, темными полосами. Прибрежный шумъ воды едва доносился къ намъ. Отъ луны Днѣпръ блестѣлъ милліонами искръ. Кругомъ, неощутимо для насъ, двигалась впередъ вся эта громадная масса воды,

увлекая и насъ съ собою, намъ же представлялось, будто мы стоимъ на одномъ мѣстѣ. Н* положилъ весла въ лодку; я оставилъ руль; оба мы молча сидѣли. Часамъ къ 11-ти ночи мы добрались до подножія тѣхъ, впереди виднѣвшихся горъ. Лодку втащили на берегъ. Нѣсколько выше—подъ горою—стояло вѣтвистое дерево; подъ нимъ мы разложили костеръ и стали готовить ужинъ.

Поѣвши, мы легли. Съ рѣки тянуло холодомъ. Укутавшись потеплѣе въ свои полушубки, мы прижались спинами другъ къ другу и крѣпко заснули.

Но погода, благопріятствовавшая намъ въ началѣ путешествія, вскорѣ измѣнилась: поднялся южный вѣтеръ до того сильный, что невозможно было плыть. Цѣлый день простояли мы у устья рѣки Роси (притокъ Днѣпра съ правой стороны), выжидая перемѣны погоды.

Только на пятые сутки къ вечеру мы подплыли, наконецъ, къ Шабельникамъ. Плоскій берегъ Днѣпра здѣсь все же на столько былъ высокъ, что наша лодка легко могла укрыться отъ людскаго глаза. Взойдя на берегъ изъ-за кустовъ лозы, я указалъ хату Сопрона, и Н* сталъ осторожно пробираться къ ней. Мнѣ было менѣе удобно идти, такъ какъ одинъ разъ меня тамъ уже видѣли.

Вскорѣ я услыхалъ приближающіеся шаги. Н* возвратился въ сопровожденіи высокаго молодого крестьянина.

— «Вы Сопронъ С*?» спросилъ я.

— «Я», односложно отвѣтилъ тотъ.

— «Кланялся вамъ боровичанскій староста», я назвалъ по имени старосту и сообщилъ пароль.

— Въ глазахъ крестьянина засвѣтилась тихая улыбка. «Идемъ ко мнѣ», сказалъ онъ.

Мы привязали лодку и пошли вслѣдъ за Сопрономъ. До избы дошли скоро. Благодаря лознику, росшему по всему пространству, едва ли кто насъ замѣтилъ. Когда мы сидѣли

уже въ избѣ, хозяйка тихо зашептала что-то мужу, поглядывая на меня; видно, она меня узнала. Тотъ, слушая ее, улыбался, потомъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— «Это вы заходили сюда недѣли двѣ назадъ?»

— «Я».

— «Меня тогда не было дома: я ходилъ въ поле. Вернулся, а жена и разсказала мнѣ. Я тогда же подумалъ: вѣрно то заходилъ къ намъ изъ такихъ людей. Жалко мнѣ было, что не видѣлъ. А вотъ же богъ помогъ таки намъ свидѣться».

Хата Сопрона состояла всего изъ одной избы и сѣней. При входѣ въ избу, налѣво, стояла печь, расплывшаяся, какъ обыкновенно, на цѣлую четверть помѣщенія. Направо, вдоль стѣны тянулась скамья, а дальше стоялъ столъ. Въ углу, подъ самымъ потолкомъ висѣли образа. Два маленькихъ оконца слабо освѣщали внутренность избы.

Я сообщалъ Сопрону о цѣли нашего пріѣзда въ Шабельники и просилъ его устроить мнѣ свиданіе съ Кузьмою.

— «Кузьма бѣжалъ», замѣтилъ мнѣ Сопронъ.

— «Я слыхалъ объ этомъ въ Кіевѣ. Но нельзя ли его извѣстить, чтобы онъ сюда пришелъ?»

— «Можно... Только это далеко; отсюда 25 верстъ».

— «Пошлите за нимъ кого-нибудь».

Кузьма Прудкій былъ старостой въ организаціи «Тайной Дружины» и считался однимъ изъ наиболѣе преданныхъ дѣлу. Такъ какъ полиція усиленно его розыскивала, то мы хотѣли помочь ему укрываться.

Сопронъ пошелъ въ деревню и воротился назадъ почти уже въ сумерки.

— «Все будетъ добре», говорилъ онъ, входя въ хату. «Одинъ паробокъ берется сбѣгать за Кузьмою. Паробокъ этотъ здѣсь, въ сѣняхъ: поговорите еще съ нимъ вы сами».

Я вышелъ за Сопропомъ въ сѣни. Паробокъ, лѣтъ 20-ти,

сидѣлъ на порогѣ, но тотчасъ почтительно всталъ, когда мы показались, и снялъ свою черную барашковую шапку.

— «Вотъ теперь можешь и присягнуть: они подведутъ тебя подъ присягу», проговорилъ вдругъ Сопронъ, указывая на меня.

— «Подъ какую присягу?!» воскликнулъ я съ удивленіемъ.

— «Этотъ паробокъ уже давно хочетъ записаться въ „Тайную Дружину“, а некому его подвести подъ присягу; ни одного старосты не осталось: однихъ забрали по тюрьмамъ, другіе разбѣжались».

Я разсказывалъ выше, что при вступленіи въ организацію всякій «дружинникъ» долженъ былъ приносить присягу, и этотъ обрядъ совершался въ присутствіи старосты. Видно, меня принимали здѣсь за какое-то важное лицо въ организаціи и потому надумались воспользоваться моимъ присутствіемъ.

— «Я пріѣхалъ сюда совсѣмъ не для того, чтобы вербовать въ дружину, и къ присягѣ не буду приводить никого», категорически замѣтилъ я.

Сопронъ былъ смущенъ моимъ отказомъ; паробокъ тоже стоялъ растерянный.

— «И времени у меня нѣтъ для этого», продолжалъ я, «да мнѣ и не поручили этимъ заниматься. А вотъ, скажи: сбѣгаешь за Кузьмою?» обратился я къ паробку.

— «Добре», отвѣтилъ тотъ.

— «Такъ иди и скажи Кузьмѣ, чтобы онъ пришелъ сюда. Скажи ему, что у меня есть порученіе къ нему отъ Дмитрія Ивановича Найды (подъ этимъ названіемъ извѣстенъ былъ среди чигиринцевъ Стефановичъ).

Сопронъ съ своей стороны далъ еще какой-то «значекъ», и нашъ посланецъ въ тотъ же вечеръ отправился въ путь.

Между „дружинниками“, т. е. членами организаціи, сразу пошелъ слухъ о нашемъ появленіи. Съ наступленіемъ вечера

стали заходить то тотъ, то другой въ хату Сопрона. Изъ бесѣдъ съ ними я сдѣлалъ заключеніе, что въ организаціи ихъ въ послѣднее время развилась сильная деморализація; хотя нельзя было не признать того, что положеніе дѣлъ какъ нельзя болѣе способствовало этому. «Дружинниковъ» преслѣдовала не только полиція (въ лицѣ медвѣдовскаго*) становаго пристава и др.), но и крестьяне, такъ называемые «актовики». Ненависть послѣднихъ къ «душевикамъ», или, что было одно и то же, къ дружинникамъ, такъ какъ «Тайная Дружина» навербована была, само собою разумѣется, изъ «душевиковъ», доходила до изумительныхъ размѣровъ. Время отъ времени «актовики» устраивали облавы и обыски по селу для задержанія подозрительныхъ и скрывающихся лицъ и для отнятія преступныхъ бумагъ («Грамоты», «Уставы» и пр.), и при этомъ тащили изъ избъ душевиковъ все, что находили тамъ сколько нибудь цѣннаго. Такимъ образомъ, полотна, сало и т. п. движимая собственность вскорѣ перешла изъ коморъ «бунтовщиковъ» въ коморы «актовиковъ». Ни одинъ «душевикъ» не избѣгъ этой участи и всякій болѣе или менѣе подвергся этому дикому грабежу. Полиція же только потворствовала подобнымъ безобразіямъ. Скоро болѣе умные и энергичные изъ «душевиковъ» были пересарестованы и разосланы по тюрьмамъ, такчто уцѣлѣли и остались на мѣстѣ лишь болѣе слабые изъ нихъ; поэтому сталъ замѣчаться большой упадокъ духа; явилось перебѣжничество: сегодня записывались въ «Тайную Дружину», присягали,—завтра отказывались, перебѣгали въ лагерь своихъ враговъ (актовиковъ); видны были всѣ признаки разложенія организаціи.

Послѣ ужина хозяинъ разостлалъ на полу охапку соломы, прикрылъ ее рядномъ, и мы улеглись спать. Но едва былъ

---

*) Медвѣдовка – мѣстечко Чигиринскаго уѣзда, гдѣ былъ станъ.

затушенъ огонь въ избѣ, какъ послышались чьи-то торопливые шаги и раздался стукъ въ оконце.

— «Кто тамъ?» окликнулъ Сопронъ.

— «Это я», отвѣтилъ женскій голосъ.

— «Корніиха пришла», заявилъ хозяинъ, узнавшій пришедшую по голосу.

— «Кто она?» спросилъ я.

— «Чоловика*) ея ищутъ; онъ убѣжалъ съ Кузьмою. А она баба хорошая», проговорилъ Сопронъ, поднимаясь съ лежанки и направляясь къ дверямъ, чтобы впустить гостью.

Корніиха вошла въ избу и остановилась у порога, возлѣ печки; Сопронъ улегся на свое мѣсто.

— «Ой, дайте же мнѣ хоть поглядѣть на нашихъ заступныкивъ», заговорила пришедшая жалобнымъ голосомъ.

— «Поздно уже Корніиха; нельзя чтобы свѣтилось въ хатѣ: заподозрятъ что тутъ дѣлается что-то и придутъ», возразилъ хозяинъ.

— «Охъ, горе, горе, Сопронъ!» заговорила баба. «Если бы вы знали, что они мнѣ вчера сдѣлали?!.. Зашли, чуете, ко мнѣ въ хату и стали искать бумагъ.... Какія же у меня бумаги, сами знаете? Шарили, шарили по всѣмъ куткамъ и въ хатѣ, и въ коморѣ,—нѣтъ бумагъ. Повытрушивали все: гдѣ была куколка добраго прядива—взяли.... Ну, да это ужъ богъ съ ними!.. А дальше и спрашиваетъ меня голова: гдѣ твой чоловикъ? Ты, сука, его скрываешь! Вотъ подожди, придетъ самъ становой—онъ тебѣ задастъ! Забрали все и ушли. Только немного позже гляжу въ оконце, собака забрехала на дворѣ, гляжу въ оконце, — идетъ становой и съ нимъ два десятскихъ...»

— «А становой здѣсь?..» прервалъ я рѣчь.

---

*) Т. е. мужа.

— «Здѣсь. Вчера при волости экзекуцію производилъ: кое кого сѣкли», пояснилъ мнѣ Сопронъ.

— «Вотъ уже входитъ становой въ хату», продолжала Корніиха, «десятскіе стали около двери, а онъ идетъ прямо ко мнѣ. Вижу я, Сопроне, лице у него такое сердитое!.. Вижу бѣда!.. Да скоренько ухватила изъ люльки дытыну и прижала ее къ груди. Какъ крикнетъ становой: гдѣ твой мужъ! Такъ я и задрожала всѣмъ тѣломъ. Кто же его знаетъ, ваше благородіе, гдѣ онъ, говорю я. Мой чоловикъ никогда не говоритъ мнѣ, куда идетъ... Врешь ты, стерво! Я тебя раздеру, какъ жабу... ей-Богу, говорю, не брешу!.. А онъ меня, Сопроне, бухъ въ морду!... Я упала. Упала и дытына со мною вмѣстѣ...» голосъ разсказчицы задрожалъ, послышалось сдержанное рыданіе. «Дытына плачетъ, и я плачу съ нею», продолжала Корніиха, высморкавшись и оправляясь. «Ну, пускай бы ужъ меня одну! А то кому и чѣмъ провинилась мала дытына? Подумайте только, Сопроне?!»

Но Сопронъ молчалъ, и она разсказывала дальше.

Я лежалъ и слушалъ. По разсказу, медвѣдовское благородіе оказывалось весьма „распорядительнымъ администраторомъ“: каждую недѣлю оно являлось въ волость и сѣкло по нѣскольку десятковъ человѣкъ. Порядокъ этотъ становой завелъ послѣ того, какъ открытъ былъ чигиринскій заговоръ. Болѣе вліятельныхъ изъ крестьянъ и умныхъ, а слѣдовательно и вредныхъ, онъ арестовалъ и отправилъ въ кіевскій тюремный замокъ, а съ остальными распорядился чисто административнымъ порядкомъ, а именно: съ одной стороны позволилъ ихъ грабить, съ другой—принялся сѣчь по очереди.

Корніиха стала подробно разсказывать объ одномъ восьмидесятилѣтнемъ старикѣ изъ селенія Боровица, котораго тоже въ числѣ другихъ медвѣдовскій приставъ приказалъ высѣчь. Разсказывала Корніиха, не дѣлая перерывовъ, не останавливаясь; быстро и монотонно лились ея слова, точно она торо-

пилась передать все, что знала. А я лежалъ и слушалъ, и невыносимо тяжело становилось у меня на душѣ. Картины, одна другой безотраднѣе, живо возставали передъ моими глазами.

Окончивши разсказъ, Корніиха нащупала гдѣ-то на припечкѣ сѣрничекъ и принялась его чиркать.

— «Не свѣтите!» энергично запротестовалъ Сопронъ. «Не дай Богъ огонь увидятъ».

— «Дозвольте хоть разокъ глянуть на заступныкивъ нашихъ! Голубе, Сопроне! Только гляну!..» молилась Корніиха.

Чувство стыда и досады заставило меня тотчасъ укрыться съ головою. Н* уже спалъ, ничего не слышалъ.

— «Видите? Спятъ уже... Гасите огонь, Корніиха». проговорилъ Сопронъ.

— «Правда, спятъ... Ну, прощайте, Сопроне».

Баба вздохнула и ушла. Сопронъ заперъ за нею сѣнную дверь на засовъ; улегся, и въ избѣ водворилась тишина.

Къ вечеру слѣдующаго дня возвратился посланный нами паробокъ, и съ нимъ пришли Кузьма и Корній (мужъ бабы, бывшей у насъ ночью). Они не вошли въ избу, такъ что я долженъ быть выйти къ нимъ въ сѣни. Ни Кузьма, ни Корній не встали передо мною, какъ то сдѣлалъ наканунѣ паробокъ; оба сидя поздоровались со мною. На блѣдномъ, нѣсколько истомленномъ лицѣ Кузьмы ясно выражалось недовѣріе.

О Кузьмѣ Пруткомъ такъ много писали намъ изъ тюрьмы, всѣ отзывались о немъ съ такою похвалою, что теперь я невольно засмотрѣлся на него. Однако съ внѣшней стороны онъ не представлялъ ничего особеннаго; это былъ худощавый небольшаго роста человѣкъ, съ свѣтло-русыми волосами, съ прямымъ носомъ. Изъ подъ свѣтлыхъ бровей глядѣли небольшіе голубовато сѣрые глаза. Ему было, казалось, не болѣе 35 лѣтъ, ни одной рѣзкой черты, которая бы бросалась въ глаза наблюдателю.

«О васъ, Кузьма, писалъ мнѣ Дмитрій Ивановичъ *) и наказывалъ помочь вамъ. Я для этого и посылалъ за вами паробка».

— «Не знаю»... какъ-то неопредѣленно отозвался Кузьма, поглядывая на меня искоса и поправляя свой мѣшокъ на плечахъ, привязанный двумя перекрещивавшимися на груди веревками. Мѣшокъ, видимо, его безпокоилъ, но онъ не торопился его сбрасывать, хотя Корній давнымъ давно сдѣлалъ это.

— «Вы не вѣрите мнѣ? Вы думаете, что я, можетъ быть, врагъ вамъ?»

— «Можетъ и такъ», замѣтилъ Кузьма.

— «Спросите у Сопрона: я ему привезъ «знакъ» отъ боровичанскаго старосты, который сидитъ теперь въ Кіевѣ, въ тюрьмѣ. Или, можетъ быть, вы и Сопрону не вѣрите?»

— «Если бы я не вѣрилъ Сопрону, то совсѣмъ не пришелъ бы сюда. А васъ я первый разъ вижу». Помолчавъ немного, Кузьма спросилъ: «Давно вы знаете Дмитрія Ивановича?»

Только послѣ ряда отвѣтовъ съ моей стороны недовѣріе Кузьмы поколебалось, и онъ сталъ откровеннѣе.

Положеніе этихъ двухъ старостъ (оба они были старостами въ организаціи) было крайне печальное. Они должны были скрываться отъ полиціи и отъ «актовиковъ», знавшихъ ихъ въ лицо, конечно, а въ то же самое время заботиться о пропитаніи. Я много видалъ нелегальныхъ (т. е. скрывающихся) среди революціонеровъ, да и самъ уже нѣсколько лѣтъ (съ осени 73 года) находился въ этомъ званіи, но сравнивать свое положеніе съ ихъ рѣшительно было невозможно. Безъ денегъ, безъ паспортовъ, окруженные измѣнниками «актовиками», они, точно лѣсные звѣри, гонимые сворою гончихъ

*) Стефановичъ.

собакъ, убѣгали отъ преслѣдованій и, какъ лѣсные же звѣри, совершали роковые круги около мѣста своей родины, не рѣшаясь бѣжать дальше за неимѣніемъ средствъ и каждую минуту рискуя попасть на ловца.

Я имъ сдѣлалъ предложеніе бѣжать пока вмѣстѣ съ нами въ Кіевъ, и они согласились. Мы рѣшили, не откладывая, на другой же день пуститься въ путешествіе.

Наканунѣ отъѣзда весь вечеръ мы провели въ составленіи списка семей, болѣе другихъ нуждавшихся въ помощи и въ распредѣленіи денегъ, имѣвшихся у насъ для этой цѣли. Кузьма съ Корніемъ, само собою разумѣется, принимали въ этомъ обсужденіи самое живое участіе. Деньги оставлены были Сопрону для раздачи по принадлежности.

На слѣдующее утро еще было темно, когда мы всѣ вышли изъ хаты Сопрона и направились къ берегу. Сопронъ насъ проводилъ до лодки. Мы вчетверомъ усѣлись свободно, такъ какъ наша лодка при нуждѣ могла поднять даже десятокъ человѣкъ. Вѣтеръ былъ попутный, съ юга; мы оттолкнули лодку отъ берега, распустили парусъ и поплыли вверхъ по рѣкѣ.

Во время пути, само собою разумѣется, мы много бесѣдовали по разнымъ вопросамъ, но особенно часто сводились наши разговоры на чигиринскія дѣла. Корній своимъ простымъ умомъ не могъ понять того, зачѣмъ членамъ «Тайной Дружины» надо было запасаться оружіемъ (дружинникъ, по уставу, долженъ былъ имѣть пику). «Развѣ намъ доведется воевать съ москалями?» спрашивалъ онъ. «Если царь хочетъ передѣлить землю, то сдѣлаетъ это безъ всякой войны. Не пойдутъ же москали противъ воли царя?» Соображенія были просты и логичны. Но Кузьма возражалъ товарищу. Онъ высказалъ мнѣніе, что царь одинъ безсиленъ сдѣлать что нибудь, такъ какъ много есть враговъ, мѣшающихъ ему и что поэтому крестьянамъ нужно заботиться самимъ о себѣ.

Въ примѣръ того, какъ много есть враговъ, Кузьма привелъ «актовиковъ». «Развѣ наши актовики не идутъ теперь противъ воли царя?» говорилъ онъ. «Пусть бы самъ царь пріѣхалъ и сказалъ имъ отдать землю, которую они заграбили, думаете—отдадутъ? А попробуйте передѣлить землю въ Полтавщинѣ, думаете—казаки согласятся? Знаю я этихъ казаковъ!» воскликнулъ Кузьма, и въ голосѣ его зазвучала ненависть. «Не разъ ходилъ я на полтавскую сторону и толковалъ съ ними. Сначала никакъ не могъ понять, отчего это люди не соглашаются? Потомъ уже только разобралъ: сами они бѣды не знаютъ, такъ имъ и земли дѣлить не надо. Потомъ я уже зналъ; бывало только спросишь: ты—козакъ?—Козакъ! А если ты козакъ, то съ тобой мнѣ и говорить не о чемъ. Что же съ такимъ народомъ подѣлаетъ царь? Пока у нихъ изъ горла не вырвешь—сами не отдадутъ».

Кузьма говорилъ съ такимъ жаромъ и сознаніемъ своей правоты, что Корній даже не пытался ему возражать.

Чѣмъ больше я приматривался къ Кузьмѣ, тѣмъ онъ мнѣ больше нравился. Онъ обладалъ сильнымъ умомъ и страстностью къ дѣлу, проглядывавшей въ каждомъ его словѣ и жестѣ. На ряду съ тѣмъ, казалось, трудно было найти человѣка болѣе деликатнаго въ вопросахъ, касающихся лично его; дѣтскою стыдливостью вѣяло отъ него въ тѣ минуты, когда ему дѣлалось какое нибудь ничтожнѣйшее одолженіе. То была натура идейная въ полномъ смыслѣ слова. Къ сожалѣнію, однако, вѣра въ царя служила базисомъ для его міровоззрѣній; точно къ богу, которому Кузьма молился по утрамъ, относился онъ къ царю. Вслѣдствіе этого я не могъ стать съ нимъ въ прямыя, искреннія отношенія и, само собою разумѣется, онъ это долженъ былъ сразу почувствовать. Я не рѣшался высказываться передъ нимъ и вынужденъ былъ замолкать всякій разъ, какъ только рѣчь заходила о царѣ. Это сильно мѣшало нашему сближенію.

Тогда у меня явилась мысль познакомить Кузьму съ дѣдомъ Федемъ, Нечипоромъ и другими моими пріятелями, которые, какъ я полагалъ, сумѣютъ лучше и быстрѣе, чѣмъ я, повліять на міровоззрѣніе Кузьмы. Мужикъ мужику скорѣе повѣритъ, думалъ я, и чѣмъ больше останавливался на этой мысли, тѣмъ она мнѣ казалась справедливѣе. Уже мысленно я представлялъ себѣ Кузьму въ средѣ моихъ пріятелей-крестьянъ; ужъ я мечталъ о томъ, какъ Кузьма передѣлается въ сознательнаго революціонера и вмѣстѣ съ другими примется работать для созданія революціонной крестьянской организаціи. Но это все оказались однѣ мечты. Жизнь распорядилась по своему.

Кузьма съ Корніемъ и Н* приплыли въ Кіевъ дней за шесть до Пасхи. Я прибылъ значительно раньше ихъ, такъ какъ изъ Черкассъ до Кіева проѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Кузьма и Корній задумали говѣть и принялись шататься по кіевскимъ монастырямъ. Въ монастыряхъ встрѣчался и я съ ними, такъ какъ ко мнѣ на квартиру (въ Афанасьевскомъ Яру) приходить имъ было не совсѣмъ удобно. Однако Пасху мы встрѣтили вмѣстѣ на моей квартирѣ. Для этого случая, помню, Валеріанъ купилъ даже образъ и повѣсилъ передъ нимъ лампадку. Затѣмъ я условился съ ними относительно слѣдующаго свиданія, снабдилъ ихъ всѣмъ нужнымъ, и они уѣхали изъ Кіева.

Но видѣться съ ними мнѣ не удалось. Скоро какъ-то получилось извѣстіе, что оба они арестованы и привезены въ кіевскій тюремный замокъ. Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ они были арестованы—сказать не умѣю.

———

XX

Побѣгъ изъ кіевской тюрьмы. Убійство жандармскаго офицера Гейкинга.

Съ наступленіемъ весны сношенія съ тюрьмою еще болѣе оживились. Нашъ «Голубь» то и дѣло таскалъ взадъ и впередъ конспиративные пакетики и получалъ отъ Осинскаго свои рублевки. Михайло Фроленко сдѣланъ былъ надзирателемъ на «политическомъ отдѣленіи» и пользовался у смотрителя тюрьмы репутаціей весьма примѣрнаго служащаго. Но на этомъ пока дѣло ограничивалось и дальше не шло. Надзиратель существенной пользы для побѣга оказать не могъ, такъ какъ смѣнами, которыми думали воспользоваться, завѣдывалъ ключникъ; между тѣмъ ключникомъ былъ пьяница Пономаренко, съ которымъ ни въ какія соглашенія вступать было невозможно.

Первымъ кандидатомъ на должность ключника—разъ она оказалась бы вакантной — являлся нашъ Михайло, къ которому смотритель относился съ довѣріемъ; поэтому рѣшено было принять всѣ мѣры для удаленія Пономаренко изъ тюрьмы, и за осуществленіе этого дѣла взялся я.

Одѣвшись по возможности щеголевато, чтобы придать себѣ видъ настоящаго барина, вмѣстѣ съ Н*, который теперь изображалъ лакея, мы заняли два номера въ одной изъ болѣе порядочныхъ гостинницъ на Подолѣ, и Н* отправился позвать ко мнѣ Пономаренко. Я уже говорилъ раньше, что ключникъ и надзиратели были вольнонаемные и жили на своихъ (частныхъ) квартирахъ. Само собою разумѣется, что мы знали адресъ Пономаренко, равно какъ и многія подробности изъ его прошлой и настоящей жизни. Пономаренко служилъ раньше у кіевскаго фабриканта, нѣкоего Шапиры, и я теперь звалъ его къ себѣ подъ тѣмъ предлогомъ, будто мнѣ его рекомендовалъ этотъ Шапира. Въ тотъ же вечеръ Пономаренко явился въ

гостинницу. То былъ лѣтъ 40 отставной солдатъ, съ молодости запуганный дисциплиной и на всю жизнь сохранившій глупый растерянный видъ, и мнѣ оказалось совсѣмъ не труднымъ его одурачить. Я ему сказалъ, что имѣю въ Подольской губерніи возлѣ города Винницы, собственный винокуренный заводъ и нуждаюсь въ хорошемъ приказчикѣ; что фабрикантъ Шапира рекомендовалъ мнѣ его, Пономаренко, какъ исполнительнаго человѣка и поэтому я желаю, чтобы онъ поступилъ ко мнѣ на службу. Не безъ умысла была пущена въ ходъ выдумка, что я обладалъ винокуреннымъ, а не какимъ либо другимъ заводомъ. Пономаренко былъ страшный пьяница (объ этомъ намъ сообщали изъ тюрьмы), и я надѣялся, что моя винокурня окажетъ на него магическое дѣйствіе. Я предложилъ ему плату 25 руб. въ мѣсяцъ, и такъ какъ въ тюрьмѣ получалъ онъ всего 15, то само-собою разумѣется, онъ не устоялъ отъ всѣхъ этихъ соблазновъ. Онъ охотно принялъ предложеніе, согласившись немедленно уволиться со службы въ тюрьмѣ. Подъ предлогомъ будто я очень тороплюсь съ своимъ отъѣздомъ изъ Кіева, я приказалъ ему явиться ко мнѣ на другой день съ паспортомъ для заключенія съ нимъ письменнаго условія. Мнѣ было извѣстно, что его паспортъ, равно какъ и другихъ служащихъ при тюрьмѣ, сохранялся у смотрителя, и онъ его могъ получить оттуда не иначе, какъ отказавшись отъ службы. На слѣдующій день Пономаренко добился увольненія и принесъ мнѣ свою солдатскую отставку. Тогда я, взявши эту отставку, далъ ему въ задатокъ 10 рублей и сдѣлалъ съ нимъ маленькое письменное условіе, или точнѣе, просто выдалъ ему росписку въ томъ, что его паспортъ (отставка) взятъ мною на сохраненіе. Послѣ того я ему сообщилъ, что ѣду по дѣламъ на короткое время въ городъ Нѣжинъ, откуда, возвратившись, возьму-де, его съ собою, и мы вмѣстѣ отправимся въ мою винокурню. Въ ожиданіи моего возвращенія изъ Нѣжина, я приказалъ ему эти дни заняться

подыскиваніемъ плотниковъ, въ которыхъ будто бы имѣлась нужда на винокурнѣ.

Такимъ образомъ, дѣло было улажено, и на другой день вечеромъ мы съ Н* выѣхали уже изъ гостинницы, направляясь къ вокзалу, будто бы для отъѣзда изъ Кіева.

Расчетъ оказался вѣрнымъ: какъ только мѣсто ключника въ тюрьмѣ сдѣлалось вакантнымъ, смотритель назначилъ на эту должность Фроленко. Тогда поднялась у насъ невообразимая суета. Побѣгъ могъ совершиться всякій день, и приходилось торопиться заготовить все нужное. Самый безопасный путь былъ — бѣжать въ лодкѣ по Днѣпру до г. Кременчуга, откуда уже можно было ѣхать по желѣзной дорогѣ въ разныя стороны. Въ этомъ направленіи мы и занялись приготовленіями: одни закупали съѣстные припасы, другіе — одежду, третьи — торговали лошадь и телѣгу, на которой предполагалось провезти бѣглецовъ отъ тюрьмы до берега Днѣпра.

Между тѣмъ въ самый разгаръ этихъ заготовленій на улицахъ Кіева совершилась страшная трагедія. Я уже говорилъ, что террористы, Осинскій и ближайшіе его друзья, рѣшили убить двухъ правительственныхъ лицъ: прокурора Котляревскаго и жандармскаго офицера Гейкинга. На жизнь Котляревскаго сдѣлано было покушеніе; теперь оставалась очередь за Гейкингомъ. И вотъ, въ то самое время, какъ велись вышеупомянутыя приготовленія къ побѣгу, нѣсколько человѣкъ непрерывно слѣдили за Гейкингомъ, и наконецъ 25 мая его убили. Исполнителемъ рѣшенія оказался въ этотъ разъ Попко.

Вооруженный двумя револьверами и кинжаломъ, Попко настигъ Гейкинга на углу Крещатика и Бульварной, возвращавшагося домой изъ какого-то кафешантана. Было часовъ 11 или 12 ночи. Съ нимъ, кажется, шелъ редакторъ газеты «Кіевлянинъ» — Шульгинъ. Нагнавши ихъ, Попко ударилъ Гейкинга кинжаломъ въ поясницу и побѣжалъ вверхъ

по Бульварной улицѣ по направленію къ гимназіи. Гейкингъ упалъ, крича о помощи. Шульгинъ тоже побѣжалъ. Между тѣмъ, какой-то человѣкъ загородилъ дорогу Попко, такъ что тотъ, чтобы очистить себѣ путь, долженъ былъ въ него выстрѣлить. На выстрѣлъ, не причинившій, впрочемъ, никому вреда, стали сбѣгаться люди. Сзади погнался полицейскій, свистя тревогу; спереди, отъ гимназіи, другой полицейскій бросился къ нему на встрѣчу; съ одного изъ сосѣднихъ домовъ наперерѣзъ выскочилъ дворникъ. Положеніе Попко было отчаянное. Дворникъ оказался до того близокъ къ нему, что разставилъ уже руки, чтобы его схватить. Тогда Попко остановился. Раздался второй выстрѣлъ, и дворникъ, смертельно раненый въ грудь, упалъ на землю; вслѣдъ за тѣмъ, Попко сдѣлалъ еще третій выстрѣлъ въ полицейскаго, подбѣжавшаго къ нему сверху, и ранилъ его въ ногу. Полицейскій упалъ, а Попко своротилъ съ Бульварной улицы влѣво и побѣжалъ по мало освѣщенной уличкѣ, недавно передъ тѣмъ проложенной возлѣ Университетской площади, гдѣ въ то время только-что ра битъ былъ паркъ. Пробѣжавши нѣкоторое разстояніе, онъ перелѣзъ черезъ ограду и здѣсь прилегъ. Но было ли то пустое мѣсто, или строющійся домъ, какъ разсказывается въ «Біографіи Попко», *) не берусь утверждать. Вскорѣ показалась погоня: нѣсколько человѣкъ и полицейскихъ съ фонарями пробѣжали улицей мимо него. Попко, передававшій мнѣ на слѣдующій день подробности этой ужасной ночи, разсказывалъ, что онъ чувствовалъ въ ту минуту такую полную физическую разбитость, что, если бы тогда замѣтили его, лежавшаго въ сторонѣ, и подошли арестовать, онъ, вѣроятно, не оказалъ бы уже никакого сопротивленія. Но погоня съ фонарями пробѣжала мимо, и Попко, нѣсколько отдохнувши, незамѣтно удалился оттуда.

---

*) См. «Съ Родины на Родину» №3, женевское изд.

Дворникъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ; Гейкингъ — дня черезъ два. Полицейскій отдѣлался только раной.

На слѣдующій день я пошелъ посмотрѣть мѣсто, гдѣ происходила вышеописанная сцена. Здѣсь, на Бульварной улицѣ, почти противъ самой улички, куда побѣжалъ Попко (не помню теперь ея названія), я увидѣлъ полицейскаго, ходившаго взадъ и впередъ около небольшой кучки кирпичей, разставленныхъ на землѣ, которыми огорожены были слѣды крови. Полицейскій поставленъ былъ стеречь эти слѣды крови.

Въ публикѣ передавались разные слухи по поводу событія и между прочимъ сообщались примѣты преступника; разсказывали, будто онъ былъ высокаго роста, сильно сложенъ и съ большой бородой. Попко, дѣйствительно, былъ нѣсколько выше средняго роста, но очень слабо сложенъ; что касается до бороды, то у него ея почти совсѣмъ не было.

Остановившись въ сторонѣ, возлѣ тополей, росшихъ по бульвару, я смотрѣлъ издали на эти кирпичи, огораживающіе слѣды крови, и въ моемъ воображеніи живо воскресали всѣ подробности событія, происходившаго здѣсь ночью. И въ этотъ разъ, какъ послѣ покушенія на жизнь Котляревскаго, я опять ощутилъ тяжелое, давящее чувство; но въ этотъ разъ я уже совершенно ясно созналъ для себя свою неспособность къ террористическимъ дѣламъ и принялся анализировать свои чувства. Была ли это у меня простая боязнь крови? Странно: революціи безкровной, конечно, я никогда не рисовалъ себѣ; напротивъ, по моему, должны были пролиться рѣки крови. Но и цѣлыя рѣки крови, пролитой народнымъ возстаніемъ, не рисовались моему воображенію такими ужасными, какъ представлялись мнѣ теперь эти незначительныя кровяныя пятна, огороженныя кирпичами и остерегаемыя будочникомъ. Или, можетъ быть, мнѣ такъ казалось только потому, что въ дѣйствительности я не видѣлъ ни рѣкъ крови, ни самого воз-

станія?! Но знаю; но повторяю, въ ту минуту я почувствовалъ свою полную негодность къ террору.

Два дня послѣ убійства Гейкинга поздно ночью постучались съ улицы въ мое окно. Я отперъ калитку; это былъ Фроленко.

— «Ну, что? какъ?» засыпалъ я его вопросами.

— «Бѣжали», отвѣчалъ онъ, входя въ комнату своей развалистой походкой.

— «Какъ?»

— «Какъ предполагали, такъ и случилось. Подпоили надзирателей; они уснули. Я отперъ камеры и вывелъ ихъ. У тюремныхъ воротъ часовой окликнулъ; я сказалъ, что смѣна, и онъ пропустилъ насъ».

Я слушалъ Фроленко и почти не вѣрилъ ему. Такъ вышло все необыкновенно просто и удачно. Я слѣдилъ за нимъ во время разсказа, но не подмѣтилъ ни малѣйшаго волненія въ его лицѣ, только глаза его нѣсколько горѣли. Мнѣ хотѣлось задать ему бездну вопросовъ, но я не нашелся съ чего начать свои разспросы. Все какъ-то спуталось въ моей головѣ. Наконецъ я обратился къ нему съ вопросомъ, о которомъ меньше всего думалъ въ ту минуту, а именно, я его спросилъ, далеко ли онъ ихъ проводилъ?

— «До Днѣпра. Ну, братъ, и лошадь же ты купилъ!» замѣтилъ онъ. «Я всю дорогу колотилъ ее: не хотѣла бѣжать. До сихъ поръ рука болитъ отъ битья... Однако, дай ножницы: надо обстричь бороду, что-ли».

И Михайло занялся передѣлкою своей физіономіи.

Само собою разумѣется, что послѣ этого кіевская полиція и жандармы, какъ говорится, встали на дыбы. Такихъ два крупныхъ событія—убійство и побѣгъ—совершились почти одновременно; это было уже черезчуръ. Поднялись страшные поиски по городу. Движеніе полиціи мы сразу замѣтили. На второмъ этажѣ, какъ разъ надъ квартирой, занимаемой

нами, жили какія-то двѣ дѣвушки, кажется, курсистки, а во флигелѣ — въ нашемъ же дворѣ — помѣщался студентъ. И вотъ, я видѣлъ черезъ окно, какъ въ нашъ дворъ направился квартальный, а вслѣдъ за тѣмъ у насъ надъ головами послышались тяжелые не женскіе шаги. Полиція производила осмотръ неблагонадежныхъ квартиръ. Но почему мои сосѣдки оказались неблагонадежными?—этотъ вопросъ могла разрѣшить развѣ одна кіевская полиція. Квартальный заглянулъ, конечно, и во флигель къ студенту, но и тамъ не нашлось ни убійцы Гейкинга, ни Стефановича съ Дейчемъ и Бохановскимъ, ни знаменитаго ключника. Стефановичъ съ своими товарищами плыли въ это время по Днѣпру въ лодкѣ уже далеко отъ Кіева, а ключникъ вмѣстѣ съ Попко спокойно сидѣли у насъ на квартирѣ. Наша квартира въ Афанасьевскомъ Яру, гдѣ сохранялась также и небольшая наборная (шрифты и другія типографскія принадлежности), которую мы успѣли завести, оказывалась, такимъ образомъ, настоящимъ революціоннымъ притономъ. Нанималъ я ее по подложному документу, составленному на вымышленное имя якобы отставного канцелярскаго служителя изъ летичевскаго *) полицейскаго управленія. Документъ этотъ былъ засвидѣтельствованъ въ участкѣ, и никому изъ властей и шпіоновъ не закрадывалась даже мысль въ голову, что за этимъ документомъ скрывался государственный преступникъ.

Спустя нѣкоторое время была набрана коротенькая прокламація и оттиснута при помощи простой щетки (такъ какъ въ нашемъ распоряженіи не было станка). Прокламація, состоявшая всего изъ трехъ или четырехъ строкъ, гласила только, что какъ убійство Гейкинга, такъ и побѣгъ изъ Кіевской тюрьмы были организованы по распоряженію Исполнительнаго Комитета; внизу подъ этими строками приложена

---

*) Летичевъ—уѣздный городъ Подольской губ.

была печать, и въ такомъ видѣ прокламація была расклеена въ нѣсколькихъ южныхъ городахъ.

Еще нѣсколько дней послѣ того переслана была изъ другого города солдатская отставка бѣдному Пономаренко съ письмомъ, гдѣ его увѣдомляли, что больше не нуждаются въ немъ, такъ какъ мѣсто приказчика при винокурнѣ занялъ другой. Чтобы облегчить немного ударъ при отставкѣ приложено было еще 15 рублей.

Такъ закончились предпріятія Исполнительнаго Комитета, имѣвшія непосредственную связь и вызванныя Чигиринскимъ дѣломъ. Два правительственныхъ лица, принимавшихъ главное участіе въ арестахъ и слѣдствіи по этому дѣлу, были наказаны революціонерами; главные обвиняемые бѣжали изъ тюрьмы. Теперь властямъ ничего другого не оставалось, какъ направить свои обвиненія противъ второстепенныхъ лицъ крестьянъ, являвшихся въ данномъ дѣлѣ орудіемъ въ рукахъ иниціаторовъ.

Къ числу второстепенныхъ обвиняемыхъ по Чигиринскому дѣлу, принадлежалъ, между прочимъ, и Владиміръ Малавскій, объ арестѣ котораго я упоминалъ въ своемъ мѣстѣ. Онъ сидѣлъ въ одной камерѣ съ Бохановскимъ и, само собою разумѣется, не представлялось особенной трудности бѣжать и ему вмѣстѣ съ другими. Но всѣ товарищи, и самъ онъ, были увѣрены, что его оправдаютъ по Чигиринскому дѣлу, а потому излишнимъ казалось прибѣгать къ такому крайнему средству, какъ побѣгъ изъ тюрьмы. Въ самомъ дѣлѣ, все преступленіе Малавскаго и всѣ улики противъ него сводились лишь къ тому, что онъ былъ арестованъ на той квартирѣ, гдѣ Стефановичъ имѣлъ свиданіе съ чигиринцами. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что онъ не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ; да и не могъ принимать, такъ какъ не зналъ даже о существованіи самаго дѣла, съ которымъ уже только въ тюрьмѣ познакомился.

Однако, въ 1879 году, когда правительствомъ пущены были въ ходъ всѣ мѣры для подавленія революціоннаго движенія, Малавскій былъ приговоренъ кіевской уголовной палатой къ 6-ти годамъ каторги. Но и этого оказалось мало: сенатъ кассировалъ рѣшеніе палаты и присудилъ Малавскаго не болѣе не менѣе какъ къ 20-ти годамъ каторжныхъ работъ!!

Такимъ образомъ, Малавскій, ни въ какихъ революціонныхъ дѣлахъ не принимавшій участія, будучи арестованъ на квартирѣ своего товарища по гимназіи, скрывавшагося отъ полиціи (я воспитывался въ одной гимназіи съ Малавскимъ), только за это одно былъ приговоренъ къ 20-ти годамъ каторги. Само сомою разумѣется, что мириться съ этимъ рѣшеніемъ онъ не хотѣлъ и по пути слѣдованія въ Сибирь, именно въ Красноярскѣ, сдѣлалъ попытку къ побѣгу: но, къ несчастью, былъ пойманъ. Сибирскія власти вскорѣ составили о немъ понятіе, какъ объ опасномъ и неспокойномъ человѣкѣ, и послѣ бунта на Карѣ, въ числѣ другихъ главарей, онъ былъ пересланъ изъ Сибири въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ, спустя нѣкоторое время, умеръ отъ чахотки.

Участь, постигшая Владиміра Евгеньевича Малавскаго заслуживаетъ особеннаго вниманія: арестовали его по ошибкѣ или по недоразумѣнію—и потомъ замучили до смерти единственно за то, что во время своего тюремнаго заключенія, онъ, не считая себя ни въ чемъ виноватымъ, держался рѣзко со властями.

XXI.

Извѣстность «Исполнительнаго Комитета». Одесса послѣ казни Ковальскаго. Къ вопросу о революціонныхъ программахъ.

Итакъ, кіевскій періодъ дѣятельности «Исполнительнаго Комитета» окончился. Ивичевичъ, Фроленко, Осинскій, Попко

разъѣхались. Ивичевичъ Иванъ уѣхалъ, кажется, въ Харьковъ; Осинскій и Попко—въ Одессу, гдѣ въ это время готовился военный судъ надъ Ковальскимъ, Свитычемъ и друг., оказавшими вооруженное сопротивленіе при арестѣ, и гдѣ задумано было организовать уличную демонстрацію во время суда.

Вслѣдствіе болѣзни отца и брата Ивана я запоздалъ и пріѣхалъ въ Одессу только въ августѣ мѣсяцѣ, уже послѣ казни Ковальскаго. Блѣдныя лица товарищей свидѣтельствовали о тѣхъ страшныхъ впечатлѣніяхъ, что пришлось имъ пережить за эти дни. Во время суда, на улицахъ произошли безпорядки, окончившіеся тѣмъ, что двое изъ публики были убиты, и нѣсколько человѣкъ ранено, послѣ чего начались, конечно, аресты. Около этого времени арестованъ былъ, между прочимъ, Сергѣй Чубаровъ, членъ нашего кружка; онъ пытался стрѣлять во время ареста, но жандармы успѣли его обезоружить. Среди дня на улицѣ схваченъ былъ Давиденко, о которомъ я упоминалъ, разсказывая, какъ мы очищали квартиру Стефановича. Теперь, въ свою очередь, пришлось очищать квартиру Давиденко, гдѣ сохранялся, какъ намъ было извѣстно, ящикъ съ динамитомъ. По примѣру Рахальскаго, мы проникли въ квартиру подъ видомъ родственниковъ и увезли ящикъ. Здѣсь я первый разъ видѣлъ динамитъ; онъ имѣлъ форму шести или восьмиугольныхъ плитокъ желтоватаго цвѣта. Динамитъ этотъ, насколько мнѣ извѣстно, перевезенъ былъ потомъ въ Кіевъ и тамъ былъ взятъ жандармами, кажется, при обыскѣ у Гобста, судимаго за это и повѣшеннаго въ 1879 году.

Послѣ уличныхъ безпорядковъ въ Одессѣ, обыски и аресты приняли повальный характеръ. Тюремный замокъ наполнился, и для содержанія политическихъ пришлось занять участки и даже, если не измѣняетъ мнѣ память, часть зданія жандармской команды. Шпіоны и переодѣтые жандармы рыскали по

улицамъ Одессы не меньше, чѣмъ это было въ Кіевѣ. «Исполнительный Комитетъ» въ это время былъ уже настолько извѣстенъ у насъ на югѣ, что въ Одессѣ, напримѣръ, какіе-то жулики нашли выгоднымъ пустить въ ходъ подметныя письма къ извѣстнымъ лицамъ отъ имени «Исполнительнаго Комитета» съ вымогательствомъ денегъ. Валеріанъ Осинскій, узнавшій объ этомъ откуда-то, предложилъ издать протестъ противъ этихъ подметныхъ писемъ, и, насколько помню, въ такомъ родѣ было напечатано заявленіе отъ «Исполнительнаго Комитета» и расклеено по улицамъ.

Нужно, однако, прибавить, что «Исполнительный Комитетъ» обратилъ на себя вниманіе не только на югѣ; свидѣтельствуетъ это, какъ нельзя болѣе, нижепомѣщенное письмо шефа жандармовъ Мезенцева къ министру внутреннихъ дѣлъ Макову. Вотъ текстъ письма:

Совершенно секретно.

«III Отдѣленіе. 20 іюля 1878 г.

Милостивый Государь Левъ Савичъ!

Въ силу доходящихъ до Высочайшаго свѣдѣнія извѣстій о распространеніи дѣятельности подпольнаго соціалистическаго кружка, избравшаго театромъ своихъ дѣйствій города: Кіевъ, Харьковъ и Одессу, именующагося «Исполнительнымъ Комитетомъ русской соціально-революціонной партіи», государю императору благоугодно было повелѣть назначить подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Валуева изъ Г.г. министровъ Военнаго, Юстиціи, Вашего Превосходительства и меня— особое совѣщаніе для обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя необходимо принять, дабы остановить развитіе зла, столь вреднаго для государственнаго порядка.

Исполняя симъ Высочайшую волю, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что я бы полагалъ необходимымъ собраться для совѣщанія сего 27-го іюля, на которомъ раз-

смотрѣть рѣшеніе Одесскаго Военнаго Окружнаго Суда по дѣлу Ковальскаго.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Н. Мезенцевъ».

Какъ видно изъ этого письма, участь Ковальскаго была рѣшена на совѣщаніи министровъ 27 іюля, и 2-го августа онъ былъ разстрѣлянъ въ Одессѣ. То была первая смертная казнь. Черезъ два дня послѣ того въ Петербургѣ на улицѣ былъ убитъ Мезенцевъ.

Пріѣхалъ я въ Одессу, какъ уже упоминалъ выше, послѣ казни Ковальскаго, и засталъ здѣсь необыкновенное возбужденіе умовъ; всѣ пылали мщеніемъ; одни находили нужнымъ отомстить прокурору, обвинявшему по дѣлу Ковальскаго, другіе— предсѣдателю суда. Осинскій высказывался за убійство генерала Семеки (градоначальника Одессы). И такъ какъ все это говорилось и проектировалось не болтунами, а людьми дѣла, то можно было ожидать, что борьба закипитъ на жизнь или смерть.

Между тѣмъ и власти съ своей стороны тоже не дремали. Шпіоны бѣгали по нашимъ слѣдамъ, и то и дѣло производились аресты. Помню, собрались мы въ одной пивной, недалеко отъ Соборной площади. Попко, Лизогубъ, Осинскій и еще нѣсколько другихъ лицъ усѣлись кругомъ стола въ отдѣльной комнатѣ. Вдругъ, дверь отворилась, и заглянулъ какой-то субъектъ. Одинъ изъ товарищей объявилъ, что заглянулъ въ комнату извѣстный одесскій сыщикъ, и трое изъ насъ, нелегальные—Коваленская, Осинскій и я—немедленно ушли изъ пивной. Покруживши по городу нѣкоторое время, чтобы сбить съ пути шпіоновъ, если таковые вздумали за нами слѣдить, съ наступленіемъ сумерекъ я и Коваленская направились къ дому Новицкаго. Это большое четырехъ-этажное зданіе тянулось на цѣлый кварталъ и одной своей сто-

роной упирало въ глубокій оврагъ. На его фасадѣ по сторонамъ возвышались двѣ надстройки, имѣвшія форму башенъ, въ одной изъ которыхъ занимали квартиру наши пріятели, Попко и другіе, почему и самый ихъ кружокъ носилъ названіе среди насъ «башенцевъ». Желательно было узнать, чѣмъ окончилось появленіе сыщика въ пивной, и мы отправились къ Попко. Но, сознавая опасность положенія, я рѣшилъ одинъ подняться въ башню. И вотъ, войдя на четвертый этажъ, я прошелъ корридоромъ до крутой, деревянной лѣсенки, ведшей на башню, и сталъ было уже подниматься по ней, какъ вдругъ, поднявъ голову, увидѣлъ вверху при свѣтѣ лампы двѣ или три спины, одѣтые въ бѣлые кителя. Тогда съ лѣсенчки я прямо спрыгнулъ въ корридоръ и быстро побѣжалъ назадъ. Сзади меня раздался шумъ погнавшихся за мною жандармовъ. Но я помчался внизъ по лѣстницамъ съ невѣроятной быстротой; жандармы стали отставать: звонъ шпоръ, вначалѣ рѣзкій, слышался постепенно все слабѣе и слабѣе. Выскочивъ изъ дому, я схватилъ Коваленскую подъ руку; мы перебѣжали черезъ улицу на противоположную сторону и здѣсь медленно двинулись по тротуару. Нѣсколько мгновеній спустя на улицу выскочилъ жандармъ. Оглянувшись по сторонамъ, онъ бросился за уголъ дома къ оврагу, гдѣ, по его предположенію, долженъ былъ скрыться бѣглецъ.

Такъ въ этотъ разъ намъ удалось избѣжать ареста. Оказалось, что вскорѣ послѣ нашего ухода изъ пивной, туда явилась полиція и всѣхъ арестовала. Компанія арестованныхъ, среди которыхъ были Лизогубъ и Попко, отведана была въ участокъ; послѣ чего начались, само-собою разумѣется, обыски по квартирамъ арестованныхъ и мы какъ разъ угодили на одинъ изъ нихъ.

Оставаться дольше въ Одессѣ было невозможно; шпіоны знали насъ въ лицо: трудно было показаться на улицу, мы надумались опять перебраться въ Кіевъ. Но напрасно бѣгали

мы изъ Кіева въ Одессу, изъ Одессы въ Кіевъ; дни наши были сочтены; борьба, поднятая такъ смѣло небольшой горстью людей, должна была кончиться пораженіемъ. Погромъ южныхъ террористовъ, начавшійся въ 78 году, закончился въ началѣ 79 года. 11-го февраля 1879 года арестовань былъ и я.

Я разсказалъ въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе все, что могло представлять какой-либо интересъ для исторіи нашего движенія, и чему я самъ былъ свидѣтелемъ или въ чемъ принималъ самъ участіе. На моихъ глазахъ совершился поворотъ въ движеніи; я видѣлъ первые опыты террористовъ, видѣлъ зарожденіе «Исполнительнаго Комитета», пріобрѣвшаго въ скоромъ времени такую грозную славу. Въ заключеніе мнѣ остается только прибавить, что событій террористическаго характера за этотъ короткій періодъ времени (78 и начало 79 года) случилось несравненно больше, чѣмъ я описываю. Но такъ какъ многихъ изъ нихъ я не былъ свидѣтелемъ, то поэтому не разсказываю о нихъ; постараюсь перечислить ихъ.

Въ январѣ 1878 года произошло покушеніе на жизнь Трепова; почти одновременно съ этимъ случилось вооруженное сопротивленіе при арестѣ кружка Ковальскаго въ Одессѣ; въ февралѣ мѣсяцѣ былъ убитъ шпіонъ Никоновъ въ Ростовѣ на-Дону; вслѣдъ за тѣмъ сдѣлано было покушеніе на жизнь прокурора Котляревскаго въ Кіевѣ, и появилась первая прокламація «Исполнительнаго Комитета». Въ мартѣ въ Петербургѣ происходитъ демонстрація возлѣ суда послѣ оправданія Засуличъ (которую жандармы рѣшили арестовать). Въ апрѣлѣ въ Петербургѣ совершается вторая демонстрація и панихида по Сидорацкомъ, убитомъ жандармами во время уличныхъ безпорядковъ (послѣ оправданія Засуличъ). Въ маѣ—убійство жандармскаго капитана Гейкинга въ Кіевѣ и бѣгство изъ кіевской тюрьмы. Въ іюлѣ возлѣ Харькова вооруженная попытка освобожденія Войнаральскаго, перевозимаго въ цен-

тральную тюрьму (при чемъ былъ убитъ одинъ жандармъ). Въ томъ же мѣсяцѣ уличные безпорядки въ Одессѣ, во время суда надъ Ковальскимъ. Въ августѣ разстрѣлянъ Ковальскій въ Одессѣ, а два дня спустя въ Петербургѣ убитъ шефъ жандармовъ Мезенцевъ. Въ концѣ августа побѣгъ изъ кіевской тюрьмы Избицкаго и Беверлея, во время котораго Беверлей былъ убитъ. Въ октябрѣ 78 года вооруженное сопротивленіе Колѣнкиной въ Петербургѣ; въ декабрѣ вооруженное сопротивленіе Дубровина въ Старой-Руссѣ; Сентянина—въ Харьковѣ; Бобохова—въ Архангельской губ. Въ февралѣ 79 года происходитъ убійство губернатора Кропоткина въ Харьковѣ и, наконецъ, 11 февраля вооруженное сопротивленіе въ Кіевѣ на Жилянской улицѣ.

Такъ слѣдовали одно за другимъ кровавыя событія, совершенно измѣнившія въ концѣ концовъ характеръ нашего революціоннаго движенія. Народничество было забыто, заброшено, отодвинуто куда-то на десятый планъ, на сцену выступилъ терроръ.

Но чѣмъ больше уходило наше движеніе въ терроръ, тѣмъ лично я все дальше и дальше становился къ нему, я ему не сочувствовалъ и вскорѣ сталъ даже смотрѣть на террористическую дѣятельность почти какъ на измѣну народному дѣлу. Моя народническая логика ухитрялась усматривать измѣну прежде всего въ стремленіи къ политической свободѣ, которая—по моему—была вредна, такъ какъ давала силу и значеніе только одной буржуазіи, а слѣдовательно и нужна была только для одной буржуазіи, а вовсе не для народа. Мало по малу среди насъ стали возникать принципіальные споры, которые по временамъ принимали весьма острый характеръ.

Раньше какъ-то я высказалъ мнѣніе, что жизнь организаціи направляется не столько принципами и конечными цѣлями, поставленными въ ея программѣ, сколько ежедневными

дѣлами, совершаемыми ею въ борьбѣ съ окружающими обстоятельствами. Другими словами, программы минимума оказываютъ на ходъ событій несравненно большее вліяніе, чѣмъ общія программы, такъ какъ не слова, а дѣла вліяютъ, главнымъ образомъ, на жизнь; и особенно справедливо это, мнѣ кажется, по отношенію къ жизни революціонной организаціи. Наше движеніе служитъ самымъ неопровержимымъ доказательствомъ этому.

Въ чемъ же заключалась перемѣна нашего движенія? Прежде всего она состояла въ томъ, что перенесенъ былъ фактически (т. е. дѣлами, а не программами) центръ тяжести изъ деревни въ городъ. Деревенская революція, т. е. крестьянская, о которой мы всѣ такъ страстно мечтали и въ которую такъ глубоко вѣрили въ началѣ 70-хъ годовъ, къ концу десятилѣтія была оставлена, и силы были направлены въ города, гдѣ имѣлось несравненно больше благопріятныхъ условій для революціонной дѣятельности, и гдѣ отъ этой дѣятельности предвидѣлись скорѣйшіе результаты. Но однимъ перенесеніемъ дѣятельности въ города вопросъ далеко не исчерпывался, и если бы революціонныя силы направлены были не на терроръ, то наше движеніе едва ли претерпѣло бы существенную перемѣну. Въ самомъ дѣлѣ, что произошло бы, если бы революціонеры, воротившись изъ деревень въ города, устремили свои силы, скажемъ, хоть на дѣятельность среди городскихъ рабочихъ? Вышло бы, какъ я полагаю, повтореніе того же народничества и, само собою разумѣется, съ аналогичными результатами: у насъ вопросъ былъ вовсе не въ томъ, представляла ли крестьянская масса удобную почву для пропаганды соціалистическихъ идей или нѣтъ, какъ это полагаютъ нѣкоторые, а въ томъ, что правительство наше не дозволяло совсѣмъ никакой работы ни въ деревняхъ, ни въ городахъ и своими преслѣдованіями вынудило болѣе энергичныхъ и страстныхъ направить свои силы на прямую борьбу

съ нимъ. Среди нашего крестьянства, обезземеленнаго и голоднаго, не менѣе удобно было заниматься пропагандою, какъ и среди городскихъ рабочихъ, и переходить изъ деревень въ города, ради этого совсѣмъ не стоило. Болѣе того: перемѣна эта была бы даже къ худшему настолько, насколько пришлось бы переходить отъ болѣе широкаго къ менѣе широкому полю дѣятельности. Да, наконецъ, я долженъ припомнить, что наше движеніе, поднявшееся въ городахъ (среди университетской молодежи) началось именно съ пропаганды среди рабочихъ. Но эта дѣятельность, равно какъ и дѣятельность среди крестьянства, не дала прямыхъ революціонныхъ результатовъ. Конечно, если бы удовлетворяться тѣми небольшими результатами и пользою, которую все-таки могла принести — да и приносила на самомъ дѣлѣ—эта работа, тогда другое дѣло. Но работа эта, кропотливая и медленная, носила бы характеръ скорѣе простой культурной дѣятельности, чѣмъ революціонной. Между тѣмъ, люди того поколѣнія, террористы, обладали несравнимо болѣе широкими требованіями, и — самое главное, они были революціонеры. Разсказывая о нашихъ попыткахъ создать бунтъ въ крестьянствѣ, я указывалъ на тѣ неразрѣшимыя задачи, которыя выдвигала передъ нами жизнь. Тѣ-же задачи стояли бы передъ всякимъ дѣятелемъ, задумавшимъ организовать подобную же попытку и въ городѣ. Сила правительственныхъ организацій въ современныхъ государствахъ на столько велика, что путь возстаній — какъ деревенскихъ, такъ равно и городскихъ—заранѣе обреченъ на неуспѣхъ, и баррикады являются теперь такимъ же анахронизмомъ какъ и вооруженные отряды крестьянъ. Особенно это справедливо для новыхъ городовъ, подобныхъ Петербургу, гдѣ прямыя и широкія улицы, расходящіяся радіусами (Невскій, Вознесенскій и Гороховая улица) дѣлаютъ совершенно немыслимымъ никакое уличное возстаніе. Но при современныхъ арміяхъ даже и въ такихъ городахъ, какъ Парижъ,

съ кривыми, тѣсными улицами, возстаніе едва ли можетъ привести къ успѣху, а потому и здѣсь въ послѣдніе годы соціалистическое движеніе стало принимать характеръ легальной борьбы (манифестаціи, митинги, выборы въ парламентъ и пр.); попытки же революціоннаго характера фатальнымъ образомъ сводились всѣ къ террору, т. е. отдѣльнымъ убійствамъ.

Но здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку. Сравнивая между собою террористическіе факты, мы должны будемъ ихъ раздѣлить на двѣ категоріи, строго отличающіяся одна отъ другой: на убійства, совершаемыя ради протеста противъ общихъ соціальныхъ условій, и—убійства политическаго характера. Само собою разумѣется, что только послѣднія могутъ имѣть свое оправданіе, такъ какъ, если съ устраненіемъ той или другой личности еще можно надѣяться на извѣстныя перемѣны въ политикѣ, то ужъ, конечно, нельзя ожидать таковыхъ въ соціальномъ строѣ.

Русскій терроръ носилъ исключительно политическій характеръ и ни разу не измѣнилъ этому направленію. Правда, у насъ поднимались разговоры объ «аграрномъ» и «фабричномъ» террорѣ, но, по счастью, дѣло ограничилось одними разговорами. Этотъ исключительно политическій характеръ нашего террора, или, другими словами, террористическая борьба за политическую свободу, къ сожалѣнію, не была понята всѣми. Сами революціонеры на первыхъ порахъ не сознавали этого ясно, а это отсутствіе яснаго пониманія отразилось вредно на дальнѣйшемъ ходѣ событій. Южные террористы: Осинскій, Попко и другіе уже признавали необходимость и полезность конституціоннаго режима и на югѣ одно время были всѣ шансы выработаться правильной программѣ. Но эта группа лицъ, слабо организованная, была скоро цѣликомъ выхвачена жандармами; а «Земля и Воля», организовавшаяся около этого же времени въ Петербургѣ, оказалась въ этомъ отношеніи несравненно менѣе зрѣлою. Въ октябрѣ 1878 года появился

1 № «Земли и Воли». Здѣсь опять на сцену выступили «соціалисты-революціонеры — Стенька Разинъ, Пугачевъ и ихъ сподвижники», а по вопросу о политической свободѣ сразу наговоренъ былъ цѣлый коробъ старыхъ народническихъ глупостей. «Увѣряютъ, что мы противники политической свободы и ненавистники русскихъ либераловъ и конституціоналистовъ», пишетъ «Земля и Воля» въ своей передовой статьѣ. «Ненависть къ либераламъ? Но кто у насъ называетъ себя этимъ именемъ?»

«Эти люди, утверждающіе, что казанская демонстрація 6-го декабря 1876 года въ честь политическихъ преступниковъ—произведеніе стариковъ, выжившихъ изъ ума или фортель, выкинутый на «иностранныя деньги».

«Это защитники свободы, возмущающіеся тѣмъ, что политическіе преступники не даютъ себя безнаказанно тиранить жандармамъ».

«Это люди, утверждающіе, что поступокъ Вѣры Засуличъ результатъ нравственнаго уродства этой личности.

«Это дѣятели прессы, обѣщающіе правительству въ награду за послабленіе въ цензурѣ, обратиться въ околодочныхъ и сыщиковъ по политическимъ дѣламъ».

«Пусть читатель судитъ самъ, имѣетъ ли дѣятельность вышеупомянутой категоріи что нибудь общее съ борьбою за политическую свободу?».

«Насчетъ конституціонныхъ вожделѣній мы пока ничего опредѣленнаго сказать не можемъ (курсивъ нашъ). Наши отношенія къ нимъ опредѣлятся, когда конституціоналисты выступятъ, какъ дѣйствующая партія». Дальше говорится, что нашей задачей должна оставаться народная революція, что «главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа. Террористы — это не болѣе, какъ охранительный отрядъ, назначеніе котораго оберегать этихъ работниковъ отъ предательскихъ ударовъ враговъ. Обратить

всѣ наши силы на борьбу съ правительственной властью значило бы оставить свою прямую постоянную цѣль, чтобы погнаться за случайной, временной. Такое направленіе нашей дѣятельности было бы великой ошибкой еще съ другой стороны, со стороны тактики партіи. Паденіе нашего современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. Вопросъ только о днѣ и часѣ,—когда это совершится» (курсивъ нашъ). «Самодержавіе, поражаемое со всѣхъ сторонъ, падетъ, уступивъ мѣсто болѣе современному конституціонному строю, который, какъ всякая конституція, выдвинетъ на первый планъ привилегированныя сословія: помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ, всѣхъ владѣтелей капитала движимаго и недвижимаго, однимъ словомъ—буржуазію въ экономическомъ смыслѣ слова. Въ настоящее время они разрознены, и потому безсильны. Конституціонная же свобода, какъ бы жалка она ни была, имъ то, во всякомъ случаѣ, дастъ возможность сорганизоваться въ сильную партію, первымъ дѣломъ которой будетъ провозглашеніе крестоваго похода противъ насъ, соціалистовъ, какъ своихъ опаснѣйшихъ враговъ».

Словомъ, на основаніи всѣхъ сихъ соображеній «конституціоннымъ вожделѣніямъ» не должно давать мѣста въ нашихъ правовѣрныхъ сердцахъ. И въ № 4 «Земли и Воли», появившемся въ февралѣ 1879 года, мы находимъ уже цѣлое назиданіе, которое читаетъ «Земля и Воля» «Сѣверному союзу рабочихъ» по поводу ихъ программы, въ которой признается полезность политической свободы. «Вопросу о вліяніи политической свободы въ дѣлѣ борьбы эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами», пишетъ «Земля и Воля», «посвящается слишкомъ много времени и рѣшается онъ въ программѣ слишкомъ категорически въ утвердительномъ смыслѣ» (курс. нашъ).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что „Земля и Воля“ взяла тонъ, котораго держались революціонеры 60-хъ и начала 70-хъ годовъ. Это былъ большой поворотъ назадъ послѣ того, что говорили южные террористы, и отъ этихъ теорій уже воняло плѣсенью. И въ самомъ дѣлѣ, что это были за соображенія по вопросу о конституціи (которыхъ, между прочимъ, и я самъ тогда придерживался)? Конституція дастъ-де возможность сорганизоваться нашей буржуазіи, слѣдовательно для насъ, соціалистовъ, она вредна. Совершенно въ такомъ же родѣ было разсужденіе (да мы, народники, отчасти и держались его), что школа вредна, ибо она вооружаетъ знаніями только зажиточныхъ, а бѣднякамъ не имѣющимъ возможности ее посѣщать ничего не даетъ; знаніе же въ рукахъ зажиточныхъ или, какъ мы тогда выражались, буржуазіи послужитъ лишь орудіемъ для большей эксплуатаціи бѣдныхъ и пр. въ такомъ родѣ.

Вспоминая теперь всѣ тѣ «счеты», которые велись тогда между революціонерами и либералами, становится и грустно, и досадно за оба лагеря,—такими неумѣлыми и недальновидными оказались и одни, и другіе. Одни не вѣрили въ свои силы и думали какъ-то «украсть конституцію». А чтобы усыпить, одурачить врага (самодержавіе), принялись взапуски проклинать революціонеровъ. Другіе были полны вѣры въ собственныя силы до того, что вызывали на бой не только правительство, но и общество. Только одинъ врагъ и оказался предусмотрительнымъ: согнулъ онъ въ бараній рогъ и либеральную, и революціонную оппозицію и зажилъ послѣ того припѣваючи на долгое время. А какой грубой ироніей звучатъ теперь слова «Земли и Воли», что «паденіе современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, и что «вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершится». Вотъ уже почти 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ это писалось, а скоро наступитъ четверть столѣтія. Цѣлая четверть вѣка!..

Что же, ужъ не этотъ ли періодъ времени имѣли ввиду землевольцы, когда писали вышеприведенныя строки?! О, конечно, нѣтъ! Да мы ожидали тогда соціальную революцію раньше 25 лѣтъ, не то что какую-то конституцію. Но жизнь жестоко посмѣялась надъ нами, и въ настоящее время мы были бы рады-прерады даже плохонькой лорисъ-меликовской конституціи. Пусть бы себѣ на здоровье организовалась наша буржуазія! А то вотъ у насъ до сихъ поръ и буржуазіи нѣтъ, а все еще одни военачальники, какъ у какихъ-нибудь кафровъ или готтентотовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію вооруженнаго сопротивленія въ Кіевѣ на Жилянской улицѣ, когда былъ арестованъ и я, остановлюсь еще на одномъ эпизодѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Кіевѣ.

Осенью или зимою 78 года (точно не помню времени) пріѣхали два земскихъ дѣятеля для переговоровъ съ кіевскими либералами и украйнофилами, а также и съ революціонерами относительно совмѣстнаго образа дѣйствій для завоеванія конституціонной реформы. Въ переговорахъ этихъ изъ революціонеровъ принимали участіе Осинскій, Ковалевская и еще нѣсколько человѣкъ, имена которыхъ я не буду здѣсь приводить. Помню (такъ какъ и я присутствовалъ тамъ), собраніе было открыто рѣчью земца. Онъ развилъ мысль, что конституціонная реформа необходима для Россіи и будетъ полезна для всѣхъ русскихъ группъ, а въ томъ числѣ и для соціалистовъ, такъ какъ дастъ больше простора для дѣятельности. Затѣмъ, какъ выводъ изъ этого, предлагалъ соединиться всѣмъ группамъ для добытія конституціи. По его мнѣнію нужно было испробовать первоначально всѣ легальные пути: подачи петицій, мирныя демонстраціи и т. п. Чтобы вовлечь въ движеніе больше людей, предполагалось развить сильную агитацію въ обществѣ посредствомъ печати. Брошюры конституціоннаго характера, которыя нельзя было печатать по цензурнымъ усло-

віямъ внутри Россіи, земецъ находилъ нужнымъ издавать за границей и отсуда доставлять контрабанднымъ путемъ.

Все это были мысли, съ которыми наши террористы, вѣроятно, согласились бы, если бы не оказалось одного пункта разногласій. По мнѣнію земца, однимъ изъ первыхъ условій для успѣха конституціонной агитаціи было пріостановленіе торрористической дѣятельности революціонеровъ, запугивавшей извѣстную часть нашего общества, а равнымъ образомъ и правительство. Съ этимъ требованіемъ террористы не согласились, переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ.

Что касается лично до меня, то я присутствовалъ на этихъ собраніяхъ и не соглашался ни съ тѣми, ни съ другими. Какъ долотопному звѣрю, все окружающее казалось мнѣ и дикимъ, и непонятнымъ. Я слушалъ земца и не понималъ его; слушалъ террористовъ и не соглашался съ ними. По моему, надо было достать побольше оружія и поднимать народный бунтъ.

XXII.

Вооруженное сопротивленіе и арестъ. Тюрьма. — Судъ. — Казнь.

Между тѣмъ, дни наши были сочтены, и мы напрасно бѣгали изъ Кіева въ Одессу и обратно, стараясь скрыть наши слѣды; за нами всюду гонялись шпіоны. Такъ Осинскій, вернувшись изъ Одессы въ Кіевъ, привезъ, между прочимъ, съ собою небольшую типографію въ сундукѣ; но когда пошелъ на вокзалъ получать ее изъ багажа, то оказалось, что сундукъ былъ взятъ жандармами и его самаго тогда чуть-чуть не арестовали на вокзалѣ; едва удалось ему бѣжать. Иванъ Ивичевичъ, возвращаясь изъ Харькова въ Кіевъ, былъ прослѣженъ на желѣзной дорогѣ шпіонами и, чтобы избѣгнуть

ареста, вынужденъ былъ спрыгнуть съ поѣзда во время хода недалеко отъ кіевской товарной станціи. Но это было не все. Между арестованными, сидѣвшими въ кіевской тюрьмѣ, нѣкій Веледницкій сталъ выдавать. Тогда жандармы выпустили его на свободу съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ на насъ. Помню, однажды въ ресторанѣ, гдѣ обѣдали Осинскій, Волошенко и я, мы натолкнулись на этого Веледницкаго, а потомъ у выхода замѣтили переодѣтаго околодочнаго. Еще нѣсколько раньше этого времени мы познакомились съ нѣкой Бабичевой; сначала Рахальскій, а потомъ я и Свириденко. Это была курсистка кіевскихъ женскихъ курсовъ, какъ впослѣдствіи выяснилось, на жалованіи у жандармовъ. О ея нравственной физіономіи можно судить уже потому, что въ полтавской уголовной палатѣ противъ нее начато было дѣло за покражу какихъ-то серебряныхъ ложекъ. Но все это, конечно, мы узнали потомъ. Двухъ такихъ предателей, какъ Веледницкій и Бабичева оказалось достаточно, чтобы погубить насъ; мы не оглянулись, какъ были окружены сѣтью шпіоновъ, слѣдившихъ за ними до того искусстно, что мы почти не замѣчали этого. Я говорю почти, такъ какъ на самомъ дѣлѣ были факты, вызывавшіе подозрѣнія у насъ. Такъ, возлѣ дома, гдѣ я жилъ (на Большой Васильковской улицѣ) замѣчено было мною появленіе подозрительныхъ личностей, что принудило меня бросить квартиру и переселиться на Жилянскую улицу въ домъ Коссаровской. Ивичевичъ Иванъ, занимавшій въ домѣ Коссаровской же смежную комнату, зайдя однажды въ сосѣднюю лавочку за покупками, натолкнулся тамъ, какъ ему казалось, на сыщика, распрашивавшаго о чемъ то лавочника. И множество было еще другихъ мелкихъ показателей (не говоря уже о такомъ показателѣ, какъ встрѣча наша съ Веледницкимъ), которые трудно было даже формулировать, но которые, тѣмъ не менѣе, давали чувствовать намъ, людямъ привыкшимъ къ укрывательству, и слѣдовательно весьма чут-

кимъ ко всему окружающему, что наше положеніе было крайне шаткое. И сосѣдній ловочникъ, казалось, не такъ встрѣчалъ насъ, какъ раньше, и будочникъ, стоявшій на ближайшемъ посту, при нашемъ проходѣ, оглядывалъ насъ подозрительнѣе, чѣмъ прежде.

Послѣ убійства Гейкинга жандармскимъ адъютантомъ въ Кіевѣ назначенъ былъ Судейкинъ. Этотъ то господинъ, впослѣдствіи пріобрѣвшій громкую извѣстность, и организовалъ всю облаву за нами. Въ то время имя Судейкина еще никому не было извѣстно; на насъ первыхъ онъ проявилъ свои таланты и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что дѣло свое онъ повелъ очень умѣло.

Первый ударъ нанесенъ былъ намъ 24 января 79 г.: на улицѣ арестованы были Осинскій и Волошенко, а потомъ, въ тотъ же день, на квартирѣ арестована была Софія Лешернъ.

Наконецъ наступило 11-ое февраля. Насколько припоминаю, была маслена, и къ Ивичевичу, жившему въ домѣ Коссаровской, собралась довольно большая компанія съ цѣлью провести вечеръ. Тутъ были Брантнеръ, Позенъ, Стеблинъ-Каменскій, Армфельдъ Наталія, братъ Ивана Ивичевича—Игнатъ и другіе. Орловъ же, Ковалевская, Свириденко, Дическуло и я—отправились изъ дома Коссаровской къ Бабичевой, (о которой я упоминалъ выше), жившей тоже по Жилянской улицѣ.

Такимъ образомъ наша компанія раздѣлилась, и въ то время, какъ мы находились у Бабичевой, вотъ что произошло въ домѣ Коссаровской.

Компанія сидѣла въ комнатѣ Ивана Ивичевича и весело разговаривала, когда въ передней послышался шумъ, отворилась дверь, и показались жандармы.

— «Здѣсь живетъ господинъ Дебогорій-Мокріевичъ?» спросилъ Судейкинъ.

— «Никакого Дебогорій-Мокріевича здѣсь нѣтъ», отвѣтилъ Ивичевичъ.

Тогда Судейкинъ захотѣлъ узнать, кто были они всѣ. Но Иванъ Ивичевичъ вмѣсто отвѣта схватилъ револьверъ, который у него всегда лежалъ заряженный подъ подушкой, и подошелъ къ дверямъ. За Иваномъ приблизился къ дверямъ братъ его Игнатъ и Брантнеръ, тоже оба вооруженные револьверами. Кто сдѣлалъ первый выстрѣлъ—неизвѣстно; на судѣ вопросъ этотъ остался неразъясненнымъ, такъ какъ никто не помнилъ. Жандармы, какъ потомъ показывалъ на слѣдствіи самъ Судейкинъ, были въ панцыряхъ. Раздался залпъ съ одной и съ другой стороны. Унтеръ-офицеръ Казанкинъ, стоявшій впереди, упалъ у самыхъ дверей; пуля попала ему въ лобъ, нѣсколько выше носа; онъ былъ убитъ сразу. Судейкина ударила одна пуля въ грудь, но панцырь спасъ его. Въ комнатѣ, возлѣ самой двери, упалъ раненый Иванъ Ивичевичъ, а за нимъ упалъ и братъ его Игнатъ. Брантнеръ продолжалъ стрѣлять, хотя тоже получилъ рану. Кто еще стрѣлялъ изъ революціонеровъ—на слѣдствіи не было выяснено. Извѣстно лишь, что въ то время, какъ одни стрѣляли, другіе уничтожали и жгли компрометирующія бумаги. «Ножами ихъ, братцы!..» кричалъ лежавшій на полу Иванъ Ивичевичъ. Оба брата Ивичевичи были смертельно ранены и не могли уже больше подняться съ земли.

Жандармы сробѣли и отступили. Тогда Позенъ, Армфельдъ и другіе, уцѣлѣвшіе отъ пуль, подняли съ полу братьевъ Ивичевичей, положили ихъ на кровать и принялись хлопотать объ ихъ ранахъ. Между тѣмъ Романъ, раненый въ голову, вышелъ изъ комнаты на крыльцо. Здѣсь ему сдѣлалось дурно: онъ упалъ на землю и въ полусознательномъ состояніи проползъ еще до калитки, ведшей въ садъ, гдѣ окончательно потерялъ сознаніе, и откуда былъ потомъ поднятъ. Брантнеръ тоже выскочилъ изъ дому. Нужно сказать,

что все это происходило во флигелѣ, стоявшемъ въ глубинѣ двора. Брантнеръ пробѣжалъ черезъ весь дворъ къ забору, огораживавшему отъ улицы, и сталъ на него взбираться. Однако здѣсь онъ почувствовалъ, что не можетъ владѣть одной рукой и въ обморочномъ состояніи свалился съ забора внизъ. Кромѣ руки, онъ былъ раненъ еще въ поясницу. Въ обморочномъ состояніи онъ потомъ былъ найденъ жандармами и взятъ.

Итакъ, Судейкинъ съ жандармами бѣжалъ изъ дома Коссаровской. Это вполнѣ выяснено было на судѣ. Онъ послалъ въ военную казарму за подкрѣпленіемъ, и когда солдаты явились, отправился съ ними на квартиру Бабичевой, гдѣ, какъ ему было извѣстно по донесеніямъ шпіоновъ, находилась другая половина нашей компаніи; въ домѣ же Коссаровской онъ предоставилъ окончить дѣло другому жандармскому офицеру. Когда жандармы, подкрѣпленные солдатами, явились вторично въ квартиру Ивичевича, то здѣсь уже никто не думалъ сопротивляться. Тѣмъ не менѣе, занявши переднюю, они поторопились приперeть дверь, ведущую въ комнату Ивичевича, такъ что, когда понадобилась тамъ вода для раненыхъ, то оттуда нельзя было выйти. Только послѣ обѣщанія со стороны бывшихъ въ комнатѣ, что они не будутъ стрѣлять, жандармы осмѣлились наконецъ отворить дверь и войти въ комнату.

Послѣ того всѣ вещи, находившіяся въ комнатахъ моей и Ивичевича, были собраны и отосланы въ полицейскій участокъ. Подняли во дворѣ лежавшихъ безъ чувствъ Романа и Брантнера и вмѣстѣ съ смертельно ранеными Ивичевичами, отправили ихъ въ городской госпиталь. Остальныхъ находившихся въ комнатѣ перевязали зачѣмъ-то веревками, хотя никто изъ нихъ не сопротивлялся, и связанныхъ доставили въ Лыбедской полицейскій участокъ.

Ничего этого, конечно, мы не знали и мирно сидѣли у

Бабичевой вокругъ стола, на которомъ шипѣлъ самоваръ. Хозяйка наша въ этотъ вечеръ была весьма гостепріимна. Пробывъ нѣкоторое время, Свириденко и Дическулъ ушли, такъ какъ они предполагали посѣтить въ этотъ вечеръ одну сходку.

Тотчасъ послѣ ихъ ухода съ улицы донесся звукъ, похожій на револьверный выстрѣлъ. Помню, кто-то изъ насъ вышелъ въ сѣни, чтобы послушать; но затѣмъ воротился и заявилъ, что это хлопнула дверь въ сосѣднемъ кабакѣ. Мы успокоились и опять принялись пить чай; какъ вдругъ, раздался необыкновенный шумъ въ сѣняхъ; послышался звонъ оружія. Двери комнаты, гдѣ мы сидѣли, порывисто растворились настежъ, и моимъ глазамъ представилась плотная шеренга солдатъ съ ружьями на перевѣсъ, устремленными въ нашу комнату.

— «Господа, прошу сдаться! Я жандармскій офицеръ». Раздался звучный голосъ оттуда.

Я взглянулъ и увидѣлъ съ правой стороны солдатской шеренги, въ самомъ углу корридора, слабо освѣщеннаго свѣтомъ, падавшимъ изъ нашей комнаты, высокую фигуру въ военной фуражкѣ и въ широкомъ военномъ плащѣ. То былъ капитанъ Судейкинъ.

— «Мы не крѣпость», шутливо замѣтилъ я въ отвѣтъ на требованіе Судейкина «сдаться».

— «Однако, ваши товарищи...»

За шумомъ я не разслышалъ конца фразы. Больше всѣхъ подняла шуму въ это время наша хозяйка: она стала навзрыдъ плакать и метаться по комнатѣ и корридору какъ угорѣлая.

Сдѣлавши поверхностный обыскъ, такъ какъ Судейкинъ все еще предполагалъ, что при насъ имѣется оружіе, и не найдя ничего, солдаты окружили насъ двумя тѣсными рядами и повели въ участокъ.

Подходя къ Лыбедской части, еще издали я замѣтилъ тамъ необыкновенное движеніе. Всѣ окна были освѣщены. На крыльцѣ и возлѣ зданія на тротуарѣ толпились полицейскіе. Мы поднялись по ступенямъ крыльца и вошли въ переднюю. Комната оказалась запруженная солдатами; намъ дали дорогу; мы прошли впередъ и здѣсь я увидѣлъ связанныхъ Позена и Стеблина-Каменскаго. Они стояли. У Позена плечи и руки были такъ сильно оттянуты назадъ веревками, что локти касались другъ друга. Съ лѣвой стороны сидѣли на стульяхъ Наталія Армфельдъ, Сарандовичъ и Потылицына; всѣ три онѣ тоже были связаны по рукамъ. Обращаться къ кому-нибудь изъ нихъ съ прямымъ вопросомъ я считалъ неудобнымъ, такъ какъ не желалъ показывать свое знакомство; однако изъ отдѣльныхъ фразъ, брошенныхъ то тѣмъ, то другимъ изъ нихъ, мнѣ удалось догадаться, что въ домѣ Коссаровской было оказано вооруженное сопротивленіе во время ареста.

Между тѣмъ изъ смежной комнаты, куда двери отворены были настежъ, доносился какой-то шумный разговоръ. Словъ невозможно было разслышать, но голосъ мнѣ показался знакомымъ. Разъясненія не пришлось ожидать долго. Раздались чьи-то шаги, крикъ усилился, и оттуда въ нашу комнату ворвался Владиміръ Свириденко, буквально волоча за собой двухъ полицейскихъ, которые, ухватившись за него сзади, старались его удержать. Волосы его были растрепаны, черные глаза сверкали, какъ угли, онъ былъ точно опьянѣлый.

— «Что это? Связанные?!» крикнулъ онъ, увидѣвъ Позена и Каменскаго со скрученными назадъ руками и тотчасъ бросился къ одному изъ нихъ и принялся рвать на немъ веревки.

— «Успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь!» суетливо говорилъ полицейскій приставъ Матковскій, прибѣжавшій за Свириденко изъ сосѣдней комнаты. Онъ не осмѣливался прикоснуться самъ къ нему и только командовалъ вполголоса будочникамъ: «взять его».

— «Успокойтесь! Мы сейчасъ развяжемъ», продолжалъ Матковскій. И дѣйствительно, онъ немедленно распорядился, чтобы веревки были распущены на Позенѣ и Каменскомъ.

— «Пить хочу!» крикнулъ вдругъ Свириденко.

— «Пить... Слышишь? Маршъ за водой!» командовалъ приставъ будочнику.

— «Пива хочу!»

— «Пива! пива неси!» повторялъ за Свириденко Матковскій. «Только успокойтесь. Пожалуйте во вторую комнату; пойдемте», уговаривалъ онъ его.

И Свириденко, видимо, нѣсколько успокоился и въ сопровожденіи пристава и будочниковъ, опять ушелъ въ сосѣднюю комнату, откуда передъ тѣмъ такъ стремительно ворвался къ намъ.

Эта сцена произвела на меня потрясающее впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но и теперь мнѣ достаточно немного сосредоточить свои воспоминанія на этомъ моментѣ, чтобы передъ моими глазами всталъ, какъ живой, Свириденко съ своимъ блѣднымъ красивымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми, вьющимися, черными волосами.

Послѣ ухода отъ Бабичевой Дическуло и Свириденко, мы слыхали выстрѣлъ; теперь, видя Свириденко въ подобномъ состояніи, я понялъ, въ чемъ было дѣло. И дѣйствительно, остановленные на улицѣ жандармами, стерегшими квартиру Бабичевой, гдѣ мы были въ гостяхъ, Свириденко и Дическуло стали отстрѣливаться и затѣмъ пустились бѣжать. Чтобы легче скрыть слѣды, они рѣшили раздѣлиться. Дическуло удалось скрыться. Но Свириденко на одномъ перекресткѣ былъ остановленъ полицейскими, разставленными въ этотъ вечеръ, ввиду облавы за нами, по всѣмъ окрестнымъ улицамъ, и доставленъ въ участокъ. Всѣ подробности ареста узналъ я, конечно, впослѣдствіи, уже когда мы сидѣли въ тюрьмѣ; въ ту же минуту приходилось только догадываться,

глядя на то, что совершалось передъ моими глазами въ участкѣ.

Но вотъ толпа солдатъ, запружавшая переднюю комнату участка, гдѣ находились и мы, заколыхалась; пронесся шопотъ «Полковникъ идетъ! Разступись!..» И въ комнату, среди разступившихся солдатъ, быстро вошли жандармскій полковникъ и полиціймейстеръ.

— «Арестованныхъ отдѣлить другъ отъ друга!..» крикнулъ полковникъ Новицкій, и тотчасъ всякаго изъ насъ окружило по нѣсколько человѣкъ солдатъ.

— «Въ случаѣ сопротивленія съ ихъ стороны, пускать въ дѣло холодное оружіе!» командовалъ дальше Новицкій, сильно возвышая голосъ.

Отдавши это приказаніе, полковникъ и полиціймейстеръ вышли въ другую комнату, и въ пріемной остались одни мы, окруженные солдатами. По истеченіи нѣкотораго времени арестованныхъ, одного за другимъ, стали вводить въ смежную комнату опять для обыска и предварительныхъ допросовъ. Дошла очередь до меня; я оставался послѣдній.

— «Позвольте узнать вашу фамилію?» изыскано вѣжливо обратился ко мнѣ полковникъ Новицкій.

— «На этотъ вопросъ я не желаю отвѣчать», проговорилъ я, кланяясь не менѣе изысканно-вѣжливо съ своей стороны.

— «Въ такомъ случаѣ я самъ назову васъ».

— «Мнѣ пріятно будетъ услышать».

Нервно-шутливое настроеніе не покидало меня весь этотъ вечеръ.

— «Васъ зовутъ Владиміръ Карповичъ Дебогорій-Мокріевичъ», проговорилъ Новицкій.

— «Да, это онъ», подтвердилъ Судейкинъ, заглядывая мнѣ въ лицо.

— «Очень пріятно познакомиться!» замѣтилъ я.

Запираться было безполезно. Въ Кіевѣ въ это время жили мои родные; мать, братъ, сестра... Мнѣ не хотѣлось, чтобы ихъ таскали по участкамъ и тюрьмамъ для очныхъ ставокъ со мною.

Фамилія моя была выдана Веледницкимъ, который меня зналъ, а также и Бабичевой, какъ потомъ это выяснилось.

— «Взятъ съ оружіемъ въ рукахъ?» обратился полковникъ къ Судейкину.

— «Нѣтъ. Арестованъ въ квартирѣ госпожи Бабичевой», отвѣтилъ тотъ.

— «Слава богу!» воскликнулъ полковникъ.

Насколько это восклицаніе было искренно съ его стороны —не берусь утверждать.

По окончаніи обыска, меня отвели въ какую-то темную коморку, гдѣ я провелъ ночь; а утромъ другого дня препроводили съ конвоемъ въ тюрьму. Въ тюремной конторѣ смотритель выдалъ арестантскую одежду; я переодѣлся, и ключникъ повелъ меня въ предназначенную для меня камеру. Мы прошли дворомъ къ правому крылу тюрьмы; здѣсь, войдя въ дверь, спустились нѣсколько ступенекъ внизъ и двинулись по низкому корридору, показавшемуся мнѣ очень мрачнымъ. Мы миновали трое дверей, снабженныхъ желѣзными засовами и большими висячими замками, и у четвертой двери остановились. Ключникъ отперъ замокъ; желѣзный засовъ звякнулъ, и я пропущенъ былъ черезъ отворившуюся дверь въ небольшую комнату, съ однимъ рѣшетчатымъ окномъ, пробитымъ довольно высоко надъ поломъ. Послѣ того дверь захлопнулась, послышался опять звонъ засова, и я остался одинъ въ своей камерѣ. Я осмотрѣлся. Я имѣлъ деревянную кровать съ соломеннымъ тюфякомъ и такой же подушкой, небольшой деревянный столикъ у окна и одинъ стулъ. Съ правой стороны отъ дверей, почти до самаго потолка, подымалась печка. Такова была обстановка моего новаго жилища. Почти въ

срединѣ двери, на высотѣ человѣческаго роста, я увидѣлъ небольшую, круглую дыру, выходившую въ корридоръ.

Странно почувствовалъ я себя вначалѣ. Помню, первую минуту меня непріятно поразила окружавшая тишина. Невольно я сталъ прислушиваться ко всему и ловить всѣ звуки, долетавшіе ко мнѣ извнѣ. Эти звуки показались мнѣ тогда такими отдаленными, можетъ быть потому, что кругомъ себя я ощущалъ невозмутимую тишину. Впослѣдствіи, перебывавши въ разныхъ тюрьмахъ, я убѣдился, что кіевскій тюремный замокъ былъ одинъ изъ шумныхъ. Потомъ у меня явилось желаніе непремѣнно посмотрѣть въ окно, и вотъ я взобрался на подоконникъ и взглянулъ черезъ рѣшетку. Окно мое выходило въ узкій, длинный дворикъ, огороженный заборомъ отъ другого широкаго двора, за которымъ видно было противуположное лѣвое крыло тюрьмы; то было женское отдѣленіе, гдѣ сидѣли и политическія женщины. Нашъ правый фасадъ, состоявшій изъ одиночныхъ камеръ, былъ весь занятъ политическими. Всѣ арестованные наканунѣ находились уже здѣсь, кромѣ раненыхъ, отправленныхъ въ больницу. Прежде всѣхъ подошелъ къ моей камерѣ и окликнулъ меня черезъ дверную дырку Малавскій. Потомъ подошелъ Стеблинъ-Каменскій и познакомился со мною, такъ какъ раньше мы не знали другъ друга. Его камера оказалась сосѣдней съ моею. Наконецъ, я вступилъ въ сношенія со всѣми политическими, размѣщавшимися на всѣхъ трехъ этажахъ праваго крыла. Мы разговаривали черезъ дверныя дырки или черезъ окна, хотя это и запрещалось тюремными правилами. Въ первую ночь, припоминаю, когда я легъ и потушилъ въ своей камерѣ лампочку, вниманіе мое опять привлечено было круглой дверной дыркой, о которой я упоминалъ выше. Пучекъ свѣта, врывавшійся черезъ нее изъ освѣщеннаго корридора въ мою темную камеру, вызвалъ во мнѣ страшно непріятное чувство. Я часто просыпался, и мнѣ всякій разъ

бросался въ глаза этотъ яркій круглый пучекъ свѣта. То было, по истинѣ, какое-то недремлющее, всевидящее око (оно было видно изъ всѣхъ угловъ камеры), не позволявшее мнѣ ни на одну минуту забыть, гдѣ я находился. Непріятное чувство отъ этого пучка свѣта вызывалось потомъ у меня всякій разъ, когда я просыпался по ночамъ во все время моей тюремной жизни.

Началась тюремная жизнь. Большую часть времени я проводилъ у окна, выходившаго во внутренній дворъ. Вскочивъ на подоконникъ и держась за рѣшетку, по цѣлымъ часамъ, бывало, просиживалъ я тамъ, глядя во дворъ, гдѣ весь день гуляли уголовные арестанты. Помню, въ одинъ изъ первыхъ дней своего пребыванія въ тюрьмѣ, среди гулявшихъ я узналъ Корнія.

— «Здравствуйте, Корній!» крикнулъ я ему изъ окна.

Онъ подошелъ ближе и посмотрѣлъ на меня. Улыбка, появившаяся на его лицѣ, засвидѣтельствовала, что я былъ узнанъ.

— «Узнаете меня?.. Сколько здѣсь сидитъ вашихъ, чигиринцевъ?» спрашивалъ я.

— «Человѣкъ шесть», отвѣтилъ онъ. «И Кузьма тутъ».

— «А гдѣ же Кузьма?» спросилъ я.

— «А онъ сидитъ въ камерѣ».

— «Что же онъ дѣлаетъ въ камерѣ?»

— «Все больше читаетъ Евангеліе».

Часто послѣ того мнѣ доводилось бесѣдовать съ Корніемъ. Онъ, видимо, относился сочувственно къ политическимъ и неоднократно оказывалъ мелкія услуги.

Но Кузьмы я не встрѣчалъ. Разъ или два показалась его фигура среди другихъ арестантовъ, но онъ такъ далеко гулялъ отъ оконъ политическихъ, что заговорить съ нимъ не было возможности. Вглядываясь издали въ его блѣдную физіономію, я ничего не могъ на ней прочесть; но странно-

лицо его съ трудомъ напоминало мнѣ прежняго Кузьму. Одинъ разъ, помню, онъ даже довольно близко подошелъ къ нашему фасаду, даже поклонился намъ, и я какъ будто замѣтилъ на его лицѣ что-то въ родѣ улыбки; но онъ не заговорилъ со мною.

Проживши годъ времени въ тюрьмѣ, Кузьма, какъ человѣкъ умный и впечатлительный, не могъ, конечно, не видѣть того, что политическіе вовсе не сторонники царя. Нигдѣ, быть можетъ, революціонеръ не пользовался такой свободой слова, какъ въ тюрьмѣ; и надо сказать, что свободой этой мы не пренебрегали: рѣзко и прямо, безъ стѣсненія, высказывали мы то, что думали о царѣ. Трудно допустить, чтобы при такихъ условіяхъ могла сохраниться у Кузьмы прежняя чистая вѣра и идеализація царя. Что же, однако, долженъ было думатъ о насъ и что чувствовалъ умный Кузьма послѣ всего предыдущаго? Я не возьмусь анализировать его чувствъ; но мнѣ казалось только, что я понялъ причину, почему онъ такъ рѣдко выходилъ изъ камеры и почему не заговаривалъ съ политическими. Я понялъ, а потому и самъ не рѣшался заговорить съ нимъ. Какъ провинившійся мальчишка, я не зналъ съ чего начать свои объясненія. Да всякія объясненія, я думаю, оказались бы неумѣстны: Кузьма глубоко замкнулся отъ всего окружающаго міра.

Скоро получено было въ тюрьмѣ извѣстіе, что оба брата Ивичевичи умерли отъ ранъ въ госпиталѣ, и, спустя еще нѣсколько дней, изъ того же госпиталя переведенъ былъ къ намъ, въ тюрьму, Романъ, съ перевязанной головой, получившій названіе «неизвѣстнаго, раненнаго въ голову», такъ какъ онъ отказался объявить властямъ свою фамилію, и Брантнеръ, съ рукою, висѣвшей на перевязкѣ; другая рана его, въ поясницу, зажила очень скоро, хотя на первыхъ порахъ врачи считали ее очень опасной, такъ какъ предполагали, что были повреждены почки.

Наша жизнь въ тюрьмѣ до суда прошла необыкновенно бурно. То была одна сплошная борьба съ властями, не прекращавшаяся ни на одну минуту, а временами принимавшая даже очень острый характеръ. Прежде всего арестованные не называли своихъ фамилій, за исключеніемъ меня и Брантнера, назвавшагося сразу. Одни называли себя вымышленными именами, другіе, просто, молчали. Такъ, Осинскій объявилъ, что его фамилія Бойко; Свириденко назвался Антоновымъ. Романъ молчалъ, и жандармамъ пришлось окрестить его «неизвѣстнымъ». Даже лица мало скомпрометированныя и не принимавшія раньше участія въ революціонныхъ дѣлахъ, подъ вліяніемъ остальныхъ товарищей, не объявляли своихъ фамилій, заставляя теряться жандармовъ во всевозможныхъ догадкахъ и предположеніяхъ.

Между тѣмъ, обвиненія, тяготѣвшія надъ ними, были очень сильны: нѣкоторые привлекались къ отвѣтственности за вооруженное сопротивленіе, сопровождавшееся убійствомъ жандарма. Другіе, подобно мнѣ, до ареста жили нелегальными и были раньше скомпрометированы по разнымъ политическимъ дѣламъ. Само собою разумѣется, что жандармы съ особенной энергіей старались раскрыть истину. И вотъ, для признанія арестованныхъ, стали пріѣзжать съ различныхъ городовъ шпіоны. Въ корридорахъ нашихъ отъ времени до времени появлялись личности въ формахъ и цивильныхъ костюмахъ, въ сопровожденіи, конечно, мѣстныхъ властей; заходили въ наши камеры, чтобы посмотрѣть и припомнить, не встрѣчался ли имъ гдѣ либо тотъ или другой изъ насъ. Но подобные осмотры дали сравнительно не много въ результатѣ: такъ, полтавскіе жандармы признали Стеблина-Каменскаго, а петербургскіе – Софію Лешернъ и Осинскаго; другіе оставались не открыты.

Помню, позвали меня однажды въ тюремную контору. Придя туда, я увидѣлъ Судейкина, сидѣвшаго за столомъ, и

въ той же комнатѣ какую-то женщину и Пономаренко, бывшаго тюремнаго ключника, котораго я нанималъ для своей винокурни. Пономаренко я узналъ, но женщины не могъ припомнить. Во всякомъ случаѣ я догадался, что мнѣ готовились очныя ставки.

— «Садитесь, г-нъ Дебогорій—Мокріевичъ», любезно пригласилъ Судейкинъ.

Я сѣлъ за столъ противъ него.

— «Маленькое дѣльце есть... Это вотъ, если узнаете, тотъ самый, котораго вы нанимали для винокурни», началъ Судейкинъ, перелистывая какія-то бумаги. Потомъ, вдругъ поднявъ голову, спросилъ громко»: Пономаренко, узнаешь?... Потрудитесь поворотиться къ нему,» добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я посмотрѣлъ прямо въ глаза Пономаренко. На его глупомъ лицѣ видна была растерянность. Я видѣлъ, что онъ меня не узнаетъ. Еще бы! Тамъ передъ нимъ былъ баринъ, а здѣсь какой-то арестантъ. Это меня ободрило.

— «Для какой винокурни?» удивленно переспросилъ я.

— «Къ чему запираться? Вѣдь мы прекрасно знаемъ все... Узнаешь ли?» допытывался Судейкинъ.

— «Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! Не могу признать».

— «А вы? Потрудитесь взглянуть», обратился Судейкинъ къ женщинѣ.

Та тоже посмотрѣла на меня и тихо проговорила: «Не могу узнать».

Теперь я вспомнилъ: то была служанка гостинницы, гдѣ я съ Н* останавливался; она приносила самоваръ раза два въ мой номеръ.

— «Гм... гм ..» Судейкинъ, видимо, былъ обезкураженъ Я торжествовалъ.

— «Сознайтесь, г. Дебогорій! Право, такъ будетъ проще! Намъ все извѣстно; ваша записка, которую вы дали По-

номаренко, у насъ въ рукахъ; вашъ почеркъ очень характерный: эти черточки надъ буквами т, п..» Судейкинъ улыбался, глядя на меня.

«Въ чемъ мнѣ сознаться? Да я объ этомъ дѣлѣ отъ васъ первый разъ слышу!».

— «Ну, вотъ!... блестящее дѣло!... Освобожденіе изъ тюрьмы—блестящее дѣло!...» повторялъ Судейкинъ даже съ восторгомъ въ голосѣ. «Я на вашемъ мѣстѣ гордился бы этимъ дѣломъ, а вы почему-то отказываетесь».

— «Странное было бы тщеславіе—гордиться чужимъ дѣломъ. Я такимъ тщеславіемъ не страдаю».

Наступило молчаніе.

— «Такъ составить актъ?» проговорилъ Судейкинъ.

— «Да. И въ актѣ потрудитесь упомянуть, что во мнѣ не признали того, о комъ ведется дознаніе».

— «А право, я, на вашемъ мѣстѣ, сознался бы... Блестящее дѣло!..» говорилъ Судейкинъ, принимаясь за составленіе акта...

Актъ былъ написанъ; я подписался, и меня увели обратно въ камеру.

Я уже сказалъ, что все наше время проходило въ борьбѣ съ властями. Особенно много усилій стоило намъ поддержать сношенія съ товарищами, жившими на свободѣ. Тюремное начальство, съ своей стороны, принимало всѣ мѣры, чтобы насъ уберечь отъ этихъ сношеній. Страхъ, чтобы мы не сдѣлали попытку къ побѣгу, доходилъ до такихъ размѣровъ, что одинъ разъ, помню, по распоряженію полиціймейстера (нужно, однако, добавить—человѣка крайне глупаго) была прорыта вдоль нашего фасада цѣлая огромная канава, въ розыскахъ за подкопомъ, котораго мы и не думали копать. Правда, наши головы были полны всевозможныхъ плановъ къ побѣгу, и особенно мечталъ объ этомъ на первыхъ порахъ Осинскій, ведшій даже переписку по этому поводу съ «волей». Однако,

сдѣлать побѣгъ изъ кіевской тюрьмы послѣ того, какъ одинъ разъ это уже было сдѣлано, оказывалось теперь невозможнымъ дѣломъ. Смотритель слѣдилъ за тюремными надзирателями, чтобы они не явились посредниками между нами и внѣшнимъ міромъ. Но тюремная организація уголовныхъ, относившихся сочувственно къ намъ, политическимъ, и, съ другой стороны, подкупъ—дѣлали то, что усилія смотрителя оставались въ этомъ отношеніи безуспѣшными: мы находились въ правильныхъ сношеніяхъ съ товарищами, жившими на свободѣ, и знали о всемъ, что дѣлается внѣ тюрьмы. Что касается до сношеній другъ съ другомъ внутри тюрьмы, то тутъ мы продолжали перекликаться черезъ окна, хотя это и воспрещалось тюремными правилами. Мы имѣли свой условный шифръ, гдѣ буквы выражались цыфрами и когда надо было сообщить что либо серьезное, выкрикивали вмѣсто словъ рядъ цыфръ. Тюремныя власти дѣлали намъ неоднократно замѣчанія, чтобы мы не перекликались; но такъ какъ это не приводило ни къ какимъ результатамъ, то они надумались прибѣгнуть къ спеціальной мѣрѣ. По распоряженію того же умнаго полиціймейстера, заведена была трещетка. И вотъ, помню, однажды вечеромъ (по вечерамъ наши бесѣды были болѣе оживленныя, такъ какъ уголовные арестанты въ это время успокоивались и мы могли лучше слышать другъ друга) при первой же фразѣ, выкрикнутой кѣмъ то изъ окна, на тюремномъ дворѣ раздался вдругъ оглушительный шумъ трещетки. Трещеткой полагали помѣшать нашимъ разговорамъ. Но вмѣсто того, чтобы замолчать, мы принялись кричать еще сильнѣе, и, въ заключеніе, со всѣхъ нашихъ оконъ посыпалась брань. Смотритель, человѣкъ довольно добродушный, къ несчастью оказался въ этотъ вечеръ пьянъ и, услышавъ голосъ Осинскаго, ругавшаго его громче другихъ, пошелъ къ нему для объясненій. Осинскій бросился на него съ кулаками, а онъ приказалъ конвойнымъ схватить Осинскаго и посадить

въ карцеръ. Крикъ раздавшійся съ верхняго корридора, гдѣ вся эта сцена происходила (камера Осинскаго была на самомъ верхнемъ этажѣ), взбудоражилъ всѣхъ насъ. Поднялся страшный шумъ; мы стали требовать смотрителя для объясненій; смотритель не являлся.

— «Ломать печки!» раздался въ эту минуту голосъ Малавскаго, сидѣвшаго въ камерѣ второго этажа. Совѣтъ показался намъ весьма практичнымъ: этимъ способомъ мы могли причинить убытки казнѣ. И вотъ, по всѣмъ нашимъ камерамъ начался невообразимый стукъ и трескъ.

Схвативъ доску отъ кровати (кровать была деревянная), мнѣ удалось продвинуть одинъ конецъ въ душникъ, а на другой конецъ доски, образовавшей, такимъ образомъ, родъ рычага, я налегъ со всей силы. Верхняя половина печи съ грохотомъ свалилась на полъ. Мнѣ самому едва удалось отскочить въ сторону. Полъ моей камеры покрылся грудами кирпича и глины, а воздухъ наполнился ѣдкой пылью отъ сажи. Я едва могъ дышать. Окончивъ свою работу, я пріостановился и сталъ прислушиваться. Въ сосѣднихъ камерахъ и на верху продолжался шумъ; отъ времени до времени по всему зданію раздавался грохотъ обваливавшихся кирпичныхъ печей.

Я подошелъ къ дверной дыркѣ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ и замѣтилъ въ корридорѣ смотрителя.

— «Что вы, господа, дѣлаете?» обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— «Зачѣмъ вы посадили Осинскаго въ карцеръ?» отвѣтилъ я вопросомъ же.

— «Какъ же я могъ поступить иначе? Въ присутствіи конвоя бросается меня бить. Я не могу иначе поступить», философствовалъ далѣе смотритель. «Служба; я долженъ повиноваться тѣмъ, отъ кого завишу; мнѣ приказано завести трещетку—завожу... А прикажутъ всѣхъ васъ выпустить — съ радостью это исполню»...

Утромъ другого дня въ тюрьму для слѣдствія пріѣхалъ помощникъ полиціймейстера. На наше требованіе, освободить Осинскаго изъ карцера, онъ отвѣтилъ, что сдѣлать это невозможно, такъ какъ Осинскій оскорбилъ смотрителя при исполненіи его обязанностей. Мы настаивали, чтобы, въ такомъ случаѣ, и остальныхъ насъ подвергли тому же наказанію, такъ какъ мы всѣ ругали смотрителя. На это намъ возразили, что никого изъ насъ въ этомъ не обвиняютъ, хотя составили актъ въ томъ, что мы поломали печи въ камерахъ. Тогда мы рѣшили въ ближайшую повѣрку,*) когда смотритель будетъ обходить наши камеры съ конвоемъ, нанести ему оскорбленіе «при исполненіи обязанностей». Такъ было и поступлено (всякій изъ насъ выругалъ его въ присутствіи солдатъ), и спустя нѣкоторое время всѣхъ насъ по очереди сажали въ карцеръ. Сверхъ того, за бунтъ, мы были лишены книгъ и отнята была у насъ мебель, т. е. кровати, столы и стулья, такъ что мы спали остальное время, проведенное въ кіевской тюрьмѣ на полу.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о карцерѣ.

Это былъ по просту погребъ, со сводистымъ потолкомъ, помѣщавшійся подъ зданіемъ. При запертыхъ дверяхъ, въ немъ водворялась абсолютная темнота: не оставалось ни одной свѣтлой точки, на которой могъ бы остановиться глазъ; ни сидѣть, ни лежать, само собою разумѣется, не было на чемъ. Помню, когда меня заперли въ эту яму, то я думалъ было сначала примоститься въ какомъ-нибудь уголкѣ, чтобы задремать; но это оказалось невозможнымъ: холодъ и сырость были настолько велики, что я принужденъ былъ двигаться. И вотъ, я принялся ходить, ощупывая всякій свой шагъ, чтобы не разбить голову объ низкіе каменные своды. На первыхъ порахъ, ходя вдоль стѣны, я держалъ руки вытянутыми впе-

*) Повѣрки совершались всякій день утромъ и вечеромъ.

редъ; но потомъ освоился съ мѣстомъ настолько, что совершенно автоматически поворачивался въ одну и другую сторону. Эта безконечно-однообразная прогулка продолжалась цѣлыя сутки.

Между тѣмъ какъ наша тюремная жизнь протекала вышеописаннымъ образомъ, въ это время совершилось событіе, оказавшее самое рѣшительное вліяніе на нашу участь. 2-го апрѣля 1879 г. произошло покушеніе на жизнь царя, вслѣдъ за которымъ былъ изданъ высочайшій указъ объ учрежденіи шести временныхъ генералъ-губернаторствъ. Объявлено было военное положеніе и политическія дѣла были переданы въ вѣденіе военно-окружныхъ судовъ. Прокуроръ военно-окружного суда, полковникъ Стрѣльниковъ, принялся за составленіе обвинительнаго акта по нашему дѣлу.

Обвинительный актъ врученъ былъ намъ въ 20-хъ числахъ апрѣля. Обвиненія, составленныя на скорую руку, безъ достаточнаго знакомства съ дѣломъ, бросались въ глаза своею бездоказательностью и съ юридической точки зрѣнія не выдерживали критики. Насъ обвиняли въ составленіи заговора, хотя многіе изъ насъ другъ съ другомъ не были знакомы; такъ, напр., я только въ тюрьмѣ познакомился съ Стеблинъ-Каменскимъ, Феохари и Романомъ. Судъ былъ назначенъ на 30-ое апрѣля. Обвиняемыхъ было 14 человѣкъ (въ число ихъ, неожиданно для насъ, попала квартирная хозяйка съ ея сестрой; видимо, это нужно было для того, чтобы судъ могъ вынести хоть одинъ-два оправдательныхъ приговора). Чтобы придать больше гласности процессу, мы обратились—конечно письменно—къ петербургскимъ адвокатамъ съ приглашеніями для защиты; но спустя нѣкоторое время намъ объявили, что мы должны брать защитниковъ мѣстныхъ, прикомандированныхъ къ кіевскому военно-окружному суду, т. е. лицъ, если не подчиненныхъ, то, во всякомъ случаѣ, зависимыхъ отъ нашего обвинителя, Стрѣльникова. Тогда, ради протеста, мы рѣшили совершенно отказаться отъ защиты.

30-го апрѣля, часу въ 6-мъ утра, по нашимъ камерамъ разнесена была новая арестантская одежда. Мы переодѣлись, начиная съ рубахъ и оканчивая котами, и насъ вывели изъ тюрьмы. Всѣхъ насъ было 8 человѣкъ; остальные 6 обвиняемыхъ по нашему дѣлу, женщины, были увезены изъ тюрьмы въ судъ раньше. Выйдя за ворота, я увидѣлъ огромную, красивую карету, съ окнами по бокамъ, въ которыхъ вдѣланы были желѣзныя рѣшетки, и множество конвойныхъ казаковъ, жандармовъ и полицейскихъ. Мы всѣ 8 человѣкъ совершенно свободно размѣстились на мягкомъ сидѣніи этой кареты, и наша процессія двинулась. Впрочемъ, то нельзя было назвать процессіей, а скорѣе какой-то скачкой, такъ какъ мы не ѣхали, а прямо мчались. Впереди всѣхъ летѣлъ въ фаэтонѣ полиціймейстеръ; за нимъ—жандармскій офицеръ. Карета наша окружена была скакавшими верхомъ казаками, съ пиками на перевѣсъ, точно они шли въ атаку. Мы промчались городскими улицами, не встрѣтивъ почти ни одного цивильнаго человѣка. По всѣмъ этимъ улицамъ прекращено было сообщеніе. Всюду стояли полицейскіе, а на перекресткахъ видны были шеренги солдатъ. Кіевскія власти, повидимому, боялись уличной демонстраціи, но эти преувеличенныя мѣры строгости придали лишь нашему проѣзду торжественный характеръ. Подъѣзжая къ зданію военно-арестантскихъ ротъ, мы увидѣли окна буквально облѣпленныя головами любопытныхъ, и едва наша карета поравнялась съ фасадомъ зданія, какъ оттуда раздалось: ура! Такимъ же крикомъ встрѣтила насъ и гимназія, мимо оконъ которой пришлось проѣзжать.

Въ военно-окружномъ судѣ мы провели четверо сутокъ, пока нашъ процессъ разсматривался. На ночь мы помѣщались въ камерахъ, находившихся въ нижнемъ этажѣ зданія; днемъ, когда засѣданія суда прекращались, мы проводили время во дворѣ.

Все вниманіе прокурора и суда было сосредоточено на выясненіи дѣла о вооруженномъ сопротивленіи, происшедшемъ

11-го февраля. Обвиненія же остальныхъ лицъ, не участвовавшихъ въ вооруженномъ сопротивленіи, отличались полной голословностью. Прокуроръ подводилъ всѣхъ по 250-ой статьѣ уложенія о наказаніяхъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ; между тѣмъ, противъ нѣкоторыхъ онъ не могъ представить никакихъ уликъ; такъ, напр., все обвиненіе Феохари и Позена сводилось къ тому, что они были взяты на квартирѣ Ивичевича. Примѣняя 250-ю статью, прокуроръ исходилъ изъ того предположенія, что мы составляли одно тайное сообщество, стремившееся къ ниспроверженію существующаго строя въ ближайшемъ будущемъ. Но если возможно было примѣнить эту статью, то развѣ только по отношенію къ Ивичевичу, Брантнеру, Осинскому и Свириденко. Можно было еще, пожалуй, съ нѣкоторой натяжкой притянуть сюда же меня, какъ нелегальнаго,—хотя на самомъ дѣлѣ, я не состоялъ съ ними въ одной организаціи, а находился лишь въ лично-пріятельскихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Но Осинскаго почему-то прокуроръ совсѣмъ выключилъ изъ нашего процесса и составилъ противъ него, Софіи Лешерпъ и Волошенко отдѣльный обвинительный актъ.

Въ своей обвинительной рѣчи Стрѣльниковъ (во время которой онъ выпилъ очень много воды, такъ какъ кричалъ до сипоты въ горлѣ) говорилъ преимущественно о вооруженномъ сопротивленіи. Потомъ для характеристики нашего сообщества приводилъ цитаты изъ «Земли и Воли» и другихъ революціонныхъ изданій. Наконецъ, упомянулъ о нѣкоторыхъ прошлыхъ дѣлахъ, какъ, напр., о покушеніи на жизнь Гориновича и побѣгѣ изъ кіевской тюрьмы, при чемъ указалъ судьямъ на меня, какъ на одного изъ виновниковъ этого побѣга. Но относительно большинства обвиняемыхъ не сказалъ ровно ничего, а многихъ даже не упоминалъ. Такъ, онъ совершенно умолчалъ о Позенѣ, Сарандовичѣ, Потылицыной, Феохари... Да нечего было ему и говорить, ибо противъ нихъ

не имѣлось у него никакихъ данныхъ. Они оказывались виновными только въ томъ, что они были знакомы съ тѣми, которые оказали вооруженное сопротивленіе при арестѣ. Но этого одного оказалось достаточнымъ, чтобы ихъ осудить. Судъ призналъ, что всѣ мы составляли одно тайное сообщество, видимо, исходя, подобно прокурору, изъ того соображенія, что разъ мы были пойманы одновременно и держались въ тюрьмѣ и на процессѣ единодушно, то это доказывало нашу принадлежность къ одной организаціи. На процессѣ много времени было удѣлено на выясненіе нашего поведенія въ тюрьмѣ: нашего бунта, ломанія печекъ и пр. Что пойманы мы были въ одно время, для многихъ изъ насъ это было простой случайностью; относительно же нашего единодушія во время тюремной жизни, я долженъ замѣтить, что для этого вовсе не надо было состоять въ одномъ революціонномъ сообществѣ. Тамъ, гдѣ были люди, которымъ грозила смертная казнь, остальнымъ приходилось держаться единодушно. Простое чувство порядочности вынуждало къ этому. Вотъ этихъ-то простыхъ соображеній не понимали или, можетъ быть, даже не смѣли понимать господа судьи. Этимъ только и можно объяснить ту вопіющую несправедливость, въ которую впалъ судъ: исключая Брантнера и Свириденко, приговоренныхъ къ смерти, какъ вооруженно сопротивлявшихся, всѣхъ остальныхъ подвели подъ одну категорію; вынесенъ былъ одинъ приговоръ для всѣхъ—14 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ каторжныхъ работъ. Сюда входили и такіе, какъ я, жившій до ареста нелегально цѣлыхъ 6 лѣтъ, тутъ же была и Потылицына, молодая дѣвушка, не принимавшая участія ни въ какихъ революціонныхъ дѣлахъ. Эта ошибка поправлена была нѣсколько позднѣе, конфирмаціей генералъ-губернатора, по которой приговоренные были раздѣлены на нѣсколько категорій. Но при этомъ опять-таки власти руководились не столько фактами, сколько внутреннимъ убѣжденіемъ.

На судѣ держали мы себя скорѣе, какъ зрители, чѣмъ какъ обвиняемые. Мы отказались отъ защиты, не давали никакихъ показаній, но почти всѣ передъ судомъ назвали свои фамиліи, исключая Владиміра Свириденко, продолжавшаго именовать себя Антоновымъ. Это онъ дѣлалъ для того, чтобы по возможности дольше не могла узнать о его участи его мать, жившая въ Крыму. Публика, присутствовавшая на судѣ по билетамъ (безъ билетовъ не пускали въ залу суда) состояла преимущественно изъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Составъ суда не вызывалъ особенно дурнаго впечатлѣнія, большинство судей, какъ и самъ предсѣдатель, генералъ Слуцкій, казалось,были люди добродушные; это можно было читать по ихъ лицамъ, блѣднымъ, взволнованнымъ. Приговоръ же оказался жестокій потому, что онъ имъ былъ продиктованъ сверху. Судьи кіевскаго военно-окружнаго суда, подобно нашему тюремному смотрителю, держались того взгляда, что они должны подчиняться тому, отъ кого зависѣли, т. е.—кто далъ имъ службу.

Только два человѣка рѣзко выдѣлялись изъ всѣхъ: то былъ прокуроръ Стрѣльниковъ и жандармскій капитанъ Судейкинъ, игравшій одну изъ видныхъ ролей на нашемъ процессѣ (въ качествѣ свидѣтеля, конечно).

Капитанъ Судейкинъ, высокій и стройный, молодой человѣкъ, очевидно, позировалъ передъ публикой. Особенно интересенъ онъ былъ, когда ораторствовалъ въ качествѣ главнаго свидѣтеля по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи. Видимо, онъ себя считалъ героемъ и до того рисовался и хвастался передъ судомъ и публикою, такъ много болталъ, подчасъ просто безсмыслицу, не относящуюся къ дѣлу, лишь бы только болтать и вертѣться передъ глазами всѣхъ, что гадко было на него смотрѣть. Человѣку этому, какъ мнѣ казалось, ни до какихъ убѣжденій никакого дѣла не было, и для него мы всѣ, нигилисты, представляли просто лакомый

кусокъ: на нашей гибели онъ строилъ свою карьеру. Мнѣ онъ сильно напоминалъ собою гоголевскаго Ивана Александровича Хлестакова.

Нервное, сухое и злое лицо, какъ и вся небольшая фигура Стрѣльникова представляла рѣзкую противуположность съ бѣлой откормленной, самодовольной физіономіей Судейкина. Въ прокурорѣ сказывался человѣкъ очень злой, но извѣстныхъ убѣжденій, и на насъ онъ смотрѣлъ, какъ на личныхъ своихъ враговъ. Всякая его фраза дышала злобой. Но онъ не щадилъ и другихъ. Такъ ему удалось, между прочимъ, рядомъ свидѣтельскихъ показаній выяснить передъ судомъ, что жандармы бѣжали изъ дома Коссаровской послѣ первыхъ залповъ; и надо было видѣть, съ какимъ злорадствомъ онъ посматривалъ то на публику, то на судей, то, наконецъ, на самаго Судейкина. «Господа жандармы бѣжали...» шипѣлъ онъ сквозь зубы, и злая усмѣшка играла на его сухомъ лицѣ.

Обѣ эти личности, и Судейкинъ, и Стрѣльниковъ, вскорѣ стали исполнять видныя роли въ Россіи. Судейкинъ сдѣлался начальникомъ тайной полиціи въ Петербургѣ; Стрѣльниковъ создалъ рядъ процессовъ съ висѣлицами въ Кіевѣ и Одессѣ. Обѣ эти личности и были впослѣдствіи убиты революціонерами.

Во время смертнаго приговора, когда объявлена была смертная казнь Брантнеру и Антонову (Свириденко), съ одной изъ подсудимыхъ сдѣлалась истерика. Жандармы побѣжали за водой; мы поднялись со скамей, на которыхъ сидѣли; произошла общая суматоха. Въ эту минуту, публика, присутствовавшая въ залѣ суда, тоже встала на ноги, а многіе даже взлѣзли на стулья, чтобы лучше видѣть происходившую сцену.

— «Чего глазѣете?!» закричалъ Свириденко. «Здѣсь не театръ!.. Позоръ—дѣлать изъ этого зрѣлище!»

Это произвело удивительный эффектъ: всѣ сразу присѣли, а затѣмъ поспѣшно стали выходить изъ залы суда.

4-го мая процессъ нашъ окончился, и насъ отвезли обратно въ тюрьму; а въ окружномъ судѣ началось разбирательство другихъ дѣлъ: сначала Осинскаго и затѣмъ Избицкаго. Всѣ три процесса были окончены къ 8-му маю, и послѣ того мы стали ждать конфирмаціи. Цѣлые дни мы проводили вмѣстѣ; намъ разрѣшены были свиданія съ родными; вообще, жизнь въ тюрьмѣ послѣ суда сдѣлалась значительно вольнѣе; но перспектива казни отравляла все. Въ томительномъ ожиданіи ужаснаго конца, надъ которымъ даже самая мысль не осмѣливалась остановиться на долго, протекло наше время. Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ, 12-го мая появился полиціймейстеръ, и насъ позвали въ тюремную контору для выслушанія конфирмаціи. По конфирмаціи, нѣкоторымъ были уменьшены сроки каторги; другимъ оставлено было наказаніе, вынесенное судомъ. Только о троихъ въ конфирмаціи 12-го мая ничего не было сказано; эти трое были: Антоновъ (Свириденко), Брантнеръ и Осинскій; ихъ даже не звали въ тюремную контору. Это значило, что приговоръ въ окончательной формѣ надъ ними будетъ прочтенъ на мѣстѣ казни. Всѣ это понимали, но никто, конечно, объ этомъ не говорилъ. Кажется, въ тотъ же денъ, т. е. 12-го мая, Осинскій и Антоновъ были переведены съ верхняго этажа въ нижній, гдѣ уже сидѣлъ Брантнеръ, и гдѣ находились также камеры: моя и Волошенко. Сначала мы не могли понять, зачѣмъ это было сдѣлано, но вскорѣ причина выяснилась: изъ оконъ верхняго корридора было видно, какъ въ полѣ, недалеко отъ тюрьмы, начали строить висѣлицы. Сидѣвшіе въ верхнемъ этажѣ сообщили объ этомъ остальнымъ, кромѣ приговоренныхъ къ смерти, отъ которыхъ, конечно, старались скрыть. Догадывались ли сами приговоренные о томъ, что готовилось для нихъ—не знаю. Они тоже,

подобно намъ, молчали, не разговаривали объ ожидавш
ихъ казни. Но видно было, что они къ ней готовили.
Такъ, Валеріанъ Осинскій, время отъ времени, возвращал
къ вопросу о томъ, что для него смертная казнь чере
разстрѣляніе представляется несравненно легче, чѣмъ чере
повѣшеніе. Антоновъ озабоченъ былъ мыслью, чтобы е
мать не узнала объ его участи и часто говаривалъ со мно
объ этомъ: но въ чемъ состояла эта его участь, онъ
договаривалъ, или вѣрнѣе, никогда не успѣвалъ договорит
бесѣдуя со мною. Мнѣ всякій разъ становилось страшн
когда объ этомъ заходила рѣчь, и я тотчасъ старался свес
разговоръ на что либо другое. Мы всѣ избѣгали слова казн
какъ будто боялись самого этого слова. Нужно сказать, чт
судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе,
замѣна разстрѣла висѣлицей произошла уже потомъ. Ком
обязаны были приговоренные этой замѣной въ худшую сто
рону, такъ какъ повѣшеніе считается у насъ болѣе позорно
казнью, — съ увѣренностью сказать не могу; но я помню
что въ то время ходилъ слухъ, будто замѣна эта была сдѣ
лана самимъ царемъ, съ которымъ, какъ передавали нам
офицеры, приходившіе на караулъ, кіевскій генералъ-губер
наторъ Чертковъ сносился телеграммой.

Вечеромъ 12-го мая, передъ тѣмъ какъ должны был
затворить насъ на ночь по камерамъ, приговоренные попро-
щались со всѣми, такъ какъ думали, что это было ихъ по-
слѣднее свиданіе. Однако, ночь прошла; наступило 13-ое мая
и утромъ опять выпустили насъ всѣхъ изъ камеръ во дворъ.
Такъ какъ было неизвѣстно, чѣмъ объяснить это замедленіе,
то, помню, у меня зародилась даже смутная надежда на то,
что казни не будетъ. Съ казнью мой умъ и чувство не
могли мириться, и достаточно оказалось ничтожнаго повода,
чтобы родить надежду. Но наступилъ вечеръ 13-го мая, и
приговоренные, расходясь по своимъ камерамъ, опять попро-

щались со всѣми. И вотъ повѣрка прошла; насъ заперли на ночь. Вскорѣ я услыхалъ шаги въ корридорѣ какихъ-то вооруженныхъ людей, и тотчасъ послышался изъ окна голосъ Осинскаго, сообщавшаго о томъ, что къ нему въ камеру поставили часового. Это было дурнымъ предзнаменованіемъ. Я раньше слыхалъ, что послѣднюю ночь передъ казнью приговореннаго не оставляютъ одного, а помѣщаютъ къ нему часового. Камера Осинскаго находилась въ началѣ корридора; за ней слѣдовала камера Волошенко, потомъ—моя,—Брантнера и наконецъ, послѣдняя, въ глубинѣ корридора, была камера Свириденко. Я слышалъ, какъ прошли мимо моей двери солдаты; какъ отворилась дверь, сначала въ камеру Брантнера, потомъ Свириденко. Однако ни тотъ, ни другой не сообщили объ этомъ черезъ окна, какъ это сдѣлалъ Осинскій. Изъ камеры Брантнера доносились какіе-то слабые голоса.

Между тѣмъ наступила ночь. Я не зажигалъ лампы, и моя камера едва освѣщалась пучкомъ свѣта, врывавшимся изъ корридора черезъ дверную дырку. Окно было отворено настежъ. Я влѣзъ на подоконникъ и сѣлъ прижавшись къ рѣшеткѣ. Ночь была теплая и тихая, такая тихая, что на открытомъ воздухѣ, казалось, могла бы горѣть свѣча. Уголовные арестанты улеглись, и въ главномъ фасадѣ тюрьмы, гдѣ они помѣщались, все успокоилось. Тихо было и въ нашемъ отдѣленіи. Но что дѣлали всѣ — не знаю; можетъ быть, подобно мнѣ, сидѣли у настежъ отворенныхъ оконъ и глядѣли на ночное небо, гдѣ мерцали звѣзды. Всѣ молчали. Только Осинскій перекликивался съ Лешернъ, сидѣвшей на женской половинѣ, въ противуположномъ концѣ зданія. «Четыре, пять, семь, два, восемь, нуль...» съ первной торопливостью выкрикивалъ онъ изъ своего окна. Онъ шифровалъ что-то.

Внизу, вдоль нашихъ оконъ, ходилъ часовой. Я сталъ

вслушиваться. Изъ камеры Свириденко не долетало ни одного звука, ни малѣйшаго шороха. Спалъ ли онъ въ эту послѣднюю ночь, или только молча лежалъ на своемъ соломенномъ тюфякѣ, заложивъ обѣ руки подъ голову, какъ онъ обыкновенно любилъ лежать? Трудно сказать; но я чувствовалъ, что его не было возлѣ окна. Было такъ тихо, и я такъ напряженно вслушивался, что, конечно, услыхалъ бы что-нибудь, какъ слыхалъ я Малавскаго, сидѣвшаго у своего окна, и камера котораго находилась вверху надъ моей, хотя я и не разговаривалъ съ нимъ.

Владиміръ Свириденко родомъ былъ изъ Крыма, изъ города Симферополя; онъ жилъ на югѣ (Одессѣ, Харьковѣ и Николаевѣ) и принималъ участіе въ дѣлахъ тамошнихъ кружковъ; кажется, былъ даже формальнымъ членомъ кружка Ковальскаго. Онъ занимался пропагандой, главнымъ образомъ, среди матросовъ черноморскаго флота въ г. Николаевѣ, а съ наступленіемъ террора, увлекся этимъ новымъ направленіемъ и сошелся съ террористами. Онъ очень высоко цѣнилъ дѣятельность Осинскаго и въ послѣднее время окончательно примкнулъ къ «Исполнительному Комитету». Арестованный на улицѣ съ оружіемъ въ рукахъ, онъ назвалъ себя ложнымъ именемъ Антонова съ единственной цѣлью, чтобы его мать, жившая въ Симферополѣ, и которую онъ очень любилъ, не узнала объ его участи. Свириденко отказался давать показанія, хотя на судѣ призналъ, что сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ жандармовъ. Все его поведеніе, прямое и смѣлое, отъ ареста до самой послѣдней минуты его жизни, вызвало симпатіи и удивленіе даже среди властей. Свириденко былъ повѣшенъ подъ вымышленнымъ прозвищемъ Антонова, но впослѣдствіи одесскіе процессы послужили къ открытію его фамиліи. Что сдѣлалось съ его бѣдной матерью послѣ того, какъ она узнала объ участи сына — не знаю.

Изъ камеры Брантнера слышался тихій разговоръ. Въ

этотъ вечеръ къ нему пришелъ лютеранскій пасторъ и хотя онъ отказался отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ, но съ пасторомъ бесѣдовалъ очень долго. Ровная, спокойная натура Брантнера мало походила на пылкую, бунтовскую натуру Владиміра Свириденко.

Людвигъ Брантнеръ не обладалъ ни особенно широкимъ развитіемъ, ни знаніями и при первомъ знакомствѣ не производилъ впечатлѣнія человѣка выдающагося. Но тому, кто его зналъ въ теченіе долгаго періода времени, приходилось многому въ немъ удивляться. Онъ принадлежалъ къ харьковскому кружку народниковъ и сталъ участвовать въ движеніи очень рано. Разсказывая о первыхъ нашихъ кружкахъ, я уже упоминалъ о тѣхъ принципахъ нравственности, которыхъ держались тогда всѣ. Мы находили безнравственнымъ жить на чужой счетъ и старались зарабатывать пропитаніе простымъ физическимъ трудомъ. Это нравственное требованіе проявилось въ томъ, что повсюду устраивались мастерскія, и люди занимались изученіемъ ремеселъ. Но прошло нѣкоторое время, и охота зарабатывать хлѣбъ тяжелымъ физическимъ трудомъ пропала у большинства. Брантнера это не коснулось; онъ попрежнему столярничалъ, попрежнему бѣдствовалъ. Я часто бывалъ у него въ мастерской въ Харьковѣ. Онъ держалъ ее вмѣстѣ съ Глушковымъ, котораго мы звали «Іонычемъ» (Іонычъ потомъ эмигрировалъ и жилъ въ Парижѣ). Въ этой мастерской съ шипящимъ жестянымъ самоваромъ на столярномъ верстакѣ, я всегда чувствовалъ себя легко и уютно. Въ голодѣ и холодѣ проводилъ Брантнеръ свою жизнь, но ни разу я не слыхалъ его жалующимся; при встрѣчахъ всегда одинаково весело улыбались его добрые каріе глаза, какъ будто жизнь его была полна всевозможныхъ прелестей. Какой-то задушевностью дышало все его существо. Во время вооруженнаго сопротивленія онъ получилъ, какъ я уже говорилъ выше, двѣ раны: одну въ поясницу, другую въ руку. Первая рана

зажила скоро, хотя считалась болѣе опасной; а рука такъ и осталась на перевязкѣ до самой его казни. Пуля раздробила плечевую кость и порвала нервъ, управляющій движеніемъ руки, вслѣдствіе чего рука его висѣла парализованная. Помню, встрѣчаясь съ Брантнеромъ во время гуляній, или же глядя изъ корридора черезъ дверную дырку на его приземистую фигуру, я никогда не могъ видѣть безъ волненія этой больной его руки; она совершенно не гармонировала съ его попрежнему веселымъ лицомъ; эта веселая, добрая улыбка не покидала его лица до самой послѣдней минуты. Съ перваго дня ареста Брантнеръ объявилъ свою фамилію и далъ о себѣ показанія, не скрывая вовсе того, что онъ стрѣлялъ. Эксперты склонялись къ тому, что жандармъ Казанкинъ былъ убитъ пулей изъ револьвера Брантнера, но это, впрочемъ, не было вполнѣ выяснено.

Въ то время какъ изъ камеры Свириденко не доносилось ни малѣйшаго шороха, а Брантнеръ тихо бесѣдовалъ съ пасторомъ, Валеріанъ Осинскій ни на одну минуту не могъ успокоиться. Его нервно-подвижная натура вполнѣ сказалась въ эту ночь. Онъ перебрасывался отдѣльными фразами; шифровалъ. По голосу его, то звонкому и рѣзкому, то глухо вылетавшему откуда-то изъ глубины, можно было заключить, что онъ не сидѣлъ спокойно у своего окна и постоянно то соскакивалъ внизъ въ камеру, то опять взбирался къ окну. Въ заключеніе, помню, обратился онъ ко мнѣ съ просьбой, чтобы я спѣлъ ему Беранже «На смерть капрала». Нечего и говорить, что мнѣ было совсѣмъ не до пѣсенъ; однако, сознаніе, что я своимъ пѣніемъ, доставлю, не скажу, удовольствіе, но, можетъ быть, отвлеку его мысли въ сторону, или просто сокращу время,—это сознаніе меня ободрило, и я сталъ пѣть. Въ эту ночь онъ заставилъ меня повторить раза три «На смерть капрала», гдѣ, какъ извѣстно, разсказывается о томъ, какъ наполеоновскій капралъ шелъ къ разстрѣлу. Бѣдный Ва-

леріанъ!.. Онъ все надѣялся, что будетъ разстрѣлянъ, подобно наполеоновскому капралу по пѣснѣ Беранже. Его мысль не мирилась съ висѣлицей; онъ чувствовалъ отвращеніе къ висѣлицѣ, какъ это неоднократно высказывалъ передо мной.

Наконецъ, становилось уже очень поздно. Осинскій не просилъ больше меня пѣть; пересталъ разговаривать. Изъ камеры Брантнера пасторъ давно ушелъ, и тамъ все затихло; отъ Свириденко попрежнему—ни звука. Я продолжалъ сидѣть у рѣшетки. Слѣва, въ сосѣдней одиночкѣ раздавались шаги Волошенко, который то ходилъ, то пріостанавливался, плевалъ и опять принимался ходить. Окно его было отворено, и мнѣ все было слышно. „Соня!“ вдругъ раздался рѣзкій голосъ Осинскаго. „Валеріанъ!“ откликнулась Софія Лешернъ съ противуположнаго конца зданія; она, видимо, тамъ тоже сидѣла у окна. Но Осинскій только окликнулъ ее; онъ не вступалъ въ разговоръ. И все опять смолкло.

Въ моей головѣ толпились мысли. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы всѣхъ троихъ повѣсили. Свириденко и Брантнеръ стрѣляли во время ареста, и оба передъ судомъ въ этомъ сознались. На вопросъ предсѣдателя суда, признаютъ ли они себя виновными, Свириденко отвѣтилъ, что хотя онъ стрѣлялъ, но полагаетъ, что имѣлъ на это нравственное право, а потому не считаетъ себя виновнымъ. Помню, прокуроръ Стрѣльниковъ, выслушавъ это заявленіе, только пожалъ плечами и, обращаясь къ судьямъ, прошипѣлъ, какъ змѣя: «Мнѣ нечего добавить къ этому...» Да, къ этому, дѣйствительно, нечего было добавить. Участь Свириденко и Брантнера была рѣшена. Но относительно Валеріана Осинскаго я все еще сомнѣвался. Мнѣ представлялось, что его подведутъ подъ висѣлицу и затѣмъ помилуютъ, такъ какъ противъ него собственно фактическихъ уликъ не было. Его обвиняли тоже въ вооруженномъ сопротивленіи при арестѣ и за это подводили къ смертной казни. Но то была слишкомъ очевидная натяжка со стороны прокурора. Осинскій,

остановленный на улицѣ переодѣтыми жандармами, поведенъ былъ въ полицейскій участокъ; здѣсь, въ ту минуту, когда Судейкинъ собирался его обыскать, онъ сталъ вытаскивать изъ кобура револьверъ; его схватили за руки, обезоружили, и тѣмъ дѣло кончилось. Онъ не успѣлъ сдѣлать выстрѣла. Это было выяснено на судѣ. И вотъ, принимая это во вниманіе, мнѣ казалось, что онъ избѣгнетъ казни. Но я упускалъ въ ту минуту изъ вида самое главное, именно: «внутреннее убѣжденіе», составленное у властей относительно Осинскаго. Они его считали чуть не предсѣдателемъ «Исполнительнаго Комитета», хотя и не имѣли на это доказательствъ. Осинскій объявилъ на судѣ, что онъ былъ только агентомъ «Исполнительнаго Комитета», а не членомъ и что, насколько ему было извѣстно, среди арестованныхъ не находилось даже ни одного члена «Исполнительнаго Комитета. *) Стрѣльниковъ съ особенной ненавистью относился къ Осинскому и на судѣ, требуя для него смертной казни, дошелъ до того, что, обхвативъ пальцами свою шею, воскликнулъ: «Вотъ чего заслуслуживаетъ господинъ Осинскій!» Злоба, которой кипѣлъ Стрѣльниковъ, была такъ велика, что не могла выразиться одними словами; ему понадобилось прибѣгнуть къ жестамъ. Онъ намекалъ на веревку.

Сидя у рѣшетки, я вслушивался въ окружавшую тишину. А между тѣмъ на небѣ уже звѣзды меркли; потянуло предразсвѣтнымъ холодомъ. Внизу, подъ окномъ прошла «смѣна»; послышалось бряцаніе ружей, голоса... Потомъ опять все стихло. Я слѣзъ съ подоконника и прилегъ на тюфякъ. Скоро я впалъ въ полузабытье, далеко, впрочемъ, не сонъ, такъ

---

*) Любопытно то, что этотъ тонъ былъ удерживаемъ потомъ многими революціонерами. Такъ, Желябовъ заявилъ на судѣ, что онъ былъ только агентомъ «Испол. Комитета»; Ал. Михайловъ тоже самое, присовокупивъ при этомъ, что «Исп. Комитетъ» это—«учрежденіе неуловимое, недосягаемое».

какъ все слышалъ. «Соня!...» «Валеріанъ!...» проносилось отъ времени до времени надъ обширнымъ, пустымъ тюремнымъ дворомъ. Очнулся я отъ этого состоянія скоро и, увидѣвъ свѣтъ, всталъ и принялся ходить по камерѣ. Уголовные арестанты поднялись; съ ихъ камеръ доносился шумъ. Въ камерахъ нашего отдѣленія царствовало прежнее молчаніе Прошло нѣкоторое время. Я позвалъ ключника и приказалъ отворить мою камеру. Выйдя въ корридоръ, я подошелъ къ двери Волошенко и заглянулъ въ дырку: онъ сидѣлъ на своемъ тюфякѣ съ опущенной головой; волосы на его головѣ были взъерошены; онъ глядѣлъ на полъ и поплевывалъ. Я ничего не сказалъ ему и удалился отъ двери. Къ приговореннымъ я не рѣшался заглядывать; какой-то необъяснимый страхъ удерживалъ меня отъ этого. Въ это время раздался шумъ двигавшагося конвоя. У входныхъ дверей я увидѣлъ кучу солдатъ и офицеровъ, спускавшихся по ступенькамъ въ нашъ корридоръ. Я догадался, зачѣмъ они явились. Тутъ были офицера пѣхотные и жандармскіе, нѣсколько полицейскихъ, нашъ тюремный смотритель. Сколько было ихъ всѣхъ, сказать не умѣю, но мнѣ показалось, очень много. Почти одновременно какъ-то приговоренные были выведены изъ своихъ камеръ; двери отворялись, и они выходили въ корридоръ одинъ за другимъ: Свириденко, Брантнеръ, Осинскій... Я сталъ съ ними прощаться. Брантнеръ, съ рукою на перевязи, улыбался и въ эту минуту; лицо его было совершенно свѣжее; Антоновъ былъ, по обыкновенію, блѣденъ; у Осинскаго губы, словно отъ лихорадки, ссохлись, и онъ скусывалъ ихъ до крови. Не знаю, какъ мнѣ пришло въ голову въ ту минуту, но я потребовалъ ножницы. Кто-то изъ конвоя далъ мнѣ ножъ, такъ какъ ножницъ не оказалось. Тогда у всѣхъ троихъ я отрѣзалъ по клочку волосъ съ головы; у Осинскаго трудно оказалось отрѣзать, и онъ почти вырвалъ ихъ изъ своей головы. Конвойные молча окружали насъ, ожидая конца

прощанія. Послѣ этого я ушелъ въ камеру. Меня заперли. Я слышалъ, какъ вышелъ въ корридоръ Волошенко и тоже сталъ съ ними прощаться. Меня въ камерѣ стали душить рыданія.

14-го мая, въ 10 часовъ утра, ихъ казнили. Вотъ какъ описана была казнь въ „Листкѣ Земли и Воли". «Въ 9 часовъ ихъ повели въ контору тюрьмы и, по исполненіи какихъ то формальностей, посадили въ приготовленную для нихъ карету, окруженную отрядомъ козаковъ. Имъ было предложено посадить съ собою въ карету и священниковъ, но осужденные отказались. Пріѣхавъ на мѣсто казни, они сами вышли изъ кареты, отказались отъ предложенія тюремныхъ сторожей вести ихъ за руки и подошли ближе къ висѣлицамъ. Здѣсь ихъ поставили рядомъ, спиной къ эшафоту. Адъютантъ 128 полка прочелъ приговоръ; одинъ изъ осужденныхъ просилъ позволенія проститься съ товарищами. Получивъ позволеніе, всѣ трое обнялись и поцѣловались другъ съ другомъ. Одинъ изъ офицеровъ въ третій разъ предложилъ имъ принять священника, но осужденные снова отказались.

Палачъ сбросилъ съ нихъ арестантскіе халаты и надѣлъ саваны, связавъ предварительно имъ руки. Ему помогали полицейскіе солдаты. Въ эту минуту прискакалъ адъютантъ Черткова и громко отъ имени генералъ-губернатора спросилъ: не желаютъ ли осужденные раскаяться и принять духовное утѣшеніе? Всѣ трое отвѣтили отрицательно... Палачъ надѣлъ имъ капюшоны на головы, поворотилъ лицомъ къ эшафоту и, подталкивая подъ локти, сталъ взводить на эшафотъ. Поставивъ Брантнера, Антонова и Осинскаго на скамьи, палачъ надѣлъ имъ петли на шеи и выдернулъ изъ подъ каждаго скамью. Первымъ повисъ Антоновъ—сразу. Вторымъ—Брантнеръ, застонавъ и метнувшись раза два. Третьимъ—Осинскій, на котораго петля была надѣта такъ, что при паденіи скамьи, голова склонилась въ сторону и веревка

пришлась не на замычкѣ, а около уха. Онъ сталъ метаться и судорожно биться ногами... Полковникъ Новицкій, бесѣдовавшій съ напиравшей на солдатъ толпою и силившійся доказать ей, что вѣшаютъ разбойниковъ и убійцъ, обратился къ палачу: «Что ты сдѣлалъ? Вѣдь онъ мечется?» — «Ничего-съ— это сейчасъ кончится», отвѣтилъ палачъ.—«Но вѣдь онъ живъ?»—«Не безпокойтесь! Это ужъ мое дѣло... Будетъ мертвъ! Не безпокойтесь». Новицкій, очевидно, успокоенный тѣмъ, что хотя и въ страшныхъ мученіяхъ, но все таки Осинскій умретъ, продолжалъ краснорѣчиво лгать передъ толпою, объясняя ей, между прочимъ, мученія Валеріана тѣмъ, что онъ отказался принять священника.

Черезъ полъ часа палачъ перерѣзалъ веревки и трупы рухнули на землю. Сняли капюшоны. Лица были багровыя, съ высунутыми языками. Ихъ осмотрѣлъ врачъ. Вслѣдъ затѣмъ ихъ тамъ же закопали.

Послѣ казни отданъ былъ приказъ возвращаться войскамъ съ музыкой, и часу въ одиннадцатомъ дня нашъ слухъ былъ пораженъ оркестромъ солдатскихъ трубъ, игравшихъ залихватскій военный маршъ. Какое презрѣніе возбудилъ во мнѣ, да, вѣроятно, и у всякаго, у кого только сохранилась капля совѣсти, этотъ неумѣстный парадъ! Собраться въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ для убійства троихъ,—хотя бы даже и враговъ—неужели это достаточный поводъ для выраженія такого военнаго азарта? И чѣмъ тогда отличались эти господа отъ дикарей Полинезіи? Имъ недоставало только поджарить своего врага и съѣсть.

Утромъ того же дня, т. е. 14-го мая (еще передъ казнью), увезены были изъ тюрьмы на желѣзную дорогу приговоренныя женщины: Армфельдъ, Ковалевская, Лешернъ, Сарандовичъ и Потылицына. А спустя нѣкоторое время (недѣли двѣ, однако, прошло), отправили и остальныхъ насъ на каторгу.

XXIII

Послѣ казни.— Мечты о волѣ. Послѣдніе дни пребыванія въ кіевской тюрьмѣ.—Отправленіе въ ссылку.

Прійдя въ тюрьмѣ въ непосредственное столкновеніе съ нашими врагами, какъ мы ихъ называли, т. е. съ нашими чиновниками, я скоро почувствовалъ, что мои представленія о нихъ не совсѣмъ оказались вѣрны. Враги выходили на повѣрку не такими, какими я ихъ себѣ рисовалъ раньше. Военные судьи были блѣдны въ ту минуту, какъ выносили смертный приговоръ; глаза у нихъ были опущены въ землю, точно имъ стыдно было или они не смѣли смотрѣть въ глаза публикѣ. Особенно казался взволнованнымъ предсѣдатель суда, генералъ Слуцкій, читавшій приговоръ. Офицера, присутствовавшіе на казни, или точнѣе выражаясь, участвовавшіе въ казни (такъ какъ безъ войскъ казней не совершалось), потомъ дѣлились съ нами, заключенными, своими впечатлѣніями и, помню, рѣшительно всѣ возмущались казнью. Даже смотритель тюрьмы, повидимому, совершенно огрубѣвшій человѣкъ, проводившій по долгу службы приговоренныхъ отъ тюрьмы до эшафота, и тотъ, зайдя какъ-то ко мнѣ въ камеру, воскликнулъ: «Ну, видѣлъ же я всю процессію!.. Проводилъ на смерть!... Не дай Богъ другой разъ это видѣть!...» Кромѣ Судейкина и Стрѣльникова, отвѣчавшимъ вполнѣ моему представленію о врагѣ, ни о комъ другомъ изъ окружавшихъ насъ чиновниковъ ничего выдающагося дурного нельзя было сказать. А большинство изъ нихъ были даже добродушные люди.

И тѣмъ не менѣе эти люди, въ душѣ далеко не злодѣи, совершили гнусное злодѣяніе, повѣсили другихъ людей. Кто-то изъ служащихъ, помню, сообщилъ намъ тогда, будто тотъ

залихватскій маршъ, который насъ, заключенныхъ, такъ глубоко возмутилъ, приказалъ играть послѣ казни полиціймейстеръ Гюббенетъ. Но и это косноязычное существо съ воинственной осанкой было скорѣе глупое, чѣмъ злое. Блѣднѣя, надо полагать, отдавалъ онъ этотъ свой приказъ, неизвѣстно кѣмъ ему продиктованный (возможно даже и его собственной глупостью), и едва ли онъ отдавалъ въ ту минуту ясный отчетъ себѣ въ своемъ поступкѣ.

Да, наши враги казнили насъ совершенно безъ гнѣва и даже безъ желанія, а просто исполняя приказаніе начальства. Но на злобнаго человѣка, въ родѣ Стрѣльникова, можно было хоть сердиться: это былъ хоть настоящій врагъ. Но что можно было сказать о человѣкѣ, совершавшемъ преступленіе съ грустью, болѣе того—съ нѣкоторымъ сочувствіемъ къ жертвѣ? Что можно сказать о мясникѣ, рѣжущемъ быка и этимъ способомъ зарабатывающемъ пропитаніе? «Вѣдь мы служимъ! Должны же мы исполнять предписаніе начальства? У насъ есть жены и дѣти,—ихъ надо кормить.» Такими соображеніями, очевидно, руководствовались и оправдывались передъ своей совѣстью и судьи, и офицеры, участвовавшіе въ казни, какъ оправдывался тѣми же соображеніями и нашъ тюремный смотритель. И рѣзали эти господа ради своего пропитанія не быковъ, а людей. Правда, это напоминало уже скорѣе ремесло разбойника, чѣмъ мясника. Да даже и съ разбойничьимъ ремесломъ нельзя было этого сравнивать; разбойникъ нападаетъ на свою жертву невзначай, ночью и при этомъ самъ рискуетъ жизнью. Здѣсь же и риску никакого не было,—для этого собралось ихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и все совершалось открыто при дневномъ свѣтѣ, словно во всемъ томъ, что совершалось, не было ничего преступнаго. Повторяю, эти мясники или добродушные злодѣи, какъ хотите ихъ назовите, вовсе не представляли собою какихъ либо исключительныхъ людей. Нисколько! То были, очевидно,

наши средніе россіяне, составлявшіе наше общество, можетъ быть, даже наше большинство. Вотъ кто такіе оказывались наши враги. Мрачная картина получалась въ конечномъ выводѣ!...

Я уже говорилъ какъ-то раньше, что до моего ареста мнѣ пришлось жить нелегальнымъ около шести лѣтъ (отъ 73 до 79 года). Само собою разумѣется, что укрывательство въ теченіе такого долгаго періода времени должно было отразиться на моихъ привычкахъ и развить у меня извѣстные потребности и вкусы. Мнѣ стала нравиться эта безпокойная жизнь. Я любилъ «заметать слѣды», испытывая совершенно особое наслажденіе при томъ, когда удавалось хитро какъ-нибудь одурачить врага, преслѣдующаго меня. Въ теченіе шести лѣтъ мнѣ приходилось скрываться и бѣгать, и нѣтъ ничего удивительнаго, что попавши въ тюрьму я сталъ сразу думать тоже о томъ, какъ бы бѣжать.

Но насъ стерегли зорко на первыхъ порахъ; да и все-то наше пребываніе въ кіевской тюрьмѣ оказалось непродолжительно. Событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Выстрѣлъ Соловьева вызвалъ военное положеніе; по нашему дѣлу слѣдствіе велось скоро; наступилъ судъ, затѣмъ — казнь... Тутъ не было времени созрѣть серьезному плану побѣга. Да трудно было ему и родиться при тѣхъ обстоятельствахъ. Оставалось ограничиваться только желаніями, да еще пожалуй мечтаніями, принимавшими по временамъ, у меня по крайней мѣрѣ, самый фантастическій характеръ. Сидишь, бывало, у окна, смотришь въ небо и жадно слѣдишь взоромъ, какъ пролетаетъ гдѣ нибудь высоко надъ тюрьмою голубь или ворона. Глядишь, заглядишься, размечтаешься... Вотъ если бы самому такъ же улетѣть!.. Сидишь, точно въ какомъ-то полуснѣ. И вотъ летишь уже это ты, а не голубь, летишь безъ оглядки... Часовые свизу стрѣляютъ въ тебя... И жутко, и хорошо вмѣстѣ! Или же вдругъ, незамѣтно для самого себя, примешься фан-

тазировать на тему «шапки невидимки», или чего-нибудь въ такомъ родѣ. Вотъ ты проскальзываешь мимо ключника изъ камеры въ корридоръ, а изъ корридора во дворъ и дальше. И такъ образно все это представляешь себѣ въ эту минуту, испытываешь такое острое чувство—будто все это и на самомъ дѣлѣ совершается съ тобой, а не одна твоя болѣзненная фантазія.

Нужно сказать, что камеры наши окнами выходили въ тюремный дворъ, и трудно было придумать что-либо для побѣга. Помню, впрочемъ, въ самое первое время создался было у насъ слѣдующій планъ: вылѣзть на чердакъ, проломивши потолки въ камерахъ; оттуда по большой вентиляціонной трубѣ спуститься въ самый низъ зданія, въ подвалъ, откуда уже по какимъ-то подземнымъ каналамъ (изъ отхожихъ мѣстъ, что ли, проведены были эти каналы) можно было выбраться, какъ утверждали знающіе люди, за тюрьму. Съ этимъ планомъ носились много Осинскій и Избицкій. Избицкій, какъ старожилъ тюрьмы (онъ былъ арестованъ значительно раньше насъ и въ 78-мъ году сдѣлалъ даже попытку къ бѣгству изъ кіевской тюрьмы вмѣстѣ съ Беверлеемъ, во время которой Беверлей былъ застрѣленъ часовымъ). Избицкій хорошо изучилъ постройку кіевскаго тюремнаго замка, планъ котораго, помню, какъ-то рисовалъ мнѣ. Но затѣя эта была черезчуръ сложной уже потому, что предполагалось бѣжать не одному или двумъ, а нѣсколькимъ человѣкамъ заразъ; между тѣмъ многіе изъ насъ помѣщались въ нижнемъ этажѣ, и слѣдовательно приходилось дѣлать проломъ послѣдовательно въ трехъ этажахъ.

Трудно было придумать что-либо для побѣга, и мало по малу среди насъ совсѣмъ затихли разговоры о побѣгѣ. Пришлось готовиться къ другому: обвинительный актъ былъ составленъ, — приближался судъ. «Намъ осталось одно—умереть съ достоинствомъ», замѣчалъ, бывало, Брантперъ, когда я пробовалъ поднимать съ нимъ бесѣду о побѣгѣ.

Но моя фантазія не унималась. Помню, долго еще занималъ мою голову планъ побѣга черезъ окно отхожаго мѣста. Окна отхожихъ мѣстъ и корридора, тянувшагося вдоль нашихъ камеръ, были обращены къ полю. Правда, отъ поля отдѣляла насъ еще высокая тюремная стѣна. Но разстояніе между этой стѣной и зданіемъ было незначительно. Пробравшись ночью въ отхожее мѣсто (что еще, пожалуй, возможно было осуществить), отсюда изъ окна пришлось бы спускаться черезъ стѣну въ поле не иначе, какъ по веревкѣ, которую тамъ долженъ былъ кто-либо укрѣпить. Планъ оказывался тоже сложный и требовалъ внѣшней помощи, не говоря уже о главномъ препятствіи, именно о томъ часовомъ, который, какъ кажется, ходилъ со стороны поля. Но жажда воли была такъ велика у меня въ ту минуту, что несмотря на всю видимую несбыточность этого проекта, я долго его лелѣялъ въ своей головѣ.

Послѣ казней, въ кіевской тюрьмѣ мы пробыли недолго. Мы не знали, куда насъ сошлютъ; а такъ какъ раньше политическихъ каторжанъ отправляли обыкновенно въ централки Харьковской губ., то мы предполагали, что и насъ ожидаетъ та же участь.

Для себя лично я ничего страшнѣе одиночки не могъ представить. Одиночка рисовалась моему уму просто-таки гробомъ, если, можетъ быть, и нѣсколько просторнымъ для того, чтобы въ немъ задохнуться, то вполнѣ достаточнымъ, чтобы свести съ ума. И потому, когда прошелъ слухъ о томъ, что насъ отправляютъ на островъ Сахалинъ, а не въ харьковскія централки, то я искренно обрадовался этому. Въ общихъ чертахъ я былъ знакомъ съ положеніемъ ссыльно-каторжныхъ въ Сибири. Мнѣ было извѣстно, что тамошнія тюрьмы были менѣе благоустроены и не могли конкурировать съ усовершенствованными тюрьмами Европейской Россіи; что заключенныхъ стерегли тамъ не столько люди и тюрьмы,

сколько окружающая дикая природа,—и я надѣялся бѣжать. Этой первобытной сибирской природы я меньше всего пугался; болѣе того, она меня къ себѣ манила. Я не поколебался бы, кажется, пуститься въ странствія по лѣсамъ или уплыть на плоту по теченію рѣки, какъ это дѣлаютъ бродяги. Я ощущалъ въ себѣ присутствіе силъ для этого, такъ какъ былъ достаточно выносливъ къ физическимъ лишеніямъ; но было во всемъ этомъ и большая доза идеализаціи и ошибочнаго представленія: сибирская тайга рисовалась моему воображенію иначе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ; и трудности, и препятствія, какія она могла и въ дѣйствительности должна была представить бѣглецу, хотя и приходили мнѣ на умъ, но совершенно сглаживались и исчезали на томъ общемъ фонѣ романтическаго характера, въ который окутывала ее моя тюремная фантазія. Именно «романтическаго», я другого слова и подобрать не могу для опредѣленія того остраго до боли чувства, которое вызывалось во мнѣ всякій разъ, когда я, сидя въ тюрьмѣ, принимался, бывало, мечтать о дикомъ лѣсѣ; съ нимъ неразрывно связано было у меня представленіе и о свободѣ. И какъ заманчивы, и какъ мучительны вмѣстѣ съ тѣмъ были эти мечты! Трудно даже охарактеризировать ихъ; но они близко походили на чувство влюбленности; точно я мечталъ не о лѣсѣ, а о какомъ-нибудь любимомъ человѣкѣ, съ которымъ находился въ разлукѣ.

Путешествіе въ Сибирь, хотя бы по этапу, вполнѣ отвѣчало моему тогдашнему настроенію. Однако точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ ссылки мы все еще не имѣли. Слухи объ отправкѣ на островъ Сахалинъ, распространившіеся было вначалѣ, скоро затихли. Власти держали свое рѣшеніе въ секретѣ до послѣдней минуты.

Какъ бы тамъ ни было, но мы принялись готовиться къ далекому путешествію. Думая о бѣгствѣ съ дороги, я сталъ хлопотать о пріобрѣтеніи нѣкоторыхъ вещей и прежде всего

сапогъ, арестантскіе коты могли сильно мѣшать при побѣгѣ. Между тѣмъ мы, лишенные всѣхъ правъ, согласно инструкціи, не могли имѣть собственной одежды; вся она должна была быть казенная, положенная по уставу. Поэтому только съ помощью докторскаго свидѣтельства я получилъ право носить высокіе сапоги и, понятно, тотчасъ этимъ правомъ воспользовался. Другихъ вещей мнѣ тогда не удалось завести и только уже потомъ, въ дорогѣ, я пріобрѣлъ еще одну цвѣтную рубашку и пару штановъ изъ сѣрой лѣтней матеріи. Второй предметъ, или, вѣрнѣе, первый и самый необходимый для побѣга, — были, само собою разумѣется, деньги. Постоянные обыски, которымъ насъ подвергали, заставили насъ серьезно позаботиться о томъ, куда ихъ прятать. Зашивать ихъ въ нашу арестантскую одежду не имѣло смысла, такъ какъ эту одежду могли внезапно перемѣнить, что на самомъ дѣлѣ и сдѣлали въ моментъ нашей отправки. Поэтому мы запаслись маленькими костяными цилиндриками, которые и прятали внутрь собственнаго тѣла. Эти полые цилиндрики или, какъ мы ихъ называли, «суслики» сослужили намъ неоцѣнимую услугу: съ помощью ихъ намъ удалось провезти въ Сибирь нѣкоторое количество денегъ и небольшія пилочки, складныя, особенной системы, которыя, какъ мы надѣялись, могли оказаться нужными для выпиливанія желѣзныхъ рѣшетокъ.

Наканунѣ отправки, помню, вызвали меня въ тюремную контору на свиданіе съ братомъ Иваномъ, пришедшимъ проститься со мною, такъ какъ «на волѣ» кто-то изъ жандармовъ сообщилъ ему о нашей скорой отправкѣ. Тюремный смотритель, выходившій обыкновенно въ сосѣднюю комнату во время нашихъ свиданій (чтобы не стѣснять своимъ присутствіемъ) и въ этотъ разъ оставилъ насъ однихъ, и Иванъ, пользуясь случаемъ, передалъ мнѣ сторублевую ассигнацію. Помню, когда я ее бралъ у него, я бросилъ взглядъ въ открытую дверь, и мои глаза встрѣтились съ глазами смотрителя,

стоявшаго въ глубинѣ второй комнаты и слѣдившаго оттуда за нами. Онъ тотчасъ отворотился къ окну; то была хитрость съ его стороны, чтобы потомъ легче было ему меня накрыть. Нѣкоторое время я даже колебался, думая возвратить деньги Ивану, но затѣмъ рѣшился рискнуть и оставилъ ихъ у себя. Когда Иванъ ушелъ, смотритель позвалъ конвойнаго и, подойдя ко мнѣ, замѣтилъ: «Ну, раньше чѣмъ васъ отведутъ въ камеру, я долженъ васъ обыскать».

— «Сдѣлайте одолженіе!» отвѣтилъ я по возможности развязно и, запахнувъ лѣвую полу своего халата на правую, я вдругъ поднялъ обѣ р ки вверхъ и разставилъ ихъ въ сторону, отдаваясь, такимъ образомъ, всецѣло въ распоряженіе смотрителя. Я видѣлъ, что онъ не сомнѣвался въ томъ, что я спряталъ деньги. На мнѣ были надѣты полотняные штаны и рубаха, а сверху арестантскій халатъ. Обыскать было совсѣмъ не трудно; и вотъ смотритель, согнувшись возлѣ меня, принялся пальцами шарить по всѣмъ швамъ моей одежды. Онъ обыскалъ всюду; онъ ощупалъ сверху до низу халатъ; лазилъ подъ рубаху, къ груди и поясу, подъ мышки, въ рукава... Осмотрѣлъ штаны и даже коты я ему сбрасывалъ... Денегъ нигдѣ не было. «Гм...» бормоталъ онъ про себя. Наконецъ, выпрямился передо мною во весь ростъ (это былъ огромнѣйшаго роста мужчина; мы его называли гиппопотамомъ) и лукаво посмотрѣлъ мнѣ въ глаза

— «А что вамъ показалось?» спросилъ я его.

— «Гм... Ничего... Идите въ камеру», отвѣтилъ онъ.

Я вышелъ изъ конторы въ сопровожденіи конвойнаго въ самомъ торжествующемъ настроеніи духа. Деньги были спасены. Въ ту минуту, какъ смотритель всюду ихъ искалъ, и въ халатѣ, и въ бѣльѣ, я держалъ туго-свернутую ассигнацію просто на просто въ рукѣ, придерживая ее ладонью такъ, что пальцы оставались свободны. Ощупать ладонь моей правой руки ему не пришло въ голову.

На слѣдующій день насъ, девять человѣкъ, вызвали въ тюремную контору; насъ отправляли въ ссылку. Прежде всего перемѣнили намъ одежду. Каждому изъ насъ было выдано: по двѣ рубахи и по двѣ пары штановъ изъ очень грубаго невыбѣленнаго полотна; по двѣ пары портянокъ, коты, шапка изъ сѣраго сукна безъ козырька, сшитая на манеръ блина, и халатъ изъ такого же сукна съ двумя желтыми заплатами на спинѣ, «бубновыми тузами», какъ называли ихъ арестанты, такъ какъ форма этихъ заплатъ походила на бубновую масть. Ссыльно-каторжнымъ полагается носить на спинѣ по два такихъ туза; поселенцамъ—только по одному. У меня сверхъ казенныхъ вещей были еще мои высокіе сапоги, и по совершенно непонятной случайности, уцѣлѣлъ также кожанный поясъ, что никакъ не согласовалось съ тюремной инструкціей, запрещающей арестанту носить поясъ (штаны держались на очкурѣ). Не могу удержаться, чтобы не забѣжать нѣсколько впередъ и не передать здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ исторію этого пояса. Поясъ этотъ съ мѣдной пряжкой я купилъ копѣекъ за 15 у одного арестанта. Пронесши его черезъ всѣ тюрьмы и этапы, я бѣжалъ съ нимъ изъ Сибири. Мнѣ приходилось за это время нѣсколько разъ мѣнять одежду, всю съ головы до ногъ. Наконецъ, въ 1881 году я эмигрировалъ за границу. Помню, выходя изъ вагона желѣзной дороги уже въ Цюрихѣ, я услыхалъ сзади себя окликъ, обернулся и увидѣлъ швейцарца, указывавшаго мнѣ на какую-то вещь, валявшуюся на полу вагона. Это былъ мой поясъ, выпавшій случайно изъ моихъ вещей въ ту минуту, когда я выходилъ изъ вагона. Я поднялъ его и тутъ только въ первый разъ далъ себѣ отчетъ и припомнилъ, что это была единственная вещь, уцѣлѣвшая у меня отъ того момента, когда я сидѣлъ еще подъ слѣдствіемъ въ кіевской тюрьмѣ, прошедшая со мною всюду и очутившаяся въ концѣ концовъ со мной заграницей. Съ этого момента поясъ этотъ сдѣлался

мнѣ дорогъ и я его сохраняю, какъ память, до настоящаго времени.

Итакъ, выдали намъ одежду. Сверхъ того дали на всякаго по одному мѣшку, куда мы уложили нашъ багажъ, и по большому куску ржаного хлѣба. Что означалъ этотъ послѣдній подарокъ—трудно было догадаться, такъ какъ на наше продовольствіе въ дорогѣ жандармамъ, сопровождавшимъ насъ, отпущено было столько денегъ, что мы не могли нуждаться въ кускѣ чернаго хлѣба. Тюремный обычай, а, можетъ быть, и постановленіе, давать хлѣбъ арестантамъ при отправкѣ въ дорогу, смотритель не только не нарушилъ по отношенію къ намъ, политическимъ, но даже совершилъ это съ какой-то особенной торжественностью. Этотъ грубый хлѣбъ съ кусками запеченной соломы внутри, такъ сказать, настоящій національный хлѣбъ, долженъ былъ, вѣроятно, служить для насъ эмблемой чего-то русскаго, народнаго,—можетъ быть, гостепріимства, а, можетъ быть, даже и православія—ужъ право не знаю! Несомнѣнно только то, что бѣлая нѣмецкая булка никоимъ образомъ не могла того выразить. Двоихъ изъ насъ, какъ лицъ непривилегированнаго званія, тутъ же заковали въ кандалы, и низко остригши одну половину головы, другую чисто-начисто обрили, обезобразивъ этимъ на столько, что трудно было ихъ узнать. Наконецъ, все было окончено, готово. Тогда смотритель, ключникъ и корридорные пожелали намъ счастливаго пути, и мы въ сопровожденіи конвойныхъ направились къ выходнымъ воротамъ.

За тюремной оградой, на улицѣ, мы увидѣли знакомую уже намъ карету, ту самую, въ которой насъ возили на судъ, а потомъ приговоренныхъ къ смерти отвезли на мѣсто казни. Карета была окружена отрядомъ казаковъ. У отпертой дверцы кареты стоялъ Гюббенетъ, мимо котораго мы проходили одинъ за другимъ, поднимались по ступенькамъ и усаживались внутри кареты на мягкихъ боковыхъ сидѣніяхъ.

— «Куда насъ отправляютъ?» спросилъ одинъ изъ насъ.

— «Въ Восточную Сибирь», прокосноязычилъ Гюббенетъ.

Это было въ первый разъ, когда намъ, наконецъ, назвали громко мѣсто нашей ссылки.

Въ ту минуту я себя почувствовалъ рѣшительно счастливымъ. Восточная Сибирь, конечно, очень велика, и въ ней было не мало дурныхъ мѣстностей, но харьковскіе централки все таки остались позади.

Дверца захлопнулась, и наша карета съ гуломъ покатилась по дорогѣ. Глядя въ окна, мы скоро замѣтили, что везли насъ совсѣмъ не къ вокзалу, а въ какомъ-то другомъ направленіи. Недоумѣніе наше разсѣялось тогда, когда карета остановилась, и мы, вылѣзши изъ нея, увидѣли товарный полустанокъ, находящійся за Кіевомъ по кіево-курской желѣзной дорогѣ. Здѣсь мы увидѣли человѣкъ пятнадцать жандармовъ и во главѣ ихъ нашего стараго знакомца Судейкина. На линіи возлѣ станціи стоялъ одинъ вагонъ, куда насъ и пригласили зайти. Мы вошли. Это былъ вагонъ третьяго класса съ окнами, въ которыхъ вдѣланы были желѣзныя рѣшетки. Въ концѣ вагона находилось небольшое отдѣльное помѣщеніе, предназначенное для конвойнаго начальника. Мы вошли; за нами вошли жандармы, одѣтые по дорожному, съ револьверами въ кожанныхъ кобурахъ и разсѣлись между нами по скамьямъ. Судейкинъ вошелъ въ вагонъ послѣдній. Онъ былъ въ бѣломъ кителѣ, такъ какъ дѣло происходило въ концѣ мая, и время стояло теплое, и тоже съ револьверомъ, который висѣлъ на черномъ ремнѣ, перепоясывавшемъ его китель. Онъ окинулъ всѣхъ взглядомъ, и на его откормленномъ лицѣ заиграла самодовольная улыбка.

— «Надѣюсь, что насъ пятнадцать человѣкъ стоютъ роты казаковъ», проговорилъ онъ торжествующе, обращаясь

къ своимъ жандармамъ и видимо желая передъ нами порисоваться.

Жандармы, осклабясь, переглянулись между собою. Мы сидѣли, молча, чувствуя, что праздникъ былъ на ихъ улицѣ.

Наконецъ, подъѣхалъ поѣздъ; нашъ вагонъ былъ прицѣпленъ, и мы двинулись въ путь.

XXIV.

Мценская тюрьма.

Въ дорогѣ, на вокзалахъ, когда поѣздъ останавливался, жандармы доставляли намъ ѣду изъ буфетовъ въ вагонъ, и при этомъ ихъ любезность доходила до того, что они совѣтовали намъ не стѣсняться и требовать всего, чего намъ хочется, кромѣ, впрочемъ, спиртныхъ напитковъ, запрещенныхъ инструкціей. Мы ѣли, понятно, безъ стѣсненія. Повидимому, въ рукахъ Судейкина имѣлась для нашего продовольствія изрядная сумма, иначе, конечно, онъ не былъ бы такъ щедръ.

Большую часть времени Судейкинъ сидѣлъ въ своемъ отдѣленіи; но иногда выходилъ къ намъ и пытался вступать въ разговоры, которые принимали временами необыкновенно странный характеръ. Нескрываемое враждебное отношеніе къ нему прорывалось у нѣкоторыхъ изъ товарищей въ самой грубой формѣ. Такъ, иногда онъ обращался къ кому-нибудь съ вопросомъ и получалъ въ отвѣтъ молчаливую презрительную гримасу, или же просто отворачивались отъ него. Но Судейкина не легко было смутить. Неоднократно онъ возвращался къ разсужденіямъ о причинахъ, породившихъ нашъ революціонный терроръ, и высказывалъ мнѣніе, что правительство ошибочно поступало раньше, часто арестуя мало-ви-

новныхъ лицъ, которыхъ приходилось потомъ выпускать; что этимъ только дразнили людей; что теперь уже не повторится ошибка, которая сдѣлана была хотя бы въ такъ называемомъ большомъ процессѣ, когда арестованныхъ была цѣлая масса, а потомъ привлечь къ суду оказалось возможнымъ всего двѣсти человѣкъ, а остальныхъ пришлось выпустить. «Теперь разъ кого мы арестуемъ», говорилъ онъ, торжествующе оглядывая насъ, «мы имѣемъ въ рукахъ достаточныя улики противъ него,—и выпускать не приходится». Наконецъ, заговорилъ онъ какъ-то о побѣгѣ Стефановича. И въ этотъ разъ опять, какъ и раньше, бесѣдуя со мною, пустился въ необыкновенныя похвалы. «Вотъ замѣчательное дѣло!.. Вотъ артистически обдѣланное дѣло!..» говорилъ онъ.

— «Да, дѣло хорошее», замѣтилъ ему одинъ изъ товарищей.

— «Но особенно меня интересуетъ ключникъ!... Я очень, очень, хотѣлъ бы съ нимъ познакомиться!» воскликнулъ Судейкинъ.

— «А знаете ли, насколько мнѣ извѣстно, и ключникъ не прочь познакомиться съ вами!» отвѣтилъ тотъ, злобно глядя ему въ лицо.

Слова эти произвели свое дѣйствіе. Почувствовавъ въ нихъ намекъ на участь своего несчастнаго предшественника, Гейкинга, Судейкинъ сразу замолкъ и отъ его развязности не осталось и слѣда.

Судейкинъ хотѣлъ выразить ту мысль, что онъ интересуется ключникомъ, проявившимъ такую удивительную выдержку и ловкость въ дѣлѣ, просто какъ артистъ подобнаго рода дѣлъ, вовсе не какъ жандармъ или сыщикъ, стремящійся изловить. Онъ далекъ былъ отъ этого; онъ хотѣлъ только просто познакомиться съ нимъ, вотъ какъ знакомятся вообще порядочные люди между собою. И вдругъ, такой афронтъ! Онъ молча удалился въ свое помѣщеніе и долго оттуда не показывался.

На другой день нашего путешествія, на одной изъ станцій мы неожиданно замѣтили, что вагонъ нашъ отцѣпили, и поѣздъ ушелъ, оставивъ насъ однихъ на мѣстѣ. Понятно, мы заволновались; навели справки, что за станція; оказался Мценскъ. О Мценскѣ мы ничего не слыхали раньше, кромѣ развѣ того, что знали изъ географіи, что это былъ уѣздный городъ Орловской губерніи. Зачѣмъ насъ остановили здѣсь? Что мы будемъ дѣлать или, вѣрнѣе, что будутъ съ нами здѣсь дѣлать? На вокзалѣ мы ожидали не долго. Повидимому еще съ дороги Судейкинъ телеграфировалъ и къ нашему пріѣзду здѣсь уже все было приготовлено. У вокзала стояло девять извощичьихъ дрожекъ, на которыхъ мы тотчасъ разсѣлись съ конвоировавшими насъ жандармами (по одному жандарму на человѣка), и наша процессія двинулась. Судейкинъ поѣхалъ впередъ.

Одноконныя дрожки бѣжали одни за другими, растянувшись далеко въ линію по прямой дорогѣ, ведшей съ вокзала въ городъ. Я ѣхалъ сзади и видѣлъ слѣдовавшія въ извѣстномъ разстояніи одна за другой сѣрыя спины моихъ товарищей, съ ярко-желтыми бубновыми тузами, и жандармовъ, въ полуоборотъ, придерживавшихъ одной рукой свои шашки и другой слегка обхватывавшихъ сзади конвоируемыхъ. Картина получалась почти что трогательная, и если бы не костюмы, выдававшіе все, то прохожіе могли бы принять эти пары за нѣжныхъ друзей, возвращавшихся откуда нибудь съ веселой прогулки.

Мой жандармъ сидѣлъ въ такой же позѣ возлѣ меня съ лѣвой стороны, и такъ какъ дрожки были недостаточно широки для двоихъ, то поза эта—въ полъ-оборота — являлась даже неизбѣжной. Онъ поддерживалъ меня рукою на ухабахъ, когда дрожки подскакивали, чтобы я изъ нихъ не вывалился. Я видѣлъ, что моя жизнь была имъ нужна. Я имѣлъ цѣну въ ихъ глазахъ. Меня берегли. Меня кормили, когда я былъ

голоденъ; одѣвали, когда мнѣ было холодно; стерегли, чтобы я не упалъ съ дрожекъ и не сломалъ себѣ ноги.

Но вотъ, мы доѣхали до города; проѣхали городскими улицами и выбрались опять за городъ... Тутъ мы увидѣли тюрьму.

Наши экипажи остановились возлѣ тюрьмы; конвойные пригласили насъ сойти съ дрожекъ и повели насъ къ воротамъ, продѣланнымъ въ высокой оградѣ. Мы вошли во дворъ, и передъ нашими глазами вытянулось зданіе съ двумя рядами рѣшетчатыхъ оконъ (если не измѣняетъ память, тюрьма была двухъ-этажная), видимо, заново выбѣленное. Глубокая тишина царила въ зданіи и въ совершенно пустомъ дворѣ, обнесенномъ кругомъ высокой стѣной, тоже выбѣленной. Стукъ нашихъ шаговъ объ каменныя плиты, которыми вымощена была часть двора, гулко отдавался отъ всѣхъ этихъ молчаливыхъ стѣнъ, и, помню, мнѣ сразу сдѣлалось какъ-то жутко. Послѣ кіевской тюрьмы съ ея живымъ населеніемъ (чуть ли не семьсотъ арестантовъ содержалось тамъ во время нашего пребыванія), съ суетою и шумомъ, раздававшимся на тюремномъ дворѣ,—тишина мценской тюрьмы непріятно подѣйствовала на мои нервы. Но, однако,—что это за тюрьма и зачѣмъ насъ сюда привезли?.. Тотчасъ зашевелились разныя подозрѣнія. Родилась мысль, что, можетъ быть, придется долго-долго сидѣть въ этомъ заново выбѣленномъ гробу... Въ самомъ дѣлѣ: отправятъ ли насъ—какъ говорили—въ восточную Сибирь или же задержатъ здѣсь?.. И если задержатъ то на какое время?.. Годъ—два будемъ ожидать, или же всѣ сполна четырнадцать лѣтъ и десять мѣсяцевъ отсидимъ здѣсь въ ожиданіи отправки?.. Кто отвѣтитъ намъ на эти вопросы, и откуда можно было все это узнать?!.

Чтобы понять, какъ могли у насъ сразу явиться подобныя подозрѣнія и почему они зародились при первомъ же случаѣ,—нужно быть знакомымъ вообще съ порядками тю-

ремной жизни и въ частности съ отношеніями властей къ заключеннымъ. Арестанту, сидящему въ одиночкѣ, важному арестанту, особенно находящемуся подъ слѣдствіемъ, ведутъ ли его на допросъ въ тюремную контору, или же только помыться въ баню, никогда не скажутъ раньше, — куда и зачѣмъ ведутъ, а совершаютъ это, молча, безъ объясненій. Власти находятъ излишнимъ сообщать заключенному что бы то ни было о своихъ намѣреніяхъ (а, можетъ быть, и умышленно такъ поступаютъ) и — по мѣткому выраженію Худякова — всегда «водятъ арестанта, какъ лошадь въ поводу». Съ политическими такого рода обращеніе учащается еще благодаря тому, что часто ближайшее тюремное начальство и само не знаетъ намѣреній старшихъ. «Пожалуйте въ контору!» возглашаетъ вдругъ вамъ ключникъ, настежъ отворяя дверь вашей одиночки. «Зачѣмъ?» спрашиваете вы. «Не знаю,—смотритель приказалъ». Вы идете въ контору, недоумѣвая и теряясь въ догадкахъ; вы ждете какой-нибудь пакости: допросовъ, очныхъ ставокъ; встрѣчаете смотрителя и спрашиваете его. «Не знаю», отвѣчаетъ вамъ и смотритель. «Да кому же, наконецъ, я нуженъ, и по какому дѣлу?» волнуясь, восклицаете вы. Но вотъ, вы слышите голоса въ смежной комнатѣ, куда время отъ времени смотритель бросаетъ почтительные взгляды. Дверь, наконецъ, отворяется, и оттуда выходитъ полиціймейстеръ. Онъ приближается къ вамъ. «Дней десять тому назадъ», говоритъ онъ,—«вы подавали прошеніе о томъ, чтобы вамъ разрѣшено было носить высокіе сапоги, и приложили свидѣтельство доктора...» «Да, отвѣчаете вы,—я очень желалъ бы...» «Вамъ разрѣшается носить собственные сапоги», заканчиваетъ полиціймейстеръ. Вы возвращаетесь въ вашу одиночку полные счастья: имѣть собственные сапоги—было вашей давнишней мечтой. Но нервы ваши все таки разстроены пережитыми недоумѣніями. Если вы не награждены отъ природы безчувственностью, то нервы ва-

ши со дня на день расшатываются. Жандармы норовятъ устраивать вамъ неожиданныя очныя ставки; уличаютъ, огорошиваютъ васъ всевозможными внезапностями. Ночью, толпою человѣкъ въ десять, вваливаются къ вамъ въ камеру, будятъ васъ и производятъ обыскъ, такъ какъ корридорные донесли, что вы имѣли письменныя принадлежности или ножикъ, и тому подобное. Тюремная жизнь полна такихъ неожиданностей. Это въ концѣ концовъ развиваетъ у васъ болѣзненную подозрительность, и вы, наконецъ, совершенно перестаете вѣрить окружающимъ васъ тюремщикамъ.

Подобныя ощущенія испытывалъ я и въ ту минуту, когда насъ ввели въ нижній корридоръ мценской тюрьмы, а оттуда въ слабо освѣщенную, почти темную, огромную комнату. Впрочемъ, насколько могу припомнить, наступали сумерки, и эта комната, или помѣщеніе съ низкимъ потолкомъ, кажется, даже сводистымъ, съ толстыми колонами, или, точнѣе, пятами сводовъ,—показалась мнѣ чѣмъ-то въ родѣ подземелья. Въ такихъ помѣщеніяхъ, вѣроятно, засѣдали средневѣковыя инквизиціи. Вправо, возлѣ стола, я увидѣлъ Судейкина—въ бѣломъ кителѣ, и какого-то штатскаго господина. Видимо, Судейкинъ передавалъ насъ этому господину. Здѣсь насъ раздѣли до нага и принялись обшаривать нашу одежду. Когда обыскъ кончился, насъ повели по лѣстницѣ во второй этажъ и тутъ заперли въ камерѣ. Тишина, царившая во всемъ зданіи, указывала на то, что мы были въ немъ единственными жильцами.

Мы терялись въ догадкахъ, такъ какъ ничего не слыхали раньше о существованіи въ Мценскѣ тюрьмы для политическихъ, и теперь даже не знали, что это была за тюрьма,—пересыльная или же централка. Своей таинственной, молчаливой обстановкой она очень походила на централку. Надзиратель, присутствовавшій въ корридорѣ, передвигался безъ шума, подобно безплотной тѣни, или, — дѣлая болѣе

реальное сравненіе — подобно коту, благодаря мягкимъ валенкамъ, надѣтымъ у него на ногахъ вмѣсто сапогъ, что, конечно, дѣлалось совсѣмъ не для теплоты, такъ какъ время было очень теплое. На его поясѣ висѣлъ револьверъ, чего мы не видѣли у нашихъ кіевскихъ надзирателей и что указывало на болѣе серьезные и строгіе порядки этой тюрьмы.

Мрачное настроеніе духа, вызванное первыми впечатлѣніями, уже на слѣдующій день стало разсѣиваться. Прежде всего, насъ не разсадили по одиночкамъ, а перевели всѣхъ въ одну огромную свѣтлую камеру, съ большимъ столомъ посрединѣ. Въ этой камерѣ мы сидѣли до вечера; а когда наступило время ложиться спать,—насъ перевели въ сосѣднюю камеру; здѣсь были разставлены рядами кровати, снабженныя тюфяками, подушками, байковыми одѣялами, показавшимися намъ рѣшительно роскошью послѣ кіевской тюрьмы, гдѣ приходилось укрываться только нашими халатами. На этихъ постеляхъ мы проспали ночь, и утромъ опять были переведены въ первую камеру, со столомъ, на которомъ обѣдали и занимались въ теченіе дня. Спальня оставалась весь день пустою и провѣтривалась. Такимъ образомъ камеры чередовались, всегда прибранныя, чистыя, провентилированныя, здоровыя.

Не желая приводить въ соприкосновеніе уголовныхъ арестантовъ съ политическими (во избѣжаніе вреднаго вліянія), правительство устроило двѣ центральныя пересыльныя тюрьмы, куда свозили политическихъ и откуда затѣмъ отправляли ихъ партіями въ мѣста ссылки. Такія тюрьмы устроены были двѣ: одна — въ Вышне-Волочкѣ, служившая для Сѣверной Россіи, и другая для Южной Россіи — въ г. Мценскѣ Орловской губ.

Наша тюрьма оказалась, однако, не совсѣмъ пустой: еще раньше насъ привезены были сюда административно-ссыльные,—Рябковъ и Лангенсъ. При какихъ обстоятельствахъ

они были арестованы—не знаю. Впрочемъ, что касается Лангенса, то его, какъ привлекавшагося по большому процессу и сидѣвшаго около четырехъ лѣтъ подъ слѣдствіемъ въ домѣ предварительнаго заключенія, уже по этому одному правительство считало неблагонадежнымъ и подозрительнымъ. Но какъ прусскоподданнаго (отецъ Лангенса былъ родомъ изъ Пруссіи; самъ же Лангенсъ родился и выросъ въ Россіи), правительство изъ Мценска не отправило его въ ссылку, а только выслало за границу. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ за границею, въ Румыніи, Лангенсъ, кажется, въ томъ же 1879 году, воротился въ Россію и жилъ нелегально, принимая активное участіе въ дѣлахъ «Исполнительнаго Комитета», пока, наконецъ, не былъ вновь арестованъ въ 1881 году въ Кіевѣ, куда онъ скрылся изъ Петербурга, послѣ убійства царя. Онъ былъ взятъ одновременно съ Кобозевой (Акимовой, бѣжавшей тоже изъ Петербурга) и впослѣдствіи, по такъ наз. процессу «двадцати», осужденъ на вѣчную каторгу. Въ своемъ мѣстѣ я, можетъ быть, разскажу о моей встрѣчѣ съ нимъ въ 1881 году въ Москвѣ, гдѣ скрывался тогда я, бѣжавши изъ Сибири, и гдѣ останавливался и онъ, проѣздомъ изъ Петербурга. Но все это имѣло мѣсто значительно позже. Теперь же, въ бытность нашу въ мценской тюрьмѣ, онъ сидѣлъ, какъ административно-ссыльный.

До сихъ поръ мнѣ живо представляется встрѣча моя съ нимъ въ этой тюрьмѣ.—Помню, на второй день моего пребыванія я проходилъ корридоромъ мимо запертыхъ и, какъ мнѣ казалось, пустыхъ камеръ—и услыхалъ, что меня кто-то тихо окликнулъ. Я оглянулся и въ четырехугольномъ дверномъ отверстіи одной изъ камеръ увидѣлъ худое лицо съ рыжеватой растительностью и съ бородавкой возлѣ небольшого горбатаго носика. Это былъ Лангенсъ. Прижавшись къ дверному оконцу, онъ такъ участливо глядѣлъ на меня (я ссылался въ каторгу, и онъ меня жалѣлъ), что я невольно

подошелъ къ двери, и уткнувшись лицомъ въ окошечко, горячо поцѣловалъ его, хотя до этой встрѣчи мы съ нимъ едва лишь были знакомы. Дня два спустя обоихъ ихъ—и Лангенса, и Рябкова—перевели къ намъ, въ общую камеру, и съ тѣхъ поръ насъ не разлучали до нашей отправки изъ мценской тюрьмы. Еще нѣсколько дней спустя, изъ Харьковской централки привезенъ былъ къ намъ Опрышко, бритый и въ кандалахъ, отсидѣвшій тамъ срокъ и теперь препровождавшійся въ Сибирь на поселенье.

Жизнь наша въ мценской тюрьмѣ текла, между тѣмъ, очень мирно. Прожили мы тамъ, если мнѣ не измѣняетъ память, до половины іюня, т. е. около двухъ недѣль,—и, несмотря на то, что изъ Кіева мы пріѣхали въ самомъ бунтовскомъ настроеніи, у насъ не произошло ни одного столкновенія съ тюремными властями. Смотритель мценской тюрьмы оказался человѣкъ сдержанный, добрый, явно избѣгавшій столкновеній съ нами, и, благодаря ему и тѣмъ порядкамъ, какіе были имъ заведены, о мценской тюрьмѣ ничѣмъ, кромѣ какъ добромъ, нельзя помянуть. Насъ часто посѣщалъ мѣстный исправникъ, при посредствѣ котораго мы доставали изъ городской библіотеки книги для чтенія. Выданы были намъ письменныя принадлежности,—и мы могли заниматься въ своей камерѣ.

Всякій день съ утра появлялся у насъ надзиратель, которому мы заказывали нашъ обѣдъ. Здѣсь я долженъ упомянуть, что кромѣ секретныхъ денегъ, которыя мы держали при себѣ, у насъ была еще наша, такъ сказать, оффиціальная касса, составившаяся изъ оффиціально переданныхъ въ руки начальства денегъ отъ нашихъ родныхъ. Эти деньги, которымъ мы вели счетъ и изъ которыхъ еще въ кіевской тюрьмѣ мы дѣлали добавочные расходы для улучшенія нашей пищи, при нашей отправкѣ были переданы смотрителемъ кіевской тюрьмы Судейкину, а Судейкинъ передалъ ихъ

смотрителю мценской тюрьмы. Касса эта такъ и двигалась потомъ вмѣстѣ съ нами, передаваемая съ рукъ на руки отъ одного начальства (тюремнаго, а затѣмъ этапнаго) къ другому. Судейкинъ въ дорогѣ кормилъ насъ настолько хорошо, что намъ не приходилось прибѣгать къ добавочнымъ расходамъ; но здѣсь, въ Мценскѣ, очутившись на общемъ тюремномъ положеніи, мы были вынуждены расходовать изъ своихъ денегъ.

Послѣ полудня мы выходили (съ конвоемъ, конечно) на прогулку во дворъ, гдѣ проводили часъ или два времени. Остальное время—въ камерѣ—проходило у насъ за чтеніемъ, въ разговорахъ, пѣніи. Казалось, и требовать лучшаго нельзя было.

Но тоска по волѣ ни на минуту не покидала меня. Изъ одного окна открывался видъ за тюрьму; видны были поля, поросшія густыми, зелеными хлѣбами, и темные берега небольшой рѣчки, извивавшейся среди этихъ полей; самой рѣчки, впрочемъ, не было видно. Чего проще, казалось бы, такой панорамы?! А, между тѣмъ, глядишь, бывало, и глазъ оторвать не можешь, и различныя мечты ползутъ въ голову, и сердце тоскливо бьется...

XXV.

Отъ Мценска до Томска.

Наконецъ, увезли насъ изъ Мценска. До Москвы проѣхали мы по желѣзной дорогѣ подъ конвоемъ жандармовъ, само собой разумѣется, не кіевскихъ, а другихъ (кажется, были орловскіе). Въ Москвѣ не останавливали и даже не пересаживали насъ въ другой поѣздъ, а просто—перевели нашъ вагонъ по соединительнымъ рельсамъ съ курской линіи

на нижегородскую; тутъ прицѣпили его къ поѣзду и повезли дальше. Впрочемъ, во время недолгой остановки въ Москвѣ, успѣли присоединить къ намъ еще нѣсколько человѣкъ административныхъ, отправляемыхъ въ ссылку изъ Вышне-Волоцкой тюрьмы, такъ что отъ Москвы компанія наша значительно увеличилась.

Въ Нижнемъ Новгородѣ посадили насъ на баржу, прицѣпленную къ пароходу, и мы поплыли по рѣкѣ Волгѣ, а затѣмъ по Камѣ до г. Перми. Это водяное путешествіе продолжалось дней пять. Баржа, на которой мы плыли, была приспособлена спеціально для перевозки ссыльныхъ. Въ одной сторонѣ ея помѣщался конвой; другая, несравненно большая часть судна, предназначалась для арестантовъ. Желѣзная рѣшетка, поднимавшаяся по сторонамъ, отъ бортовъ, и соединявшаяся вверху надъ палубой, служила для предупрежденія побѣговъ и придавала баржѣ видъ клѣтки, вслѣдствіе чего арестанты называли ее «курятникомъ». Названіе было весьма подходящее, такъ какъ баржа, биткомъ набитая арестантами, выглядывавшими изъ-за рѣшетки, дѣйствительно напоминала собою курятникъ, въ которомъ везутъ куръ на базаръ. Ссыльные помѣщались наверху, на палубѣ, и въ каютахъ, устроенныхъ подъ палубой. Одна изъ каютъ была занята нами, такъ какъ, согласно инструкціи, насъ держали отдѣльно отъ уголовныхъ. Конечно, благодаря этому, намъ было и просторно, и удобно; каюта наша была очень большая. Но зато уголовнымъ рѣшительно некуда было дѣваться. Мы проводили все время въ каютѣ, освѣщавшейся довольно слабо круглыми оконцами, выходившими надъ самой водой. Впрочемъ, днемъ, на извѣстное время, позволяли намъ подниматься вверхъ на палубу; но тогда уголовныхъ сгоняли съ палубы и запирали по каютамъ. Одинъ разъ мнѣ удалось сверху заглянуть черезъ отворившуюся дверь внизъ, въ каюту, гдѣ находились уголовные,—и я былъ буквально пораженъ представившимся

зрѣлищемъ. Я увидѣлъ внизу груду голыхъ человѣческихъ тѣлъ, наваленныхъ и копошившихся одно надъ другимъ. Мнѣ ударило оттуда въ лицо вонью и жаромъ. Скопленье народа и тѣснота были ужасныя. Чувствуя такимъ образомъ, что мы являлись еще одной лишней причиной стѣсненій для арестантовъ, мы старались по возможности сокращать время нашихъ прогулокъ по палубѣ а разъ или два и совершенно отказались подниматься изъ каюты наверхъ, хотя гулять по палубѣ намъ было очень пріятно. Дикіе берега рѣки Камы, гористые, поросшіе щетинистыми деревьями, представлялись такими чудными и заманчивыми, а изъ каюты они плохо были видны. Помню, однако, по-долгу, бывало, стоялъ я въ каютѣ, упершись лицомъ въ круглое оконце, чтобы слѣдить глазами за уплывавшими берегами, какъ ни мало было поле зрѣнія (окна были маленькія и помѣщались надъ самой водой)

На пятыя или шестыя сутки «курятникъ» нашъ причалилъ къ Пермской пристани. Мы высадились на берегъ и подъ конвоемъ двинулись пѣшкомъ по улицамъ г. Перми. Прямыя и довольно широкія улицы, по бокамъ которыхъ тянулись рядами одно и двухъэтажные деревянные домики, некрашенные, нештукатуренные, носили глухой, провинціальный характеръ. Пройдя нѣсколько улицъ, мы добрались до какой-то канцеляріи, гдѣ насъ осмотрѣли, записали и повели дальше. Послѣ довольно длиннаго путешествія очутились мы, наконецъ, за чертой города. Здѣсь мы увидѣли ровное, открытое поле, на которомъ возвышалось мрачное тюремное зданіе. Именно—мрачное; по крайней мѣрѣ, мнѣ оно такимъ показалось, благодаря своему темному цвѣту и высотѣ внѣшнихъ стѣнъ. Впрочемъ, то не были даже стѣны, а просто цѣлыя постройки. Пермская тюрьма выстроена нѣсколько по особому плану; здѣсь содержались подслѣдственные арестанты и приговоренные къ каторжнымъ работамъ, такъ что центральная и подслѣдственная тюрьмы находились въ одномъ мѣстѣ.

Мы подошли къ большимъ воротамъ, продѣланнымъ въ стѣнѣ, надъ которыми, насколько помнится, поднималась вверхъ надстройка. Послѣ обмѣна нѣсколькими фразами нашихъ конвойныхъ съ тюремной стражей, послышался изнутри звонъ цѣпей, болтавшихся у калитки; вслѣдъ затѣмъ калитка отворилась, и мы, одинъ за другимъ, сгибаясь, чтобъ не задѣть головой за цѣпь, стали проходить внутрь. Это немножко походило на входъ въ адъ. Мы вошли въ полутемный проходъ, вверху заключенный въ арку, надъ которой и возвышалось то зданіе, что мы видѣли извнѣ. Кажется, тутъ же въ проходѣ, влѣво, была продѣлана въ каменной стѣнѣ дверь, и чуть ли не вела она въ тюремную контору. Заводили ли насъ въ контору, или же обыскали въ самомъ проходѣ,—сказать теперь не могу, такъ какъ забылъ подробности; но помню, что оттуда насъ провели мимо двухъэтажнаго зданія, стоявшаго посрединѣ двора, до задней постройки, гдѣ и заперли всѣхъ въ одной камерѣ.

Пермскій тюремный замокъ представлялъ собою рядъ зданій, тянувшихся по периферіи (вмѣсто стѣнъ), съ большимъ внутреннимъ дворомъ, въ серединѣ котораго находилась главная тюрьма, центральное зданіе, гдѣ отсиживали свои испытуемые сроки приговоренные къ каторжнымъ работамъ. Это и была такъ называемая Пермская Централка, наводившая ужасъ на арестантовъ едва ли не больше всѣхъ другихъ русскихъ тюремъ.—Она пользовалась страшной славой среди арестантовъ, и мы слышали о ней очень много.

Я сказалъ, что насъ помѣстили въ заднемъ зданіи, находившемся на противуположной сторонѣ отъ входа. Камера наша была въ самой глубинѣ корридора. Лишь только заперли насъ и мы остались одни, мы взобрались на окна, чтобы посмотрѣть, куда онѣ выходили. Прямо за нашимъ окномъ начиналось пустое поле, на нѣкоторомъ разстояніи круто спускавшееся внизъ, такъ что намъ видна была только верхня

часть этого склона и противуположный подъемъ. Что было на днѣ оврага или долины,—мы не видѣли, но предполагали, что тамъ протекала рѣчка. Противуположный подъемъ былъ покрытъ кустарникомъ.

Такимъ образомъ, окна нашей камеры, находившейся къ тому же въ нижнемъ этажѣ, выходили прямо на открытое поле. Хотя вдоль этого внѣшняго фасада и ходилъ часовой, но бѣгство черезъ окно представлялось легко исполнимымъ. Нужно было только подпилить рѣшетку въ окнѣ; а такъ какъ и пилки были, то оставалось приступить къ работѣ. Фасадъ зданія былъ очень длиненъ, и часовой, ходившій внизу, мимо нашей стѣны (шаги его хорошо были слышны въ камерѣ), удалялся далеко въ одну и другую стороны; выпрыгнуть изъ окна въ это время и бѣжать въ поле, не рискуя попасть ему на штыкъ, казалось вполнѣ осуществимымъ. Да, это казалось до того осуществимымъ, что мнѣ чудился уже самый побѣгъ: ночью мы спускаемся къ рѣкѣ, садимся въ лодку и быстро уносимся внизъ по теченью; или же бѣжимъ вплавь черезъ рѣку, преслѣдуемые по пятамъ погонею, и скрываемся вонъ въ тѣхъ густыхъ кустахъ, что зеленѣютъ на противуположной горѣ.

Отъ этого вида на чистое поле, раскидывавшееся тотчасъ подъ нашими окнами, мы пришли въ какое-то неописуемое лихорадочное возбужденіе. Я рѣшительно не сходилъ съ подоконника и готовъ былъ даже спать на немъ. Но потому ли, что тюремныя власти замѣтили тотъ интересъ, съ какимъ мы относились къ виду изъ нашихъ оконъ; или же и безъ того они предполагали помѣстить насъ въ другую камеру, и въ этой помѣстили лишь на время,—только на слѣдующій же день, кажется, мы были переведены оттуда. Перевели насъ въ камеру, находившуюся въ томъ же корридорѣ, въ противуположномъ концѣ. Окна новой камеры выходили на тюремный дворъ. Передъ нашими глазами возвышался теперь фасадъ

центральной тюрьмы, изъ-за рѣшетокъ которой выглядывали сѣрыя лица каторжанъ.

Наше возбужденіе сразу пропало, и потянулась опять однообразно-сѣрая тюремная жизнь. Хорошо еще то, что мы хоть недолго оставались въ пермской тюрьмѣ, произведшей на насъ въ общемъ тяжелое впечатлѣніе. Сотни живыхъ существъ сидѣли здѣсь по своимъ каменнымъ клѣткамъ, не издавая звуковъ. По двору безшумно проходили въ мягкихъ котахъ подслѣдственные арестанты. Здѣсь господствовала едва ли не такая же тишина, какъ въ мценской тюрьмѣ. Но тамъ тишина являлась слѣдствіемъ безлюдья, а здѣсь—тюремной дисциплины. Только въ обѣденное время и по вечерамъ, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, слышались хоры арестантскихъ голосовъ, пѣвшихъ молитвы. Мы были не мало удивлены такимъ богомольнымъ настроеніемъ арестантовъ, нигдѣ, насколько пришлось наблюдать, не отличавшихся этимъ качествомъ. Они пѣли молитвы, какъ поютъ монахи по православнымъ монастырямъ; да и вообще, подмѣчалось здѣсь что то общее съ монастырскими порядками. Такъ же тихо и скромно, какъ послушники, проходили по двору арестанты, согнувъ головы внизъ и бросая исподлобья по сторонамъ огненные взгляды; и даже, казалось, руки свои держали на груди, подобно монахамъ, для выраженія покорности волѣ Божіей.

Эти порядки, конечно, имѣли свое объясненіе. Въ первый или во второй день послѣ нашего прибытія въ пермскую тюрьму, помню—отворилась какъ то дверь, и къ намъ въ камеру вошелъ попъ; какъ есть настоящій попъ, въ черномъ подрясникѣ, съ камилавкой на головѣ... Мы были очень удивлены и, молча, смотрѣли на посѣтителя. Онъ же медленно приблизился къ нарамъ и незначительнымъ наклоненіемъ головы важно раскланялся въ одну и другую сторону. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста, съ стран-

нымъ выраженіемъ неподвижныхъ глазъ. Совершенно круглые, темные глаза его, окруженные тонкими морщинками и устремленные впередъ, въ одну точку, съ выраженіемъ застывшей серьезности,—вызывали непріятное чувство, похожее на то, какое вызываютъ слѣпые, страдающіе такъ наз. темной водой и держащіе свои глаза открытыми. Съ подобными глазами наши суздальскіе живописцы изображаютъ часто святыхъ угодниковъ на иконахъ. Мы встрѣтили нашего гостя полнымъ молчаніемъ и недоумѣвали, что ему нужно отъ насъ. Когда заходилъ къ намъ смотритель тюрьмы, жандармскій офицеръ, губернаторъ, прокуроръ,—мы понимали характеръ этихъ посѣщеній; то заходилъ чиновникъ, представитель власти, той власти, съ которой мы боролись и которая, одолѣвши насъ, засадила, наконецъ, въ тюрьму и держала подъ замкомъ. Но что могъ изображать изъ себя попъ въ тюрьмѣ,—этотъ представитель Христова ученія, главная заповѣдь котораго гласила о всепрощающей любви къ ближнему? Тюрьма и Христово ученіе — взаимно уничтожающія понятія, и компромиссовъ между ними быть не можетъ. Я понимаю попа, протестующаго противъ тюрьмы. Но попъ, напутствующій преступника передъ казнью, по предписанію начальства, представляетъ собою ту отвратительную сдѣлку христіанской совѣсти съ требованіями дикой жизни, на которую невозможно смотрѣть безъ отвращенія. Вотъ это то чувство гадливости и зашевелилось у насъ, когда этотъ попъ въ довершеніе ко всему осмѣлился еще что то толковать намъ о Христовомъ ученіи. Впрочемъ, черезъ нѣкоторое время онъ, кажется, понялъ нелѣпость своего положенія и оставилъ насъ въ покоѣ.

Мы, между тѣмъ, отъ скуки принялись тоже пѣть; только я увѣренъ, что такихъ пѣсенъ давно не слыхали эти стѣны. Мы пѣли марсельезу и много другихъ хоровыхъ пѣсенъ. Тюремнымъ властямъ это не понравилось; нѣкоторое время онѣ терпѣли, но потомъ явился смотритель для объ-

ясненій. Онъ намъ сказалъ, что наше поведеніе можетъ послужить дурнымъ примѣромъ для остальныхъ арестантовъ и что желательно было бы, чтобы мы не нарушали заведенныхъ у нихъ тюремныхъ порядковъ. «По закону,—говорилъ онъ,— я не долженъ допускать того, напр., чтобы вносился въ тюрьму табакъ; но если вы, господа, обѣщаете не пѣть, я постараюсь доставить вамъ табакъ». Сверхъ того, онъ предлагалъ доставлять намъ книги. Все это, конечно, подъ условіемъ, что мы будемъ сидѣть тихо. Мы приняли условія, и остальные нѣсколько дней, которые намъ довелось провести въ пермской тюрьмѣ, прошли у насъ спокойно.

Между другими книгами, здѣсь мы достали книгу, авторомъ которой былъ Евгеній Поповъ,—тотъ самый тюремный попъ, о которомъ я разсказывалъ только что. Въ книжкѣ своей, изданной, очевидно, для назиданія арестантамъ и потому пользовавшейся по сибирскимъ тюрьмамъ покровительствомъ тюремнаго начальства, чуть ли не принуждавшаго арестантовъ покупать ее, онъ разсказывалъ, между прочимъ, о бунтѣ, случившемся въ пермской централкѣ нѣсколько лѣтъ назадъ. Онъ разсказывалъ о томъ, какъ одинъ изъ зачинщиковъ передъ казнью покаялся въ совершенныхъ имъ преступленіяхъ, за что, надо полагать, и пошелъ въ рай... (Мнѣ всегда удивительной кажется эта христіанская заботливость правительства и поповъ, усердно пекущихся о томъ, чтобы души казненныхъ ими грѣшниковъ отправлялись непремѣнно въ рай, а не въ адъ). Другой же зачинщикъ такъ и на смерть пошелъ, не раскаявшись въ своихъ поступкахъ.

Такимъ образомъ изъ книги Евгенія Попова мы узнали, что въ пермской централкѣ былъ бунтъ и что двоихъ за это разстрѣляли. Но другихъ подробностей этого дѣла намъ не удалось узнать въ пермской тюрьмѣ, такъ какъ мы тамъ были совершенно изолированы отъ уголовныхъ. Впослѣдствіи, во время этапнаго путешествія арестанты мнѣ разсказывали, что

причиной бунта были жестокости, которымъ подвергали ихъ въ пермской централкѣ. Такъ между прочимъ разсказывали, что провинившихся въ чемъ либо арестантовъ имѣли обыкновеніе сажать въ темный карцеръ, наполненный негашенной известью, и что многіе арестанты пообжигали себѣ тамъ руки и ноги.

Отъ Перми до Екатеринбурга насъ провезли по желѣзной дорогѣ въ однѣ сутки. Дорога перерѣзаетъ хребетъ Уральскихъ горъ, и я никогда не забуду впечатлѣній, вызванныхъ во мнѣ этимъ переѣздомъ. Былъ мѣсяцъ іюнь; но въ горахъ на той широтѣ (58° — 59°) было какъ весною. Погода стояла превосходная. Солнце ярко свѣтило. По сторонамъ текли ручьи. Свѣжая зелень травъ въ долинахъ между горъ, поросшихъ лѣсомъ, отъ которыхъ въ лицо несло свѣжестью и запахомъ весны,—дѣйствовали опьяняющимъ образомъ. Впечатлѣніе особенно усиливалось отъ того, что насъ везли въ обыкновенномъ третье-классномъ вагонѣ, и въ первый разъ со дня ареста намъ удалось здѣсь глядѣть на внѣшній міръ не черезъ рѣшетку, а прямо, какъ глядѣли мы когда то, когда были на волѣ (какъ давно, казалось, это было!). Въ вагонѣ не было рѣшетокъ, —мы не отходили отъ оконъ.

Я стоялъ у отвореннаго окна въ какомъ то полуочарованномъ состояніи, не спуская глазъ съ мимо убѣгавшихъ деревъ. Подъемъ совершался медленно. Локомотивъ нашъ быстро-быстро пуфкалъ, но поѣздъ катился тихо. Мѣстами съ высокихъ пунктовъ открывалась широкая панорама на долины и отлогіе подъемы съ ясно очерченными верхушками горъ. Но нигдѣ не было видно ни отвѣсныхъ скалъ, ни вершинъ, покрытыхъ снѣгами, ни глубокихъ ущелій. Главную прелесть картинѣ придавалъ щетинистый лѣсъ, окутывавшій горы.

Стоя у открытаго окна, я мечталъ о побѣгѣ. Я думалъ выпрыгнуть изъ окна во время хода поѣзда и скрыться въ

лѣсу. Но выпрыгнуть въ окно такъ быстро и ловко, чтобы жандармъ, сидѣвшій рядомъ, не успѣлъ схватить рукою, казалось невозможнымъ. И если бы, схвативши, онъ даже и не удержалъ меня, то во всякомъ случаѣ помѣшалъ бы моему прыжку, и я навѣрно упалъ бы. По временамъ, однако, мнѣ опять начинало казаться, что все таки возможно бѣжать, и я вотъ-вотъ готовъ былъ прыгнуть изъ окна. Въ этой борьбѣ съ самимъ собою, съ своими мыслями и настроеніемъ, принимавшимъ то одно, то прямо противуположное направленіе, прошла вся дорога. Теперь, когда я припоминаю тѣ условія и взвѣшиваю ихъ хладнокровно, я могу сказать съ увѣренностью, что побѣгъ навѣрно былъ бы неудаченъ, и хорошо случилось, что никто изъ насъ не сдѣлалъ тогда попытки.

Изъ Екатеринбурга дальше насъ повезли уже на лошадяхъ. Мы ѣхали въ открытыхъ кибиткахъ или, какъ ихъ называютъ сибиряки, возкахъ (на всякаго изъ насъ отдѣльный возокъ), запряженныхъ тройками почтовыхъ лошадей, подъ конвоемъ одного жандарма съ револьверомъ и шашкою и солдата, вооруженнаго ружьемъ. Жандармъ сидѣлъ сбоку; солдатъ—на передкѣ съ ямщикомъ. Уральскія горы остались позади; дорогда шла на востокъ по ровной мѣстности. Это была та самая дорога, которая носитъ названіе Сибирскаго Тракта, и по которой проходятъ всѣ ссыльные. Глядя на эту низменность, ставшуюся впереди и становившуюся какъ будто со всякимъ шагомъ ниже и ниже, мнѣ припоминались всевозможныя описанія сибирскихъ тундръ, суровой снѣжной зимы, снѣжныхъ заметовъ и тому подобныхъ ужасовъ, и я невольно задумывался надъ тѣмъ, что меня ожидаетъ тамъ, за виднѣвшейся впереди ровной линіей горизонта, и куда такъ быстро катился мой «возокъ». Сибирь, о которой я мечталъ, сидя въ тюрьмѣ, какъ о чемъ-то желанномъ, теперь какъ будто стала даже пугать меня. Преувеличенные розсказни, ходившіе объ этомъ, какъ называли у насъ, «не-

гостепріимномъ» краѣ, оказывали свое дѣйствіе. Впрочемъ, въ главномъ, мое отношеніе не измѣнилось, и я ни на мгновеніе не колебался бы въ выборѣ между централкой и какимъ угодно, самымъ непріютнымъ уголкомъ Сибири.

Итакъ, наши тройки бѣжали одна за другой на востокъ, звеня колокольчиками, а мы, сидя въ возкахъ, смотрѣли по сторонамъ дороги... Путешествіе на лошадяхъ мало по малу раздразнило мое воображеніе, и я опять замечтался о побѣгѣ. Особенно стала меня преслѣдовать мысль о побѣгѣ съ наступленіемъ ночи. Мы безостановочно ѣхали, задерживаясь только по нѣскольку минутъ по станціямъ, для перепряжки лошадей. Между тѣмъ я замѣтилъ, что мои конвойные устали и не прочь были подремать. Помню, было уже послѣ полуночи, когда выѣхали мы съ одной станціи. Я растянулся на соломѣ, на днѣ кибитки и притворился, будто заснулъ. Жандармъ, сидѣвшій съ лѣвой стороны, тоже улегся рядомъ со мною и вскорѣ заснулъ на самомъ дѣлѣ. Услыхавши его мѣрное похрапываніе, я рѣшилъ воспользоваться этою удобной минутой. Ночь была темная. Приподнявъ голову, я всмотрѣлся въ темноту и замѣтилъ чернѣвшіе кусты съ правой стороны дороги. Дорога шла по низкому даже, какъ мнѣ казалось, топкому мѣсту, о чемъ я заключалъ по толчкамъ. Колеса нашей кибитки подпрыгивали и стучали, какъ будто перескакивая по бревнамъ, служившимъ гатью въ этомъ болотистомъ мѣстѣ. Конвойный солдатъ, сидѣвшій на передкѣ, тоже дремалъ: я видѣлъ, какъ его опущенная на грудь голова качалась со стороны въ сторону при всякомъ толчкѣ. Только одинъ ямщикъ бодрствовалъ, да и тотъ вяло какъ-то понукалъ свою тройку. Трудно было выбрать болѣе подходящую минуту для побѣга! Конвойные спали. Выпрыгнуть изъ почтовой кибитки и скрыться въ кустарникахъ могло быть дѣломъ одной секунды... Я тихо придвинулся къ краю кибитки... Но въ эту минуту моя мысль забѣжала нѣсколько впередъ, и я по-

чувствовалъ, какъ рѣшимость стала мало по малу оставлять меня. Я не сомнѣвался въ томъ, что убѣгу въ кусты раньше, чѣмъ жандармъ успѣетъ очнуться отъ сна. Но на вопросъ: что буду дѣлать потомъ? я не могъ дать себѣ удовлетворительнаго отвѣта. Въ то время я не былъ еще практически знакомъ съ характеромъ сибирскихъ облавъ, устраиваемыхъ для поимокъ бѣглецовъ. Но всетаки я зналъ, что послѣ моего побѣга дано будетъ знать по окрестнымъ деревнямъ, и всюду начнутся поиски. Арестантскій костюмъ (за исключеніемъ высокихъ сапоговъ, все было на мнѣ казенное, арестантское) выдастъ меня сразу; мнѣ, не имѣющему знакомыхъ въ этой мѣстности, некуда будетъ дѣваться и невозможно будетъ скрыться. Эти соображенія съ такою ясностью стали вдругъ передо мною, что я сразу почувствовалъ трудность исполненія того, что еще такъ недавно представлялось легкимъ и удобоисполнимымъ. Въ тюрьмѣ, за рѣшеткой, размышляя о длинной дорогѣ по Сибири до карійскихъ рудниковъ, находящихся за Байкаломъ, моему воображенію рисовалась тысяча удобныхъ моментовъ для побѣга. Въ дѣйствительности оказалось далеко не такъ. Я начиналъ сознавать, болѣе того, я понялъ съ очевидной наглядностью, что трудность побѣга здѣсь, въ Сибири, заключается не столько въ первомъ шагѣ, сколько въ послѣдующихъ, и что шансовъ на успѣхъ вовсе не такъ много, какъ казалось. И чѣмъ больше я размышлялъ, тѣмъ больше овладѣвало мною сомнѣніе. А жандармъ мой между тѣмъ тихо похрапывалъ, лежа на боку на днѣ кибитки. Однако, отказаться совершенно отъ своихъ плановъ было не легко, и я сталъ думать о томъ, какъ обойти трудности. Первое, что было необходимо для успѣха,—это достать одежду, чтобы перемѣнить арестантскій костюмъ. Положимъ, время стояло теплое, и я могъ просто бросить свой арестантскій халатъ, оставшись въ одномъ бѣльѣ. Рубаха и портки, какъ они ни были сшиты небрежно,

по казенному, все таки не представляли собою ничего типично арестантскаго, и я могъ въ нихъ остаться безъ риска обратить на себя вниманіе при поискахъ за мною. На моихъ ногахъ, вмѣсто арестантскихъ котовъ, были высокіе сапоги: этого ужъ было совсѣмъ хорошо. Но я не имѣлъ шапки. Все необходимое было, кромѣ шапки. Арестантская сѣрая шапка, сшитая на манеръ какого-то блина, не годилась ни въ какомъ случаѣ. Съ другой стороны, бросить ее, подобно халату, и остаться съ обнаженной головой тоже казалось неудобнымъ. Я серьезно задумался о шапкѣ и скоро пришелъ къ тому заключенію, что надо попробовать овладѣть форменной фуражкой моего жандарма. Эта мысль показалась практичной, и я немедленно принялся шарить рукою возлѣ головы спавшаго жандарма. Скоро я нащупалъ фуражку на соломѣ и тотчасъ спряталъ ее себѣ за пазуху. Но этимъ не ограничился; легкость, съ которой я досталъ шапку, поощряла меня сдѣлать еще одну попытку: мнѣ захотѣлось взять у жандарма и револьверъ; и вотъ я опять тихо зашарилъ рукою уже не возлѣ его головы, а у пояса, гдѣ висѣлъ кожанный кобуръ съ револьверомъ. Однако, потревожилъ ли я его нечаянно рукою, или по какой другой причинѣ, только, вдругъ, онъ заворочался, сталъ менѣе глубоко дышать, потомъ онъ приподнялся, усѣлся и принялся розыскивать кругомъ себя фуражку. Я притворился спящимъ.

До станціи жандармъ болѣе не ложился и, время отъ времени, все искалъ свою шапку. Видно онъ былъ очень обезпокоенъ потерею. Когда мы пріѣхали на станцію и зашли въ горницу посидѣть, въ ожиданіи, когда запрягутъ свѣжихъ лошадей, я спросилъ его: «А гдѣ фуражка? Потерялъ?» «Да, баринъ, потерялъ», отвѣтилъ онъ. Тогда, смѣясь, я вытащилъ шапку изъ-за пазухи и отдалъ ему. Потомъ я повелъ съ нимъ шутливую бесѣду въ такомъ духѣ, что конвойному не полагается спать въ дорогѣ, что я могъ воспользоваться

этимъ обстоятельствомъ и бѣжать и прочее. Онъ, съ своей стороны, отшучивался и, между прочимъ, очень серьезно высказалъ мнѣніе, что я не захочу бѣжать съ дороги. На мой вопросъ, почему онъ такъ думаетъ, онъ вдругъ отвѣтилъ: «Да не за что вамъ меня подъ судъ подводить! Сами знаете,— нашего брата строго за это наказываютъ!..» Я былъ непріятно удивленъ этимъ наивнымъ соображеніемъ моего конвойнаго, но ничего ему не возразилъ на это. Мой жандармъ полагалъ, что, конвоируя меня, онъ исполнялъ этимъ долгъ службы и предписанія начальства, которые почему-то и я долженъ былъ уважать или, по крайней мѣрѣ, признавать. Если бы мнѣ пришла тогда охота пуститься съ нимъ въ разъясненія вопроса, то, по всей вѣроятности, всплыли бы на сцену «жена и дѣти», которыхъ ему надо было кормить и ради которыхъ онъ принужденъ былъ служить и слушаться начальства. Ему надо было кормить жену и дѣтей (или, можетъ быть, самому кормиться) и онъ не находилъ другого способа, какъ кормить ихъ моимъ тѣломъ и душою. Онъ клалъ на одни вѣсы, съ одной стороны мою пятнадцатилѣтнюю каторгу, т. е. всю жизнь, съ другой—свою отвѣтственность за мой побѣгъ, сводившуюся, можетъ быть, къ лишенію наградныхъ или много-много къ увольненію отъ службы, и думалъ, что это равнозначущія величины. Впрочемъ, онъ, навѣрно, ничего не думалъ и ничего не клалъ ни на какіе вѣсы. И между тѣмъ мой жандармъ вовсе не былъ ни идіотомъ, ни разбойникомъ. Онъ казался даже довольно добродушнымъ человѣкомъ. Да навѣрно такъ и было. Это былъ средній россійскій служилый человѣкъ.

Въ Тюмени, куда насъ довезли на тройкахъ, мы просидѣли въ тюрьмѣ до отхода перваго парохода; затѣмъ посажены были на арестантскую баржу, подобную той, на какой плыли по рѣкѣ Камѣ, и отправлены дальше на востокъ. Помѣстили насъ въ каютѣ на кормѣ судна, въ томъ отдѣленіи, гдѣ по

мѣщался офицеръ съ конвойными солдатами. Такимъ образомъ, и тутъ мы были отдѣлены отъ уголовныхъ, но только мы не стѣсняли ихъ здѣсь, какъ это было при переѣздѣ до г. Перьми. Мы сидѣли въ каютѣ, устроенной собственно для аптеки и, кажется, фельдшера, но на этотъ разъ предоставленной намъ. Гулять насъ выпускали на заднюю палубу. Это была небольшая площадка, находившаяся на самомъ концѣ (заднемъ) баржи, безъ бортовъ, безъ желѣзной клѣтки сверху, такъ что всякій разъ во время нашего гулянья конвойные солдаты въ предупрежденіе того, чтобы кому нибудь изъ насъ не явилась охота попытать счастья и броситься въ воду, становились вдоль краевъ судна и стерегли насъ.

Первые дни мы плыли на сѣверо-востокъ по теченію притоковъ Иртыша и по Иртышу; но, войдя въ Обь, поворотили прямо на востокъ и поплыли противъ теченія, вверхъ по рѣкѣ. Мы дошли до 62 градуса сѣверной широты. Хилыя, малорослыя деревца укрывали плоскіе берега Оби, мѣстами понижавшіеся до того, что вода заливала ихъ на громадныя пространства. Мѣстами берега эти поднимались надъ водою на $1^1/_2$—2 метра, и тогда въ разрѣзѣ виденъ былъ толстый слой рыжаго торфа, по которому, какъ иголки, торчали совсѣмъ низенькія полу-засохшія сосенки. Все указывало на близость тундры. Обь разбивалась здѣсь на множество рукавовъ, образуя низкіе острова. Пароходъ и наша баржа, тянувшаяся сзади на канатѣ, то приближались къ берегамъ, то оставляли ихъ далеко позади себя и выплывали на необозримыя водныя пространства, какъ море, поражавшія глазъ. Повидимому, Обь была въ полноводьѣ. Попадались и такіе острова, гдѣ не было видно ни рыжаго торфа, ни сосенъ, а росли лѣсныя породы деревъ, въ родѣ лозника. Изъ окна нашей каюты я смотрѣлъ на этотъ тонкій, густо переплетавшійся лозникъ, напоминавшій наши молодыя лиственныя заросли, и по временамъ меня до того

тянуло туда, что я, казалось, охотно согласился бы, чтобы меня бросили одного на этихъ уединенныхъ берегахъ, какъ уныло они не выглядѣли. Когда баржа наша при извѣстныхъ поворотахъ подплывала совершенно близко къ берегу, такъ что вотъ-вотъ касалась его своимъ бокомъ, и вода шипѣла и крутилась у самаго берега, сердце мое начинало стучать учащенно,—такъ и хотѣлось прыгнуть на берегъ и убѣжать.

Погода все время стояла хорошая. Медленно катила Обь свою мутную воду. Пароходныя колеса безостановочно хлопали. Тихо уплывали назадъ низкіе берега, тянувшіеся по сторонамъ, а на смѣну имъ выплывали на встрѣчу другіе, такіе же однообразные и пустынные, такіе же низкіе и сырые, лишенные слѣдовъ человѣка. Кое-когда, кто нибудь изъ конвойныхъ, указывая рукою на отдаленный берегъ, говорилъ: «А вотъ и остятскіе колья!» и разсказывалъ при этомъ, что эти колья остяки вбивали въ землю для того, чтобы на нихъ сушить свою рыбу. Я напрягалъ зрѣніе, чтобы увидѣть колья; но полусухія деревца, торчавшія, подобно кольямъ, по всему берегу, мѣшали, и я ничего не могъ отличить.

Наконецъ, пароходъ съ нашей баржей причалилъ къ пристани. Но что это была за пристань,—Сургутъ или другое какое поселеніе—не знаю. Здѣсь въ первый разъ я увидѣлъ остяковъ. Они стояли на берегу, одѣтые въ лохмотья, съ всклокоченными волосами на большихъ головахъ (казавшихся большими, можетъ быть, потому, что волосы были всклокочены), на тоненькихъ ножкахъ, низенькіе, хилые, точь въ точь, какъ ихъ сосны, выросшія на торфѣ и болотѣ, и продавали рыбу, нанизанную черезъ жабры на лозинки. Они охотно уступали за пяточекъ связку стерлядей штукъ въ десятокъ. Но всякій разъ на вопросъ, «сколько хочешь?»—отвѣчали: «рубль». Повидимому, рубль былъ для остяка такимъ же нарицательнымъ словомъ, какъ и имя Васька, на

которое всякій изъ нихъ откликался. Припоминаю, Волошенко, побуждаемый, должно быть, жалкимъ видомъ одного «Васьки», бросилъ ему на берегъ пачку табаку въ промѣнъ за рыбу. Мы слыхали, что у остяковъ очень цѣнится табакъ. Пачка табаку стоила, по крайней мѣрѣ, въ четверо больше той суммы, которую могъ выручить остякъ за свою рыбу. Но онъ, поднявъ и подозрительно осмотрѣвъ эту пачку со всѣхъ сторонъ, вдругъ неистово швырнулъ ее на землю, сердито крича что-то. Мгновеніе спустя, однако, онъ вторично поднялъ ее съ земли и, приложивши къ носу и принюхавшись внимательно, бережно ее спряталъ. Бѣдный „Васька“ на первыхъ порахъ, должно быть, не разобралъ, что заключалось въ пачкѣ, такъ какъ, пожалуй, до этого случая никогда не видѣлъ табаку въ пачкахъ, а все только въ листахъ, какой обыкновенно доставляютъ имъ наши купцы.

XXVI.

Отъ Томска до Красноярска и пребываніе въ красноярской тюрьмѣ.

Въ Томскъ мы прибыли дней черезъ десять. Я долженъ сказать, что административные, которые были къ намъ присоединены въ Москвѣ, проѣхали съ нами только до Тюмени; тамъ ихъ остановили, и оттуда дальше отправлено было насъ всего десять человѣкъ (девять насъ по кіевскимъ процессамъ и одинъ централистъ, Опрышко, присоединенный къ нашей партіи еще въ Мценскѣ).

Оглядывая какъ-то нашу камеру (въ томской пересыльной тюрьмѣ), мы нашли на стѣнахъ ея надписи карандашемъ, сдѣланныя Армфельдъ, Ковалевскою и другими женщинами, осужденными по нашему процессу. Это было первое свѣдѣніе,

полученное нами о нихъ; мы узнали, такимъ образомъ, что онѣ были уже провезены этой самой дорогой.

Но въ Томскѣ мы только передохнули; появились опять полиціймейстеръ, прокуроръ и другіе чиновники; къ тюремнымъ воротамъ подкатили почтовыя тройки и насъ подъ конвоемъ вывели за ворота. Мы разложили по кибиткамъ наши мѣшки съ вещами, разсѣлись по одному (конечно, съ конвойными) и двинулись въ дорогу. До черты города сопровождалъ насъ полиціймейстеръ, и мы ѣхали сравнительно медленно. Но тутъ его фаэтонъ остановился, и къ нему подошелъ засѣдатель. Я видѣлъ, какъ полиціймейстеръ что-то ему передалъ, и онъ, взобравшись въ почтовую кибитку, быстро покатилъ по красноярскому тракту. Слѣдомъ за нимъ поскакали одна за другой и наши тройки.

Снова потянулась ѣзда съ безпрерывно звенящими колокольчиками, съ тряской и толчками, съ остановками на станкахъ, гдѣ перепрягали лошадей. На станціяхъ засѣдатель распоряжался, чтобы скорѣе подавали свѣжія тройки; мы пересаживались и неслись дальше.

Переѣздъ отъ Томска до Красноярска совершился, кажется, дня въ три. Насколько могу припомнить, засѣдатели въ дорогѣ смѣнялись: всякій конвоировалъ только по своему участку.

Одинъ изъ нихъ оказался интереснымъ разсказчикомъ; онъ намъ разсказывалъ о бѣгунахъ, скрывавшихся по лѣсамъ Томской губерніи, по пасѣкамъ, и о томъ, какъ ему приходилось, преслѣдуя ихъ, пробѣгать на лыжахъ огромныя разстоянія (дѣло происходило зимою, и проѣзжихъ дорогъ не было). Нужно знать, что въ Томской губ. довольно развито пчеловодство, и пасѣки разбросаны по тайгѣ на значительныхъ разстояніяхъ отъ селеній, представляя, такимъ образомъ, весьма удобные притоны для укрывательства.

Слушая разсказы этого засѣдателя, я глядѣлъ на его загорѣлое мужественное лицо, знакомое и съ вѣтромъ, и съ

непогодами, и невольно сравнивалъ его съ нашими современными становыми-бѣлоручками, и долженъ сказать откровенно— сравненіе оказывалось не въ пользу послѣдняго. Что бы ни говорили, но я, право же, предпочту стараго дореформеннаго полицейскаго современному, умѣющему кланяться одной головой, какъ кланяются гвардейскіе офицеры, носящіе браслеты, и въ то же время способному къ такимъ доносамъ и шпіонству, на какіе едва ли былъ способенъ дореформенный полицейскій. Да, я предпочитаю грубаго Держиморду вѣжливому современному исправнику, какъ предпочту всегда дикаго быка очковой змѣѣ.

Впрочемъ, засѣдатель, о которомъ идетъ рѣчь, совсѣмъ не походилъ на Держиморду. По отношенію къ намъ онъ велъ себя прилично и просто. Замѣтивъ, что мы интересуемся Сибирью, онъ разсказывалъ случаи изъ сибирской жизни и знакомилъ насъ съ мѣстными условіями. Помню, на одномъ станкѣ у него вышло столкновеніе съ крестьянами: крестьяне не хотѣли давать лошадей. Нужно сказать, что лошадей брали частью почтовыхъ, частью «обывательскихъ», т. е. какъ дорожную повинность. Конечно, лошади, въ концѣ концовъ, были даны; но въ ту минуту, когда мы усаживались въ кибитки (еще даже незапряженныя), изъ толпы, стоявшей на улицѣ возлѣ почтовой станціи, вдругъ раздался голосъ: «Пѣшкомъ гонять этихъ бунтовщиковъ, а не возить въ телѣгахъ!.. Чего противъ царя бунтуютъ!» «А тебѣ что сдѣлалъ царь, что ты за него здѣсь горло дерешь? Стоеросовая дубина!..» сердито крикнулъ въ отвѣтъ одинъ изъ товарищей. Эта брань произвела свое дѣйствіе: защищать царя не нашлось другихъ охотниковъ. А нашъ засѣдатель какъ будто ничего не слыхалъ и продолжалъ только торопить, чтобы поскорѣе запрягали лошадей. Этотъ случай нисколько не измѣнилъ нашихъ съ нимъ отношеній, и на слѣдующей же станціи онъ опять что-то разсказывалъ намъ изъ сибирской жизни.

Справедливость требуетъ сказать, что отношеніе властей, встрѣчавшихся по пути, равно какъ и конвоировавшихъ насъ, было вообще хорошее къ намъ. Происходило это, вѣроятно, отъ ихъ желанія избѣжать непріятныя столкновенія, на которыя мы, собственно говоря, готовы были всякую минуту, но которыя совсѣмъ были не въ интересахъ властей, старавшихся лишь о томъ, какъ бы поскорѣе спровадить насъ, по возможности безъ скандала, и сдать другимъ, слѣдующимъ. Само собою разумѣется, что мы пользовались этимъ и становились иногда требовательны. Такъ, помню, въ г. Маріинскѣ Томской губ., гдѣ на почтовой станціи встрѣтили насъ мѣстный исправникъ и жандармскій офицеръ, мы вытребовали для себя полушубки, мотивируя тѣмъ, что холодно было ѣхать по почамъ. Не смотря на то, что по инструкціи полушубки выдаются арестантамъ зимою, мы ихъ здѣсь получили лѣтомъ и, конечно, не въ зачетъ (съ наступленіемъ зимы намъ выдали еще по одному, такъ что потомъ у всякаго оказалось по два полушубка).

На третьи сутки мы пріѣхали въ г. Красноярскъ, помѣщены были въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ и стали ждать дальнѣйшихъ распоряженій генер. губернатора Восточной Сибири.

Такъ мы окончили наше путешествіе по Европейской Россіи и Западной Сибири и находились теперь въ городѣ, считавшемся въ предѣлахъ уже Восточной Сибири.

Мы были помѣщены въ верхнемъ этажѣ праваго крыла тюрьмы, очищеннаго отъ уголовныхъ и приготовленнаго спеціально для политическихъ. Сосѣдняя съ нашей камера занята была политическими женщинами (около десяти), ссылавшимися административнымъ порядкомъ преимущественно изъ южныхъ городовъ: Одессы, Николаева, Херсона и Кишинева. То были жертвы Панютина, того самаго генерала-каракатицы, о которомъ я вспоминалъ какъ-то раньше. Между административными

въ той же камерѣ сидѣла въ это время и каторжанка Марія Ковалевская, судившаяся въ Кіевѣ по нашему процессу и отставшая по болѣзни отъ своихъ товарокъ, ушедшихъ уже съ этапомъ въ Иркутскъ. Остальныя камеры нашего отдѣленія оставались еще свободны.

Камера, гдѣ пришлось мнѣ съ товарищами сидѣть въ ожиданіи дальнѣйшихъ генералъ-губернаторскихъ распоряженій, окнами своими была обращена на востокъ, т. е. туда, куда лежалъ и нашъ далекій путь. Взобравшись на подоконникъ, по цѣлымъ часамъ, бывало, глядѣлъ я въ ту сторону. Вдали за городомъ (хотя я не могу припомнить, видны ли были изъ оконъ постройки) тянулась громадная впадина, гдѣ протекалъ Енисей, о чемъ приходилось только догадываться, такъ какъ самой рѣки не было видно. А дальше за впадиной открывался видъ на обширную возвышенную степь, заканчивающуюся вдали на горизонтѣ хребтомъ круто подымавшихся лѣсистыхъ горъ. Особенно помнится одна гора, которая выдѣлялась своею голою, круглою вершиною. Вглядываясь въ эту лысую гору, торчавшую на горизонтѣ, воображенію моему все рисовалась почтовая дорога, зигзагами поднимавшаяся вверхъ. Проходилъ ли трактъ на Иркутскъ дѣйствительно черезъ эту гору или нѣтъ — сказать не могу, такъ какъ, когда мнѣ пришлось идти по этой дорогѣ, мѣстности я не могъ узнать. Вблизи я совсѣмъ не то увидѣлъ, что представлялось издали, изъ окна. Долина Енисея, собственно острова, оказалась поросшей густою лозою. Горы тоже имѣли другой видъ. Очень возможно, что лысая гора, въ которую я такъ жадно вглядывался, оставалась совершенно гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ тракта, и я ее такъ больше и не видѣлъ, кромѣ какъ изъ окна тюрьмы. Однако, какъ бы тамъ ни было, а до сихъ поръ мнѣ памятна картина, представлявшаяся моимъ глазамъ изъ окна красноярскаго тюремнаго замка. Вотъ виднѣется провалье, долина, надъ которой стелется легкій

сизый туманъ,—тамъ протекаетъ рѣка Енисей; а выше сквозь прозрачный воздухъ рѣзко вычерчивается на горизонтѣ цѣпь горъ, поросшихъ лѣсомъ. Эта даль неудержимо манила меня къ себѣ. Всякій разъ, глядя туда, мое воображеніе разыгрывалось, живо рисуя вольную жизнь среди дикой природы. Мнѣ уже слышался шумъ громадныхъ сосенъ, раскинувшихъ высоко надъ моей головой свои желтыя вѣтви. Я видѣлъ полумракъ первобытнаго лѣса, чувствовалъ смолистый запахъ хвой и ароматъ малины, свѣсившейся красными пучками до самой земли. Крупныя капли росы висѣли на ягодахъ, дрожали при малѣйшемъ вѣтеркѣ, переливаясь радужными цвѣтами. И внутри меня самого все дрожало и ныло... Чѣмъ бы я не пожертвовалъ тогда, чтобы только пошататься по тѣмъ горамъ.

Верхній этажъ праваго крыла тюрьмы, какъ я уже сказалъ раньше, былъ очищенъ отъ уголовныхъ. Повидимому, здѣсь, въ этой тюрьмѣ, назначался сборный пунктъ для политическихъ, слѣдовавшихъ въ Восточную Сибирь. Въ дѣйствительности это такъ и было. Нѣсколько времени спустя послѣ нашего пріѣзда, пустыя камеры нашего корридора стали наполняться новоприбывающими. Это были административно-ссыльные, отправляемые въ Сибирь преимущественно изъ южныхъ губерній Чертковымъ, генералъ-губернаторомъ кіевскимъ и Панютинымъ. Курьезно было то, что насъ, лишенныхъ правъ и ссылаемыхъ на каторгу, везли отъ Томска до Красноярска на почтовыхъ, между тѣмъ административно-ссыльныхъ, т. е. людей, не лишенныхъ правъ и ссылаемыхъ безъ суда въ Восточную Сибирь, отправляли изъ того же Томска въ Красноярскъ съ уголовными этапными партіями. Мы, осужденные, оказывались, такимъ образомъ, на привилегированномъ положеніи.

Время, проведенное нами въ красноярскомъ тюремномъ замкѣ среди огромной компаніи, прошло незамѣтно въ дружескихъ бесѣдахъ и взаимномъ высказываніи своихъ плановъ

и надеждъ. Общее настроеніе было возбужденное и даже, если можно такъ выразиться, возвышенное. Правительство, обостривше свои преслѣдованія, сотнями ссылало «неблагонадежныхъ», а «неблагонадежные» шли въ Сибирь, нисколько не чувствуя себя ни подавленными, ни уничтоженными тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ ссылали куда-то на край свѣта. Напротивъ, всѣ глядѣли бодро въ глаза будущему и вѣрили въ успѣхъ борьбы. Но красноярскіе ссыльные не представляли собою исключенія, и подобнымъ духомъ были заражены тогда всѣ, прикосновенные къ нашему революціонному движенію. Трудно было допустить, чтобы такое настроеніе прошло безслѣдно. Въ ближайшемъ будущемъ невольно поэтому ожидались выдающіяся резолюціонныя событія.

Первые дни послѣ нашего пріѣзда въ Красноярскъ камеру нашу держали запертой. Но потомъ, когда прибыли административные, мы часто проводили время всѣ вмѣстѣ, и только на ночь запирали насъ опять по нашимъ камерамъ. Мнѣ такъ живо-живо воскресаетъ теперь въ памяти корридоръ красноярской тюрьмы и эта шумная, веселая молодежь, снующая взадъ и впередъ по корридору и по камерамъ. Слышится смѣхъ, разговоры. Одни горячатся и спорятъ по какимъ-то вопросамъ, другіе тихо бесѣдуютъ, вспоминаютъ о чемъ-то. Какое движеніе и шумъ! Молодыя, одушевленныя лица совсѣмъ не гармонируютъ ни съ сѣрыми арестантскими халатами, болтающимися на ихъ плечахъ, ни съ желѣзными рѣшетками, вдѣланными въ окнахъ корридора. Возлѣ стеклянныхъ дверей въ корридорѣ стоитъ ключникъ, а за дверьми часовой, и оба улыбаются. Дверь эта отдѣляетъ нашъ корридоръ (наше отдѣленіе) отъ остальной тюрьмы, и потому она всегда заперта. На угрюмыхъ лицахъ ключника и часового, смотрящихъ черезъ стеклянную дверь, играетъ улыбка. По роду службы они должны имѣть важный и угрюмый видъ, но не могутъ удержаться, глядя на веселыя кучки молодежи,

проходящей взадъ и впередъ мимо нихъ. Что думаютъ въ эту минуту ключникъ и часовой? Трудно угадать. Но несомнѣнно, что обоимъ имъ здѣсь весело стоять, несравненно веселѣе, чѣмъ въ другихъ отдѣленіяхъ тюрьмы.

Да, шумно текла жизнь въ красноярскомъ тюремномъ замкѣ, хотя многимъ уже въ ту минуту заклядывала смерть изъ за спины. Такъ, короткое время спустя, административно-ссыльная Патруева отправилась спичками въ г. Енисейскѣ, куда она была отправлена на поселеніе изъ красноярской тюрьмы. Я помню ее хорошо: это была молоденькая (почти ребенокъ), хорошенькая дѣвушка. Въ ея круглыхъ сѣрыхъ глазахъ выражалось такъ много дѣтской довѣрчивости, что достаточно было на нихъ посмотрѣть одинъ разъ, чтобы почувствовать къ ней симпатію и жалость. Она была такая живая и веселая... Бѣлые зубы часто сверкали изъ за ея пухлыхъ губокъ, дѣлая ее похожей на звѣрька изъ породы грызуновъ. Мы прозывали ее Тушканчикомъ. Патруева была самая молоденькая въ камерѣ (гдѣ сидѣли женщины), до того молоденькая, что нуждалась еще въ материнской ласкѣ; по крайней мѣрѣ, видимо, ей очень нравилось находиться подъ опекой и покровительствомъ каторжанки Маріи Ковалевской, бывшей значительно старше ея. Что было поводомъ ссылки ея въ Сибирь—не знаю, какъ не знаю и причины, вызвавшей ея самоубійство. Бѣдный Тушканчикъ! За что тебя загубило русское правительство?

За время моего пребыванія въ красноярской тюрьмѣ, насколько могу припомнить, изъ Томска успѣло прибыть по этапу двѣ партіи административныхъ. Само собою разумѣется, что, познакомившись съ порядками этапнаго путешествія, административные, когда прибыли въ Красноярскъ, не замедлили подѣлиться съ нами, каторжанами, своими свѣдѣніями.

Въ это то время, послѣ обстоятельнаго ознакомленія съ условіями этапнаго путешествія, у меня впервые родилась мысль бѣжать при посредствѣ «смѣнки»,

Нужно сказать, что я былъ отчасти и раньше знакомъ съ тѣмъ, что такое «смѣнка». Во время этапнаго путешествія конвойные солдаты съ офицерами перемѣняются черезъ всякіе два дня, и арестанты, пользуясь тѣмъ, что ихъ не знаютъ въ лицо, мѣняются другъ съ другомъ (иногда за самое ничтожное вознагражденіе) своими именами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и приговорами, къ которому всякій изъ нихъ присужденъ; поселенецъ принимаетъ на себя имя каторжанина и идетъ вмѣсто него въ рудники, а тотъ, съ другой стороны, выходитъ на поселеніе гдѣ либо въ Енисейской или Иркутской губ. и становится вольнымъ человѣкомъ.

Такого то рода «смѣнку» задумалъ и я осуществить во время дороги въ Иркутскъ, куда, какъ намъ было извѣстно, должны были отправить насъ этапнымъ порядкомъ.

Въ двадцатыхъ числахъ августа объявили намъ, что шестеро изъ насъ отправляются съ этапомъ въ Иркутскъ. Эти шестеро были: два брата Избицкіе, Волошенко, «Неизвѣстный», Феохари и Опрышко. Первые пять человѣкъ были по кіевскимъ процессамъ. Опрышко же судился значительно раньше, успѣлъ къ этому времени отбыть свою каторгу въ харьковской централкѣ и теперь препровождался въ Восточную Сибирь, на поселеніе. Такимъ образомъ, въ первый списокъ отправляемыхъ съ этапомъ я не попалъ. Это мнѣ не нравилось ввиду моего плана побѣга, и я сталъ хлопотать, чтобы меня назначили въ первую партію. Хлопоты мои увѣнчались успѣхомъ. Опрышко оставленъ былъ до слѣдующей партіи (партіи выходили черезъ всякую недѣлю, въ извѣстный опредѣленный день), я же назначенъ былъ вмѣсто него.

И вотъ, раннимъ утромъ одного дня, шестеро насъ, выведенные изъ тюремнаго замка, двинулись пѣшкомъ, подъ конвоемъ, по направленію къ городу (тюремный замокъ стоитъ за городомъ). Пройдя до города и самимъ городомъ нѣкоторое пространство, мы очутились передъ одноэтажнымъ дере-

вяннымъ зданіемъ, съ окнами, выходившими на улицу, съ высокимъ деревяннымъ частоколомъ, тянувшимся вдоль улицы влѣво. Это была пересыльная тюрьма. Огромныя ворота, ведшія во дворъ пересыльной, были заперты, и насъ пропустили внутрь черезъ калитку. Мы вошли въ обширный дворъ, обнесенный высокимъ частоколомъ и направились къ крыльцу того самого зданія, которое глядѣло на улицу. Тутъ, должно быть, помѣщалась контора. Въ одной комнатѣ мы увидѣли этапнаго офицера и еще какихъ-то служащихъ, писарей, что-ли. Въ эту комнату зашелъ и нашъ смотритель, сопровождавшій насъ изъ тюрьмы. Онъ долженъ былъ сдать насъ этапному начальнику съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для этого правилъ, т. е. передать наши такъ наз. «статейные списки», въ которыхъ говорилось кто мы, за что судились, къ чему приговорены и пр.: сдать по счету наши казенныя вещи и т. д.

Между тѣмъ изъ сосѣдней комнаты несся рѣзкій звукъ, получавшійся отъ ударовъ молотка по желѣзу; заглянувъ туда, я увидѣлъ кузнеца, заклепывавшаго цѣпи на ногахъ какого-то арестанта. Когда операція была окончена, закованный арестантъ ушелъ прочь во дворъ, откуда приведенъ былъ конвойнымъ другой арестантъ для той же цѣли, потомъ третій и т. д. Передъ отправкой партіи надо было просмотрѣть на всѣхъ арестантахъ кандалы. Уголовные толпами бродили по двору; но насъ не пускали къ нимъ, и мы должны были находиться въ конторѣ. На противуположномъ концѣ двора видно было другое зданіе, тоже одноэтажное, но значительно шире и длиннѣе этого. Арестанты то и дѣло заходили и выходили оттуда. Очевидно, тамъ помѣщались арестантскія камеры.

Наконецъ, мы были сданы этапному офицеру. Кузнецъ, осматривая кандалы «Неизвѣстнаго» и Ѳеохари, поклепалъ по нимъ молоткомъ, чтобы убѣдиться, что они были цѣлы, нелопнувшіе. Все было осмотрѣно, окончено, бумаги подписаны,

подшиты, скрѣплены... Тогда чиновники поднялись и вышли на крыльцо. Офицеръ отдалъ приказъ... Унтеръ-офицеръ скомандовалъ, и арестанты принялись строиться по серединѣ двора въ два ряда. Начался счетъ людямъ. Мы все еще стояли въ сторонѣ отъ остальныхъ арестантовъ. «Вѣрно?» спросилъ, наконецъ, офицеръ. Унтеръ-офицеръ назвалъ цифру. Всѣхъ въ нашей партіи оказывалось около ста восьмидесяти человѣкъ. «Ну, съ Богомъ, въ путь», произнесъ офицеръ, махая рукою по направленію къ воротамъ.

Огромныя ворота отворились; на улицу вышли сначала солдаты съ ружьями, затѣмъ хлынула гурьбою арестантская масса.

XXVII.

Первые дни этапнаго путешествія.—Составъ партіи.—Бродяги.—Уголовные дворяне.

Когда мы вышли за ворота, я увидѣлъ конвойныхъ солдатъ, сбитую по серединѣ толпу арестантовъ и десятка полтора телѣгъ, изъ которыхъ три были предназначены для насъ. Мы положили въ телѣги наши мѣшки съ вещами. Опять послышалась команда, и партія двинулась въ дорогу. Впереди всѣхъ шло въ рядъ нѣсколько человѣкъ солдатъ; за ними слѣдовали арестанты; сзади пѣшихъ арестантовъ ѣхали въ телѣгахъ ихъ жены съ дѣтьми; потомъ шли телѣги, занятыя уголовными дворянами и, наконецъ, мы заключали шествіе. Сзади партіи и съ боковъ—вдоль улицы—шли цѣпью солдаты съ ружьями.

Признаться, наше шествіе сразу напомнило мнѣ погребальную процессію. Только, вмѣсто пѣвчихъ и музыки, мы имѣли звонъ кандаловъ, доносившійся изъ переднихъ рядовъ; а шагомъ

ѣхавшія сзади женщины съ дѣтьми сильно напоминали родственниковъ и близкихъ друзей покойника. У нихъ у всѣхъ и лица были такія озабоченныя, печальныя... Мы имѣли даже свой катафалкъ, и не одинъ, а цѣлыхъ два: двѣ телѣги были высоко нагружены арестантскими пожитками, заключавшимися въ холщевыхъ казенныхъ мѣшкахъ; эти мѣшки, сильно перевязанные веревками по всѣмъ направленіямъ, возвышались цѣлой горой надъ телѣгами, двигавшимися къ серединѣ медленно шествовавшей партіи. Повторяю, мы имѣли даже катафалки. Но гдѣ находился самъ мертвецъ—трудно было отгадать... И ничего удивительнаго, такъ какъ мертвецъ былъ тутъ не одинъ, а сто восемьдесятъ человѣкъ. Это было грандіозное погребальное шествіе, въ которомъ хоронились сразу сто восемьдесятъ человѣкъ!

Но печальное сравненіе промелькнуло лишь на первыхъ порахъ; затѣмъ впечатлѣніе его скоро сгладилось; болѣе того, сдѣлалось и любопытно, и весело на душѣ. Сибирь, о которой и въ прозѣ, и въ стихахъ приходилось такъ много слышать ужаснаго; Сибирь—это царство снѣжныхъ мятелей—теперь со всякимъ шагомъ въ глубь ея, дѣлалась все болѣе и болѣе интересной. Ея грандіозныя рѣки, первобытные лѣса, горы, которыя уже видны были изъ оконъ красноярской тюрьмы и которыя скоро, вотъ, буду видѣть передъ собою (Западная Сибирь была ровная и даже низменная),—однимъ словомъ, все, что могло пугать завзятаго горожанина, меня не только не пугало, а рѣшительно влекло къ себѣ. Городъ, съ его комфортомъ, мало привлекалъ меня въ ту минуту, такъ какъ я зналъ, что вмѣстѣ съ комфортомъ встрѣчу тамъ на всякомъ шагу жандармовъ и своры шпіоновъ, а мои нервы просто устали отъ всей этой мерзости, и мнѣ хотѣлось куда-нибудь —хоть къ черту—лишь бы не видѣть жандармскихъ рожъ.

Пройдя улицами, партія наша спустилась къ берегу Енисея и тутъ остановилась въ ожиданіи перевознаго судна, находив-

шагося въ ту минуту на противуположномъ берегу. Арестанты разсѣлись на землѣ, и многіе изъ нихъ принялись перебуваться. Я замѣтилъ, что при этомъ нѣкоторые стаскивали черезъ пятку и кандалы. Вскорѣ подъѣхалъ къ намъ этапный офицеръ, остававшійся гдѣ-то позади, и меня очень изумило то обстоятельство, что арестанты продолжали сбрасывать свои кандалы, нисколько не смущаясь его присутствіемъ. Но вотъ плашкотъ (такъ называется перевозное судно) причалилъ къ берегу, и началась нагрузка. Скоро судно наполнилось телѣгами и людьми. Между другими взошли на него и мы. Это было въ первый разъ, когда мы смѣшались, наконецъ, съ толпою арестантовъ, и помню, это обстоятельство произвело на меня большое впечатлѣніе. Я привыкъ видѣть около себя жандармовъ и солдатъ, и здѣсь, очутившись въ кругу постороннихъ людей, да еще въ такой толпѣ, среди которой, казалось, можно было даже затеряться, я вдругъ почувствовалъ себя значительно свободнѣе. До сихъ поръ я видѣлъ глаза конвойныхъ, устремленные спеціально на меня. Два караульныхъ не отступали ни на шагъ; они стерегли именно меня, меня и никого другого; я это чувствовалъ каждое мгновеніе. Здѣсь я видѣлъ себя среди толпы, хоть и арестантской, а все-таки толпы, состоявшей изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ (партія раздѣлена была на двѣ половины, т. к. не могла помѣститься вся на плашкотѣ); эту толпу конвоировали всего десятка два солдатъ (остальные солдаты остались на берегу съ другой половиной партіи), солдатъ, для которыхъ личность моя, мое «я», очевидно, не представляло ничего особеннаго, спеціальнаго; это мое «я» подведено было здѣсь подъ общій уровень и представляло не болѣе, какъ обыкновеннаго средняго арестанта, котораго только считаютъ, но котораго знать въ лицо находятъ даже излишнимъ. Здѣсь я уже не чувствовалъ спеціально на себя устремленныхъ глазъ, и это вселяло во мнѣ ощущеніе большей свободы.

Между тѣмъ нашъ плашкотъ, гонимый теченіемъ, описывалъ огромную дугу на веревкѣ, укрѣпленной якоремъ по серединѣ рѣки; вначалѣ, отъ берега, онъ двигался медленно, но потомъ скорость его постепенно увеличивалась, и по серединѣ рѣки онъ летѣлъ, какъ птица, подплывая къ противуположному берегу, онъ опять уменьшилъ свою скорость. Причаливъ къ берегу, мы стали высаживаться. Впрочемъ, то еще не былъ берегъ Енисея, а только островъ, дѣлившій Енисей на два широкихъ рукава. Это былъ низкій песчаный островъ, весь заросшій лозою. Пройдя его, мы переправились черезъ второй рукавъ и высадились на тотъ (правый) берегъ. Тамъ мы подождали, пока присоединились къ намъ остальные арестанты, и вслѣдъ затѣмъ наша партія зашагала по тракту.

Все время я шелъ пѣшкомъ, не присаживаясь на телѣгу, ѣхавшую шагомъ, и гдѣ лежалъ только мой мѣшокъ съ вещами. Физическое утомленіе мало-по-малу взяло верхъ надъ другими ощущеніями; но и самое это утомленіе было мнѣ пріятно, такъ какъ я его давно не испытывалъ.

Къ вечеру мы прибыли на полу-этапъ. Здѣсь я опять увидѣлъ одноэтажное деревянное зданіе съ рѣшетчатыми окнами и высокій частоколъ, обносившій дворъ. Огромныя досчатыя ворота оказались заперты въ ту минуту, когда партія наша подошла. У запертыхъ воротъ арестанты остановились и выстроились въ два ряда. Староста суетился, стараясь придать этимъ рядамъ прямую линію. Унтеръ-офицеръ сосчиталъ арестантовъ и тогда распорядился отворить ворота. Ворота растворились. Раздалось оглушительное «ура», и арестанты со всѣхъ ногъ бросились въ ворота, давя и толкая другъ друга. Произошла неистовая сутолока: крикъ, брань, звонъ цѣпей... Толпа такъ плотно сжалась въ проходѣ, что казалось, вотъ-вотъ готовы были выломаться боковые столбы воротъ. Передніе, которымъ удавалось вывертываться изъ этихъ тисковъ толпы, опрометью мчались къ зданію, вскакивали въ камеры и зани-

мали мѣста на нарахъ. Весь вопросъ въ томъ и заключался, чтобы захватить удобное мѣсто для ночлега. Нужно, однако, сказать, что лучшія мѣста уступались во всякомъ случаѣ бродягамъ, пользовавшимся извѣстнымъ значеніемъ въ партіи.

Эта штурмовая сцена съ небольшими видоизмѣненіями повторялась потомъ всякій разъ, когда партія приходила на ночлегъ и входила въ этапный дворъ.

Послѣ того, какъ наша партія вошла во дворъ, въѣхали телѣги съ вещами, и арестанты принялись ихъ разгружать. Потомъ телѣги уѣхали, ворота заперлись, и у калитки поставленъ былъ часовой.

Расположеніе камеръ почти по всѣмъ этапнымъ зданіямъ было одинаково, и этотъ первый полу-этапъ, насколько могу припомнить, не отличался отъ другихъ. Дворянскія камеры, имѣвшія отдѣльный корридоръ съ выходомъ, находились въ переднемъ фасадѣ зданія, обращенномъ окнами къ улицѣ (этапы и полу-этапы стоятъ обыкновенно въ концѣ села). Въ боковомъ фасадѣ, тянувшемся вдоль двора, были двѣ, такъ называемыя, «общія камеры», изъ которыхъ одна глядѣла окнами наружу, другая — во внутрь двора. Въ задней части зданія были камеры для семейныхъ арестантовъ, и тамъ же, въ другомъ только отдѣленіи, помѣщался конвой.

Прибывши на полу-этапъ, арестанты прежде всего занялись приготовленіемъ ѣды. Во дворѣ разложены были костры. Всякій готовилъ себѣ изъ тѣхъ продуктовъ, которые ему удалось купить у сельскихъ женщинъ, появившихся въ этапномъ дворѣ вскорѣ послѣ прихода партіи. Арестанты получали паекъ отъ офицера по десяти копѣекъ на всякаго (лица дворянскаго званія по пятнадцати) и на эти деньги дѣлали свои закупки.

Съ приближеніемъ сумерокъ арестантовъ загнали въ камеры, еще разъ провѣрили (сосчитали) и заперли на ночь.

Камеры были такъ малы (по сравненіи съ числомъ арестантовъ), что не хватало всѣмъ мѣста на нарахъ; почти по-

ловина разложилась съ своими мѣшками и подстилками подъ нарами, на полу и въ корридорахъ. Многіе помѣстились у насъ, въ дворянской камерѣ, чему, впрочемъ, мы были весьма рады, такъ какъ это давало намъ возможность поскорѣе завязать знакомства. Только выходныя двери были заперты на ночь, такъ что арестанты могли свободно переходить изъ одной камеры въ другую; кромѣ того, какъ я уже сказалъ, они пользовались и корридоромъ для помѣщенія. Въ корридорѣ, въ углу, около выходной двери, были поставлены на ночь огромныя «параши»; въ томъ же корридорѣ, но на противуположномъ концѣ помѣстился майданщикъ съ своимъ сундукомъ, въ которомъ сохранялись припасы кирпичнаго чаю, сахару, сальныхъ свѣчей, табаку и другихъ принадлежностей, нужныхъ для арестантовъ. «Майданъ» являлся, такимъ образомъ, чѣмъ то въ родѣ подвижной лавочки въ партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, а то даже, пожалуй, и главнымъ образомъ, игорнымъ домомъ. И теперь возлѣ майданщика горѣли свѣчи, и вокругъ разостланныхъ на полу халатовъ сидѣло около десяти человѣкъ и играло въ карты.

Въ камерахъ между тѣмъ стоялъ страшнѣйшій гамъ и шумъ, и среди этого шума раздавались, время отъ времени, рѣзкіе, звенящіе удары по желѣзу. Эти удары производились по кандаламъ. Арестанты удлиняли заклепки въ кандалахъ, въ томъ кольцѣ, которое обхватывало ногу, для того, чтобы можно было сбрасывать кандалы черезъ пятку. Я убѣжденъ, что этотъ звонъ разбиваемыхъ кандаловъ прекрасно слышали и солдаты, и офицеръ, но не обращали на это вниманія. Тотъ самый офицеръ, который еще сегодня утромъ передъ отправкою изъ Красноярска такъ тщательно осматривалъ у всѣхъ арестантовъ кандалы и приказывалъ кузнецу ихъ заклепывать, разъ находилъ у кого-нибудь неисправными, этотъ самый офицеръ теперь спокойно слушалъ, сидя въ своей комнаткѣ на полу-этапѣ, какъ арестанты разбивали эти только что сдѣлан-

ныя заклепки. До Иркутска два мѣсяца этапнаго хода; не всякій въ состояніи совершить такое длинное путешествіе въ кандалахъ; поэтому на первомъ же полу-этапѣ многіе арестанты самовольно разбивали заклепки, чтобы можно было сбрасывать съ ногъ кандалы и, вложивши въ мѣшокъ, везти ихъ съ собою, подобно тому, какъ возитъ отставной офицеръ мундиръ, который служитъ ему только въ торжественныхъ случаяхъ. Нашъ офицеръ сегодня утромъ при пріемѣ партіи являлся строгимъ блюстителемъ закона, требовавшаго заковки арестантовъ; здѣсь, на полу-этапѣ, онъ философски смотрѣлъ на нарушеніе этого самаго закона, очевидно, сознавая его полную неприложимость къ дѣйствительнымъ условіямъ этапнаго передвиженія.

Въ «дворянскую» камеру, гдѣ помѣщались мы, набилось множество народа; духота и вонь были невыносимыя, не смотря на то, что окна были отперты всю ночь. Но все это было ничто по сравненію съ тѣмъ что происходило въ общихъ камерахъ и особенно въ корридорѣ. «Параши» за ночь переполнились и содержимое, переливаясь черезъ край, текло по полу, распространяя страшный смрадъ; и тутъ же, возлѣ этой грязи, спали несчастные арестанты!

На разсвѣтѣ выходная дверь была отперта солдатыми, и арестанты въ камерахъ закопошились: стали подниматься, укладывать вещи въ мѣшки,—словомъ, готовиться въ дорогу. Парашники принялись за уборку корридоровъ и камеръ. Вотъ, наконецъ, раздалась громкая команда старшаго: «выходи на повѣрку!» и арестантская масса двинулась изъ камеръ во дворъ. Здѣсь опять они построились въ два ряда, и унтеръ-офицеръ ихъ пересчиталъ. Офицера не было: онъ даже не выходилъ изъ своего отдѣленія. Между тѣмъ во дворъ въѣхали двѣ телѣги, ихъ нагрузили мѣшками, перевязали веревками; когда все было готово, и повѣрка окончена, партія двинулась въ дорогу.

Къ вечеру мы прибыли на этапъ, отличавшійся отъ пре-

дыдущаго полу-этапа только тѣмъ, что былъ чуточку просторнѣе. Главнымъ образомъ просторнѣе было помѣщеніе для солдатъ и въ особенности для офицера; съ лѣвой стороны этапнаго двора для него построенъ былъ отдѣльный домикъ. Здѣсь наша партія имѣла дневку, во время которой офицеръ, конвоировавшій изъ Красноярска, передалъ партію новому этапному офицеру. Старая команда ушла послѣ этого обратно въ Красноярскъ, а партія двинулась дальше уже въ сопровожденіи новаго конвоя.

Такъ чередовались полу-этапы и этапы съ дневками, во время которыхъ при передачѣ партіи происходили болѣе тщательныя повѣрки, какъ самихъ арестантовъ (ихъ перекликали по «статейнымъ спискамъ»), такъ и казенныхъ вещей, находившихся у нихъ на рукахъ. Такъ двигалась наша партія.

У насъ, какъ и въ другихъ сибирскихъ этапныхъ партіяхъ, бродяги являлись господствующимъ элементомъ; они задавали тонъ всѣмъ. Происходило это отъ ихъ сравнительно большей организованности; кромѣ того, они представляли собою высшую ступень въ арестантской іерархической лѣстницѣ. Каторжанинъ, бѣжавши съ рудниковъ, стремится добраться до границъ Европейской Россіи; тамъ, въ случаѣ ареста, показываетъ себя «непомнящимъ», «бродягою»; особенно полезно ему на этотъ случай имѣть «мѣсто», т. е. показать себя на имя какого либо безъ вѣсти пропавшаго; въ такомъ случаѣ судьба его вполнѣ обезпечена; онъ идетъ на мѣсто, судится тамъ за бродяжество, и на его прошлое навсегда натягивается занавѣсъ. На бродяжескомъ языкѣ это называется: «выходить себѣ волю». Такимъ образомъ, каторга является главнымъ поставщикомъ бродяжескихъ рядовъ, и всякій бродяга представляетъ собою скрывающагося каторжника.

Причину бродяжескаго вліянія, какъ я уже сказалъ, надо искать въ ихъ сравнительной организованности. Бродяга за

бродягу всегда заступается; достаточно поднять споръ по поводу чего бы то ни было поселенцу съ бродягою, какъ тотчасъ же арава другихъ бродягъ поднимается на помощь сотоварищу, и споръ рѣшается почти всегда въ пользу послѣдняго. Я бывалъ свидѣтелемъ, какъ нарушалась при этомъ справедливость самымъ наглымъ образомъ. Сидя по разнымъ острогамъ, бродяги между собою сносятся. Стѣны этаповъ полны ихъ надписей, которыми они даютъ знать другъ о другѣ. «Съ шестой партіей 1879 года прошелъ Иванъ Николаевъ. Кланяется Кирпичеву», читаете вы (партіи обозначаются номерами; такъ наша партія была восьмая). Или: «гдѣ ты, Степанъ Тимофеевичъ? Откликнись Васильеву; онъ прошелъ съ четвертой партіей 1879 г.» и т. д. Стѣны особенно отхожихъ мѣстъ буквально испещрены подобными надписями. Очевидно, «Степанъ Тимофеевичъ» знаетъ, кто это «Васильевъ», да знаетъ, гдѣ искать о немъ и свѣдѣнія. Оба они не разъ уже проходили этимъ трактомъ и не разъ еще будутъ проходить; раньше бродяжили вмѣстѣ гдѣ-нибудь въ Томской губерніи, а, можетъ быть, даже и изъ карійскихъ рудниковъ вмѣстѣ спасались.

Если въ какой либо глухой мѣстности появлялся охотникъ, занимавшійся «промысломъ на горбачей», *) т. е. другими словами, стрѣлялъ бродягъ ради одежды, топора, котелковъ и пр., то объ этомъ расходилась далеко вѣсть по острогамъ и тюрьмамъ, и бродяги сговаривались мстить. И мстили такимъ охотникамъ иногда весьма жестоко. Убить бродягу во время его странствованія не представляло бы никакой опасности, если бы другіе бродяги не являлись мстителями. Бродяга, безпаспортное существо, отверженное обществомъ, ровно никому не интересное, кромѣ какъ себѣ подобнымъ, такимъ же бездомнымъ существамъ,—и исчезновеніе его изъ

*) Горбачъ—синонимъ бродяги.

міра, конечно, не возбудитъ вниманія полиціи. Бродяги разсказывали мнѣ, что подобныхъ охотниковъ на «горбачей» было не мало въ то время среди бурятъ Забайкальской Области; помню, указывали также на одного крестьянина, жившаго по такъ называемому «Илгинскому тракту» (Иркутской губ.), который тоже, какъ говорили, стрѣлялъ бродягъ.

Вотъ въ этой то борьбѣ за свое существованіе, какъ внутри острога, такъ и на волѣ, создалось и окрѣпло бродяжническое товарищество (это слово я нахожу болѣе подходящимъ, чѣмъ слово организація), духъ котораго проявлялся на всемъ складѣ жизни сибирской этапной партіи. Вліянію бродягъ нужно приписать то, что въ нашей партіи, напр., не произошло ни одного случая доносничества, хотя смѣнокъ было сдѣлано много. Среди ста восьмидесяти арестантовъ, конечно, не мало нашлось бы охотниковъ наушничать и доносить изъ-за мелкихъ выгодъ, если бы ихъ не сдерживалъ страхъ суда товарищей (бродягъ, главнымъ образомъ) и наказанія, подчасъ весьма жестокаго. Я помню, впрочемъ, какъ одинъ арестантъ донесъ на другого: поселенецъ донесъ на каторжанина, съ которымъ смѣнялся за извѣстное вознагражденіе. Какую бурю вызвало это среди бродягъ! Каторжанинъ былъ въ нашей партіи; его тотчасъ же арестовали. Доносчикъ остался позади, въ больницѣ (онъ, вѣроятно, не посмѣлъ бы и донести, если бы шелъ вмѣстѣ съ партіей и былъ на глазахъ у всѣхъ). Тотчасъ отыскались охотники, бравшіеся подождать его на ближайшемъ больничномъ этапѣ, съ тѣмъ, чтобы его наказать тамъ, когда онъ будетъ проходить съ другой партіей. Чѣмъ тогда окончилось это дѣло— мнѣ не извѣстно; но очень возможно, что доносчикъ былъ убитъ.

Итакъ, доносчики здѣсь не смѣли доносить; воры по профессіи здѣсь не смѣли воровать, и всякій оставлялъ свой скарбъ на нарахъ безъ боязни, что его у него возьмутъ.

Партія, состоявшая изъ поддонковъ общества, сумѣла, такимъ образомъ, поднять свою жизнь на извѣстную ступень нравственной высоты. Вы, посторонній наблюдатель, сразу чувствовали, что этотъ сбродъ, какъ онъ ни свободно здѣсь проявлялъ свои нравы, не смѣлъ, однако, переступать извѣстныхъ границъ,—что здѣсь было сильное общественное мнѣніе, идти противъ котораго было даже опасно. Въ результатѣ получалась возможность жить среди этихъ людей, не слишкомъ насилуя свое нравственное чувство, даже лицамъ совершенно изъ другого лагеря. Таковы были слѣдствія вліянія бродяжническаго товарищества.

Но если, съ одной стороны, товарищество это обуздывало проявленіе нѣкоторыхъ порочныхъ наклонностей, то, съ другой стороны, оно накладывало свою руку и на проявленія личной воли во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это могло отразиться на ходѣ общей жизни. Тутъ не было мѣста философствованіямъ на тему о свободѣ личности; личность здѣсь должна была подчиняться общимъ требованіямъ. Казалось, не было ничего естественнѣе для всякаго арестанта, какъ стремиться къ волѣ; и между тѣмъ арестантъ не смѣлъ бѣжать безъ согласія на то остальныхъ. Побѣгъ одного вызывалъ репрессаліи на всю партію. Обозленный офицеръ (а озлобленіе у него появлялось потому, что побѣгъ лишалъ его наградныхъ) надѣвалъ наручни на всѣхъ арестантовъ, сѣкъ старосту и другихъ вожаковъ и т. п.

Такимъ образомъ, арестантъ не смѣлъ бѣжать самовольно изъ партіи, но, съ другой стороны, и офицеръ позволялъ ему сбрасывать съ ногъ кандалы и идти свободно во время этапнаго хода. Получались какъ бы взаимныя уступки и обязательства. Я здѣсь беру, конечно, отдѣльные примѣры этихъ обязательствъ, но въ дѣйствительности ихъ бездна (трудно было бы всѣ и перечислить) между арестантской партіей и этапнымъ офицеромъ.

Помню, во время одного перехода партія наша остановилась «на привалъ» (на отдыхъ) на тракту, среди лѣса. Многіе арестанты разбрелись между кустами. Когда пришло время двигаться, офицеръ подозвалъ старосту и спросилъ: «Надо ли провѣрять партію?»—«Будьте спокойны, ваше благородіе! Не зачѣмъ трудиться», отвѣтилъ староста. И офицеръ успокоился и, не провѣряя, приказалъ партіи двигаться.

Этотъ самый, впрочемъ, старичекъ офицеръ, выказавшій такое трогательное довѣріе къ арестантамъ, какъ потомъ я узналъ отъ старосты, не пускалъ торговокъ съ продуктами заходить въ этапный дворъ, а посылалъ своихъ солдатъ въ село за покупками продуктовъ для партіи. Это обходилось очень дорого арестантамъ, такъ какъ (всѣ утверждали и были увѣрены въ этомъ) старичекъ офицеръ со своими солдатами при этихъ покупкахъ удерживалъ себѣ черезчуръ большой процентъ за свое коммиссіонерство.

Чуть ли не на первой же ночевкѣ между другими познакомился съ нами одинъ старый бродяга, пользовавшійся вліяніемъ въ партіи, извѣстный подъ именемъ Бѣлова. На него указывали намъ еще въ Красноярскѣ наши административные, которымъ пришлось идти въ одной партіи съ нимъ изъ Томска. Этотъ Бѣловъ или Архиповъ (его и такъ, и иначе звали) былъ человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, высокаго роста, сильный: неутомимый ходокъ—онъ всю дорогу шелъ въ первыхъ рядахъ въ кандалахъ, которыхъ никогда не сбрасывалъ. По одному его поведенію съ этапными офицерами, которыхъ онъ зналъ едва-ли не всѣхъ поименно, съ шуточками, да прибауточками, которыми онъ пересыпалъ свою рѣчь, говоря съ ними, можно было заключить, что онъ былъ тутъ свой человѣкъ. Такъ завязалась какъ-то бесѣда у арестантовъ съ однимъ офицеромъ по поводу бродяжества. Офицеръ рѣзко порицалъ бродяжество; тогда Бѣловъ вдругъ проговорилъ: «Вотъ скоро буду идти по бродяжеству—къ вамъ же

подойду, ваше благородіе, и милостыньку попрошу. И не откажете, подадите...» Слова эти вызвали общій смѣхъ. И самъ офицеръ засмѣялся. Словоохотливый, почти болтливый— Бѣловъ, однако, никогда не разсказывалъ о томъ, когда и за какое дѣло попалъ въ Сибирь. Но онъ любилъ поговорить о томъ, какъ онъ бродяжилъ; между прочимъ, не одинъ разъ вспоминалъ о Сахалинѣ, гдѣ, по его словамъ, онъ долго прожилъ, и откуда ему удалось бѣжать только послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ.—«Сколько мы идемъ ужъ—все тянутся со стороны эти три проволоки, и конца имъ нѣтъ», замѣтилъ онъ какъ-то во время пути, указывая мнѣ на три телеграфныя проволоки, протянутыя по телеграфнымъ столбамъ. А потомъ хвастливо добавилъ: «А я вотъ видѣлъ оба конца этихъ самыхъ проволокъ: одинъ въ Николаевскѣ, другой— во Владивостокѣ». Мнѣ удалось убѣдиться въ томъ, что Бѣловъ говорилъ правду. Мы имѣли довольно подробную карту Сибири (раздобыли ее въ Красноярскѣ отъ административныхъ). И вотъ, однажды я развернулъ ее на нарахъ, а онъ принялся перечеркивать станки, находящіеся на Амурѣ и по рѣкѣ Уссури. Я былъ удивленъ: онъ зналъ по порядку почти всѣ станки. Надо было дѣйствительно пройти, по крайней мѣрѣ, нѣсколько разъ этой дорогой, чтобы такъ хорошо ее запомнить. Такимъ образомъ, давно когда-то Бѣловъ былъ сосланъ въ каторгу (конечно, настоящее имя его было другое). Потомъ ему оттуда удалось выбраться, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ бродить по Сибири, не ища себѣ никакого другого выхода (да трудно было его и найти) и вполнѣ удовлетворяясь бродяжествомъ. Особенно нравилось ему шататься по Западной Сибири, гдѣ, по его словамъ, народъ былъ добрѣе и охотнѣе кормилъ бродягъ. Припоминается мнѣ одна бесѣда Волошенко съ Бѣловымъ, въ которой этотъ послѣдній рельефно охарактеризовался. Сталъ онъ какъ то намъ описывать прелести бродяжеской жизни.—«Поселишься это въ банѣ»... говорилъ онъ,

«живешь себѣ; никто тебя не трогаетъ. Настрѣляешь. *) Истопишь баню,—теплынь!.. Паришься... Вотъ жизнь!..»

— «Ну, а потомъ что же?» спрашивалъ Волошенко.

— «А что же потомъ?—Поживешь этакъ на одномъ мѣстѣ, а потомъ и дальше...»

— «Ну?» допытывался Волошенко.

— «А потомъ и опять то же самое. Такъ и бродяжишь...»

— «Куда? Въ Россію, что-ли, пробираетесь?»

— «Зачѣмъ же въ Россію? Развѣ нашему брату можно жить въ Россіи?—Здѣсь все по Сибири больше ходимъ».

— «Съ какою же цѣлью? Зачѣмъ?»

— «А такъ».

— «Ну, а если арестуютъ?»

— «Не бѣда», успокоительно замѣтилъ Бѣловъ. «Арестуютъ, подержатъ, да и пошлютъ съ этапомъ... Вотъ какъ теперь то идемъ. А дойдемъ до мѣста, изъ партіи освободятъ, и опять по бродяжеству».

— «Опять, значитъ, назадъ, въ Западную Сибирь?» спросилъ Волошенко.

— «А то какъ же, извѣстно туда».

— «А потомъ опять съ этапомъ?»

— «А тамъ и снова съ этапомъ... Ничего не подѣлаешь. Такова наша жизнь бродяжеская. А вы какъ думали?»

Въ этомъ шатаніи съ востока на западъ и обратно, при чемъ въ одну сторону (именно на востокъ) бродяга идетъ по этапу, а въ другую свободный—проходитъ его жизнь.

Наша вольная жизнь казалась интересной на столько, на сколько она могла служить для разрѣшенія извѣстныхъ революціонныхъ задачъ. Бродяга же мечталъ о томъ, какъ бы ему побродить, пожить хоть нѣкоторое время на волѣ и въ этомъ немногомъ онъ находилъ свою цѣль.

---

*) Бродяжеское выраженіе — значитъ: напросить милостыни хлѣба и др.).

На первыхъ порахъ это безцѣльное бродяжеское шатаніе представлялось мнѣ просто дикимъ. Но чѣмъ болѣе я вдумывался, или вѣрнѣе, чѣмъ больше я анализировалъ свои собственныя стремленія и мечты о волѣ, тѣмъ болѣе приходилъ къ тому заключенію, что, въ концѣ концовъ, гдѣ то на днѣ моей души присутствовалъ такой же бродяга, и я сталъ понимать эти бродяжескія шатанія.

Когда партія наша уже приближалась къ Иркутску, мы часто встрѣчали бродягъ, мчавшихся въ обратную сторону, на западъ. Ихъ тотчасъ же узнавали мы по одеждѣ, по котелку — непремѣнной принадлежности всякаго бродяги — болтавшемуся сзади у пояса и т. п. «Вишь, какъ его вѣтромъ гонитъ!» острилъ Бѣловъ, завистливо глядя на одного такого, дѣйствительно, точно летѣвшаго сбоку гракта. Онъ, видимо, отсталъ отъ товарищей и теперь ихъ догонялъ. Съ такою завистью, помню, и я тогда смотрѣлъ на него! Встрѣчные бродяги передъ партіей сворачивали съ тракта и нерѣдко раскланивались передъ офицеромъ. Офицеръ и солдаты улыбались. Помню, у одного такого встрѣчнаго въ нашей партіи оказалось нѣсколько человѣкъ знакомыхъ. — «Какъ поживаете?» кричалъ онъ имъ, останавливаясь сбоку дороги. — «А, ты ужъ бредешь, Ильюшка?» радостно откликнулись арестанты. — «Иду, братцы, за казенными харчами». Въ партіи раздался смѣхъ. Бродяга намекалъ на то, что, въ концѣ концовъ, онъ надѣется опять попасть въ тюрьму на казенные харчи.

Многіе бродяги ходятъ, упражняя при этомъ извѣстныя профессіи.

«Надѣлалъ я пилюль изъ свѣчнаго сала», разсказывалъ одинъ бродяга, «а сало для цвѣта растеръ съ кирпичнымъ порошкомъ. Пилюли вышли отличныя, какъ аптечныя; ну, и пошелъ ихъ продавать бурятамъ. А они, буряты-то, любятъ лечиться. И такъ это хорошо, братецъ ты мой! Накормятъ тебя, чаемъ напоятъ и денегъ въ придачу дадутъ».

— «Ужъ чего лучше», замѣчаетъ слушатель. «Ты это, значитъ, докторомъ ходилъ по бродяжеству?»

— «Докторомъ», отвѣчаетъ разсказчикъ.

Другой бродяга нашей партіи, называвшійся Иваномъ Ивановичемъ Крученымъ, ходилъ по бродяжничеству въ роли сказочника.

— «Зайдешь къ желторотому чалдону»*) сообщалъ онъ, «накормитъ онъ тебя и ночевать оставитъ. Ляжетъ самъ на полатяхъ али на печи и говоритъ: «Ну, паря, разсказывай». Тутъ ему и начинаешь: «Въ нѣкоторомъ царствѣ...» (а Иванъ Ивановичъ Крученый дѣйствительно прекрасно разсказывалъ сказки и много ихъ зналъ; не разъ, лежа на нарахъ, я заслушивался его до полуночи). Такъ что же вы думаете, братцы? Иной такъ всю ночь напролетъ слушаетъ. Самъ не спитъ и тебѣ спать не даетъ. Чуть задремлешь,—толкнетъ ногою: «что замолкъ, паря; разсказывай!» А то есть другой —велитъ разсказывать, да велитъ еще и пятки себѣ чесать. Ну и чешешь ему, желторотому, пятку. Зато ужъ и накормитъ тебя! По Енисейской дюже хорошо ходить по бродяжеству!»

— «По Енисейской?!» вмѣшивается вдругъ Бѣловъ. «Нѣтъ, братцы! Нигдѣ нѣтъ лучше, какъ въ Барабѣ**). Народъ кроткій, добрый! Бродягъ вовсе не преслѣдуютъ. На ночь ѣду выставляютъ надъ дверью, хлѣбъ, да молоко для нашего брата, проходящаго. Здѣсь, по Восточной Сибири, развѣ принимаютъ такъ бродягъ? А тамъ заберешься это на заимку, тутъ тебѣ и ѣда и баня! Другой разъ и мѣсяцъ, и два живешь на одномъ мѣстѣ. Помогаешь на покосѣ, либо по уборкѣ хлѣба. А захватитъ зима, и зимой тебя въ шею не гонятъ. Натаскаешь дровъ; истопишь хорошенько баню; паришься...

---

*) Такъ называютъ сибиряковъ.
**) Барабинская степь Тобольской губерніи.

Тутъ же и спишь. Настрѣляешь хлѣба, молока, а то и крупы; варишь ѣду... На дворѣ холодище, холодище! Вьюга. Снѣгъ выше роста человѣческаго. А у тебя въ банѣ теплынь, чудо! Огонь горитъ весело; котелокъ виситъ — варится каша... И никто тебя не трогаетъ, никому ты не нуженъ. Вотъ гдѣ жизнь бродягѣ!»

Лежа по вечерамъ на нарахъ, въ смрадной камерѣ за рѣшетками и слушая эти разсказы, мнѣ живо вставали передъ глазами и эта заимка съ теплой баней, закинутая въ глухомъ, глухомъ мѣстѣ, и лютый морозъ, замуравившій сверху до низу маленькія оконца (если только были, конечно, самыя оконца, а то можетъ имѣлся бычачій пузырь вмѣсто стеколъ), и лисьи тропы, выбитыя въ глубокомъ снѣгу тутъ же за баней и убѣгавшія куда то къ рѣчному оврагу. И никто тебя тамъ не тронетъ, и можешь жить сколько хочешь.

И тоска по волѣ охватывала меня, какъ охватывала она — я это видѣлъ — и другихъ, и самихъ разсказчиковъ.

— «Вотъ, только бы до мѣста*) добраться», ободряли они себя. «А тамъ мѣшокъ за плечи, и въ путь-дороженьку».

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить значеніе, которое бродяга придастъ такимъ, повидимому, незначительнымъ благополучіямъ, какъ теплая баня или чаекъ, не нужно упускать изъ виду его тюремно-этапной обстановки, гдѣ онъ лишенъ и чайку, и бани, и гдѣ какъ одно, такъ и другое появляется у него лишь изрѣдка, въ видѣ роскоши.

Но самое существенное, конечно, во всемъ этомъ это — воля. Она служитъ лучезарнымъ свѣтомъ, скрашивающимъ рѣшительно всѣ неблагополучія его скитальческой жизни; если ему случается иногда оставаться безъ ѣды и спать въ тайгѣ, согрѣвая свои озябшія ноги у костра, то зато онъ себя чувствуетъ тамъ свободнымъ; а послѣднее чувство до того

*) До мѣста поселенія.

острое и глубоко захватывающее, что оно одно можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ; и оно его дѣлаетъ счастливымъ.

Съ нашей партіей шли между другими и уголовные дворяне; ихъ было три семьи: попъ изъ Вологодской губерніи, ссылавшійся за плутни (чуть ли не за продажу изъ церкви какихъ то старыхъ иконъ, которыми интересовались почему-то раскольники и покупали). Онъ шелъ на поселеніе въ Восточную Сибирь, и съ нимъ былъ его сынъ, мальчикъ лѣтъ шести; шляхтичъ изъ Юго-Западнаго края, ссылавшійся въ каторгу за убійство; и, наконецъ, нѣкій Максимовъ, шедшій на десять лѣтъ каторжныхъ работъ за совершенное имъ отравленіе одного или двухъ человѣкъ, съ цѣлью грабежа. И Максимовъ, и шляхтичъ были женаты, и жены ихъ сопровождали; но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ дѣтей. Максимовъ представлялъ собою довольно своеобразную фигуру. Съ поразительной невозмутимостью разсказывалъ онъ мнѣ о томъ, какъ отравилъ людей, служащихъ при какомъ то банкѣ, съ цѣлью грабежа. Я теперь не помню всѣхъ деталей этого гнуснаго дѣла, но личность самого Максимова запечатлѣлась въ моей памяти, и я живо представляю его себѣ теперь. Средняго роста, крѣпко сложенный человѣкъ, съ тягучимъ голоскомъ; глаза и вся растительность на лицѣ и головѣ какого то пепельно-сѣраго цвѣта. Но характернымъ былъ его громадный ротъ, наполненный крупными зубами, которыхъ было у него какъ будто больше, чѣмъ сколько полагается вообще имѣть людямъ. Глядя на этотъ широкій ротъ, мнѣ почему то всегда казалось, что онъ былъ способенъ отравить въ случаѣ нужды не только двухъ, а цѣлую сотню людей заразъ.

Эти три дворянскія семьи ѣхали на подводахъ и получали, вмѣсто 10,—15 копѣекъ кормовыхъ въ сутки на человѣка. Они не состояли въ артели и часто приходили въ непріязненныя столкновенія съ партіей, благодаря своей пре-

тенціозности и наушничеству, которое довольно таки часто практиковалось ими, особенно попомъ. Такъ, онъ неоднократно поднималъ шумъ и жаловался офицеру на то, что въ дворянскую камеру набивалось на ночь много народу. Но такъ какъ арестантамъ помѣститься въ «общихъ» камерахъ было невозможно, то, само собою разумѣется, что его ругали за эти жалобы. Нерѣдко также староста (староста былъ изъ бродягъ; подстароста—каторжанинъ) ругалъ попа за то, что онъ раздавалъ арестантамъ деньги подъ залогъ казенныхъ вещей, напр. рубахъ. Чаще всего подобные займы совершали арестанты каторжники; конечно, они, въ концѣ концовъ, проигрывались и оставались и безъ денегъ, и безъ вещей. Между тѣмъ на дневкахъ, при повѣркѣ казенныхъ вещей, разъ ихъ не доставало у кого нибудь, офицеръ поднималъ исторію. Въ такихъ случаяхъ на выручку шли обыкновенно мы. Передъ повѣркою староста являлся къ намъ и забиралъ у насъ рубахи, портки и т. п. рухлядь, которую возвращалъ намъ потомъ —послѣ повѣрки. Помогали мы также и въ другомъ случаѣ: когда въ партіи открылся тифъ, мы нерѣдко отдавали свои подводы для больныхъ. Эти мелкія одолженія создали хорошія отношенія къ намъ со стороны арестантовъ, которыя не ухудшались до конца пути. Я помню, какъ однажды подстароста, каторжанинъ Ершевъ, разсердившись за что то на дворянъ, вскочилъ въ дворянскую камеру и сталъ ихъ ругать площадною бранью.— «Господа политическіе, пожалуйста не подумайте, что мы противъ васъ», обратился онъ къ намъ, мѣняя тонъ, и вслѣдъ за тѣмъ опять продолжалъ ругать дворянъ.

Непріязнь арестантовъ къ дворянамъ вытекала отчасти изъ зависти, которую они питали къ нимъ за то, что тѣ пользовались извѣстными привилегіями, но отчасти вызывалась эта непріязнь и предосудительнымъ поведеніемъ дворянъ. Послѣднее же происходило совсѣмъ не потому, чтобы дворяне

на самомъ дѣлѣ были болѣе деморализованнымъ элементомъ,— въ партіи среди непривилегированныхъ, конечно, нашлось бы не мало такихъ, которые перещеголяли бы и дворянъ въ доносничествѣ и другихъ гадостяхъ,—но отъ этого сдерживалъ ихъ страхъ передъ судомъ артели. Ссыльные же дворяне стояли внѣ этой артели; сами между собою они тоже не имѣли никакой связи или товарищества, которое могло бы ихъ удерживать отъ проявленія дурныхъ наклонностей, и это было причиной, почему они казались хуже другихъ.

Таковъ, въ общемъ, былъ составъ нашей партіи.

XXVIII.

Наши планы побѣга.—Смѣнка Избицкаго. — Попытка къ бѣгству съ полу-этапа.

Между тѣмъ партія правильно подвигалась впередъ, ночуя на полу-этапахъ и пользуясь дневками послѣ всякаго двухдневнаго перехода. Мы перезнакомились съ арестантами, осмотрѣлись, и мало по малу у насъ сталъ зрѣть планъ побѣга Задумали мы бѣжать всѣ пять человѣкъ (шестой—одинъ изъ братьевъ Избицкихъ долженъ былъ изъ партіи выйти на поселеніе, если не измѣняетъ память, въ г. Канскѣ Енисейской губ., а потому ему, конечно, о побѣгѣ не надо было думать). Казалось—не было ничего легче, какъ бѣжать и скрыться въ этихъ дремучихъ лѣсахъ, тянувшихся по обѣимъ сторонамъ тракта; правда, кое-гдѣ лѣса эти были повырублены, но такія вырубленныя мѣста представляли собою не что иное, какъ незначительныя поляны среди безконечнаго лѣса, зеленѣвшаго кругомъ по всему горизонту. Бѣжать, казалось, легко; опасность побѣга и весь рискъ представлялись лишь потомъ, когда поднимутся облавы.

Сущность сибирской облавы состояла въ томъ, что по окрестнымъ селамъ сообщались примѣты бѣглецовъ, и всюду принимались слѣдить за проѣзжающими и проходящими по этой мѣстности. Такъ какъ движеніе было слабо, то чужому человѣку проскользнуть незамѣтно оказывалось рѣшительно невозможнымъ. Достаточно было показаться въ деревнѣ, чтобы быть арестованнымъ, такъ какъ разъ была объявлена облава, по деревнямъ, хватали всѣхъ мало мальски подозрительныхъ личностей; тутъ даже не справлялись о примѣтахъ, а брали всякаго, кто не могъ дать объясненій—кто онъ и куда шелъ или ѣхалъ. При подобныхъ обстоятельствахъ побѣгъ изъ партіи оказывался труднымъ.

Но, повидимому, достаточно было имѣть незначительную помощь извнѣ, чтобы преодолѣть эти трудности. Помощь должна была заключаться въ томъ, чтобы снабдить бѣглецовъ съѣстными припасами, чтобы они спокойно могли сидѣть въ укромномъ мѣсточкѣ, гдѣ либо въ лѣсной трущобѣ, не заходя въ деревни и выжидая время, пока уляжется облава въ окрестности, и жизнь войдетъ въ свою нормальную колею,—и только тогда, выйдя изъ своего убѣжища, двигаться куда надо.

Вотъ эти то соображенія и легли въ основаніе нашего плана. Мы рѣшили, чтобы одинъ изъ насъ освободился путемъ смѣнки и, выйдя на волю, организовалъ побѣгъ остальныхъ. За это взялся Владиславъ Избицкій. Подысканъ былъ смѣнщикъ изъ бродягъ, нѣкій Курдюковъ, который долженъ былъ выйти на поселеніе въ Енисейской губ. въ Рыбинской волости, и Владиславъ—вмѣсто Курдюкова—на Рыбинскомъ этапѣ освобожденъ былъ изъ партіи. Мы ему дали большую половину имѣвшихся при насъ денегъ (болѣе 100 руб.), для того чтобы онъ могъ купить коня съ телѣгою и обогнать далеко впередъ нашу партію. Тамъ, впереди онъ долженъ былъ выбрать подходящій полу-этапъ, сдѣлать въ немъ подкопъ

(черезъ который намъ можно было бы бѣжать), и, само собою разумѣется, заготовить достаточное количество съѣстныхъ припасовъ, чтобы мы могли просидѣть, не двигаясь, гдѣ нибудь въ лѣсу, пока будутъ вестись облавы. Надо сказать, что полу-этапныя зданія стоятъ пустыми и запертыми все время и становятся обитаемы только на ту ночь, когда ночуетъ партія, разъ партія ушла—полу-этапное зданіе вновь затворяется до появленія слѣдующей партіи, которая, на сколько было извѣстно, проходила трактомъ въ недѣлю одинъ разъ.

Такимъ образомъ, планъ нашъ былъ такой, чтобы Владиславъ, опередивши партію, забрался въ пустой полу-этапъ и оттуда провелъ подкопъ за стѣну. Поднять доски, скажемъ, въ дворянской камерѣ, и изъ подъ пола подрыться подъ деревянное зданіе, съ незначительнымъ фундаментомъ—едва ли могло представить особенныя трудности. Конечно, это намъ такъ представлялось; но не зная все таки навѣрно, какія могли встрѣтиться затрудненія въ дѣйствительности, мы условились съ Владиславомъ, чтобы онъ оставлялъ всюду условные значки (мѣломъ или углемъ) по телеграфнымъ столбамъ, по деревяннымъ периламъ мостовъ, встрѣчавшихся по дорогѣ и, наконецъ, по стѣнамъ этаповъ и полу-этаповъ для того, чтобы мы могли слѣдить за нимъ. Въ томъ же полу-этапѣ, гдѣ будетъ приготовленъ самый подкопъ, онъ долженъ былъ въ извѣстномъ мѣстѣ (на сколько помню—въ нужникѣ) оставить указаніе—въ какой именно камерѣ (дворянскихъ камеръ во всякомъ этапномъ зданіи обыкновенно двѣ) и какія именно доски въ полу надо было приподнять, чтобы отыскать подкопъ. Подкопъ, конечно, не могъ быть выведенъ имъ до самаго конца, и предполагалось, что мы его за ночь успѣемъ додѣлать. Если же окажется невозможнымъ почему либо устроить подкопъ, тогда онъ объ этомъ долженъ былъ насъ извѣстить условленными знаками, и въ такомъ случаѣ, побѣгъ мы пред-

полагали сдѣлать просто во время самаго хода партіи... Но въ этомъ случаѣ онъ опять таки долженъ былъ дать намъ сигналъ (свистками), чтобы мы бросившись во время хода «на ура», какъ называютъ арестанты этотъ способъ побѣга, не растерялись бы потомъ въ лѣсу и могли-бы собраться въ одно мѣсто. Понятно, что побѣгъ «на ура» можно было предпринять только въ такомъ мѣстѣ, гдѣ тайга вплотную тянулась возлѣ самаго тракта, такъ что достаточно было сдѣлать нѣсколько скачковъ, чтобы скрыться среди деревьевъ.

Такъ то было нами обдумано и предусмотрено, какъ намъ казалось, все, и Избицкій вышелъ на волю. Въ помощники ему былъ выбранъ одинъ бродяга по имени Иванъ Николаевичъ (или Николай Ивановичъ — теперь ужъ я не помню), который тоже вмѣстѣ съ нимъ былъ освобожденъ изъ партіи въ той же Рыбинской волости.

На другой день утромъ партія наша двинулась въ путь. Помню, проходя деревенской улицей, я увидѣлъ Владислава Избицкаго, сидящаго на заваленкѣ одного крестьянскаго домика, въ красной рубахѣ (онѣ успѣлъ уже себѣ пріобрѣсти рубаху) веселаго, здороваго. День былъ такой ясный, солнечный; и онъ сидѣлъ на заваленкѣ такой же ясный и, глядя на насъ, улыбался намъ; а мы сидѣли на нашихъ телѣгахъ, шагомъ ѣхавшихъ сзади партіи, и тоже смотрѣли на него. Это былъ послѣдній разъ, когда я видѣлъ Владислава Избицкаго,—этого здоровеннаго парня, голубоглазаго, съ кудрявой головой. Послѣ того намъ не довелось больше встрѣтиться.

День или два спустя мы замѣтили по дорогѣ условные знаки, которые указывали на то, что онъ обогналъ партію и двигался впередъ. Знаки, сдѣланные мѣломъ, шли черезъ два или три этапныхъ перехода; но затѣмъ они пропали. Мы всѣ глаза проглядѣли, всматриваясь въ телеграфные столбы и въ потемнѣвшія деревянныя стѣны этаповъ. Знаки пропали потому, что Избицкій поворотилъ назадъ. Объ этомъ я узналъ

потомъ; тогда же мы только догадывались объ этомъ, но не могли знать навѣрно. Что вынудило его вернуться назадъ — навѣрно сказать не могу; но предполагаю, что причиной тому было недостаточное количество денегъ. Наша сотня рублей, которую онъ взялъ съ собою, оказалась, очевидно, совершенно недостаточной въ виду той дороговизны, какая была въ томъ году. А имъ вдвоемъ, да еще съ конемъ, приходилось не мало расходовать, и онъ, должно быть, разсчиталъ, что ему лучше вернуться въ Томскъ (гдѣ имѣлись адреса), запастись деньгами и затѣмъ уже отправиться въ догонку партіи. Онъ такъ и поступилъ. Но догнать партіи ему потомъ не удалось. Наши уже достигли мѣста (Кару), когда онъ явился въ Иркутскъ. Изъ Иркутска онъ поѣхалъ въ Варгузинъ, но далѣе его слѣды исчезаютъ, и мнѣ не извѣстна его дальнѣйшая судьба. По однимъ слухамъ, онъ былъ зарѣзанъ бродягами (указывали именно на этого самаго Ивана Николаевича, который долженъ былъ ему помогать въ устройствѣ нашего побѣга). По другому слуху — онъ потерялся гдѣ то на Байкалѣ. Во время остановки парохода, для нагрузки дровъ, Избицкій, ѣхавшій на этомъ пароходѣ, сошелъ, говорятъ, на берегъ и не возвратился болѣе; предполагаютъ, что онъ удалился далеко отъ берега, и его гдѣ-нибудь задралъ медвѣдь. Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно только одно, что Владиславъ Избицкій погибъ въ Сибири; но Сибирь слишкомъ велика, и гдѣ именно покоятся его бѣдныя кости — никому не извѣстно.

Я, конечно, забѣжалъ здѣсь слишкомъ впередъ, чтобы сообщить краткую исторію Избицкаго. А потому возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Предоставленные самимъ себѣ, о чемъ мы скоро догадались, не встрѣчая больше нигдѣ по дорогѣ условныхъ знаковъ, мы не покинули, однако, мысли о побѣгѣ. Но на помощь извнѣ уже не могли разсчитывать, и свой побѣгъ мы должны были совершить какъ нибудь иначе.

Въ нашей партіи шелъ на каторгу нѣкій Петровъ. Это былъ бродяга, попавшійся гдѣ то въ Томской губ. во время бродяжества въ грабежѣ, за что и былъ осужденъ къ шести годамъ каторги. Не разъ любовался я, глядя на его высокую, стройную фигуру, когда онъ бывало, стоя на этапномъ дворѣ въ кружкѣ игроковъ, высоко вверхъ подбрасывалъ свою монету. Петровъ былъ лѣтъ тридцати, съ большимъ свѣжимъ шрамомъ на лбу. Во время бродяжества онъ задумалъ ограбить церковь въ одной деревнѣ; и въ ту минуту, какъ онъ туда забрался, произошла тревога, сбѣжался народъ и окружилъ церковь. Однако войти въ запертую церковь, (онъ влѣзъ туда черезъ окно) никто не рѣшался; тогда Петровъ, думая бѣжать и надѣясь на свои ноги, прыгнулъ изъ окна на мужиковъ; въ эту минуту онъ получилъ ударъ палкою по головѣ, свалившій его съ ногъ. Онъ былъ арестованъ; потомъ судимъ. Таково было происхожденіе шрама. Петровъ былъ страстный игрокъ въ «орлянку», какъ называли арестанты игру, состоящую въ томъ, что игроки подбрасывали въ верхъ мѣдныя монеты и отгадывали, какой стороной она должна была упасть на землю: орломъ или рѣшеткою.

Замѣтивши, что мы думаемъ о побѣгѣ (а это видѣли всѣ болѣе смышленные арестанты), онъ съ нами сблизился и вмѣстѣ съ нами сталъ обдумывать планъ побѣга; ему самому очень хотѣлось бѣжать; но бѣжать арестанту изъ партіи, какъ я уже объяснялъ раньше, значило нарушить обычай — почти законъ—арестантскій, на что едва ли онъ рѣшился бы самъ. Съ нами же дѣло принимало совсѣмъ другой характеръ. Мы не были въ артели; мы составляли совершенно отдѣльную группу. Ни арестантскій староста, ни артель не могли быть отвѣтственны какъ за нашъ побѣгъ — если бы таковой случился — такъ и вообще за какіе бы то ни было другіе наши поступки. Это было ясно для всякаго; а потому и побѣгъ Петрова вмѣстѣ съ нами не могъ быть тоже поставленъ въ вину артели. Чтобы еще

болѣо гарантировать интересы артели, мы на основаніи инструкціи, предписывавшей держать насъ отдѣльно отъ уголовныхъ, стали требовать отъ офицеровъ, чтобы намъ отпускалась отдѣльная камера во время ночевокъ на этапахъ. Мы успѣли добиться этого: насъ отдѣлили даже отъ дворянъ, и только одного Петрова, по нашей просьбѣ, оставили при насъ. У конвойныхъ не закрадывалось подозрѣніе, что мы думаемъ о побѣгѣ, и къ нашимъ требованіямъ они относились снисходительно, придавая имъ совсѣмъ другое объясненіе; на нашу просьбу оставлять Петрова съ нами, они смотрѣли просто, какъ на прихоть баръ, желавшихъ имѣть возлѣ себя прислугу, тѣмъ болѣе, что Петровъ и въ самомъ дѣлѣ помогалъ намъ варить ѣду и исполнялъ разныя другія работы.

Между тѣмъ партія двигалась впередъ; время уходило, и со дня на день дѣлалось холоднѣе. Приближалась сибирская зима; по ночамъ стали появляться приморозки. По утрамъ трава и деревья бывали покрыты бѣлымъ инеемъ. Нашъ планъ былъ очень простъ: бѣжать ночью съ этапа и скрыться въ лѣсу; а тамъ что будетъ—то будетъ. Петровъ надѣялся, что ему удастся вывести насъ тайгою куда-то на рѣку Чулымъ, притокъ Оби, гдѣ онъ бродяжилъ и гдѣ, по его словамъ, легко будетъ укрыться на время облавы. Но по картѣ, до рѣки Чулыма было очень далеко, такъ какъ партія наша въ ту минуту, когда мы окончательно рѣшили бѣжать съ этапа, находилась уже возлѣ города Нижне-Удинска, Иркутской губ. Какъ бы тамъ ни было, но вопросъ былъ рѣшенъ, и мы высматривали только благопріятнаго случая. Имѣя въ виду бродяжить по тайгѣ, мы дѣятельно занялись приготовленіемъ подходящей одежды. Петровъ зналъ нѣсколько портняжить; изъ старыхъ полушубковъ (полученныхъ нами въ г. Маріинскѣ не въ зачетъ) онъ пошилъ мѣховыя шапки и мѣховые чулки, и съ этой стороны всѣ мы приготовились вполнѣ.

Сначала мы думали было бѣжать черезъ окно, подпиливши

рѣшетку (пилки у насъ были). Но при этомъ неминуемо должно было произойти столкновеніе съ часовымъ, ходившимъ вдоль окнъ, такъ какъ нельзя было надѣяться проскользнуть незамѣтно нѣсколькимъ человѣкамъ. Петровъ предлагалъ убить часового; но мы не соглашались съ этимъ планомъ: совершить убійство ради побѣга—было бы ужъ слишкомъ много. Мы находились въ нерѣшимости, но въ это время случай помогъ намъ.

Помню, прибывши на одинъ полу-этапъ, названіе котораго къ сожалѣнію не сохранилось въ моей памяти, мы замѣтили, что слуховое окно, находившееся на крышѣ зданія, было отперто. Мы рѣшили этимъ воспользоваться. Надо было только черезъ слуховое окно вылѣзть на крышу и спуститься на противуположную сторону зданія, а потомъ, спрыгнувъ на землю, бѣжать въ лѣсъ. Полу-этапъ стоялъ почти у самой опушки лѣса.

Вечеромъ, какъ только прошла повѣрка, и мы остались одни въ камерѣ, мы занялись осмотромъ потолка, чтобы выбрать удобное мѣсто для пролома на чердакъ. Надъ печкой, возлѣ трубы, проходившей на чердакъ, мы замѣтили въ потолкѣ короткія доски (потолки, какъ и стѣны этаповъ — деревянные не штукатуренные). Сорвать эти доски не представляло большого труда; въ какихъ либо полчаса времени онѣ были отбиты, и съ чердака на печь посыпалась сухая земля (потолокъ сверху былъ усыпанъ сухою землей). Образовалась дыра, черезъ которую свободно можно было пролѣзть на чердакъ. Тогда мы потушили свѣчку въ камерѣ и, захвативши съ собою все, что считали нужнымъ имѣть при побѣгѣ, взобрались на печь, а оттуда на чердакъ. Я забылъ сказать, что еще раньше всѣ деньги, какія у насъ были, мы раздѣлили между собою поровну, и всякій взялъ свою часть; это сдѣлано было на тотъ случай, чтобы не остаться кому нибудь безъ денегъ, разъ во время побѣга случится почему либо

разбѣжаться въ разныя стороны. Насколько помню, на всякого пришлось по 8 или 9 рублей. Само собою разумѣется, что и Петровъ, наравнѣ съ другими, получилъ свою часть.

Итакъ, мы взобрались на чердакъ. Чтобы сколько нибудь оріентироваться,—такъ какъ тамъ была абсолютная темнота—мы вынуждены были зажечь спичку. Замѣтивши бревно, тянувшееся вдоль зданія, мы тихо двинулись одинъ за другимъ по этому бревну. Спичку тотчасъ погасили, такъ какъ было опасно, чтобы часовой случайно не увидѣлъ извнѣ свѣта. Мы тихо шли одинъ за другимъ. Но какъ мы не старались тихо двигаться по чердаку, шаги наши все таки были слышны внизу, въ арестантскихъ камерахъ. Надо было проходить вдоль всего зданія надъ «общими» камерами, такъ какъ слуховое окно находилось на другомъ концѣ. То заскрипитъ балка подъ чьей либо ногою, то кто нибудь изъ насъ оступится и произведетъ шумъ. «Гуру-ру-ру-у!» раздавались снизу изъ каморъ десятки голосовъ; но потомъ вдругъ голоса, точно по сигналу, умолкали,—наступала мертвая тишина, видимо, прислушивались къ нашимъ шагамъ. И опять новый неосторожный шагъ съ нашей стороны на чердакѣ,—слышался скрипъ балки или доски подъ ногами,—и опять раздавался снизу гулъ голосовъ. Гуломъ этимъ арестанты словно старались заглушить наши шаги по чердаку.

Какъ бы тамъ ни было, но мы добрались до слухового окна: вотъ оно передъ нами отпертое, смотритъ прямо во дворъ! Ночь была не совсѣмъ свѣтлая, такъ что отдаленные предметы нельзя было хорошо различать. Бѣлая, легкая изморозь покрывала деревянную крышу зданія. Надо было вылѣзть изъ слухового окна на крышу, доползти до конька крыши и затѣмъ спуститься на противоположную сторону зданія. Стоя у открытаго слухового окна и глядя во дворъ, мы слышали сзади шаги часового, стучавшіе объ мерзлую землю; онъ ходилъ вдоль задняго фасада зданія, гдѣ мы должны были

прыгать на землю. Итакъ, часовой ходилъ и тамъ! Оказывалось, что бѣгство этимъ путемъ не представляло для насъ никакихъ преимуществъ передъ побѣгомъ черезъ окно. Развѣ только то, что здѣсь не надо было пилить рѣшетки. Но лишь только мы вылѣземъ на крышу,—эти мерзлыя, покрытыя инеемъ доски начнутъ трещать, и это, конечно, привлечетъ вниманіе часового, а, можетъ быть, даже услышатъ солдаты, помѣщающіеся внизу, именно въ этой части зданія. Если бы насъ было одинъ или два, а то—шесть человѣкъ! Немыслимо было всѣмъ шестерымъ такъ тихо пробраться, чтобы не услыхали. Кромѣ того, глядя внизъ на землю, мнѣ показалось теперь, что было очень высоко отъ крыши до земли, и что прыгать съ такой высоты на мерзлую твердую землю было опасно.—«Навѣрно сломаешь ногу», шепталъ я Петрову, стоявшему возлѣ меня.

— «Пустое!» шопотомъ ободрялъ онъ меня. «Смѣло прыгай! Ты любишь волю?» шепталъ онъ мнѣ далѣе, наклоняясь къ самому моему лицу.—«Хочешь воли? Прижми руку къ сердцу—и прыгай!»

Но сомнѣніе росло и усиливалось во мнѣ со всякимъ мгновеніемъ; опять дѣйствительность оказывалась не такой вблизи, какой она представлялась изъ за рѣшетки,—издали. Въ довершеніе всего кто-то обратилъ вниманіе на тѣнь, чернѣвшую во дворѣ, возлѣ стѣны зданія; высказано было предположеніе, что это часовой, и тутъ мы уже окончательно пришли въ уныніе. Нерѣшительность овладѣла всѣми; впрочемъ не всѣми: Волошенко молчалъ, а Петровъ категорически продолжалъ настаивать на побѣгѣ. «Это, можетъ, еще и не часовой... Кто знаетъ, что тамъ чернѣетъ!» говорилъ онъ намъ. Но если это даже былъ и не часовой, то тамъ, сзади зданія, гдѣ надо было прыгать съ такой высоты на мерзлую землю,—тамъ навѣрно ходилъ часовой, и очевидно (по крайней мѣрѣ мнѣ въ ту минуту до наглядности это было оче

видно), что разсчитывать на успѣхъ не было ни малѣйшаго основанія; если одному или двумъ еще и могъ удасться прыжекъ, то изъ шести, по крайней мѣрѣ, одному, а то и двумъ, конечно, придется попасть на штыкъ часовому: достаточно споткнуться и не устоять на ногахъ.

Мы рѣшили воротиться въ камеру.

— «Мнѣ ворочаться нельзя, проговорилъ тогда Петровъ. Вамъ другое дѣло, а мнѣ нельзя.—Накажутъ... Партія осмѣетъ меня».

Петровъ рѣшилъ остаться у слухового окна; съ нимъ пожелалъ остаться и Волошенко. Остальные четверо насъ пошли назадъ, тою же дорогою, по балкамъ чердака, мы добрались до дыры и спустились обратно въ камеру. Обезкураженные, мы прилегли на нарахъ и въ темнотѣ, молча, стали ждать конца.

Прошло много времени или, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось, что прошло много времени. Во всемъ зданіи царила мертвая тишина, только за нашими окнами слышались ровные шаги часового, словно огромнаго маятника, выстукивавшаго свое мѣрное тикъ-такъ. Я ждалъ чего-то—самъ не зналъ чего,—напряженно вслушиваясь. Вдругъ среди этой тишины донесся отдаленный хриплый крикъ: «караулъ!» Мое сердце учащенно застучало.—«Вотъ-вотъ загремитъ выстрѣлъ!» мелькнуло въ моей головѣ. Но выстрѣла не послѣдовало. Я услышалъ шумъ во дворѣ,—голоса, громкія хлопанія калитки; и мимо нашихъ оконъ пробѣжало нѣсколько человѣкъ. Арестанты въ камерахъ зашумѣли, заговорили сразу всѣ. Солдаты пробѣгали мимо нашихъ оконъ (что это были солдаты,—я догадывался по звону ружей), заворачивали за уголъ и мчались къ заднему фасаду зданія. Тамъ должно было что-то совершиться! «Бѣжали или нѣтъ?» мелькали въ головѣ вопросы. Шумъ во дворѣ и въ камерахъ усиливался. По двору пронеслись какіе то крики. Въ эту самую минуту

послышались чьи то тяжелые, совсѣмъ неосторожные шаги вверху, на чердакѣ. Мы зажгли свѣчу. Черезъ дыру въ камеру влѣзъ Волошенко.

Съ чердака спустился Волошенко и усѣлся на верху печки, свѣсивъ ноги внизъ. Онъ былъ очень блѣденъ и сидѣлъ нѣсколько мгновеній, молча; раза два сорвались у него слова: «А! сукинъ сынъ!»—видимо относившіяся къ Петрову; но что эти слова выражали у него въ ту минуту—брань или похвалу и удивленіе (такъ какъ извѣстно, что это выраженіе въ устахъ русскаго иногда можетъ выражать и похвалу)—не берусь опредѣлять. Немного успокоившись, онъ разсказалъ, какъ было дѣло.

Вылѣзши благополучно черезъ слуховое окно на крышу, такъ какъ никакого часового во дворѣ не было (на другой день мы убѣдились, что, въ самомъ дѣлѣ, тамъ стоялъ деревянный столбъ) и, добравшись до конька, они стали спускаться внизъ на противуположную сторону зданія, по несчастью, какъ разъ въ то время, когда часовой шелъ въ ихъ сторону. Они уже спустились на самый край крыши, когда часовой, поравнявшись съ ними, точно по инстинкту, поднялъ голову и посмотрѣлъ вверхъ. Петровъ прыгнулъ прямо на него и моментально убѣжалъ въ лѣсъ. Часовой совершенно растерялся и принялся кричать. Волошенко же не прыгнулъ, остался на крышѣ и сидѣлъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не сбѣжались солдаты. «Стрѣляй его!» крикнулъ одинъ изъ нихъ часовому. «Не смѣешь: я политическій», отозвался Волошенко; и послѣ того онъ полѣзъ вверхъ по крышѣ, перевалилъ на другую сторону къ слуховому окну и по чердаку добрался до камеры.

Волошенко еще сидѣлъ на печкѣ и поплевывалъ внизъ, когда возлѣ нашей камеры послышался шумъ; съ громомъ и звономъ отперлась дверь, и на порогѣ показался этапный офицеръ, а сзади его толпа солдатъ съ ружьями.

— «Боже мой! Боже мой!» всплескивая руками, завопилъ

онъ. «Что вы сдѣлали со мною, господа!» Полное отчаяніе звучало въ его голосѣ.

— «Политическіе всѣ на лицо; бѣжалъ уголовный», замѣтилъ ему кто то изъ насъ.

И только когда онъ увѣрился, что бѣжалъ не политическій, а уголовный—тогда успокоился. Само собою разумѣется, что обо всемъ этомъ составленъ былъ актъ; осмотрѣна была дыра на чердакѣ, продѣланная въ потолкѣ; лазили даже, чтобы посмотрѣть, и къ слуховому окну. Офицеръ грозилъ заковать насъ въ наручники, но, видимо, человѣкъ онъ былъ добродушный, можетъ. и скандала хотѣлъ избѣжать,—и дѣло ограничилось лишь тѣмъ, что за нами съ этого дня учрежденъ былъ болѣе внимательный надзоръ; во время пути возлѣ нашихъ телѣгъ всегда шло два-три солдата, а во время остановокъ на этапахъ насъ затворяли въ камерѣ и нерѣдко у дверей ставили часового.

XXIX.

Моя смѣнка.—Бѣдствія партіи.—Прибытіе въ Иркутскъ.—Иркутская пересыльная тюрьма.—Отправленіе на мѣсто поселенія.—Освобожденіе.

До Иркутска оставалось недѣли двѣ ходу (а вся дорога отъ Красноярска до Иркутска совершается въ два мѣсяца), когда мнѣ удалось договориться о смѣнкѣ съ однимъ поселенцемъ, по имени Павловымъ. Смѣнщикъ мой потребовалъ съ меня въ видѣ вознагражденія высокіе сапоги и фланелевую рубаху, которые я носилъ, и восемь рублей деньгами. Кромѣ того я потомъ еще внесъ въ артельную кассу три рубля. За день передъ тѣмъ этапомъ, гдѣ мы должны были смѣняться, я притворился больнымъ и въ дорогѣ все время укутывалъ

свое лицо, а прійдя на ночлегъ, легъ на нары и закрылся съ головою. На слѣдующій день точно также всю дорогу я сидѣлъ на телѣгѣ и кутался. Дѣлалъ я это затѣмъ, чтобы мое лицо не запечатлѣлось въ памяти какого либо солдата. Команда, какъ я уже говорилъ раньше, мѣняется во время дневки, поэтому всего удобнѣе было произвести смѣнку во время дневки. У уголовныхъ это дѣлается очень просто: послѣ заключенія договора, дѣло сводится къ тому, что при повѣркѣ по «статейнымъ спискамъ» одинъ откликается вмѣсто другого, и такъ продолжаютъ идти, всякій по назначенію. Мнѣ надо было употребить пріемъ нѣсколько сложнѣе, вслѣдствіе надзора, которымъ насъ окружили со времени побѣга Петрова. Я поступилъ такъ. Я передалъ смѣнщику, чтобы онъ зашелъ въ отхожее мѣсто, находившееся во дворѣ, какъ только увидитъ, что я иду туда. Тамъ мы должны были обмѣняться вещами и, закрывши лицо полушубкомъ (какъ это дѣлалъ я), онъ долженъ былъ оттуда идти въ камеру политическихъ,—я къ уголовнымъ. Этотъ планъ удался. Павловъ, хотя и не походилъ на меня лицомъ, былъ одинаковаго со мною роста и, когда надѣлъ на себя мои ботфорты, а сверху набросилъ мой казенный полушубокъ и теплую шапку (пошитую Петровымъ), то его наружный видъ подходилъ къ моему. Повѣрка и сдача новому конвою прошли благополучно; Павловъ въ это время лежалъ на нарахъ, притворившись спящимъ. Старый конвой ушелъ, и съ этой стороны дѣло было обезпечено. Первый шагъ вышелъ удаченъ. Я же съ своей стороны, войдя въ «общую» камеру, немедленно обрилъ бороду и, чтобы придать себѣ видъ уголовнаго (уголовнымъ брили головы), очень низко остригся.

Не разъ вспоминая это событіе, я удивляюсь,—какъ могло начальство поддаться обману, принимая Павлова за меня? По «статейному списку» я значился бывшимъ студентомъ университета, между тѣмъ онъ былъ едва грамотенъ; по одной

двумъ фрузамъ можно было заключить о степени его интеллигентности. Наконецъ, и по наружному виду онъ совсѣмъ не подходилъ къ той роли, которую бралъ на себя: голова его была бритая (какъ у всѣхъ непривилегированныхъ); между тѣмъ я препровождался на правахъ дворянина, и, слѣдовательно, моя голова не подлежала бритью. Какъ это обстоятельство прежде всего не бросилось въ глаза ни одному изъ этапныхъ офицеровъ, никому изъ иркутскихъ властей?! Въ теченіе трехъ недѣль Павловъ изображалъ меня, сталкивался какъ съ этапными, такъ и съ иркутскими властями, и ни у кого не родилось подозрѣнія! Любопытно знать, былъ ли бы открытъ этотъ обманъ, если бы не послѣдовалъ доносъ? Сомнѣваюсь. Въ дорогѣ случился, напр., такой болѣе чѣмъ удивительный фактъ: одинъ этапный офицеръ, страдавшій какою-то болѣзнью, видя по «статейнымъ спискамъ», что Избицкій и я значимся бывшими студентами медиками*), обратился къ моему смѣнщику за совѣтомъ; тотъ не ударилъ лицомъ въ грязь и принялся давать какіе-то совѣты.

Послѣ смѣнки, само собою разумѣется, я шелъ уже на положеніи уголовнаго непривилегированнаго званія, т. е. получалъ кормовыхъ (или какъ арестанты называютъ «паекъ») десять копѣекъ въ день, вмѣсто пятнадцати, и долженъ былъ носить кандалы; моя голова должна была имѣть такой видъ, какъ будто она была брита около мѣсяца тому назадъ (арестантовъ брѣютъ при отправкѣ—въ Красноярскѣ,—затѣмъ на половинѣ пути -- въ Нижне-Удинскѣ Иркутской губ.). Потому то я и былъ принужденъ послѣ смѣнки остричься наголо. Что касается, впрочемъ, до кандаловъ, то по примѣру большинства арестантовъ, я почти все время держалъ ихъ въ мѣшкѣ. Только на послѣднемъ станкѣ долженъ былъ надѣть

*) Изъ шестилѣтняго моего пребыванія въ университетѣ - я слушалъ лекціи года три по физико-математическому и столько же по медицинскому.

ихъ на ноги, такъ какъ въ Иркутскъ надо было явиться въ полной формѣ.

Итакъ, я смѣнялся; но гдѣ, въ какой волости должны были выпустить меня на поселеніе—не было извѣстно; приходилось ждать. Между тѣмъ партія наша неизмѣнно подвигалась впередъ установленнымъ порядкомъ, т. е. два дня ходу,—третій дневка. Со всякимъ шагомъ на востокъ становилось труднѣе ей двигаться: по мѣрѣ приближенія къ Иркутску, цѣны на хлѣбъ возростали; если память не измѣняетъ, приходилось платить за фунтъ по восьми и девяти копѣекъ. Лица у арестантовъ замѣтно пожелтѣли; начался голодъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появился тифъ въ партіи. Тогда, помню, воротилы партіи (Бѣловъ и другіе) надумались просить этапнаго офицера, чтобы онъ позволилъ, при проходѣ черезъ деревню, пропѣть «милосердную» (пѣсню эту не дозволяютъ пѣть во всякое время) и просить милостыню. Офицеръ далъ разрѣшеніе. И вотъ, когда партія вошла въ деревню и растянулась улицей, изъ переднихъ рядовъ раздались звуки «милосердной». Скоро пристали другіе, и пѣсню запѣла почти вся партія. Словъ я не помню, да и мотивъ не остался въ моей памяти, но впечатлѣніе отъ этой пѣсни сохранилось во мнѣ и теперь. Мнѣ и теперь чудятся эти протяжные, унылые звуки, вытягиваемые усталыми голосами, съ длинными передышками и остановками, во время которыхъ слышится лязгъ кандаловъ. Затихаетъ пѣсня; голоса умолкаютъ. И вновь затягиваютъ басы изъ переднихъ рядовъ новую строфу; затягиваютъ басы, а не другіе голоса потому, что въ нашей партіи среди басовъ находились болѣе опытные пѣвцы (Бѣловъ, между прочимъ, пѣлъ басомъ); а къ басамъ вновь пристаютъ другіе голоса, но присоединяются не разомъ, не дружно, а кто когда успѣетъ, въ разбивку; и опять поетъ вся партія «милосердную». И все это при шумѣ шаговъ, скрипѣ телѣгъ, звонѣ цѣпей. Да, въ эту минуту наше шествіе дѣйствительно походило на погребальную процессію.

Нѣсколько человѣкъ арестантовъ, съ мѣшками въ рукахъ, отдѣлившись отъ партіи, шедшей серединою улицы, подходили въ это время къ крестьянскимъ избамъ и, снявши шапки просили милостыню. Староста суетился и то и дѣло перебѣгалъ съ одной стороны улицы на другую.

Къ голоду, какъ я уже сказалъ, присоединился тифъ; одно время чуть не всякій день кто либо заболѣвалъ въ партіи. Между тѣмъ этапы съ больницами отстояли на значительномъ растояніи, такъ что оставалось только укладывать больныхъ на телѣги и такъ продолжать этапное путешествіе. Помню, одинъ арестантъ умеръ въ дорогѣ; когда партія пришла на ночлегъ, и телѣга съ мертвецомъ въѣхала въ этапный дворъ, нѣсколько человѣкъ арестантовъ принялось стаскивать мертвеца. Длинный-длинный показался онъ мнѣ, когда его стаскивали! И съ какимъ трудомъ его стащили! Да, трудно жилось тогда бѣднымъ арестантамъ.

Но жизнь брала свое; здѣсь на этапѣ она являлась только болѣе сконцентрированной: горе и веселье, надежда и отчаяніе—все было вмѣстѣ, все можно было наблюдать въ одной камерѣ. Тутъ можно было слышать веселую, залихватскую пѣсню или остроту, вызывавшую взрывъ хохота, и тутъ же одновременно, откуда нибудь изъ подъ наръ слышался стонъ или бредъ умирающаго. Эти противорѣчія какъ будто не замѣчались никѣмъ, и всякій жилъ, какъ хотѣлъ.

Въ двадцатыхъ числахъ октября 1879 г. наша партія дотащилась, наконецъ, до г. Иркутска.

Послѣдній переходъ къ Иркутску былъ болѣе обыкновеннаго: кажется, верстъ тридцать съ лишнимъ. Такое пространство пройти въ кандалахъ съ непривычки мнѣ было тяжело (а мнѣ пришлось надѣть ихъ на ноги на послѣднемъ станкѣ), и потому, подходя къ иркутской пересыльной тюрьмѣ, я чувствовалъ большую усталость. Всѣ мои желанія въ ту минуту сосредоточены были на одномъ: какъ бы поскорѣе

взобраться на нары и полежать. Не думаю, чтобы и у другихъ арестантовъ не было такихъ же желаній. Но какъ будто на зло насъ не впустили даже на тюремный дворъ и заставили около часу времени ожидать и мерзнуть на улицѣ у воротъ пересыльной тюрьмы. Какая причина была этому—не знаю. Можетъ быть, чиновникъ, отъ котораго это зависѣло, игралъ въ это время въ карты и не хотѣлъ оставить игры. Между тѣмъ время было холодное. Снѣгъ уже всюду лежалъ. Сибирская зима началась. Морозы со всякимъ днемъ крѣпчали, а въ этотъ день къ вечеру и совсѣмъ сдѣлалось холодно.

Былъ часъ восьмой вечера, когда начальство заблагоразсудило насъ впустить; ворота пересыльной тюрьмы отворились, наконецъ, и мы—полузамерзшіе—вбрели во дворъ. Безъ повѣрки мы вошли въ зданіе; но здѣсь въ первой комнатѣ насъ остановили. Это была просторная комната (на столько просторная, что вмѣстила всю партію; правда, комната оказалась биткомъ набита людьми), въ родѣ передней, очевидно не предназначавшаяся для помѣщенія арестантовъ, такъ какъ въ ней не было наръ, изъ нея вело нѣсколько дверей въ разныя отдѣленія, но всѣ двери были теперь заперты, кромѣ одной, сквозь которую пропускали по одному человѣку изъ нашей партіи въ сосѣднюю комнату, гдѣ и происходилъ пріемъ. Тамъ за большимъ столомъ, на которомъ навалены были статейные списки нашей партіи, сидѣло нѣсколько чиновниковъ; совѣтникъ губернскаго правленія бралъ въ руки статейный списокъ и вызывалъ арестанта по фамиліи; нашъ староста, стоявшій возлѣ двери, громко повторялъ фамилію, и вызванный арестантъ, захвативъ съ собою свое имущество, входилъ въ эту комнату. Производилась повѣрка казенныхъ вещей, и затѣмъ провѣреннаго пропускали не назадъ, а въ слѣдующую третью комнату, которая и предназначена была собственно для помѣщенія нашей партіи.

Очередь дошла и до меня.

— «Павловъ!» услыхалъ я голосъ старосты.

— «Здѣсь!» отвѣчалъ я и, схвативъ свой мѣшокъ, двинулся къ дверямъ комнаты, гдѣ засѣдало начальство.

«Павелъ Павловъ?» переспросилъ совѣтникъ, взглянувъ на меня вскользь и углубляясь въ мой статейный списокъ.

— «Точно такъ», отвѣтилъ я, стараясь по возможности въ своихъ отвѣтахъ подражать уголовнымъ арестантамъ.

— «За что судился?» спросилъ онъ.

— «За грабежъ...»

— «Казенныя вещи всѣ?»

— «Всѣ».

— «Двѣ рубахи, двѣ пары полотнянныхъ штановъ, двѣ пары портянокъ, суконные штаны, полушубокъ, шапка, рукавицы, пара котовъ, подкандальники, кандалы..,» перечислялъ совѣтникъ.

При всякомъ наименованіи я всякій разъ повторялъ: «есть».

Во время этого опроса какая-то темная личность, какъ потомъ оказалось, надзиратель пересыльной тюрьмы, шарилъ руками въ моемъ мѣшкѣ, очевидно, стараясь удостовѣриться— на самомъ ли дѣлѣ все у меня есть.

Наконецъ, мой пріемъ конченъ. Кандалы, которые снимали со всѣхъ въ Иркутскѣ (каторжанъ потомъ при отправкѣ за Байкалъ вновь заковывали), не пришлось разбивать на мнѣ кузнецу, такъ какъ я могъ ихъ и самъ сбросить.

И вотъ я въ камерѣ.

Былъ часъ 12-ый ночи, когда пріемъ нашей партіи окончился. Мнѣ хотѣлось ѣсть, но еще болѣе—отдохнуть. Закусивши немного, я растянулся на нарахъ рядомъ съ однимъ бродягой и, не смотря на шумъ кругомъ, сталъ дремать. На нарахъ и подъ нарами арестанты лежали буквально одинъ возлѣ другого. Въ камеру внесена была «параша»; двери

были заперты; окна тоже, такъ какъ время было холодное. Можно судить—до какой степени атмосфера была убійственная! Но этого никто не замѣчалъ; да и я неудобство это ощущалъ въ незначительной степени; мнѣ хотѣлось спать до того, что даже вши, размножившіяся у насъ до невѣроятныхъ размѣровъ, не помѣшали мнѣ заснуть немедленно.

Жалкая жизнь была арестантовъ въ иркутской пересыльной тюрьмѣ! Хлѣбъ въ это время былъ копѣекъ по восьми за фунтъ. А такъ какъ казна отпускала кормовыхъ только десять копѣекъ въ день на всякаго арестанта, то тюремному начальству—даже при его желаніи — не было возможности хорошо кормить насъ. Хлѣбъ выдавался въ недостаточномъ количествѣ; на приварокъ ежедневно полагались щи, отвратительнѣе которыхъ я раньше никогда не видывалъ. Это была попросту грязная, вонючая, горячая жидкость, въ которой ни крупы, ни зелени почти не замѣчалось; кромѣ того раздавали намъ еще по небольшому кусочку вареннаго мяса; оно-то и придавало вонючій запахъ щамъ.

По утрамъ всѣ камеры обыкновенно отворялись, и арестанты пересыльнаго замка смѣшивались и толкались вмѣстѣ цѣлый день, пока не наступалъ вечеръ, когда опять ихъ раздѣляли, дѣлали повѣрку и запирали по камерамъ на ночь.

Я пробылъ въ Иркутской пересыльной тюрьмѣ дней восемъ, и за это время наша однообразная жизнь нарушена была раза два слѣдующимъ образомъ.

Помню, одинъ разъ явился совѣтникъ (тотъ самый, который принималъ нашу партію) вмѣстѣ съ другимъ господиномъ, тоже, повидимому, какимъ-то чиновникомъ, и стали вызывать къ себѣ поселенцевъ. Въ числѣ другихъ былъ вызванъ и я. Дѣло заключалось въ томъ, что тому чиновнику хотѣлось нанять себѣ дешеваго кучера и онъ, пользуясь знакомствомъ съ совѣтникомъ губернскаго правленія, рѣшилъ поискать среди поселенцевъ. Подобный способъ найма прислуги

часто практикуется сибирскими чиновниками. Обыкновенно арестантъ радъ поскорѣе вырваться на свободу и потому рѣдко останавливается передъ невыгодными условіями найма. Такъ какъ въ мой планъ не входило искать работы въ Иркутскѣ, то я и отказался отъ этого предложенія.

Въ другой разъ въ пересыльную пріѣхалъ иркутскій брантъ-майоръ. Опять таки для найма людей въ пожарную команду (Иркутскъ не давно передъ этимъ почти весь сгорѣлъ, и потому, должно быть, начальство, по русской пословицѣ, «заднимъ умомъ крѣпкое» заботилось теперь объ укомплектованіи пожарной команды). Съ этимъ брантъ-майоромъ вечеръ прошелъ у насъ весьма оживленно. Человѣкомъ онъ оказался разговорчивымъ и изрядно посмѣшилъ арестантовъ. Помню обращался онъ и ко мнѣ съ предложеніемъ опредѣлиться въ пожарные, но я и отъ этой должности отказался.

— «Почему?» спросилъ онъ, оглядывая меня потѣшно, какъ то бокомъ, и при этомъ такъ величественно старался откинуть голову свою назадъ, но выходило это у него не величественно, а глупо, что мнѣ стоило большого усилія не разсмѣяться.

— «Боюсь пожаровъ, ваше благородіе!» отвѣчалъ я.

— «Такихъ мнѣ не надо! такихъ мнѣ не надо!» торопливо проговорилъ брантъ-майоръ, дѣлая отрицательный жестъ рукою.

Разговоръ арестантовъ съ нимъ сдѣлался особенно оживленнымъ послѣ того, какъ одинъ изъ ссыльныхъ заявилъ, что онъ предпочитаетъ бродяжить, чѣмъ служить въ пожарной командѣ. По этому поводу поднялся споръ; брантъ-майоръ старался доказать невыгоду бродяжества и, въ концѣ концовъ, привелъ, самъ того не подозрѣвая, весьма остроумное сравненіе Россійскаго Царства съ паскотиной*), при чемъ такъ

*) Въ Сибири такъ называется огороженное мѣсто возлѣ деревни, предназначенное для выгона скота.

закончилъ: «Сколько ни бродяжь — все равно изъ паскотины не выйдешь: широка она и велика у нашего государя.»

Ровно черезъ недѣлю послѣ нашего прибытія въ Иркутскъ подъ вечеръ сквозь замерзшія окна камеры я увидѣлъ, какъ подходила къ нашей тюрьмѣ слѣдующая за нашей этапная партія № 9-й (партіи обозначались номерами; наша была восьмая, считая отъ начала весенней навигаціи 1879 года). Арестанты съ любопытствомъ прижались къ окнамъ, чтобы разглядѣть вновь прибывшихъ; всякій ожидалъ увидѣть тамъ своихъ знакомыхъ. Я смотрѣлъ тоже. Но не въ самой партіи искалъ я глазами своихъ знакомыхъ: ихъ тамъ не могло быть,—а сзади, на телѣгахъ, ѣхавшихъ въ концѣ. И вотъ мимо нашихъ оконъ медленно тянулись телѣги: на одной изъ послѣднихъ, мнѣ показалось, будто я узналъ Позена. Трудно, однако, было утверждать, такъ какъ голова его была закутана; съ другой стороны, мое окно, въ которое я глядѣлъ, все слезилось отъ растаявшей воды. Политическихъ содержали не въ пересыльной, а въ тюремномъ замкѣ, такъ что въ это время я не имѣлъ возможности съ ними встрѣчаться.

На слѣдующій день въ числѣ поселенцевъ, отправляемыхъ на мѣсто назначенія, вызванъ былъ и я. Волость, куда мы были назначены, находилась по «Московскому тракту», верстахъ въ шестидесяти отъ Иркутска. «Московскимъ трактомъ» называется дорога, идущая изъ Иркутска на Красноярскъ, Томскъ и т. д. по направленію къ Москвѣ. Такимъ образомъ насъ должны были препровождать тою же дорогою, которою мы уже проходили недѣлю тому назадъ, только теперь, конечно, въ обратномъ направленіи. Какъ объяснить подобную нераспорядительность начальства, которое, вмѣсто того чтобы прямо оставить насъ еще тогда въ Тельминской волости, зачѣмъ-то протаскало насъ до Иркутска, держало въ пересыльной тюрьмѣ и теперь возвращало назадъ? Не знаю.

Какъ бы тамъ ни было, мы были отправлены съ обратной этапной командой и 1-го ноября 79-го года прибыли въ Тельму. Офицеръ распорядился тотчасъ отправить насъ въ волостное правленіе. На волостномъ дворѣ въ послѣдній разъ подвергли насъ повѣркѣ: всякаго поименно выкликали по статейнымъ спискамъ и справлялись о казенныхъ вещахъ, хотя съ этого момента они становились уже нашей собственностью. Въ заключеніе писарь объявилъ намъ, чтобы мы отправились на ночлегъ въ «сельскую избу», а на другой день онъ обѣщалъ распредѣлить насъ по участкамъ (волость дѣлилась на участки).

Мы вышли изъ волостного правленія уже одни, безъ стражи. Конвойные солдаты ушли на этапъ.

Я шелъ свободный по улицѣ этой большой деревни. Свободный!.. Какъ это было странно! Въ кіевской тюрьмѣ меня стерегли пуще глаза. На рѣкѣ Оби солдаты становились цѣпью вдоль борта баржи, чтобы я не вздумалъ бѣжать, бросившись въ воду (какой рискъ, подумаешь!?)... А тутъ вдругъ сами выпустили на волю! Во всемъ этомъ крылось, конечно, огромное недоразумѣніе. Но все таки я былъ свободенъ... Меня охватило особенное состояніе, въ родѣ того опьяненія, какое я испытывалъ во время переѣзда черезъ Уральскія горы; но теперь оно было въ болѣе сильной степени. Состояніе это походило на то, какъ если бы я очутился на этой деревенской улицѣ послѣ продолжительной болѣзни, когда голова слегка кружится отъ свѣжаго воздуха, и глазу, отвыкшему смотрѣть на внѣшній міръ, но пріобрѣвшему послѣ болѣзни особую остроту, все кажется такимъ праздничнымъ и яркимъ. Все, на что я смотрѣлъ—крестьянскія избы, люди, куры, голуби, которыхъ было тутъ множество,—все получало теперь несравнимо большее значеніе въ моихъ глазахъ.

Улица пересѣкала базарную площадь; здѣсь мы увидѣли вывѣску «распивочно и на выносъ».—«Зайдомъ», предложилъ

кто-то; и человѣка три отдѣлилось отъ нашей группы и зашли въ кабакъ. Остальные пошли дальше по направленію къ «сельской избѣ». Но у слѣдующаго кабака задержались и остальные. Я тоже зашелъ вмѣстѣ съ другими. Это было передъ вечеромъ; а вечеромъ мы явились въ «сельскую избу», гдѣ намъ для ночлега была отведена горница. Въ числѣ поселенцевъ находились двѣ женщины. Обѣ были уже не молоды, но ихъ присутствіе все-таки вдохновляло компанію. Устроено было общее чаепитіе; на столѣ опять появилась водка. Въ концѣ концовъ всѣ напились. Я оставался, конечно, трезвымъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на то, какъ празднуютъ наши арестанты свой выходъ на волю. Они пѣли и кричали; гамъ и шумъ стояли въ избѣ. Одинъ въ припадкѣ пьянаго раскаянія находилъ почему-то нужнымъ кланяться всѣмъ въ ноги и почти со слезами, какъ передъ исповѣдью, просить: «прости, братъ! Можетъ я тебя чѣмъ обидѣлъ!» Между прочимъ одинъ изъ поселенцевъ (которыхъ, помнится, до десятка выпущено было тогда въ Тельминской волости) долго надоѣдалъ мнѣ со своимъ «мѣстомъ», которое у него имѣлось ввиду гдѣ-то въ Тульской губ.; онъ старался меня убѣдить въ томъ, что это «мѣсто» можетъ выручить меня изъ бѣды, въ случаѣ моей поимки.

Только за полночь публика нѣсколько поуспокоилась и принялась укладываться спать. Я заснулъ тоже.

Но на утро я проснулся очень рано и отправился продавать вещи: мнѣ надо было выручить для дороги сколько нибудь денегъ, такъ какъ я рѣшилъ немедленно бѣжать изъ Тельмы. Медлить съ этимъ было неблагоразумно. Поселенцы, выпущенные вмѣстѣ со мной, само собою разумѣется, всѣ знали—кто я и какъ очутился среди нихъ; они молчали до поры до времени; но при первомъ допросѣ, слѣдовало ожидать, что все разскажутъ, что знаютъ. Оставляя даже въ сторонѣ предположеніе о доносѣ, который могъ быть сдѣланъ какимъ-ни-

будь арестантомъ, я долженъ былъ ожидать всякую минуту, что иркутскія власти сами по себѣ откроютъ обманъ, и въ такомъ случаѣ тоже не замедлятъ принять мѣры къ моему аресту. Однимъ словомъ, благоразуміе требовало, чтобы я немедленно бѣжалъ. Но у меня не было ни денегъ, ни связей. Я имѣлъ только одинъ адресъ одного моего пріятеля, сосланнаго административнымъ порядкомъ раньше въ Сибирь и жившаго въ деревнѣ, названіе которой я здѣсь не привожу изъ осторожности; но деревня эта находилась верстахъ въ ста пятидесяти отъ Тельминской волости. Мнѣ не оставалось другого исхода, какъ бѣжать туда; и я рѣшилъ туда бѣжать.

Отъ продажи вещей—арестантскаго халата и рукавицъ—я выручилъ, помнится, около полутора рубля и часамъ къ девяти утра былъ готовъ къ дорогѣ.

Передъ самымъ уходомъ я сообщилъ тому поселенцу, что наканунѣ предлагалъ мнѣ свое «мѣсто» въ Тульской губ., сообщилъ ему подъ секретомъ, что я думаю бѣжать въ Иркутскъ. Дорога въ деревню, куда я намѣревался идти, шла прямо въ противуположномъ направленіи (не въ сторону Иркутска), но я давалъ нарочно ложныя свѣдѣнія, надѣясь, что это внесетъ больше путаницы въ головы жандармовъ, когда дойдетъ дѣло до поисковъ за мною, до допросовъ и показаній, и что, такимъ образомъ, мнѣ, можетъ быть, удастся выиграть время. Съ другой стороны, все равно я долженъ былъ кого-нибудь посвятить въ свое бѣгство уже потому, что намъ надо было являться въ волость для записыванія по участкамъ, и мое отсутствіе возбудило бы подозрѣніе. Мой поселенецъ долженъ былъ разсказать какую-нибудь подходящую исторію, въ родѣ того, напр., что я упился и лежу пьяный и потому не явился въ волость и такъ объяснить мое отсутствіе.

XXX.

Бѣгство.

Все было у меня готово. Я надѣлъ мой казенный полушубокъ и мѣховую шапку (въ родѣ той, которую раньше мнѣ пошилъ Петровъ изъ стараго полушубка), единственныя вещи сколько-нибудь отвѣчающія времени года—надѣлъ штаны изъ бумажной сѣрой матеріи, обувь, состоявшую изъ арестантскихъ котовъ, къ которымъ сверху, вмѣсто голенищъ, пришиты были кожаные подкандальники,—и двинулся въ дорогу. На спину я забросилъ мѣшокъ, въ которомъ находились еще кое-какія запасныя тряпки: одна рубаха, полотнянные штаны и портянки. Скоро, однако, я вынужденъ былъ надѣть эту рубаху и штаны—сверху другой рубахи и штановъ,—такъ какъ погода сдѣлалась очень холодной.

Таковъ былъ мой багажъ, съ которымъ я вышелъ изъ Тельминскаго селенія 2-го ноября, утромъ. Мой желтый полушубокъ особаго (казеннаго) покроя и низко остриженая голова, чего нельзя было закрыть шапкою, всякому встрѣчному должны были свидѣтельствовать о томъ, что я бродяга. Но съ этимъ я мирился: во время этапнаго путешествія я видѣлъ, что бродяги открыто ходили здѣсь, и на нихъ никто не обращалъ вниманія, поэтому надѣялся и самъ пройти куда мнѣ нужно безпрепятственно; лишь бы только въ это время не началась погоня спеціально за мною.

День былъ тихій морозный. Пройдя нѣсколько верстъ, дорогою, я увидѣлъ проселочный путь, сворачивавшій вправо къ лѣсу, и поворотилъ въ эту сторону. Сбиться съ дороги я не рисковалъ, такъ какъ направленіе мнѣ было хорошо извѣстно. Мнѣ хотѣлось пройти нужное пространство какъ можно болѣе глухими мѣстами.

Итакъ, я своротилъ проселкомъ вправо и скоро очутился

въ лѣсу. Это была густая березовая роща, тянувшаяся на огромное разстояніе. Я смотрѣлъ на деревья, потонувшія въ глубокомъ снѣгу и — странное дѣло! — совсѣмъ не чувствовалъ къ нимъ того остраго влюбленнаго влеченія, какое испытывалъ еще такъ недавно, когда смотрѣлъ на нихъ издали, или просто даже только мечталъ о нихъ, сидя въ тюрьмѣ. Тогда при одной мысли о томъ, какъ я буду бродить по лѣсу, меня бросало въ жаръ и холодъ отъ предвкушаемаго счастья. Теперь, когда я на самомъ дѣлѣ находился въ лѣсу, ничего подобнаго я не ощущалъ. Противорѣчіе въ ощущеніяхъ до того было рѣзкое, и такъ случилось во мнѣ все это скоро, что я невольно по поводу этого задумался. Я чувствовалъ, что почему-то не могу вполнѣ насладиться своей волей (о которой такъ болѣзненно-страстно мечталъ), что мнѣ мѣшаетъ что-то теперь наслаждаться ею. И вотъ, мало по малу, мнѣ выяснилось, что причиной тому была моя подозрительность, не покидавшая меня ни на минуту и окрашивавшая все въ невеселый, мрачный колоритъ. Подозрительность эта какъ будто со всякимъ часомъ увеличивалась. Она нашептывала мнѣ: «Нѣтъ, ты еще далеко не свободенъ... Это только начало, а каковъ будетъ конецъ, неизвѣстно... Трудно сдѣлаться тебѣ свободнымъ!» И я быстро проходилъ мимо березъ, ни на секунду не останавливаясь, ни на одну секунду не отдаваясь настоящему, а всѣ мысли устремляя исключительно въ будущее и готовясь къ какой-то предчувствуемой мною борьбѣ.

Описывать шагъ за шагомъ мое путешествіе, продолжавшееся около недѣли времени, едва ли представило бы интересъ; было холодно, было голодно—вотъ все, что могу сказать. Особенно, помню, я страдалъ отъ холода. Неоднократно въ «падяхъ», т. е. въ долинахъ, меня пронизывалъ такой сильный холодъ, что я опасался, какъ бы не отморозить себѣ рукъ или ногъ. Любопытно то, что на возвышенныхъ мѣстахъ, на холмахъ было значительно теплѣе; долины же или, какъ

ихъ называютъ въ Сибири «пади», полны были какого то особаго тумана (совсѣмъ не похожаго на наши обыкновенные туманы), въ область котораго достаточно было войти, чтобы почувствовать нѣчто въ родѣ вонзающихся въ тѣло иголокъ. Не смотря на то, что подобныя пади я проходилъ съ быстротою, на какую только былъ способенъ, тѣмъ не менѣе моя лѣвая нога выше колѣна нѣсколько пострадала; казенный полушубокъ былъ слишкомъ коротокъ, я не могъ защищать моихъ ногъ, одѣтыхъ въ легкіе штаны

Ночевать въ большинствѣ случаевъ мнѣ приходилось по банямъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ бродяги. Бани же всюду есть. Для характеристики опишу одну изъ моихъ ночевокъ.

Помню, наступали сумерки, когда я вошелъ въ одну деревеньку. Отъ опытныхъ бродягъ я слыхалъ, что не слѣдуетъ заходить въ богатыя избы, а напротивъ, надо выбирать самыя плохія. «Въ бѣдной избушкѣ хозяева добрѣе», утверждалъ Бѣловъ. Это въ общемъ глубоко вѣрное наблюденіе, выведенное изъ массы опытовъ, было принято во вниманіе и мною. И вотъ, высмотрѣвши на краю села небольшую избенку, я зашелъ туда. Перекрестившись къ образамъ, висѣвшимъ въ углу, какъ того требовалъ сибирскій обычай, я поздоровался съ хозяевами.

— «Здраствуй, парень», отвѣтилъ хозяинъ.

— «Нельзя ли хлѣба купить?» спросилъ я. Хотя я шелъ на положеніи бродяги, но просить милостыни не рѣшался и за ѣду всегда платилъ.

— «Можно», отвѣтила хозяйка.

— «А ночевать, дяденька, не пустишь?»

— «Ну, парень, нельзя! Бумаги, поди, нѣту?!» Сибирякъ окинулъ меня взглядомъ.—«Строгости у насъ теперича: коли пустишь кого безъ пашпорта—штрафъ... Ты откуда же?»

— «Изъ партіи», отвѣчалъ я.

— «То-то; бродяга, видно».

Я молчалъ.

— «Ваша братія все больше по банямъ почуетъ. Поди хоть въ мою и ночуй. Сегодня баню топилъ: спать будетъ тепло».

Получивъ краюху хлѣба, за которую я заплатилъ нѣсколько копѣекъ (она больше стоила, но въ такихъ случаяхъ крестьяне берутъ, сколько имъ даешь, не торгуясь), я вышелъ изъ избы. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ неподалеку баню и направился къ ней. Тутъ же рядомъ стояла другая баня, сосѣдняя; въ ней, какъ я замѣтилъ, кто то парился въ это время. Баня, куда я зашелъ, была безъ оконъ, да наконецъ, наступалъ и вечеръ, и потому, чтобы оріентироваться, я зажегъ спичку. Съ лѣвой стороны отъ входа я увидѣлъ груду большихъ камней, сложенныхъ такъ, что въ серединѣ имѣлась пустота, гдѣ можно было раскладывать огонь. Эта груда камней представляла собою печь; дальше за печью начинались деревянныя полки. Я направился къ нимъ. Здѣсь было до того жарко, что я принужденъ былъ сбросить съ себя полушубокъ и остаться въ одномъ бѣльѣ. Крестьянскія бани обыкновенно курныя, и въ этой, конечно, какъ и въ другихъ, всѣ стѣны и потолокъ были покрыты слоемъ сажи. Доставши изъ своего мѣшка сальную свѣчу, я ее зажегъ и приклеилъ къ полкѣ. Сальныя свѣчи у меня были въ запасѣ для смазыванія ногъ, чтобы предохранить ихъ отъ порчи во время ходьбы. Мнѣ не хотѣлось еще спать, и я занялся крашеньемъ своего полушубка; я рѣшилъ почернить его, такъ какъ желтый цвѣтъ слишкомъ напоминалъ его казенное происхожденіе. Сажа, которой здѣсь было вездѣ достаточно, вмѣстѣ съ свѣчнымъ саломъ представляла недурную краску, и я приступилъ къ дѣлу. Окончивши работу и поѣвши, я взобрался на верхнюю полку и улегся. Но едва сталъ дремать, какъ былъ разбуженъ скрипомъ отворявшейся двери. Вслѣдъ за тѣмъ я услыхалъ, какъ

кто-то ввалился въ баню. Темнота не давала разсмотрѣть вновь прибывшаго, а зажигать спичку я находилъ излишнимъ. Ввалившійся тоже очевидно не имѣлъ намѣренія осматривать помѣщеніе; ощупью онъ розыскалъ полки и, взобравшись наверхъ, легъ рядомъ со мною. Лежа на полкѣ, онъ ощупалъ меня рукою, но, повидимому, его ни мало не смутило мое присутствіе. Въ непродолжительномъ времени раздалось его мѣрное похрапываніе; онъ спалъ. Рядомъ съ незнакомцемъ и я заснулъ тоже.

День еще не начинался, когда я проснулся отъ холода. Баня совершенно остыла, и если съ вечера мнѣ приходилось потѣть отъ жары, то къ утру даже полушубка оказывалось недостаточно для защиты отъ холода. Я принужденъ былъ встать и одѣться. Спать больше я не могъ и, чтобы не терять напрасно времени, собрался въ путь. Сосѣдъ мой продолжалъ храпѣть. Я вышелъ изъ бани; еще было темно, но скоро должно было свѣтать. Я не боялся сбиться и быстро зашагалъ по дорогѣ.

Мнѣ оставалось сдѣлать еще верстъ пятьдесятъ, когда, проходя одной деревней, я обратилъ вниманіе на человѣка, стоявшаго на улицѣ, у воротъ. По его наружному виду я заключилъ, что это былъ поселенецъ, такъ какъ волосы на его головѣ еще не успѣли отрости.

— «Заходи: напьешься чаю, отдохнешь», обратился онъ ко мнѣ.

Я былъ не прочь отдохнуть и потому съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе. Мы вошли вмѣстѣ въ избу. Изба оказалась маленькая, плохо убранная, грязная... На печи сидѣла какая-то женщина. Мой хозяинъ (видимо, онъ нанималъ эту избу) захлопоталъ возлѣ самовара.

— «Давно изъ партіи?» спрашивалъ онъ.

— «Только что; съ восьмой партіей прибылъ», отвѣтилъ я.

— «А теперь, значитъ, по бродяжеству?»

— «Да».

— «Гиблая сторона!» воскликнулъ онъ. «Самъ я тоже собираюсь махнуть... А какъ: «Ангарскимъ» пойдешь?»

«Ангарскимъ» называется трактъ, идущій вдоль рѣки Ангары. Этотъ трактъ доходитъ до извѣстнаго мѣста и затѣмъ прекращается, такъ что бродяги продолжаютъ путь свой дальше или на плотахъ по рѣкѣ, или же черезъ тайгу извѣстными проселками проходятъ изъ села въ село и выбираются, въ концѣ концовъ, опять таки на «Московскій трактъ».

Я сказалъ свой маршрутъ. Назвалъ между прочимъ и деревню, гдѣ жилъ мой знакомый; но, конечно, о немъ самомъ не упомянулъ ни слова, точно также какъ не сказалъ и того, что въ этой деревнѣ я имѣлъ намѣреніе остановиться.

Поселенецъ зналъ эти мѣста, раньше какъ-то бродилъ тамъ и далъ мнѣ нѣсколько практическихъ указаній. Въ двухъ или трехъ деревняхъ онъ даже назвалъ по именамъ крестьянъ, которые «принимали» бродягъ.

— «А какъ придешь въ такую-то деревню», говорилъ онъ, называя деревню, куда я стремился, «пройди ты ее всю улицею; на томъ концѣ, третья изба отъ выхода, живетъ Катька Черныхъ. Скажи только ей: кланяется, молъ, тебѣ Гришка «аленькія губки» *)—она тебѣ все сдѣлаетъ».

Я остался весьма благодаренъ поселенцу за данныя имъ указанія. Попарившись чайкомъ и поболтавши еще о томъ, о другомъ, я распрощался съ нимъ и ушелъ.

Теперь, когда мнѣ вспоминается этотъ критическій моментъ моей жизни, мнѣ всегда кажется, что только счастливый случай помогъ мнѣ тогда избѣгнуть ареста. Люди, жизнь которыхъ подвергается частымъ опасностямъ, вѣрятъ въ такъ назы-

---

*) Видимо, подъ такимъ названіемъ мой поселенецъ былъ ей извѣстенъ.

ваемую «свою звѣзду». Я здѣсь разскажу такое, что, пожалуй, могло бы заставить повѣрить въ «звѣзду» любого человѣка.

Описывая свой побѣгъ раньше (описаніе это было помѣщено въ «Вѣстникѣ Народной Воли», издававшемся за границею), въ этомъ именно мѣстѣ я о многомъ умолчалъ, отчасти совершенно видоизмѣнилъ, изъ страха не дать какихъ либо указаній правительству при поискахъ за тѣми, которые оказались пособниками моему побѣгу.

Теперь я разскажу все, какъ было, ничего не измѣняя; но и теперь, конечно, — какъ это давно ни было — считаю неблагоразумнымъ называть имена лицъ; и я не буду ихъ называть, хотя я знаю, что мой разсказъ получилъ бы несравнимо болше значенія и интереса съ приведеніемъ именъ.

Помню, было еще утро, когда я входилъ въ ту деревню, гдѣ находился, по моимъ свѣдѣніямъ, мой знакомый. Предшествующую ночь я провелъ въ сосѣдней деревушкѣ, всего въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда. Обращаться къ встрѣчнымъ крестьянамъ съ разспросами о томъ, гдѣ живетъ политическій ссыльный «такой-то», я находилъ неумѣстнымъ, такъ какъ потомъ, при поискахъ за мною, это дало бы прямыя указанія, а потому я рѣшилъ воспользоваться адресомъ, полученнымъ мною отъ поселенца. И вотъ я прошелъ всю деревню; отсчиталъ отъ того края третью избу и, войдя во дворъ, постучался въ дверь.

Уже по одному наружному виду избы я долженъ былъ заключить, что тутъ крылось какое-то недоразумѣніе. Домикъ былъ слишкомъ хорошъ для того, чтобы можно было предположить, что хозяева его принимали бродягъ. На стукъ мой послышались шаги, и вскорѣ я увидѣлъ передъ собою старуху лѣтъ за пятьдесятъ. Это обстоятельство еще больше вселило во мнѣ сомнѣніе, и я сталъ думать, что тутъ была какая-то ошибка. Катька Черныхъ не могла быть такой старухой. Къ

моему удивленію оказывалось, однако, что старуха эта, въ самомъ дѣлѣ называлась Черныхъ. Я было запкнулся о Гришкѣ (объ «аленькихъ губкахъ» умолчалъ: слишкомъ ужъ не подходило это все къ ея возрасту, ни къ ея скромному виду), но на лицѣ ея прочелъ такое искреннее недоумѣніе, что не пытался пускаться въ дальнѣйшія разъясненія.

— «Да что тебѣ, парень, надо?» допытывалась она.

Нѣкоторое время я молчалъ; колебался; не зналъ, что говорить. Однако, надо было на что нибудь рѣшиться. Тутъ у меня промелькнула счастливая мысль, и я сказалъ: «я разыскиваю одного ссыльнаго дворянина (слово «политическій» я боялся даже упоминать). Шелъ съ нимъ въ одной партіи; онъ остался мнѣ долженъ».

— «Какого дворянина? Мало ли дворянъ ссыльныхъ? Вотъ и у меня живутъ ссыльные».

Со старухой мы разговаривали въ первой комнатѣ, откуда вело двое дверей. Въ эту минуту лѣвая дверь отворилась, и на порогѣ я увидѣлъ «политическую» ссыльную. Да, политическую; я никогда раньше ее не встрѣчалъ, но я тотчасъ узналъ, что это была политическая. Мой глазъ не могъ ошибиться.

— «Что вамъ надо?» спросила она меня.

Если я и могъ сомнѣваться въ своей догадкѣ, то слово «вамъ» должно было меня окончательно убѣдить.

— «Да вотъ, у меня дѣло есть»... говорилъ я ей и, не желая, чтобы хозяйка была свидѣтельницей нашего разговора, я сталъ настойчиво протискиваться въ ея комнату. Она загораживала мнѣ ходъ; я слегка отстранялъ ее рукою и протискивался впередъ.

— «Что вамъ надо?» спрашивала она съ удивленіемъ, отступая передо мною.

Но я уже вошелъ въ ея комнату и притворилъ за собою дверь.

Тутъ шепотомъ, чтобы хозяйка не услыхала за дверью, я ей сказалъ: «я—Дебогорій-Мокріевичъ. Бѣжалъ съ дороги изъ партіи... Слыхали ли вы о нашемъ процессѣ въ Кіевѣ?»

Я не стану описывать здѣсь всей той нервной суеты, какая поднялась въ этомъ домикѣ, а затѣмъ и въ другомъ, подобномъ же домикѣ, въ этой же деревнѣ, гдѣ тоже жилъ политическій ссыльный. Моего знакомаго въ этой деревнѣ не оказалось; онъ былъ въ другомъ мѣстѣ. Но вмѣсто него оказались другіе политическіе, къ которымъ я, такимъ образомъ, совершенно случайно попалъ.

Я сильно озябъ. Подходя къ столу, на которомъ шипѣлъ самоваръ (здѣсь еще не успѣли отпить утренняго чая) съ тѣмъ, чтобы усѣсться и приняться за чай, помню, я замѣтилъ небольшое зеркальце, висѣвшее на стѣнѣ, и не удержался, чтобы не пріостановиться возлѣ него. Я посмотрѣлъ и пришелъ въ отчаяніе отъ своего вида: я выглядѣлъ настоящимъ бродягою. Самое необходимое, что надо было сдѣлать—это перемѣнить одежду и измѣнить сколько-нибудь свою физіономію. Но какъ я могъ измѣнить ее теперь? Если бы у меня были длинные волосы, я бы ихъ подстригъ; но я ихъ остригъ раньше. Если бы у меня была борода, я бы ее сбрилъ; но она у меня была сбрита раньше. О перемѣнѣ физіономіи пока нечего было и думать.

Какъ бы тамъ ни было, но я все-таки хотѣлъ прежде всего напиться чаю. Я сильно озябъ и съ удовольствіемъ принялся отогрѣваться чаемъ.

Но въ этотъ день не суждено было мнѣ напиться чаю. Едва я окончилъ второй стаканъ, какъ мнѣ было объявлено, что въ деревнѣ появились жандармы.

Извѣстіе это ударило меня, какъ обухомъ по головѣ. Явились ли жандармы нарочно за мной или случайно, по другому дѣлу,—во всякомъ случаѣ, оставаться у своихъ,

политическихъ ссыльныхъ, мнѣ никоимъ образомъ не слѣдовало. Я долженъ былъ уходить. Но куда?

— «Идите по «такой-то» дорогѣ. Васъ нагонитъ человѣкъ въ саняхъ, запряженныхъ однимъ конемъ. Онъ вамъ укажетъ, гдѣ можно будетъ укрыться».

Съ этими свѣдѣніями я вышелъ отъ своихъ и направился къ деревенскому выходу, откуда вела слабо укатанная узкая дорога, чуть желтѣвшая среди бѣлаго поля. Я не успѣлъ перемѣнить своей одежды и какъ былъ такъ и остался въ арестантскомъ костюмѣ; помню, меня снабдили только однимъ рублемъ денегъ на всякій случай (у меня своихъ не осталось уже ни копѣйки), да четвертушкой табаку.

Прошелъ я всего версты двѣ или три, когда меня нагналъ тотъ человѣкъ, о которомъ мнѣ говорили. Я подсѣлъ къ нему въ сани, и мы поѣхали вмѣстѣ. Но когда мы поднялись на возвышенное мѣсто, откуда было видно далеко кругомъ и, между прочимъ, показалась вдали въ лощинѣ деревенька, то онъ остановилъ коня, и я слѣзъ съ саней. Въ той деревушкѣ онъ жилъ. Онъ соглашался укрыть меня съ тѣмъ условіемъ, чтобы я явился къ нему туда ночью, чтобы никто не видалъ, когда я буду къ нему идти. Онъ мнѣ разсказалъ, какъ можно было, не распрашивая, узнать его домъ, и уѣхалъ впередъ. Я остался одинъ.

Появленіе жандармовъ въ деревнѣ приводило меня къ убѣжденію, что за мною началась погоня; и съ этой стороны я не ошибался.

Вскорѣ послѣ моего ухода изъ иркутской пересыльной тюрьмы, какой-то арестантъ-жуликъ выдалъ о моей смѣнкѣ. Доносъ послѣдовалъ одновременно на Избицкаго, меня и Орлова, смѣнившагося тоже во время дороги къ Иркутску (онъ шелъ въ слѣдующей за нашей этапной партіи). Само собою разумѣется, что власти тотчасъ приняли мѣры къ задержанію насъ троихъ. Но Избицкій ушелъ съ мѣста посе-

ленія (Рыбинской волости) давнымъ давно, и его, конечно, не нашли. Павелъ Орловъ по оплошности остался въ той волости, гдѣ былъ выпущенъ, и его тамъ сразу арестовали. Что касается до меня, то телеграмма о задержаніи Павлова, т. е. меня, пришла въ Тельминскую волость послѣ того, какъ я успѣлъ уже уйти оттуда. За мною началась погоня, и теперь она быстро шла по моимъ слѣдамъ.

Что же я долженъ былъ еще предпринять съ своей стороны, чтобы укрыться отъ преслѣдованія? До сихъ поръ я дѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ: я давалъ ложныя указанія о моемъ направленіи, обходилъ деревни, останавливался на ночлеги по банямъ, гдѣ рѣдко кто меня видѣлъ, или же у лицъ завѣдомо принимавшихъ бродягъ—и всѣ эти мѣры оказались пустыми, недостигавшими результатовъ: жандармы шли по пятамъ. Теперь только я вполнѣ оцѣнилъ, что бѣгство въ Сибири совсѣмъ не исчерпывается уходомъ изъ тюрьмы, и что дальнѣйшіе шаги представляютъ часто несравнимо больше трудностей. А я еще такъ недавно думалъ, что задача моя уже разрѣшена! Правда, посѣщали мою голову мрачныя мысли; но появленіе ихъ я приписывалъ скорѣе своей чрезмѣрной подозрительности, чѣмъ дѣйствительному положенію дѣлъ. Теперь же оказывалось... Вотъ, она, дѣйствительность!.. Самыя мрачныя предположенія оказывались незначительными по сравненію съ нею! Что мнѣ, однако, оставалось дѣлать? Голова моя усиленно работала надъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Но я почти ничего не могъ придумать. Единственная надежда оставалась на того человѣка. Но если жандармы сумѣли прослѣдить меня на всемъ пути, то безъ всякаго сомнѣнія прослѣдятъ и здѣсь, въ этой деревушкѣ. Да, прослѣдятъ, если, конечно, хоть одинъ человѣкъ будетъ меня видѣть здѣсь. Я оглянулся. Съ правой стороны росли кусты; ни впереди, ни сзади по дорогѣ не было видно никого. Деревенька, гдѣ жилъ тотъ человѣкъ, скрылась съ

глазъ, такъ какъ я успѣлъ спуститься съ того возвышеннаго мѣста, откуда она была видна. «Дальше идти некуда; здѣсь надо ждать до вечера», подумалъ я. Но меня могли видѣть тамъ, когда я выходилъ изъ той деревни. И навѣрно видѣли. А если видѣли, то при опросѣ укажутъ жандармамъ по какой дорогѣ я пошелъ. Безвыходное положеніе!..

Однако, надо было спрятаться гдѣ-либо въ сторонѣ отъ дороги, чтобы можно было провести день незамѣченнымъ. Я опять осмотрѣлся: кругомъ ни души. Я рѣшилъ своротить въ кусты. Но если жандармамъ укажутъ эту дорогу, и они, проѣхавши до слѣдующей деревни, узнаютъ, что я тамъ не проходилъ, то, конечно, станутъ меня искать здѣсь по окрестности, увидятъ мои слѣды по снѣгу къ этимъ кустамъ и по слѣдамъ меня найдутъ. Теперь они находятся въ той деревнѣ, но въ эту минуту, можетъ быть, уже выѣзжаютъ оттуда и скоро будутъ здѣсь. Тогда мнѣ вспомнился пріемъ, о которомъ я когда-то читалъ; и вотъ, поворотившись спиною къ кустамъ, я двинулся задомъ къ нимъ, высоко поднимая ноги, чтобы яснѣе отпечатывались мои слѣды на снѣгу. Добравшись, такимъ способомъ, до кустовъ, я осмотрѣлся; въ нѣкоторомъ разстояніи я замѣтилъ бурятскіе лѣтники, т. е. деревянныя юрты, въ которыхъ бурята живутъ въ продолженіи лѣта (зимою онѣ пусты), и рѣшилъ провести день въ этихъ лѣтникахъ: тамъ я меньше всего рисковалъ быть замѣченнымъ кѣмъ либо. Тѣмъ же порядкомъ, т. е. задомъ, добрался я до лѣтниковъ и въ одномъ изъ нихъ скрылся.

Видѣлъ-ли кто, какъ заяцъ собирается залегать? Вотъ онъ скачетъ, насторожив чуткія уши; далеко откуда-то доносится лай собакъ, идущихъ по его слѣдамъ. Онъ дѣлаетъ петлю, затѣмъ громадный скачекъ въ сторону и ложится подъ кустомъ.

Такъ и я, подобно зайцу, прежде чѣмъ залечь, сдѣлалъ свою петлю.

Вспоминая теперь все это, невольно задаю я себѣ вопросъ: нужна-ли была эта петля? И неужели же въ самомъ дѣлѣ доходило до того, что надо было двигаться задомъ напередъ? Вспоминая это, мнѣ становится подчасъ даже смѣшно. Едва-ли жандармы доходили до этого мѣста, едва-ли видѣли мои слѣды. А если и доходили, и видѣли, то, конечно, не обратили на нихъ никакого вниманія. Правда, путь мой былъ ими прослѣженъ, и они шли вѣрно по моимъ слѣдамъ. Но, потерявши ихъ въ той деревнѣ, по всему вѣроятію, они оказались сбитыми съ толку и не знали даже навѣрно, гдѣ именно потеряли мои слѣды: здѣсь или раньше. А кто знаетъ, можетъ быть, и дальше, въ слѣдующихъ деревняхъ, они получили какія либо ложныя указанія, которыя еще болѣе сбили ихъ съ толку. Но въ эту минуту, само собою разумѣется, я не способенъ былъ такъ разсуждать и долженъ былъ предполагать худшее. Я напрягалъ всѣ свои способности и силы, чтобы избѣжать ареста. Если бы понадобилось тогда, въ ту стужу, переплыть рѣку, по которой шла шуга, то, пожалуй, я бросился бы переплывать рѣку, убѣгая отъ преслѣдованія. Таково было тогда мое душевное настроеніе.

Когда наступили сумерки, я вышелъ изъ своего убѣжища и направился въ деревню. Мнѣ удалось пройти до деревни и самой деревней, не встрѣтивъ ни одного человѣка. Въ указанномъ домикѣ я постучался въ дверь и былъ впущенъ внутрь.

Прежде всего я перемѣнилъ одежду, сбросивъ съ себя все арестантское; хотя строго говоря, въ ту минуту я даже мало нуждался въ одеждѣ: въ теченіе нѣсколькихъ дней я совершенно не выходилъ изъ комнатки, куда мнѣ тотъ человѣкъ даже ѣсть приносилъ. Потомъ, чтобы сгладить сколько нибудь арестанскій видъ своей физіономіи, я сталъ подбриваться, оставляя одну небольшую бородку, едва, впрочемъ, начинавшую чернѣть въ это время.

Побѣгъ мой вызвалъ повсюду облавы, день ото дня принимавшія болѣе широкіе размѣры, такъ что, наконецъ, тотъ человѣкъ, у котораго я скрывался, оробѣлъ. Я долженъ былъ искать убѣжища въ другомъ мѣстѣ. Мнѣ данъ былъ адресъ одного ссыльнаго поляка, жившаго верстахъ въ двадцати или тридцати оттуда, и я отправился къ нему. Переѣздъ свой я тоже совершилъ ночью, чтобы никто не видѣлъ. Помню, было около полуночи, когда я зашелъ къ нему. Я прямо назвалъ ему свою фамилію, сообщилъ, что недавно бѣжалъ изъ партіи, и что меня повсюду ищутъ, и въ заключеніи спросилъ его, можетъ ли онъ меня скрыть у себя?

Онъ согласился, и это меня спасло.

То обстоятельство, что я зналъ говорить по польски и могъ сойти за поляка, весьма помогло моему дальнѣйшему укрывательству среди ссыльныхъ поляковъ.

Мнѣ страшно жаль, что осторожность вынуждаетъ меня ограничиться здѣсь этими глухими и неполными указаніями на то, какъ происходило все дѣло. О самыхъ лучшихъ моихъ воспоминаніяхъ, именно о тѣхъ людяхъ, которые мнѣ помогли, и въ особенности объ этомъ одномъ, рискнувшемъ подвергнуть себя такой огромной отвѣтственности (за укрывательство бѣгло-каторжнаго виновный наказывается самъ каторжными работами), къ сожалѣнію я ничего не могу говорить. Итакъ, перехожу къ вопросамъ общаго характера, разъясненіе которыхъ не можетъ повредить никому.

Сибирь, особенно восточная, весьма слабо населена. Селенія тутъ находятся по рѣкамъ, да по казеннымъ трактамъ; остальное-же пространство въ большинствѣ случаевъ представляетъ собою глухую тайгу. Облава состоитъ въ слѣдующемъ: предписываютъ по волостямъ задерживать мимо проходящихъ подозрительныхъ личностей, и по всѣмъ дорогамъ начинаютъ останавливать бродягъ. Караулъ, состоящій изъ мѣстныхъ крестьянъ, ставится обыкновенно въ воротахъ паско-

тины (т. е. огороженнаго мѣста возлѣ деревни для выгона скота), обойти которыя далеко еще не значитъ избѣгнуть риска, такъ какъ въ деревнѣ всякій васъ можетъ остановить, разъ ваша личность показалась сколько нибудь сомнительной, а это можетъ случиться весьма легко, если вы не сибирякъ. Въ Восточной Сибири есть уроженцы Европейской Россіи, но это либо чиновники, либо поселенцы. Если иногда и заходитъ въ этотъ отдаленный край русскій рабочій, напримѣръ плотникъ, то держится онъ преимущественно городовъ и золотыхъ пріисковъ. Всякій же поселенецъ, проходящій въ моментъ облавы, считается человѣкомъ подозрительнымъ: его останавливаютъ, требуютъ паспортъ и арестуютъ, или же разспрашиваютъ его къ какой деревнѣ онъ приписанъ—и узнаютъ все. Отдѣлаться вымысломъ невозможно. Восточный сибирякъ, особенно иркутчанинъ,—комерсантъ и промышленникъ; на нѣсколько сотъ верстъ, по селамъ у него имѣются знакомые; онъ знаетъ по именамъ почти всякаго лавочника за тридевять земель; ваша ложь будетъ обнаружена немедленно. Для избѣжанія облавы остается, такимъ образомъ, одно средство: избѣгать вовсе деревень и идти тайгою. А послѣднее условіе, очевидно, невозможно, ибо голодъ принудитъ заходить въ деревни.

Между тѣмъ извѣстно, что бродяги въ огромномъ количествѣ шатаются по Сибири. Можно было бы подумать, что у нихъ есть свои особые, начальству неизвѣстные пути и дороги, по которымъ они избѣгаютъ преслѣдованій. Это предположеніе въ дѣйствительности оказывается совсѣмъ невѣрнымъ. Правда, есть у нихъ свои излюбленныя дороги, но эти дороги прекрасно извѣстны администраціи. Бродяжить по Сибири является возможнымъ потому, что на безпаспортныхъ власти тамъ глядятъ сквозь пальцы, видимо, раздѣляя на это явленіе взглядъ иркутскаго брантъ-майора, который говорилъ, что у нашего царя паскотина громадна, и выйти изъ нея все равно нѣтъ никакой возможности.

Но разъ въ какой нибудь мѣстности учреждается облава, тогда бродягъ начинаютъ хватать. Мнѣ извѣстно, напримѣръ, что попало ихъ очень много въ иркутскій тюремный замокъ во время поисковъ за мною. Среди нихъ находились охотники въ моментъ ареста называться моимъ именемъ. Обманъ, конечно, обнаруживался скоро, но это для нихъ было не важно; подобное самозванство приносило реальныя выгоды; въ Иркутскъ ихъ везли, а не гнали пѣшкомъ; лучше кормили во время пути; и, наконецъ, въ самой тюрьмѣ среди арестантовъ самозванство это дѣлало ихъ болѣе популярными и льстило ихъ тщеславію.

Сибирская облава страшна, такимъ образомъ, для самыхъ опытныхъ бродягъ. Послѣднее обстоятельство служитъ отчасти причиной того сравнительно мирнаго характера, которымъ отличается наше бродяжество. Всякое преступленіе — воровство, убійство и пр.,—совершенное въ извѣстной мѣстности, накликаетъ бѣду на всѣхъ бродягъ, проходящихъ въ этой мѣстности. Вотъ почему они сами нерѣдко преслѣдуютъ своихъ товарищей, которые по дорогѣ совершаютъ преступленія.

Облава, поднятая вслѣдствіе моего побѣга, продолжалась около полутора мѣсяца. Сначала пропесся слухъ, что гдѣ-то въ тайгѣ найденъ былъ трупъ, въ которомъ будто узнали меня. Затѣмъ получилось извѣстіе, будто бы меня поймали возлѣ Нижне-Удинска и вскорѣ будутъ препровождать въ Иркутскъ. Наконецъ, третьи говорили, что я перебрался за границу и нахожусь уже гдѣ-то въ Швейцаріи. Слухи эти только благопріятствовали мнѣ, такъ какъ они уменьшали энергію мѣстныхъ властей. Со дня на день поиски ослабѣвали и, наконецъ, прекратились совсѣмъ. Я рѣшилъ ѣхать въ Иркутскъ.

XXXI.

Мое положеніе въ Иркутскѣ.—Побѣгъ политическихъ изъ иркутскаго тюремнаго замка. — Путешествіе за Байкалъ.

Съ пріѣздомъ въ Иркутскъ я сразу очутился въ самомъ плачевномъ положеніи: мнѣ негдѣ было спать. Не имѣя паспорта, я не могъ оставаться ни въ гостинницѣ, куда заѣхалъ, ни нанять отдѣльной квартиры, и первые дни принужденъ былъ скитаться по городу. По цѣлымъ ночамъ слонялся я по биліарднымъ и трактирамъ, по разнаго рода ночнымъ притонамъ—лишь бы какъ нибудь убить время. Не говоря уже о томъ, что подобная жизнь сама по себѣ была непріятна, но она, кромѣ всего, обходилась слишкомъ дорого. Мои иркутскіе знакомые были люди легальные, осторожные, у которыхъ я не могъ воспользоваться ни ночлегами, ни паспортомъ; хотя денегъ, при ихъ помощи, я доставалъ столько, сколько мнѣ было нужно. Шатаніе это надоѣло мнѣ, наконецъ, до того, что я рѣшился попробовать нанять квартиру, не имѣя паспорта. Выглядѣвъ одинъ домикъ на краю города, хозяинъ котораго — крестьянинъ Иркутской губ.—сдавалъ подъ наемъ уголъ комнаты, въ которой жилъ самъ,—я нанялъ этотъ уголъ и поселился. Чтобы избѣгнуть вопроса о паспортѣ при наймѣ, я заявилъ хозяину, что проживу у него не болѣе двухъ недѣль, такъ какъ разсчитываю за это время покончить свои дѣла и уѣхать изъ города; назвался я ссыльнымъ полякомъ; сказалъ, что имѣю собственную лавочку въ одной деревнѣ, отстоявшей верстахъ въ трехъ стахъ отъ Иркутска, и что пріѣхалъ въ городъ на время по дѣламъ. Хозяинъ оказался довѣрчивый, добродушный человѣкъ, и, такимъ образомъ, мнѣ удалось устроиться нѣсколько прочнѣе въ Иркутскѣ. Я говорю «прочнѣе»... Прочность эта была ужъ слишкомъ относительная. Не долѣе какъ черезъ двѣ недѣли

я долженъ былъ съѣхать съ квартиры, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто уже покончилъ свои дѣла. Однако, чтобы имѣть возможность воспользоваться другой разъ этимъ самымъ угломъ, я сказалъ хозяину, что въ скоромъ времени предполагаю опять быть въ городѣ и что тогда, конечно, заѣду прямо къ нему.

Между тѣмъ я подыскалъ съ подобными же условіями другую квартиру въ противуположномъ концѣ города и переѣхалъ жить туда.

Такимъ то образомъ, имѣя двѣ квартиры въ разныхъ концахъ Иркутска, я ихъ мѣнялъ, живя поочередно то въ одной, то въ другой; причемъ приходилось въ оба глаза глядѣть, чтобы тогда, когда я жилъ въ одной квартирѣ, не встрѣтиться гдѣ-либо случайно на улицѣ съ хозяиномъ другой квартиры.

Въ Иркутскъ я пріѣхалъ передъ самыми рождественскими праздниками, и очень скоро у меня явилась возможность войти въ сношенія съ политическими, сидѣвшими въ иркутскомъ тюремномъ замкѣ. Въ это время они задумали совершить побѣгъ черезъ подкопъ, выводившій изъ тюрьмы во дворъ тюремнаго смотрителя (на сколько помнится, въ смотрительскій погребъ); подкопъ этотъ сдѣланъ былъ уголовными арестантами значительно раньше, но почему-то арестанты не воспользовались имъ и передали свой секреть политическимъ. Время для побѣга выбрано было крайне неудобное. Зима была въ самомъ разгарѣ. Морозы были до того сильные, что то и дѣло «выходило изъ градусовъ», какъ выражались сибиряки, т. е. ртуть замерзала, и ртутный термометръ не могъ показывать градусовъ. Приготовить конспиративную картиру, гдѣ бы могли укрыться послѣ побѣга изъ тюрьмы, не было возможности. Самъ я жилъ, какъ только что разсказалъ выше, при крайне рискованныхъ условіяхъ. Если бы дѣло происходило лѣтомъ, можно было бы устроить притонъ гдѣ либо въ окрестностяхъ Иркутска, поросшихъ курстарникомъ, переходившимъ немного

дальше отъ города въ лѣсъ; но зимою объ этомъ нечого было и думать.

О всѣхъ этихъ обстоятельствахъ и соображеніяхъ я сообщилъ въ тюрьму, и послѣ обсужденія мы остановились на слѣдующемъ планѣ: бѣглецы должны были отправиться по рѣкѣ Иркуту (впадающему въ р. Ангару противъ самого Иркутска) до границы Монголіи и тамъ въ извѣстномъ мѣстѣ укрыться. Имъ надо было пройти верстъ около четырехъ сотъ. Я долженъ былъ заготовить сухарей, сала, чаю и сахару въ такомъ количествѣ, чтобы имъ не приходилось заходить въ деревни за покупками. На половинѣ пути предполагалось снабдить ихъ новыми припасами, которыхъ могло бы хватить до конца путешествія. Бѣжать думало пять человѣкъ. Припасовъ надо было закупить въ довольно значительномъ количествѣ и вынести имъ на встрѣчу, когда они выйдутъ изъ тюрьмы, вслѣдствіе чего являлась необходимость пріобрѣсти коня и сани, такъ какъ вынести все это на плечахъ было невозможно.

Я пріобрѣлъ коня, закупилъ съѣстные припасы, досталъ два ружья на всякій случай. Закупки эти я дѣлалъ, живя на квартирѣ, или вѣрнѣе занимая уголъ, гдѣ постоянно присутствовалъ хозяинъ и другія постороннія лица. Трудно перечислить ту бездну мелкихъ неудобствъ, на которыя приходилось наталкиваться всякую минуту. Такъ, напримѣръ, являлся вопросъ: гдѣ держать закупки,—вносить ихъ къ себѣ въ комнату было невозможно. Я не могъ придумать правдоподобнаго объясненія,—зачѣмъ мнѣ все это было нужно; а передавши бѣглецамъ, я потомъ не могъ бы дать объясненія хозяину,—куда все это дѣвалъ. Побѣгъ изъ тюрьмы неминуемо долженъ былъ вызвать поиски по городу, и слѣдовательно надо было ожидать, что объ этомъ побѣгѣ заговорятъ всюду, а значитъ, и въ домикѣ моего хозяина. Надо было вести дѣло такъ, чтобы не возбуждать подозрѣнія. И это было

очень трудно достигнуть. Я принужденъ былъ держать мои закупки въ саняхъ, прикрывая ихъ сѣномъ. Между тѣмъ побѣгъ изъ тюрьмы раза два былъ отложенъ, такъ что я напрасно выѣзжалъ ночью и потомъ возвращался назадъ. Всякую минуту кому нибудь изъ жильцовъ домика, гдѣ я жилъ, могла придти охота пощупать мои сани, стоявшіе во дворѣ подъ навѣсомъ, и само собою разумѣется, что одно присутствіе ружей, зарытыхъ въ сѣно, сразу возбудило бы подозрѣніе противъ меня.

Но вотъ получено было, наконецъ, извѣстіе изъ тюрьмы, что побѣгъ совершится непремѣнно въ такую то ночь (къ сожалѣнію не помню числа, помню только, что это было въ февралѣ мѣсяцѣ). Я запрегъ коня и поѣхалъ на встрѣчу. Мѣсто, гдѣ я долженъ былъ ихъ ожидать, было точно опредѣлено: это было на Ушаковкѣ, возлѣ моста.

Былъ часъ 10-й или 11-й ночи; тихо ѣхалъ я по льду рѣки Ушаковки, вдоль деревяннаго моста, тянувшагося съ правой стороны высоко надъ головою, когда увидѣлъ группу въ нѣсколько человѣкъ, спускавшуюся къ рѣкѣ съ противуположнаго берега. Не смотря на то, что я подъѣхалъ къ нимъ совсѣмъ близко, нѣкоторое время я не могъ никого узнать. Сбивало меня то обстоятельство, что я замѣтилъ среди нихъ женщину, а мнѣ было извѣстно, что никакая женщина не должна было бѣжать. Всмотрѣвшись внимательно, я узналъ, однако, Попко, одѣтаго чиновникомъ въ фуражкѣ съ кокардою. Онъ велъ подъ руку женщину, которая потомъ оказалась ни кѣмъ инымъ, какъ переодѣтымъ въ юбку Романомъ или, какъ его называли «неизвѣстнымъ раненнымъ въ голову». На сколько теперь помнится, бѣжавшихъ было пять человѣкъ: Попко, Волошенко, Романъ, Березнюкъ и, кажется, Фомичевъ. Тотчасъ они насѣли ко мнѣ въ сани, и я, поворотивъ коня, погналъ его къ Ангарѣ. Мы переѣхали Ангару дорогою, прорубленною въ льдинахъ, навороченныхъ сторчакомъ одна надъ

другою, къ устью рѣки Иркута. По лѣвую руку поднимались горы; по правую тянулись плоскіе луга и отмели. Все кругомъ было укутано льдомъ и снѣгомъ, и только одинъ лѣсъ чернѣлъ, торчавшій щетиной по склонамъ горъ. Здѣсь, въ устьѣ Иркута, я остановился. Они слѣзли съ саней. Я передалъ имъ запасы, распредѣленные по мѣшкамъ и деньги, которыя мнѣ удалось для нихъ припасти. Мы простились, и они побрѣли вверхъ по Иркуту, а я поѣхалъ обратно въ городъ.

Тюремное начальство не скоро узнало о побѣгѣ, и такъ какъ подкопъ оставался не открытымъ, то на слѣдующую ночь явились еще желающіе бѣжать; между ними были Позенъ и Калюжный. Но если на побѣгъ пяти человѣкъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на ошибку, то дополнительное бѣгство, совершенное на другую ночь, было уже совсѣмъ необдуманнымъ поступкомъ. Послѣднихъ никто не встрѣтилъ, не снабдилъ ихъ припасами, и само собою разумѣется, они вынуждены были заходить въ деревни, чтобы покупать ѣду. На сколько мнѣ извѣстно, Позенъ и Калюжный были арестованы въ одной изъ близь лежащихъ къ Иркутску деревень, раньше даже, чѣмъ въ самомъ Иркутскѣ узнали о ихъ побѣгѣ. Разсказывали, что ихъ арестовали потому, что они возбудили у крестьянъ подозрѣніе своимъ видомъ.

Что касается до другихъ, то и они всѣ были переловлены, но въ различное время; такъ Волошенко, если не ошибаюсь, пойманъ былъ уже почти мѣсяцъ спустя.

Вдумываясь въ причины неудачи этого побѣга, я долженъ сказать, что та причина, на которую указываетъ Стеблинъ-Каменскій въ своей біографіи Попко («хроническій голодъ»), подыскана имъ совсѣмъ неудачно. Страдали ли бы хроническимъ голодомъ политическіе заключенные или нѣтъ (а я, напримѣръ, думаю, что о «хронической голодовкѣ» въ дорогѣ до Иркутска не могло быть и рѣчи: мы имѣли болѣе или менѣе всегда въ достаточномъ количествѣ припасовъ),—такъ,

повторяю, голодали ли бы мы или нѣтъ,—мы все равно не были способны къ такимъ предпріятіямъ, какъ побѣгъ въ Сибири, да еще зимою. Для этого нужна была прежде всего физическая сила и выносливость. А среди насъ большинство лицъ обладало сравнительно слабыми организмами по самой природѣ (вовсе не отъ голодовокъ). Когда надо было прыгать съ крыши полу-этапнаго зданія—ни одинъ изъ насъ не рѣшился сдѣлать этого скачка. Между тѣмъ уголовный Петровъ спрыгнулъ и бѣжалъ. Я былъ сравнительно хорошій ходокъ: проходилъ сороковерстныя разстоянія безъ отдыха, могъ поднимать десятипудовыя тяжести, но соскочить съ двухъ-саженной высоты на мерзлую землю, да еще ночью, когда глазъ плохо видѣлъ, тоже не осмѣлился, не будучи увѣренъ въ своей силѣ и ловкости. Для того, чтобы пускаться зимою въ странствованія по Сибири, нужно обладать сильнымъ организмомъ, чего, къ сожалѣнію, не доставало громадному большинству политическихъ.

Ошибка состояла въ томъ, что бѣжала цѣлая компанія, тогда какъ надо было, чтобы бѣжалъ всего одинъ или много два человѣка. Чѣмъ больше людей бѣжитъ, тѣмъ меньше шансовъ на успѣхъ, такъ какъ неумѣлость и неловкость одного всегда фатальнымъ образомъ отражается на участи всѣхъ.

Въ этомъ родѣ, помню, я высказывалъ мнѣніе и тогда, когда писалъ имъ въ тюрьму, еще передъ побѣгомъ. Если бы бѣжалъ одинъ человѣкъ, совсѣмъ не понадобилось бы никакихъ адресовъ въ Монголіи, а можно было бы попытаться (какъ это не трудно было, впрочемъ) скрыть его въ самомъ Иркутскѣ. Съ своей стороны, я, можетъ быть, тоже сдѣлалъ ошибку, когда ихъ встрѣтилъ на рѣкѣ, что не предложилъ тогда одному изъ нихъ остаться со мною. Правда, трудно было дѣлать выборъ; да и кто рѣшился бы его дѣлать въ ту минуту? Но, повторяю, одного всегда возможно было спрятать въ Иркутскѣ. Первые дни ему довелось бы, вѣроятно, тоже

скитаться по ночнымъ притонамъ; но потомъ, когда я переѣзжалъ, я могъ явиться на другую квартиру уже вмѣстѣ съ нимъ.

Хотя я долженъ сказать, что и мнѣ одному въ это время приходилось очень жутко, и я едва держался въ Иркутскѣ. Когда побѣгъ былъ открытъ, по городу начались поиски. Полицейскіе обходили дома и осматривали. Я принужденъ былъ съѣхать съ той квартиры, гдѣ жилъ, на другую. Но и на другой квартирѣ мое положеніе не улучшилось, такъ какъ полиція послѣ побѣга усилила требованіе отъ домохозяевъ относительно прописки паспортовъ, и мой хозяинъ сталъ меня тревожить. День ото дня становилось хуже, и я вынужденъ былъ, наконецъ, прибѣгнуть къ крайне рискованному средству.

Раньше какъ-то я упоминалъ о моихъ иркутскихъ знакомыхъ. Всѣ они боялись меня. Боязнь эта доходила до того, что нѣкоторые изъ нихъ наотрѣзъ отказались встрѣчаться со мною. Они знали, что я былъ бѣглый, и для нихъ всѣхъ (за исключеніемъ только одного, державшагося по отношенію ко мнѣ по товарищески) я представлялъ собою человѣка зачумленнаго, приближаться къ которому никто изъ нихъ не рѣшался.

Выяснивши для себя въ очень скоромъ времени по пріѣздѣ въ Иркутскъ характеръ этихъ отношеній и сьое положеніе, я понялъ, что мнѣ ничего другого не оставалось, какъ позаботиться о пріобрѣтеніи другихъ знакомствъ и связей, разъ я думалъ оставаться тамъ жить. И вотъ я сталъ розыскивать новыхъ людей, знакомиться, но уже, конечно, скрывая отъ нихъ то, что я бѣглый и входить съ ними въ болѣе или менѣе интимныя отношенія. Къ сожалѣнію, при этомъ я оказался мало осмотрительнымъ въ выборѣ людей, такъ какъ очень торопился.

При такихъ-то обстоятельствахъ познакомился я съ однимъ

тобольскимъ мѣщаниномъ, нѣкимъ Абросимовымъ, раньше занимавшимся какою-то торговлей, но прогорѣвшимъ и теперь проживавшимъ въ Иркутскѣ безъ дѣла. Это былъ довольно неглупый и бойкій на слова человѣкъ; въ своей молодости онъ гдѣ-то сталкивался—чуть-ли не въ самомъ городѣ Тобольскѣ—съ кѣмъ-то изъ декабристовъ, и знакомство это оставило на немъ нѣкоторые слѣды. Онъ сочувствовалъ антиправительственнымъ идеямъ. Имѣя ввиду поѣздку за Байкалъ, гдѣ я предполагалъ заняться организаціей помощи для побѣга изъ Карійскихъ рудниковъ, я находилъ полезнымъ сойтись съ какимъ либо мѣстнымъ человѣкомъ (сибирякомъ), съ которымъ могъ бы тамъ устроить какое нибудь небольшое торговое или промышленное предпріятіе, которое могло бы дать мнѣ тамъ опредѣленное положеніе. Мнѣ показался Абросимовъ годнымъ для этой цѣли, и я сталъ съ нимъ сближаться и мало по малу сталъ съ нимъ заговаривать объ этомъ. Скоро мы сошлись, повидимому, довольно близко. Не сообщая ему того, что самъ я бѣглый, я ему сказалъ, что пріѣхалъ въ Сибирь нарочно для того, чтобы помогать политическимъ ссыльнымъ въ побѣгахъ, и онъ очень сочувственно отнесся къ этому дѣлу.

Какъ разъ въ этотъ періодъ нашего знакомства произошелъ вышеописанный побѣгъ изъ иркутской тюрьмы, и когда мое положеніе сдѣлалось критическимъ, и мнѣ некуда было дѣваться, Абросимовъ нанялъ квартиру въ предмѣстьѣ Ушаковкѣ и предложилъ мнѣ поселиться съ нимъ. Конечно, я принялъ предложеніе, и мы зажили вмѣстѣ. Весною мы думали отправиться въ Нерчинскій округъ Забайкальской области, гдѣ предполагали устроить дроболитейную мастерскую (онъ былъ знакомъ съ дроболитейнымъ дѣломъ), которая дала бы намъ средства къ жизни, и въ частности послужила бы ширмою для главной задачи. Такъ мы съ нимъ проживали и приготовлялись къ нашимъ будущимъ предпріятіямъ, ожидая только наступленія весны, чтобы отправиться за Байкалъ.

Помню, однажды Абросимовъ предложилъ мнѣ заняться скупкою скота; буряты подогнали къ Иркутску скотъ; мы могли его скупить и, по его мнѣнію, заработать на этомъ предпріятіи, которое не должно было отнять у насъ больше одного или полтора мѣсяца (купленный скотъ предполагалось по частямъ продать мясникамъ). Хотя въ мои планы вовсе не входило заниматься комерческими предпріятіями въ Иркутскѣ, однако, не желая ему отказать, я согласился. Тотчасъ онъ сторговался съ бурятами и, закупивши воловъ и коровъ рублей на четыреста (которые я ему далъ), перегналъ ихъ на другую сторону рѣки Ангары, гдѣ луга только что обнажились отъ снѣга, и открылось пастбище. Дѣло происходило, насколько припоминаю, въ концѣ мѣсяца марта.

Уже во время самаго торга, который онъ совершалъ въ моемъ присутствіи съ какою-то необъяснимою торопливостью, точно боялся, что у него кто-нибудь перебьетъ, у меня зародилось сомнѣніе. Подозрѣнія мои оправдались скорѣе даже, чѣмъ я ожидалъ: ночью того же дня, когда операція была окончена, Абросимовъ сбѣжалъ съ квартиры, оставивъ свои вещи, состоявшія, впрочемъ, изъ дрянного чемоданишка, наполненнаго всякимъ хламомъ. Ожидая, сверхъ того, и доноса съ его стороны, такъ какъ сдѣлать его было ему выгодно, и такъ какъ, послѣ всего, я имѣлъ основаніе ждать этого доноса,—я вынужденъ былъ, съ своей стороны, тоже немедленно бѣжать съ квартиры. И я бѣжалъ къ одному мѣщанину, съ которымъ даже не былъ близко знакомъ. Выбора не было; приходилось спасаться. Переселяясь къ мѣщанину, я долженъ былъ его посвятить въ свои дѣла и разсказать ему о моихъ сношеніяхъ съ Абросимовымъ. Одинъ ошибочный поступокъ фатальнымъ образомъ влекъ за собой другой подобный же. По счастью, однако, человѣкъ къ которому я перебрался, оказался несравнимо честнѣе Абросимова.

Всякую минуту ждалъ я прихода полиціи на квартиру.

которую мы занимали съ Абросимовымъ. Но прошелъ день, другой—все оставалось тихо. Наконецъ, явилась жена Абросимова. Нужно сказать, что Абросимовъ былъ съ нею въ ссорѣ; но ради этого случая, видно, помирился и, чтобы самому не являться, прислалъ ее для разсчета съ домохозяиномъ за квартиру. Впрочемъ, не стану описывать всѣхъ подробностей этого дѣла, такъ какъ это было бы и утомительно, и мало интересно. Упомяну лишь о свиданіи, которое я имѣлъ съ женою Абросимова. Помню, мы сошлись на улицѣ. Она мнѣ заявила, что мужъ ея «честный человѣкъ» и противъ меня «ничего дурного не замышляетъ»: что, конечно, въ денежныхъ дѣлахъ онъ замотался, и поэтому мнѣ надо навсегда распрощаться съ тѣми четырьмястами рублями, что были имъ взяты на покупку скота; но что онъ все-таки не пойдетъ доносить на меня въ полицію, чтобы я былъ спокоенъ съ этой стороны и т. д.

Такъ кончились мои сношенія съ Абросимовымъ, явившимся сначала моимъ укрывателемъ, а потомъ обокравшимъ меня.

Я счелъ нужнымъ разсказать этотъ эпизодъ съ Абросимовымъ, такъ какъ онъ можетъ служить хорошей иллюстраціей моего положенія въ Иркутскѣ послѣ побѣга.

Но вотъ наступила весна, и я собрался ѣхать за Байкалъ. Путешествіе это я рѣшилъ совершить на своемъ конѣ, чтобы свободнѣе располагать временемъ въ дорогѣ и останавливаться тамъ, гдѣ захочу и найду интереснымъ.

Въ маѣ я выѣхалъ изъ Иркутска въ телѣгѣ, запряженной однимъ конемъ. Поклажи было мало: перемѣны три бѣлья, барнаульскій овчинный тулупъ, да разныя мелочи, какъ-то: желѣзный котелокъ, топоръ и пр. Былъ у меня, кромѣ того, большой запасъ пороху, пуль и другихъ огнестрѣльныхъ принадлежностей, такъ какъ я имѣлъ съ собою револьверъ и малопульную винтовку.

Въ одинъ день совершилъ я переѣздъ изъ Иркутска до

селенія Лиственничнаго, расположеннаго на берегу Байкала, недалеко отъ такъ называемыхъ «Ангарскихъ воротъ», т. е. того мѣста, гдѣ рѣка Ангара вытекаетъ изъ Байкала. Дорога все время шла правымъ берегомъ Ангары, у подножья лѣсистыхъ горъ. Глубокая рѣка быстро несла къ сѣверу свою прозрачно-зеленую, холодную воду. А вода въ Ангарѣ до того холодна, что, купаясь въ ней, съ трудомъ можно было выдержать нѣсколько минутъ.

Пріѣхавъ въ Лиственничное, я сѣлъ на пароходъ (нагрузивши своего коня съ телѣгой на палубу) и поплылъ на южный берегъ Байкала, къ станціи Мышихинской.

Только когда пароходъ отчалилъ, я замѣтилъ, что съ этимъ же пароходомъ ѣхала старуха Армфельдъ, мать Наталіи Армфельдъ, сосланной въ каторгу по нашему процессу.

Съ старухою я познакомился еще, когда сидѣлъ въ кіевской тюрьмѣ, куда она являлась на свиданіе съ дочерью. Само собою разумѣется, это было уже послѣ суда, когда свиданія легко разрѣшались. Потомъ я встрѣчался съ нею въ Иркутскѣ. Теперь она ѣхала на Кару, чтобы поселиться и прожить нѣкоторое время вблизи дочери, содержавшейся въ одной изъ карійскихъ тюремъ.

Изъ осторожности, такъ какъ за нею могли слѣдить, мы не показывали вида, что мы знакомы, хотя она не выдерживала роли и всякій разъ привѣтливо мнѣ улыбалась, когда, стоя на палубѣ, ея добрые каріе глаза встрѣчались съ моимъ взглядомъ.

Годъ спустя, когда я уѣхалъ изъ Сибири, мнѣ пришлось еще встрѣчаться съ нею: она тогда жила въ Москвѣ. Я часто посѣщалъ ее; она всегда съ такой радостью встрѣчала меня и нисколько не боялась принимать у себя, хотя это было во время цареубійства, когда своры шпіоновъ повсюду рыскали, розыскивая скрывавшихся революціонеровъ.

Прошло послѣ того еще нѣсколько лѣтъ, и Наталья Арм-

фельдъ умерла на Карѣ. Умерла и старуха въ Москвѣ. И, можетъ быть, другой кто-нибудь сочтетъ это незначительнымъ фактомъ, но мнѣ всякій разъ становится грустно, когда я вспоминаю, что мать и дочь, когда-то столь сильно любившія другъ друга, теперь покоятся въ разныхъ частяхъ свѣта. Мнѣ становится грустно, когда я представляю себѣ эти двѣ могилы: одну—на распланированномъ московскомъ кладбищѣ, съ очищенными дорожками и подстриженными деревьями,—другую—тысячъ шесть верстъ разстоянія оттуда, на дикой рѣчкѣ Карѣ, среди горъ, поросшихъ лиственницами.

Однако все это случилось значительно позже. Тогда же, когда мы переѣзжали Байкалъ, всѣ были еще живы и, по обыкновенію людскому, полны надеждъ.

Когда пароходъ причалилъ къ Мышихѣ, и мы высадились на берегъ, старуха, простившись со мною, поѣхала впередъ въ своемъ тарантасѣ, запряженномъ почтовыми лошадьми; я на своемъ конѣ двинулся ей вслѣдъ по той же дорогѣ.

Помню, тою весною въ Иркутскѣ воздухъ былъ какой-то мутный. Говорили, что это происходило отъ дыма, что гдѣ-то на сѣверѣ отъ Иркутска горѣли торфяныя болота на большомъ пространствѣ. Районъ этого мутнаго воздуха, затемнявшаго по временамъ даже солнце, обнималъ огромное пространство: я его чувствовалъ до самого Листвениничнаго.

Здѣсь, за Байкаломъ, воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, какъ только могъ быть прозраченъ въ горномъ мѣстѣ. Деревья и трава казались зеленѣе, скалы рѣзче вычерчивались. Было тепло и тихо. Байкалъ стлался передо мною, блестя на солнцѣ, какъ зеркало. На противуположномъ, сѣверномъ, берегу (откуда мы пріѣхали), отстоявшемъ на нѣсколько десятковъ верстъ, синѣли горы, вырисовываясь на горизонтѣ ломанной линіей; вправо, къ Варгузину, вода сливалась съ небомъ. И было такъ ясно видно все, что глазъ мой, казалось, улавливалъ самую выпуклость безконечной водной поверхности.

Почтовая дорога шла берегомъ у подножія высокихъ горъ, поросшихъ дремучимъ лѣсомъ. Мѣстами озеро скрывалось съ глазъ; мѣстами же изъ-за темныхъ деревъ оно сверкало точно серебряное. Круто и обрывисто спускался каменистый берегъ къ водѣ. По лѣсу, въ сторонѣ отъ дороги, валялись старыя деревья, съ вывороченными вѣтромъ корнями. Глубокіе мхи, въ которыхъ нога тонула до колѣна, кочками покрывали влажную лѣсную почву. Все было здѣсь дико.

Помню, ѣдучи дорогой, мнѣ удалось застрѣлить птицу, оказавшуюся, по моему опредѣленію, даурской галкой, на сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчающейся въ Иркутской губ. Такимъ образомъ, Байкалъ является границей нѣсколько другой фауны.

XXXII.

Случай въ «Онинскомъ Бору».

Мое путешествіе по Забайкалью продолжалось почти мѣсяцъ, и описывать его шагъ за шагомъ не нахожу возможнымъ. Ѣхалъ я медленно, такъ какъ мнѣ никуда не надо было торопиться; цѣлыми часами иногда охотился остановившись гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ возлѣ рѣки или озера. Дорога сначала шла вдоль южнаго берега Байкала; потомъ поворачивала къ югу по рѣкѣ Селенгѣ; этотъ путь продолжался нѣсколько дней. Наконецъ, переправившись черезъ Селенгу возлѣ г. Верхне-Удинска, я поѣхалъ на востокъ по Читинскому тракту, пролегающему по такъ называемой «Братской Степи», расположенной по обѣимъ сторонамъ рѣки Уды, притоку Селенги.

Братская степь тянулась полосою, ограниченной съ сѣвера и юга хребтами горъ, которыя то приближались къ рѣкѣ и суживали степь, то удалялись на какой нибудь десятокъ верстъ, и тогда передо мною раскидывалась широкая зеленая

площадь, мѣстами поражавшая глазъ своею совершенно ровной поверхностью: ни одного холмика на всемъ пространствѣ! Горы, ограничивающія степь, такъ круго и сразу поднимались, словно наложены были на нее сверху. Вершины были покрыты лѣсомъ; но ихъ подножья, подобно тому, какъ и сама равнина, носили вполнѣ степной характеръ. Помню, цвѣтовъ было такое множество по степи, и воздухъ былъ до того прозраченъ, что мой глазъ далеко различалъ ихъ среди травы.

Мирно и благополучно проѣзжалъ я селенія, попадавшіяся по пути. Ночевалъ чаще всего въ степи, своротивъ съ тракта на нѣкоторое разстояніе. Привяжу, бывало, коня на длинной веревкѣ къ телѣгѣ, чтобы онъ могъ пастись, а самъ лягу подъ телѣгою и сплю. Мнѣ больше нравились эти ночлеги въ степи, чѣмъ по селамъ, гдѣ не обходилось безъ распросовъ: кто я? куда ѣду? по какимъ дѣламъ? и пр. И хотя я имѣлъ паспортъ, и у меня были заранѣе приготовлены отвѣты (я говорилъ, что ѣду на пріиска на службу), но все таки мнѣ были очень непріятны эти разспросы, и я избѣгалъ ихъ при всякой возможности.

Помню, дѣло было къ вечеру. Моя лошадь устала и тихо плелась по дорогѣ. Впереди верстахъ въ трехъ виденъ былъ «Онинскій Боръ», небольшая деревушка, раскинувшаяся по долинѣ, прилегавшей къ рѣкѣ. Деревня эта находилась уже верстахъ въ полутораста отъ Верхне-Удинска. Тотчасъ за деревней горы подходили къ самой рѣкѣ; здѣсь степь заканчивалась, и сосновый лѣсъ или боръ, широкой полосой покрывалъ оба берега Уды, почему, очевидно, и сама деревушка получила свое названіе Онинскаго Бора.

Съ лѣвой стороны дороги я увидѣлъ нѣсколько человѣкъ бурятъ, ѣхавшихъ верхомъ по степи. Они пересѣкли мнѣ дорогу. Двое мужчинъ и три женщины, сидѣвшія въ сѣдлахъ по мужски, проскакали степью куда-то вправо. Посмотрѣвъ

имъ вслѣдъ, я замѣтилъ по рѣкѣ Удѣ—ниже Онинскаго Бора—другое селеніе: церковный крестъ блестѣлъ оттуда, какъ звѣздочка, отъ лучей заходившаго солнца. По картѣ, которую я имѣлъ съ собою, я узналъ, что это была такъ называемая Хоринская Степная Дума, мѣстный административный центръ.

Но вотъ я въѣхалъ въ деревню. Мой конь былъ сильно уставши, и мнѣ хотѣлось покормить его овсомъ; однако, встрѣтивши на улицѣ возлѣ почтовой станціи двухъ бурятъ и получивши отъ нихъ отрицательный отвѣтъ, что овса они для продажи не имѣютъ, я рѣшилъ проѣхать деревню, не останавливаясь. Почтовый трактъ только касался этой деревни, которая вся оставалась въ сторонѣ—правѣе,—а потому черезъ нѣсколько минутъ я уже выѣхалъ за деревню и медленно двигался на гору, къ лѣсу...

— «Стой!.. Стой, другъ!»... вдругъ услыхалъ я сзади себя крикъ. Я поворотился и увидѣлъ тѣхъ же двухъ бурятъ, бѣжавшихъ за мною по дорогѣ.

— «Заворачивай!.: Овесъ есть...» запыхавшись проговорилъ одинъ изъ нихъ, догоняя и хватаясь рукою сзади за мою телѣгу.

Я остановился. Маневръ былъ слишкомъ грубый: чтобы не возбудить во мнѣ подозрѣнія. Однако я не показалъ вида и, поворотивъ коня, тихо поѣхалъ по направленію къ деревнѣ, вслѣдъ за бурятами, шедшими впереди. Въѣхавши въ деревню, возлѣ почтовой станціи, гдѣ раньше никого не было, я увидѣлъ теперь цѣлую кучу людей. Одни стояли, другіе сидѣли на землѣ по монгольски, поджавши подъ себя ноги. Все это были буряты. Когда я къ нимъ подъѣхалъ, они оживленно бесѣдовали между собою на бурятскомъ языкѣ. Языка этого я не понималъ, но тотчасъ почувствовалъ, что у нихъ рѣчь шла обо мнѣ. Я весь насторожился.

— «Что-же, у кого можно купить овса?» спросилъ я,

стараясь казаться спокойнымъ, точно я и не предполагалъ ни у кого изъ нихъ никакихъ заднихъ мыслей.

— «Овесъ то мы найдемъ... А скажи, куда ты ѣдешь?» послышался голосъ изъ толпы.

Чисто русское произношеніе, какимъ были сказаны эти слова, заставили меня догадаться, что я имѣю дѣло не съ одними бурятами. Я внимательно осмотрѣлъ присутствовавшихъ и вскорѣ замѣтилъ среди сидѣвшихъ монголовъ одного русскаго, тоже сидѣвшаго по монгольски на землѣ. Бѣлое лицо, окаймленное остроконечной русой бородкой, и правильный, прямой носъ, по сторонамъ котораго свѣтилась пара черныхъ, умныхъ глазъ,—таковъ былъ видъ человѣка, обратившагося ко мнѣ съ вопросомъ. Ему можно было бы дать не болѣе тридцати пяти лѣтъ, если бы не было лысины, виднѣвшейся на его непокрытой головѣ: лысина его очень старила.

— «На пріиска ѣду», отвѣчалъ я.

— «Откуда?»

— «Изъ Иркутска.»

— «А на какіе пріиска?»

— «Въ Албазинъ.»

— «Дале-екій-же путь!».. протянулъ сибирякъ. «И что же, всю дорогу вотъ этакъ одинъ и ѣдешь?» съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— «Какъ видишь,» отвѣчалъ я.

Тутъ я почувствовалъ, что одно это обстоятельство должно было вызвать у него подозрѣніе; отъ Иркутска до Албазинскихъ пріисковъ, находящихся на Амурѣ, тысячи полторы верстъ. Пускаться безбоязненно въ такое длинное путешествіе одному—это было дурнымъ признакомъ. По народной логикѣ,—кто не боится, того самого надо бояться.

— «А паспортъ у тебя есть?» спросилъ онъ.

— «Есть.»

— «Покажи».

Я вынулъ паспортъ и передалъ ему; онъ его развернулъ и принялся читать.

Наблюдая за бурятами, разговаривавшими въ это время между собою, я замѣтилъ, что они указывали пальцами на меня и на свои голые подбородки, и это заставило меня предположить, что розыскивали какого то человѣка съ бородою и, какъ видно, во мнѣ признавали того, кого искали. Но тутъ вдругъ у меня мелькнула мысль, что, можетъ быть, по доносу Абросимова, именно меня и розыскивали, и послѣднее предположеніе ужасно меня встревожило.

— «Ну, заворачивай, подночуешь», проговорилъ между тѣмъ сибирякъ, оканчивая просмотръ моего паспорта (хотя не возвращая его мнѣ) и поднимаясь съ земли. «Время позднее; трактъ здѣсь идетъ лѣсомъ... Куда теперь поѣдешь?» добавилъ онъ и направился вдоль улицы.

Это приглашеніе ночевать всего болѣе смахивало на домашній арестъ, однако ничего не оставалось дѣлать, какъ только покориться, и я, молча, поѣхалъ вслѣдъ за нимъ. Толпа бурятъ насъ сопровождала, продолжая оживленно бесѣдовать о чемъ-то.

Четвертая или пятая изба отъ почтовой станціи оказалась избою сибиряка. Онъ отворилъ ворота, и я въѣхалъ во дворъ.

Осмотрѣвшись, я тотчасъ замѣтилъ, что мой хозяинъ принадлежитъ къ зажиточнымъ людямъ. Справа и слѣва стояло по избѣ; тутъ же, сбоку, былъ новенькій амбаръ; немного дальше—еще какія то хозяйственныя постройки, а сзади всего виднѣлся огромный скотный дворъ, упиравшій въ долину, поросшую осокою.

— «Выпрягай коня и заходи въ горницу», сказалъ сибирякъ. Потомъ тутъ-же обратился къ молодому буряту и заговорилъ съ нимъ по бурятски. По тону голоса я заключилъ, что давалось какое то приказаніе. Молодой бурятъ по-

спѣшно ушелъ со двора. Мнѣ показалось, что онъ его посылалъ за кѣмъ-то.

Выпрягши коня и привязавъ его къ телѣгѣ, я вошелъ въ избу. Горница оказалась чистенькая съ деревянной мебелью, какая вообще попадается у крестьянъ сибиряковъ. Хозяинъ пригласилъ меня садиться.

Только теперь, садясь на скамью, я замѣтилъ сидѣвшаго въ сторонѣ военнаго и, по формѣ, узналъ въ немъ унтеръ-офицера этапной команды. Когда и какъ онъ сюда явился — я не замѣтилъ, но мнѣ отъ этого открытія сдѣлалось еще болѣе не по себѣ.

Въ Онинскомъ Бору, какъ потомъ я узналъ, была этапная тюрьма, и партія какъ разъ въ этотъ день прибыла на ночлегъ.

— «Такъ ты, говоришь, теперь изъ Иркутска?» обратился ко мнѣ съ вопросомъ хозяинъ.

— «Прямо изъ Иркутска», отвѣтилъ я.

— «Почемъ тамъ хлѣбъ?»

«Допросъ», мелькнуло у меня въ головѣ. Но объ иркутскихъ цѣнахъ я имѣлъ представленіе и сообщилъ то, что зналъ.

«Дорого же», замѣтилъ сибирякъ. Потомъ спросилъ: «А въ Албазинъ на службу ѣдешь, такъ-ли?»

— «На службу: становымъ на пріиски».

— «Мѣсто хорошее.» И обратясь къ унтеръ-офицеру онъ развернулъ передъ нимъ мой паспортъ и проговорилъ: «Вотъ паспортъ; ѣдетъ, говоритъ, изъ Иркутска на Амурскіе пріиски, въ Албазинъ».

Унтеръ-офицеръ молчалъ, испуская лишь многозначительное «гм», смыслъ котораго трудно было уловить. Раза два онъ на меня взглянулъ, какъ мнѣ показалось, пытливо, потомъ всталъ, раскланялся съ хозяиномъ и ушелъ.

— «Возьми-ка свой паспортъ», замѣтилъ сибирякъ, передавая бумагу.

— «По контракту ѣдешь на пріискъ?»

«Сказать: по контракту, — пожалуй, захочетъ посмотрѣть самый контрактъ», подумалъ я.

— «Нѣтъ, безъ контракта», отвѣтилъ я. «На пріискѣ служитъ мой пріятель; онъ писалъ мнѣ, что есть вакансія».

— «Гм...» промычалъ сибирякъ. «Ты, какъ-же, служилъ раньше по пріискамъ?

Пріисковое дѣло я зналъ только по наслышкѣ, а потому и въ этотъ разъ принужденъ былъ дать отвѣтъ отрицательный. Я боялся запутаться во лжи, хотя съ другой стороны чувствовалъ, что своими отрицательными отвѣтами усиливаю подозрѣніе противъ себя.

— «Не слу-ужилъ», протянулъ хозяинъ такимъ тономъ, словно хотѣлъ сказать: «не служилъ, и службы, очевидно, никакой нѣтъ. Незачѣмъ, значитъ, тебѣ и ѣхать въ Албазинъ». Но потомъ онъ спросилъ: «А грамоту ты знаешь?»

— «Грамотенъ», отвѣтилъ я.

Въ это время въ горницу вошла женщина съ самоваромъ, поставила его на столъ и принялась заваривать кирпичный чай. Это оказалась хозяйка. Изъ разговора, завязавшагося между ними, я узналъ, что хозяинъ былъ содержателемъ почтовыхъ лошадей и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ при почтовой станціи писаремъ или старостою. Къ чаю поставлены были горячія оладьи, молоко, топленое коровье масло. Хозяйка разлила чай, и мы принялись пить. Я вздохнулъ свободнѣе; на время меня оставили безъ разспросовъ. Но нервы мои были страшно напряжены; я былъ увѣренъ, что этимъ дѣло далеко не кончилось и чего-то ждалъ.

Напившись чаю (признаться, пилъ я его безъ аппетита), я вышелъ во дворъ. Помню, я стоялъ возлѣ своей телѣги и съ чѣмъ-то возился, когда услыхалъ знакомый мнѣ лязгъ кандаловъ. Въ воротахъ показались два арестанта съ конвойнымъ и, войдя во дворъ, направились прямо ко мнѣ. Я весь

встрепенулся. Неужели они шли признавать меня? Я напряженно вглядывался въ ихъ лица, чтобы припомнить, не встрѣчалъ ли ихъ гдѣ-либо, но не могъ припомнить. Но меня прекрасно могли узнать арестанты, которыхъ я могъ совсѣмъ не помнить. Подойдя ко мнѣ, они спросили, у кого можно купить хлѣба; я имъ сказалъ, чтобы они обратились съ этимъ къ хозяину.

— «Вы расейскій будете?» вдругъ проговорилъ одинъ изъ нихъ, видимо, сразу опредѣлившій по моему говору, что я не сибирякъ.

— «Да, изъ Россіи», отвѣтилъ я (т. е. изъ Европейской Россіи).

Паспортъ мой былъ изъ иркутской мѣщанской управы; но я зналъ, что сойти за сибиряка я не могъ, а потому всегда признавалъ себя россійскимъ, пришедшимъ, якобы, по волѣ за своимъ ссыльнымъ дядей и приписавшимся къ иркутскимъ мѣщанамъ.

Арестанты направились въ избу. Я ждалъ чѣмъ все это кончится.

Буряты постоянно то заходили во дворъ, то уходили куда-то; почти всякій изъ нихъ безцеремонно оглядывалъ меня. Суета, движеніе, разговоры на бурятскомъ языкѣ, изъ которыхъ я не понималъ ни одного звука—все это лишь увеличивало подозрѣніе, закравшееся въ мою голову. Мнѣ все болѣе и болѣе начинало казаться, что я былъ единственный виновникъ всей этой суеты и движенія, что на мнѣ сосредоточено было вниманіе всѣхъ. Всѣ кругомъ—и хозяинъ, и этапный унтеръ-офицеръ (вѣроятно, нарочно подсылавшій ко мнѣ этихъ арестантовъ, которые теперь—кто его знаетъ—какія дадутъ показанія; можетъ быть, даже узнали меня), и буряты, которыхъ здѣсь было такое множество,—всѣ словно готовились къ совершенію какого-то необычайнаго поступка, и это что-то необычайное, какъ мнѣ казалось, должно было разразиться надо мною.

Въ довершеніе всего—хозяинъ, который, я долженъ, сказать, не спускалъ съ меня глазъ (стерегъ меня), вздумалъ почему-то предложить мнѣ мѣняться лошадьми. Онъ давалъ мнѣ своего крѣпкаго, рослаго коня взамѣнъ за мою слабую лошадку, и, къ моему крайнему изумленію, потребовалъ съ меня придачи всего пять рублей (я ожидалъ, что потребуетъ, по крайней мѣрѣ двадцать пять рублей). Видимо, онъ затѣялъ свою мѣну, имѣя какую-то заднюю цѣль. Это обстоятельство еще болѣе усилило мою подозрительность и убѣждало меня въ томъ, что противъ меня здѣсь этими людьми затѣвается что-то недоброе.

Но тутъ я сталъ подмѣчать, что поведеніе сибиряка, не оставлявшаго меня ни на минуту, мало-по-малу какъ будто измѣнилось по отношенію ко мнѣ; мнѣ даже показалось, что онъ началъ юлить передо мною. До вечера оставалось нѣкоторое время, и онъ предложилъ мнѣ пройтись по долинѣ, гдѣ было много тюрпановъ *). Онъ точно заботился о томъ, чтобы мнѣ не было скучно. Правда, и теперь онъ не спускалъ съ меня глазъ, но теперь онъ уже сопровождалъ меня, какъ гостепріимный хозяинъ, а не какъ конвойный. Мы прошли съ нимъ почти до рѣки и вернулись обратно. Ни одного тюрпана я не застрѣлилъ, такъ какъ мнѣ было не до того, но за то всю дорогу мы съ нимъ разговаривали. И въ этотъ разъ онъ почти все время говорилъ о пріискахъ, но уже не тѣмъ слѣдовательскимъ тономъ, какой былъ у него раньше. Онъ говорилъ о добычѣ золота, о тайной торговлѣ золотомъ, о томъ, какъ люди легко богатѣютъ на тайной торговлѣ золотомъ и т. п. Я его слушалъ, дѣлая незначительныя замѣчанія съ своей стороны, такъ какъ, съ одной стороны, боялся какъ-нибудь не провраться, съ другой стороны, просто на

*) Особый видъ болотной птицы съ красивымъ пестрымъ опереніемъ.

просто, я не довѣрялъ ему, видя въ его поведеніи по отношенію ко мнѣ заднюю мысль, которую, хотя я и не могъ себѣ еще ясно опредѣлить, но которую чувствовалъ во всякомъ его словѣ. Онъ точно заговаривалъ меня и старался отвлечь мое вниманіе куда-то въ сторону. Я это видѣлъ и ждалъ—чѣмъ все это кончится. Мое вниманіе было напряжено до крайней степени.

Воротясь съ прогулки, мы зашли въ избу и принялись составлять письменное условіе относительно нашей мѣны лошадьми, причемъ мой хозяинъ настоялъ на томъ, чтобы я въ условіи непремѣнно прописалъ номеръ моего паспорта, за которымъ онъ былъ выданъ мнѣ изъ иркутской мѣщанской управы, что тоже не доказывало особеннаго довѣрія съ его стороны ко мнѣ, несмотря на весь дружескій тонъ, принятый имъ со мною передъ вечеромъ.

Едва я окончилъ писать условіе, какъ вдругъ услыхалъ звуки колокольчиковъ. Въ горницу поспѣшно вошелъ бурятъ и о чемъ-то заговорилъ.

— «Вотъ и засѣдатель пріѣхалъ къ намъ въ деревню», обращаясь ко мнѣ, проговорилъ хозяинъ, какъ мнѣ показалось, особенно какъ-то растягивая слова и при этомъ глядя мнѣ въ глаза, точно желая опредѣлить какое впечатлѣніе произведетъ на меня это извѣстіе.

Вѣсть эта меня поразила, какъ громомъ... Вотъ это именно то, что я предчувствовалъ и чего такъ сильно боялся!.. Теперь сразу мнѣ разъяснилось все поведеніе сибиряка. Подвергши меня домашнему аресту, онъ послалъ за засѣдателемъ, именно того молодого бурята, о которомъ я упоминалъ въ своемъ мѣстѣ (я тогда же замѣтилъ, что онъ его посылалъ за кѣмъ-то), и въ ожиданіи пока засѣдатель появится, чтобы протянуть время и усыпить мою подозрительность, принялся меня дурачить то мѣной лошадей, то прогулкою по долинѣ. Теперь я вполнѣ увѣрился въ его двуличномъ поведеніи: онъ

со мною все время хитрилъ. Да и я самъ, впрочемъ, хитрилъ съ нимъ до этого времени, не показывая ни малѣйшаго вида, что я понимаю его поведеніе; но тутъ я не выдержалъ дальше своей роли и прорвался.

— «Скажи, зачѣмъ ты меня дурачишь?» проговорилъ я.

— «Въ чемъ? гдѣ?» воскликнулъ онъ.

— «Зачѣмъ ты послалъ за засѣдателемъ?»

— «За засѣдателемъ?! Да кто тебѣ сказалъ, что я посылалъ за нимъ?!»

— «Какъ кто?!. Ты же теперь говоришь, что онъ пріѣхалъ?—Ты за нимъ посылалъ».

— «Что ты, парень! Съ чего ты взялъ, что я посылалъ за засѣдателемъ?»

Меня страшно возмутило, что онъ и теперь все еще продолжалъ притворяться и хотѣлъ меня морочить.

— «Послушай, вѣдь я же не дуракъ,—я все вижу». Помню, когда я это говорилъ, я дрожалъ, точно въ лихорадкѣ. „Скажи мнѣ, въ чемъ ты меня подозрѣваешь?“

— «Да съ чего ты взялъ, что я тебя подозрѣваю?» оправдывался мой хозяинъ. „Правда, буряты вначалѣ признали было въ тебѣ одного человѣка, укравшаго тутъ недѣли двѣ назадъ пару лошадей... Да только я сразу увидѣлъ ошибку. Ни въ чемъ я тебя не подозрѣваю“.

— «Зачѣмъ же ты посылалъ за засѣдателемъ?»

— „Да чертъ— прости Господи – посылалъ за нимъ, а не я!“ воскликнулъ онъ. „У него здѣсь есть пріятели,— вотъ онъ къ нимъ и пріѣхалъ. Хоринская Степная Дума отсюда недалеко.

Я замолчалъ, не возражалъ болѣе; но я не сомнѣвался въ своихъ выводахъ и съ минуты на минуту сталъ ждать прихода засѣдателя съ конвойными и понятыми, какъ это обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ. Моя подозрительность завела меня очень далеко; теперь я уже думалъ,

что задержали меня здѣсь даже не случайно (какъ это мнѣ казалось вначалѣ), а по предписанію изъ Иркутска; что полиція узнала тамъ отъ Абросимова о томъ, что я отправился за Байкалъ и дала знать сюда по селамъ, находящимся по дорогѣ къ Читѣ, о задержаніи меня, причемъ, конечно, мои примѣты были подробно описаны по указаніямъ того же Абросимова.

— „Гдѣ будешь спать?“ спросилъ меня хозяинъ.

— „На телѣгѣ“.

— «Ладно. Ночь теплая; и я пристроюсь по сосѣдству подъ амбаромъ».

Безъ сомнѣнія, онъ рѣшилъ стеречь меня; это было ужъ слишкомъ очевидно.

Мы вышли изъ избы.

Я легъ на телѣгѣ; онъ примостился подъ навѣсомъ возлѣ амбара.

Покрывшись тулупомъ, я тихо лежалъ на своей телѣгѣ и напряженно вслушивался. Съ улицы отъ времени до времени долетали голоса, слышались шаги, и всякій разъ это меня тревожило: я ждалъ прихода засѣдателя. Ночь была тихая, но сырость давала себя чувствовать. Съ долины поднялся туманъ и заволокъ всѣ предметы легкою дымкою. Задержку въ появленіи засѣдателя я объяснилъ тѣмъ, что онъ рѣшилъ произвести мой арестъ ночью, когда я засну, такъ какъ вѣроятно, онъ зналъ о томъ, что я былъ вооруженъ, и возможно, что опасался встрѣтить съ моей стороны вооруженное сопротивленіе. Съ другой стороны, возможно также и то, что для окончательнаго удостовѣренія, онъ послалъ по телеграфу справку въ Иркутскъ о моемъ паспортѣ и теперь ждалъ оттуда отвѣта. Однако, по той или другой причинѣ, произошло замедленіе въ моемъ арестѣ, а все же я былъ въ западнѣ, и выбраться мнѣ изъ этого положенія возможно было только посредствомъ побѣга. У меня явилась мысль о побѣгѣ и мало по малу эта мысль овладѣла мною всецѣло.

Самымъ удобнымъ я находилъ бѣжать черезъ долину, за рѣку, въ горы. Это былъ кратчайшій путь къ лѣсу, гдѣ я могъ укрыться. Надо было только захватить съ собою побольше хлѣба. Нѣсколько фунтовъ хлѣба было возлѣ меня въ телѣгѣ. Была винтовка съ запасомъ пороха и пуль, которую тоже непремѣнно надо было взять съ собою. Эти предметы были необходимы и они находились возлѣ меня; оставалось приготовиться и незамѣтно уйти.

Съ необыкновеннымъ нетерпѣніемъ сталъ я дожидаться, когда хозяинъ заснетъ, самъ тихо притаившись, чтобы не вселить подозрѣнія и вслушиваясь въ ночную тишину.

Прошло нѣкоторое время. Небо было бозоблачно, но сквозь надземный туманъ звѣзды свѣтились тускло. Было тихо, такъ тихо, что отчетливо слышенъ былъ скрипъ двери съ отдаленнаго конца деревни. Изъ долины доносился крикъ какой-то болотной птицы; но этотъ мѣрный однообразный крикъ совсѣмъ не нарушалъ общей тишины, напротивъ, онъ только еще больше оттѣнялъ ее, какъ бы указывая на нее.

Однако хозяинъ не спалъ; онъ покряхтывалъ, ворочался; а когда я заворочался на своей постели, то я замѣтилъ, какъ онъ приподнялъ даже голову. Это было очень досадно, и я, притаившись опять, какъ будто я спалъ, опять напряженно вслушивался и ждалъ, когда онъ заснетъ. Но онъ не засыпалъ. Между тѣмъ мысли вереницами осаждали мою голову.

«Бѣгутъ же, однако, изъ подъ караула? Не дожидаются пока заснетъ солдатъ?» Мысленно ободрялъ я себя въ тѣ минуты, когда начиналъ терять терпѣніе. Когда бѣжитъ арестантъ изъ подъ караула или изъ тюрьмы, часовой рѣдко рѣшается оставить свой постъ и не гонится за арестантомъ. И потому, разъ удалось бѣглецу увернуться отъ пули въ первое мгновеніе, дальнѣйшее преслѣдованіе его представляется облавѣ. Здѣсь же положеніе вещей было иное. Здѣсь

несомнѣнно пошла бы безостановочная погоня по горячимъ слѣдамъ. Сибирякъ сдѣлалъ бы тревогу; въ какихъ нибудь четверть часа собралось бы десятка полтора бурятъ (они, вѣдь, дикари- спятъ въ одеждѣ), и кинулись бы они всѣ верхами на поиски за мною. Съ вечера я видѣлъ, какое множество лошадей загнали на скотный дворъ моего хозяина. Здѣсь для погони все было подъ руками Не только въ четверть, а и въ полъ часа я не могъ добраться даже до рѣки, не говоря уже о лѣсѣ. А у бурятъ глаза острые, какъ у звѣрей... Нѣтъ, не мыслимъ былъ успѣхъ при этихъ условіяхъ.

Однако, надо же было рѣшиться; время шло... А между тѣмъ хозяинъ не засыпалъ. Я лежалъ и думалъ. Мысли одна другой мрачнѣе толпились въ головѣ. Но это были уже не мысли, а скорѣе ощущенія, или еще вѣрнѣе, какіе-то неуловимые образы, угнетавшіе душу своими уродливыми очертаніями, приближавшейся къ горячечному бреду. Да, я несомнѣнно былъ боленъ въ ту минуту,- боленъ душевно, отъ безмѣрнаго нервнаго напряженія, отъ мнительности, отъ всего того, что случилось со мною, и что мнѣ довелось пережить за этотъ день. Я чувствовалъ себя въ какихъ то страшныхъ тискахъ, изъ которыхъ надо было вырваться, но я не зналъ, какъ это сдѣлать. Да къ ужасу своему, я не чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для этого; чего то огромнаго не доставало мнѣ въ ту минуту... А время между тѣмъ шло;—ночь уходила... И сознаніе того, что ночь уходила, терзало меня. Наконецъ, уже въ какомъ-то почти полусознаніи я поднялся и сталъ слѣзать съ телѣги.

— «Аль не спишь, парень?» окликнулъ меня хозяинъ.

Тутъ я почувствовалъ такое полное равнодушіе ко всему, что бы ни случилось со мною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такое изнеможеніе во всѣмъ тѣлѣ, что тотчасъ влѣзъ обратно въ телѣгу и легъ. Мнѣ страшно захотѣлось спать. Я легъ, натянулъ на себя полушубокъ и мгновенно заснулъ, какъ убитый.

Былъ часъ десятый дня, когда я проснулся. Солнце жгло. Весь я былъ облитъ потомъ. Руки и ноги болѣли, точно въ лихорадкѣ. Во дворѣ никого не было. «А засѣдатель такъ и не приходилъ?!» мысленно задалъ я себѣ вопросъ, да такъ и не нашелъ на него отвѣта.

Однако, какъ бы тамъ ни было, а надо было поскорѣе убираться изъ Онинскаго Бора. Я запрегъ своего новопріобрѣтеннаго коня. Въ это время появился хозяинъ.

— «Ну, парень, долго же ты спалъ! Заходи въ горницу, попьешь чайку на дорогу», проговорилъ онъ.

Я вошелъ въ горницу и молча пилъ чай. Я не могъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходило вокругъ меня; не могъ, какъ говорится, свести концовъ съ концами. Все случившееся представлялось мнѣ такимъ страшнымъ, почти невѣроятнымъ. Мнѣ кажется, подобное состояніе человѣкъ долженъ испытывать послѣ продолжительнаго сильнаго пьянства.

Напившись чаю, я простился и вышелъ во дворъ. Хозяинъ вышелъ тоже проводить меня. Онъ отворилъ мнѣ ворота. Я сѣлъ въ телѣгу и выѣхалъ на улицу. Медленно проѣхалъ я улицею до края деревни и сталъ подниматься на гору, къ лѣсу. Я находился точно въ какомъ то полуснѣ; такъ мнѣ казалось все это страннымъ. Совершенно невѣроятнымъ казалось мнѣ то, что меня не арестовали. Неужели я могъ такъ грубо ошибаться въ своихъ подозрѣніяхъ? Разбирая послѣдовательно всѣ факты прошедшаго дня, я, пожалуй, могъ бы согласиться, что давалъ имъ объясненіе преувеличенное, невѣрное вслѣдствіе моей чрезмѣрной подозрительности; могъ бы согласиться, что и сибирякъ говорилъ мнѣ правду, когда увѣрялъ, что онъ не посылалъ за засѣдателемъ. Мнѣ такъ хорошо помнилось, какъ онъ тогда воскликнулъ: «Да чертъ, прости Господи, посылалъ за нимъ, а не я!» Это было такое искреннее возмущеніе съ его стороны. Въ ту минуту я ему не повѣрилъ. Обстоятельства такъ странно сложились, и я

такъ запутался въ своихъ собственныхъ догадкахъ и мысляхъ, что не могъ ему повѣрить. Повѣрить—это значило бы отказаться мнѣ отъ всѣхъ логическихъ объясненій, какія я давалъ фактамъ. Подозрительность овладѣла тогда всѣмъ моимъ существомъ, и потому я могъ только подозрѣвать, но не вѣрить. Всему этому, повторяю, я могъ бы еще дать объясненіе и могъ бы, вѣроятно, во всемъ этомъ разобраться, если бы не имѣлось на лицо вещественнаго доказательства, именно коня, вымѣненнаго мною у сибиряка. Допустить, что онъ не зналъ толку въ лошадяхъ (которыхъ у него было такое множество) я не могъ, и выгодная мѣна такъ и оставалась для меня неразгаданной загадкой. Мѣну эту я только такъ и понималъ, что у сибиряка была при этомъ своя задняя мысль.

Но вотъ я въѣхалъ въ лѣсъ. Деревушка Онинскій Боръ скрылась съ глазъ. При выѣздѣ изъ деревни мнѣ не хотѣлось быстро гнать коня, такъ какъ этимъ я бы показалъ, что тороплюсь уйти. Я же думалъ выдержать роль невиннаго до конца. Но здѣсь, въ лѣсу, нечего было стѣсняться, и я ударилъ коня кнутомъ; но онъ не хотѣлъ бѣжать и продолжалъ тихо тащить мою телѣгу. Я принялся его подгонять, но онъ рѣшительно отказывался бѣжать и всякій разъ начиналъ сильно храпѣть, когда сколько нибудь ускорялъ свой ходъ. Наконецъ, я остановился и слѣзъ, чтобы посмотрѣть, въ чемъ было дѣло,—и каково же было мое изумленіе?! Мой вымѣненный конь оказался съ перебитыми ноздрями и, очевидно, совершенно не годился для быстрой ѣзды.

Только постепенно разсѣялся хаосъ, бывшій въ моей головѣ. Мало-по-малу я разобрался въ фактахъ и далъ имъ настоящее объясненіе. Буряты обозначись, принявъ меня за того человѣка, который укралъ у нихъ пару лошадей. Сибирякъ сразу увидѣлъ, что это ошибка, но допрашивая меня, личность моя сама по себѣ представлялась ему подозрительной. За засѣдателемъ онъ, конечно, не посылалъ; и онъ тогда гово-

рилъ мнѣ правду, что не посылалъ, но что я ему показался человѣкомъ подозрительнымъ, — въ чемъ онъ не хотѣлъ сознаться—это не подлежало сомнѣнію. По нѣкоторымъ даннымъ, именно, по намекамъ, которые онъ дѣлалъ, равно какъ и по характеру всего его разговора во время нашей прогулки по долинѣ, я сдѣлалъ заключеніе, что онъ подозрѣвалъ меня въ томъ, что я спиртоносъ, что я вовсе не имѣлъ въ виду получить службу на пріискахъ, а пробирался туда единственно съ намѣреніемъ заняться тамъ скупкою краденнаго золота и тайной продажею водки. Само собою разумѣется, что при такой профессіи не въ моихъ интересахъ было приходить въ какія бы то ни было столкновенія съ полиціей. Этой моей боязни не могъ не подмѣтить умный сибирякъ, и весьма вѣроятно, что для полнаго удостовѣренія въ своемъ предположеніи, онъ нарочно сообщилъ мнѣ тогда о пріѣздѣ засѣдателя, чтобы посмотрѣть, какой эффектъ произведетъ на меня это извѣстіе. Другой, на его мѣстѣ, замѣтивъ мое замѣшательство и безпокойство, можетъ быть, даже донесъ бы засѣдателю. Но моему сибиряку до этого не было никакого дѣла. Отчасти онъ остался доволенъ своей мѣной лошадьми; отчасти, можетъ быть, онъ хотѣлъ сохранить хорошія отношенія съ спиртоносомъ, который - кто его знаетъ,—можетъ быть, ему же привезетъ когда нибудь золото по дешевой цѣнѣ. А доносить засѣдателю — какая могла быть ему польза?

Если бы я въ ту ночь бѣжалъ, какъ это хотѣлъ сдѣлать, то безъ всякаго сомнѣнія былъ бы пойманъ, и моя участь была бы рѣшена. Но спасло меня то обстоятельство, что я, хотя и плоховато, а все же выдержалъ болѣе или менѣе до конца роль, принятую на себя, и устоялъ, такъ сказать, на легальной почвѣ.

XXXIII.

Дальнѣйшее путешествіе по Забайкалью.—Пребываніе мое за Байкаломъ и отъѣздъ оттуда.

Отдѣлавшись счастливо въ Онинскомъ Бору, я поѣхалъ дальше на востокъ. Скоро Братская Степь окончилась; потянулись лѣса и горы, съ болотистыми долинами, съ огромными озерами. Я приближался къ водораздѣлу: съ одной стороны, здѣсь брала свое начало рѣка Уда, текущая къ западу и впадающая въ рѣку Селенгу; съ другой—изъ этихъ же озеръ и болотъ вытекали притоки Витима, направляющагося къ сѣверовостоку и впадающаго въ рѣку Лену.

Мнѣ никогда не чудилось такое обиліе дичи, какое я здѣсь увидѣлъ. Озера буквально кишѣли птицами. Всевозможные виды куликовъ, начиная отъ маленькихъ, такъ называемыхъ песочниковъ, и оканчивая большими кроншнепами, которые жалобно свистали и кружились надъ самой головой всякій разъ, когда, бывало, удавалось одного изъ нихъ застрѣлить; утки различныхъ породъ, тюрпаны и много различныхъ другихъ птицъ—все это кричало, свистѣло, крякало. Въ озерахъ было много рыбы. Такъ, въ Укырскомъ озерѣ при мнѣ уловлено было огромное количество рыбы. Ловъ этотъ происходилъ, впрочемъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, — въ то время, когда я уже возвращался обратно въ Иркутскъ.

Памятна мнѣ одна ночь. Подъѣзжалъ я уже къ Яблонову хребту. Миновавъ Беклемишевскую станцію, — большую деревню, заселенную такъ называемыми «семейскими» *), — сталъ я подниматься на отлогую гору. Дорога шла вдоль опушки лѣса, тянувшагося съ правой стороны. Съ лѣвой стороны откры-

*) Раскольники, высланные въ Сибирь на поселеніе еще во времена Екатерины, если не ошибаюсь, и получившіе прозвище «семейскихъ», кажется, оттого, что они пришли въ Сибирь съ семьями.

вался видъ на широкую долину, окаймленную вдали тоже лѣсомъ, укрывавшимъ противоположныя возвышенности до самаго горизонта. Уже я успѣлъ отъѣхать довольно далеко отъ деревни, когда начался дождь, усилившійся вскорѣ до того, что продолжать путешествіе не было возможности, и я вынужденъ былъ остановиться. Выбравъ мѣсто подъ большимъ деревомъ близь дороги, я выпрягъ коня, привязавъ его къ телѣгѣ такъ, чтобы онъ могъ пастись кругомъ, самъ забрался подъ телѣгу, чтобы переждать дождь. Но дождь не только не переставалъ, а съ минуты на минуту усиливался и, наконецъ, полилъ настоящій ливень. Разразилась гроза. Молніи сверкали одна за другой; поднялся такой грохотъ надъ головою и такимъ страшнымъ эхомъ раскатывался по лѣсу, что становилось жутко. Начало быстро вечерѣть. Ѣхать дальше нельзя было, и я долженъ былъ приготовиться къ ночлегу. Стащивши вещи подъ телѣгу, чтобы не промокли, самъ я улегся тоже подъ телѣгою, покрывшись своимъ барнаульскимъ тулупомъ *). Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Лошадь не могла пастись и стояла съ опущенной головой, поворотившись задомъ къ той сторонѣ, откуда било дождемъ. Облокотившись, я уже было приготовился дремать, какъ сквозь наступавшіе сумерки увидѣлъ какого-то человѣка, отбившагося отъ дороги и направлявшагося ко мнѣ. Когда онъ подошелъ, и я увидѣлъ, что онъ былъ совершенно мокръ, то пригласилъ его подлѣзть ко мнѣ подъ телѣгу. Благоразуміе, можетъ быть, требовало быть осторожнѣе въ данномъ случаѣ и не вступать въ близкое соприкосновеніе съ незнакомымъ человѣкомъ. Но достаточно было взглянуть на него, чтобы исчезло всякое чувство страха: это былъ слабый человѣчекъ среднихъ лѣтъ, въ плохой одеженкѣ, косоглазый, худой, весь дрожавшій отъ холода. Примостившись возлѣ меня

---

*) Въ городѣ Барнаулѣ (Томской губ.), кажется, выдѣлываютъ и шьютъ эти тулупы, почему они и носятъ названіе барнаульскихъ.

подъ телѣгою и закуривъ папиросу, которую я ему предложилъ, онъ разсказалъ мнѣ, что служилъ гдѣ-то на пріискахъ у Бутина, извѣстнаго богача сибиряка, имѣвшаго въ Нерчинскомъ округѣ золотые пріиски, но почему-то не могъ тамъ ужиться и бѣжалъ. Убѣгая онъ не имѣлъ возможности забрать своихъ вещей, а также и своего паспорта и теперь шелъ куда-то въ Вятскую губ., откуда былъ родомъ, безъ вещей и безъ документа.

Пробираться изъ Нерчинскаго округа въ Вятскую губ., т.-е. черезъ всю Сибирь, безъ паспорта было слишкомъ рискованнымъ дѣломъ, и къ этому могла принудить человѣка только самая настоятельная нужда. Поэтому, признаюсь, я сразу заподозрилъ моего собесѣдника во лжи. По всему вѣроятію, онъ былъ просто-на-просто бѣглый каторжный съ карійскихъ рудниковъ, но, разумѣется, это скрывалъ и для объясненія выдумалъ свою исторію съ бутинскимъ пріискомъ, подобно тому, какъ и я самъ выдумалъ басню съ албазинскимъ пріискомъ. Замѣтивши, что онъ не хотѣлъ мнѣ сказать правды, я больше его не разспрашивалъ, вспомнивъ, какъ мнѣ самому становилось всегда тяжело отъ разспросовъ. Но я невольно занялся сравненіемъ: я былъ бѣглый, какъ и онъ; а между тѣмъ какая огромная разница была въ нашихъ положеніяхъ. У меня былъ конь съ телѣгою, одежда, деньги, паспортъ, оружіе — словомъ, все, въ чемъ я могъ нуждаться. У него ничего не было, кромѣ насквозь промоченнаго зипунишки. Мнѣ сдѣлалось его очень жаль.

Ночью дождь пересталъ. Небо прояснилось. Мы, конечно, не спали. Послѣ дождя сильно похолодѣло, и у моего гостя буквально зубъ на зубъ не попадалъ, — до того онъ смерзъ. Поэтому, какъ только перестало валить сверху, онъ тотчасъ принялся раскладывать огонь. Но валежникъ, собранный имъ въ лѣсу, былъ сильно намоченъ дождемъ и не могъ легко загорѣться. Долго онъ возился, пока ему удалось разложить костеръ. Но зато, когда огонь запылалъ, обоимъ намъ у костра

сдѣлалось веселѣе, особенно ему; онъ сталъ сушиться и отгорѣваться. У меня въ запасѣ оказался рябчикъ, убитый днемъ, и мы принялись его печь. Потомъ ему посчастливилось раздобыть воду (для этого онъ спускался куда-то подъ гору), и мы устроили чай, сваривши воду въ желѣзномъ котелкѣ. Гость мой совершенно ожилъ: но въ эту ночь ему не пришлось заснуть; я хоть подремывалъ время отъ времени, укутавшись своимъ теплымъ тулупомъ. Пока онъ возился съ костромъ, да пока мы управились съ ѣдою и чаемъ,—особенно чай пили долго—начало свѣтать. Разставаясь, подарилъ я ему кое-какія вещи; но ничему онъ такъ не обрадовался, какъ желѣзному котелку—этой необходимой принадлежности всякаго бродяги. Мы простились; онъ побрелъ по направленію къ Беклемишевой,—я поѣхалъ дальше на востокъ.

Дорога все время шла въ гору: я поднимался на Яблоновый хребетъ. Мѣстами, съ высокихъ пунктовъ, открывались виды на необозримыя пространства дремучаго лѣса, который, то взбирался вверхъ по горамъ на вершины и становился тамъ рѣже и свѣтлѣе, то спускался въ долины, густѣлъ и темнѣлъ, какъ синяя грозовая туча. Помню, на перевалѣ, на самой вершинѣ бросилось мнѣ въ глаза одно дерево, или вѣрнѣе кустъ, росшій близь дороги, вѣтви котораго были убраны разноцвѣтными лоскутками матеріи,—красными, желтыми, синими. Потомъ я узналъ, что это буряты, проѣздомъ, оставляли кусочки отъ своей одежды, нацѣпливая ихъ на вѣтви этого куста; дѣлалось это ими затѣмъ, чтобы застраховать себя отъ болѣзней.

Скоро я доѣхалъ до города Читы, гдѣ остановился на нѣсколько дней. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что отсюда отправлялись плоты на Амуръ, я продалъ своего коня,—само собою разумѣется, очень дешево, такъ какъ мой покупщикъ увидѣлъ, что у него были перебиты ноздри,—и изъ Читы дальше поплылъ на плоту.

Изъ Читы на Амуръ многіе выбираютъ этотъ путь. Онъ спокойнѣе и обходится значительно дешевле почтовыхъ лошадей, на которыхъ надо ѣхать до Стрѣтенска, такъ какъ только отъ Стрѣтенска начинается пароходное сообщеніе по Амуру.

Плылъ я въ компаніи съ однимъ купцомъ и артиллерійскимъ офицеромъ, отправлявшимся на службу въ Хабаровку. Купецъ построилъ себѣ изъ досокъ баракъ на плоту и устроился весьма комфортабельно. Офицеръ спалъ въ своемъ крытомъ экипажѣ, въ которомъ должно быть совершилъ путешествіе до города Читы. Я спалъ въ своей телѣгѣ, которую взялъ съ собою потому, что за ея провозъ мнѣ пришлось заплатить пустяки.

Хорошо было плыть на плоту! Ни хлопанья колесъ, ни толчковъ и дрожанія отъ машины, отъ которыхъ всегда очень утомляешься, такъ какъ даже и тогда, когда спишь—продолжаешь чувствовать подъ собою это дрожаніе и стукъ въ ушахъ. Нашъ плотъ скользилъ безъ малѣйшаго шума; чуть-чуть похлюпывала вода у крайнихъ бревенъ плота. Свѣтлой лентой извивалась рѣка между высокихъ темныхъ береговъ. Горы, поросшія лѣсомъ, уплывали назадъ, и такъ спокойно было кругомъ, что было слышно, какъ куропатки чиликали у прибрежныхъ скалъ. Я видѣлъ природу, какова она была сама по себѣ, безъ гама и шума, вносимаго въ нее человѣкомъ, и она отъ этого только выигрывала и казалась еще лучше.

Рѣдко какая страна—а ихъ посѣтилъ я не мало въ своей жизни—оставила во мнѣ такое хорошее впечатлѣніе, какъ Забайкалье. Нигдѣ не доводилось мнѣ видѣть другого такого величественнаго озера, какъ Байкалъ, съ такими живописными, хотя, можетъ быть, немного мрачными, благодаря своей дикости, берегами. Я нигдѣ не видѣлъ такихъ великолѣпныхъ степей, пестрѣющихъ разными цвѣтами, или же,

какъ ковромъ, сплошь покрытыхъ густымъ острецомъ выше колѣнъ,—этой особенной травой, извѣстной своею питательностью, и которой, на сколько знаю, нигдѣ въ Европѣ нѣтъ. Забайкальскія лошади, пасущіяся на этихъ степяхъ, отличаются своею неутомимостью и быстрымъ бѣгомъ. Я самъ имѣлъ тамъ коня, на которомъ безъ отдыха совершалъ дорогу болѣе ста верстъ, и между тѣмъ мой конь не представлялъ изъ себя никакого исключенія и считался обыкновеннымъ среднимъ конемъ; мнѣ онъ стоилъ всего пятьдесятъ рублей. Климатъ Забайкалья здоровый. Лѣсу, пастбищъ, полей подъ посѣвы—всего есть въ изобиліи, и мѣстное населеніе почти повсюду живетъ безбѣдно.

Прожилъ я тамъ мѣсяцевъ около пяти, и это время часто вспоминается мнѣ теперь. Но, къ сожалѣнію, мало могу я о немъ разсказать, такъ какъ было бы неблагоразумно упоминать о лицахъ, имѣвшихъ отношеніе къ нашему революціонному движенію, съ которыми я приходилъ тогда въ соприкосновеніе, а разсказывать здѣсь о своихъ поѣздкахъ съ товарами, въ качествѣ торговца, по «карауламъ» (т. е. селеніямъ) и золотымъ пріискамъ между Шилкою и Аргунью—одва ли умѣстно.

Какъ бы тамъ ни было, а я тамъ устроился и жилъ; заводилъ знакомства, торговалъ, и долженъ прибавить, торговалъ не въ убытокъ, какъ это было съ нами во время нашего пребыванія въ народѣ въ Кіевской губерніи. Крестьяне, забайкальскіе казаки, были зажиточны, и стоило, бывало, только появиться въ какомъ либо селѣ, какъ со всѣхъ сторонъ они шли и покупали товары.

Я раньше вспоминалъ, что мнѣ хотѣлось поселиться близъ карійскихъ рудниковъ съ тѣмъ, чтобы, послѣ ознакомленія съ мѣстными условіями, заняться подготовительными работами, нужными для побѣга нашихъ каторжанъ. Мнѣ удалось устроиться въ Нерчинскомъ округѣ (точно мѣстности не хочу на-

зывать) подъ видомъ мелкаго торговца. Я выхлопоталъ себѣ билетъ на право разъѣзной торговли по подложному паспорту, и закупивши необходимые товары, преимущественно чай, свѣчи и мыло, принялся разъѣзжать по окрестнымъ селеніямъ, или какъ ихъ тамъ называютъ, карауламъ.

Такъ прошло лѣто; наступила осень. Въ томъ году осень была прекрасна; хотя мнѣ говорили, что она обыкновенно бываетъ тамъ такая. Яркіе солнечные дни чередовались съ морозными ночами. Съ какимъ удовольствіемъ, помнится, спалось въ степи подъ полушубкомъ въ эти холодныя ночи! За ночь трава покрывалась инеемъ, но съ восходомъ солнца иней таялъ, и къ полудню становилось совсѣмъ тепло. Острецъ, словно густая рожь, стлался передъ моими глазами на огромномъ пространствѣ; а дальше, за рѣкою Шилкою, синѣлъ лѣсистый Шилкинскій хребетъ, зубцами поднимавшійся къ небу.

Уже я сталъ готовиться къ зимѣ: припасать сѣно для коня... Какъ вдругъ послѣдовалъ на меня доносъ.

Съ моей стороны была сдѣлана одна большая неосмотрительность, а именно: я поселился въ домикѣ, стоявшемъ возлѣ самой этапной тюрьмы, совершенно упустивъ изъ вида то обстоятельство, что меня можетъ признать кто-нибудь изъ арестантовъ. Такъ и случилось: пришла партія, въ которой находились арестанты, знавшіе меня въ лицо, и одинъ изъ нихъ донесъ.

Что побудило его къ доносу—навѣрно сказать не умѣю; кажется, произошелъ какой-то скандалъ тюремный, и когда начальство принялось допрашивать арестантовъ, то при этомъ одинъ изъ нихъ, думая, очевидно, подслужиться начальству, проболтался обо мнѣ. Мѣстныя власти очутились въ довольно затруднительномъ положеніи. Поднять тревогу въ поискахъ за мною, или, какъ говорится, забить въ барабанъ—онѣ не рѣшались, можетъ быть, потому, что не вполнѣ довѣряли

доносу; а, можетъ быть, и просто изъ боязни, чтобы имъ самимъ не нагорѣло потомъ отъ высшаго начальства за то, что онѣ не доглядѣли раньше и дали мнѣ возможность прожить спокойно у нихъ подъ носомъ нѣсколько мѣсяцевъ. Съ другой стороны, можетъ быть, они питали надежду скорѣе поймать меня, если свои поиски поведутъ тихо, безъ шума. Какъ бы тамъ ни было, но розыски начались. Домикъ, гдѣ я жилъ, ночью окруженъ былъ казаками. Меня въ ту минуту не было дома, и я избѣжалъ ареста. Власти скрывали, что ловили меня; однако, достаточно было того факта, что домикъ окруженъ былъ при обыскѣ чуть-ли не тремя десятками козаковъ, чтобы вселить подозрѣніе, что тутъ крылось что-то особенное; не могло быть употреблено такое огромное количество стражи для поимки обыкновеннаго бродяги. И на самомъ дѣлѣ вскорѣ я узналъ, что моя догадка была вѣрна: ловили меня. Мнѣ надо было скрыться.

Но трудно было скрыться въ этомъ мѣстѣ. При ничтожномъ населеніи, моей пятимѣсячной жизни оказалось вполнѣ достаточно для того, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ всѣмъ. Какъ я могъ укрываться, когда на всякомъ шагу наталкивался на людей, знавшихъ меня? Затереться не было никакой возможности. Между тѣмъ я могъ ожидать, что поиски за мною примутъ широкіе размѣры по всему краю... Поднимутъ облавы... А я зналъ, что такое сибирская облава. Поэтому, послѣ всесторонняго обсужденія положенія вещей, я пришелъ къ тому заключенію, что мнѣ надо было совершенно покинуть эту страну.

Все это происходило уже почти годъ спустя послѣ моего побѣга изъ партіи, именно въ октябрѣ 1880 года.

Получивши извѣстіе, что Владиславъ Избицкій (его исторія вкратцѣ была разсказана мною выше) находился въ это время въ Иркутскѣ, я написалъ туда, чтобы онъ меня тамъ обождалъ, и самъ двинулся въ путь. Я разсчитывалъ

передать ему мои забайкальскія знакомства для того, чтобы онъ могъ продолжать вести дѣло. Пролагать пути вообще трудно. Въ поискахъ за нужными людьми нерѣдко приходится наталкиваться и на неподходящихъ личностей, знакомство съ которыми становится потомъ обременительнымъ и даже вреднымъ для дѣла. Теперь мой замѣститель могъ избѣгнуть этихъ знакомствъ и сразу вступить въ сношенія только съ надежными людьми.

Таковы были мои разсчеты, но осуществить ихъ не удалось. Избицкій не дождался меня (мое письмо уже не застало его въ Иркутскѣ) и уѣхалъ раньше въ Варгузинъ. Это было послѣднее свѣдѣніе о немъ, которое я получилъ, впрочемъ, уже прибывши въ Иркутскъ.

XXXIV.

Дорога.—Переправа черезъ рѣку Енисей.—И опять дорога.

Итакъ, я двинулся въ дорогу. Теперь я уже окончательно покидалъ Сибирь, и мнѣ предстояло совершить очень длинный путь.

Сначала я ѣхалъ подъ видомъ пріискателя, возвращавшагося къ себѣ домой, нанимая вольныхъ извозчиковъ отъ одного пункта до другого. Но добравшись до Верхне-Удинска, взялъ подорожную и отсюда поѣхалъ на почтовыхъ. Подорожная была взята мною до г. Томска. Въ Иркутскѣ я передохнулъ нѣсколько дней, потому что надо было кое съ кѣмъ видѣться, и, подыскавъ попутчиковъ, чтобы дешевле стоилъ проѣздъ, поѣхалъ дальше.

Пришлось проѣзжать черезъ Тельминскую станцію, гдѣ я былъ освобожденъ изъ партіи. Здѣсь, пока запрягали

лошадей, я все время лежалъ на диванѣ, въ комнатѣ для проѣзжающихъ, поворотившись лицомъ къ стѣнѣ; а когда лошади были готовы, усѣлся въ самую глубь крытой почтовой кибитки, чтобы не видно было меня при проѣздѣ черезъ деревню.

Въ томъ году зима запоздала: по ночамъ морозило, но дни были солнечные, теплые, и рѣки долго не могли стать. Дорога была сухая; только по Иркутской губ. показался снѣгъ, да и то не настолько глубокій, чтобы можно было ѣхать на саняхъ. Мы совершали переѣздъ отъ одной станціи до другой въ кибиткахъ или, какъ сибиряки называютъ, въ возкахъ, само собою разумѣется, на перекладныхъ. Быстро двигались мы на западъ; а на встрѣчу намъ бѣжали по сторонамъ дороги кустарники, поля, мелкія лѣсныя заросли, березовыя рощи. Путь проходилъ по таежной полосѣ Сибири, но тайга виднѣлась лишь вдали, на горизонтѣ; у тракта же въ большинствѣ случаевъ она была вырублена. Только возлѣ города Нижне-Удинска она еще сохранилась: нетронутая, дремучая являлась она здѣсь моимъ глазамъ во всей своей красотѣ. Высокія сосны стояли по сторонамъ дороги, тѣсно прижавшись одна къ другой и протянувъ впередъ свои вѣтви, казавшіяся ночью какими-то огромными мохнатыми лапами. А мы со звономъ и грохотомъ неслись мимо ихъ, будя лѣсное эхо.—«Ухъ! Къ од-но-ой!» протяжно кричалъ нашъ ямщикъ, когда попадалась намъ навстрѣчу длинная вереница телѣгъ, нагруженныхъ товарами и тянувшихся гуськомъ. Телѣги сворачивали къ одной сторонѣ тракта, и мы скакали мимо нихъ. Раза два встрѣчали мы по дорогѣ партіи, препровождаемыя этапнымъ порядкомъ въ Иркутскъ. Звонъ цѣпей, казенные желтые полушубки, сѣрыя шапки и халаты, сѣрыя, изнуренныя арестантскія лица—какъ это все было мнѣ знакомо и какъ страстно хотѣлось подчасъ остановиться и выйти изъ почтоваго возка, чтобы взглянуть поближе на

все это! Но страхъ быть узнаннымъ удерживалъ меня отъ этого. Закутавши лицо широкимъ воротникомъ шубы и прижавшись въ уголъ крытаго экипажа, я глядѣлъ оттуда на мимо проходившую партію. Воспоминанія воскресали. Въ памяти проносилось пережитое. И живо представлялъ я себѣ тѣ минуты, когда я самъ шелъ въ казенномъ полушубкѣ и зябъ, когда, глядя на тянувшійся по сторонамъ лѣсъ, я мечталъ о волѣ. «Посмотрите-ка на деревья», говорилъ мнѣ тогда бродяга Бѣловъ, указывая рукою на тайгу. «Кора на всѣхъ деревьяхъ съ одной стороны свѣтлая, а съ другой темная. По корѣ-то мы и узнаемъ, какъ надо идти, когда случается по бродяжеству пробираться тайгою». Я смотрѣлъ на деревья и видѣлъ, что всѣ они имѣли болѣе свѣтлую кору съ юго-восточной стороны, а сторона, обращенная къ сѣверу, была темная и покрыта густымъ мхомъ. Я смотрѣлъ на деревья и мечталъ о томъ, какъ я буду пробираться тайгою и опредѣлять направленіе по корѣ.

Но ничего этого не понадобилось въ дѣйствительности. Дѣйствительность оказалась мало похожей на мои мечты.

Изъ Иркутска до Томска я ѣхалъ съ двумя попутчиками. Одинъ былъ военный фельдшеръ, ѣхавшій откуда-то, чуть-ли не съ Амура, къ себѣ въ г. Омскъ на побывку; другой былъ какой-то мелкій торгашъ, тоже омскій. Фельдшеръ, еще безусый молодой человѣкъ, разговорчивый, веселый; торгашъ—лѣтъ сорока-пяти невзрачный человѣчекъ, тщедушный, молчаливый. Помню, стали мы приближаться къ г. Красноярску. День былъ прекрасный. Было уже послѣ полудня, когда наша тройка спустилась съ хребта въ равнину, подходившую къ рѣкѣ Енисею. Въ этомъ самомъ хребтѣ должна была гдѣ-то находиться и та лысая, круглая гора, на которую я такъ засматривался изъ окна красноярскаго тюремнаго замка. Но гдѣ она точно находилась—я такъ и не могъ опредѣлить; впрочемъ, можетъ быть, я составилъ себѣ опи-

бочное представленіе о направленіи, въ какомъ эта гора должна была находиться. Снѣгу не было, но бѣлый налетъ укрывалъ пожелтѣвшую траву. Легко и пріятно было вдыхать полной грудью холодный, чистый воздухъ. Спустившись въ равнину, нашъ ямщикъ прикрикнулъ на лошадей, и мы понеслись. Скоро мы прискакали къ берегу рѣки. Тутъ, съ лѣвой стороны дороги, у самаго спуска я увидѣлъ нѣсколько избъ. Тройка наша подъѣхала къ одной избѣ и остановилась.

— «Это что же?» спросилъ я.

— «Перевозъ», отвѣтилъ ямщикъ, медленно слѣзая съ передка на землю. Онъ подошелъ къ лошадямъ и принялся протирать имъ ноздри. Лошади порскали. Паръ подымался съ ихъ разгоряченныхъ боковъ и спинъ.

Мы тоже вылѣзли изъ кибитки и стали расправлять свои онѣмѣвшіе члены.

Войдя въ избу, я увидѣлъ кучу кожанныхъ чемодановъ, наваленныхъ одинъ на другой до самаго потолка. Это были почтовые тюки, накопившіеся чуть не за цѣлый мѣсяцъ Иркутская почта лежала въ ожиданіи пока ледъ станетъ и установится переѣздъ черезъ рѣку. Подобная же куча писемъ и почтовыхъ посылокъ лежала, какъ я узналъ потомъ, и на противоположной сторонѣ рѣки, въ городѣ Красноярскѣ.

А по Енисею въ это время «шла шуга», т. е. ледъ, и переправа была невозможна.

Я вышелъ изъ избы, чтобы взглянуть на рѣку и распросить, между прочимъ, не возможно ли какъ нибудь перебраться на другую сторону. Подойдя къ берегу, почти обрывомъ спускавшемуся къ рѣкѣ, я увидѣлъ передъ собою огромное пространство, покрытое глыбами льда, навороченными въ безпорядкѣ одна на другую; за этимъ ледянымъ пространствомъ темнѣлъ низкій берегъ, поросшій кустарникомъ. Гдѣ былъ Красноярскъ—трудно было догадаться. Онъ былъ гдѣ-то тамъ, далеко, за этой ледяной пустыней.

— «Говорили — шуга идетъ, а между тѣмъ рѣка стоитъ...» обратился я къ одному крестьянину, стоявшему возлѣ меня.

— «Здѣсь то она давно стоитъ, а вотъ тамъ дальше...» отвѣтилъ тотъ, махая рукою по направленію къ плоскому острову.

Вскорѣ къ намъ подошло еще двое, тоже мѣстные крестьяне, жившіе на этомъ берегу, и у насъ завязалась бесѣда. Все это были рыбаки по профессіи. Перспектива ожиданія пока установится правильное сообщеніе черезъ рѣку, не особенно меня прельщала. Погода стояла хорошая, сравнительно теплая, и Енисей, обладающій быстрымъ теченіемъ, могъ «гнать шугу» еще недѣли двѣ. А между тѣмъ надо было торопиться. Въ моемъ положеніи всякія остановки были рискованны, особенно близь такихъ мѣстъ, какъ г. Красноярскъ, гдѣ я сидѣлъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ. Въ это время могъ проѣзжать по неотложнымъ дѣламъ кто-либо изъ знавшихъ меня полицейскихъ чиновниковъ, и, само собою разумѣется, я былъ бы арестованъ. Я принялся разспрашивать рыбаковъ, — не взялись ли бы они переправить меня на ту сторону, конечно, за приличное вознагражденіе. Мои попутчики, вскорѣ вмѣшавшіеся тоже въ разговоръ, поддерживали мое предложеніе. Поклажи у насъ всѣхъ было очень мало, и ее легко можно было перенести въ рукахъ. Четверо рыбаковъ, бесѣдовавшихъ съ нами, стали тутъ-же громко между собою совѣщаться, разбирать вопросъ о томъ — какъ лучше пройти на другую сторону, и, въ концѣ концовъ, послѣ обстоятельныхъ обсужденій, они согласились.

— «Ну, коли отправляться, то теперь же», замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

Дѣло шло къ вечеру, и нужно было торопиться, чтобы за-свѣтло перейти рѣку. Но вопросъ усложнялся еще однимъ обстоятельствомъ, именно: въ городѣ Красноярскѣ существо-

вала такъ называемая «водяная полиція», слѣдившая, для предупрежденія несчастныхъ случаевъ, за тѣмъ, чтобы никто не переправлялся черезъ рѣку, пока ледъ не станетъ. Толкуя съ нами, рыбаки нѣсколько разъ упоминали объ этомъ обстоятельствѣ, и теперь, передъ самымъ отходомъ, опять задумались надъ тѣмъ же.

— «Ужъ развѣ такъ строго слѣдятъ?» спросилъ я.

— «Чего строже; недавно посадили въ холодную за то, что перевелъ одного проѣзжающаго на ту сторону».

— «Это Григорія то?» вмѣшался другой рыбакъ.

— «Ну да, Григорія».

— «Да какое дѣло полиціи, если проѣзжающій самъ хочетъ?» перебилъ я.

— «Поди, разговаривай... Проѣзжающій можетъ и хочетъ, а ты не смѣй—и все тутъ».

— «Ну, выходитъ.—надо дѣлать такъ, чтобы полиція не знала», замѣтилъ я, внутренно радуясь тому обстоятельству, что интересы рыбаковъ вполнѣ совпадали съ моими. Приходить въ какія бы то ни было столкновенія съ красноярской полиціей мнѣ было неудобно.

Солнце закатывалось, когда мы собрались въ путь. Рыбаки взяли наши вещи и пошли впередъ, вооружившись длинными шестами. Мы направились за ними. Пройдя нѣкоторое пространство берегомъ, мы поворотили и стали двигаться поперекъ рѣки къ острову. Толстыя льдины, нагроможденныя одна на другую, очень затрудняли нашъ путь. Мѣстами попадались проталины, въ которыхъ быстро текла вода. Мы то обходили ихъ, то перескакивали. Раза два приходилось класть шесты и перебираться по нимъ съ одной льдины на другую. Рыбакъ, шедшій впереди, то и дѣло тыкалъ своимъ шестомъ въ ледъ, пробуя его крѣпость. Такъ путешествуя, мы добрались черезъ нѣкоторое время до берега.

Плоскій песчаный островъ, на которомъ мы находились

теперь, былъ весь покрытъ тонкимъ лознякомъ. Мы направились черезъ этотъ лознякъ. Солнце сѣло. Приближались сумерки. Въ воздухѣ похолодѣло. Ночью надо было ожидать мороза.

— «А широкъ тотъ рукавъ, что огибаетъ островъ съ другой стороны?» спросилъ я рыбака.

— «Островъ, почитай, на половинѣ», отвѣтилъ онъ.

Мы двигались быстро среди лозняка. «Замерзъ рукавъ или нѣтъ?» вопросъ этотъ ни на минуту не покидалъ моей головы. А между тѣмъ вѣтви лозы, увлекаемыя шедшимъ впереди рыбакомъ, то и дѣло хлестали меня по лицу и по рукамъ. Я мало обращалъ на это вниманія. Устремивъ глаза впередъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ я ждалъ, когда покажется рѣка. Вотъ, наконецъ, сквозь кусты, уже подернутые сумерками, что то заблестѣло. Еще нѣсколько шаговъ, и мы очутились у берега.

Передъ нами, какъ глазъ хватитъ, раскидывалась рѣка. Но какая? Спокойная, чистая, гладкая... Ни одной льдинки на всемъ пространствѣ... Красноватый отблескъ потухавшаго дня отражался отъ ея милліонами блестящихъ чешуекъ. Далеко, далеко впереди насъ темнѣлъ противоположный берегъ, поднимавшійся вверхъ отлогой горой. Слышался отдаленный, слабый лай собакъ. Тамъ былъ г. Красноярскъ.

Мы всѣ, и рыбаки, и мы остановились, какъ вкопанные на берегу, не проронивъ ни одного слова. Можно было ожидать что рѣка еще не замерзла, что по ней «идетъ шуга»; мы могли себѣ представить, что намъ придется прыгать съ одной льдины на другую, перебираться по жердямъ и т. д.; но встрѣтить совершенно зеркальную поверхность, которую возможно было только переплыть,—это никому и не снилось. Видно, гдѣ-то выше на рѣкѣ ледъ сперся, остановился, и здѣсь — противъ города — рѣка оказалась совершенно чистая.

— «Вотъ оно!» тихо проговорилъ кто-то, и опять всѣ замолкли. Опять доносился къ намъ отдаленный собачій лай.

— «Такъ я и думалъ», вдругъ проговорилъ одинъ рыбакъ.

— «Чего думалъ?!.. Что попусту болтать! Развѣ можетъ человѣкъ все знать впередъ?!» съ досадой возразилъ ему другой рыбакъ.

— «Раньше тутъ шуга шла Григорій сказывалъ, когда переводилъ проѣзжающаго,—шуга здѣсь шла; а нонче—на вотъ, чисто...» проговорилъ третій рыбакъ.

— «Какъ же онъ перешелъ по шугѣ?» спросилъ фельдшеръ.

— «Такъ и не перешелъ... Сталъ звать... Ну, изъ города помощь то послали, да только потомъ въ участокъ посадили».

И снова водворилось общее молчаніе.

Между тѣмъ со всякой минутой становилось темнѣй. Наступила холодная ночь. Морозъ крѣпчалъ. На противоположномъ берегу, по городу, то здѣсь, то тамъ зажигались огоньки. Теперь, даже если бы мы и вздумали воротиться назадъ, то и этого сдѣлать не могли, такъ какъ пройти ночью тамъ, гдѣ мы съ такимъ трудомъ и опасностью проходили при дневномъ свѣтѣ, было болѣе чѣмъ рискованно.

— «Костеръ, что-ли, развести», прервалъ общее молчаніе фельдшеръ.

— «Съ того берега полиція увидитъ», замѣтилъ я.

— «Ну, какой тутъ костеръ?!» запротестовали рыбаки.

— «Разведемъ огонь въ кустахъ, чтобы не было видно... А безъ огня холодно».

— «Какъ же это, ночевать что-ли здѣсь собираемся?» вдругъ проговорилъ торговецъ, до сихъ поръ не проронившій ни слова.

— «Это какъ доведется», отвѣтилъ я ему.

— «Нѣтъ, ужъ извините... А нутко, парень, кричи! Пусть за нами изъ города лодку пришлютъ», обратился онъ къ молодому рыбаку.

— «Что ты? Господь съ тобою! Въ участокъ что ли захотѣлось тебѣ?» запротестовалъ другой рыбакъ.

— «Ла-а-дно!... Въ участокъ.. А пусть въ участокъ! Эка, испугалъ чѣмъ! Не спать же здѣсь на острову?!.. Тебѣ то можетъ это ничего: ты привычный... А я, братецъ, не желаю этого. Ну, парень, реви!»*) обратился торговецъ опять къ первому рыбаку, парню лѣтъ двадцати пяти.

Это категорическое требованіе произвело сумятицу среди рыбаковъ. Напряженно слѣдя за ихъ настроеніемъ, я сразу замѣтилъ это. Двое изъ нихъ готовы были дѣйствительно звать на помощь, и только одинъ продолжалъ еще энергично протестовать противъ этого.

— «Что же намъ дѣлать? Не выберемся мы отсюда сами!»

— «Въ участокъ захотѣли? Ну, васъ къ лѣшему!»

— «Заревешь ты или нѣтъ?» настаивалъ на своемъ торгашъ.

Я чувствовалъ, что наступило критическое мгновеніе. «Неужели погибать?» мелькнуло въ моей головѣ.

— «Го-го-го!!» раздалось въ эту минуту сбоку меня.

Торгашъ самъ закричалъ, видя нерѣшительность рыбаковъ.

— «Замолчите! Какъ вамъ не стыдно! Изъ-за васъ людей въ участокъ посадятъ», проговорилъ я.

— «А какое мнѣ дѣло? Пусть ихъ садятъ!»

Рыбаки ободрились, видя открытую поддержку съ моей стороны.

---

*) «Ревѣть» по сибирски значитъ «кричать».

— «Ты ужъ, господинъ, потерпи малость...» говорилъ одинъ изъ нихъ. «Мы придумаемъ... Петро! Степанъ!... Ребятушки! Гляньте-ка по между кустами»...

Между тѣмъ торгашъ опять собирался кричать.

— «Знаете что, ребята, обратился я тогда къ рыбакамъ, станетъ кричать, звать на помощь,—бросимте его тутъ одного, а сами вернемся назадъ, на ту сторону. Пусть его садятъ въ холодную!»

— «Эй!... Подите-ка сюда!» Раздался вдругъ возгласъ изъ кустовъ.

Мы бросились въ кусты. Я не зналъ въ чемъ дѣло, но мгновенно почувствовалъ, что тамъ наше спасеніе.

Среди кустовъ, на землѣ, лежала лодка, опрокинутая дномъ вверхъ. Лодка была негодная, брошенная; съ одной стороны дно ея было все въ дырахъ. Тѣмъ не менѣе и рыбаки, и мы принялись энергично стаскивать ее въ воду. Четверть часа спустя она покачивалась уже на водѣ, и одинъ изъ рыбаковъ собирался отчаливать отъ берега. Ѣхать намъ всѣмъ въ этомъ дырявомъ суднѣ было немыслимо. Рыбакъ на той сторонѣ долженъ былъ достать у знакомаго хорошую лодку и пріѣхать обратно за нами. Теперь же онъ сѣлъ на самый кончикъ лодки, такъ что дырявый конецъ ея весь поднялся надъ водой и, дѣйствуя длиннымъ шестомъ на обѣ стороны, какъ весломъ, сталъ тихо удаляться отъ берега.

— «Смотри, не утони!» сказалъ кто-то вслѣдъ уплывавшему.

— «Ла-адно!..» послышалось съ рѣки.

Скоро лодка исчезла съ глазъ. Не слышно было больше и всплескиваній шеста. Мы остались во мракѣ дожидаться возвращенія рыбака.

Только часа черезъ три нашъ рыбакъ воротился въ большой лодкѣ. Онъ успѣлъ въ городѣ выпить, должно быть на радостяхъ, что не попалъ въ участокъ, и былъ сильно на-ве-

селѣ. Мы усѣлись, положили наши вещи на дно лодки и поплыли черезъ рѣку.

И опять мы въ возкѣ; колокольчики звенятъ; опять тряска и полудремотное состояніе; періодическія перепряжки лошадей...

Въ Томскѣ я раздѣлился съ моими попутчиками. Я взялъ подорожную до города Тюмени (на другое имя, такъ какъ въ дорогѣ мнѣ удалось достать другой паспортъ) и отъ Томска дальше поѣхалъ одинъ. Снѣгъ, котораго совсѣмъ не было за Байкаломъ и возлѣ Красноярска, здѣсь, со всякой верстой впередъ, становился все глубже и глубже. Я пересѣлъ въ «кошеву», такъ называются сибирскіе сани, сдѣланные по особому образцу, и поѣхалъ на саняхъ. Потянулись снѣжныя равнины Томской и Тобольской губерній.

Почтовый трактъ, проложенный черезъ г. Омскъ, дѣлаетъ большой изгибъ къ югу. Для сокращенія пути, многіе предпочитаютъ ѣхать напрямикъ черезъ Барабинскую степь, и этотъ путь совершается на такъ называемыхъ «дружкахъ», т. е. на вольныхъ извозчикахъ, которые передаютъ путешественника другъ другу и, такимъ образомъ, ѣзда совершается все равно, какъ на почтовыхъ перекладныхъ.

И я поѣхалъ «на дружкахъ». Никогда еще не испытывалъ я такой отчаянной скачки, какую довелось испытать здѣсь. Въ крытой кошевѣ, наполненной сѣномъ, я не могъ сидѣть, я долженъ былъ лежать, и меня, какъ мячикъ, швыряло изъ стороны въ сторону; удивительно было, какъ ямщикъ держался на передкѣ, не падая отъ этихъ толчковъ.

Помню, это было на одной станціи, между Ишимомъ и Ялуторовскомъ, небольшими городками Тобольской губ. Въ это время въ Ялуторовскѣ или въ другомъ какомъ-то сосѣднемъ городкѣ была ярмарка, и благодаря ярмарочному времени воровскія шайки пошаливали по дорогамъ. Ямщикъ, который долженъ былъ отправляться со мною, надѣялся на своихъ лошадей, и я рѣшилъ ѣхать, не останавливаясь, хотя былъ уже

поздній вечеръ. Когда лошади были запряжены, я вышелъ во дворъ и влѣзъ въ кошеву. Я замѣтилъ, что высокія досчатыя ворота, ведшія со двора на улицу, были заперты. Два человѣка стояли по сторонамъ лошадей, держа пристяжныхъ подъ уздцы. Вотъ, наконецъ, сѣлъ мой ямщикъ; подобралъ возжи... «Готово?» послышались голоса. «Готово!» Тогда ворота отворились; люди отскочили въ стороны, и лошади, поднявшись на дыбы, сразу вынесли насъ на улицу. Это была дикая картина. Сразу началась скачка. Ямщикъ гикалъ, подобно лошадямъ, охваченный какимъ-то энтузіазмомъ. Кошеву бросало изъ стороны въ сторону, такъ что я вынужденъ былъ хвататься руками за стѣнки саней, чтобы не расшибить головы. Но успѣлъ я опомниться, какъ деревня, изъ которой мы только что выѣхали, далеко осталась позади. Мы скакали по равнинѣ...

— «Гра-бья-а-атъ!» вдругъ заоралъ мой ямщикъ во все горло. И тутъ произошло нѣчто совершенно невѣроятное. Скакавшія лошади рванули съ новой, страшной силой; я почувствовалъ, какъ сани убѣгали изъ-подъ меня. Вся тройка припала къ землѣ; комья снѣгу полетѣли на встрѣчу мнѣ изъ-подъ копытъ лошадей... Лошади, кошева—все укуталось снѣжнымъ облакомъ. Это былъ уже одинъ какой-то снѣжный вихрь, несшійся по равнинѣ. Ямщикъ гикалъ во всю глотку. Я крѣпко держался обѣими руками, сидя въ кошевѣ, вѣтеръ свисталъ мнѣ въ лицо, хотя время было совсѣмъ тихое, и звонки, раньше отбивавшіе всякій шагъ коренника—сильной рысистой лошади — теперь съ длинными перерывами только глухо звякали. Вотъ она — настоящая ѣзда! Можетъ быть, немножко и рискованная, за то есть о чемъ вспомянуть. Впрочемъ, нужно сказать, что сибирскія сани такъ сдѣланы, что едва ли могутъ опрокинуться: широко разставленные отводы или крылья изъ крѣпкихъ бревенъ вполнѣ гарантируютъ отъ этого

Описывать день за днемъ мою дорогу по стану, такъ какъ

многое уже ушло изъ моей памяти, отчасти же и разсказывать всего нельзя. Пустился я въ путешествіе въ мѣсяцѣ октябрѣ 1880 года, а въ Москву прибылъ только въ январѣ или февралѣ 1881 года, сдѣлавъ въ общей сложности больше шести тысячъ верстъ. Въ извѣстныхъ пунктахъ по дорогѣ я останавливался. Сибирскіе города и городки были въ то время полны политическими ссыльными; съ нѣкоторыми я былъ знакомъ раньше, съ другими тогда познакомился; знакомился съ одними подъ своимъ именемъ, съ другими—подъ вымышленнымъ. Не мало было курьезныхъ встрѣчъ и случаевъ, возможныхъ только при такомъ положеніи, въ какомъ находился я. Случалось, про меня мнѣ же разсказывали всякія небывалыя подробности изъ моего побѣга. Помню, одинъ мнѣ сообщилъ, что я нахожусь уже гдѣ-то за границей, и сообщилъ это съ такимъ важно-таинственнымъ видомъ, словно хотѣлъ сказать: «вотъ ты этого ничего не знаешь, а я посвященъ во всякія тайны», что казалось мнѣ необыкновенно забавнымъ. Въ другомъ мѣстѣ, когда я назвался своимъ именемъ, меня встрѣтили хохотомъ, подобнымъ тому, какъ это случилось со мною при встрѣчѣ съ однимъ пріятелемъ Ходько (объ этой встрѣчѣ я вспоминалъ въ своемъ мѣстѣ). Мнѣ пришлось подвергнуться особому экзамену, послѣ котораго только я былъ, такъ сказать, возстановленъ въ своихъ правахъ.

Въ моихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Народной Воли» *), я разсказалъ между прочимъ объ одномъ курьезномъ случаѣ, происшедшемъ со мною въ дорогѣ; и теперь, въ заключеніе, вспомню о немъ.

Ѣхалъ я одно время съ попутчикомъ-чиновникомъ, возвращавшимся на родину. Подорожная была взята мною на имя

*) Мои воспоминанія подъ названіемъ: «Два года жизни», гдѣ я разсказываю о моей ссылкѣ (судъ, казнь, отправка въ Сибирь, этапное путешествіе и пр.) и о моемъ побѣгѣ, были помѣщены въ «Вѣст. Нар. Воли», издававшемся за границей въ 1883-85 г.

одного умершаго, документами котораго я пользовался въ дорогѣ (за дорогу я перемѣнилъ три паспорта, на три разныя фамиліи). Было уже около полуночи, когда мы подъѣхали къ одной почтовой станціи. Проѣхавши болѣе 200-тъ верстъ въ этотъ день, я и мой попутчикъ согласились отдохнуть. Мы приказали ямщику внести наши вещи въ комнату для проѣзжающихъ и расположились на ночлегъ, объявивши старостѣ, чтобы онъ на утро приготовилъ намъ лошадей.

На другой день мы собирались уже къ отъѣзду, какъ вдругъ вошелъ въ комнату станціонный смотритель съ моей подорожной въ рукахъ.

— «Извините, что безпокою...» проговорилъ онъ, раскланиваясь. «Позвольте узнать,—кто изъ васъ Иванъ Александровичъ Селивановъ?» *).

— «Что вамъ угодно?» отозвался я, подходя къ нему, чтобы взять подорожную.

Смотритель удивленно на меня глядѣлъ.

— «Извините»... заговорилъ онъ, «въ подорожной я прочелъ фамилію... Селиванова, я когда-то зналъ... Вижу—имя и отчество тоже самое... званіе тоже... Но только я слыхалъ года полтора тому назадъ, что онъ умеръ... Теперь прочелъ подорожную,—думаю,—можетъ быть, слухи о смерти я получилъ невѣрные, поэтому зашелъ удостовѣриться... Извините, пожалуйста: я вижу, что ошибся», добавилъ смотритель, передавая мнѣ подорожную и вновь раскланиваясь.

Меня словно варомъ обдало. Очевидно, смотритель зналъ моего двойника и получилъ даже вполнѣ точное свѣдѣніе о времени его смерти.

Попутчику моему это совпаденіе показалось необыкновенно забавнымъ, и онъ вдругъ разразился ужаснымъ смѣхомъ.

— «Вотъ такъ исторія! Ха-ха-ха!» выкрикивалъ онъ пре-

---

*) Фамилію я измѣняю.

рывающимся отъ смѣха голосомъ. «Нечего сказать! Ха-ха-ха! Пожалуй, можно подумать, что вы бѣглый и скрываетесь подъ документами умершаго».

Одѣтый въ дорожную шубу компаньонъ мой не имѣлъ даже силъ держаться прямо, до того одолѣлъ его смѣхъ и, хватаясь руками за бока, онъ пригибался до самого пола.

Но мнѣ было совсѣмъ не до смѣха.

— «Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, можно подумать», замѣтилъ я, стараясь поддѣлаться подъ его глупый тонъ (я страшно сердитъ былъ на него въ ту минуту, хотя принужденъ былъ пріятно улыбаться). «Но я долженъ сказать, продолжалъ я уже совершенно серьезно, что фимилія Селивановыхъ очень распространенная въ такой-то губерніи. Я самъ зналъ покойнаго Ивана Александровича; онъ доводился мнѣ родственникомъ, хотя, впрочемъ, далекимъ...»

Черезъ нѣкоторое время мы уже сидѣли въ почтовыхъ саняхъ и ѣхали дальше. Мой попутчикъ долго послѣ того не могъ вспомнить безъ смѣха этого случая.

Я тоже думалъ объ этомъ случаѣ, но только вызывалъ онъ во мнѣ совсѣмъ не веселыя мысли; я думалъ: какъ ничтожный случай можетъ имѣть иногда рѣшающее значеніе на всю нашу жизнь.

XXXV.

Чернопередѣльцы и народовольцы.—Послѣдняя встрѣча съ Лангенсомъ.—Моя эмиграція.—Заключеніе.

Въ Москву я пріѣхалъ въ февралѣ 1881 года и послѣ двухлѣтняго отсутствія изъ Россіи засталъ здѣсь огромныя перемѣны. Прежде всего бросался въ глаза количественный ростъ революціонныхъ элементовъ. Въ мое время были только кружки; теперь чуть не половина студентовъ московскаго университета

и Петровско-Разумовской академіи считались революціонерами. Подобный же ростъ замѣчался, какъ я слыхалъ тогда, и по другимъ университетскимъ городамъ.

Въ програмномъ отношеніи перемѣна произошла тоже до неузнаваемости. Правда, если бы я былъ прозорливѣе, послѣднюю перемѣну я долженъ былъ предвидѣть, такъ какъ на моихъ глазахъ происходилъ поворотъ отъ народничества къ террору. Но оттого-ли, что я былъ слишкомъ близко прикосновеннымъ къ дѣламъ и страстно относился къ нимъ (да какъ участникъ движенія, я и не могъ иначе относиться), или же по какой другой причинѣ,—но я проглядѣлъ нарождавшееся движеніе, или же вѣрнѣе сказать, просто-на-просто, не понималъ и потому не могъ сдѣлать и надлежащей оцѣнки. Терроризмъ, конечно, мало имѣлъ общаго съ народнической дѣятельностью,—это прекрасно понималось и чувствовалось еще тогда—въ началѣ; и еще тогда среди насъ поднимались принципіальные споры; но на него, по крайней мѣрѣ я, смотрѣлъ тогда, какъ на явленіе временное, проходящее, какъ на неожиданное новшество, которое должно было очень скоро исчезнуть и послѣ котораго опять должно было расцвѣсть революціонное народничество. Сохранивши въ самомъ себѣ до извѣстной степени старую народническую вѣру (я былъ съ ней арестованъ, а въ тюрьмѣ она какъ будто даже окрѣпла во мнѣ), я никакъ не ожидалъ, чтобы могъ случиться такой радикальный поворотъ во взглядахъ, такъ какъ я думалъ, что и у другихъ эта вѣра жила, и мнѣ все казалось, что еще какъ-то наладится и пойдетъ все по старому, даже лучше, чѣмъ по старому, такъ какъ прошлое научило насъ кое-чему, и мы не повторимъ старыхъ ошибокъ. Я не понималъ главнаго, именно того, что торроризмъ явился не временнымъ уклоненіемъ въ сторону, а продолженіемъ революціоннаго народничества, и слѣдовательно, нельзя было надѣяться на поворотъ назадъ къ пережитому и, такъ сказать, выброшенному за бортъ исторіей.

Еще въ Иркутскѣ читалъ я первые номера газеты «Народная Воля» и сильно возмущенъ былъ взглядами, проповѣдуемыми ею. Не имѣя съ кѣмъ дѣлить мыслями, я принялся записывать возраженія, которыя приходили мнѣ тогда въ голову, и скоро изъ этихъ набросковъ составилась брошюрка. Не стану пересказывать всего того, что было въ ней написано; главнымъ образомъ, мои народническія чувства и понятія возмущены были народовольческимъ якобинизмомъ и борьбою съ правительствомъ, носившей политическій характеръ. По понятіямъ соціалистовъ 70-хъ годовъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и моими, конечно), народъ и привилегированныя сословія представляли собою противоположенія, что-то въ родѣ плюса и минуса, взаимно уничтожавшіяся, двѣ вѣчно борющіяся силы, съ настолько различными интересами, что все то, что было полезно для одной—оказывалось вреднымъ для другой. Такимъ образомъ, политическая свобода, полезная для высшихъ сословій, такъ какъ она давала имъ больше правъ и дѣлала ихъ болѣе могущественными, была, по нашимъ понятіямъ, вредной для народной массы, по той логикѣ, что для народа будетъ тѣмъ хуже, чѣмъ могущественнѣе будутъ его враги.

Если бы наше правительство было умнѣе и въ особенности если бы не было такое злобное и не принялось съ такимъ ожесточеніемъ насъ преслѣдовать, оно могло бы продержать насъ въ этомъ невѣжественномъ представленіи дѣйствительности очень долгое время. Но начался терроръ, вызванный правительственными репрессаліями, и среди революціонеровъ выступилъ на очередь вопросъ о политической свободѣ. Въ періодъ дѣятельности первыхъ террористовъ на югѣ довольно опредѣленно началъ было уже складываться взглядъ въ пользу политической свободы или, выражаясь частнѣе, въ пользу конституціи. Я вспоминалъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Но потомъ произошло затемненіе вопроса благодаря вышеуказанному предразсудку (что политическая свобода безполезна для народа),

тѣсно связанному совсѣми міровоззрѣніями соціалистовъ 70-ыхъ годовъ. По нашимъ тогдашнимъ понятіямъ, русское правительство, подобно всѣмъ другимъ правительствамъ, являлось исключительно только защитникомъ интересовъ привилегированныхъ сословій—дворянства и буржуазіи,—и мы не допускали того, чтобы оно могло имѣть свои собственные интересы—бюрократическіе, — нерѣдко совсѣмъ не совпадающіе съ интересами другихъ сословій, а часто даже идущіе въ разрѣзъ съ ними. Правда, Народная Воля внесла поправку въ этотъ взглядъ. Какъ люди активные, а не доктринеры, народовольцы поняли значеніе, оказываемое на нашу жизнь правительствомъ, и совершенно вѣрно утверждали, что главный врагъ страны было именно правительство, а не буржуазія, какъ мы думали раньше, и что, слѣдовательно, силы революціонеровъ должны быть направлены на борьбу съ нимъ. Но такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ они все-таки продолжали думать, что конституціонный режимъ могъ оказаться полезнымъ лишь для одной буржуазіи, а не для всего народа, то поэтому они поставили своей цѣлью не завоеваніе политической свободы и не простой переходъ отъ самодержавія къ коституціи, а коренное измѣненіе всего соціальнаго строя.

Если бы «Народная Воля» поставила своей задачей завоеваніе конституціоннаго режима, она могла бы надѣяться найти себѣ союзниковъ въ соотвѣтственныхъ общественныхъ теченіяхъ. Но увлекшись мечтою о преобразованіи въ ближайшемъ будущемъ полуазіатскаго царства на соціалистическихъ началахъ, минуя парламентаризмъ, она должна была прійти къ мысли о захватѣ власти и этимъ только изолировала себя отъ другихъ оппозиціонныхъ теченій.

Къ сожалѣнію, искать союзниковъ русскіе революціонеры никогда не любили и не считали нужнымъ, такъ какъ господствовало мнѣніе, что наше правительство слабо, и его не трудно будетъ побѣдить,—заблужденіе необыкновенно сильно

укоренившееся среди насъ, хотя и ровно ни на чемъ не основанное. Кстати сказать, и теперь еще въ нелегальныхъ изданіяхъ нерѣдко можно натолкнуться на увѣренія въ томъ, будто наше правительство потеряло значеніе въ странѣ и не имѣетъ силы, а равно и пророческія разглагольствованія о «близкомъ концѣ» существующаго строя. Пора бы ужъ выдумать хоть слово какое-нибудь другое для опредѣленія времени, а то слово «близкій» совершенно дискредитировано среди насъ.

Еще по дорогѣ, въ Сибири, встрѣтилъ я офицеровъ, отправлявшихся на службу на дальній востокъ, оказавшихся сторонниками программы «Народной Воли», и мы съ ними провели нѣсколько дней въ весьма оживленныхъ бесѣдахъ и спорахъ. Само собою разумѣется, ни въ чемъ я не могъ съ ними согласиться; но отъ нихъ первыхъ я почерпнулъ живыя свѣдѣнія о состояніи дѣлъ въ Россіи. Я узналъ, что кромѣ организаціи Исполнительнаго Комитета, существовала еще другая организація, называвшаяся Чернымъ Передѣломъ и державшаяся прежней народнической программы, — и это послѣднее меня подбадривало, хотя уже тотъ одинъ фактъ, что по дорогѣ въ Россію я раньше натолкнулся на народовольцевъ, чѣмъ на народниковъ, долженъ былъ навести на грустныя размышленія.

Въ г. Екатеринбургѣ, гдѣ я остановился проѣздомъ, я получилъ возможность перечитать въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», если память не измѣняетъ, показанія Гольденберга,*) убившаго харьковскаго губернатора Крапоткина и потомъ арестованнаго съ динамитомъ на елизаветградскомъ вокзалѣ (Херсонской губ.); по этимъ показаніямъ я еще лучше ознакомился съ положеніемъ дѣлъ. Я узналъ о съѣздѣ революціонеровъ, происходившемъ въ г. Липецкѣ, и объ окончательной организаціи Исполнительнаго Комитета, бывшаго только въ

*) Объ этомъ Гольденбергѣ я вспоминалъ, когда разсказывалъ объ очищеніи конспиративной квартиры Стефановича въ Кіевѣ.

зародышѣ въ мое время. Въ показаніяхъ Гольденберга упоминалось множество лицъ, и я узналъ—кто именно вошелъ въ организацію террористовъ и кто остался при прежней, народнической программѣ. Съ особеннымъ восторгомъ Гольденбергъ отзывался въ своихъ показаніяхъ о Желябовѣ, котораго онъ называлъ «геніальнымъ». Въ организацію Исполнительнаго Комитета вошли: Желябовъ, Фроленко, Колоткевичъ, Златопольскій, Баранниковъ, Лангенсъ, которыхъ я зналъ, и много другихъ лицъ. Народническую программу защищали: Стефановичъ, Дейчъ, Аксельродъ,—которыхъ я тоже зналъ.

Раньше я разсказывалъ о томъ, при какихъ обстоятельствахъ родился нашъ терроръ, но къ сожалѣнію не могу передать въ послѣдовательномъ разсказѣ о томъ, какъ онъ развивался дальше, такъ какъ будучи арестованъ въ началѣ 79 года, я воротился въ Россію только въ 81 году и потому не былъ свидѣтелемъ событій, происходившихъ за это время. Между тѣмъ въ эти два года движеніе доросло до своего максимума. Террористическіе факты, не имѣвшіе раньше никакой системы и носившіе характеръ самозащиты, приняли теперь назидательный характеръ. Всѣ усилія устремлены были на убійство царя. Покушенія слѣдовали одно за другимъ: подъ Александровскимъ, въ Москвѣ, въ Зимнемъ дворцѣ. Удары становились все грознѣе и грознѣе. Можно было соглашаться или нѣтъ съ направленіемъ, которое приняло наше революціонное движеніе въ это время, но нельзя было не признать всей его значительности. Оно сдѣлалось несравнимо серьезнѣе, чѣмъ было раньше, и многіе даже не безъ основанія утверждали (особенно на это, помню, любили налегать народовольцы, чѣмъ страшно сердили насъ, народниковъ), что движеніе наше лишь съ того момента и сдѣлалось революціоннымъ, когда начался терроръ; а весь предшествующій періодъ (народохожденія) они считали подготовительнымъ и только съ этой точки зрѣнія и придавали ему значеніе.

Въ Пермской губ. впервые столкнулся я съ чернопередѣльцемъ, и первое впечатлѣніе оказалось не въ пользу «Чернаго Передѣла». Молодой народникъ, придерживавшійся нашей старой программы, мало походилъ на народника 70-хъ годовъ даже по внѣшнему виду. Это былъ чистенькій блондинъ, разфранченный, чуть ли не съ краснымъ галстучкомъ на шеѣ, въ сюртукѣ съ короткими полами, убѣгавшими назадъ,—вслѣдствіе чего самъ онъ казался неудержимо стремившимся куда-то впередъ,—что вмѣстѣ съ его длиннымъ, тонкимъ носомъ, на манеръ хоботка, и оттопыренными возлѣ ушей кудрявыми волосами,—дѣлало его очень похожимъ на мотыля. Онъ недавно пріѣхалъ въ Пермскую губ. изъ Петербурга, гдѣ окончилъ какое-то высшее учебное заведеніе. Я сталъ его разспрашивать о чернопередѣльческихъ кружкахъ, и сталъ онъ мнѣ разсказывать о всемъ, что зналъ.

— «А въ такомъ-то кружкѣ—то-то; а въ другомъ—другое... А вотъ тамъ—своего рода канитель»—характеризовалъ онъ свои народническіе кружки. «Самъ ты канитель», думалъ я между тѣмъ, слушая его. Слово «канитель» онъ употребилъ не для приданія обиднаго характера, а просто вслѣдствіе неумѣнія выражаться; отчасти по своего рода легкомысленности, которая вообще сказывалась въ немъ довольно сильно. Напротивъ того, разсказывая, онъ, видимо, былъ въ большомъ восторгѣ отъ успѣховъ Чернаго Передѣла.

Потомъ мнѣ довелось встрѣчать не мало чернопередѣльцевъ, и много между ними я зналъ прекрасныхъ юношей, но общее впечатлѣніе отъ чернопередѣльческой дѣятельности сохранилось все таки самое безотрадное. Для охарактеризованія этой дѣятельности я, пожалуй, и самъ теперь не смогу подобрать другого болѣе подходящаго слова, какъ слово канитель. Да, несомнѣнно, то была одна канитель, не имѣвшая ничего общаго съ живымъ революціоннымъ дѣломъ.

Бесѣдуя съ чернопередѣльцами, рѣдко приходилось возра-

жать имъ, такъ какъ принципы и пріемы борьбы, признаваемые ими, оказывались и моими собственными. Но при всемъ томъ оставалось для меня что-то невыясненное, чего я на первыхъ порахъ не могъ даже себѣ объяснить и что, однако, оставляло во мнѣ чувство неудовлетворенности. Это чувство, вначалѣ довольно слабое, по мѣрѣ моихъ столкновеній съ ними, росло во мнѣ и приняло къ концу моего пребыванія въ Москвѣ большіе размѣры. Чернопередѣльческіе кружки состояли преимущественно изъ учащейся молодежи (студентовъ), готовившейся впослѣдствіи поселиться въ народѣ для революціонно-народнической дѣятельности. Но собираться и готовиться къ чему либо—еще далеко не значитъ дѣлать это; и можно какъ угодно страстно защищать народническую программу и все таки не быть народникомъ-революціонеромъ. Сущность революціоннаго движенія (а, можетъ быть, и не только революціоннаго, а и всякаго другого общественнаго движенія) заключается не въ его идеяхъ и программахъ (если, конечно, это не есть исключительно умственное движеніе), а въ поступкахъ, совершаемыхъ людьми, такъ какъ именно поступки главнымъ образомъ оказываютъ вліяніе и направляютъ жизнь въ извѣстную сторону: идеи же имѣютъ лишь по стольку значеніе, по скольку толкаютъ людей на дѣла, и если идеи не обладаютъ этой силой, то ихъ надо считать или не созрѣвшими, разъ онѣ пріобрѣтаютъ эту силу только впослѣдствіи, или же просто на просто мертвыми, разъ онѣ имѣли эту силу, но почему либо утратили ее, какъ это было съ нашимъ революціоннымъ народничествомъ. Помню, въ 70-хъ годахъ кружки занимались выработкой программъ, по поводу которыхъ вели другъ съ другомъ безконечные дебаты. Однако, рядомъ съ этимъ кажущимся разногласіемъ было много внутренняго единства, а главное жизненности: люди не только разговаривали, но и дѣлали постоянныя попытки на практикѣ. Теперь же, въ періодъ Чернаго Передѣла, по всѣмъ вопросамъ были подведены

итоги; программа казалась неоспоримо вѣрной. Но отъ этой програмной ясности самая дѣятельность въ народѣ нисколько не выиграла; напротивъ, она была въ полномъ застоѣ. Становилось очевиднымъ, что дѣло тутъ было не въ программѣ, а въ чемъ то другомъ.

— «Отчего вы не издаете газеты?» спросилъ я какъ-то одного чернопередѣльца.

— «Нашу типографію арестовали, и мы не успѣли завести другой», отвѣчалъ онъ.

— «Почему же народовольцы, которыхъ типографія тоже была арестована, уже имѣютъ другую, а вы—нѣтъ?» *).

— «У нихъ больше средствъ».

— «А чѣмъ вы объясняете то, что у Народной Воли больше средствъ, чѣмъ у Чернаго Передѣла?» допытывался я.

«Очевидно, народовольческая дѣятельность пользуется большимъ сочувствіемъ, чѣмъ ваша: имъ деньги даютъ, а вамъ нѣтъ», дѣлалъ я свои выводы.

Я зналъ, что эти выводы не могли нравиться чернопередѣльцу, такъ какъ ему непріятно было признать то, что дѣятельность Чернаго Передѣла не имѣла значенія.

Нужно сказать, что между народовольцами и чернопередѣльцами велась въ это время борьба за вліяніе на молодежь, и у чернопередѣльцевъ замѣчалось сильное желаніе конкурировать съ Народной Волей, впрочемъ, не на почвѣ революціонныхъ дѣлъ, такъ какъ это было очень трудно, а въ томъ, что было полегче и что издали, для посторонняго глаза, могло показаться, пожалуй, дѣломъ. Такъ, напримѣръ, если народовольцы устраивали какіе либо сборы пожертвованій, то чернопередѣльцы не отставали отъ нихъ, и сами принимались за устройство сборовъ; если народовольцы выпускали какую ни-

*) Типографія Народной Воли была взята въ январѣ 1880 г., а Чернаго Передѣла, если память не измѣняетъ, въ мартѣ того же года.

будь прокламацію, то чернопередѣльцы непремѣнно стремились отпечатать и свою прокламацію — отъ имени Чернаго Передѣла. Само собою разумѣется, что имъ очень хотѣлось издавать и свою газету, такъ какъ газета «Народная Воля» выходила въ это время довольно аккуратно.

— «Организація народовольцевъ болѣе сильная потому, что у нихъ есть больше опытныхъ людей, больше «стариковъ»; ихъ «старики» живутъ и дѣйствуютъ здѣсь», объяснялъ мнѣ дальше мой собесѣдникъ.

— «А наша организація, продолжалъ онъ, состоитъ исключительно изъ молодежи: наши «старики» живутъ за границей» *)

— «А зачѣмъ вамъ старики? Вы вѣдь знаете сами, что надо дѣлать? Программа ясная: нужно жить и работать среди народа, а не болтаться по городамъ. Зачѣмъ вамъ «старики»? Коноводы вамъ понадобились, что-ли?»

— «Развѣ вы отрицаете значеніе за опытомъ?» возразилъ онъ мнѣ.

— «Нисколько. Но что вы будете дѣлать въ томъ случаѣ, если ваши коноводы (слово «коноводы» я особенно злобно подчеркнулъ, думая уязвить; увы, лицо моего собесѣдника выражало одно уныніе!) если ваши коноводы такъ и останутся жить за границей!»

— «Тогда никакого серьезнаго дѣла не будетъ».

«Вотъ тебѣ и на! Какая скромность!» невольно воскликнулъ я въ душѣ. И какъ это мало походило на то, что было раньше! Мы когда-то были черезчуръ самонадѣянны: думали горами двигать. О коноводствѣ—хотя въ дѣйствительности оно подчасъ и проявлялось—никто не смѣлъ тогда заикнуться громко. А теперь сами напрашивались на узду. Всѣ были готовы слушаться. Да такъ и было на самомъ дѣлѣ. Я видѣлъ, напримѣръ, что для чернопередѣльцевъ я

*) Стефановичъ, Дейчъ и другіе.

первый являлся авторитетомъ, и что они чуть не гордились мною и всякій разъ выставляли меня впередъ, когда имъ приходилось сталкиваться съ народовольцами. И не мудрено; среди нихъ я былъ единственный человѣкъ, имѣвшій кое-какую опытность въ революціонныхъ дѣлахъ; я когда-то ходилъ въ народъ и что-то дѣлалъ тамъ, или, по крайней мѣрѣ, пытался дѣлать: они же только еще готовились къ этому.

Передавая о своихъ дебатахъ съ Желябовымъ, пріѣзжавшимъ въ Москву зимой въ декабрѣ или январѣ 80-81 г., чернопередѣльцы мнѣ разсказывали, что во время одной сходки, на которой собралось ихъ человѣкъ до сорока, «Борисъ» (подъ этимъ именемъ былъ тогда Желябовъ) среди споровъ обратился къ нимъ съ такими словами: «Мы все только теоретизируемъ; а мнѣ бы хотѣлось поставить нѣсколько практическихъ вопросовъ; но для того, чтобы разсуждать о практическихъ дѣлахъ, я хотѣлъ бы сначала знать,— кто изъ васъ здѣсь присутствующихъ жилъ въ народѣ?» И когда таковаго не нашлось среди насъ, то онъ вдругъ объявилъ, что ему не о чемъ съ нами и разговаривать». Этотъ «маневръ», употребленный Желябовымъ, чернопередѣлецъ (передававшій мнѣ объ этомъ случаѣ) находилъ даже «нечестнымъ», и я никакъ не могъ его убѣдить въ томъ, что Желябовъ былъ совершенно правъ, ставя вопросъ на практическую почву.

«Истина есть результатъ судоговоренія», утверждаетъ гдѣ-то одинъ изъ щедринскихъ героевъ. Такъ и моему собесѣднику - чернопередѣльцу казалось, что истина была на сторонѣ тѣхъ, кто могъ принести больше теоретическихъ доказательствъ и въ особенности научныхъ авторитетовъ въ пользу своей программы; а такъ какъ программа Чернаго Передѣла, по его мнѣнію, имѣла больше этихъ доказательствъ, чѣмъ программа «Народной Воли,» то слѣдовательно истина была на ихъ сторонѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что можно было

возразить противъ того доказаннаго наукою положенія, что политическіе порядки всякой страны являются ничѣмъ болѣе, какъ надстройкой надъ ея экономическими порядками,—научнаго положенія, клавшагося въ основаніе всѣхъ возраженій, дѣлаемыхъ Чернымъ Передѣломъ противъ «Народной Воли»? Это была аксіома, и народовольцы, думавшіе иначе, а именно, что въ Россіи надо сначала измѣнить политическіе порядки, а послѣ того уже думать объ измѣненіяхъ экономическихъ,—очевидно ошибались. Вотъ почему Желябовъ, понимая, что онъ не былъ въ силахъ теоретически отстоять свою программу, прибѣгъ къ вышеуказанному «маневру».

Такъ разсуждалъ чернопередѣлецъ и никакъ не могъ понять того, что люди, къ сожалѣнію, еще не овладѣли наукою жизни, съ высоты которой могли бы обозрѣвать все, какъ на шахматной доскѣ, и что суть дѣла заключалась, въ концѣ концовъ, не въ тѣхъ или иныхъ доказанныхъ или недоказанныхъ положеніяхъ, а въ живомъ, практическомъ дѣлѣ. Между тѣмъ для Желябова, какъ для революціонера, на первомъ планѣ было именно дѣло. Онъ, очевидно, думалъ, что какихъ бы теорій люди не держались, разъ они займутся практической дѣятельностью, или другими словами, какъ только захотятъ приложить свои теоріи къ жизни,—дѣйствительность натолкнетъ ихъ на такія рѣшенія, какія имъ раньше и въ голову не приходили; онъ думалъ, что какъ только приступитъ народникъ-революціонеръ къ практическому осуществленію своей программы, онъ тотчасъ натолкнется на наши полицейскіе порядки, которые ему поставятъ непреодолимыя препятствія; что никакая пропаганда соціализма, никакая организація въ народѣ или среди рабочихъ невозможна въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ при существующихъ условіяхъ; однимъ словомъ, практическій дѣятель у насъ прежде всего столкнется лицомъ къ лицу съ правительствомъ, и если этотъ дѣятель не захочетъ удовлетворяться мелкою работою,

а будетъ стремиться къ сколько нибудь широкой дѣятельности, то для него само собою на первый планъ должна будетъ стать борьба съ этимъ правительствомъ, т. е. именно то, что и требовалось доказать Желябову.

Всматриваясь и вслушиваясь во все то, что я слышалъ и видѣлъ кругомъ себя, я сталъ разбираться мало-по-малу въ вопросѣ, мучившемъ меня съ самаго моего пріѣзда въ Москву. Хотя съ народовольческой постановкой вопроса я былъ не согласенъ, такъ какъ все еще продолжалъ вѣрить въ возможность организаціи народнаго бунта, но я понялъ, наконецъ, то, что отъ чернопередѣльцевъ нельзя было ожидать никакой революціонной дѣятельности; они были весьма милые и хорошіе люди, но только не революціонеры, не общественные дѣятели, и Желябову съ ними, очевидно, дѣлать было нечего. Поставь они своей задачей скромненькую по своимъ силамъ дѣятельность въ народѣ—легальную дѣятельность гдѣ либо при земствахъ,—они могли бы получить нѣкоторое значеніе въ жизни. Но революціонная тога мѣшала этому, и бунтовская программа, доставшаяся имъ по наслѣдству, и которую они такъ ревностно защищали на словахъ, оказывалась, такимъ образомъ, просто вредной.

Итакъ, Черный Передѣлъ былъ мертвечиной. Что же представляла собою Народная Воля?

Какъ я уже сказалъ выше, въ Москвѣ едва не половина студентовъ университета и Петровско-Разумовской академіи считалась революціонерами, причемъ дѣленіе было такое: петровцы были народники (вѣроятно потому, что изучали земледѣліе), университетъ былъ народовольческій. Собирались сходки человѣкъ по 200—300, на которыхъ открыто дѣлались сборы въ пользу Народной Воли или Чернаго Передѣла; все это, само собою разумѣется, прекрасно знала московская полиція, но, кажется, мало придавала этому значенія, такъ какъ въ послѣднее время научилась отличать

опасныхъ людей отъ невинныхъ. Программа Чернаго Передѣла, какъ я уже говорилъ, была ясная и опредѣленная. Программа народовольческая еще только вырабатывалась, и потому почти всякій народоволецъ толковалъ ее по своему: одинъ напиралъ на одно, другой—на другое; у всѣхъ, однако, оставалось то общее, что на первомъ планѣ должна быть борьба съ правительствомъ.

Но эта борьба выражалась только въ террорѣ; а такъ какъ терроромъ занимались весьма немногіе, то огромное большинство людей, причислявшихъ себя къ Народной Волѣ, оставалось безъ дѣла; и у этого, слѣдовательно, большинства, подобно тому, какъ у чернопередѣльцевъ, опять таки все сводилось къ однимъ разговорамъ и теоретизированію или же, если и къ дѣламъ, то далеко не революціоннаго характера. Такъ, между прочимъ, для успѣшнаго веденія борьбы съ правительствомъ Народная Воля находила нужнымъ группировать силы въ центрахъ и для этого призывала молодежь скопляться по городамъ, преимущественно въ столицѣ, и занимать «положенія въ обществѣ». Это была, конечно, ошибка съ ея стороны, такъ какъ подобное не демократическое и, по самому своему существу, антиреволюціонное стремленіе, какъ «занятіе положеній» среди общества не могло вести ни къ чему хорошему. Есть неизмѣримая разница между тѣмъ, когда партія, путемъ пропаганды, пріобрѣтаетъ сторонниковъ среди лицъ, занимающихъ извѣстное положеніе въ обществѣ, или же, когда во имя партійныхъ цѣлей люди добиваются этихъ самыхъ положеній; въ первомъ случаѣ вырабатываются Клѣточниковы, во второмъ—Дегаевы. Такимъ образомъ, у народовольцевъ въ общемъ наблюдалось слѣдующее распредѣленіе силъ и задачъ: одни «старики»—ихъ была ничтожная кучка—тамъ гдѣ-то при глубочайшей конспиративной обстановкѣ боролись съ правительствомъ на жизнь и на смерть; ихъ ловили и вѣшали; со всякимъ днемъ число ихъ уменьшалось. Другіе—такихъ

было весьма много—занимались тѣмъ, что рукоплескали своимъ главатарямъ-героямъ, кое-когда исполняя неопасныя порученія, въ родѣ сбора пожертвованій и т. п., или же стремились занимать хорошія положенія въ обществѣ для того, чтобы потомъ, въ моментъ революціи, сослужить какъ-то службу народовольчеству. Нерѣдко можно было встрѣтить среди нихъ лицъ, серьезно трактовавшихъ о томъ, что они должны готовить себя къ будущимъ депутатскимъ обязанностямъ будущаго Земскаго Собора.

Въ 70-хъ годахъ, помню, разъ додумывались до чего нибудь, то ужъ признавали себя нравственно обязанными и дѣлать это, такъ какъ нераздѣльность слова и дѣла считалась существеннымъ качествомъ революціонера. Теперь, въ этой средѣ, замѣчалась непослѣдовательность и раздвоенность. Теперь можно было доказывать и распинаться на словахъ за то, напр. за терроръ, чего самъ никогда не дѣлалъ и къ чему, можетъ быть, совсѣмъ не былъ и способенъ, прикрываясь и оправдываясь только тѣмъ соображеніемъ, что кто-то это дѣлалъ и что этотъ кто-то принадлежалъ къ одной партіи. И эта непослѣдовательность никому не рѣзала глазъ, и всѣмъ казалось, что такъ можно было поступать, и что въ этомъ не было ничего предосудительнаго. Само собою разумѣется, что трудно было надѣяться, чтобы люди, ставившіе своимъ programme minimum занятіе положеній въ обществѣ, могли дорости до своихъ «стариковъ-террористовъ» и явиться ихъ наслѣдниками.

Итакъ, какъ чернопередѣльческое, такъ и народовольческое теченіе въ общемъ были нереволюціонны, *) хотя одно и другое напяливали на себя революціонную тогу, или вѣрнѣе, имъ напяливали эту тогу; они оказывались пристегнутыми

*) Рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ, которыя могли оказаться исключеніемъ, а о большинствѣ.

къ революціонному движенію только одними программами. Не зная, какъ взяться за дѣло, отчасти по молодости и неопытности, а отчасти вслѣдствіе сознанія недостаточности своихъ силъ, которыхъ чувствовалось недостаточно, можетъ быть, именно потому, что не было достаточно глубокой вѣры въ дѣло, эти пристегнутыя теченія неминуемо должны были получить — и получили на самомъ дѣлѣ — вполнѣ авторитарный характеръ. И одни, и другіе имѣли своихъ главатарей, которыхъ слушались и отъ которыхъ ожидали рѣшеній по всѣмъ сколько нибудь важнымъ вопросамъ. Этой молодежи не доставало того страстнаго отношенія къ дѣлу, какимъ охвачены были ихъ старики-главатари, и которое можетъ овладѣть человѣкомъ лишь послѣ продолжительной и упорной борьбы, а не подъ вліяніемъ программъ, написанныхъ кѣмъ-то и навязанныхъ силою авторитета. Что же общаго между авторитарностью и революціонностью? Это два исключающія другъ друга понятія. И нѣтъ, и не можетъ быть выдумано такой программы, которая въ состояніи была бы толкать людей на висѣлицы.

Въ конечномъ выводѣ получалось то, что необыкновенный ростъ революціонныхъ элементовъ, такъ сильно бившій въ глаза на первыхъ порахъ, при ближайшемъ ознакомленіи, оказывался сомнительнымъ. Правда, было много бѣганья, суетни, перешушукиванья, но, въ большинствѣ, этимъ дѣло и ограничивалось.

Чернопередѣльцы, какъ я уже упоминалъ выше, встрѣтили меня, какъ говорится, съ распростертыми объятіями: съ моимъ появленіемъ среди нихъ, они обзаводились таки, наконецъ, своимъ «старикомъ», и, конечно, это ихъ радовало. Народовольческая молодежь отнеслась враждебно, такъ какъ въ качествѣ народника я имъ представлялся врагомъ. Что касается до моихъ собственныхъ ощущеній, то мнѣ было не по себѣ, и прежде всего ужъ потому, что всѣ они были слишкомъ

молоды по сравненію со мною, и среди нихъ я себя чувствовалъ совсѣмъ не на мѣстѣ съ моими длинными усами, дѣлавшими меня похожимъ, по словамъ одного моего пріятеля, на персидскаго шаха (не знаю имени этого шаха, но его портретъ, гдѣ онъ изображенъ въ бараньей шапкѣ и съ усами, торчавшими, какъ у таракана по сторонамъ, былъ въ то время довольно распространенъ).

Скоро по пріѣздѣ въ Москву я принялся розыскивать моихъ старыхъ друзей и знакомыхъ. Прежде всего я сталъ допытываться до Фроленко и Колоткевича. Я не зналъ, что они жили въ Петербургѣ, и только напрасно таскался по квартирамъ, сопровождаемый моими молодыми пріятелями— черноперелѣльцами, помогавшими мнѣ въ этихъ розыскахъ. На мои разспросы я не получалъ отвѣтовъ, да повидимому нельзя было и надѣяться, что получу. Ввиду нелегальности розыскиваемыхъ мною лицъ, при разспросахъ, приходилось не называть ихъ настоящими именами, а употреблять извѣстныя мнѣ клички; между тѣмъ клички къ этому времени могли у нихъ замѣниться другими, новыми, которыхъ я не зналъ. Тогда я рѣшилъ допытаться сначала вообще до кого нибудь изъ стариковъ народовольцевъ. И вотъ, направили меня къ одному молодому человѣку, кажется, студенту университета, который, какъ утверждали, находился въ сношеніяхъ со стариками и чуть ли не съ самимъ Исполнительнымъ Комитетомъ и считался весьма дѣятельнымъ и вліятельнымъ среди московскихъ народовольцевъ. Я не стану упоминать его имени, такъ какъ возможно, что въ настоящее время онъ проживаетъ гдѣ либо въ Россіи здравъ и невредимъ, и разскажу только о моей съ нимъ встрѣчѣ, которую считаю довольно характерной.

Вспоминается мнѣ теперь его длинная фигура, лежащая на кровати. Должно быть для показанія своей революціонной важности, а можетъ быть, онъ и просто таки усталъ отъ

бѣготни по «дѣламъ», —онъ принималъ меня, лежа. Было вечернее время. Онъ лежалъ на кровати навзничь, подогнувъ обѣ руки подъ голову и, въ качествѣ значительнаго человѣка, старался не выказывать ни малѣйшаго интереса къ знакомству со мною, хотя я очень хорошо понималъ, что это было напускное поведеніе съ его стороны, такъ какъ для него не могло не представлять интереса послушать и поговорить съ человѣкомъ, только что пріѣхавшимъ изъ Сибири, о которой онъ, навѣрно, ничего не зналъ или, если и зналъ, то съ пятаго въ десятое. Но выказать этотъ интересъ, по его мнѣнію, очевидно, было не тактично: это умалило бы престижъ партіи; поэтому надо было поважничать; тѣмъ болѣе нужно было это показать, что тутъ присутствовало еще два-три молодыхъ человѣка: одинъ, кажется, его же сожитель, такой же длинный, какъ и онъ (не помню, лежалъ ли и этотъ на кровати, подобно тому, или нѣтъ), другіе два были черно-передѣльцы, пришедшіе со мною.

Между нами начался разговоръ, принявшій сразу весьма странный характеръ. Онъ, мнѣ объявилъ, что «старики» ихъ весьма заняты и имъ трудно назначать свиданія; но что я могу передать имъ черезъ него то, что мнѣ нужно, и послѣ того, какъ они узнаютъ, зачѣмъ я хочу видѣть ихъ, можетъ быть, и они захотятъ со мною видѣться и т. д. Однимъ словомъ, повелъ со мною рѣчь въ такомъ родѣ, какъ ведутся разговоры у посѣтителей съ околодочнымъ надзирателемъ, дежурящимъ въ полицмейстерской передней. Если мой собесѣдникъ даже и не зналъ лично меня (чего, впрочемъ, не могу предполагать, такъ какъ обо мнѣ изрядно таки болтали тогда по кружкамъ), то во всякомъ случаѣ о моей политической порядочности онъ имѣлъ свѣдѣнія, и, слѣдовательно, тонъ, принятый имъ по отношенію ко мнѣ, не могъ быть ничѣмъ оправданъ, если, конечно, не раздѣлять того взгляда, что передъ начальствомъ—хотя бы и революціоннымъ—надо ски-

дать шапку. Къ сожалѣнію, подобный тонъ, кажется, былъ въ ходу въ то время, и моему собесѣднику, можетъ быть, не разъ удавалось подавлять своимъ величіемъ своихъ юныхъ слушателей. Чинопочитаніе, котораго раньше и въ поминѣ не было среди революціонеровъ, теперь оказывалось обыкновеннымъ явленіемъ. Но мы были «сами съ усами», и стараго нигилиста, чѣмъ другимъ, а величіемъ подавить было мудрено. Но мое заявленіе, что я могу дать свѣдѣнія о ссыльныхъ въ Восточной Сибири и о путяхъ для сношеній съ ними, собесѣдникъ мой напыщеннымъ тономъ отвѣтилъ, что «партія» не нуждается ни въ какихъ моихъ указаніяхъ, такъ какъ она имѣетъ тамъ, въ Сибири своихъ собственныхъ агентовъ и отъ нихъ получаетъ всѣ нужныя свѣдѣнія. Это была неправда, но какъ же было сознаться, да еще въ присутствіи молодыхъ свидѣтелей въ томъ, что у нихъ нѣтъ связей въ Сибири? Вѣдь отъ этого уменьшится престижъ партіи. Народная Воля покажется менѣе могущественной.

— «Никакихъ агентовъ Народная Воля тамъ не имѣетъ», говорилъ я. «Я только что оттуда и прекрасно это знаю. Потрудитесь передать кому слѣдуетъ, что если желаютъ получить о Сибири свѣдѣнія, я готовъ ихъ дать. Только пусть обратится за этимъ ко мнѣ кто-нибудь изъ нихъ постарше», грубо добавилъ я.

Въ такомъ тонѣ происходили у меня тогда разговоры нерѣдко, и я, что называется, рвалъ и металъ. Сердился я и на то, что народовольцы говорили о захватѣ власти,— хотя планы ихъ о томъ, какъ они будутъ распоряжаться, захвативши власть, сильно напоминали планы того чудака, который, имѣя всего на всего одинъ выигрышный билетъ, мечталъ о томъ, какъ онъ распорядится деньгами, когда выиграетъ двѣсти тысячъ рублей; сердило меня и то, что люди стремились занимать положенія въ обществѣ, т. е. думали и поступали какъ разъ обратно тому, съ чего мы когда-то

начинали, именно отказывались отъ положеній и привилегій; злился я и на то, что кланялись теперь передъ авторитетами, и утраченъ былъ прежній независимый образъ мыслей;—что силы революціонеровъ направлены были не на дѣятельность въ народѣ, а на городскія дѣла и т. д. Однимъ словомъ, все сердило меня, что я видѣлъ кругомъ.

Но, быть можетъ, я еще самъ ошибался и былъ неправъ? Нѣтъ, тысячу кратъ нѣтъ! Вѣдь для народа возможно чего-нибудь добиться только при посредствѣ самаго же народа! Эта такая неопровержимая истина, въ которой нельзя было сомнѣваться! Народовольцы же думали осчастливить народъ сверху, путемъ государственныхъ мѣръ и декретовъ. Этотъ путь ошибочный, и якобинизмъ давно осужденъ исторіей. Кто же погубилъ французскую революцію, какъ не якобинцы, какъ не Робеспьеръ съ компаніей, прямымъ наслѣдникомъ котораго оказался потомъ Наполеонъ? Усумниться въ этомъ— значило усумниться во всемъ томъ, во что всю жизнь вѣрилъ, и всю—рѣшительно всю— прошедшую нашу революціонную дѣятельность пришлось бы счесть вздоромъ. А было ли это возможно?

И я подбадривалъ себя и съ новымъ азартомъ принимался нападать на Народную Волю, все придумывая новые аргументы въ пользу народничества и противъ народовольчества. Брошюрка, первоначальные наброски которой были сдѣланы мною въ Сибири, разрослась, приняла окончательную форму и пущена была мною въ обращеніе. Я предполагалъ ее напечатать.

Но однако, зачѣмъ все это мнѣ попадобилось? Неужели такъ важно и необходимо было заручиться какъ можно большимъ числомъ сочувствующихъ и единомышленниковъ среди интеллигенціи?! Вѣдь центръ тяжести былъ въ народѣ, а не здѣсь? Зачѣмъ же тратить попусту силы и энергію на эти безконечные споры, отъ которыхъ, очевидно, нельзя было

ожидать добрыхъ результатовъ? Не лучше ли плюнуть на это, отряхнуть прахъ съ ногъ своихъ и уйти туда для работы? И это такъ просто было сдѣлать! Я даже зналъ поименно тѣхъ крестьянъ, къ которымъ надо было обратиться... Федь, Нечипоръ, Архипъ — они, конечно, давно ждали меня (они не знали о моемъ арестѣ и ссылкѣ) и, можетъ быть, даже не разъ съ удивленіемъ другъ друга спрашивали о томъ, гдѣ я запропастился и отчего такъ долго не являюсь къ нимъ. Да, у меня есть прекрасно подготовленная почва для дѣятельности въ народѣ; надо туда идти и работать.

Но лишь только вопросъ этотъ поставленъ былъ на очередь, какъ я почувствовалъ, что стали воскресать другіе мучительные вопросы,—уже рождавшіеся какъ-то раньше въ моей головѣ (до ареста), — и на которые я, какъ тогда, такъ и теперь, не въ силахъ былъ отыскать отвѣта. Что я буду тамъ дѣлать? Бунтовать? Но возможенъ ли бунтъ безъ оружія? А если нужно оружіе, то откуда его взять? Для этого нужны огромныя средства: сотней или двумя ружей—нельзя же было удовлетвориться. А если бы даже и возможно было достать оружіе въ неопредѣленномъ количествѣ, то является другой вопросъ: какъ можно было провести военную организацію среди крестьянъ такъ, чтобы ее раньше времени не раскрыли и не уничтожили при самомъ ея зародышѣ? Или же удовлетвориться организаціей небольшой бунтовской шайки? Но какая польза отъ этого? Бакунинъ говорилъ: «пусть насъ разобьютъ одинъ, два раза, наконецъ, десять и двадцать разъ, но если на двадцать первый разъ народъ поддержитъ, и возстаніе сдѣлается общимъ, — жертвы окупятся». Но увы, это одна бунтовская мечта! Не только въ двадцать первый, а въ тысяча сто двадцать первый разъ нельзя ожидать успѣха! Ни одного шанса на то, чтобы подобная попытка могла разрастись въ широкое народное возстаніе! Зачѣмъ же затѣвать?

Я чувствовалъ, какъ передъ этими вопросами робѣла мысль и терялась энергія.

Вѣра въ плодотворность революціонной дѣятельности среди народа была пошатнута во мнѣ еще до ареста, но тюрьма какъ будто законсервировала ее во мнѣ, и на первыхъ порахъ въ Сибири мнѣ даже казалось, что я опять по старому увѣровалъ. Я предполагалъ, воротившись въ Россію, тотчасъ идти въ народъ. Но когда дѣло дошло до того, чтобы это осуществить, то сомнѣніе заговорило во мнѣ съ удвоенной силой, и оказывалось, такимъ образомъ, что то, что было одинъ разъ пережито—не забывалось и не могло пройти безслѣдно. Но только тогда, передъ арестомъ, я не давалъ себѣ полнаго отчета въ томъ, что во мнѣ происходило, а теперь созналъ это съ поразительной ясностью. Я понялъ, что прежняго увлеченія, того страстнаго увлеченія, которое горами двигаетъ, не осталось во мнѣ болѣе, и не было никакой надежды на то, чтобы оно воскресло когда-нибудь.

Усомнившись въ старомъ пути, по которому я шелъ до сихъ поръ, я не успѣлъ такъ скоро—въ замѣнъ его—отыскать другого и очутился въ какомъ-то тупомъ переулкѣ, изъ котораго не находилъ выхода. И на повѣрку выходило, что въ сущности я былъ такимъ же мертвецомъ, какъ и черно-передѣльцы, — которыхъ я упрекалъ такъ жестоко въ непослѣдовательности.

Въ Евангеліи разсказывается, какъ апостолъ Петръ, думая однажды идти по водѣ на встрѣчу Христу, потерялъ въ эту минуту вѣру и началъ тонуть. Такъ и я, ходившій раньше по водѣ, теперь тонулъ и захлебывался, потерявши свою вѣру.

Въ то время, какъ внутри меня происходила эта ужасная ломка, вызывавшая ощущенія, близко напоминавшія собою чувства, испытываемыя при смерти дорогого человѣка, ломка совершавшаяся, конечно, вопреки желанію, подобно этой самой смерти, какъ какой-то неумолимый законъ природы,—въ это

же время мнѣ приходилось укрываться отъ полиціи, кочуя съ одной квартиры на другую и проводя—гдѣ день, гдѣ два. Перваго марта часу во второмъ ночи я былъ разбуженъ стукомъ въ мою дверь.

— «Вы спите?» услыхалъ я изъ-за двери голосъ моей хозяйки. «Царя убили!»...

Помню, на слѣдующій день я проходилъ улицею возлѣ желѣзно-дорожнаго вокзала; какой-то человѣкъ, одѣтый въ легкое, не по сезону, темно-сѣрое пальто, съ башлыкомъ насунутымъ на голову до того глубоко, что лица нельзя было видѣть, пересѣкъ мнѣ дорогу, и сзади его по пятамъ шелъ жандармъ, позвякивая шпорами. Это былъ арестованный, и его вели, кажется, съ вокзала къ извозчику, стоявшему тутъ же, недалеко. Меня словно что-то ударило. Царя убили, и жандармы всюду гонялись теперь за народовольцами. И это, должно быть, былъ народоволецъ. «Конечно, думалъ я,—народоволецъ, народники жандармамъ не нужны. И я не нуженъ имъ: я вотъ здѣсь стою свободный, а его тамъ ведутъ. А было время, когда и меня также водили и не спускали съ меня глазъ. Но это время прошло. Другіе люди борятся теперь и гибнутъ; но я уже ни причемъ. Исторія выбросила меня за бортъ, какъ негодную вѣтошь. И глубоко тоскливое чувство, порождавшееся отъ сознанія своей ненужности, со всякимъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе овладѣвало мною.

Первый народоволецъ «старикъ», съ которымъ мнѣ довелось встрѣтиться въ Москвѣ вскорѣ послѣ описаннаго мною свиданія съ важничавшимъ господиномъ, былъ Телаловъ. Я не зналъ его раньше и теперь только познакомился съ нимъ. Онъ былъ нѣсколько моложе меня, съ красивыми темными глазами. Разговоры велъ всегда сдержанно и спокойно и въ подтвержденіе своихъ взглядовъ любилъ ссылаться на авторитетъ Дюринга. При посредствѣ его мнѣ удалось потомъ встрѣтиться и съ другими нелегальными народовольцами или, какъ

ихъ называли, «стариками». Нужно сказать, что въ Москвѣ «старики» не жили, кромѣ двоихъ, на сколько мнѣ извѣстно,— Телалова и Марины Никаноровны, которые, какъ кажется, завѣдывали московской народовольческой организаціей. Старики только наѣзжали по временамъ въ Москву изъ Петербурга, гдѣ сосредоточены были ихъ силы, для совершенія цареубійства. Но послѣ 1-го марта, когда дѣло было сдѣлано и, съ другой стороны, когда преслѣдованія жандармовъ были усилены настолько, что имъ трудно было тамъ держаться, они разбѣжались. Нѣкоторые изъ нихъ, по пути—кто въ южную Россію, а кто на востокъ,—проѣзжали черезъ Москву. И я видѣлъ тогда въ Москвѣ: Юрія Богдановича, Якимову, Лебедеву, Ивановскую, Лангенса Мартына. Всѣ они продефилировали тогда передо мною. Съ Лангенсомъ и Богдановичемъ я имѣлъ первое свиданіе на Цвѣточномъ бульварѣ. Въ видахъ конспираціи, чтобы шпіоны не заподозрили въ нихъ революціонеровъ, они были разфранчены. Но какъ мало все-таки они походили на франтовъ! По крайней мѣрѣ мой глазъ сразу открывалъ подлѣлку. Помню, у Богдановича была какой-то странной формы шляпа, какъ мнѣ казалось, обращавшая на себя вниманіе. Когда я замѣтилъ ему объ этомъ, то онъ только добродушно разсмѣялся. Молодежь, стремящаяся занимать положенія въ обществѣ, неизмѣримо лучше умѣетъ одѣваться, думалъ я, глядя на нихъ. А между тѣмъ этимъ очень даже нужно было это: шпіоны гнались по пятамъ; полиція, жандармы—все встало на ноги, чтобы ихъ ловить! И не смотря на полную рознь нашихъ взглядовъ, въ ту минуту я почувствовалъ къ нимъ нѣчто подобное тому, что, какъ мнѣ казалось, чувствовалъ ко мнѣ Лангенсъ когда то въ мценской тюрьмѣ, когда онъ глядѣлъ на меня изъ своей камеры черезъ дверное оконце; тогда на очереди былъ я, теперь—они.

Слѣдующій разъ я съ нимъ встрѣтился уже на квартирѣ одной слушательницы высшихъ курсовъ или фельдшерскихъ—

не помню. То была высокая дѣвушка, съ большими карими глазами, исчезнувшая куда-то со своей квартиры на все время, пока мы «старики», оставались тамъ. На это свиданіе пришла также Марина Никаноровна, Телаловъ. Съ Мариной Никаноровной у меня тотчасъ завязался ожесточенный споръ. Она была возмущена до послѣдней степени моими нападками на Народную Волю;—я не менѣе возмущенъ былъ ея взглядомъ на дѣятельность въ народѣ. Мы схватились.

«Дайте мнѣ съ нимъ переговорить!... Не волнуйтесь, Марина Никаноровна», успокаивалъ ее своимъ глухимъ чахоточнымъ голосомъ Лангенсъ. «Ты давно изъ Россіи... Ты не знаешь всѣхъ послѣднихъ событій», говорилъ онъ мнѣ. «Я читалъ твою рукопись: ты хочешь ее печатать?»

— «Да.»

— «Повремени съ этимъ... Осмотрись сначала... Ты можешь потомъ жалѣть...»

Лангенсъ былъ человѣкъ глубоко искренній, безъ малѣйшаго желанія рисоваться; если онъ возражалъ чему либо, то дѣлалъ это такъ просто, что не вызывалъ подозрѣнія въ томъ, что онъ имѣлъ какія либо другія побужденія, кромѣ выясненія истины. При самомъ горячемъ спорѣ съ нимъ, никогда не рождалось, во мнѣ по крайней мѣрѣ, чувства раздраженія, обыкновенно приводящаго къ упрямымъ возраженіямъ, а потому я принялъ его совѣтъ, повременить съ печатаніемъ своей брошюрки. И сколько разъ впослѣдствіи я былъ благодаренъ ему за это! Не разъ становилось стыдно мнѣ отъ одной мысли, что брошюрка моя могла быть отпечатана тогда и распространена; а ее, пожалуй, и самъ Судейкинъ сталъ бы распространять,—такъ много было въ ней грубыхъ нападокъ на народовольцевъ за то, что они «измѣнили народному дѣлу» и оказались не соціалистами, а буржуа и т. п. И все это тогда, когда эти «буржуа» умирали на висѣлицахъ, а я, соціалистъ, смалодушничалъ и бѣжалъ съ поля битвы!

Отъ Лангенса я узналъ тогда, что въ мценской тюрьмѣ, гдѣ когда-то и мы съ нимъ сидѣли, находились теперь наши централисты по большому процессу: Коваликъ, Мышкинъ, Сажинъ, Рогачевъ и др. Ихъ перевезли изъ харьковскихъ централокъ въ Мценскъ, такъ какъ предполагали весною отправить въ Сибирь. Между другими, ожидавшими своей участи въ мценской тюрьмѣ, сидѣли братъ мой Иванъ, въ то время уже совершенно больной, и Донецкій—полупомѣшанный. Краткую исторію Донецкаго, посаженнаго въ централку за найденныя при немъ прокламаціи, я уже разсказалъ въ первыхъ главахъ «Воспоминаній». Брата-же моего надумались сослать административнымъ порядкомъ въ Сибирь за то, что его подозрѣвали, что онъ помогалъ мнѣ укрываться. Потерявши меня изъ виду, жандармы, на сколько мнѣ извѣстно, пришли къ тому заключенію, что я, бѣжавши изъ Сибири, воротился на родину, т. е. на Украину, и опять принялся за бунтовскую дѣятельность. Одно время они думали, что я былъ однимъ изъ зачинщиковъ еврейскихъ погромовъ, происходившихъ на югѣ Россіи, вскорѣ послѣ убійства царя, — хотя что было общаго между бунтовскою дѣятельностью и шовинистическимъ дѣломъ избіенія несчастныхъ евреевъ, чему сочувствовалъ, между прочимъ, извѣстный Стрѣльниковъ,—этого вопроса они, кажется, себѣ не задавали. Какъ бы тамъ ни было, но брату Ивану жандармы заявили тогда, что его не выпустятъ, такъ какъ опасаются, что онъ будетъ меня укрывать. И, дѣйствительно, только послѣ моего отъѣзда за границу, они освободили его изъ тюрьмы; но онъ былъ уже такъ боленъ, что спустя нѣкоторое время умеръ.

Исполнительный Комитетъ, по словамъ Лангенса, одной изъ ближайшихъ своихъ задачъ ставилъ организацію городскихъ возстаній. Но возстаніе въ Петербургѣ представлялось крайне трудной задачей, ввиду постояннаго скопленія войскъ и, съ другой стороны, вслѣдствіе крайне неблагопріятнаго рас-

положенія самихъ улицъ—прямыхъ и широкихъ. Такъ, между прочимъ, Невскій проспектъ, Вознесенскій и Гороховая, расходящіеся радіусами отъ Адмиралтейской площади (боюсь, точно ли называю улицы и площадь, а плана Петербурга для провѣрки, къ сожалѣнію, не имѣю подъ рукою), представляли собою, по мнѣнію Лангенса, съ которымъ нельзя было не согласиться, самое невыгодное условіе для возстанія. Двухъ-трехъ батарей, поставленныхъ на площади, достаточно, чтобы обстрѣливать огромную часть города, заключающуюся въ рамкахъ этихъ расходящихся радіусовъ, и, слѣдовательно, совершенно, парализовать возстаніе въ этой части города. Онъ думалъ, что несравнимо легче организовать инсуррекцію въ одномъ изъ южныхъ городовъ,—въ Кіевѣ или Харьковѣ, а то даже и въ Москвѣ.

Но, имѣя ввиду государственный переворотъ, народовольцы особенно серьезное значеніе придавали все таки вопросу объ организаціи возстанія въ Петербургѣ. Этимъ и объясняется то исключительное вниманіе, которое было обращено ими на военныхъ, именно офицеровъ, такъ какъ они полагали, что безъ прямого участія войска нельзя было надѣяться на успѣхъ.

Размышляя теперь обо всемъ этомъ, я нахожу, что народовольцы были совершенно правы, такъ какъ, конечно, если возможно успѣшное возстаніе въ Петербургѣ, то только при одномъ условіи,—когда это сдѣлано будетъ войскомъ; и надо обладать не малымъ запасомъ фантазіи, чтобы вѣрить въ то, что Петербургомъ можно овладѣть съ помощью рабочихъ. Баррикады на петербургскихъ улицахъ, на мой взглядъ, такое же запоздалое вѣрованіе, какъ и крестьянскіе бунтовскіе отряды. Конечно, можно выстроить одну-двѣ баррикады даже и въ Петербургѣ (для этого нужно только выбрать время, когда околодочнаго надзирателя на улицѣ не будетъ), какъ можно организовать и бунтовскую шайку гдѣ нибудь на Волгѣ

или на Днѣпрѣ; но результаты въ обоихъ случаяхъ получатся тождественные.

Живо сохранилось въ моей памяти послѣднее свиданіе. Оно происходило на квартирѣ, помѣщавшейся во 2-мъ или 3-мъ этажѣ. Когда я туда вошелъ, я засталъ уже тамъ одного или двухъ стариковъ народовольцевъ; остальные появлялись при мнѣ одинъ за другимъ. Сходились по одному. Женщины были съ опущенными вуалями, которыя поднимали, только войдя въ квартиру. Хозяинъ, молодой человѣкъ, легальный, то и дѣло подходилъ къ окнамъ и то опускалъ штору на одномъ изъ нихъ, то, спустя немного времени, опять поднималъ вверхъ. Это было сигналомъ, по которому, проходившіе внизу улицею, революціонеры могли заключить о томъ, что въ квартирѣ все было благополучно и можно было туда являться. Сигналъ былъ не простой, а сложный: штора опускалась и поднималась, такъ какъ жандармы въ это время уже знали объ употребленіи сигналовъ и при обыскахъ, занявши квартиру, не допускали измѣнять положенія вещей — шторъ или какихъ бы то ни было другихъ предметовъ, находящихся на окнахъ (лампъ, свѣчей и т. п.). Такимъ образомъ, если сигналомъ была, скажемъ, опущенная штора, то и во время обыска оставляли эту штору опущенной, чѣмъ, конечно, вовлекали людей въ заблужденіе (видя съ улицы сигналъ—опущенную штору,—они входили въ квартиру и были тамъ, само собою разумѣется, арестованы). Не зная даже, въ чемъ именно заключался сигналъ, жандармы достигали своей цѣли, исполняя только одно условіе, именно— не позволяя приближаться къ окнамъ никому изъ арестованныхъ. Сложный сигналъ гарантировалъ отъ этого, такъ какъ онъ состоялъ не въ извѣстномъ опредѣленномъ положеніи той или другой вещи на окнѣ, а въ извѣстномъ перемѣщеніи и передвиженіи вещей, чего уже никакъ не могли продѣлывать жандармы.

Въ этой то квартирѣ я и видѣлъ въ послѣдній разъ Лангенса и Богдановича, а также Лебедеву, Телалова, Ивановскую, Якимову и Марину Никаноровну. Всѣ они кромѣ Марины Никаноровны и Телалова, жившихъ въ Москвѣ, были здѣсь только проѣздомъ, спасаясь отъ погрома, происшедшаго въ Петербургѣ послѣ 1-го марта. Но шпіоны, подобно гончимъ собакамъ, шли по ихъ слѣдамъ, не сбиваясь, и дни ихъ были сочтены. Такъ Лангенсъ и Якимова были арестованы мѣсяцъ спустя въ Кіевѣ, куда они бѣжали изъ Москвы; Телаловъ взятъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя (кажется, въ декабрѣ); Богдановичъ, Ивановская и, если не ошибаюсь, Лебедева продержались немного дольше и были арестованы почти годъ спустя; Марина Никаноровна же эмигрировала во Францію.

Между тѣмъ и я рѣшилъ бѣжать за границу. Мнѣ не хотѣлось ѣхать черезъ прусскую границу, хотя въ то время тамъ имѣлся даже установленный контрабандный путь, и я отправился черезъ Царство Польское на Галицію. Пользуясь знакомствомъ съ одной польской семьей, я остановился на время въ Люблинской губерніи, въ ожиданіи пока выяснится вопросъ съ границею.

Деревушка, гдѣ я остановился, расположена была среди лѣсовъ, въ глухой малопроѣзжей мѣстности. Съ утра до вечера, помню, таскался я по этимъ грабовымъ лѣсамъ, темнымъ и влажнымъ, съ запахомъ грибовъ и гніющихъ листьевъ; они мнѣ сильно напоминали лѣса Подольской губерніи, гдѣ протекло мое дѣтство и юность. Подъ самымъ лѣсомъ былъ большой, заросшій камышемъ прудъ, врѣзывавшійся своимъ верховьемъ въ самый лѣсъ, съ другой стороны, подпертый плотиною, внизу которой стояла мельница, откуда несся постоянный шумъ воды, падавшей на мельничное колесо. На этомъ прудѣ я проводилъ цѣлые часы, медленно пробираясь въ лодкѣ среди камышей, ряски и круглыхъ водяныхъ лопуховъ, укрывавшихъ

воду, подобно зеленымъ плоскимъ тарелкамъ. Мнѣ нравилось слушать кряканье дикихъ утокъ, спугнутыхъ мною и потомъ долго кружившихъ надъ прудомъ, или рѣзкій крикъ чертовой курицы, раздававшійся изъ камыша. Притаившись гдѣ-нибудь, почти что не дыша, я слѣдилъ за нею, какъ она плыла, прямо вверхъ поднявъ свою головку и хвостъ, или же вскакивала на водяные лопухи и перебѣгала съ одного на другой, съ такою легкостью, что лопухи не успѣвали даже тонуть подъ нею.

Наконецъ, свѣдѣнія были получены, и я поѣхалъ на границу. Помню въ ту ночь, когда мнѣ пришлось переходить границу, я почувствовалъ сильный ознобъ и жаръ и такую усталость, что для облегченія сбросилъ даже сапоги и черезъ самую границу бѣжалъ босой. Меня провожалъ одинъ контрабандистъ. Перебравшись на другую сторону, я съ большимъ трудомъ дотащился до желѣзной дороги, сѣлъ въ поѣздъ и поѣхалъ въ Вѣну. Въ Вѣнѣ я почувствовалъ себя до того скверно, что вынужденъ былъ взять вмѣсто 3-го класса билетъ 2-го класса и въ Женеву пріѣхалъ уже совсѣмъ больной. Мои прогулки по пруду среди камышей и водорослей, что я дѣлалъ безнаказанно тысячу разъ въ своей жизни, въ этотъ разъ наградили меня страшной лихорадкой.

Прошло съ тѣхъ поръ семнадцать лѣтъ. Однихъ перевѣшали, другіе перемерли по тюрьмамъ и въ ссылкѣ. Всѣхъ погибшихъ—и не перечесть. Только изъ тѣхъ, которыхъ я встрѣчалъ тогда въ Москвѣ,—а ихъ всего я видѣлъ тамъ семь человѣкъ,—четверо умерло. Умерли: Богдановичъ, Телаловъ, Лангенсъ, Марина Никаноровна. Живы ли остальные трое—не знаю; но, можетъ быть, и они умерли.

И наше революціонное движеніе умерло. А мы, живущіе, стоимъ надъ гробомъ нашей красавицы и разсуждаемъ о томъ,

чего ей не достаетъ. Одни находятъ что-то, что слѣдовало бы измѣнить въ ея носѣ, другіе въ—подбородкѣ или въ косѣ; а и одни, и другіе, и мы всѣ, кругомъ стоящіе, словно не видимъ существеннаго, именно того, что красавицѣ нашей не достаетъ жизни; и что не въ косѣ тутъ дѣло и не въ бровяхъ, а въ живомъ духѣ, который отлетѣлъ, но который скрашивалъ когда то всѣ эти недостатки и дѣлалъ ее красавицей. И сколько бы мы не придумывали теперь измѣненій и улучшеній (какъ это намъ кажется съ теперешней нашей точки зрѣнія),—все это совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, чего ей недостаетъ и чего—увы!—мы не въ силахъ ей больше дать; ибо кто же въ силахъ вдохнуть въ трупъ живую душу?

О революціи en permanence—старомъ мечтаніи бунтарей—теперь никто серьезно не станетъ говорить. Люди не могутъ находиться постоянно въ томъ высокоприподнятомъ состояніи, дѣлающимъ ихъ способными на всякія жертвы, какого требуетъ революціонная дѣятельность. Подобныя движенія обыкновенно присущи бываютъ одному поколѣнію людей и по наслѣдству не передаются. Дѣла, для которыхъ требуются великія нравственныя силы, не могутъ стать обыденными.

Наше революціонное движеніе, принявшее болѣе или менѣе систематическій характеръ въ 70-хъ годахъ, росло и поднималось до 1881 года. Кульминаціонной точкой его я считаю 1881 годъ; съ этого же времени начинается его паденіе, и оно слѣдуетъ въ этомъ направленіи неуклонно изъ года въ годъ. Какія бы умныя поправки мы не вносили теперь въ наши революціонныя программы, революціонное движеніе отъ этого ничего не выиграетъ, такъ какъ сущность дѣла заключается не въ программахъ, а въ дѣлахъ, въ томъ чѣмъ люди занимаются. Такъ, можно сколько угодно признавать необходимость террора и въ защиту его приводить самыя неопровержимыя доказательства,—и все-таки террора не будетъ,

если нѣтъ въ наличности людей, готовыхъ немедленно идти и умирать за него.

Однако, распространеніе грамотности въ народѣ, заведеніе школъ, борьба съ эпизоотіями и т. п.,—на сколько ни полезна вся эта культурная дѣятельность,—никоимъ образомъ не должна поглощать всего вниманія современнаго русскаго общественнаго дѣятеля. Всѣ прошлыя попытки этого рода достаточно наглядно, кажется, уже доказали, что чѣмъ бы мы ни вздумали заниматься, какую бы скромную работу не поставили своей задачей, — мы всегда натолкнемся на наше вездѣсущее и всемогущее правительство, которое тотчасъ поставитъ препятствія и сдѣлаетъ или совершенно невозможной нашу дѣятельность или же, по меньшей мѣрѣ, извратитъ ее до неузнаваемости. Такимъ образомъ, для русскаго общественнаго дѣятеля вопросъ объ обузданіи правительства или, другими словами, вопросъ о политической свободѣ самъ собою ставится въ первую очередь. Вотъ этого то мы и не должны забывать.

Конецъ.

Оглавленіе.

			стр
Глава	I.	Гимназія.	3
»	II.	Университетское время и начало моего народничества.	32
	III.	Народничество и американизмъ.	63
	IV.	Поѣздка заграницу, знакомство съ Бакунинымъ .	80
	V.	Первый обыскъ.—Кіевская «коммуна».—Плотничья артель.	103
	VI.	Сергѣй Коваликъ. Обыскъ въ «коммунѣ».—Сапожная мастерская.	118
	VII.	Путешествіе въ народъ. . .	131
	VIII.	Дальнѣйшіе опыты народохожденія. . .	145
	IX.	Погромъ	158
	X.	Взглядъ на движеніе 74-го года. — Поѣздка заграницу.—Встрѣча съ Мышкинымъ.—Возвращеніе въ Россію.	178
	XI.	Нашъ кружокъ и наша программа. – Чигиринскія волненія.—Знакомство съ чигиринцами.	201
	XII.	Наше положеніе въ народѣ и наши знакомства съ крестьянами	218
»	XIII.	Наши связи среди крестьянъ	238
	XIV.	Настроеніе нашего кружка.—Покушеніе на жизнь Гориновича и наше бѣгство изъ деревень. Арестъ въ мѣстечкѣ Шполѣ.—Съѣздъ въ Харьковѣ. . .	263
»	XV.	Смутное время	287
»	XVI.	Очищеніе конспиративной квартиры.—Студенческія волненія.	298
	XVII.	Политика и первые террористы	311
»	XVIII.	Покушеніе на жизнь Котляревскаго и начало «Исполнительнаго Комитета»	325
»	XIX.	Моя поѣздка въ Чигиринщину .	335

» XX. Побѣгъ изъ кіевской тюрьмы.—Убійство жандармскаго офицера Гейкинга 352
» XXI. Извѣстность «Исполнительнаго Комитета»—Одесса послѣ казни Ковальскаго.—Къ вопросу о революціонныхъ программахъ. 360
» XXII. Вооруженное сопротивленіе и арестъ.—Тюрьма.—Судъ.—Казнь 374
» XXIII. Послѣ казни.—Мечты о волѣ.—Послѣдніе дни пребыванія въ кіевской тюрьмѣ.—Отправленіе въ ссылку. 410
» XXIV. Мценская тюрьма. 421
» XXV. Отъ Мценска до Томска. 430
» XXVI. Отъ Томска до Красноярска и пребываніе въ красноярской тюрьмѣ 446
» XXVII. Первые дни этапнаго путешествія.—Составъ партіи.—Бродяги.—Уголовные дворяне. 456
» XXVIII. Наши планы побѣга.—Смѣнка Избицкаго.—Попытка къ бѣгству съ полу-этапа. 475
» XXIX. Моя смѣнка.—Бѣдствія партіи.—Прибытіе въ Иркутскъ.—Иркутская пересыльная тюрьма.—Отправленіе на мѣсто поселенія.—Освобожденіе . 487
» XXX. Бѣгство. 500
» XXXI. Мое положеніе въ Иркутскѣ.—Побѣгъ политическихъ изъ иркутскаго тюремнаго замка. — Путешествіе за Байкалъ. 516
» XXXII. Случай въ «Онинскомъ Бору». 528
» XXXIII. Дальнѣйшее путешествіе по Забайкалью.—Пребываніе мое за Байкаломъ и отъѣздъ оттуда. . 545
» XXXIV. Дорога.—Переправа черезъ Енисей.—И опять дорога. 553
» XXXV. Чернопередѣльцы и народовольцы.—Послѣдняя встрѣча съ Лангенсомъ.—Моя эмиграція.—Заключеніе. 567

Книгоиздательство „Свободный Трудъ".

А. И. Жуковой и М. А. Полубояриновой.

Находятся въ продажѣ:

Дѣло 1-го Марта 1881 г. со статьей и примѣчаніями **Льва Дейча**. Цѣна **75** коп.

Е. Серебряковъ. Очеркъ по исторіи **«Земли и Воли»**. Цѣна **20** коп.

Ф. Пелутье. «Исторія Биржъ Труда» (рабочіе союзы во Франціи послѣ Коммуны). Цѣна **50** к.

Вл. Дебогорій-Мокріевичъ. «Воспоминанія». Цѣна 1 руб. 50 коп.

Печатаются:

Н. Іорданскій. «Задачи революціи».

Е. Тарле. «Роль студенчества въ Западной Европѣ въ 1848 г.».

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Складъ изданій (на лѣтніе мѣсяца 1906 года). С.-Петербургъ, Владимірскій пр., д. 7, кв. 8.

Типографія Т-ва «Народная Польза», Коломенская ул., № 39.